ВВЕДЕНІЕ

ХРИСТІАНСТВА

ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

Георгія Трусмана.

5A
18865
Acc. 53, 890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Ѳ. Елвонскаго и К°. Невскій пр., д. № 134.
1884.

Печатать дозволяется, по опредѣленію совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи 19-го августа 1883 года.

И. д. Ректора Академіи—Ординарный Профессоръ *Е. Ловягинъ.*

Est.A
9750

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе. Обзоръ литературы предмета.

Хроника(—1227) Генриха Латышскаго: изданія, національность автора, источники и характеристика—IX; старшая лифляндская риемованная хроника (— 1290): изданія, вопросъ объ авторѣ, источники и характеристика—XIII; хроника Германа Вартберга (—1378 : личность автора и его отношеніе къ источникамъ—XV; Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten, D-r Бунге: составъ и характеристика—XVII; лифляндская хронографія Боннеля; лифляндскіе анналы: мнѣніе Гельбаума объ ихъ происхожденіи; прусская хроника Дусбурга (—1326); т. н. Liber census Daniae: вопросъ о времени составленія и авторѣ—XXIV. Пособія: сочиненія Гаусмана, Швартца и Бунге. Общая характеристика ихъ.

ЧАСТЬ I.

Глава I. Народы Остзейскихъ провинцій и ихъ разселеніе до XIII в.

Отсутствіе серьезныхъ изслѣдованій; Латыши: мнѣніе Шафарика о времени ихъ поселенія, распаденіе на роды, мѣста разселенія послѣднихъ—3; финскія народности: разборъ мнѣнія Коскинена о времени и порядкѣ ихъ разселенія—9: Ливы: ихъ разселеніе и отношеніе къ латышамъ—11; Куроны: вопросъ объ ихъ національности, доказательства ихъ финскаго происхожденія—15; Веносты въ Куроніи и Ливоніи; литовская народность въ Куроніи.

Глава II. Религія древнихъ Литовцевъ и Латышей.

Трудности изслѣдованія—22; вопросъ о Криве: доказательства его существованія, объемъ его власти, классъ жрецовъ—33; происхожденіе религіи народовъ Литовскаго племени, религія латышей—39; высшія и низшія божества—45; стихійный характеръ латышской религіи—50; языческія празднества народовъ литовскаго племени, ихъ группировка по временамъ года—55; способъ погребенія у этихъ народовъ, погребальные обряды и представленія о загробномъ мірѣ—60; неразвитость класса жрецовъ у латышей—62; общій выводъ.

Глава III. Религія древнихъ Эстовъ.

Затрудненія при изслѣдованіи; полубоги или герои—68; происхожденіе Калевича и его характеръ, дѣятельность и смерть—73; происхожденіе міра по представленіямъ финновъ и эстовъ—78; высшія божества эстовъ—92; остатки обоготворенія видимыхъ небесныхъ тѣлъ и явленій, геніи—98; представленія финновъ и эстовъ о загробномъ мірѣ, первобытныя и болѣе развитыя—116;

классы вѣдуновъ у эстовъ и способъ ихъ вліянія на остальной народъ—123; священныя мѣста, праздники и жертвоприношенія у эстовъ — 132; способы погребенія у эстовъ и ливовъ—137; общій выводъ.

ЧАСТЬ II.

Глава I. Сношенія туземцевъ съ западомъ до XIII в.

Давность ихъ, роль о. Готланда—138; походы въ Эстонію шведскихъ королей (Ингвара и Анунда) и Бравальская битва (776 г.)—139; походы датчанъ и шведовъ въ Куронію около половины IX вѣка — 140; норвежскій король Олафъ Тригвессонъ въ Эстоніи и Новгородѣ во второй половинѣ X в. и опустошенія (въ 997 г.). Эрика ярла с. Гакона, на восточномъ балтійскомъ побережьѣ—142. Норвежскій король Олафъ Гаральдсонъ или Святой († 1030) на Готландѣ (1008 и 1029), Эзелѣ и у великаго князя Ярослава и бракъ дочери Олофа Скётконунга Ингигерды съ Ярославомъ (1019) -144; владѣнія датскихъ и шведскихъ королей въ Лифляндіи; неудачная попытка датскаго короля Свенда Эстридсона (1047—1078) ввести христіанство въ Куроніи—146; миссіонерскія попытки архіепископа Бременскаго Адальберта (1045 — 1072)—148; походы датскаго короля Канута († 1086) на Жмудь, Эстовъ и Куронъ; походы датскихъ королей Кнуда Лаварда († 1131), Вальдемара I († 1182) и Канута VI (въ 1184 г.); походъ шведскаго короля Сверкера старшаго въ Эстляндію въ 1142 г.—149; родственныя связи датскихъ королей съ русскими князьями, какъ основаніе ихъ претензій на Лифляндію — 151; введеніе христіанства на Готландѣ, въ Помераніи и Финляндіи — 155; попытка аббата Реймскаго Петра распространить христіанство въ Эстоніи и причины ея неудачи—160. Общій выводъ.

Глава II. Сношенія туземцевъ съ востокомъ до XIII в.

Общій характеръ ихъ; разборъ извѣстій о подчиненности туземцевъ норманнамъ и первымъ русскимъ князьямъ до половины XI вѣка—167; подданство придвинскихъ ливовъ и леттовъ русскимъ князьямъ въ XII вѣкѣ—168; поп. попытки послѣднихъ въ XII вѣкѣ покорить себѣ эстовъ—162; общій выводъ въ пользу болѣе близкаго знакомства туземцевъ съ православіемъ до XIII вѣка и основанія его: лингвистическія, географическія и историческія—178; русскіе въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ—183.

Глава III. Завоеваніе нѣмцами Лифляндіи.

Вопросъ о времени открытія и утвержденія нѣмецкихъ купцовъ въ Ливоніи и дѣятельность еп. Мейнгарда († 1195)—192; борьба еп. Бертольда съ ливами и его погибель († 1198)—195; епископъ Альбертъ (1199—1229): закладка и постройка Риги и покореніе придвинскихъ и торейдскихъ ливовъ (1206) -201; попытка датчанъ утвердиться на Эзелѣ, крещеніе Ливоніи и покорность русскаго князя Вячко—202; раздѣлъ завоеванныхъ земель (1207)—203; покореніе зеловъ, захватъ Кукенойскаго княжества (1208) и подчиненіе герсикскаго князя Всеволода—207, неудачная коалиція туземцевъ во главѣ съ куронами противъ нѣмцевъ (1210)—209; паденіе Феллина (1211)—210; взаимные набѣги нѣмцевъ и эстовъ съ ихъ союзниками и вторженіе новгородцевъ и псковичей въ Эстонію (12 12)—213; уступка полоцкимъ княземъ Владиміромъ всей Ливоніи Альберту (1212) и всеобщее неудачное возстаніе ливовъ и леттовъ (1213)—214; взаимныя опустошенія областей (1214—1217)—216; союзъ новгородцевъ

и псковичей съ эстами и критическое положеніе нѣмцевъ (1217—1219)—218; захватъ датчанами Ревеля (1219)—221; покореніе нѣмцами Месотена и всей Эстоніи исключая Ревеля, и столкновенія съ датчанами—227; неудачная попытка шведовъ утвердиться въ Роталіи (1220); уступка Эстоніи датскому королю и крещеніе ея (1221)—230; неустойчивое положеніе датчанъ—231; вмѣшательство новгородцевъ въ лифляндскія дѣла—232; неудачная попытка датчанъ утвердиться на Эзелѣ и всеобщее возстаніе эстовъ и помощь русскихъ (1222—1223)—235; плѣнъ датскаго короля и паденіе Дерпта (1224), возвысившее авторитетъ нѣмцевъ не только у эстовъ, но и у всѣхъ окрестныхъ народовъ—238; дѣятельность легата Вильгельма въ Лифляндіи (1224—1226)—242; покореніе Эзеля (1227)—243: перевѣсъ нѣмцевъ въ Эстоніи—244; покореніе куронъ и земигаловъ—251. Борьба католицизма съ православіемъ во второй половинѣ XIII в.: неудачныя попытки учредить католическія епископіи во Псковѣ и Занарвской землѣ, Александръ Невскій и Довмонтъ: ослабленіе взаимныхъ столкновеній въ концѣ XIII вѣка—271.

Глава IV. Внутренняя жизнь и отношенія лифляндскихъ господъ.

Орденъ меченосцевъ: время его учрежденія и составъ—274; его владѣнія права и привиллегіи—281: соединеніе его съ нѣмецкимъ орденомъ и отношеніе къ мѣстнымъ епископамъ и туземцамъ—283. Духовные господа: рижская епископія; отношеніе къ ней Иннокентія III и бременскаго архіепископа—288: эстонскія епископіи: леальская и ревельская—291; эзельская и эзеле-війкская епископіи—301; зелонская епископія и епископы Бернардъ и Ламбертъ—307: епископія земигальская и дѣятельность Балдуина Альнскаго (1230—1236)—317; куронская епископія и борьба духовенства съ орденомъ — 328; путешествія мѣстныхъ епископовъ, ихъ права и привиллегіи—331; низшее духовенство и его содержаніе—334; епископы Ревельскіе: ихъ положеніе и права—338.

Глава V. Церковныя учрежденія.

Церкви и приходы въ Рижской епископіи—343; церкви въ Ригѣ—348; церкви и приходы въ дерптской епископіи и Дерптѣ—354; церкви и приходы въ Эзеле-війской епископіи: вопросъ о соотвѣтствіи килегунды приходу и приходскія церкви на Эзелѣ—358; приходы въ Війкѣ—361: церковно-приходская организація Курляндіи—365; вопросъ о раздѣленіи датской Эстоніи на приходы и перечисленіе ихъ—374; церкви въ Ревелѣ—375; монастыри въ рижской епископіи—382; монастыри въ дерптской епископіи—383; ревельскіе монастыри—386; школы въ Лифляндіи—391.

Глава VI. Туземцы и церковь.

Невыясненность миссіонерской цѣли завоеванія нѣмцами Лифляндіи и указаніе только на его результаты—393; посягательства на личную свободу туземцевъ, положеніе эстовъ—399; повинности куронъ, земигаловъ и эзельцевъ—405; военная служба и подсудность туземцевъ—409; постепенная утрата туземцами правъ на недвижимую и движимую собственность, закрѣпощеніе къ землѣ и рабство, бѣгство ихъ въ сосѣднія страны и города и условія жизни въ послѣднихъ—419; мнѣніе нѣмца и шведа о положеніи туземцевъ вообще—420; всеобщее возстаніе туземцевъ (1343—1345)—424. Обученіе туземцевъ: его характеръ и причины неуспѣха—428; свидѣтельства Эйнгорна, Геннинга и іезуитовъ о состояніи церкви—432; состояніе духовныхъ и свѣтскихъ лифляндскихъ господъ—436; общее сужденіе.

Введеніе.

Важнѣйшій источникъ древней лифляндской исторіи представляетъ „хроника Генриха Латышскаго“. Она впервые издана Грубером въ 1740 году по Ганноверскому кодексу и объяснена подробными примѣчаніями и актами (F. D. Gruber, Origines Livoniae sacrae et civilis, seu Chronicon Livonicum vetus etc. Trancofurti et Lipsiae 1740 г.). Затѣмъ это изданіе было переведено на нѣмецкій языкъ Іоанномъ Готфридомъ Арндтомъ, который дополнилъ нѣкоторые пробѣлы (p. 166—177 у Арндта) по Ревельскому манускрипту и сдѣлалъ новыя примѣчанія (I. L. Arndt, Der Liefländischen Chronik erster Theil von Liefland unter seinen ersteu Bischöfen etc. Halle 1747 г.). Эти два изданія перепечатаны Ганзеномъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ первомъ томѣ «Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 1. Riga und Leipzig 1853 г.» Въ 1865 г. въ Варшавѣ во дворцѣ Замойскаго былъ открытъ Вильгельмомъ Арндтомъ кодексъ лѣтописи Генриха начала XIV-го вѣка, текстъ котораго былъ свободенъ отъ всѣхъ интерполяцій, которыми изобиловали изданные уже тексты. Къ сожалѣнію кодексъ этотъ не имѣетъ конца [1]). Этотъ чистый и подлинный текстъ былъ изданъ въ Monum. Germ. hist. t. XXIII p. 231—332, и затѣмъ оттуда переизданъ для школьнаго употребленія Пертцомъ подъ заглавіемъ: «Heinrici Chronicon Livoniae ex recensione Wilhelmi Arndt. Hannoverae 1874 г.».

Авторомъ Ливонской хроники признанъ Генрихъ, латышскій священникъ, который часто упоминается въ самой хроникѣ. Его національность возбуждала большіе споры у лифляндскихъ историковъ, и несмотря на это вопросъ о его на-

[1]) Въ немъ недостаетъ 9—10, XXIII—XXX, 6.

ціональности остается еще до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Послѣднее слово по этому вопросу сказалъ ученый Германъ Гильдебрандъ. Но выводы, къ которымъ онъ пришелъ, не могутъ считаться окончательными, безповоротно рѣшившими спорный вопросъ. Сначала онъ справедливо пошатнулъ мнѣніе, по которому Генрихъ былъ по происхожденію латышъ, ибо это мнѣніе, какъ онъ показываетъ (Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Lettland. Berlin 1865 г. p. 6—7), основывалось только на выраженіи „Sacerdos et interpres Heinricus de Lettis (XVI, 3), которое у Генриха означаетъ не отечество, но должность и занятія. Съ другой стороны, Гильдебрандъ, одобряя гипотезу о нѣмецкомъ происхожденіи Генриха, не рѣшается, однако, признать его и за нѣмца только потому, что Генрихъ не можетъ быть латышемъ, какъ это пытались доказать. Въ концѣ своего изслѣдованія Гельдебрандъ вновь поднимаетъ этотъ вопросъ и приходитъ къ тому выводу, что нѣтъ данныхъ, которыя бы могли говорить противъ латышскаго происхожденія Генриха, а скорѣе есть нѣкоторыя данныя, которыя могли бы быть приведены въ пользу его. Таковы напр. сочувствіе Генриха леттамъ предъ прочими туземцами, выражающееся въ похвалѣ ихъ за добровольное принятіе христіанства, за расположеніе къ нѣмцамъ, — сочувствіе, которое иногда заставляло его стушевывать нѣкоторыя непохвальныя черты дѣйствій леттовъ, напр. когда онъ говоритъ объ обращеніи въ бѣгство только ливовъ (XVI, 8) и желаетъ скрыть возмущеніе леттовъ вмѣстѣ съ ливами противъ нѣмцевъ (XVI, 3—5), хотя изъ дальнѣйшаго его разсказа дѣйствительное положеніе дѣлъ ясно раскрывается. Но въ то же время Гильдебрандъ говоритъ, что эта черта Генриха можетъ быть совмѣстима и съ нѣмецкимъ его происхожденіемъ, и что если захотѣли бы вернуться къ мнѣнію о его латышскомъ происхожденіи, то прежде всего должно быть доказано, что приложеніе „de Lettis“ означаетъ только это, а не есть простая варіація имени „священникъ латышскій“. Гильдебрандъ отрицаетъ, чтобы возможно было привести такое доказательство, но въ тоже время признаетъ, что въ обстоятельствахъ, лежащихъ внѣ этого выраженія, нельзя открыть достаточнаго препятствія къ этому. Стало-быть въ окончательномъ выводѣ Гильдебрандъ болѣе склоняется въ пользу латышскаго происхожденія Генриха, хотя и не приво-

дитъ другихъ фактовъ въ пользу этой мысли, кромѣ сочувствія Генриха леттамъ.

Намъ однако кажется, что Гильдебрандъ не совсѣмъ справедливо относится къ выраженію „de Lettis“. Генрихъ выражается такъ по поводу желанія ливовъ захватить Филиппа епископа Рацебургскаго XVI, 3: „et volebant episcopum rapere, sed prohibebat eos et comminabatur eis sacerdos ipsius et interpres, Henricus de Lettis“. Гильдебрандъ склоненъ думать, что это выраженіе въ данномъ мѣстѣ есть варіація выраженія „Генрихъ священникъ латышскій“. Но нужно замѣтить, что когда Генрихъ говоритъ о себѣ, какъ о латышскомъ священникѣ, то выражается объ этомъ иначе, наприм. Sacerdos ipsorum (XII, 6), Henricus Lettorum minister de Ymera (XXIV, 1), Lettorum de Ymera Sacerdos (XXIV, 5). А въ данномъ мѣстѣ Генрихъ является не въ качествѣ священника, посланнаго къ леттамъ, а напротивъ въ качествѣ товарища епископа Филиппа, отправившагося къ ливамъ. Предлогъ же „de“ у Генриха по средневѣковому обычаю указываетъ на отечество, или владѣніе или мѣсто рожденія, напр. ipse enim natus de Vironia, et a paganis in pueritia captus (X, 7. т. е. священникъ Іоаннъ, убитый гольмцами); erat autem Philippus item de gente Lettonum et in curia episcopi enutritus, et adeo fidelis effectus, ut interpres ad ceteras gentes docendas mitteretur (XV, 9), et missi sunt Petrus Kacuvalde de Vinlandia et Otto fratrum milicie sacerdos (XIX, 4); Bernardus de Lippia, Helmoldus de Plesse (XV, 2); nuntii Danarum de Revelis (XXIX, 3). Иногда, впрочемъ, имя народа употребляется вмѣсто страны, напр. когда о легатѣ Вильгельмѣ говорится, что онъ отправился de Letthis in Saccalam (XXIX, 7).

Намъ кажется, что нѣсколько болѣе вѣскимъ основаніемъ предположенія о латышскомъ происхожденіи Генриха могутъ служить самыя обстоятельства его жизни. Изъ хроники Генриха извѣстно, что для улаженія важныхъ раздоровъ между туземцами и нѣмцами, при возстаніяхъ туземцевъ, въ посредники посылались священники туземцы, знавшіе какъ языкъ, такъ равно характеръ и жизненныя условія туземцевъ. Теперь о Генрихѣ намъ извѣстно, что, получивъ образованіе при Альбертѣ и будучи его ученикомъ (XI, 7), по принятіи сана свя-

щенства, онъ отправляется въ 1208 г. къ Имерскимъ леттамъ, жившимъ въ сосѣдствѣ или между эстами, крестить здѣсь леттовъ, строитъ церковь и, дѣйствуя здѣсь въ качествѣ священника нѣсколько лѣтъ, пріобрѣтаетъ ихъ особое расположеніе XI, 7). Здѣсь однажды во время осады эстами замка Беверина онъ взошелъ на стѣны замка и игралъ на музыкальномъ инструментѣ, умоляя Бога за защитниковъ леттовъ (XII, 6). У туземцевъ онъ игралъ очень видную роль и пользовался значительнымъ уваженіемъ и вліяніемъ; такъ, когда въ 1212 году онъ въ числѣ остальныхъ посредниковъ былъ посланъ къ возставшимъ туземцамъ, то только онъ одинъ остался изъ нихъ цѣлъ и могъ даже воспрепятствовать захвату въ плѣнъ Филиппа епископа Рацебургскаго (XVI, 4). Онъ же въ 1214 г. былъ посланъ къ Половскимъ леттамъ для принятія послѣднихъ въ католичество (XVIII, 3). Послѣ своего возвращенія изъ Италіи, гдѣ въ 1215 г. онъ былъ на Латеранскомъ соборѣ (XIX, 5. 6), мы видимъ его постоянно участвующимъ въ набѣгахъ на эстовъ въ качествѣ священника, напр. въ Гарріи (XX, 2), Гервіи (XX, 6), Ревалiи (XXII, 2; XXIII, 9). Въ исходѣ 1219 года онъ присутствуетъ при взятіи Месотена (XXIII, 7). Когда возникли столкновенія съ датчанами при проповѣди въ Эстоніи, то Генрихъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе вмѣстѣ съ другимъ священникомъ Петромъ Какевальдомъ, по происхожденію финномъ, обходя Гаррію, Гервію, Саккалу, Нормегундъ и Унгаунію и повсюду совершая крещеніе (XXIV, 1—5). Въ 1226 г. Генрихъ посылается и въ Війскъ, чтобы довершить тамъ крещеніе (XXIX, 7). Едва ли можно сомнѣваться, что Генрихъ естественно долженъ былъ знать латышскій, ливскій и эстонскій языки, и онъ дѣйствительно зналъ ихъ, иначе онъ не могъ бы исполнять единолично съ успѣхомъ такія порученія. Все это до нѣкоторой степени можетъ служить основаніемъ въ пользу туземнаго происхожденія Генриха. Если онъ дѣйствительно былъ туземецъ, именно латышъ Имерскій или гдѣ-либо въ сосѣдствѣ съ эстами, то онъ уже съ малолѣтства могъ знать латышскій и эстскій языки и могъ употребить годы своего образованія на пріобрѣтеніе тѣхъ достаточныхъ для его времени и положенія свѣдѣній изъ священнаго Писанія и классическихъ авторовъ, ка-

ковы Виргилій, Горацій, Сульпицій Северъ и др., которыми онъ обладаетъ [1]).

Что касается времени составленія хроники, то съ большею вѣроятностію думаютъ, что отдѣльныя замѣтки для нея были дѣлаемы одновременно съ событіями, но что вся хроника, какъ нѣчто цѣлое, представляетъ трудъ, написанный не изъ года въ годъ, но заразъ безъ перерыва, ибо въ ней встрѣчаются частыя предвосхищенія будущихъ событій и упоминанія прошедшихъ. Гильдебрандъ (l. c. 19) думаетъ, что вся хроника была составлена въ 1225 году, а послѣднія части XXIX главы незадолго до отъѣзда изъ Лифляндіи легата Вильгельма, весною 1226 г. Послѣдняя XXX глава написана непосредственно послѣ покоренія Эзеля въ началѣ 1227 г.; хроника останавливается, повидимому ненамѣренно, на крещеніи эзельцевъ.

Побужденіемъ къ писательской дѣятельности Генриха послужили, по его собственнымъ словамъ, увѣщанія и просьбы властей страны и вѣрныхъ товарищей (XXIX, 9: placuit historiam eam rogatu et instantia Dominorum et sociorum fidelium... conscribere), желавшихъ увѣковѣчить въ памяти и для потомковъ дѣянія, совершенныя при содѣйствіи небесныхъ покровителей. Вліяло ли на работу Генриха присутствіе въ Лифляндіи легата Вильгельма, какъ думаетъ Гильдебрандъ, трудно рѣшить. Приступая къ своему труду и описывая окружающую дѣйствительность, въ которой онъ самъ принималъ горячее участіе, Генрихъ естественно главнымъ образомъ писалъ на основаніи собственныхъ впечатлѣній и наблюденій, затѣмъ уже на основаніи слышаннаго отъ очевидцевъ событій; онъ увѣряетъ, что его „книга не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ видѣннаго собственными глазами, или слышаннаго отъ очевидцевъ (XXIX, 9)“. Онъ нерѣдко прямо указываетъ источникъ своего разсказа (IX, 5; XV, 4; XVIII, 8). Что касается письменныхъ источниковъ, каковы — акты, буллы, донесенія частныхъ его товарищей, письма и др., которыми могъ рас-

[1]) Въ послѣднее время графъ Сиверсъ (см. Die Lettenburg Autine und d. Nation. d. Chronisten Heinricus de Lettis. Riga 1878 г. 23—30), на основаніи филологическихъ данныхъ, пришелъ къ выводу, что Генрихъ не могъ быть Леттомъ, ибо онъ почти ничего или очень мало понималъ по-латышски и въ своей проповѣди употреблялъ ливскій языкъ. Но основанія его мало убѣдительны, хотя и подтверждаютъ наше предложеніе о смѣшанномъ происхожденіи Генриха.

полагать Генрихъ, то намъ думается, что если они и были у него подъ руками, но онъ пользовался ими весьма рѣдко Доказывать пользованіе Генрихомъ актами и буллами только на основаніи сходства содержанія и отдѣльныхъ выраженій въ нихъ съ его разсказомъ, какъ это дѣлаетъ Гильдебрандъ (l. c. p. 22—24), было бы слишкомъ смѣло и рискованно. Гильдебрандъ, несомнѣвающійся, что въ распоряженіе Генриха были предоставлены властями акты, въ тоже время признается, что онъ долженъ былъ отказаться отъ пользованія многими изъ нихъ просто потому, что это не было бы въ интересахъ господъ страны, а тѣ. которыми онъ дѣйствительно пользовался, вліяли на его разсказъ очень мало. Дѣйствительно странно, какъ Генрихъ, имѣя подъ руками богатый письменный матеріалъ, ни разу не дѣлаетъ, насколько извѣстно, выписокъ изъ него, если не буквальныхъ, такъ покрайней мѣрѣ очень близкихъ; этимъ и объясняется, вѣроятно, то обстоятельство, что мы не замѣчаемъ нигдѣ въ его хроникѣ разнохарактерности слога, отличающагося замѣчательнымъ однообразіемъ. Несмотря на полуоффиціальное происхожденіе его хроники, она вытекла самостоятельно изъ духа сочинителя, носитъ вполнѣ его индивидуальный обликъ; и едва ли было бы справедливо допускать широкое вліяніе, даже надзоръ со стороны властей надъ составленіемъ хроники. какъ это думаетъ Боннелль (Bulletin histor.-phil. de l'academie de St. Petersb. t. XI, p. 122).

Равнодушіе Генриха къ высшимъ политическимъ вопросамъ, его простота и безъискусственность, служатъ лучшимъ доказательствомъ его самостоятельности. Обращеніе страны, «чрезъ божественное провидѣніе, которое пробудило языческихъ ливовъ огнемъ своей любви изъ ихъ грѣшной жизни“ — вотъ тема и характеръ его хроники. Какъ истый католикъ, онъ, по большей части, изображаетъ событіе съ религіозной точки зрѣнія, въ религіозномъ энтузіазмѣ, съ особенною живостію и наглядностію, не различая при этомъ главнаго отъ второстепеннаго, причины и слѣдствія. Его интересуютъ главнымъ образомъ побѣды и пораженія, по этому естественно, что внутренняя дѣятельность лицъ и мотивы ея ускользаютъ изъ подъ его пера; отсюда его хроника очень вѣрно отражаетъ въ себѣ ходъ завоеванія и покоренія страны, а насажденіе въ ней христіанской вѣры остается на заднемъ планѣ и проявляется толь-

ко тогда, когда соединяется съ какимъ либо внѣшнимъ событіемъ. Какъ простой священникъ, не посвященный въ тайны закулисной политики высшихъ властей страны, и не имѣющій самъ достаточно возможности или способности проникать во внутреннюю связь совершающихся предъ его глазами событій, онъ довольствуется только наглядным, простодушнымъ изображеніемъ теченія явленій; отсюда мы не найдемъ у него достаточно данныхъ, которыя онъ могъ сообщить намъ, о положеніи туземцевъ самихъ по себѣ и въ ихъ отношеніи къ побѣдителямъ; объ этомъ мы встрѣчаемъ у него только случайныя указанія; еще менѣе встрѣчаемъ мы у него указаній на отношенія властей другъ къ другу, зарожденія новыхъ порядковъ и т. п. О событіяхъ внѣ Лифляндіи упоминается у Генриха только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда они являются въ близкой связи съ Лифляндіей. При такомъ характерѣ Генриха и взглядѣ на способъ изложенія событій, мы естественно должны предполагать въ немъ любовь къ правдѣ, отсутствіе партіозности, насколько это возможно было при данныхъ условіяхъ. И дѣйствительно, самъ Генрихъ въ концѣ своего труда прямо заявляетъ, что онъ писалъ не ради лести и временной выгоды, не изъ любви или ненависти, но по голой и чистой правдѣ (XXIX, 9). По этому мы нигдѣ не можемъ обличить Генриха въ прямой, намѣренной лжи, хотя, зная съ какой точки зрѣнія онъ смотритъ на событія, мы иногда можемъ поставить ему въ вину непрямое констатированіе или сглаживаніе фактовъ, обязанное его сочувствію къ христіанамъ-нѣмцамъ и непріязни къ ихъ врагамъ. Что наприм. по мнѣнію Генриха изъ многихъ ложныхъ матерей, присвоивающихъ себѣ эстонскую церковь, русская мать sterilis et infalcunda, quae non spe regenerationis in fide Domini Iesu Christi, sed spe tributorum et spoliorum terras sibi subjugare conatur (XXVIII, 4), то это вполнѣ соотвѣтствуетъ его ревности по вѣрѣ католической. И когда онъ пропускаетъ или по крайней мѣрѣ ослабляетъ факты и явленія, представляющія его покровителей—орденъ и епископовъ—въ несовсѣмъ благопріятномъ для нихъ свѣтѣ, то къ этому онъ побуждается ненамѣреннымъ желаніемъ пренебрегать „голой и чистой правдой“, которую онъ преслѣдовалъ, а восторженнымъ чувствомъ величія ихъ миссіи въ Лифляндіи. Благодаря этому чувству

онъ упускаетъ изъ виду стороны обыденной жизни и отношеній своихъ покровителей другъ къ другу и къ внѣшнимъ силамъ, а то передаетъ о нихъ въ сравненіи съ другими извѣстіями неточно, бѣгло и неправильно. Если допустить, что Генрихъ имѣлъ подъ руками и читалъ акты, то его приходится прямо упрекнуть въ намѣренномъ умалчиваніи, наприм. объ интригахъ ордена противъ епископа Теодориха въ 1213 г. (Livl. U. B. nn. 29. 30), или же въ непрямомъ констатированіи факта, напр. Генрихъ не говоритъ, что въ 1221 г. заключенный между нѣмцами и туземцами союзъ былъ направленъ также и противъ ордена, и только впослѣдствіи мы догадываемся объ этомъ, когда узнаемъ, что рыцари захватили часть заговорщиковъ (XXV, 3).

Съ внѣшней стороны хроника носитъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія самой личности епископа Альберта. Вкратцѣ, въ двухъ главахъ, коснувшись дѣятельности двухъ первыхъ епископовъ, которые играли незначительную роль въ дѣлѣ Лифляндской миссіи и о которыхъ Генрихъ могъ писать только по наслышкѣ, онъ прямо переходитъ къ дѣятельности третьяго епископа Альберта и посвящаетъ ему остальныя 28 главъ, притомъ онъ распредѣляетъ матеріалъ такъ, что каждому году изъ 28 лѣтъ епископства Альберта, которое началось съ начала марта 1199 г. до февраля 1227 года, онъ посвящаетъ цѣлую главу или книгу. Каждая глава соотвѣтствуетъ приблизительно одному отдѣльному году епископа, такъ третья глава хроники соотвѣтствуетъ вообще первому году епископства Альберта, четвертая — второму и т. д. Заслуга разъясненія хронологіи Генриха принадлежитъ Ганзену (см. Die Chronologie Heinrichs des Letten въ Inland 1846. № 47 и Verchandl d. gel. Ehstn. Gesell. Bd. II, H. 2 p. 69—72, 1848). Генрихъ считаетъ по обычному въ Лифляндіи въ 13 в. счисленію, начиная годъ съ 25 марта. Назначеніе Альберта въ епископы, падающее на конецъ февраля или начало марта 1199 г., относится поэтому по его счисленію къ концу 1198 года; первый же годъ его епископства простирается отъ начала марта 1199 г. до начала марта 1200, второй — до марта 1201 и т. д. Генрихъ однако не заканчиваетъ своихъ главъ точно концомъ февраля, и не начинаетъ новую непосредственно съ началомъ марта, только въ такомъ случаѣ было бы полное соотвѣтствіе

между его главами и годами епископства Альберта. Это объясняется тѣмъ, что ежегодныя событія, по преимуществу походы на туземцевъ, обнимали именно время отъ святокъ до средины марта, а періодическія путешествія Альберта въ Германію и возвращеніе съ пилигримами заканчивали и начинали эти событія; отсюда хроникеръ въ концѣ своего отдѣла естественно по большей части захватываетъ ближайшій годъ епископства Альберта, включая въ ту же главу событія, совершившіяся до средины этого мѣсяца.

Для исторіи Лифляндіи съ 1227 до 1290 г. важнымъ источникомъ служитъ старшая лифляндская риѳмованная хроника (Die Livländische Reimchronik—1190 г.). Впервые она была издана по Рижской харатейной рукописи Либоріемъ Бергманомъ подъ заглавіемъ „Fragment einer Urkunde der ältesten livländischen Geschichte in Versen..... Riga 1817 г. Къ сожалѣнію рукопись эта имѣетъ большой пробѣлъ (v. 2561—3840). Этотъ пробѣлъ дополняется Гейдельбергскою пергаментною рукописью, написанною въ XV вѣкѣ и представляющею измѣненный, особенно въ вокальномъ и орѳографическомъ отношеніяхъ, текстъ. Общія ошибки повидимому заставляютъ думать, что Гейдельбергскій списокъ есть копія съ рукописи Бергмана. Послѣ открытія этого текста, Францемъ Пфейфферомъ была издана вся риѳмованная хроника (Livländische Reimchronik, Stuttgart 1844 г.), однако безъ историческихъ объясненій. Онъ придалъ тексту болѣе древнюю и соотвѣтствующую чистому верхне-нѣмецкому діалекту форму, чѣмъ сколько позволялъ это сдѣлать положенный въ основаніе оттискъ Бергмана, вслѣдствіе чего сгладились различныя особенности. Новое изданіе хроники появилось въ 1853 году въ первомъ томѣ Scriptores rerum Livonicarum; оно было сдѣлано Кальмейеромъ и снабжено превосходными примѣчаніями и варіантами изъ Гейдельбергской рукописи. Текстъ его также основывается на изданіи Бергмана и притомъ сопровождается пространнымъ парафразомъ. Въ 1876 году вышло новое изданіе хроники, сдѣланное проф. Мейеромъ, который снабдилъ ее примѣчаніями, спискомъ именъ и лексикономъ (Livländische Reimichronik mit Anmerkungen, Namen Verzeichniss und Glossar. Hrsg. v. Meyer, Paderborn 1876). Въ настоящее время изданіе Мейера можно считать самымъ

лучшимъ. Мейеръ сравнилъ для своего изданія списки—Рижскій и Гейдельбергскій.

Вопросъ о писателѣ этой хроники былъ многократно обсуждаемъ, но до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Хроника не смотря на массу стиховъ (12,017) по языку и стилю представляетъ полное единство, и не можетъ быть различаема въ этомъ отношеніи по отдѣламъ; поэтому необходимо думать, что авторомъ ея было одно лицо. Стихъ 11,647 (къ 1290 г.) гласящій: „Wer mêr gebbe, der schrîbe nâch“ повидимому указываетъ на конецъ труда одного автора, но въ дѣйствительности послѣдующія части не различаются отъ предшествующихъ. Кромѣ того, этотъ стихъ безпорно даетъ право признавать въ авторѣ современника описываемыхъ событій, по крайней мѣрѣ тѣхъ, о которыхъ повѣствуется въ послѣднихъ отдѣлахъ. Около 1290 года, которымъ заканчивается его хроника, онъ говоритъ о Маркартѣ Бурбахскомъ, Ашераденскомъ старостѣ (v. 1781): „in lobet dâ noch vil manich man“; объ одной битвѣ около 1219 (v. 1101): daz ist noch manchem mannekunt; о Земигальскомъ вождѣ Ленгевинѣ около 1245 г. (v. 2722), сказано, что его имя изстари нѣкоторымъ извѣстно. Въ стихѣ 1728 авторъ говоритъ о возвращавшихся въ 1227 году пилигримахъ и выражаетъ при этомъ пожеланіе спасенія ихъ душамъ, живы ли они или мертвы. Это даетъ возможность, хотя приблизительно, опредѣлить время написанія хроники, а именно если допустить, что нѣкоторые пилигримы жили еще послѣ своего возврата лѣтъ 50 — 60, то время составленія ея падаетъ на послѣднюю четверть 13 вѣка. Но съ меньшею рѣшительностію приходится рѣшать вопросъ, участвовалъ ли онъ въ описываемыхъ событіяхъ, или же былъ только очевидцемъ. Повидимому то обстоятельство, что авторъ часто останавливается на мельчайшихъ подробностяхъ явленій, говорило бы въ пользу его присутствія при этихъ явленіяхъ, если только эти частности не представляютъ продуктъ его собственнаго воображенія, что менѣе правдоподобно.

Пфейфферъ на основаніи языка хроники полагаетъ, что родиной поэта была средняя Германія. Надпись на Рижской рукописи: «geschriben in der Kumentur zu Revel durch den Ditleb von Alnpeke in MCCLXXXXVI jâr ученые на основаніяхъ филологическихъ и историческихъ признаютъ не под-

линною и относятъ скорѣе къ списывателю, чѣмъ къ автору. Можетъ быть этотъ списокъ написанъ послѣ 1346 года, когда въ Ревелѣ содержался гарнизонъ нѣмецкаго ордена. Основаніемъ къ такому предположенію служитъ малая вѣроятность, чтобы духовный поэтъ приписалъ къ своему творенію свое имя и время составленія столь же прозаически, какъ это дѣлали позднѣйшіе авторы. Объ имени автора этой хроники мы до сихъ поръ еще ничего болѣе или менѣе достовѣрнаго не знаемъ (см. Baltische Monats-schrift B. 21, p. 357—360). Равнымъ образомъ и заглавіе на этой рукописи, гласящее, что хроника повѣствуетъ о магистрахъ орденскихъ и братьяхъ рыцарства, какъ они ради христіанства боролись съ 1143 до 1290 года, вѣроятно относится къ позднѣйшему времени. По Кальмейеру авторъ, какъ рыцарь или вассалъ Датскаго короля изъ средней Германіи, обращавшій особое вниманіе на Эстонію, долженъ былъ писать свою хронику въ Ревелѣ, а по Ширрену (Mittheil. aus d. Livl. Gesch. t. VIII, v. 45—83) авторъ обращалъ болѣе вниманія на Куронію и орденъ, что́, думаетъ Ширренъ, указываетъ на то, что онъ жилъ въ окрестностяхъ Гольдингена, недалеко отъ Земигальской границы, и именно здѣсь писалъ свою хронику.

Общій характеръ этой хроники можно назвать народно-рыцарскимъ. Авторъ ея, будучи безспорно горячимъ приверженцемъ ордена, въ то же время отдаетъ должную справедливость геройскимъ подвигамъ туземцевъ-язычниковъ и по мѣстамъ выражаетъ явное сочувствіе къ ихъ бѣдствіямъ. Легкая насмѣшка его надъ свѣтскими духовными, выражающаяся въ употребленіи въ примѣненіи къ нимъ слова „pfaffen“ (которые охотно обращаются въ бѣгство, въ то же время возбуждая другихъ къ храбрости) и сочувствіе къ монахамъ цистерціанскаго ордена, можетъ быть, даетъ нѣкоторое основаніе Шифферу видѣть въ немъ монаха, и именно упоминаемаго въ хроникѣ цистерціанца Викбольда Дозеля (v. 11.936), который по одному акту (И. В п. 477) въ 1282 г. былъ въ Тальзенѣ въ Курляндіи. Это, однако, смѣлое предположеніе. Что касается образованности автора, то хроника свидѣтельствуетъ о его значительной начитанности въ священномъ писаніи. Но вѣрный духу своего времени, онъ вѣритъ въ легенды и разныя чудесныя исторіи, напр. онъ съ особеннымъ удовольствіемъ пере-

даетъ (v. 455—480) легенду о Мейнгардѣ. Онъ вѣрнѣе Генриха передаетъ мѣстныя названія, потому ли что зналъ мѣстные языки, или потому, что писалъ на нѣмецкомъ языкѣ, трудно рѣшить.

Темнымъ и нерѣшеннымъ вопросомъ остается также вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался нашъ авторъ. Онъ нерѣдко ссылается въ хроникѣ на какую-то книгу (v. 2291—4041), но разумѣетъ ли онъ подъ этою книгою собственную хронику, или же чужія записки, трудно рѣшить. Тѣмъ не менѣе однако приводимыя въ его хроникѣ хронологическія данныя едва ли основываются только на устныхъ преданіяхъ и собственной памяти автора. Отсюда однако еще не слѣдуетъ, что мы обязаны вѣрить его числовымъ даннымъ, напротивъ тотъ фактъ, что въ нихъ очень рѣдко вмѣстѣ съ тысячами и сотнями приводятся десятки и единицы, наводитъ уже при поверхностномъ взглядѣ на подозрѣніе, не вытекаютъ ли эти числовыя выкладки, по большей части, изъ фантазіи поэта, подбиравшаго тѣ или другія числа для риѳмы въ своихъ стихахъ. И въ самомъ дѣлѣ, сопоставленіе ихъ съ числовыми данными въ другихъ источникахъ ясно показываетъ ихъ разницу даже въ количествѣ павшихъ рыцарей, не говоря уже объ остальныхъ. Съ другой стороны, авторъ часто указываетъ на письменныя сношенія между собою властей страны, и хотя языкъ его хроники не позволяетъ указать сходство между документами и его хроникой, но сомнительно, чтобы онъ, знавшій о различныхъ письмахъ и актахъ, кое чего не заимствовалъ изъ нихъ. Замѣчательно, что въ Лифляндской исторіографіи вопросъ объ отношеніи автора риѳмованной хроники къ хроникѣ Генриха Латышскаго остается до сихъ поръ въ тѣни, что безъ сомнѣнія объясняется отсутствіемъ спеціальнаго полнаго изслѣдованія о ней, которое не могло еще появиться, пока дѣло шло о возстановленіи текста хроники. Намъ нѣтъ возможности принять на себя спеціальное изслѣдованіе объ этой хроникѣ; для нашей цѣли достаточно будетъ указать общее отношеніе между этими двумя корифеями лифляндскаго лѣтописанія. Какъ бы страннымъ и невѣроятнымъ не показалось утвержденіе, что риѳмованная хроника не находится въ зависимости отъ хроники Генриха Латышскаго, но оно кажется намъ довольно правдоподобнымъ, потому что при

сравненіи этихъ двухъ хроникъ мы не находимъ между ними зависимости. Если бы эта зависимость дѣйствительно существовала, то она должна была бы особенно обнаруживаться въ исторіи первоначальнаго прибытія купцовъ въ Ливонію и первыхъ двухъ епископовъ, но на самомъ дѣлѣ здѣсь то именно мы и встрѣчаемъ большія разности, свидѣтельствующія о независимости риѳмованной хроники отъ Генриха. Извѣстія первой въ этотъ періодъ оказываются болѣе подробными и спутанными, явно противорѣчащими хронологическимъ даннымъ, что было бы менѣе вѣроятно, если бы въ ихъ основаніи лежало повѣствованіе Генриха; и только съ 1250 года извѣстія ея заслуживаютъ большаго довѣрія изслѣдователя [1]).

Третье мѣсто въ ряду лифляндскихъ хроникъ древняго періода занимаетъ Chronicon Livoniae Германа Вартберга, обнимающая періодъ исторіи Лифляндіи со времени перваго прибытія купцовъ до 1378 года. Лучшее изданіе ея сдѣлано Штрельке въ Script. rer. Prussic. t. II, p. 9—116 (1863 г.). Объ авторѣ этой хроники, по изслѣдованію Штрельке въ предисловіи къ ея изданію, извѣстно немного. Судя по хроникѣ, онъ былъ приближеннымъ лицемъ лифляндскаго магистра, именно его капелланомъ, и вѣроятно со второй половины 14 вѣка принималъ личное участіе въ лифляндскихъ дѣлахъ, исполнялъ различныя порученія магистра, участвовалъ въ походахъ и т. п. Діалектъ его, насколько онъ отражается въ встрѣчающихся въ его хроникѣ мѣстныхъ и личныхъ названіяхъ, обличаетъ въ немъ нижне-германца по происхожденію. Какъ безпристрастный повѣствователь Вартбергъ далеко уступаетъ Генриху и автору риѳмованной хроники. Если Генрихъ возвеличивалъ дѣянія еп. Альберта, причемъ орденъ оставался на заднемъ планѣ, и если не принялъ исключительно сторону одной изъ дѣйствующихъ силъ, то только отъ того, что онѣ не успѣли въ его время еще настолько обособиться, разойтись во взаимныхъ интересахъ и стремленіяхъ, какъ это было въ послѣдствіи, когда Вартбергу пришлось писать свою хронику. Какъ

[1]) Въ послѣднее время Вахтсмутъ (Ueber d. Quellen und d. Verfasser d. alteren livl. Reimchronic, Mitau 1878 г.) вновь поднялъ вопросъ объ источникахъ и пособіяхъ этой хроники и ея авторѣ, но не далъ ничего новаго, а развязснилъ и подтвердилъ только предшествующія изслѣдованія по этому вопросу.

орденскій священникъ, дѣйствовавшій въ интересахъ ордена, Вартбергъ естественно долженъ былъ и писать свою хронику въ тѣхъ же интересахъ. И дѣйствительно, пристрастіе къ ордену доводитъ его до самой крайней недобросовѣстности въ пользованіи свѣдѣніями Генриха и до искаженія фактовъ. Отсюда, по его утвержденію, орденъ утверждается не епископомъ Альбертомъ, городъ Рига сооружается орденомъ и пилигримами и епископъ уже потомъ находитъ въ немъ безопасное мѣсто для своей каѳедры и т. п. Менѣе искаженій мы находимъ у него въ фактахъ, взятыхъ изъ лифляндской риѳмованной хроники, которая по своей тенденціи довольно совпадаетъ съ Вартбергомъ, если только можно усматривать тенденцію въ томъ, что въ ней при изложеніи борьбы съ туземцами духовенство остается на заднемъ планѣ. Что касается пользованія актами, извлеченіями изъ которыхъ изобилуетъ его текстъ, то Штрельке увѣряетъ, что онъ, гдѣ дѣло касается отношеній духовенства, часто намѣренно сокращаетъ и впадаетъ въ односторонность. Рядомъ съ актами онъ имѣлъ подъ рукою и списокъ магистровъ ордена, что помогло ему избѣгнуть нѣкоторыхъ хронологическихъ ошибокъ автора риѳмованной хроники. Кромѣ этихъ источниковъ Вартбергъ пользовался еще однимъ изъ кодексовъ лифляндскихъ анналъ, но какимъ именно, Штрельке за неимѣніемъ твердыхъ данныхъ, не берется рѣшить; также нерѣшительно говоритъ объ этомъ и Гельбаумъ, который склоненъ однако признать однимъ изъ такихъ источниковъ неизвѣстный Рижскій кодексъ этихъ анналъ (въ Verhandl. d. gel. Ehstn. Gesell. B. 7. H. 4, p. 28. 55—56). Не смотря однако на чрезвычайную хронологическую путаницу и искаженіе болѣе древнихъ достовѣрныхъ извѣстій, хроника Вартберга все же довольно цѣнна для исторіи Лифляндіи 14 вѣка. Хотя она до второй четверти этого вѣка и даетъ намъ мало новаго и не входитъ въ подробное освѣщеніе спутанныхъ отношеній, въ которыхъ стояли другъ къ другу три важнѣйшихъ фактора лифляндской исторіи, но для исторіи второй половины 13 вѣка она отличается особенною подробностію и достовѣрностію, преимущественно тамъ, гдѣ эти отношенія не имѣли мѣста. Въ ней ярко выступаютъ отдѣльные эпизоды борьбы ордена съ Литовцами и Русскими, остальныя же событія указываются въ ней только въ томъ случаѣ, если они стоятъ въ близ-

кой связи съ дѣятельностію лифляндскихъ магистровъ или ордена.

Но безспорно, самое важное мѣсто преимущественно во внутренней исторіи Лифляндіи, какъ источникъ, занимаетъ собраніе лифляндскихъ актовъ, изданное неутомимымъ ученымъ изслѣдователемъ лифляндской исторіи D-r. Фридрихомъ Георгіемъ фонъ Бунге подъ заглавіемъ: Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten. I. (1093—1300) Reval 1853 г., II (1301—1367) ibid. 1855; III (Nachträge zum I и II Bande und Fortsetzung—1393) ibid 1857 г.) IV (1394—1413) ibid 1859 г.; V (1414—1423) ibid. 1862—65 гг.; VI (Nachträge Schluss) Riga 1865—73 гг. Все это грандіозное предпріятіе почти исключительно выполнено неутомимыми трудами самого Бунге. Будучи профессоромъ права въ Дерптскомъ университетѣ, онъ задумалъ привести въ исполненіе этотъ планъ еще въ 1828 году, не имѣя однако въ своемъ распоряженіи достаточно матеріальныхъ средствъ къ его осуществленію. Со времени его перемѣщенія въ Ревель въ 1843 г., ему открылись тамъ три огромные архива, безспорно самые богатѣйшіе въ Лифляндіи, именно: архивъ Ревельской думы (Rath), эстляндскаго общества и архивъ частныхъ актовъ Толль-Кукерса. Изъ другихъ мѣстныхъ и иностранныхъ архивовъ и библіотекъ въ его распоряженіе были предоставлены разные сборники лифляндскихъ актовъ или снимки съ нихъ. Весь собранный имъ такимъ образомъ матеріалъ распредѣленъ въ шести объемистыхъ томахъ. Не смотря на то, нельзя сказать, чтобы этотъ сборникъ включалъ въ себѣ все, относящееся къ исторіи лифляндіи. Продолжатель предпріятія Бунге ученый Гильдебрандъ, при личномъ знакомствѣ со всѣми мѣстными и иностранными архивами и библіотеками, гдѣ можно было найдти что нибудь относящееся къ исторіи Лифляндіи, пришелъ къ убѣжденію, что къ сдѣланному сборнику придется присоединить немало новаго, неизвѣстнаго доселѣ матеріала. Въ это собраніе вошли всѣ акты и письма независимо отъ того, существуютъ ли еще оригиналы или достовѣрные снимки, подлинны они или не подлинны, были-ли они издаваемы или нѣтъ, и намѣренно исключены разныя, болѣе или менѣе объемистыя, правовыя записи, такъ какъ онѣ изданы были уже раньше отдѣльно. Сюда по большей части не вошли также и частные акты, не

имѣющіе особаго обще-историческаго или правоваго интереса, тѣмъ болѣе что для нихъ предполагался особый сборникъ (Esth—und Livländische Brieflade. Hrsg. v. F. G. v. Bunge. Reval 1854). Изъ актовъ, касающихся нѣмецкаго ордена, Ганзейскаго Союза, Россіи, Даніи, Швеціи и др. странъ, въ сборникъ вошли только такіе, которые представляютъ какое либо отношеніе къ исторіи Лифляндіи. Не весь матеріалъ однако приведенъ въ актахъ; напротивъ менѣе важный матеріалъ размѣщенъ въ регестахъ; къ послѣднему роду матеріала отнесены и всѣ скрѣпленныя копіи съ актовъ (Urkundentraussumten) и неполные, затерянные или недоступные акты, о содержаніи которыхъ осталось только извѣстіе въ рукописяхъ или печатныхъ изданіяхъ; кромѣ того въ регестахъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ исправлены невѣрныя даты многихъ актовъ. Пользованіе этимъ сборникомъ значительно облегчается приложенными къ концу каждаго тома реэстрами личныхъ и географическихъ именъ и реэстрами вещей и словъ темныхъ и малоизвѣстныхъ. Но съ другой стороны приложенія, помѣщенныя отчасти въ третьемъ томѣ и занимающія весь шестой томъ, значительно затрудняютъ пользованіе въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ всѣмъ матеріаломъ. Приложенія въ шестомъ томѣ распадаются на три серіи. Первая самая значительная, заключаетъ въ себѣ, кромѣ соотвѣтствующихъ первоначальному плану актовъ, многочисленныя поправки, преимущественно въ отношеніи хронологи, представляющія, по словамъ самого Бунге, плодъ въ высшей степени трудныхъ и медленныхъ изслѣдованій и требовавшія множества обширныхъ синоптическихъ и табеллярныхъ предварительныхъ работъ, къ которымъ напр. можно отнести своего рода полную хронику нѣмецкаго торговаго двора въ Новгородѣ. Ближайшимъ поводомъ къ второй серіи приложеній послужилъ преимущественно трудъ: Russich-Livländische Urkunden, C. E. Napiersky. St.-Petersburg 1868 г. Изъ этого труда Бунге заимствовалъ доселѣ неизвѣстный ему матеріалъ, касающійся нѣмецкаго торговаго двора въ Новгородѣ. Третья серія обнимаетъ акты, заимствованные изъ Tabulae Ordinis Theutonici. E. Strehlke. Berolini 1868 г. и изданныхъ Копманомъ ганзейскихъ сдѣлокъ (Hanserecesse). Въ видахъ облегченія пользованія всѣми шестью томами Бунге представилъ въ концѣ шестаго тома воз-

можно полный и спеціальный предметный реэстръ. По словамъ самого Бунге этотъ реэстръ сдѣланъ послѣ тщательнаго пересмотра всѣхъ шести томовъ и представляетъ плодъ болѣе чѣмъ полугодоваго труда. Не достаетъ еще только репертоpіума, въ которомъ приложенія были бы расположены въ хронологическомъ порядкѣ и реэстра личныхъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ томахъ. Заканчивая свой грандіозный трудъ, на который была посвящена почти вся жизнь автора, начиная съ 26 лѣтъ до 70 лѣтняго возраста, почтенный авторъ, съ достоинствомъ труженика науки озирая пройденный путь въ предисловіи къ послѣднему тому, между прочимъ не скрываетъ недостатковъ своего труда, а напротивъ увѣренъ, что многоразличныхъ недостатковъ его никто лучше его самого не знаетъ; многіе изъ нихъ онъ исправилъ, но нѣкоторые онъ научился цѣнить слишкомъ поздно, чтобы быть въ состояніи уничтожить ихъ.

Нѣчто среднее между источниками и пособіями представляетъ сочиненіе ученаго Эрнста Боннеля: Russisch - Livländische Chronographie von des Mitte des neunten Iahrhunderts bis zum Iahre 1410. St.-Petersburg, 1862 г. Въ задачу Боннеля входило утвердить хронологію Русской исторіи, насколько она связывается съ лифляндской исторіей. Съ этою цѣлію Боннелю пришлось, во первыхъ, изложить въ сжатой формѣ, въ видѣ хронологическихъ таблицъ, всѣ событія, касающіяся сношеній Россіи съ древней Лифляндіей, и которыхъ извѣстія разсѣяны въ разныхъ источникахъ, во вторыхъ, разобрать, какому источнику слѣдуетъ отдать преимущество при хронологическомъ опредѣленіи того или другаго событія, и на какихъ именно основаніяхъ; ибо многія происшествія значатся въ разныхъ источникахъ подъ разными годами, а другія сообщаются безъ всякихъ хронологическихъ указаній. Боннель выполнилъ эти задачи совершенно удовлетворительно, добросовѣстно сличивъ между собою всѣ до него извѣстные источники Лифляндской исторіи и критически воспользовавшись всѣми выдающимися пособіями по этому предмету. Смотря на его хронографію, вы видите въ ней, такъ сказать, движеніе лифляндской исторіи, въ совершенной фактической ясности, свободно отъ всѣхъ излишнихъ разсужденій и безъ всякихъ запутывающихъ вставокъ, субъективныхъ связей. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь вы

видите и самыя свидѣтельства на которыхъ основывается то или другое извѣстіе, подлинными словами, въ краткомъ извлеченіи. Наконецъ, здѣсь же вы встрѣтите указанія на комментаріи, гдѣ извѣстное происшествіе изслѣдовано основательно и гдѣ показываются причины, почему оно занимаетъ въ хронографіи то, а не другое мѣсто [1]).

Нѣсколько извѣстій, относящихся къ нашему предмету, почерпнуты изъ Лифляндскихъ анналъ. Разные списки ихъ служили предметомъ многократнаго обсужденія изслѣдователей, обращеннаго главнымъ образомъ къ разъясненію ихъ взаимной связи. Послѣднее слово по этому вопросу сказалъ Константинъ Гёльбаумъ (въ Verhandl. d. gel. Ehstn. Gesell. B. VII. H. 4. 1873 г. p. 23—77). Онъ пришелъ къ тому выводу, что всѣ редакторы этихъ актовъ болѣе или менѣе пользовались однимъ первоисточникомъ, Динаминдскими анналами, которые однако затерялись. Исходнымъ пунктомъ лѣтописной дѣятельности онъ считаетъ Цистерціанскій монастырь въ Динаминдѣ, игравшій великую историческую роль въ исторіи насажденія нѣмецкаго господства въ Лифляндіи. Однако по его мнѣнію эта лѣтописная работа совершалась не преемственно разными монахами, такъ что первые начинали, а другіе продолжали, ибо всѣ анналы слишкомъ кратки въ началѣ и очень совпадаютъ въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ; а главное основаніе въ пользу этого мнѣнія то, что редакціи ихъ согласно ставятъ основаніе въ Динаминдѣ монастыря Св. Николая въ 1211 г., между тѣмъ какъ по Генриху (IX, 7) постройка его началась уже въ 1205 г. и введеніе конвента совершилась въ 1209 году. Эта ошибка естественно скорѣе можетъ быть приписана позднѣйшему лѣтописцу, который могъ быть наведенъ на нее совпаденіемъ двухъ важныхъ событій для монастыря въ 1211 году, а именно, посвященіемъ Бернарда Лип-

[1]) Въ качествѣ источника и пособія для изученія лифляндской исторіи можно еще указать на «Прибалтійскій сборникъ» т. I—4. Рига 1877—83 г. Сборникъ этотъ, издаваемый подъ редакціей Е. Чешихина, содержитъ въ себѣ важнѣйшія хроники, документы и статьи, касающіяся Лифляндіи, на русскомъ языкѣ. Переводные, а отчасти и другіе матеріалы, заключающіеся въ этомъ сборникѣ, въ научномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже нѣмецкихъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ оригинальныя изданія, снабженныя многочисленными подстрочными примѣчаніями, но въ отношеніи богатства и разнообразія собраннаго здѣсь матеріала онъ значительно превосходитъ ихъ.

пійскаго въ аббаты монастыря и прежняго аббата Теодориха въ епископы Эстоніи. Въ промежуткѣ между 1228—1237 годами работа лѣтописная, судя по отсутствію въ это время какихъ либо указаній, на время пріостановилась, и только со времени Дурбенской битвы въ 1260 г. вновь появляются частныя записи вплоть до 1298 года, на который падаетъ конецъ древнѣйшихъ затерянныхъ динаминдскихъ анналъ. По предположенію Гёльбаума этотъ послѣдній отдѣлъ анналъ (1260 — 1298 гг.) написанъ однимъ авторомъ. Послѣ этого, когда отношенія между орденомъ и архіепископомъ рижскимъ обострились, и дошли даже до кровавыхъ столкновеній и насилія, въ динаминдскомъ монастырѣ, пострадавшемъ не мало во время этихъ политическихъ неурядицъ, лѣтописная дѣятельность естественно должна была остановиться, ибо ни одинъ изъ сохранившихся списковъ не указываетъ ни одного свѣдѣнія касающагося лифляндской исторіи между 1298 и 1305 годами. И только въ 1305 году, послѣ того какъ монастырь былъ проданъ ордену и неурядицы значительно утихли, вновь начинаются записи, доведенныя до 1307 года и представляющія первое продолженіе анналъ. Второе продолженіе простирается до 1321 года и было писано еще въ старомъ монастырѣ. Около этого года, вѣроятно, часть оставшихся монаховъ переселилась въ Падисъ, куда въ это же время впервые былъ введенъ конвентъ. Наконецъ, дальнѣйшее замѣчаніе касательно лифляндскихъ дѣлъ сдѣлано подъ 1348 годомъ. Въ такомъ видѣ представляетъ лѣтописную работу Ревельскій кодексъ Динаминдскихъ анналъ. По дальнѣйшему предположенію Гёльбаума, прежде чѣмъ анналы Динаминдскіе были продолжены, съ нихъ былъ сдѣланъ списокъ между 1298 и 1305 годами и уже къ этому списку присоединена новая работа, сохранившаяся въ остальныхъ спискахъ. Гёльбаумъ основываетъ это предположеніе на томъ, что Лембергскій манускриптъ и Реннебургскіе анналы, сказавъ о событіяхъ въ 1320 и 21 гг., вновь начинаютъ съ 1305 года. Обстоятельство, что на этотъ годъ и два другихъ послѣдующихъ (1310 и 1326) падаютъ важные и исторически достовѣрные эпизоды изъ борьбы между орденомъ и епископомъ въ Ригѣ, и изъ борьбы съ литовцами, даютъ Гельбауму основаніе признавать въ авторѣ этихъ извѣстій рижанина, отмѣтившаго ихъ именно въ Ригѣ. Эти рижскіе ан-

налы заканчиваются 1328 годомъ, когда осада города заставила прекратить работу. Но рукописи, представляющей такую форму, мы не имѣемъ. Къ предположенію о ея существованіи приводитъ Гельбаума вставка болѣе раннихъ замѣтокъ послѣ 1328 года въ Лембергской рукописи. Около 1330 года въ Ригѣ вновь принялись за лѣтописаніе, для котораго воспользовались извѣстіями записанными въ промежуткѣ въ Динаминдѣ, и затѣмъ послѣ находки нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ историческихъ извѣстій, эти послѣднія были присоединены къ рукописи, написанной на чисто. Потомъ уже продолжали анналы до 1335 года. Въ этомъ видѣ эти рижскіе анналы дошли до насъ списанные въ Лембергской (или Леопольской) рукописи; древнѣйшій экземпляръ ихъ имѣлъ подъ руками прусскій хроникеръ Вигандъ изъ Марбурга (въ SS.r. Pruss. t. II p. 453—662). Германъ Вартбергъ пользовался еще особымъ кодексомъ. Но еще въ 1332 году съ Рижскихъ анналъ сдѣлана копія, которою пользовался замландскій каноникъ при своей компиляціи. Самые же Рижскіе анналы были продолжены послѣ 1335 года до 1348. Такого рода кодексъ получилъ польскій хроникеръ Стрыйковскій въ свое распоряженіе изъ церкви лифляндскаго замка Роннебурга, и внесъ его въ свою хронику на польскомъ языкѣ, во многихъ мѣстахъ жестоко исказивъ его. По мѣсту, гдѣ онъ былъ найденъ, кодексъ этотъ называется Роннебургскимъ. Насколько всѣ приведенные выводы Гельбаума, касающіеся отношенія между разными списками лифляндскихъ анналъ, соотвѣтствуютъ дѣйствительному порядку вещей, трудно сказать. Сомнительно однако, чтобы весь процессъ, чрезъ который прошли всѣ кодексы, былъ вполнѣ именно таковъ, какъ онъ представляется у Гельбаума. Въ общемъ онъ кажется дѣйствительно правдоподобнымъ, но въ частностяхъ онъ могъ совершаться иначе. Считаемъ нужнымъ указать здѣсь и на изданія кодексовъ. Лучшее изданіе Ревельскаго кодекса послѣ Штрельке (SS. rer. Pruss. II, p. 140—142) сдѣлано В. Арндтомъ въ Mon. Germ. hist. Script. t. XIX, p. 708—709). Кодексъ Леопольскій изданъ Цейссбергомъ въ Alt-preuss. Monatsschr. Bd. VIII. (1871) p. 577—607). Кодексъ Роннебургскій изданъ въ нѣмецкомъ переводѣ Ширреномъ въ Archiv. t. VIII p. 283—286 (1861 г.)“, затѣмъ въ обратномъ латинскомъ переводѣ Штрельке въ SS. rer. Pruss.

t. II p. 142 — 147. (1863 г.). Лучшія изданія анналъ Замбіенскаго каноника сдѣланы Теппеномъ въ SS. rer. Pruss. t. I, 275 — 290 (1861 г.) и В. Арндтомъ въ Mon. Germ. hist. t. XIX, p. 696—708 (1866 г.). Наконецъ, всѣ эти кодексы вновь переизданы Гельбаумомъ (l. c. p. 56—71).

Изъ прусскихъ хроникъ болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія, касающіяся древней исторіи Лифляндіи, особенно языческой религіи народовъ Литовскаго племени, почерпнуты изъ хроники Дюсбурга (Chronicon terræ Prussiæ von Peter von Du burg въ Scriptores rerum Prussicarum, t. I p. 3—219) и его переводчика Николая Іерошина (Die Kronike von Prusinland, ibid. p. 291—623). Хроника Дюсбурга обнимаетъ исторію Нѣмецкаго ордена, особенно въ Пруссіи, до 1326 года. Пользуясь какъ письменными, такъ и устными данными, Дюсбургъ сообщаетъ намъ свѣдѣнія, которыхъ мы теперь не находимъ въ другихъ источникахъ, и его извѣстія, особенно ближайшія къ его времени, отличаются большою достовѣрностію. Къ одностороннимъ и неправильнымъ сужденіямъ приводятъ только его приверженность къ ордену и религіозный энтузіазмъ,— что было естественно для него какъ орденскаго священника. Благодаря его приверженности къ ордену и темному (dumpfe) суевѣрію, историческіе факты нерѣдко извращаются у него. Тёппенъ полагаетъ (Scr. rer. Pruss. t. I, p. 6), что Дюсбургъ зналъ лифляндскую риѳмованную хронику, хотя, прибавляетъ онъ, къ пользованію ею у него было мало поводовъ; свое предположеніе онъ основываетъ на совпаденіи извѣстій Дюсбурга, что Замландцы могли выставить въ поле 40 тысячъ человѣкъ (lib. III, c. 3) и что Германъ Балькъ по своемъ уходѣ изъ Пруссіи управлялъ Лифляндіею еще 6 лѣтъ (lib. II, c. 10), съ тѣми же извѣстіями въ риѳмованной хроникѣ. Но намъ думается, что совпаденіе въ этихъ двухъ фактахъ при разностяхъ во многихъ другихъ фактахъ и описаніяхъ, хотя не доходящихъ до противорѣчія, а скорѣе дополняющихъ другъ друга, едва-ли можетъ подтверждать его предположеніе, а скорѣе приходится признавать независимость Дюсбурга отъ риѳмованной хроники, или же думать, какъ обыкновенно дѣлается, что оба автора въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ пользовались общимъ источникомъ.

Для внутренней церковной и гражданской организаціи Эс-

тоніи въ 13 вѣкѣ весьма важнымъ источникомъ можетъ служить т. н. Liber Census Daniae или Kong Waldemars Jordebog, т. е. земельная книга короля Вальдемара; она впервые была напечатана въ Scr. rer. Dan. t. VII, p. 507—546 съ кодекса, относящагося къ 13 вѣку, въ который около 1700 г. вставлены нѣсколько первоначально несвязанныхъ, изъ большаго кодекса взятыхъ отрывковъ. (Schirren, Beitrag z. Verständ. des Lib. Cen. Dan. St. Petersburg 1850 г., p. 96). Отрывокъ относящійся къ Эстоніи напечатанъ въ началѣ втораго тома Antiquités Russes. Copenhague 1852 г.) и затѣмъ оттуда воспроизведенъ въ Liv. U. B. t. I. Что касается части писцовой книги относящейся къ Эстоніи, то вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ учеными. Всѣ согласны въ томъ, что составленіе ея относится къ 13 вѣку, но расходятся въ ближайшемъ опредѣленіи времени. Кнюпферъ (Der Güterbesitz in Ehstland z. Zeit d. Danen-Herschaft. Reval 1853, p. 6—7) полагаетъ, что первые два отдѣла, написанные одновременными почерками, относятся уже ко времени Вальдемара II, первый отдѣлъ къ 1231 г., второй вскорѣ послѣ этого. Третій отдѣлъ, написанный другою рукою, появился впервые въ 1254 г., а четвертый во время короля Христофора I, написанный почеркомъ мало отличающимся отъ предшествующаго. Послѣдніе же четыре листа, списанные съ совершенно различной рукописи, относятся къ 1263 году или позже. Бревернъ (Der lib. Cen. Daniae. Dorpat 1858) въ своемъ изслѣдованіи направляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы доказать, что упомянутая писцовая книга могла появиться только вскорѣ послѣ 1238 года между 1240 и 1242 годомъ; этому послѣднему мнѣнію приписываетъ большое правдоподобіе въ новѣйшее время и Бунге (Das Herzogth. Estland. p. 7), который ссылается въ подтвержденіе его на тотъ фактъ, что въ 1242 году король Эрихъ Плогпеннигъ постановилъ, чтобы епископъ получалъ доходы съ помѣстій соразмѣрно числу гакеновъ (И. В. п. 172 20 іюня 1242 г.). Но Ширренъ шагъ за шагомъ слѣдуя за методомъ изслѣдованія и выводами Бреверна, клонящимися къ доказательству одного его положенія, именно составленія этой писцовой книги вскорѣ послѣ Стенбійскаго договора 1238 г., значительно подрываетъ всѣ гипотезы и выводы послѣдняго, не давая впрочемъ взамѣнъ отвергнутыхъ имъ выводовъ почти

ничего новаго. Наконецъ Штрельке (въ Ss. rer. Pruss. I, p. 737) время составленія этого документа полагаетъ въ царствованіе королей Вальдемара (1202—1241 г.) и Христофора I (1252—1259 г.). Что касается лица, которое работало надъ этимъ трудомъ, то мнѣніе Кнюпфера и Бреверна, будто составилъ его свѣтскій чиновникъ по порученію короля Вальдемара, основательно опровергается Ширреномъ (a. a. O. p. 96, 122 и др.), который убѣдительно доказалъ, что сочинителемъ самостоятельнаго фрагмента, относящагося къ Эстоніи, могло быть только духовное лицо. Но Ширренъ, говоритъ Бунге (a. a. O. p. 6), идетъ слишкомъ далеко, когда лишаетъ эту запись всякаго оффиціальнаго происхожденія и хочетъ видѣть въ ней только „замѣтки монаха, члена капитула, съ частнымъ характеромъ". Переработка для частныхъ цѣлей такого статистическаго опыта, составленнаго изъ массы усердно собранныхъ замѣтокъ, представляетъ задачу, которую съ трудомъ могъ предпринять духовный тринадцатаго столѣтія». Поэтому въ виду того, что для ревельскаго епископа, какъ признаетъ и самъ Ширренъ, точное знаніе числа гакеновъ принадлежащихъ къ его діоцезу отдѣльныхъ помѣстій и грунтовъ было необходимо потому, что его главные доходы состояли въ размѣренной по числу гакеновъ подати съ грунтовъ, приходится признать болѣе правдоподобнымъ вмѣстѣ съ Бунге, что эта запись составлена если не самимъ епископомъ, то по его порученію кѣмъ либо изъ его духовныхъ на основаніи отдѣльныхъ замѣтокъ приходскихъ священниковъ. При такомъ предположеніи лучше объясняются повторенія, темнота и противорѣчія, встрѣчающіяся въ ней, ибо въ такомъ случаѣ эта запись, какъ она дошла до насъ, представляетъ неготовый, черновой набросокъ, нуждающійся еще въ пересмотрѣ. Но съ другой стороны, признаніе ученымъ Бунге мнѣнія Бреверна о времени составленія этой записи препятствуетъ ему признать авторомъ ея духовнаго изъ ревельскаго капитула, потому что въ 1240 г. капитулъ ревельской епископіи представляется только возможнымъ въ будущемъ (И. В. п. 166), и заставляетъ его пускаться въ дальнѣйшія соображенія, допускающія возможность признанія за автора не только какого либо епископскаго подчиненнаго, въ родѣ его капеллана, но и самого епископа; въ послѣднемъ случаѣ, по его мнѣнію, проще объ-

ясняются встрѣчающіяся въ записи дважды „nos“ и „nobis“, выраженія, которыя епископъ, какъ глава духовенства, могъ употребить вездѣ, гдѣ дѣло касалось владѣній, правъ и притязаній церкви.

Обратимся теперь къ пособіямъ, которыми мы главнымъ образомъ пользовались при нашемъ трудѣ.

Сочиненіе Гаусмана: „Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estland's bis 1227, Leipzig. 1870. (S. 107) выясняетъ отдѣльный эпизодъ изъ Лифляндской исторіи, именно борьбу нѣмцевъ и датчанъ изъ за владѣнія Эстоніей. Весь матеріалъ расположенъ у него въ пяти отдѣлахъ: основаніе и ростъ датской колоніи (1219—1220), ея перевѣсъ надъ нѣмцами (Deutschthum—1222), ея упадокъ, благодаря возстанію эстовъ и плѣну короля (1225), и ея гибель (1227 г.). Здѣсь, по отзыву Гильдебранда, событія представлены на прочномъ основаніи тщательнаго изученія источниковъ, въ строгомъ отдѣленіи цѣннаго отъ негоднаго, достовѣрнаго отъ сомнительнаго, при обширномъ знакомствѣ съ выводами прошедшихъ изслѣдованій, на ряду съ которыми постоянно самостоятельно выступаетъ сужденіе автора. Добросовѣстное, методическое изслѣдованіе, соотвѣтственное пониманіе хода событій въ общемъ, плавное, ясное изложеніе даютъ этому сочиненію право на видное мѣсто въ исторической литературѣ“. Гильдебрандъ съ другой стороны справедливо ставитъ Гаусману въ упрекъ то обстоятельство, что онъ прервалъ свое сочиненіе на 1227 годѣ, такъ какъ этимъ годомъ внутренняя борьба далеко еще не закончилась, и только со времени Стенбійскаго трактата 1238 г. были положены основанія къ мирному развитію датскаго и нѣмецкаго владычества въ Эстоніи (Balt. Monatsschr. B. XIX, p. 577—578).

Сочиненіе Филиппа Шварца: Kurland in dreizehnten Jahrhundert bis zu Regierungsantrit Bischof Emund's von Werd, Leipzig 1875, раскрываетъ состояніе Курляндіи въ XIII в. Авторъ его защитникъ интересовъ ордена: онъ держится, повидимому, положенія, что все, что произошло за этотъ періодъ въ Прибалтійскомъ краѣ, послужило къ утвержденію здѣсь нѣмецкаго господства и христіанства; онъ убѣжденъ (p. 36), что только на тѣхъ основаніяхъ, которыя болѣе всего возбуждали (anspornten) эгоистичныхъ господъ, можно было оконча-

тельно утвердить и обратить край, потому-то дѣятельность папскаго легата Бальдуина, шедшая въ разрѣзъ съ наклонностями ордена, подвергается у него строгому осужденію. Впрочемъ, авторъ не выдержалъ повсюду свой принципъ; такъ напр. (на стр. 74) говоря о раздѣлѣ городовъ между епископомъ и орденомъ, по которому первый получилъ $^1/_3$, а послѣдній $^2/_3$, онъ признаетъ, что изъ подобнаго принципа раздѣла легко могли возникнуть споры и столкновенія и что епископъ въ данномъ случаѣ остался въ невыгодѣ, ибо онъ со своей меньшей силой не могъ выступить противъ ордена. Не смотря на это, въ фактическомъ отношеніи сочиненіе едва-ли оставляетъ желать чего-либо лучшаго; эти достоинства его объясняются тѣмъ, что авторъ пользовался превосходнымъ изслѣдованіемъ Кальмейера объ основаніи нѣмецкаго господства и христіанства въ Курляндіи въ 13 вѣкѣ (въ Mitth. aus d. Livl. Gesch. B. IX; p. 147—252) и закончилъ его тѣмъ же годомъ, на которомъ смерть ааставила Кальмейера остановиться. Выставивъ надъ своимъ сочиненіемъ другое заглавіе, авторъ только уклонился отъ его содержанія, которое уже заглавія, ибо оно касается преимущественно борьбы между орденомъ и епископами.

Приступая къ разбору сочиненій ученаго Бунге, мы должны предварительно сказать, что всѣ они отличаются вообще необыкновенно тщательнымъ сборомъ далеко разсѣяннаго матеріала, что естественно ожидать отъ неутомимаго издателя Лифляндскихъ актовъ, далѣе — обдуманнымъ и осмотрительнымъ взвѣшиваніемъ многочисленныхъ спорныхъ вопросовъ, отъ которыхъ страдаетъ яснѣйшее пониманіе древнѣйшей исторіи Лифляндіи, наконецъ—тонкими и остроумными хронологическими выкладками, которымъ авторъ подвергаетъ многочисленные недатированные или ложно опредѣленные акты.

Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Livland die Wiege der deutschen Weihbischöfe, Leipzig 1875 г. 102. S., авторъ, отправляясь отъ невѣрнаго предположенія, по отзыву К. Гёльбаума (въ Götting. gel. Anzeiger 1875 г. st. 30), что только ближайшимъ поводомъ къ должности средневѣковыхъ викарныхъ епископовъ послужило учрежденіе въ Лифляндіи епископіи въ 12—13 вѣкахъ, озаглавилъ свое сочиненіе не точно, такъ какъ Лифляндія не можетъ называться колыбелью викарныхъ епископовъ. Гёльбаумъ, по справедливости, раздѣляетъ всѣхъ при-

водимыхъ у Бунге епископовъ на три класса, такъ что для однихъ является безспорнымъ характеръ викарныхъ епископовъ (Теодорихъ Вирляндскій и Арнольдъ Земигальскій), другіе исправляютъ эту должность только временно (еп. Германъ Дерптскій, еп. Бальдуинъ Земигальскій и др.), третьи же такъ называемые Лифляндскіе церковные князья отправляли эту обязанность только случайно, мимоходомъ, и поэтому не могутъ быть причислены къ викарнымъ епископамъ.

Сочиненіе того же ученаго Бунге—„Der Orden der Schwertbrüder, dessen Stiftung, Verfassung und Auflösung. Leipzig. 1875 г. S. 98. менѣе касается нашего предмета, именно только тою стороною, гдѣ трактуется о значеніи ордена въ дѣлѣ введенія христіанства въ Лифляндіи, о его отношеніяхъ къ мѣстнымъ епископамъ и т. п. Здѣсь въ краткомъ и основательномъ систематическомъ изложеніи представлено все, что до сихъ поръ извѣстно объ орденѣ, и авторъ, какъ имѣющій безспорный авторитетъ въ области исторіи Прибалтійскаго права, оставляетъ за собою далеко всѣ попытки, сдѣланныя до него по этому спеціальному предмету.

Наконецъ, третье важное сочиненіе Бунге, касающееся болѣе нашего предмета, трактуетъ объ эстонскомъ герцогствѣ подъ датскимъ владычествомъ; оно озаглавливается такъ: Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. Cotha. 1877. S. 391. Обнимая всѣ стороны и формы датскаго владычества, это сочиненіе трактуетъ подробно и о церковныхъ дѣлахъ тогдашняго времени. Какъ и остальныя его изслѣдованія оно отличается замѣчательнымъ богатствомъ, группировкою и обработкою сыраго матеріала; при этомъ авторъ далекъ отъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій, національныхъ и политическихъ, и преслѣдуетъ повсюду безпристрастно одну только правду, какъ бы она не поражала своею рѣзкостью.

Наконецъ, въ качествѣ руководящаго пособія при изученіи лифляндской исторіи нужно указать на систематическій перечень всѣхъ источниковъ и пособій по исторіи прибалтійскаго края професс. Винкельмана подъ заглавіемъ: Bibliotheca Livoniae historica. Berlin 1878 г. Этотъ указатель по сознанію самого автора и другихъ ученыхъ конечно не можетъ претендовать на идеальную полноту; недостатокъ этотъ особенно замѣтенъ по русской литературѣ, касающейся Лифляндіи, что впро-

чемъ естественно для автора нѣмца, имѣвшаго своими сотрудниками также заграничныхъ ученыхъ нѣмцевъ. Съ другой стороны, автору ставятъ въ упрекъ и не совсѣмъ систематическое распредѣленіе матеріала по отдѣламъ.

Въ сдѣланномъ обзорѣ литературы предметы перечислены и вкратцѣ охарактеризованы только важнѣйшіе источники и пособія. Менѣе важные будутъ указаны при ссылкахъ на нихъ, причемъ по мѣрѣ надобности будетъ сдѣлана и критическая оцѣнка ихъ или въ самомъ текстѣ или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Затѣмъ, что касается источниковъ и пособій, которыми авторъ пользовался въ первой части своего труда, то онъ не счелъ нужнымъ въ данномъ мѣстѣ подвергать ихъ историко-критической оцѣнкѣ, во первыхъ потому, что такихъ спеціальныхъ источниковъ и пособій очень мало и при томъ къ къ числу таковыхъ могутъ быть причислены уже нѣкоторые разсмотрѣнные выше общіе источники и пособія, во вторыхъ потому, что эта часть сочиненія занимаетъ второстепенное мѣсто.

Легко замѣтить изъ сдѣланнаго обзора источниковъ и пособій по древней лифляндской исторіи разницу между ея богатымъ сырымъ матеріаломъ и сравнительно незначительной обработкой этого матеріала. Въ области лифляндской исторіи ученые трудятся пока болѣе надъ собираніемъ и группировкой сыраго матеріала, чѣмъ надъ выводомъ и объясненіемъ изъ него общаго теченія своеобразной прибалтійской исторіи. Эта послѣдняя работа, по справедливости можно сказать, еще только начинается. Что дѣйствительно высказанная мысль справедлива, это подтверждается самымъ характеромъ сочиненій по исторіи Лифляндіи. Всѣ они носятъ монографическій характеръ, касаются только извѣстнаго круга личностей или явленій и отдѣльныхъ областей и почти не переступаютъ чрезъ тринадцатый вѣкъ, за которымъ положеніе изслѣдователя становится болѣе труднымъ отчасти вслѣдствіе меньшей достовѣрности источниковъ, отчасти по отсутствію за этотъ періодъ сколько нибудь серьезныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ. Такимъ состояніемъ лифляндской исторіи объясняется, по нашему мнѣнію, отчасти отсутствіе цѣльности, внутренней связности и закономѣрности въ сочиненіяхъ, относящихся къ ней. Читателя прежде всего поражаетъ неравномѣрность между

текстомъ и подстрочными примѣчаніями и разными экскурсами въ концѣ сочиненій. Затѣмъ, вдумываясь въ излагаемыя событія и дѣятельность лицъ, читатель пораженъ отсутствіемъ идей, которыхъ онъ привыкъ искать въ основаніи событій. Ему бросаются только въ глаза разъясненія и споры о днѣ и годѣ вступленія на извѣстный постъ и смерти какого-либо дѣятеля въ лифляндской исторіи, о мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ въ данный моментъ времени, и что только извѣстно гдѣ нибудь о его дѣятельности. И такимъ образомъ предъ читателемъ оказывается только группировка событій во временной послѣдовательности съ указаніемъ иногда на внутреннюю связь и законосообразное ихъ теченіе. Вникая глубже въ общій характеръ и нить событій, читатель замѣчаетъ, что въ основѣ ихъ всегда лежатъ владѣльческіе поземельные и сословные интересы, независимо отъ того, участвуютъ ли въ нихъ духовныя или свѣтскія лица. Такимъ образомъ, читатель въ концѣ концовъ находитъ только двѣ общихъ руководящихъ идеи лифляндской исторіи, по крайней мѣрѣ за первый ея періодъ, именно, экономическую и сословную. Область явленій, группирующихся около первой идеи, обнимаетъ поземельные вопросы лифляндіи, а въ область явленій, которую обнимаетъ вторая идея, входятъ вопросы о привиллегіяхъ различныхъ сословій и корпорацій. Въ тоже время читатель замѣчаетъ, что эти идеи не только не проходятъ черезъ явленія, относящіяся къ земледѣльческому классу, т. е. крестьянамъ, которымъ естественно прежде всего руководствоваться въ жизни этимъ первоначальнымъ низшимъ интересомъ, напротивъ роль этого класса къ этимъ идеямъ вполнѣ пассивна, а весь центръ тяжести этихъ идей падаетъ на господствующія сословія—дворянство и духовенство. Послѣ этого читатель перестаетъ удивляться пустотѣ и простотѣ лифляндской исторіи, ибо онъ пришелъ къ убѣжденію, что такова ужъ сущность самой исторіи Лифляндіи, и винить здѣсь изслѣдователей можно гораздо менѣе, чѣмъ какъ онъ прежде предполагалъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Народы остзейскихъ провинцій и ихъ разселеніе до XIII вѣка.

Судьба обитателей Прибалтійскаго края до прибытія нѣмцевъ находится еще во мракѣ неизвѣстности. Это объясняется отчасти недостаткомъ изслѣдованій въ наукѣ объ этомъ предметѣ, отчасти самыми современными методами изслѣдованій. Едва-ли можно ожидать точныхъ и достовѣрныхъ результатовъ отъ изслѣдованій доисторическихъ судебъ народовъ, которыя основываются на простомъ толкованіи названій народовъ, начиная съ древнѣйшихъ и доходя до позднѣйшихъ временъ, т. е. иначе говоря, идя отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, отъ гипотезы къ фактически данному. Особенно это можно сказать о методахъ изслѣдованій древнѣйшей исторіи народовъ Прибалтійскаго края. Поэтому и не удивительно, что древнѣйшая исторія этихъ народовъ до сихъ поръ весьма мало разъяснена, полна противорѣчивыхъ взглядовъ и толкованій, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на несомнѣнную вѣрность. Болѣе надежныхъ и вѣрныхъ результатовъ, конечно, нужно ждать отъ изслѣдованій археологическихъ, лингвистическихъ, антропологическихъ и другихъ, которыя пока еще находятся въ зачаточномъ состояніи относительно народовъ Прибалтійскаго края.

Въ настоящее время считается уже общепризнанною истиною, что народы, населявшіе до прибытія нѣмцевъ восточный берегъ Балтійскаго моря, принадлежали къ двумъ племенамъ, литовскому и финскому.

Когда вѣтвь литовскаго племени, латыши, двинулись въ тѣ мѣста, которыя они занимали во время прибытія сюда нѣмцевъ, до сихъ поръ не опредѣлено, и относительно этого ученые разногласятъ. По изслѣдованію знаменитаго ученаго Шафарика латыши уже предъ Р. Х. 320 лѣтъ, судя по свидѣтельству грека Питеаса и около 175 г. по Р. Х., по свидѣтельству Ксенофонта Лампсакскаго, находились на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ мы ихъ находимъ позже. [1]) Здѣсь на берегу Балтійскаго моря эта вѣтвь литовскаго племени раздѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, получившихъ каждый свое особое названіе кромѣ общенароднаго названіе Latvis, латышъ. Латыши ближайшіе сосѣди литовцевъ, жившіе на лѣвомъ берегу средняго теченія Двины, назывались у прибалтійскихъ лѣтописцевъ Semegallen, Semigalli, у русскихъ Земѣгола, у самихъ латышей Semgalleefchi, т. е. обитатели низменной страны (Semis—низменный, gals—конецъ, страна) [2]). Далѣе, подлѣ нихъ по лѣвому берегу Двины къ востоку жили Selen, Selones или по ихъ собственному именованію себя Rehdini [3]), а латыши, поселившіеся болѣе къ западу, называютъ ихъ Augschgalleefchi [4]). По свидѣтельству лѣтописца Генриха латышскаго, они имѣли свой замокъ при Двинѣ на востокъ отъ Кокенгузена [5]), и простирались къ западу до окрестности Кокенгузена [6]) Страна, занимаемая латышами по правой сторонѣ Двины, въ собств. Лифляндіи, называется ими Vidsemme, т. е. средняя страна земли [7]). Собственно лифляндскіе латыши называются Lethigalli, у русскихъ Лѣтьгола (Сѣтьгола, вѣроятно, ошибка писца), Lethi [8]), латыши. Трудно съ точностію указать границы ихъ поселенія. Извѣстно только, что они занимали страну, начиная съ Кокенгузена [9]) и простираясь къ сѣверу до верховьевъ рѣки Койвы, гдѣ ихъ страна называлась

[1]) Slav. Alterth. Leipzig. 1843 г. B. I, p. 452—453.

[2]) Stender, Lett. Gramm. 2 Aufl. Mitau. 1783, p. 19.

[3]) Stender, Lett. Lexic. p. 372.

[4]) Stender, Lett. Gramm. p. 19.

[5]) Henrici Chronicon Livoniae. Pertz. Hannoverae 1874 г. L. XI, cap. 6.

[6]) Ibid. XI, 9.

[7]) Stender, Lett. Lexic. p. 378.

[8]) Генрихъ латышскій строго не разграничиваетъ двухъ названій Lethi и Lethigalli; въ одномъ мѣстѣ онъ выражается такъ: Lethi, qui proprie dicuntur Lethigalli, а двѣ строки ниже: Lethi vel Lethigalli X, 3.

[9]) Ibid. XI, 9.

Толова [1]). Отсюда поселенія ихъ направлялись къ западу до озера Астигерва (нынѣ Burtneks) при рѣкѣ Имерѣ [2]) (Зеддѣ). Здѣсь въ странѣ Трикатуѣ они имѣли замки Беверинъ, Аутине, Сотекле [3]). Далѣе, извѣстно, что они жили около города Вендена [4]). Наконецъ мы находимъ латышей среди Ливовъ въ Ливоніи въ тѣсномъ смыслѣ, именно въ провинціи Идумеѣ, черезъ которую протекала рѣка Ропа (нынѣ Brasle), впадающая въ Койву или иначе Трейденъ-Аа [5]).

Болѣе изслѣдованій сдѣлано относительно финскаго племени, но и о нихъ нельзя сказать, чтобы они привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Можно указать на одно мнѣніе, болѣе или менѣе общераспространенное, что финское племя есть самое древнее изъ другихъ племенъ, населяющихъ въ настоящее время восточную часть Европы, но въ новѣйшее время и противъ этого мнѣнія поднимаются голоса со стороны финскихъ ученыхъ. Шафарикъ находилъ возможнымъ признать правдоподобнымъ, что тѣ не скиѳскіе народы, которые перечисляются Геродотомъ, были предками теперешнихъ народовъ финскаго племени, что финны уже со времени Геродота до Іорнанда и Прокопія (съ 456 до Р. Х. по 552 послѣ Р. Х.) жили въ общемъ на тѣхъ же мѣстахъ сѣверной Европы, гдѣ мы находимъ ихъ еще въ VI и IX в. и что западные финны уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. были слабы и очень раздроблены [6]). Противъ подобныхъ мнѣній особенно вооружился въ

[1]) Ibid. XI, 6.

[2]) Ibid. XI, 7 и друг.

[3]) Ibid. XII, 6 и друг.

[4]) Livl. Reimchronik, Leo Meyer. Paderborn. 1876, v. 9230; Heinr. XXIX, 3.

[5]) Генрихъ латышскій говоритъ о священникѣ Даніилѣ, который былъ посланъ къ идумейцамъ (Idumeos) и который, quam plures ibi et Lethtlos et Idumeos baptizans, ecclesiam super Ropam edificavit. X, 15; изъ XI, 2 видно, что въ Идумеѣ жили ливы, слѣд. можно заключить, что въ предъидущей главѣ они названы идумейцами отъ провинціи; далѣе изъ XV, 7 видно, что Идумея граничила съ латышами (in Idumeam usque ad Lethos et Venden). Не происходятъ ли Idumea Генриха, Vidumo ливовъ на Домеснесѣ (такъ называли они Лифляндію въ узкомъ смыслѣ) и Vielsemme латышей отъ одного и того же корня? Если отбросить послѣднюю половину слова mea, mo, semme—земля, то остается Idu, Vidu, Vid. Не тожественны ли эти слова съ финс. wito, wita—кривой, косый, озерный папоротникъ или съ фин. ita востокъ; itäma—восточная земля? Идумея, по Генриху, дѣйствительно находилась къ востоку отъ ливской провинціи Метсеполе (H. XV, 7; XXIX, 3).

[6]) L. c. p. 297. 307.

настоящее время финскій ученый Коскиненъ; онъ доказываетъ ту мысль, что народы финскаго происхожденія въ Прибалтійскомъ краѣ не суть аборигены, но что они прибыли сюда позже народовъ литовскаго племени [1]). Камнемъ преткновенія служитъ названіе обитателей восточнаго берега Балтійскаго моря Aestyi, Aesti, Hoesti у Тацита, Іорнанда и Кассіодора, Esten у Вульфстана; оно сдѣлалось предметомъ разнообразныхъ толкованій историковъ, относящихъ его то къ пруссамъ, то къ литовцамъ, то къ нынѣшнимъ эстамъ, то къ готамъ, то вообще ко всѣмъ народамъ, населявшимъ восточный берегъ Балтійскаго моря и въ этомъ послѣднемъ случаѣ этимъ названіемъ обозначается собственно народъ востока, а Eastland—страна восточная. Къ послѣднему мнѣнію примыкаетъ и Коскиненъ. Уже то обстоятельство, что существуетъ такое разнообразіе толкованій даннаго названія, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи критерія, по которому можно было бы выбрать то, а не другое толкованіе. Нѣтъ почти никакой возможности опредѣлить къ какому народу или народамъ тотъ или другой писатель прилагалъ это названіе, вслѣдствіе отсутствія точныхъ географическихъ указаній страны или странъ, гдѣ обиталъ народъ или народы, носившіе подобное названіе. Но то обстоятельство, что названіе это впослѣдствіи осталось за вѣтвію народовъ финскаго племени, скорѣе можетъ до нѣкоторой степени говорить въ пользу того мнѣнія, что нѣкоторые писатели до 11—12 в. могли относить его именно къ этой вѣтви народовъ. Свое мнѣніе Коскиненъ старается обосновать на географическомъ положеніи народовъ литовскаго и финскаго племени въ Прибалтійскомъ краѣ и ихъ политическомъ отношеніи другъ къ другу. Прежде всего онъ ссылается на то, что куроны и ливы занимали пункты болѣе выгодные въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, чѣмъ латыши; отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что первые были побѣдителями, а послѣдніе покоренными, что слѣд. первые явились на эти мѣста позднѣе вторыхъ [2]). Во вторыхъ, онъ указываетъ на то, что латыши были притѣсняемы ливами [3]) и эстами [4]), судя по извѣстію хро-

[1]) Acta Societ. Scient. Fenn. 1867. t. VIII, prs. II, p. 394—411; Oppikirja Suomen Kansun Lishoriassa. Helsingissä 1869. p. 5—7.

[2]) Acta Soc. Sc. Fenn. t. VIII, p. 396.

[3]) H. XI, 7, 3. [4]) Ibid. XII, 6.

ники Генриха латышскаго. Но намъ думается, что ни тотъ ни другой фактъ не уполномочиваютъ дѣлать выводъ о завоеніи, покореніи, а слѣд. и о позднѣйшемъ поселеніи. Болѣе выгодное мѣстоположеніе и притѣсненіе однимъ народомъ другаго не предполагаютъ неизбѣжно завоеванія, они могли быть обусловлены другими причинами, которыя намъ неизвѣстны, но которыя во всякомъ случаѣ можно себѣ представить. Ничто не препятствуетъ намъ мыслить, что народы финскаго племени заняли свои болѣе выгодныя мѣста ранѣе латышей, которые уже явились впослѣдствіи, и по необходимости должны были поселиться на мѣстахъ менѣе выгодныхъ и, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени могли очутиться въ экономической зависимости отъ первыхъ, тѣмъ болѣе что послѣдніе были менѣе воинственны, чѣмъ ливы и эсты [1]). Болѣе удовлетворительные результаты получилъ Коскиненъ изъ сравненія ливскаго нарѣчія съ нарѣчіями другихъ народовъ финскаго происхожденія. Но все же эти результаты не могутъ претендовать на достовѣрность, когда дѣло идетъ о времени выдѣленія народовъ. Онъ самъ сознается, что „было бы однако безумно стараться построить какую бы то ни было хронологію на этихъ филологическихъ данныхъ. Но, прибавляетъ онъ, присоединяя къ нимъ историческія данныя, можно по меньшей мѣрѣ дойти до высокой степени правдоподобія для эпохи прибытія ливовъ въ Ливонію“ [2]). Но дѣло въ томъ, что и историческія данныя не столь очевидны и безспорны, какъ это кажется съ перваго взгляда; они, напротивъ, имѣютъ также гипотетическій характеръ и могутъ быть толкуемы на разные лады. Коскиненъ полагаетъ возможнымъ признать, что причиной передвиженія финскаго племени и его раздѣленія послужило основаніе въ срединѣ или во второй половинѣ VII в. Болгарскаго государства на Волгѣ [3]). Вѣтвь финновъ, получившая впослѣдствіи названіе куроновъ и ливовъ, вслѣдствіе этого отдѣлилась отъ остальныхъ финновъ и двинулась въ концѣ VII или началѣ VIII вѣка въ Лифляндію, оттѣснивъ латышей къ югу и востоку внутрь страны [4])., Другая часть направилась прямо къ западу и остановилась по обоимъ

[1]) Reimchr. v. 1826—1831.
[2]) Acta Soc Sc. Fenn. t. VIII. p. 407.
[3]) Ibid. p. 410.
[4]) Oppikirja Suom. K. hist. Helsing. 1869, p. 6.

берегамъ финскаго залива; тѣ, которые поселились по южной сторонѣ залива, стали называться эстами, другіе—собственно финнами [1]). Трудно повѣрить этому мнѣнію, пока оно опирается на гипотезахъ, которымъ можно противопоставить гипотезы не менѣе основательныя. Но болѣе основательными, по видимому, кажутся филологическія выкладки Коскина, когда дѣло касается степени сродства финскихъ народностей и самаго процесса раздробленія финскаго племени. Оказывается, что языкъ ливскій тѣсно примыкаетъ къ финскому, именно къ діалекту карельскому, а языкъ эстонскій весьма сходенъ съ нарѣчіемъ тавастскимъ. Это даетъ намъ право думать, что эпоха отдѣленія ливовъ должна была предшествовать отдѣленію эстовъ, но она должна быть позднѣе, чѣмъ произошло раздѣленіе финскаго и собственно чухонскаго нарѣчій (vespe—къ юго-востоку отъ Онежскаго озера). Что ливы и куроны принадлежали къ карельской вѣтви, на это указываютъ и названія „куроны“ и „карелы“ (Kyrials, Kiriales, сканд. сагъ). Названіе ливовъ до сихъ поръ встрѣчается у кареловъ на востокѣ отъ Ладожскаго озера, которые называютъ свой діалектъ Livvinkieli т. е. языкъ Ливовъ [2]). Племя тавастское раздѣлилось на двѣ вѣтви—финновъ и ямь (iaemes). Весь берегъ Финскаго залива отъ Выборга до Раумо занятъ тавастскимъ племенемъ съ діалектомъ болѣе близкимъ къ эстонскому, чѣмъ іемскій. Можно думать поэтому, что первая эмиграціонная толпа тавастцевъ должна была быть вѣтвь финновъ и эстовъ, которая, подвигаясь къ западу, была раздѣлена Финскимъ заливомъ. Затѣмъ двинулась вѣтвь іемская и прошла черезъ Неву внутрь Финляндіи. Однако нужно думать, что эсты въ окрестностяхъ Дерпта, у которыхъ языкъ финскій сохранился въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, принадлежатъ къ этой послѣдней іемской эмиграціи, часть которой прошла по лѣвому берегу Наровы. Коскиненъ находитъ возможнымъ признать, что эта послѣдняя эмиграція могла продолжаться и послѣ основанія русскаго государства [3]). Мысль о позднѣйшемъ прибытіи эстовъ вокругъ Дерпта ка-

[1]) Ibid. p. 6. Коскинену въ отношеніи времени переселенія финновъ и эстовъ слѣдуетъ и Томсенъ (см. Bemaerkinger om de russ. Ostersoegnes Bebyggelsesforhold etc. Kjobenhavn. 1874. p. 2).

[2]) Sjögren, Gs. Schrift. t. I, p, 472.

[3]) Acta Soc. Sc. Fenn. t. VIII, p. 411.

жется довольно правдоподобною. Въ пользу ея можно бы сослаться еще на фактъ полнаго отсутствія у нихъ поэтическихъ сагъ, связанныхъ съ Эмбахомъ и съ мѣстностью нынѣшняго Дерпта, тогда какъ мы находимъ ихъ у жителей провинцій Гервіи и Вироніи [1]). Во всякомъ случаѣ, если признать большое значеніе за географическими названіями, какъ указателями древнихъ жилищъ какого-либо народа, то приходится согласиться съ изслѣдованіемъ Европеуса, по которому вмѣстѣ съ финнами эсты нѣкогда жили около Онежскаго озера и около южной половины Ладожскаго [2]). И поэтому достовѣрнымъ остается то, что населеніе Прибалтійскаго края народностями финскаго племени произошло во всякомъ случаѣ съ сѣверовостока Европы [3]). Во время прибытія нѣмцевъ эсты занимали всю нынѣшнюю Эстляндію и значительную часть Лифляндіи, гдѣ они граничили съ латышами. Но указать ихъ тогдашнюю границу можно только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря прибытію нѣмцевъ, жители Прибалтійскаго края были поставлены въ условія далеко неблагопріятствовавшія спокойному пребыванію на одномъ разъ занятомъ мѣстѣ; то войны, то голодъ, то моровая язва, а главное—невыносимое иго рабства, вынуждали ихъ бѣжать съ одного мѣста на другое и спасаться отъ физическихъ и соціальныхъ бѣдствій. Кромѣ этого существовало еще и недобровольное переселеніе на другія мѣста, которое совершилось при посредствѣ продажи крестьянъ одного помѣщика-рыцаря другому, а также и въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе ли войны или возстанія, крестьяне были переселяемы въ качествѣ военной добычи. Но вообще нужно сказать, что процессъ ассимилированія и поглощенія латышами ливовъ, куронъ и отчасти эстовъ совершенно еще не выясненъ; причины его остаются неизвѣстными и нуждаются въ будущихъ изслѣдованіяхъ. Этимъ однако не отрицается тотъ фактъ, что ассимилированіе началось еще за долго до прибытія нѣмцевъ, хотя причины его въ томъ и другомъ случаѣ могли быть не совсѣмъ различны; они различались на столько, насколько вообще естественный процессъ слиянія двухъ

---

[1]) Verhandl. d. gel. Ehstn. Ges. in Dorpat. I B. I H. p. 40.

[2]) Объ угорскомъ народѣ, обит. въ сред. и сѣв. Россіи, въ Финл. и въ сѣв. ч. Сканд. до приб. туда нын. жит. Спб. 1874.

[3]) Ср. Bähr, Die Gräber. d. Liven. Dresden. 1850 p. 21—22.

или болѣе народностей различается отъ искусственнаго, навязаннаго извнѣ. Изъ современной внутренней исторіи латышей и эстовъ извѣстно, что латыши продолжаютъ свое незамѣтное, спокойное, поступательное движеніе внутрь сосѣднихъ имъ эстовъ. Извѣстно, что еще въ настоящемъ столѣтіи существуютъ остатки эстовъ среди латышей около Маріенбурга на верховьяхъ Эвста, родственныхъ по языку дерптскимъ эстамъ. Можетъ быть, что въ этихъ краяхъ еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ жили эсты. Покрайней мѣрѣ нѣкоторое основаніе такого мнѣнія мы находимъ въ исторіи. Въ русской лѣтописи [1]) упоминается въ 1111 и 1178 гг. о странѣ эстонской—„Очелѣ“, куда новгородцы совершили побѣдоносный походъ. Вѣроятно это названіе тожественно съ упоминаемымъ въ актахъ Adselle [2]), подъ какимъ названіемъ извѣстенъ съ 1238 года замокъ къ сѣверо-западу отъ Маріенбурга [3]). Страна подъ такимъ названіемъ ставится рядомъ со страною подъ названіемъ Половы, которая въ началѣ 12-го в. принадлежала латышамъ и находилась на юго-востокъ отъ Буртнеекскаго озера [4]). Судя по русской лѣтописи въ Очелѣ въ 12-мъ вѣкѣ жили эсты. Когда эту страну заняли латыши, трудно сказать; изъ акта 1224 г. нельзя вывести, кто тутъ тогда жилъ; съ большею вѣроятностію можно предположить, что ее занимали эсты, покрайней мѣрѣ, въ смѣшеніи съ латышами. Во всякомъ случаѣ окончаніе этого названія „le“, передѣланное нѣмецкимъ слухомъ изъ мягкаго эстонскаго и финскаго „la“ „lä“, которое встрѣчается рѣже перваго въ хроникахъ и актахъ и которое у народовъ финскаго происхожденія означаетъ жилище, мѣстопребываніе, деревенскій дворъ, свидѣтельствуетъ, что мѣстность съ такимъ названіемъ нѣкогда занималъ народъ финскаго происхожденія. Далѣе, въ томъ же актѣ, въ первой половинѣ его, гдѣ дѣло идетъ о раздѣленіи страны Половы между епископомъ и братьями рыцарства, встрѣчаются названія мѣстностей или селъ чисто эстонскаго происхожденія, каковы: Ale, Unevele, Turegale. Изъ Генриха латышскаго мы знаемъ, что въ началѣ 13-го в.

---

[1]) Новг. I Л. въ П. С. Р. Л. т. III, стр. 4. 17.

[2]) Livl. Urcund. — Buch. B. I. № 70; ср. Sartor. Lappenb. Urk. — Gesch. t. II, p. 156 и 158.

[3]) См. карту въ Geschichte der deutschen Ostseeprov. Richter B. I.

[4]) Heinr. XI, 7; XXVIII, 9; XXIX, 3.

Толовскую страну занимали латыши, но окончаніе „le“ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что здѣсь нѣкогда жили эсты или народъ финскаго происхожденія. Созвучныя этимъ названія встрѣчаются и у куронъ, по всей вѣроятности народовъ финскаго происхожденія, напр. у нихъ находимъ названія кончающіяся на „valle“ и названіе „Targole“, „Targille“ [1]). Первую половину слова „Unevele“ мы встрѣчаемъ въ имени брата Лембита, старшины провинціи Сакалы „Unepewe“ [2]). Равнымъ образомъ до 13-го вѣка около Астигерва должны были жить эсты или ливы, потому что названіе этого озера обычно у эстовъ, между тѣмъ въ 13-мъ вѣкѣ по свидѣтельству Генриха Латышскаго въ окрестностяхъ его жили латыши [3]). Можетъ быть и то обстоятельство, что латыши называютъ эстовъ „Iggaunі“, т. е. выходцы, напоминаетъ о движеніи эстовъ съ юга Лифляндіи къ сѣверу. Но принимая въ соображеніе, что въ 13-мъ в. обиженными являются латыши, а не эсты, нужно придавать этому слову другое толкованіе [4]).

По общему признанію ученыхъ, ливы принадлежали къ финскому племени. Они занимали все побережье между рѣкою Салисомъ (Saletsa) и Двиною до 43° долготы. Поселенія ихъ шли по правому берегу Двины нѣсколько далѣе ихъ замка Ашерадена. Страна ихъ носила собственно названіе Ливоніи, въ составъ которой входили Торейда, Метаполе, Идумея и замки подлѣ Двины [5]). Торейда занимала все пространство между Двиною и Койвою и еще нѣсколько по правой сторонѣ Койвы [6]). Провинція Метаполе находилась за Койвою на западѣ, кажется, не доходя до моря [7]). Отъ нея къ востоку до Койвы, за которою начиналась Летонія, простиралась Идумея [8]). Соотвѣтственно различнымъ своимъ провинціямъ и замкамъ здѣшніе жители назывались торейдцами, вейнальцами (Veinalenses,

---

[1]) Urk. B. № 103—105. [2]) H. XXI, 5. [3]) Ibid. XIX, 11.

[4]) Производятъ его также отъ древняго названія граничащей съ латышами провинціи Ungaunia, Ugenois, Ogonia. По мнѣнію Dr. Веске и сами эсты прилагаютъ къ себѣ названіе «Ugulane», когда находятся на чужбинѣ и въ этомъ случаѣ слово это означаетъ просто «чуждый», и «чужестранный». Кажется болѣе правдоподобнымъ признать, что эсты названы латышами отъ провинціи, въ которой живутъ; по крайней мѣрѣ финны зовутъ ихъ «Virolainen» вѣроятно отъ названія сосѣдней провинціи «Vironmaa».

[5]) H. XI, 2; ср. XI, 3. [6]) H. XI, 3. 5. XXV, 3.

[7]) Ibid. XV, 7. XIV, 9. [8]) Ibid. XV, XXIX, 3.

Лив. Veina—Двина), гольмцами и др. [1]). И въ самой Ливоніи мы находимъ смѣсь ливовъ и латышей, по крайней мѣрѣ, въ провинціи Торейдѣ и Идумеѣ. Въ Ливоніи мы находимъ латышей и ливовъ болѣе солидарными другъ съ другомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ, они защищаютъ вмѣстѣ замокъ Каупо, князя ливовъ [2]), дѣйствуютъ сообща противъ нѣмцевъ [3]), заключаютъ миръ съ эстами, тогда какъ латыши внѣ собственно Ливоніи отказываются отъ заключенія мира [4]). Что латыши жили вмѣстѣ съ ливами въ самой Торейдѣ, это выводится изъ слѣдующаго. Когда въ 1207 году Ливонія была раздѣлена между рыцарями и епископомъ, послѣдній получилъ Торейду и Метсеполе, а рыцари получили свою часть ex altera parte Coive [5]); при заключеніи въ 1209 г. мира съ эстами, участвовали вмѣстѣ съ ливами и латыши епископа ex una parte Coive; старшина латышскій Руссинъ съ своими латышами изъ замка Сотекле не принялъ этого мира [6]). Если, такимъ образомъ, епископу принадлежали латыши и если они участвуютъ вмѣстѣ съ ливами Торейды въ заключеніи мира, то они, очевидно, должны жить въ провинціи Торейдѣ. Но эти латыши и ливы, повидимому, еще не успѣли на столько ассимилироваться, что-бы потерять свое національное названіе. Не то мы видимъ въ провинціи Идумеѣ. Здѣсь, по словамъ Генриха, живутъ латыши, идумейцы и ливы [7]). Солидарность между первыми двумя и послѣдними не совсѣмъ прочна. У идумейцевъ и латышей фогтомъ или судьею состоитъ князь Владиміръ изгнанный изъ Пскова [8]), потомъ нѣкто Метимне [9]). Большинство идумейцевъ и латышей не участвуютъ въ общемъ возстаніи ливовъ и защитѣ замка Дабреля, — ихъ старшины, и платятъ поэтому сравнительно меньшую съ ливами Дабрелева замка мѣру епископу, установленную четырьмя епископами [10]). А что особенно замѣчательно, такъ это то, что у ливовъ и идумейцевъ были отдѣльныя церкви въ окрестностяхъ

---

[1]) Hein. X, 6. 7. [2]) Ibid. XV, 3.
[3]) Ibid. XVI, 3. [4]) Ibid. XIII, 5. [5]) Ibid. XI, 3. [6]) Ibid. XIII, 5.
[7]) Ibib. XXII, 4. [8]) Ibid. XVI. 7; XVII, 4.
[9]) Ibid. XVII, 6.
[10]) Ibid. XVI, 5; XV, 5. Какъ кажется, облегченіе латышей отъ повинностей не мало способствовало ихъ послѣдующему преобладанію надъ куронами и ливами, которыхъ они совсѣмъ успѣли ассимилировать себѣ.

Ропы [1]). Упоминаются даже священники идумейцевъ Алебрандъ и Даніилъ [2]). Конечно, отсюда еще нельзя заключить съ полною вѣроятностію, чтобы у нихъ и языкъ былъ различный; но во всякомъ случаѣ разница между идумейцами и латышами состоитъ не въ одномъ только названіи, но и въ болѣе существенномъ, иначе хроникеру Генриху не было бы нужды обозначать жителей одной и той-же незначительной провинціи двумя особыми именами. Два названія: одно села „Immekulle“, другое—замка „Urele“ [3]), встрѣчающіяся въ этой провинціи, суть происхожденія ливскаго или эстонскаго (насколько эти нарѣчія тогда еще не различались другъ отъ друга) и свидѣтельствуютъ о финскомъ происхожденіи коренныхъ жителей ея. Отсюда съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ можно заключить, что идумейцы были латыши, подвергшіеся сильному вліянію ливовъ, и, можетъ быть, имѣвшіе нарѣчіе, разнившееся отъ языка настолько, что ихъ нужно было обозначать уже другимъ именемъ. Эта мысль находитъ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что въ 1208 г. къ земигаламъ-латышамъ былъ посланъ священникъ идумейцевъ Даніилъ, а не кто либо другой [4]). Такимъ образомъ слѣдуетъ, кажется, признать, въ противоположность Коскинену, что народы финскаго племени нѣкогда до прибытія нѣмцевъ, и отчасти и послѣ, занимали значительное пространство Лифляндіи, занятое теперь латышами, продолжающими еще въ настоящее время свои мирныя территоріальныя завоеванія. Изъ ливовъ въ настоящее время осталось только нѣсколько лицъ около рѣки Салиса и мыса Домеснеса въ Курляндіи [5]), да и тѣ ужъ не настоящіе ливы, а болѣе походятъ на латышей.

Третьимъ народомъ финскаго происхожденія въ Прибалтійскомъ краѣ были куроны въ нынѣшней Курляндіи (Эст. Kuuramaa, Латыш. Kurzĕmme). Куроны занимали весь берегъ Курляндіи почти до Мемеля и были съ сѣвера сосѣдями эзель-

---

[1]) H. XXII, 4; ecclesias omnes in circuitu tam Lyvonum quem Jdumeorum incenderunt.

[2]) Ibid. XII, 2; XVIII, 2.

[3]) Ibit. XXII, 4. [4]) Ibid. XII, 2.

[5]) Томсенъ (см. Vever. d. Einfl. d. Germ. Schpach auf d. Finn. — Lapp. Halle 1870, p. 17) считаетъ ливовъ, жившихъ на мысѣ Домеснесѣ, потомками древнихъ куронъ.

цевъ [1]). Впрочемъ вопросъ объ ихъ національности далеко еще не разрѣшенъ. Одни относятъ ихъ къ литовскому племени, другіе къ финскому, а третьи смѣшиваютъ ихъ то съ ливами, то съ латышами. Такая путаница зависитъ главнымъ образомъ отъ недостатка обстоятельныхъ историческихъ изслѣдованій. Къ финскому племени относятъ ихъ Видеманъ, Коскиненъ, Кронъ Тунманъ, Томсенъ и др., къ литовскому—Шафарикъ, Ватзонъ и др.; а Рихтеръ въ своей исторіи — Остзейскихъ провинцій относитъ къ тому и другому. Трудность изслѣдованія національности куронъ особенно зависитъ отъ того обстоятельства, что въ настоящее время не осталось ни одного курона, а существуетъ только незначительное число ливовъ на сѣверномъ Ангерскомъ берегу Курляндіи около мыса Домеснеса. Замѣчательно, что древніе хроники 13 в. не упоминаютъ о тамошнихъ ливахъ. Риѳмованная Лифляндская хроника прямо признаетъ эзельцевъ сосѣдями куронъ, а случаевъ къ ихъ упоминанію представлялось не мало. Признавать-ли здѣсь позднѣйшее поселеніе, или же считать древнихъ куронъ предками нынѣшнихъ ливовъ? При отсутствіи историческихъ данныхъ о переселеніи, послѣднее предположеніе кажется болѣе правдоподобнымъ. Отъ древнихъ куронъ остались въ настоящее время только такъ называемые „куронскіе короли" (Koninge). По свидѣтельству пастора Напіерскаго [2]) въ первой половинѣ наст. вѣка, по преданію, ихъ предки были въ 12—13 вѣкахъ правителями страны и получили отъ нѣмцевъ въ награду за помощь, оказанную ими послѣднимъ при покореніи страны, нѣкоторыя преимущества. Въ его время около 8—10 крестьянъ носили прозваніе куронскихъ королей и было еще 7 деревень, жители которыхъ назывались „свободными крестьянами". Языкъ ихъ дурной курляндскій, равнымъ образомъ и одежда ихъ не походитъ на одежду другихъ крестьянъ; мужчины не женятся на дочеряхъ простыхъ крестьянъ, но дочерей своихъ они выдаютъ за зажиточныхъ простыхъ крестьянъ. Одинъ изъ этихъ куронскихъ королей носилъ въ язычествѣ имя „Kikal", которое еще во время Напіерскаго означало вообще дворъ знатнѣйшаго. Это слово, повидимому, говоритъ за финское проис-

---

[1]) Reimchr. v. 352—380.

[2]) Das Inland 1853 г. № 4 и 5.

хожденіе куронскихъ королей, такъ какъ слова съ такимъ окончаніемъ для дворовъ и мѣстностей очень обычны у народовъ финскихъ и они представляютъ дальнѣйшее фонетическое развитіе словъ, оканчивающихся на „la, lä“. Но въ 1320 г. [1]) магистръ Гергардъ даетъ одному жителю Курляндіи и его преемникамъ два гакена земли въ вѣчное владѣніе на вассальныхъ правахъ. Этотъ курляндецъ носилъ имя Тоутегоденъ, что по латышски (tautas gohds) значитъ „краса народа“, каковое обстоятельство, повидимому, противорѣчитъ предъидущему предположенію. Во время добровольнаго покоренія куронъ по сю сторону Виндавы въ 1230 году царемъ у нихъ былъ Ламмехинъ (Lammechinus). Очень вѣроятно, что папскій легатъ Бальдуинъ Альнскій успѣлъ привлечь на свою сторону обѣщаніемъ различныхъ льготъ руководителей народа и въ числѣ ихъ и ихъ царя, которымъ, можетъ быть, и были предоставлены тогда же эти льготы; по крайней мѣрѣ, по дошедшему до насъ акту покоренія куроны обязались только принять христіанство и содержать священниковъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ той мысли что руководители народа перешли на сторону нѣмцевъ, можетъ служить и то обстоятельство, что въ слѣдующемъ 1231 году [2]) нѣмцамъ покорились и остальные куроны по ту сторону Виндавы, но уже безъ участія въ этомъ представителей народа, по крайней мѣрѣ въ актѣ о нихъ не упоминается, да и съ другой стороны представляется болѣе вѣроятнымъ, что у куронъ былъ только одинъ царь, который уже раньше покорился нѣмцамъ. Кромѣ того, область, въ которой теперь живутъ „куронскіе короли“, не упоминается въ числѣ владѣній, переданныхъ когда-либо нѣмцамъ. Что касается извѣстій о самомъ народѣ куронскомъ, то въ актахъ позднѣйшаго времени о нихъ болѣе не упоминается; языкъ актовъ предпочитаетъ вмѣсто длиннаго перечисленія народностей одно слово „не нѣмцы“ (Undeutsche). Но что куроны существовали еще въ началѣ 15 в. какъ отдѣльный народъ, имѣвшій свой собственный языкъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ путешественникъ Жильбертъ Лануа, бывшій въ Лифляндіи зимою 1413—1414 года. Описывая свое путешествіе изъ Пруссіи черезъ Курляндію въ Ригу, онъ говоритъ, что онъ прошелъ „черезъ много деревень земигаловъ

[1]) Urk. B. № 671. [2]) Urk.—B. № 104.

(samegael), куронъ (korres) и ливовъ (lives), изъ которыхъ каждый имѣетъ для себя свой языкъ“ [1]). Идя далѣе въ прошедшіе вѣка, мы находимъ упоминаніе о куронахъ до половины 6 в. по Р. Х., у Нестора (Корсь), у Адама Бременскаго (Chori), у Іорнанда (Caris). Извѣстія, какія мы имѣемъ объ этомъ народѣ въ XIII вѣкѣ, располагаютъ въ пользу того мнѣнія, что онъ былъ сродственъ съ народами финскаго происхожденія. Генрихъ Латышскій представляетъ ихъ постоянно, когда они только выступаютъ на поприще внѣшней исторіи, солидарными съ ливами и эстами. Такъ, въ 1210 году ливы, жившіе по рѣкѣ Адьѣ въ Метаполѣ, впадающей въ Рижскій заливъ, и замышлявшіе изгнаніе нѣмцевъ, отправляютъ прежде всего пословъ къ куронамъ. Посланные съумѣли такъ сильно подѣйствовать на послѣднихъ, что подняли всю землю, не смотря на то, что было уже время жатвы [2]). Куроны съ своей стороны послали пословъ къ эстамъ и другимъ народамъ [3]). Ливы Торейдскіе также собрали войско съ цѣлію помочь куронамъ [4]). Выше приведенныя извѣстія едва-ли сами по себѣ сколько нибудь обосновываютъ мнѣніе о финскомъ происхожденіи куронъ, но устройство и географическія названія ихъ страны въ значительной степени увеличиваютъ вѣроятность этого мнѣнія. Ихъ страна раздѣлялась на области (terrae), килегунды (kylegundae) или провинціи [5]) и села (villae). Такое же раздѣленіе было и на Эзелѣ [6]) и въ Эстоніи [7]). Далѣе, можно сказать, что почти всѣ названія селъ и областей, извѣстныя намъ изъ актовъ, чисто финскаго происхожденія и встрѣчаются и въ Эстоніи. Неизбѣжный спутникъ финскаго названія мѣстности окончаніе lä, la, le встрѣчается въ актахъ не разъ (Sargele, Galle, Galevalle, Pidevalle, Kiemala, Maticule Arovelle) [8]). Затѣмъ имена Ugenesse, Ugesse и Galevalle, напоминаютъ первыя эстонскія провинціи Ugenois, третье—знаменитую финскую страну Kalevala [9]). Кромѣ этого намъ извѣ-

[1]) Bunge. Archiv. t. V, p. 169. [2]) H. XIV, 5. [3]) Ibid. [4]) Ibid.

[5]) Въ актахъ и хроникахъ не различается точно provincia и Kylegunda; такъ въ одномъ актѣ (U. B. № 103 Sargele провинція, въ другомъ (U. B. № 198),—kulegunda. Также и у Генриха XXVIII, 8; XXVIII, 2; XX 12, 7.

[6]) U. B. № 139. [7]) Ibid. № 102.

[8]) Ibid. nn. 103, 104. 105

[9]) Сходство этихъ словъ будетъ полное, когда мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что въ актахъ и хроникахъ буквы c и g часто употребляются безразлично.

стно куронское названіе одного озера Canigerve на сѣверномъ берегу Курляндіи недалеко отъ устья рѣки Aa, что на эст. значитъ „гусиное озеро“ [1]) и названія рѣкъ и ручейковъ, оканчивающіяся теперь на „au“, въ древности на aja напр Lepaja (въ Эстоніи Lüwoja—песчаный ручей), Vindaja, каковое окончаніе aja, oja нерѣдко въ Эстоніи. На всѣ эти основанія справедливо было бы возразить, что они доказываютъ только то, что нѣкогда здѣсь жили народы финскаго племени, если бы не рѣшительное преобладаніе названій, очевидно, чисто финскаго происхожденія, что въ крайнемъ случаѣ свидѣтельствуетъ о недавности существованія здѣсь народа, которымъ они оставлены, и еслибы затѣмъ мы не встрѣчали здѣсь финскихъ или эстонскихъ названій предметовъ болѣе подвижныхъ, исчезающихъ вмѣстѣ съ предметами, которые ими обозначаются. Въ одномъ актѣ, относящемся, вѣроятно, къ концу 13-го в. [2]), мы находимъ нѣсколько личныхъ именъ и названій и жителей и вещей въ Курляндіи чисто финскаго происхожденія. Одинъ крестьянинъ Lembith носитъ имя, тожественное съ именемъ одного Сакаланскаго старшины [3]); имена остальныхъ четырехъ: Ioneken, Ludichen, Donseghen, Taurinen, имѣютъ уменьшительное окончаніе, встрѣчающееся въ финскихъ нарѣчіяхъ на разныхъ ступеняхъ развитія, каковы: kene, ken, ke. Далѣе, слѣдующія названія вещей суть финскаго происхожденія: (лат. falx) victen, vikcete [4]) = эст. vicat = коса; vepae [5]) = эст vaip=верхняя женская одежда; tunna=эст. tünn, tünnik, tünner=боченокъ; ture=эст. tuur—ломъ, гарпунъ=фин. tuura—ломъ, копье=мадьярск. tör—острie, кинжалъ и др. [6]). Не находя приведенныхъ словъ въ нарѣчіяхъ народовъ литовскаго племени, мы имѣемъ значительное основаніе приписать ихъ куронамъ и въ такомъ случаѣ признать тѣхъ, которые ихъ употребляли, принадлежащими къ финскому племени. Изъ всѣхъ приведенныхъ соображеній однако еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ жители Куроніи въ 13—14 в. были финскаго про-

[1]) U. B. № 248. [2]) Ibid. № 603.

[3]) Heinr. XV, 1. [4]) U. B. № 248.

[5]) Въ актѣ ставится рядомъ съ tunicae virorum.

[6]) Финнскій ученый Доннеръ въ своемъ сочин. «Vergl. Vörterbuch der Finn—Ugr. Sprachen. Helsing.» 1874 г. на стр. 130 показываетъ, что это слово съ тѣми или другими измѣненіями существуетъ у большей части народовъ финско-угорскаго племени.

исхожденія. Есть нѣкоторыя основанія думать, что въ Куроніи въ то время и именно среди куронъ жили народы другой національности. Генрихъ Латышскій извѣщаетъ о народѣ „Vendi“ слѣдующее: „Венеды въ то время (т. е. 1207 г.) были покорны и убоги, ибо они были вытѣснены съ Виндавы, рѣки въ землѣ куроновъ, и жили на Древней горѣ, подлѣ которой теперь построенъ городъ Рига; а куроны ихъ выгнали опять отсюда, причемъ многіе были убиты, прочіе бѣжали къ латышамъ и, тамъ живя съ ними, они возрадовались прибытію священника“ [1]). По поводу этого разсказа возникаетъ прежде всего вопросъ: передаетъ ли его Генрихъ какъ сказаніе самихъ венедовъ о своей прошлой судьбѣ, или въ смыслѣ описанія историческаго факта, совершившагося на его глазахъ, или же, наконецъ, этотъ разсказъ представляетъ ничто иное, какъ собственное толкованіе Генриха, съ цѣлію установить историческую связь съ мѣстностями болѣе или менѣе отдаленными, носящими сходное названіе? Далѣе, возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, съ какой стати куронамъ было прогонять венетовъ съ Древней горы, которая совершенно не касалась страны куронъ, а отстояла отъ нея на значительномъ разстояніи, предполагая при этомъ, что мѣстообиталище куронъ было тогда тоже, что и въ 13-мъ вѣкѣ? Генрихъ однако передаетъ этотъ разсказъ съ такою подробностію (pluresque occisi sunt), что вынуждаетъ признать въ немъ дѣйствительный историческій фактъ, совершившійся если не на его глазахъ, то покрайней мѣрѣ, не въ слишкомъ отдаленномъ прошедшемъ. Но принимая въ соображеніе то обстоятельство, что при постройкѣ Риги (1201 г.) обладателями Древней горы были ливы и что объ нихъ не упоминается ни единымъ словомъ по прибытіи нѣмцевъ до 1207 года, нужно думать, что фактъ изгнанія венетовъ съ „древней горы“ совершился не позже второй половины 12-го вѣка, что Генрихъ передаетъ этотъ разсказъ въ смыслѣ сказанія о прошлой судьбѣ этихъ венедовъ. Древнее названіе одной курляндской рѣки Vindaja, Vendava, Vinda, Vindau,

[1]) H. X, 14: «Vendi autem humiles erant eo tempore et pauperes, utpote a Vinda repulsi, qui est fluvius Curoniae et habitantes in Monte Antiquo, juxta quem Riga civitas nunc est edificata, et inde iterum Curonibus effugati pluresque occisi reliqui fugerunt ad Letthas et ibi habitantes cum eis, gavisi sunt de adventu Sacerdotis».

даетъ нѣкоторое право думать, что здѣсь нѣкогда жили венеды; ибо по эстонски оно значитъ „рѣка вендовъ“. Въ опору этого мнѣнія можно было бы еще привести то толкованіе имени Venelane, какъ называются русскіе у эстовъ, по которому оно происходитъ не отъ финск. и эстск. vene—ладья, venelane—ладейщикъ, но по извѣстнымъ законамъ эстонскаго языка, отъ Venedi, Veneti [1]). Отсюда выходило бы, что народы финскаго происхожденія столкнулись прежде всего съ венетами, имя которыхъ они и перенесли на всѣхъ русскихъ послѣдующаго времени и что куроны прозвали эту рѣку по имени жившихъ тамъ венедовъ. Затѣмъ, въ устьѣ рѣки Виндавы находился замокъ, который латыши называютъ Ventespils, т. е. замокъ Вентовъ [2]). Слѣдя за дальнѣйшею исторіею этихъ вендовъ, мы находимъ ихъ въ замкѣ Венденѣ въ части рыцарей [3]); здѣсь въ древнемъ замкѣ они въ 1210 году жили вмѣстѣ съ рыцарями [4]); съ этого года вѣроятно рыцари построили себѣ другой замокъ, ибо въ 1218 году каждый изъ нихъ имѣлъ уже отдѣльный замокъ [5]). Замокъ этотъ отличался отъ всѣхъ замковъ въ Ливоніи своимъ малымъ объемомъ (minus cestellum); тогда какъ замокъ братьевъ рыцарства былъ значительныхъ размѣровъ, ибо между самою крѣпостію и воротами находилась цѣлая деревня, которая, въ случаѣ невозможности противостоять непріятелю, была сожигаема и защитники удалялись въ самый замокъ [6]). Какое положеніе другъ къ другу занимали эти два замка, трудно себѣ представить; нужно полагать однако, что они находились на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга и были обведены, можетъ быть, общею стѣною, такъ что ихъ можно было разсматривать какъ одинъ замокъ [7]). Далѣе, вѣроятно, въ Торейдѣ, по правой сторонѣ

---

[1]) Dr. Веске въ Sitzungsber. der hel. Ehstn. Gesell. zu Dorpat. 1874 г. p. 34—40 По Томсену (см. The relations between anc. Russia a. Scandinavia, Oxford. 1847 p. 3) финскіе народы заимствовали свое названіе русскихъ (финс. Venaja, Venää или Venät, эст. — Venelane, Venemaa) отъ германцевъ и готовъ.

[2]) См. карту въ исторіи Рихтера.

[3]) Heinr. XIII, 5.

[4]) Heinr. XIV. 8: ad antiquum castrum in quo ad huc habitabant fratres cum Vendis.

[5]) Ibid. XXII, 5, Vendorum Castrum: obsederunt... sagittarii fratrum militiae de castro suo, intrabat ad Vendos.

[6]) Ibid. XXV, 3. [7]) Ibid. XXV, 5.

Койвы, находилась деревня „Vendeculla“ по эст. русское село, къ которому вела большая дорога [1]), но о немъ болѣе ничего неизвѣстно и мѣстоположеніе его трудно опредѣлить. По видимому, число и венедовъ было столь незначительно, что они занимали только свой замокъ и не принимали участія въ походахъ на окрестные народы, а довольствовались только защитою своего замка. Въ 1225 г. въ Венденѣ жили братья рыцарства и другіе нѣмцы и множество венетовъ и латышей. Здѣсь папскій легатъ Вильгельмъ поучалъ отдѣльно латышей и венетовъ [2]), что даетъ нѣкоторое основаніе признавать различіе ихъ національности. Дальнѣйшая исторія этихъ венетовъ неизвѣстна. Можно предположить только, что они вслѣдствіе своей малочисленности отчасти слились съ латышами, отчасти вымерли подъ тяжелымъ гнетомъ рыцарскаго рабства.

Наконецъ, въ странѣ куронъ долженъ былъ жить еще народъ литовскаго племени. Въ актѣ 1300 г. [3]) упоминается нѣчто въ родѣ острова (beflossenes Land), носящее названіе „Percunencalve“ и находящееся между рѣчками Libau и Perkunenbach въ странѣ Bihavelank'ѣ [4]); здѣсь же недалеко лежитъ деревня [5]). Названія Percunencalve и Percunenbach, очевидно, связаны съ миѳологическими представленіями литовскаго племени о богѣ Перкунѣ. Percunencalve значитъ по литовски „кузница (Kalve) Перкуна“, или, если принять въ этомъ словѣ нѣкоторое извращеніе, то оно можетъ значить „холмъ (Kalva) Перкуна“. Parcunenbach безъ сомнѣнія есть переводъ литовскаго слова „percunoupre“. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для опредѣленія, хотя бы приблизительно времени жизни здѣсь народа литовскаго племени, но то едва ли можетъ быть подвержено сомнѣнію, что когда нибудь онъ здѣсь жилъ. Ко всему сказанному о народахъ нужно прибавить еще то, что вообще при перемѣнахъ владѣльцевъ замковъ и странъ народонаселеніе подвергалось весьма частому и скорому ассимилированію и переселенію, такъ Летгола и Зелоны, жившіе въ 1207 г. [6]) въ окрестностяхъ Кукенойса,

---

[1]) Ibid. XV, 3. [2]) Ibid. XXIX, 3.

[3]) U. B. № 587.

[4]) См. ист. карты въ Urgesch. Крузе и Gesch. d: Ostseeprov. Рихтера.

[5]) U. B. III. Reg. 425.

[6]) Heinr. XI, 9.

въ 1225 г. жили уже въ самомъ Кукенойсѣ [1]), поэтому, при отсутствіи древнихъ свидѣтельствъ, изслѣдователю очень трудно опредѣлить дѣйствительное мѣсто и время поселенія на немъ народовъ на основаніи позднѣйшихъ извѣстій.

ГЛАВА II.

Религія древнихъ Литовцевъ и Латышей.

Изученіе религіи Литовскаго племени и въ частности Латышей встрѣчаетъ почти не преодолимыя преграды. Всѣ болѣе или менѣе древніе писатели, касавшіеся исторіи народовъ этого племени, довольствовались самымъ поверхностнымъ изученіемъ ихъ внутренней, бытовой жизни; ихъ интересовали только побѣды и кровавыя пораженія, а внутренняя, особенно религіозная, жизнь этихъ народовъ, какъ язычниковъ, внушала къ себѣ только отвращеніе и незаслуживала, по ихъ мнѣнію, того, чтобы на нее обратить вниманіе; даже писатели позднѣйшіе, сообщавшіе намъ кое-что изъ языческихъ вѣрованій этихъ народовъ, и тѣ признаютъ за лучшее не знать объ этой мерзости. Древніе хроникеры довольствуются въ этомъ отношеніи только одними общими мѣстами, которыя можно съ одинаковою справедливостью приложить къ религіи любаго языческаго народа. А церкви католической во главѣ съ папою еще менѣе было интереса знать или изслѣдовать вѣроученіе язычниковъ; поэтому и не удивительно, если и она довольствуется въ этомъ отношеніи еще болѣе общими фразами, составляя свои опредѣленія по обычной канцелярской схемѣ, приложимыя съ перемѣною собственныхъ именъ и чиселъ ко всякому языческому народу. При изученіи религіи народовъ литовскаго племени, мы встрѣчаемся съ однимъ страннымъ явленіемъ, часто смущающимъ изслѣдователей. Дѣло въ томъ, что, не имѣя почти ничего о вѣрованіяхъ ихъ отъ хроникеровъ и изслѣдователей XII—XIV вв., мы находимъ у позднѣйшихъ писателей XVI—XVII вв. цѣлыя религіозныя системы этихъ народовъ; позднѣй-

[1]) Ibid. XXIX, 7.

шіе, оказываются, знаютъ гораздо болѣе древнихъ о вѣрованіяхъ, существовавшихъ при древнихъ. Это обстоятельство вызываетъ въ однихъ недоумѣніе, въ другихъ—довѣріе; ученые раздѣляются на двѣ противоположныя категоріи: одна лишаетъ извѣстія позднѣйшихъ писателей всякаго значенія, не придаетъ имъ никакой достовѣрности и опирается только на самыхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ древнихъ, другая—съ довѣріемъ и благодарностью относится къ первымъ извѣстіямъ, дополняющимъ, по ихъ мнѣнію, извѣстія древнихъ. Такъ или иначе рѣшивъ вопросъ о достовѣрности или подложности извѣстій, ученые, и, можно сказать, большинство ихъ, открыто заявляютъ, или молча подразумѣваютъ высокую степень развитости религіи литовскаго племени; нѣкоторые пытаются даже указать ступени ея развитія. Кромѣ того, почти у всѣхъ изслѣдователей распространено мнѣніе о всеобщности этой религіи у всѣхъ народовъ литовскаго племени; нѣкоторые распространяютъ ее даже и на сосѣднихъ народовъ финскаго племени. Нужно сказать, что эти вопросы едва ли могутъ быть рѣшены съ высокою степенью вѣроятности, въ виду почти полнаго отсутствія изслѣдованій остатковъ языческихъ вѣрованій,—обычаевъ, нравовъ и т. п. у народовъ литовскаго племени. Зная эти остатки язычества и законы ихъ развитія, не представляло бы особой трудности возстановить ихъ древнѣйшую форму. Но, къ сожалѣнію, тѣ собранія пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, которыя въ настоящее время сдѣланы, и на которыя мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на первостепенный источникъ, превосходящій по своей достовѣрности всѣ остальные источники, слишкомъ недостаточны для того, чтобы по нимъ можно было возстановить древнія вѣрованія народовъ этого племени. А съ другой стороны и самые законы развитія вѣрованій далеко еще не установлены, чтобы мы могли по настоящей формѣ вѣрованій судить о прошедшей. Такимъ образомъ у насъ, повидимому, не остается никакого исхода изъ затрудненій, и вѣрованія литовскихъ народовъ должны бы остаться навсегда во мракѣ неизвѣстности. Намъ могутъ указать на сравнительный методъ изслѣдованія, который пріобрѣлъ высокое значеніе вообще въ соціальныхъ, а въ частности въ религіозно-миѳологическихъ изслѣдованіяхъ современныхъ ученыхъ, который дѣйствительно привелъ къ результатамъ болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ всѣ

другіе предшествующіе. Однако, и этотъ методъ не лишенъ произвольности въ своемъ приложеніи, вслѣдствіе чего онъ и распадается на два: метеорологическій, или стихійный, и солярный или планетарный. Одни отдаютъ преимущество одному, другіе—другому, а третьи пользуются вмѣстѣ обоими. Съ другой стороны, методъ сравнительнаго изученія, будучи результатомъ новѣйшаго научнаго развитія, предполагаетъ значительный сборъ сыраго матеріала и громадную эрудицію изслѣдователя, и только при этомъ условіи могутъ получаться выводы съ высокою степенью вѣроятности. Есть, однако, еще одно вспомогательное средство, при помощи котораго сравнительный методъ изученія религіозно-миѳологическихъ воззрѣній въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ обыкновенно принимается, можетъ значительно выиграть въ степени вѣроятности своихъ результатовъ, это—постановка религіозныхъ воззрѣній въ тѣсную связь съ одной стороны съ общественнымъ бытомъ извѣстнаго народа, а съ другой—съ географическими и климатическими особенностями страны, въ которой онъ обитаетъ. Само собою разумѣется, что эта постановка пріобрѣтаетъ болѣе значенія только при естественномъ, свободномъ развитіи религіозныхъ воззрѣній, когда нѣтъ различія между вѣрованіями оффиціальными, общеобязательными—съ одной стороны, и свободными, личными — съ другой. Таково именно состояніе религіозныхъ воззрѣній народовъ, живущихъ еще на лонѣ природы безъ значительно развитаго общественнаго устройства. Въ такомъ именно состояніи находились народы литовскаго и въ частности латышскаго племени *до* и нѣкоторое время *послѣ* покоренія ихъ нѣмцами. При этой постановкѣ представляется менѣе возможности впасть въ заблужденіе, ибо, признавая, что между общественнымъ и религіознымъ устройствомъ съ одной стороны,—свойствами мѣстности и религіозно-миѳологическими представленіями—съ другой существуетъ на всѣхъ естественныхъ ступеняхъ развитія неизбѣжная параллель, мы имѣемъ возможность дополнить и поправить пробѣлы и недостатки свѣдѣній на одной сторонѣ свѣдѣніями на другой. Но при всей плодотворности этихъ методовъ, значеніе ихъ въ нѣкоторой степени уменьшается, когда дѣло касается вѣрованій, которыя представляютъ нечистую форму естественнаго развитія, но произошли отъ взаимодѣйствія вѣрованій различныхъ народовъ на

различныхъ ступеняхъ развитія. Здѣсь работа при помощи этихъ методовъ должна осложняться до крайности и современный изслѣдователь, который захотѣлъ бы возстановить древнія вѣрованія какого либо народа на извѣстной ступени развитія по оставшимся настоящимъ вѣрованіямъ и очистить ихъ отъ наносной примѣси, былъ бы поставленъ въ почти непреодолимыя затрудненія: онъ долженъ былъ бы потратить много труда на разработку предварительныхъ вопросовъ, касающихся законовъ взаимодѣйствія различныхъ вѣрованій, потому что труженики науки мало и только мелькомъ касались этихъ вопросовъ; поэтому и неудивительно, что въ настоящее время сплошъ и рядомъ выдаются за чистую монету вѣрованія, представляющія результатъ многовѣковаго взаимодѣйствія различныхъ вѣрованій. Таковы вѣрованія, происшедшія отъ взаимодѣйствія язычества и христіанства. Само собою понятно, что чѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе было это взаимодѣйствіе, тѣмъ труднѣе разграничить одни элементы отъ другихъ. Вѣрованія, которыя будутъ разбираться впереди, по большей части, суть результатъ взаимодѣйствія язычества и средневѣковаго католицизма, продолжавшагося на пространствѣ какихъ нибудь 4—5 вѣковъ. А если принять еще въ соображеніе то обстоятельство, что средневѣковое католичество своей обрядовой стороной и связанными съ нею представленіями значительно приближалось къ язычеству, то задача изслѣдователя становится еще сложнѣе и труднѣе.

Первый вопросъ, который встрѣчаетъ изслѣдователь религіи народовъ литовскаго племени, это—вопросъ о языческомъ первосвященникѣ Криве. Въ началѣ XIX столѣтія у ученыхъ возникъ вопросъ о самомъ существованіи или не существованіи Криве. Первый поднялъ вопросъ о его не существованіи проницательный Лербергъ [1]). За нимъ ученые раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна защищала въ томъ или другомъ видѣ его существованіе, другая — или совершенно отвергала его, или низводила его въ рядъ обыкновенныхъ языческихъ жрецовъ. Однимъ изъ горячихъ и остроумныхъ защитниковъ существованія Криве, какъ языческаго первосвященника, явился ученый историкъ Фойгтъ [2]). Какъ та, такъ и другая сторона,

[1]) Send. der. Kurl. Gesel. für Lit. und Kunst. B. I. 137—140.

[2]) Gesch. Preussens. B. I, p. 696—708.

согласны въ томъ пунктѣ, что древніе извѣстители о Криве Петръ изъ Дусбурга (1326), Іерошинъ, Длугошъ (1480) и др. знали о немъ гораздо менѣе и то весьма неопредѣленно, чѣмъ извѣстители XVI и XVII вѣковъ. Главное возраженіе Лерберга противъ существованія Криве опирается на отрицательныхъ инстанціяхъ, на отсутствіи положительныхъ свидѣтельствъ о немъ въ оффиціальныхъ документахъ XII—XIII вѣковъ. Опорой же для защитниковъ существованія Криве служитъ предполагаемое существованіе хроники еп. Христіана, на которую ссылается Данцигскій монахъ Симонъ Грунау въ своей хроникѣ (1526), подробно извѣщая о Криве и религіи пруссовъ [1]). Изъ него почерпали свѣдѣнія о Криве и его религіи всѣ позднѣйшіе писатели, передѣлывая ихъ на свой ладъ и дополняя вымыслами собственной фантазіи; изъ нихъ особенно выдается по богатству свѣдѣній хроника (1583) Луки Давида, которую постоянно цитируетъ Фойгтъ. При такихъ гипотетическихъ и отрицательныхъ аргументахъ вопросъ о Криве, естественно, не можетъ быть рѣшенъ съ полною вѣроятностію въ ту или другую сторону. Аргументы той и другой стороны слишкомъ слабы для того, чтобы мы могли признать ихъ. Съ одной стороны фактъ отсутствія свидѣтельства о Криве въ оффиціальныхъ документахъ XII и XIII вѣкахъ еще не даетъ права заключать о несуществованіи Криве вообще: онъ можетъ указывать только на то, что Криве не игралъ той видной роли, какую приписываютъ ему хроникеры, сравнивая его съ папою не только во внѣшней его дѣятельности, но и во внутренней организаціи всей системы его управленія. Съ другой стороны, фактъ явной недобросовѣстности пользованія позднѣйшихъ писателей источникамъ своихъ предшественниковъ и очевидной примѣси къ разсказу вымысловъ собственной фантазіи еще не даетъ права утверждать, что весь ихъ разсказъ вымышленъ съ начала до конца, ибо подобныя преувеличиванья и подкрашиванія всегда имѣютъ въ своемъ основаніи какое либо дѣйствительное зерно. Это зерно мы и постараемся отыскать. Его мы находимъ въ одномъ мѣстѣ старшей лифляндской риѳмованной хроники (1290 г.), которая имѣетъ предъ всѣми извѣстными въ

[1]) Preussiche Cronik. Simon Grunau. ed. Dr. M. Perlbach. Leipzig 1876. p. 87—97.

настоящее время хрониками, извѣщающими о Криве и его религіи, то преимущество, что она древнѣе всѣхъ. На это мѣсто до сихъ поръ еще ни одинъ ученый изслѣдователь не обращалъ вниманія, какъ на мѣсто, довольно ясно и подробно свидѣтельствующее о существованіи у народовъ литовскаго племени въ высокой степени организованнаго жречества, заправлявшаго не только религіозною, но, можно сказать, даже и политическою жизнію народа. Причина такого пренебреженія, безъ сомнѣнія, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что высочайшій жрецъ тамъ не названъ по имени Криве, подъ которымъ онъ извѣстенъ у позднѣйшихъ хроникеровъ. А причины этого послѣдняго обстоятельства, т. е. отсутствія въ риѳмованной хроникѣ имени Криве, намъ неизвѣстны. Поводомъ къ разсказу автора риѳмованной хроники о жречествѣ замландцевъ послужила постройка Мемеля (1253 г.) и происшедшая вслѣдствіе этого война. Узнавъ о постройкѣ Мемеля, замландцы (die Samen), именно, по всей вѣроятности, „мудрецы“ (wîsten) [1]) выбираютъ одного соглядатая, храбраго героя (rischerhelt), который въ сопровожденіи двухъ товарищей выслѣдилъ бы положеніе Мемеля. Возвратившись назадъ, они передали замландцамъ, которые ихъ послали, результаты своей рекогносцировки; тотчасъ собираются „мудрецы“ замландскіе на совѣтъ отдѣльно отъ другихъ. „Старѣйшій“ (der eldeste) между ними постановилъ рѣшеніе, понравившееся всѣмъ [2]). Послѣ этого, повидимому, произошло другое совѣщаніе „лучшихъ“ (die besten), по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ участниками предшествующаго собранія [3]). Здѣсь же одинъ изъ участниковъ приказалъ (sult, ich gebiete),

---

[1]) На томъ основаніи, что тотчасъ послѣ ихъ возвращенія и извѣщенія тѣхъ замландцевъ, которые ихъ послали, собираются на совѣтъ «мудрецы». Reimch. v. 3770—85: «dô sie widerguâmen.

Zû samelant, sie nâmen
Die samen, die sie santenê
Zû der Mimele...
Die wîsten, die sie hâten,
Zû samne sie trâten
Von den andern zû hant.

[2]) Reimch v. 3786—88: der eldeste underin vant
einen rât in allen,
der was in wol gevallen.

[3]) Ibid. v. 3789 — 90: der mite trâten sie wider,
zû hant die besten Sâzen nider.

подъ угрозой смертной казни (bie der hoesten kur... bie dem lîbe), чтобы всякій могущій носить щитъ отправлялся въ назначенное время на войну противъ Мемеля. Замландцы безпрекословно подчинились этому рѣшенію и просили только своихъ „лучшихъ“, чтобы и тѣ пришли за ними къ Мемелю, когда узнаютъ, что они находятся уже подъ Мемелемъ. Такъ какъ замландцы отправили корабли впередъ къ Мемелю, а потомъ уже за ними послѣдовало войско, то нужно думать, что эти „лучшіе“ отправились съ пѣшимъ войскомъ [1]). И мы, дѣйствительно, находимъ при Мемелѣ, по крайней мѣрѣ, одного лучшаго, который приказываетъ (riet) отправлять раненыхъ на корабляхъ въ Замландію [2]). Въ битвѣ подъ Мемелемъ мы встрѣчаемъ и „мудрецовъ“, которые распоряжались сожженіемъ павшихъ на полѣ битвы [3]). Другой разъ поводомъ къ разсказу объ организаціи религіозной и политической жизни Земландіи послужило вторженіе рыцарей въ ихъ страну въ 1256 году. Въ виду этого „высочайшій Замъ“ (der hôeste Same) созвалъ на совѣтъ своихъ товарищей (die vrûnde sîn), гдѣ онъ держалъ рѣчь объ отомщеніи рыцарямъ [4]). Затѣмъ, являются на совѣтъ множество замландцевъ, выражавшихъ желаніе идти къ засѣкѣ, чтобы преградить врагамъ отступленіе; „лучшій“ между ними приказываетъ имъ поскорѣе выступить къ засѣкѣ,

---

[1]) Повидимому, эти лучшіе, по крайней мѣрѣ у замаитовъ, иногда уклонялись отъ войны, ибо при походѣ на куронъ о нихъ говорится:

die besten wurden ungespart,
die zû sameiten wâren:
der reise sie niecht verbâren. R. v. 4122—24.

[2]) Reimch. v. 3898—3904: den samen dô ir beste riet,
das sie nicht verbêren,
alle die dâ wêren
dewurfen oder geschozzen
vûren wider zû samelant.
in schiffen vaste umme den strant.

[3]) Ibid. v. 3872 — 75: Sân iz wîsten in gebôt,
doz sie die tôten brenten
und von hinnen senten
mit irem wâpen undespart:

[4]) Ibid. v. 4006 — 10: under des zû samne las
der hoêste same die vrûnde sîn,
er sprach: wir suln liden pîn,
wir engelden das in kurtzer vrist.
daz uns nû geschên ist.

куда онъ отправится и самъ [1]). Наконецъ, есть еще одно мѣсто, гдѣ достаточно ясно выступаетъ сильная организація жречества у Жмуди (Sameiten), сосѣдей куронъ [2]). Поводомъ къ описанію ея было вторженіе замаитовъ въ Куронію въ 1259 г. Предъ началомъ похода ихъ „короли“ (die kunige), буквально переводя, устроили большой пиръ для замеитовъ, на который явились ихъ товарищи (mancher ir genôz). На этомъ пиршествѣ „старѣйшій“ между ними говорилъ королямъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, приказывалъ имъ день и ночь бороться противъ христіанъ; короли были рады его рѣчи и дали обѣщаніе отправиться, въ надеждѣ на помощь своихъ боговъ, противъ христіанъ [3]). Предъ вступленіемъ въ непріятельскую землю жрецъ (blutekirl), по древнему обычаю, бросилъ жребій и въ тоже время принесъ въ жертву скотину (quek), причемъ произнесъ рѣчь, въ которой предсказывалъ замеитамъ побѣду, поощрялъ на битву съ христіанами и требовалъ третьей части военной добычи для боговъ, которые достойны того, чтобы имъ сожгли плѣнныхъ съ лошадьми и панцыремъ, что замеиты и обѣщали [4]). Авторъ риѳмованной хроники передаетъ

---

[1]) Ibid. I. 4011 — 23. der Samen quam ein michel schar...
«nû rîtet rîsch ûfclazvelt,
daz vor deme hagen lît:
dâ sô habe wir den strît»
sprach der beste under in.

[2]) Ibid. v. 4106.

[3]) Ibid. v. 4653 — 74: Die kunige von ameiten
Die liêzen in bereiten
Ein getrenke, daswas grôz,
Dar zû quam mancher ir genôz.
Sie trunken und wâren vrô.
Ir eldeste sprach alsô
Zû den kunigen uberal:...
Ir sameiten ir sullet streben
Umme êre unde bejac
Üf die cristen nacht und tac...
Der rede die kunige wurden vrô
Unde sie gelobeten dô
In deme getrenke, sie wolden varn,
Ir gote sulden sie beworn.

[4]) Ibid. v. 4680 — 4789: Ir blut kirl der warf zû hant
Sin lôz nâch ir al den site:
Zû haut er blûtete allez mite
Ein quek, als er wolwiste:

и о замландцахъ, что они по жребію приносили военноплѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ жертву своимъ богамъ [1]). Упоминается и у замеитовъ о „лучшихъ“, которые, повидимому, пользовались иногда привиллегію не ходить на войну [2]). Хотя стихотворная форма хроники значительно уменьшаетъ точность и цѣнность описываемыхъ фактовъ, но тѣмъ не менѣе общій контуръ фактовъ остается существенно вѣрнымъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ этой хроники можно со значительною степенью вѣроятности заключить о существованіи у замландцевъ и замеитовъ весьма организованнаго жречества, заправлявшаго религіознымъ и политическимъ управленіемъ страны. Мы видимъ, что у того и другаго народа во главѣ управленія стоятъ лица, которыя ближайшимъ образомъ представляются защищающими религіозные интересы народа,—съ другой стороны,—мы видимъ другой рядъ народныхъ руководителей, на обязанности которыхъ лежитъ предводительство на войнѣ и связанныя съ нимъ функціи, причемъ однако они стоятъ въ значительной зависимости отъ первыхъ. У замландцевъ эти передовые руководители называются „мудрѣйшими“, а одинъ между ними, играющій главную роль, носитъ наименованіе „старѣйшаго“. Въ другомъ мѣстѣ этотъ „старѣйшій“ названъ „высочайшимъ замландцемъ“, а „мудрѣйшіе“ — его друзьями. За этимъ классомъ у замландцевъ слѣдуетъ болѣе подчиненный классъ „знатнѣйшихъ“ или „лучшихъ“. Первый классъ у замеитовъ носитъ у хроникера названіе „королей“, между которыми руководящую роль имѣетъ «старѣйшій», а

---

er sprach in sneller vriste:
«Ir sameïten siet gemeit,
Ir sehet lieb unde leit
ûf diser selben herevart.
Doch sult ir wesen sô bevart
daz ir behaldet die obern hant...
Ir sult geloben daz dritte teil
den goten, sô geschiet ûch heil.
So werdet ir vil wol behût.
die gote die sintwol wert,
daz man brunjen und pfert
Und ouch sische man dâ mite
burne nâch unser site».

[1]) Ibid. v. 3759–63
[2]) Ibid. v 4122—24.

другіе называются просто его „товарищами“. Другой классъ носитъ имя знатнѣйшихъ или „лучшихъ“, т. е. такъ же какъ у замландцевъ. То обстоятельство, что хроникеръ передаетъ имя одного и того же лица различно и при томъ общимъ понятіемъ, обозначающимъ его функціи и положеніе, кажется, даетъ право думать, что онъ не зналъ опредѣленно его собственнаго имени. И если бы мы замѣнили вышеприведенныя имена главнаго жреца именемъ „Криве“, а его помощниковъ именемъ „вайделотовъ“, то сущность дѣла нисколько не измѣнилась бы. Нѣкоторое право на подобную замѣну мы получаемъ изъ сравненія именъ, которыми пользуется нашъ хроникеръ, съ именами, которыя употребляются у другихъ. Слово «die wîsîen», по своему значенію, можно сказать, тождественно со словомъ „вайделоты“; въ корнѣ того и другаго лежитъ мысль о „знаніи“, „вѣдѣніи“, такъ что нашъ хроникеръ могъ даже знать послѣднее спеціальное имя, но предпочелъ перевести его на болѣе понятный общественный языкъ. Криве такъ же могъ быть названъ „старѣйшимъ“, хотя это менѣе точно, потому что, если вѣрить разсказамъ другихъ хроникеровъ, онъ по возрасту былъ старше вайделотовъ. Что же касается имени „konige“, которымъ обозначается классъ жрецовъ у замеитовъ, то и оно можетъ быть толкуемо безъ натяжки въ смыслѣ духовныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что у литовцевъ слова съ такимъ корнемъ обозначаютъ именно духовныхъ особъ, напр. kunigs—духовный вельможа; kunigine—супруга его; kunigiste священство, а свѣтская высокая особа,—король,—называется у нихъ karolus [1]). Весьма вѣроятно, что вайделоты и Криве, между прочимъ, носили и это имя, такъ что нашъ хроникеръ внесъ его въ свою хронику въ томъ же почти видѣ, въ какомъ слышалъ изъ устъ самихъ замеитовъ. Лица изъ класса свѣтскихъ руководителей народа въ Замландіи и въ замкѣ замеитовъ называются, какъ уже сказано, „знатнѣйшими“, или „лучшими“ у нашего автора. Тотъ же классъ названъ у позднѣйшаго писателя Петра Дусбурга «nobiles» или «reguli» [2]). Такъ именуетъ онъ свѣтскихъ руководителей во всей Литвѣ. Что они играли сравнительно маловажную роль, по крайней

---

[1]) Lith.—deutsches Vörterbuch. Ch. G. Mielecke. Königsberg. 1800.

[2]) SS. rer. Pruss. t. I. p. 149.

мѣрѣ, въ странѣ сосѣдней съ Замландіею (Sambia), свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, по разсказу того же Дусбурга, однажды ихъ было избито тамъ въ одномъ замкѣ, куда они собрались на свадьбу къ одному царьку, 70 человѣкъ [1]). Если поэтому мы примемъ въ соображеніе слабость этихъ представителей свѣтской власти въ Литвѣ, Замландіи и странѣ замеитовъ, понимая, конечно, эту власть далеко не столь развитою и выдѣленною, какой она является у народовъ съ продолжительною историческою жизнію, то необходимо признать существованіе въ этихъ странахъ, еще какой либо другой болѣе организованной власти въ виду того сильнаго сопротивленія, которое они оказали рыцарямъ при покореніи. Имѣя свидѣтельство лифляндской риѳмованной хроники объ организаціи жречества у двухъ народовъ литовскаго племени, какъ путеводную нить, мы можемъ приступить къ разбору другихъ свидѣтельствъ древнихъ и новыхъ. Послѣ нея самое древнее свидѣтельство мы почерпаемъ изъ хроники Петра Дусбурга. По его извѣщенію [2]), среди прусской націи „въ Надровіи“ было нѣкоторое мѣсто, именуемое Ромовъ, носящее имя свое отъ Рима, гдѣ обиталъ нѣкто, названный Криве, котораго почитали за папу, ибо какъ папа управлялъ вселенскою церковію вѣрующихъ, такъ и по его мановенію и повелѣнію управлялись не только вышеозначенные народы, но и литовцы и другія націи ливовской земли. Его авторитетъ былъ настолько силенъ, что не только онъ самъ, или кто либо другой изъ его крови, но и его посолъ со своимъ жезломъ или другимъ извѣстнымъ знакомъ, проходя предѣлы вышеозначенныхъ невѣрныхъ, былъ въ великомъ почетѣ у царей, знатныхъ и простаго

[1]) Ibid. Дусбургъ разсказываетъ, что одинъ литовецъ, обиженный quodam regulo qui qui quasi secundus fuit post regem Lethavinorum in regno suo... возвратился къ своимъ братьямъ въ замландію и нашелъ у своего обидчика собранными quasi omnes nobiles vicinos regni hethowice ad nuptias ibidem invitatos et praeter alios, quorum multi fuerunt, LXX regulos occiderunt.

[2]) Ibid. p. 53: fuit autem in medio notionis hujus perverse (т. е. Prutheno-rum), scilicet in Nadrowia locus quidam dictus Romow, trahens nomen suum a Roma, in quo habitabat quidam dictus Criwe, quem colebant pro papa, quia sicut dominus papa regit universam ecclesiam fidelium. ita ad istius nutum seu mandatum non solum gentes predicte, sed et Lethowinie et alie nationes Livonie terre regebantur. Tante fuit auctoritatis, quod non solum ipse vel aliquis de sanguine suo, verum etiam nuntius combaculo suo vel alio signo noto transiens terminos infidelium predictorum a regibus et nobilibus et communi populo in magna reverentia haberetur. Novebat etiam prout in lege veteri iugem ignem.

народа. Онъ поддерживалъ также неугасаемый огонь, какъ въ древнемъ законѣ. За этимъ слѣдуетъ свидѣтельство Длугоша, польскаго хроникера XV вѣка, которое въ сущности тожественно съ предшествующимъ [1]). Не принимая на себя разрѣшенія вопроса о самостоятельности, или зависимости свидѣтельства Длугоша отъ свидѣтельства Дусбурга, что, конечно, такъ или иначе освѣтило бы спорный вопросъ о Криве, мы приступаемъ къ сравнительной оцѣнкѣ этихъ обоихъ свидѣтельствъ. Болѣе проницательные изслѣдователи, напр. Фойгтъ, Тёппенъ и др., справедливо находятъ въ этихъ свидѣтельствахъ значительныя неточности и преувеличенія. По ихъ справедливому мнѣнію сами эти извѣстители не знали опредѣленно, кто такой былъ собственно Криве, доказательствомъ чего служатъ общія выраженія о немъ (quidam dictus Criwe, summus sacrorum pontifex). Позднѣйшіе старались дать о немъ болѣе опредѣленное понятіе, такъ Іерошинъ, переведшій въ первую половину XIV вѣка хронику Дусбурга въ стихотворную форму, дополняетъ свѣдѣнія послѣдняго; онъ говоритъ о Криве: want dâ waswonende irkant der obriste ewarte [2])... nach heidenischir arte. Orive was genant sin name [3]). Далѣе, большинство ученыхъ признаютъ въ этихъ свидѣтельствахъ большія преувеличенія. Увлеченные созвучіемъ мѣстопребыванія Криве съ сѣдалищемъ римскаго первосвященника, наши хроникеры не удержались отъ того, чтобы не сравнить роль Криве съ ролью папы. Это послѣднее обстоятельство и дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ отрицать совершенно существованіе Криве. И въ самомъ дѣлѣ, если признать это сравненіе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, то становится совершенно непонятнымъ фактъ молчанія о Криве оффиціальныхъ документовъ временъ покоренія странъ, находившихся въ зависимости отъ него. Не удивительно поэтому, что позднѣйшіе хроникеры по-

---

[1]) У Dlugossii Hist. Polon. Ignatius Zegota Pauli. Cracoviae. 1874. t. I p. v. 152: unum verum et eunden summum sacrorum pontificem apud civitatem eorum (т. е. Lithwinorum) pro metropoli habitam, Romove vocatam, residentem a Roma intitulatum, cujus jussa a singulis non obedientes impleri capitale erat et qui. Criwe eorum lingua appellatus est.

[2]) Gugo Gratius, Hist. Gothor. p. 575 и Scherz, Glossar Germ p. 364 объясняютъ это слово, какъ «legis custos», ewa — законъ, завѣщаніе werd— выражаетъ охраненіе, наблюденіе; отсюда Euarte—блюститель закона.

[3]) SS. rer. Pruss. t. I, p. 348 v. 423—25.

строили на этомъ сравненіи величественную организацію жречества, во главѣ котораго стоялъ самъ Криве и въ соотвѣтствіе съ нею не менѣе величественную систему языческой религіи литовскаго племени. Однако есть изслѣдователи, которые принимаютъ эти извѣстія Дусбурга и Длугоша и даже позднѣйшихъ хроникеровъ за достовѣрныя и распространяютъ кругъ дѣятельности и власти Криве не только на Пруссію, но и на Литву и Лифляндію. Но подобное мнѣніе не выдерживаетъ исторической критики. Мы не знаемъ состоянія язычества литовскаго племени до XIII вѣка. Басни, которыя передаются позднѣйшими писателями, лишены всякой достовѣрности. Если бы намъ возразили, что организація жречества и религіи литовскаго племени до XIII вѣка была въ цвѣтущемъ состояніи и пришла въ упадокъ послѣ него, мы можемъ противопоставить этому мнѣнію ничтожную политическую организацію этого племени до XIII вѣка, которая дѣлаетъ немыслимымъ существованіе при ней въ высокой степени организованнаго язычества. Признавая истиннымъ фактъ быстраго развитія всякой религіи именно тогда, когда грозитъ опасность ея существованію, мы скорѣе должны думать, что XIII вѣкъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ развитія язычества литовскаго племени, когда оно вступило въ борьбу за свое существованіе съ христіанствомъ. Что въ Замландіи въ X вѣкѣ язычество было очень развито, это мы можемъ вывести изъ факта погибели тамъ въ 997 г. епископа Адальберта Пражскаго [1]). Тоже мы должны сказать о состояніи язычества въ началѣ XI в. на границѣ Россіи и Пруссіи, гдѣ въ 1009 г. былъ убитъ архіеп. Бруно-Бонифацій съ 18-ю товарищами [2]). При выступленіи на историческую арену Криве въ Пруссіи мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ XII — XIII вв. о распространеніи его вліянія и на Литву и Лифляндію. Исторія послѣднихъ странъ рѣшительно свидѣтельствуетъ, хотя и не прямо, противъ этого предположенія. На сколько вѣрно то, что мы не можемъ представить себѣ здравомыслящаго человѣка, дѣйствующаго въ одно и тоже время совершенно противоположно, т. е. напр. возбуждающаго литовцевъ идти войною

[1]) SS. rer. Pruss. I p. 230 при Калленѣ (Chalinum).
[2]) Ibid. p. 238.

противъ земгаловъ и въ тоже время подымающаго послѣднихъ на первыхъ, настолько мы отказываемся мыслить существованіе во главѣ литовскаго племени одного владыки въ XII—XIII вв., не признавая его сумасшедшимъ. Исторія Лифляндіи рѣшительно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи вліянія прусскаго или другаго Криве на нее. Дѣйствія народовъ, заселявшихъ тогда эту страну столь лишены всякой общей руководящей цѣли, столь противоположны между собою, что нѣтъ никакой возможности признать вліяніе Криве на ихъ политическую жизнь, а слѣдовательно и на религіозную, такъ какъ въ то время та и другая сторона жизни мало раздѣлялись другъ отъ друга и находились въ тѣсной зависимости между собою. Немыслимъ одинъ руководитель народами, преслѣдующими совершенно противоположныя цѣли. Мало того. Мы знаемъ изъ исторіи Лифляндіи нерѣдкіе примѣры, когда инициатива общаго предпріятія дѣлалась со стороны ея жителей. но не знаемъ такихъ примѣровъ со стороны Пруссіи или Литвы. Въ общемъ же, исторія Эстоніи, Ливоніи и Куроніи съ одной стороны, Литвы и Пруссіи—съ другой—представляетъ почти непрерывный рядъ взаимныхъ грабежей и войнъ. По аналогіи съ политическою жизнію мы до извѣстной степени можемъ заключить и о религіозной жизни. Само собою разумѣется, отъ различія политической жизни еще нельзя заключать о различіи жизни религіозной, но во всякомъ случаѣ продолжительное отсутствіе политическаго единства народовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же племени, неизбѣжно влечетъ за собою разность въ религіозныхъ представленіяхъ. Отсюда. мы покрайней мѣрѣ, должны предположить различіе религіозныхъ представленій у народовъ въ Ливоніи и Куроніи — съ одной стороны, въ Литвѣ и Пруссіи—съ другой, если не въ общемъ, то въ частностяхъ. Такимъ образомъ и политическое и религіозное вліяніе Криве на Лифляндію въ XII—XIII вв. остается весьма сомнительнымъ. Извѣстный случай отправки замеитскими жрецами (Kunige) пословъ въ Ригу въ 1257 г. для заключенія съ рыцарями мира [1]) не свидѣтельствуетъ ни о какомъ ихъ вліяніи на Лифляндію. Низведши Криве съ пьедестала папства, намъ остается еще коснуться вопроса о чис-

[1]) Reimch. v. 4625.

лѣ такихъ жрецовъ. Разобранныя выше мѣста изъ лифляндской риѳмованной хроники, повидимому, даютъ болѣе основанія признать у замландцевъ и замеитовъ отдѣльныхъ духовныхъ и свѣтскихъ руководителей, въ числѣ которыхъ была нѣкоторая субординація низшихъ высшимъ. Мы уже видѣли, что въ Пруссіи и Надровіи главнымъ мѣстопребываніемъ жречества страны былъ Ромовъ [1]). Тотъ же Дусбургъ свидѣтельствуетъ, что и въ Литвѣ и въ Антехіи была деревня Romene, которая считалась священною [2]). Такъ же и польскій хроникеръ Кояловичъ упоминаетъ о Ромовѣ въ Литвѣ [3]). Поэтому весьма вѣроятно, что не только въ позднѣйшее время, какъ принимаетъ Фойгтъ [4]), но и за все время высокаго развитія литовскаго племени, каждый народъ этого племени имѣлъ своихъ жрецовъ съ распредѣленіемъ функціи жречества.—Что касается происхожденія личности и имени Криве, то вопросъ этотъ до сихъ поръ не выясненъ. Фойгтъ [5]), а за нимъ и другіе рѣшительно утверждаютъ, что характеръ достоинства Криве и его имя суть чисто готскаго происхожденія и вышли изъ глубочайшаго народнаго духа готской жизни,—причемъ они проводятъ параллель между политическою и религіозною организаціею готовъ и пруссовъ. Другіе напротивъ, хотя и съ меньшею ученостью, стараются доказать самостоятельность жречества и религіи у народовъ литовскаго племени, и это послѣднее мнѣніе кажется намъ болѣе правдоподобнымъ. Это мнѣніе ни чуть не подрывается и даже не ослабляется ни искуснымъ производствомъ слова Криве защитниками перваго мнѣнія, по большей части основанномъ на простомъ звуковомъ сходствѣ, ни дѣлаемыми ими параллелями, которыя съ большимъ правомъ могутъ быть объяснимы изъ одинаковыхъ условій жизни и одинаковой ступени развитія, а не путемъ предполагаемаго заимствованія. Мы не знаемъ, когда у народовъ литовскаго племени функціи религіозныя и политическія стали вы-

---

[1]) Фойгтъ полагаетъ Ромовъ въ Замландіи при деревнѣ Ленгнитенѣ. L. c. I., p. 640—643.

[2]) SS. Pruss. I, p. 159. Versus Antechiam terram regis Lethovie, in qua villam dictam Romone, quae secundum ritus eorum sacra fuit, combussit. Положеніе Антехіи неизвѣстно.

[3]) Hist. Lit. I Dantisci 1650 p. 32—35. [4]) A. a. O. I p. 705.

[5]) Ibid. p. 151—152. 700—708.

полняться отдѣльными лицами, но намъ приблизительно извѣстно, когда стали изчезать лица, выполнявшія религіозныя функціи и передававшія аттрибуты своей власти лицамъ, выполнявшимъ гражданскія обязанности. Одинъ изъ такихъ аттрибутовъ представляетъ, по свидѣтельству Дусбурга, жезлъ, съ которымъ посолъ (nuntius) Криве обходитъ подвѣдомственныя ему страны. Подобный жезлъ былъ въ употребленіи у литовцевъ еще въ началѣ XIX вѣка. Онъ, по свидѣтельству проф. Резы [1]), называется krivule (krivas-кривой) и служилъ аттрибутомъ должности сельскаго старосты. Онъ былъ сдѣланъ изъ корня молодаго дерева. При созываніи собранія или отдаваніи какого-либо приказанія староста посылалъ тотъ жезлъ ближайшему сосѣду, который въ свою очередь передавалъ другому и т. д, пока онъ вновь не вернулся къ старостѣ. Отсюда у литовцевъ выраженіе: „i krivule eimi“ — я поступаю на должность старосты, „is krivules pareimi“—я выхожу изъ должности старосты. Въ глубокой древности этого способа извѣщенія другихъ едвали можно сомнѣваться, потому что онъ, обыкновенно, практикуется у народовъ на очень низкой ступени развитія. Едвали также можно сомнѣваться и въ томъ, что роль лица, имѣвшаго этотъ жезлъ во время существованія у литовцевъ организованнаго жречества, была нѣсколько иная. Важенъ этотъ жезлъ литовскаго старосты въ томъ отношеніи, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, приближаетъ насъ къ древнему порядку вещей при существованіи Криве и до извѣстной степени свидѣтельствуетъ въ пользу самостоятельности литовского жречества. Въ вопросъ о происхожденіи самой религіи литовскаго племени Фойгтъ дѣлаетъ большія несообразности и натяжки. Онъ утверждаетъ, что пруссы первоначально обоготворяли естественныя явленія и предметы природы, а потомъ уже переняли отъ скандинавовъ или готовъ своихъ трехъ главныхъ боговъ (Percunas, Patrimpos, Picullos), но въ тоже время признаетъ, что Криве далъ этимъ богамъ въ жилище Ромовъ, въ которомъ уже съ незапамятныхъ временъ обитали боги [2]). Утвержденіе, что пруссы заимствовали главныхъ боговъ отъ готовъ, не имѣетъ за собою никакихъ историческихъ данныхъ и должно считаться произвольнымъ пред-

[1]) Donaleitis, Khesa Königsb. 1818, p. 159.
[2]) A. a. o. p. 578—9.

положеніемъ. Безсмысленно думать, что божество Percunas, которое почиталось не только у всѣхъ народовъ литовскаго племени, но также почти у всѣхъ народовъ славянскаго племени, заимствовано этими племенами отъ скандинавскихъ готовъ, у которыхъ исторія не знаетъ божества подъ этимъ именемъ. Да и изъ тѣхъ боговъ, которыхъ Фойгтъ признаетъ незаимствованными, на долю литовскаго племени остаются не всѣ, потому что, по его словопроизводству, нѣкоторые изъ нихъ оказываются чисто финскаго происхожденія. Съ другой стороны, что касается вопроса о состояніи самой религіи литовскаго племени до покоренія его, то и здѣсь нѣтъ согласія между учеными. Фойгтъ довольствуется только изложеніемъ свѣдѣній, почерпаемыхъ преимущественно у Симона Групау, ЛукиДавида и др., не пытаясь пріурочить тѣхъ или другихъ божествъ къ извѣстному вѣку или размѣстить ихъ на той или другой ступени развитія религіозныхъ представленій. Но Парротъ,—этотъ, по истинѣ, парадоксальный изслѣдователь, принимаетъ три ступени развитія религіозныхъ представленій (между прочимъ) литовцевъ, размѣщая на нихъ всѣ извѣстныя божества литовскаго племени и соединяющіяся съ ними жертвы и праздники [1]). Но основываясь прежде всего на простыхъ теоретическихъ соображеніяхъ, мы едва ли имѣемъ право дѣлать такой выводъ. Зная, что народы литовскаго племени раскинуты на значительномъ пространствѣ и при томъ при довольно разнообразныхъ условіяхъ жизни и зная затѣмъ, что между этими народами не существовало частыхъ мирныхъ сношеній и обмѣна мыслей, а больше преобладали враждебныя отношенія, мы едва ли имѣемъ право говорить о ступеняхъ развитія религіи вообще всего литовскаго племени; скорѣе дѣло могло представляться такъ, что одинъ народъ,—что съ большею вѣроятностію можно сказать о замландцахъ и замеитахъ,—доходитъ до значительнаго высокаго развитія своихъ религіозныхъ представленій, въ то время какъ другой стоялъ въ этомъ отношеніи на сравнительно низкой ступени, при чемъ процессы развитія у различныхъ народовъ литовскаго племени могли до нѣкоторой степени разниться, вслѣдствіе чего у одного народа могли выдаваться божества, кото-

[1]) Versuch einer Entwickelung der Liven, Letten, Ehstn. J. Z. von Parrot. Berlin 1839, p. 321—380.

рыя у другаго получали ничтожную роль и наоборотъ. Утвержденіе Паррота не оправдывается и историческими данными, имѣющимися у насъ. По свидѣтельству монаха Іеронима [1]), проповѣдывавшаго въ Литвѣ въ началѣ XV вѣка, намъ извѣстно, что тамъ не было общаго вѣрованія и богопочитанія, но что наоборотъ предметы обожанія въ различныхъ мѣстахъ были различны. Затѣмъ, по историческимъ даннымъ, болѣе развитымъ, мы должны признать язычество замландцевъ и пруссовъ, которые, благодаря своему географическому положенію, легко могли знакомиться съ высокоразвитою религіею померанскихъ славянъ и скандинавовъ,—что не могло не повліять на развитіе ихъ собственной религіи; кромѣ того самое ихъ положеніе при морѣ, которое вноситъ въ представленія болѣе разнообразія и сильнѣе материка вліяетъ на умъ, благопріятствовало не мало быстрому развитію ихъ религіозныхъ представленій. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе проницательнаго ученаго Моне, по которому „всякая страна въ Пруссіи имѣла своего отдѣльнаго бога, который только въ ней считался самымъ высшимъ, но въ отношеніи къ цѣлому народу сравнительно съ племенными богами онъ являлся подчиненнымъ существомъ“ [2]).

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію религіи собственно латышей, намъ приходится разсмотрѣть отношеніе свѣдѣній о религіи пруссовъ въ широкомъ смыслѣ и литовцевъ къ свѣдѣніямъ о религіи латышей. Древнія извѣстія, которыя мы имѣемъ о религіи литовцевъ и пруссовъ, происходятъ отъ писателей, которые не считали нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ религіозныхъ представленій, а можетъ быть и не имѣли возможности близко познакомиться съ ними, что болѣе вѣроятно. Они довольствуются въ этомъ отношеніи только одними общими фразами, весьма обычными у христіанскихъ хроникеровъ,—фразами, съ одинаковою справедливостію приложимыми къ религіи почти всѣхъ языческихъ народовъ. Такъ, напр., Дусбургъ, коснувшійся этого предмета, говоритъ слѣдующее: „пруссы не имѣли познанія о Богѣ. И такъ какъ они не знали Бога, то случалось то, что они заблуждались и почитали за Бога всякую тварь, какъ солнце, луну и звѣзды,

---

[1]) SS. rer. Pruss. IV, p. 238—239,

[2]) Gesch. der Heid. im nord. Europa, Dr. M o n e. Leipzig. 1822. p. 93

громъ, птицъ (volatilia), даже четвероногихъ до жабы. Они имѣли также рощи, поля и воды священныя, — въ этихъ рощахъ не было позволено рубить дрова, поля эти не должны были быть обработываемы, а въ озерахъ запрещалось ловить рыбу [1]). Почти тоже говоритъ и Длугошъ о литовцахъ [2]). За подобными общими фразами у нихъ слѣдуетъ извѣстіе о сѣверномъ папѣ Криве, что уже мало гармонируетъ съ предшествующимъ извѣстіемъ, ибо при столь организованномъ жречествѣ не мыслима столь первобытная форма богопочитанія. Однако мы вынуждены признать существованіе на ряду съ Криве и высоко развитыя религіозныя представленія, которыя ускользнули отъ вниманія хроникеровъ, какъ явленія болѣе внутренняго, требующія ближайшаго знакомства съ народомъ или жрецами. Но за то недостатокъ извѣстій отъ древнихъ съ избыткомъ вознаграждается извѣстіями позднѣйшихъ хроникеровъ XVI вѣка. У нихъ религія пруссовъ и литовцевъ представляется въ величественной системѣ на ряду съ высокоразвитымъ жречествомъ. Представленное у нихъ жречество болѣе серьезными изслѣдователями справедливо признается не вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности, даже довѣрчивый Фойгтъ сознается, что въ этомъ отношеніи воображеніе празднаго монаха Луки Давида сильно преувеличило и подкрасило дѣйствительность; но вопросъ, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается вымыселъ, остается нерѣшеннымъ, ибо нѣтъ критерія для его полнаго разрѣшенія, а все зависитъ отъ произвола изслѣдователя, которому одно кажется правдоподобнымъ, другое — невѣроятнымъ. Что же касается религіозной системы представленной ими, то она до сихъ поръ остается недостаточно разобранною.

О религіи древнихъ языческихъ леттовъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій до самой половины XVI вѣка. Генрихъ латышскій, отъ хроники (—1227) котораго можно было бы многаго ждать и о религіи латышской, упоминаетъ только о жребіѣ, посредствомъ котораго земигалы [3]) и летигалы [4]) узнавали волю своихъ боговъ. Авторъ лифляндской риѳмованной хроники (—1290) упоминаетъ только о многихъ богахъ зеловъ [5]). Но за то гораздо болѣе свѣдѣній о религіи латышской мы имѣемъ отъ писателей XVI—XVII вѣковъ. Въ виду

[1]) SS. rer. I, p. 53. [2]) Z. c. I, p. 152.
[3]) H. c. XII, 2. [4]) Ibid. XI, 7. [5]) Reimch. v. 339.

такого промежутка времени, въ который мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о религіи латышей, повидимому, казалось бы, что должна существовать значительная разница между религіозными представленіями латышей и литовцевъ. Но къ удивленію эти писатели настаиваютъ на значительномъ сходствѣ, если не тожествѣ, этихъ представленій. Обращаясь къ остаткамъ прежнихъ языческихъ религіозно-миѳологическихъ представленій у народовъ литовскаго племени, мы, въ самомъ дѣлѣ, вынуждены признать значительное сходство въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились до нашихъ дней. Это явленіе, однако, едвали даетъ намъ право признать также сходство и во времени господства у нихъ язычества. Что сходство это существовало въ основныхъ воззрѣніяхъ, нужно считать безспорнымъ, основываясь на принадлежности ихъ къ одному племени, но что въ то время разница должна была быть болѣе, чѣмъ теперь, — это также приходится признать, если только вѣрно предположеніе о существованіи тогда между этими народами менѣе частыхъ миролюбивыхъ и дружественныхъ сношеній, чѣмъ послѣ принятія христіанства. Само собою разумѣется, что какъ прежде, такъ и послѣ сходство и разность были пропорціональны близости или отдаленности этихъ народовъ и тому или другому характеру ихъ сношеній другъ съ другомъ. Хотя у латышей не сохранилось пѣсенъ собственно историческихъ, но нѣкоторое воспоминаніе о прошедшемъ все-же можно въ нихъ найдти. Въ нихъ осталось сознаніе племеннаго родства латышей съ литовцами. „Литовцы (Leischi)—мои братья“, говоритъ латышская пѣснь. Она помнитъ о сестрицахъ, ушедшихъ въ Литву, и проситъ брата трубить въ мѣдную трубу на верху высокой горы, приглашая ихъ къ себѣ въ гости. Но она помнитъ и рознь Литвы съ родной страной; пѣвецъ пылаетъ желаніемъ выжечь Литву зеленымъ огнемъ, не будь только сестрицы на границѣ Литвы; „вы на вѣки останетесь Литовцами“, обращается къ литовцамъ пѣвецъ латышскій, „если не зайдете въ мой домъ, пройдя мимо его“. Воспоминаніе о родствѣ съ Пруссами сохранилось менѣе ясно: „бѣги“, обращается латышъ къ своему коню, „бѣги къ Прусской границѣ и приведи для меня прусскую красавицу“ [1]).

[1]) Пам. лат. нар. твор. *И. Спрогисъ*, Вильно, 1868 г. 294—297.

Сознаніе родства съ литовцами проглядываетъ и изъ исторіи латышей. А это сознаніе весьма важно для внутренней жизни латышей; оно, не смотря на внѣшнія враждебныя отношенія, поддерживало сходство внутренней жизни, какъ бытовой, такъ и религіозной, такъ что въ этой области они могли считать себя вполнѣ солидарными съ литовцами. На сколько между древними религіозными представленіями латышей и литовцевъ существовало сходства, у насъ нѣтъ никакой возможности точно рѣшить. Но нѣтъ сомнѣнія, что полнаго тожества между ними не было и не могло быть, какъ это представляетъ парадоксальный изслѣдователь Парротъ, который распространяетъ это тожество и на религію ливовъ и эстовъ [1]).

Высочайшимъ божествомъ всего литовскаго племени, а слѣдовательно и латышей, былъ Перунъ (лит. Percunas, лат. Pehrkunis). Проявленіемъ его служилъ громъ, который и носитъ его имя въ настоящеее время, ибо литовцы теперь говорятъ о громѣ: Perkunas grauja — громъ гремитъ, Perkunas mussa—громъ ударяетъ; впослѣдствіи громъ стали приписывать вообще божеству, что видно изъ выраженія: Dievaitis grauja—богъ гремитъ. Для обозначенія собственно грома латыши измѣнили названіе божества въ «pehrkons“ и о громѣ говорятъ: pehrkons ruhz, duhz, grausch. Эпитетомъ его служитъ „дѣдушка“, „старецъ“ (wezzajs). Есть ли этотъ эпитетъ первичный, т. е. представляли ли Перуна латыши дѣйствительно старымъ, или же именуютъ его такъ только изъ благоговѣнія предъ его могуществомъ, трудно рѣшить. Тоже самое нужно сказать и о другомъ вопросѣ: можетъ ли указывать этотъ эпитетъ на происхожденіе (анимистическое) самой религіи латышей. Можетъ быть послѣдняя мысль до нѣкоторой степени подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что у латышей различіе между словами Отецъ и Богъ незначительно, а иногда совсѣмъ исчезаетъ, ибо отецъ означаетъ у нихъ „tehws“, Богъ—Deews, wezzajs Tehws (дѣдушка). Какъ бы то ни было, но латыши обыкновенно предпочитаютъ выражаться о громѣ такъ: wezzajs kahjâs — дѣдушка на дворѣ, wezzajs berras, wezzajs tehws barrahs—дѣдушка бранится. Память объ этомъ языческомъ божествѣ сохранилась еще въ настоящее время въ

[1]) L. c. p. 297—386.

латышскихъ пѣсняхъ, пословицахъ и заговорахъ [1]). Латышская пѣсня говоритъ, что у батюшки Перкуна девять сыновей: три ударяютъ, три гремятъ, три бросаютъ молніи. Впрочемъ, количество это не постоянное, иногда онъ представляется имѣющимъ пять сыновей. По свидѣтельству Іоанна Мелетія [2]), писавшаго (въ 1551 г.) то, что самъ видѣлъ и слышалъ, у Жмуди на вершинѣ горы при рѣкѣ Невассѣ (Neuvassa) поддерживался въ честь Перкуна вѣчный огонь. Монахъ Іеронимъ, разсказъ котораго сохранилъ для насъ Эней Сильвій [3]), передаетъ, что онъ встрѣтилъ въ Литвѣ народъ почитавшій огонь и признававшій его вѣчнымъ. Священники алтаря постоянно подбавляли горючій матеріалъ, чтобы онъ не погасъ. О вѣчномъ священномъ огнѣ (Зничъ) въ Литвѣ свидѣтельствуютъ и польскіе хроникеры: Длугошъ, Стрыйковскій, Кояловичъ. Точно также и въ Пруссіи, по свидѣтельству Дусбурга и Луки Давида, поддерживали неугасаемый огонь въ честь Перкуна, по извѣщенію послѣдняго [4]). Наконецъ, еще во второй половинѣ XIV вѣка константинопольскіе патріархи называютъ литовцевъ „поклоняющимися огню“, а литовскаго князя—„огнепоклонникомъ“ [5]). По извѣщенію Іоанна Лазиція [6]), во вторую половину XVI вѣка, крестьянинъ во время грозы обыкновенно съ окорокомъ на плечахъ обходилъ поля, говоря: „богъ, Перкунъ! не причини вреда моимъ полямъ, я дамъ тебѣ этотъ окорокъ!“ Но по миновании грозы, окорокъ былъ съѣдаемъ самимъ крестьяниномъ. Надъ водами и въ частности надъ моремъ господствовалъ богъ Antrimpus [7]); онъ считался раздателемъ всѣхъ даровъ земныхъ, обиліе которыхъ зависитъ отъ благодѣтельнаго дѣйствія воды. Третьимъ высшимъ божествомъ у латышей считался Pekkals (лат. pehkle—адъ), у литовцевъ

---

[1]) См. Памятн. лат. нар. творч. И. Спрогисъ и Матер. по этнограф. лат. племени. Трейландъ (Бривземнеексъ). Москва 1881.

[2]) Acta Boruss. t. III, p. 408. [3]) SS. rer. Pruss. IV, p. 238. [4]) L. c. t. I, p. 29.

[5]) Русская Историч. Библіотека VI стр. 118, п. 20 (грамота патр. Филофея въ іюнѣ 1370) и стр. 168 п. 30 (грамота патр. Нила отъ 1380 года).

[6]) De diis samagit. ceterorumque sarmat. 1577, изд. 1615 г. p. 47.

[7]) Имя это, какъ и всѣ другія, сильно искажено у Грунау и Давида—оно читается Patrimpos, въ актѣ 1418 г. (Perlbach. l. c. B. II, Register) Natrimpe, у Мелетія (Act. Bor. t. III, p. 404) къ нему присоединяется еще богъ рѣкъ и источниковъ Potrympus.

Pykulas (pekla — адъ); онъ господствовалъ въ царствѣ смерти и мрака. Если вѣрить разсказу Грунау и особенно Луки Давида, мѣстопребываніемъ этихъ трехъ главныхъ боговъ у пруссовъ служила священная роща въ Ромовѣ. Здѣсь, на величественномъ, вѣчно зеленѣющемъ дубѣ, были вырѣзаны ихъ изображенія. Образъ Перкуна, находившагося посреди другихъ, представлялъ разгнѣваннаго человѣка, съ огненнымъ цвѣтомъ лица, курчавою бородою, имѣя голову увѣнчанную огненною короною. По лѣвую сторону его находится образъ Антримпа; онъ представлялъ безбородаго и веселаго юношу, голова котораго была обвита вѣнкомъ изъ колосьевъ и зеленѣющихъ листьевъ. По правую сторону его помѣщалось изображеніе Пекколса съ блѣднымъ, старческимъ лицомъ, съ сѣдою бородою, имѣющаго голову обвязанную платкомъ. Предъ нимъ на жердяхъ въ качествѣ его эмблемы помѣщались три головы мертвыхъ: человѣка, лошади и коровы. За этими слѣдуютъ второстепенныя божества, которыхъ было почти столько же, сколько окружающихъ предметовъ, по выраженію Гіэрта. И замѣчательно, что позднѣйшіе писатели XVII вѣка включаютъ въ свои списки боговъ неизвѣстныхъ писателямъ XVI вѣка. Но такъ какъ ни тѣ, ни другіе писатели не владѣли свободно ни литовскимъ ни латышскимъ языкомъ, то они исказили имена божествъ такъ сильно, что почти нѣтъ возможности возстановить дѣйствительное ихъ произношеніе. Потому нѣтъ особой важности перечислять здѣсь исковерканныя имена всѣхъ боговъ. Мы приведемъ только главнѣйшія. Okkupernis (лат. auka—буря; perreht—производить)—богъ бурь и вѣтровъ, съ чела котораго они ниспосылались на землю, Pergruhbis—богъ весны, способствующій распусканію почекъ, Pilwitis (лат. pils—полный; widda—изба)—богъ богатства. Putscoetis—богъ священныхъ рощъ. Mahrkpolis — богъ знатныхъ и богатыхъ. Barstuki—подземные духи. Jôhds — богъ войны по однимъ [1]), по Стендеру [2])—лѣсной и полевой чортъ,—вѣроятнѣе—богъ мрака (лит. jüdas — черный). Считая безполезнымъ приводить здѣсь названія боговъ, которыхъ у пастора Стендера [3]) перечисляется около 50, исключая общаго названія боговъ и богинь разныхъ предметовъ и явленій природы и нѣсколькихъ отдѣль-

[1]) Das. Inland. 1840. № 15. [2]) Lett. Gramm. p. 261. [3]) Ibid. p. 261—271.

ныхъ наименованій—вѣдьмъ, кудесниковъ и гадателей, попытаемся разъяснить причины, вызвавшія такое разнообразіе наименованій боговъ у писателей, а затѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію религіозно-миѳологическихъ представленій, содержащихся въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. Если принять слова автора лифляндской риѳмованной хроники въ прямомъ смыслѣ, то оказывается, что поэзія и въ XIII вѣкѣ служила для латыша почти неизбѣжнымъ выраженіемъ его душевнаго настроенія. Онъ пишетъ о латышахъ, воспѣвавшихъ свое горе по опустошеніи рыцарями ихъ родной страны и разрушеніи и уничтоженіи замковъ и жилищъ [1]). Что и въ настоящее время поэзія есть постоянная спутница латыша, извѣстно всякому жившему между латышами. Характеръ латышской поэзіи—простая и краткая мелодія, сжатая мысль, выраженная въ четырехстишіи; а что особенно отличаетъ эту поэзію — это почти неизбѣжное обращеніе къ предметамъ окружающаго внѣшняго міра, олицетвореніе и духотвореніе ихъ. Это олицетвореніе въ ней столь глубоко, что простирается и на самыя отвлеченныя понятія, выражающія сложныя отношенія. Такой характеръ латышской поэзіи, по всей вѣроятности, послужитъ поводомъ для писателей, касавшихся самостоятельно языческихъ религіозныхъ представленій латышей, принимать за божество всякій предметъ и понятіе, къ которому дѣлалось въ пѣсни обращеніе и которое олицетворялось. Отсюда становится понятнымъ, что многія названія божествъ, встрѣчающіяся у Мелетія и Лазиція, которыми не умѣло пользовался (—1675 г.) Гіэрнъ [2]), хотя и искажены, но могутъ быть возстановлены въ качествѣ названій дѣйствительныхъ предметовъ или понятій. Такъ, у Лазиція и Гіэрна Brekšta — богиня мрака, тогда какъ въ литовскомъ языкѣ это слово значитъ „разсвѣтаетъ“ т. е. имѣетъ значеніе какъ разъ противоположное данному ему Лазиціемъ „Ausca“, по Лазицію, богиня лучей восходящаго или нисходящаго солнца. Мы такого слова не встрѣчаемъ ни въ литовскомъ, ни въ латышскомъ языкахъ. Въ литовскомъ—aussta—разсвѣтаетъ, aussra—заря, aussrinne—утренняя звѣзда (собств. восходящій свѣтъ, утренній свѣтъ). Искаженіе какого изъ

[1]) Reimch v. 11462—66.

[2]) Въ Mon. Liv. aut. t. I, p. 32—34.

предыдущихъ словъ составляетъ слово „ausca“, трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ оно есть ничто иное, какъ искаженное наименованіе какого-либо свѣтоваго явленія природы. Другой интересный примѣръ искаженія и толкованія представляетъ имя бога здоровья или болѣзни. У Мелетія—Auscautus, Auscaeutus; у Лазиція—Auscantus—богъ здоровья (incolumitatis) и болѣзни; у Луки Давида и Гіэрна Arussweytus—богъ здоровья. По всей вѣроятности всѣ эти извращенія произошли отъ непониманія писателями литовскаго языка и произвольнаго толкованія предметовъ поэтическаго олицетворенія, вслѣдствіе чего литовское слово—„Jweikata“—здоровье, „issweikata“—выздоровленіе, явилось въ такомъ искаженномъ видѣ и вдобавокъ въ качествѣ имени бога. Такихъ примѣровъ можно бы привести не мало, а довѣрчивые изслѣдователи, не справляясь со значеніемъ именъ боговъ и богинь, выписали ихъ въ свои сочиненія и такимъ образомъ образовались столь длинные списки боговъ и богинь, какъ у Паррота. Но во всякомъ случаѣ религіозныя воззрѣнія литовцевъ и латышей нуждаются еще въ будущемъ филологѣ-изслѣдователѣ. Обращаясь къ пѣснямъ латышей, мы встрѣчаемъ множество ихъ, поющихся въ Ивановъ день, въ которыхъ постоянно упоминается имя Lihgo обыкновенно въ началѣ четырехстишія въ соединеніи со словомъ Jahnit, а въ концѣ оно повторяется два раза. Вопросъ, нужно ли признать это слово именемъ бога или богини, или считать простымъ восклицаніемъ, до сихъ поръ остается еще спорнымъ. Одни, на основаніи необычнаго въ латышскомъ языкѣ окончанія „о“ для именъ существительныхъ, признаютъ его простымъ восклицаніемъ и производятъ отъ глагола lihgot — качаться, lihgo (повел. наклон.)—качайся, гей! подтверждая свое мнѣніе тѣмъ, что Lihgo встрѣчается въ пѣсняхъ, поющихся на качели во время Иванова дня [1]), — другіе указываютъ на древность этого окончанія имени существительнаго и ссылаются на тотъ фактъ, что латышъ называетъ свою возлюбленную lihgawing, что можетъ обозначать богиню любви, радости и что у литовцевъ въ Ивановъ день почиталась въ пѣсняхъ богиня Ledo, Lido [2]). Послѣднее мнѣніе кажется болѣе правдоподобнымъ,

---

[1]) Merkel, Zeitsch, f. Lit. und Kunst. 1812 № 4 и Das. Inland. 1861 г. p. 441. [2]) Merkel, l. c. № 9.

именно, на томъ основаніи, что у латышей, по свидѣтельству пастора Эйнгорна, въ первой половинѣ XVII вѣка [1]) было обычнымъ явленіемъ соединять въ своихъ воззваніяхъ и молитвахъ имя христіанскаго святаго и языческаго бога или богини чтобы придать болѣе силы молитвѣ. Поэтому и естественно было присоединить къ имени языческой богини радости и любви Lihgo имя Іоанна Крестителя и воспѣвать ихъ обоихъ, тѣмъ болѣе, что время ихъ празднованія совпадало. Особенно отличительный характеръ придаетъ латышской языческой религіи значительное преобладаніе въ ней женскаго элемента, культа матери (mahte). Почти каждый классъ предметовъ произрастанія имѣетъ свою мать, и даже отдѣльные предметы неорганической природы, которые призываютъ люди, занимающіеся тѣмъ или другимъ промысломъ; такъ, по свидѣтельству того же Эйнгорна [2]), мать садовъ (dârsy mahte) призываютъ женщины и хозяйки, мать лѣсовъ—охотники, мать пашни—земледѣльцы, мать дороги—путешественники и т. д. Въ пѣсняхъ, сохранившихся до настоящаго времени, встрѣчается гораздо болѣе предметовъ, имѣющихъ каждый свою богиню [3]). Какъ объяснить это явленіе? Намъ кажется, что здѣсь было двѣ причины, одна чисто національная, другая—привнесенная христіанствомъ. Первую причину указываетъ Каспаръ Безбардисъ [4]). Онъ говоритъ, что хороводами въ пѣніи руководили у латышей женщины-пѣвицы, которыя въ тоже время отправляли обязанности—wesamahte—sage femme. Это двойственное положеніе ихъ бросаетъ, по его мнѣнію, яркій свѣтъ на нѣкоторыя народныя пѣсни, объясняетъ напр. почему Пр. Дѣва Марія называется иногда dseesmuteizejinas — произносительница пѣсенъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ подъ Маріей нужно разумѣть самое wezamahte, только подъ поэтическимъ покровомъ; или же послѣдняя является какъ бы посланницею, возсѣдающей на небѣ пресв. Дѣвы Маріи, на которую перенесена роль древнеязыческой laimes mate—богини судьбы, которая, по Эйнгорну, при родахъ подкладывала подъ родильницу простыню и опредѣляла счастіе новорожденнаго [5]). Безъ сомнѣнія, продолжаетъ

---

[1]) SS. rer. Liw. t. II, p. 616—617. [2]) Ibidem. p. 584.
[3]) Latweefchu laufchu dseefmas un sīkges. Büttner. Ielgawâ 1844.
[4]) Slav. Centralblatt. 1865. Nr. 3—4, [5]) SS. rer. Liv. t, II, p. 588.

Безбардисъ, эти латышскія пѣвицы находились другъ съ другомъ въ близкой связи,—отсюда и объясняется легко то явленіе, почему тѣже пѣсни столь же хорошо извѣстны на Курляндскомъ поморьѣ, какъ и на отдаленныхъ границахъ Лифляндіи. Вторая причина, привнесенная католичествомъ, кроется въ характерѣ религіознаго обученія латышскаго народа. Эйнгорнъ передаетъ извѣстіе [1]), по которому въ латышскомъ (въ которомъ, впрочемъ, не было ни одного правильнаго латышскаго слова) катихизисѣ ксендза Іоакима Малловія въ Кокенгузенѣ (1613 г.) не было ни однимъ словомъ упомянуто о томъ, какъ отклонить людей отъ язычества, но все клонилось къ тому, чтобы латыши научились призывать пресв. Дѣву Марію и почитать „tas wissu aukstais Bisskups ekschan Rome pils“, т. е. высочайшаго епископа въ городѣ Римѣ. При совершенной непонятности богослуженія, такой способъ обученія, безъ сомнѣнія, скоро произвелъ смѣсь языческихъ представленій съ христіанскими, такъ напр., по извѣщенію того же Эйнгорна [2]), латышъ, умоляя за свою скотину, взывалъ: „O Maringa darga, o Lopu Matiet baggata“, т. е. о дорогая Марія, о богатая мать (божество) скота! Судя по наличному количеству и содержанію латышскихъ народныхъ пѣсенъ, о миѳологическихъ представленіяхъ латышей нужно сказать, что эти представленія находятся еще на первичной ступени развитія, ибо они обнимаютъ почти исключительно явленія перемѣны дня и ночи и едва-едва касаются явленій природы, преемство которыхъ происходитъ въ болѣе продолжительные періоды. Если допустить, что во время близкое къ язычеству латышская миѳологія была болѣе развита, чѣмъ сколько видно изъ пѣсенъ, сохранившихся до настоящаго времени, то придется признать, что послѣдующая исторія уничтожила большую часть ея. Но, принимая въ соображеніе тѣ формы, чрезъ которыя проходятъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ народныя миѳологическія представленія и находя въ пѣсняхъ латышскихъ отсутствіе формъ позднѣйшаго развитія, мысль о первичности миѳологическихъ воззрѣній латышей кажется болѣе правдоподобною. Въ миѳологіи латышей фигурируютъ главнымъ образомъ солнце, луна, перунъ, сыновья божіи и дочери солнца. Почти тоже и въ

[1]) Ibidem p. 616. [2]) SS. rer. Liv. t. II, p. 617.

миѳологіи литовцевъ. Миѳологія латышей и литовцевъ мало еще разъяснена, что́, впрочемъ, зависитъ не столько отъ нея самой, сколько отъ современныхъ методовъ изслѣдованія миѳологическихъ представленій. Особенно темны представленія „о сыновьяхъ божіихъ и дочеряхъ солнца". Биттнеръ [1]) разумѣетъ подъ дочерями или дѣвами солнца (saules meitas) звѣзды, ближайшія къ солнцу, т. е. планеты, а подъ сыновьями божіими (Deewa dêli) напротивъ звѣзды, ближайшія къ небу, т. е. неподвижныя звѣзды Безбардисъ [2]) замѣчаетъ противъ такого толкованія, что оно покоится, очевидно, на мысли, что, такъ какъ богъ живетъ на небѣ, то и его сыновья, разсматриваемыя какъ звѣзды, должны стоять ближе къ небу, чѣмъ дочери солнца, которыя должны слѣдовать за своею матерью. Но, говоритъ онъ далѣе, у насъ нѣтъ пѣсни, гдѣ бы сыновья божіи разсматривались какъ звѣзды, и мы скорѣе заключили бы, что такъ какъ богъ былъ невидимымъ существомъ, то и его сыновья были разсматриваемы какъ невидимые. Кромѣ того, онъ ссылается на то, что Венера, какъ вечерняя звѣзда въ одной пѣсни [3]) можетъ быть толкуема какъ „дочь солнца", но та же Венера, какъ утренняя звѣзда, является въ другихъ пѣсняхъ [4]) уже не какъ „дочь солнца", но какъ его женихъ. Зная, что у Лазиція въ качествѣ богинь вечерней и утренней полагаются слова, означающія, собственно, лучи заходящаго и восходящаго солнца, что преемству явленій природы въ предѣлахъ дня и ночи, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ предѣлахъ годоваго круга вращенія солнца и связанныхъ съ нимъ явленій, обыкновенно приписывается характеръ человѣческихъ отношеній между родителями и дѣтьми, женихомъ и невѣстою, что громъ есть олицетворенный Перкунъ, былъ ли онъ первичный предметъ обожанія, или же представлялъ олицетвореннаго разставшагося съ тѣломъ духа человѣческаго и переселившагося въ царство тѣней,—все равно, и зная, наконецъ, аллегорическія поэтическія описанія, свойственныя всѣмъ индоевропейскимъ народностямъ, и въ частности славянскимъ, мы попытаемся, насколько возможно, освѣтить темныя миѳологическія представленія латышей. На безпредѣльномъ океанѣ небесной

---

[1]) l. c. p. 242. [2]) Slaw. Centralbl. 1865 № 3 и 4.
[3]) Büttner. l. c. № 18; ср. № 2223. [4]) Ibid. № 282 и 2836; ср. № 2116.

лазури, на этомъ „серебряномъ озерѣ“, на этомъ „синемъ морѣ“, движутся, то догоняя другъ друга, то разставаясь другъ съ другомъ, солнце и луна: это „двѣ горящія свѣчи“, — это „невѣста и женихъ“; но они не живутъ другъ съ другомъ мирно, ибо они то сходятся,—то расходятся. Вотъ они сошлись и породили первыя звѣзды. Но вскорѣ теченіе ихъ расходится; луна исчезаетъ съ зарею, которую провожала утренняя звѣзда: «она влюбилась въ зарю, она отняла отъ утренней звѣзды засватанную невѣсту». И вотъ вскорѣ луна опять показывается, но уже не вся, а по частямъ. „солнце изрубило ее острымъ мечемъ“ [1]). Вотъ заходитъ солнце, спускаясь на западъ, гдѣ море (Балтійское) сливается съ горизонтомъ небеснымъ: «оно погружается въ море». На горизонтѣ облака, принявъ ярко-красный цвѣтъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ: «его принимаетъ золотая лодочка» [2]). Лучи его еще долго освѣщаютъ горизонтъ, образуя понемногу сумерки, но и они исчезнутъ: «дочь солнца погружается въ море: виднѣется лишь ея вѣнокъ». Горизонтъ заволакивается тучами, которыя грозятъ упрятать солнце совсѣмъ отъ людей. Но вотъ возникаетъ громъ и молнія, которыя разгоняютъ тучи: «гребите лодку божіи сыновья! спасайте жизнь солнца!» взываетъ латышъ къ перунамъ-молніямъ. Но вотъ приближается полночь; «уже запѣлъ пѣтухъ на Двинскомъ берегу», настаетъ заря: «встаетъ дочь солнца сучить золотыя нитки». «Вставай рано, дочь солнца, вымой бѣлый липовый столъ», т. е. разсѣй туманъ, говоритъ латышъ, обращаясь къ утренней зарѣ; «завтра придутъ божіи сыновья копать золотыя яблоки», т. е. завтра настанетъ громъ и молнія. Но вотъ еще до утренней зари подымается утренняя звѣзда, чтобы опять исчезнуть съ зарею: рано восходитъ утренняя звѣзда, желая солнечной дочери; восходи солнышко само рано, — не давай

---

[1]) У литовцевъ теченіе луны и солнца олицетворяется иначе: «луна провожала солнце въ раннюю звѣзду. Солнце вставало уже рано; луна отдѣлилась отъ него и пошла одна погуливать, влюбилась въ утреннюю звѣзду. За это Перкунъ разсердился на нее и разрубилъ ее мечомъ». Lit. Volksl., Nesselmann. Berlin. 1853.

[2]) По болѣе грубому представленію, записанному Лазиціемъ, а за нимъ Гізрномъ, Percuno tete (лит. tetha—тетка, dêdê—дядя)—мать молніи и грома, (по Гізрну) жена Перкуна, приноситъ въ баню запылившееся и уставшее отъ странствованія солнце, очистивъ его достаточно, отпускаетъ опять на слѣдующій день.

дочери утренней звѣздѣ!» восклицаетъ латышъ. Отсутствіе на небѣ вмѣстѣ съ зарею утренней звѣзды вмѣстѣ съ другими звѣздами латышскій пѣвецъ объясняетъ такъ: «утренняя звѣзда ушла свататься на дочери солнца». Какъ постоянная спутница луны, утренняя звѣзда съ вечернею представляются конями ея. Вотъ взошло солнце, но небо покрыто облаками, воздухъ наполненъ туманомъ; лучи солнечные безсильны разсѣять туманъ и облака; «солнце бранитъ своихъ дочерей, стоя посреди неба: одна не мела пола, другая не мыла стола», толкуетъ латышъ явленіе [1]). Мы уже знаемъ, что дѣдушка богъ являлся въ образѣ Перуна громовержца; мы знаемъ также, что у него были сыновья. Латышская миѳологія приписываетъ ему и жену (Percuno tete? у Гіэрна), «которая иногда враждовала съ солнцемъ»; фактъ красноты солнца при восходѣ наводилъ латыша на мысль: „не поссорилось ли оно съ супругою дѣдушки бога?“ Упоминается также о старостѣ Перуна, съ которымъ ссорятся его (божіи) сыновья, оттого и не разогнаны облака: не выбороновны шелковыя горы, не выкошены золотые луга. Перуны молніи и перуны громы — „божіи сыновья“ рубятъ клѣть, ставя на ней золотыя стропила, между ними проходитъ солнечная дочь (лучь солнца?), трепеща какъ листокъ». Отдаленный громъ, звуки котораго съ края горизонта не долетаютъ до насъ, который являлся предъ нами какъ зарница, представляется въ образѣ «кузнеца, кующаго на морскомъ берегу поясъ для божьяго сына, а вѣнокъ для солнечной дочери». Дѣдушка Перунъ разъѣзжаетъ по небу, сидя на облакахъ дымчатыхъ, какъ своихъ коняхъ и саняхъ, и наблюдая, что люди дѣлаютъ. Небо—его домъ, жилище. Отсюда онъ посылаетъ свой дождь, даетъ листья деревьямъ, а землѣ — зеленый клеверъ и устраиваетъ отношенія между людьми. «Греми, греми, Перунъ», говоритъ латышскій пѣвецъ, «расколи мостъ на Двинѣ», чтобъ не приходили поляки и литовцы въ мою отцовскую землю»! „Перуны молніи сокрушите мою свекровь, чтобы я сама свободно могла побрякивать ключами!“, взываетъ молодая жена, ища защиты противъ злой свекрови. Нѣкоторые миѳологиче-

[1]) Въ данномъ случаѣ возможно принять за дочерей солнца и вечернюю и утреннюю зорю или вечернюю и утреннюю звѣзду, какъ очевидно изъ литовской пѣсни: «утренняя звѣзда зажигала огонь рано или поздно», вечерняя «приготовляла постель» для солнца.

скіе образы не могутъ быть удовлетворительно освѣщены при принятіи только указанной божественной генеалогіи, если не признать кромѣ того примѣси другой генеалогіи божествъ. Мы уже указывали на возможность нѣкоторыхъ филологическихъ толкованій въ пользу анимистическаго происхожденія латышской религіи, при каковомъ предположеніи уяснились бы многія миѳологическія представленія латышей, менѣе удовлетворительно объяснимыя при другихъ предположеніяхъ; тоже самое можно указать и въ литовской религіи; сходство литовскихъ словъ toewas—отецъ и tiewas—богъ также можетъ до нѣкоторой степени говорить въ пользу анимистическаго происхожденія этой религіи. Но первоначальное понятіе бога у латышей можно еще болѣе расширить. Латышское слово debbes — небо и deews—богъ, tehws—отецъ, wezzajs tehws—богъ, дѣдушка, повидимому, имѣютъ одинъ и тотъ же корень, тожественный съ вышеуказанными литовскими словами. Мало того. Этотъ корень тожественъ, какъ кажется и съ корнемъ латинскимъ — deus, греческимъ—Ζεύς, διός, а послѣдніе слова производятся съ санскритскаго языка, гдѣ корень ихъ означаетъ сіяніе, свѣтъ, пріурочиваемый къ солнцу. Такимъ образомъ мы можемъ ожидать и въ латышской и литовской миѳологіяхъ найдти связь имени божества съ солнцемъ, а можетъ быть, и съ небомъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ ясные намеки въ латышскихъ миѳологическихъ пѣсняхъ, гдѣ солнце называется богомъ, наприм. «что тамъ сіяетъ, что тамъ зарится наверху той горы (обыкновенный поэтическій терминъ для неба)? Это милый Богъ сѣетъ ячмень изъ серебрянаго лукошка". Еще: „согрѣвай меня, теплое солнышко; у меня нѣтъ согрѣвателя! Люби меня милый богъ, нѣтъ у меня любящаго!" Поэтому и не удивительно, если мы встрѣчаемъ у латышей то отождествленіе солнца съ богомъ, то противоположеніе ихъ другъ другу, какъ двухъ враждебныхъ силъ. Далѣе: такъ какъ солнце съ обыкновенной точки зрѣнія является виновникомъ оживленія органической и неорганической природы, въ полной зависимости отъ которой стоитъ первобытный человѣкъ, то и не удивительно также, что солнцу приписывается громадная роль въ латышскихъ пѣсняхъ. Оно отождествляется очень часто съ счастіемъ, судьбою (laime), или по крайней мѣрѣ, ставится въ близкой связи съ нимъ. А само счастіе или судьба отождествляется, по

большей части, съ богомъ, или же ставится просто на ряду съ нимъ. При признаніи у литовцевъ и латышей близкой связи божества съ небомъ, нѣкоторыя миѳологическія представленія объясняются легче, хотя, впрочемъ, за то многія изъ нихъ гораздо труднѣе объяснить изъ представленія этой связи; при ней подъ сыновьями божіими въ нѣкоторомъ случаѣ могутъ быть подразумѣваемы вѣтры и тучи, борющіяся съ солнечными лучами.

Изъ представленнаго очерка миѳологическихъ представленій латышей легко видѣть, что они носятъ характеръ первичной ступени развитія и отличаются поэтому значительною древностью; въ нихъ нѣтъ еще разграниченія между злымъ и добрымъ началомъ; а всѣ явленія разсматриваются съ одной точки зрѣнія; демоны, злые духи, святые и ангелы еще не нашли въ нихъ мѣста; только разъ упоминается о божіихъ ангелахъ въ образѣ черныхъ вороновъ; но признать это представленіе на этомъ основаніи привнесеннымъ христіанствомъ едва ли возможно; во всякомъ случаѣ элементовъ христіанскихъ въ этихъ представленіяхъ оказывается весьма незначительное количество. Извѣстно, что еще въ началѣ XV вѣка въ Литвѣ, по разсказу монаха Іеронима [1]), почитали солнце и громадный молотъ, которымъ оно чрезъ знаки зодіака было освобождено отъ власти могущественнаго короля. Замѣчательно, что въ литовскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ сохранились миѳологическія представленія въ общемъ сходныя съ латышскими, нѣтъ никакого намека на какое-нибудь христіанское имя, праздникъ, обычай или хотя бы просто на обрядъ, заимствованный изъ библіи. Часто говорится о рожденіи и свадьбѣ, особенно о послѣдней, но никогда не упоминается о крещеніи и обрученіи.

Выраженіемъ вѣрованій какого либо народа служатъ и его праздники, совершаемые съ тѣми или другими обрядами, подъ которыми кроются извѣстныя религіозныя представленія. Свѣдѣнія о языческихъ праздникахъ древнихъ литовцевъ, пруссовъ и латышей остались отъ XVI вѣка, когда язычество уже исчезало. Праздники эти могли уже потерять кое-что изъ древнихъ обычаевъ и древняго значенія. Но они все же не новы. Относясь ближайшимъ образомъ къ насущному хлѣбу, они

---

[1]) SS. rer. Pruss VI, p. 238.

предполагаютъ продолжительную привычку и занятіе земледѣліемъ, а, слѣдовательно, и значительную давность своего существованія. Если протопресвитеръ Іоаннъ Мелетій въ Ликіи въ Пруссіи, описавшій эти праздники въ половинѣ XVI в. [1]), относитъ ихъ къ народамъ литовскаго племени и даже лифляндцамъ (Liwones) и сосѣднимъ русскимъ, то здѣсь едва ли столь много преувеличено, какъ кажется съ перваго взгляда. Если въ области религіозныхъ представленій, распространенныхъ писателями на всѣ народы литовскаго племени, мы нашли возможность признать незначительное преувеличеніе, то въ области внѣшняго выраженія этихъ представленій, приходится признать еще менѣе преувеличенія на томъ соображеніи, что внѣшнія выраженія идей всегда перенимаются и усвоиваются скорѣе, сохраняются и передаются гораздо полнѣе, чѣмъ самыя идеи.

Первый весенній праздникъ праздновался у народовъ литовскаго племени 24-го апрѣля въ день св. Георгія въ честь Пергрубиса—бога цвѣтовъ и вообще всей зелени. Въ это время народъ во всѣхъ деревняхъ собирался въ одномъ домѣ, гдѣ была предварительно приготовлена одна или двѣ бочки пива. Здѣсь прежде всего избирали изъ среды собравшихся жреца котораго называли Vurschaytis [2]), который, зачерпнувъ полную чашу пива и держа ее правою рукою, обращался со слѣдующею молитвою къ Пергрубису: „ты прогоняешь зиму и возвращаешь прелесть весны, благодаря тебѣ зеленѣютъ поля и сады, благодаря тебѣ рощи и лѣса покрываются зеленью, мы просимъ тебя: вырости наши хлѣба и истреби сорныя травы“. Пропѣвъ эту молитву, жрецъ, поддерживая зубами чашу, выпивалъ пиво, не прикладывая къ чашѣ руки, и потомъ бросаетъ ее, не прикасаясь руками, черезъ голову на полъ. Одинъ изъ присутствующихъ подымалъ чашу и, наполнивъ ее пивомъ, выпивалъ, за нимъ дѣлали тоже всѣ присутствующіе, воспѣвая хвалебный гимнъ въ честь Пергрубиса. Послѣ этого

[1]) Act. Boruss. t. III, p. 401—412.

[2]) Mon. Liv. ant. t. I, p. 32, дополненія къ разсказу Мелетія заимствованы у Гіэрна, который также описываетъ этотъ праздникъ, но сходно съ Лукою Давидомъ l. c. t. I, p. 80 — 90 У нихъ этотъ праздникъ излагается болѣе подробно. По ихъ разсказу, напр., жрецъ обращается съ молитвою ко всѣмъ высшимъ богамъ, прося отъ каждаго себѣ благъ и въ честь каждаго выпивая чашу пива.

пировали цѣлый день и устраивали хороводы. 24-го іюня праздновался зимній поворотъ солнца со всей торжественностью и радостію въ честь богини радости и любви Lihgo [1]). На всѣхъ болѣе или менѣе высокихъ горахъ и холмахъ сожигалась бочка съ дегтемъ или смолою, прикрѣпленная къ концу длиннаго вбитаго въ землю шеста. При этомъ огнѣ, какъ символѣ высокаго солнцестоянія, устроивались хороводы и воспѣвались пѣсни въ честь Lihgo. На канунѣ этого праздника и въ самый праздникъ вѣнки изъ всевозможной зелени служили украшеніемъ всѣхъ. Въ эту ночь сила природы обнаруживалась какъ никогда, отсюда собираніе тогда цѣлебныхъ травъ, гаданія и т. п. Осенью праздновались два-три праздника. Когда наступало время жатвы, крестьяне собирались на поляхъ для жертвоприношенія. Этотъ праздникъ, по извѣщенію Мелетія, на русскомъ языкѣ назывался Zaczinek, т. е. начало жатвы. По совершеніи жертвоприношенія [2]), изъ толпы выбирался одинъ, который полагалъ начало (auspicatur) жатвѣ и, сжавъ первый снопъ, уносилъ домой. На слѣдующій день, сначала домашніе его, а потомъ и другіе, приступали къ жатвѣ. Болѣе торжественный праздникъ совершался вслѣдъ за окончаніемъ жатвы. По Мелетію, онъ совершался слѣдующимъ образомъ: у судиновъ въ Пруссіи, послѣ того, какъ народъ собрался въ амбарѣ, приводился козелъ, на котораго жрецъ возлагалъ руки и призывалъ всѣхъ боговъ. По окончаніи его молитвы, всѣ присутствующіе подымали козла и поддерживали его на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока продолжалось пѣніе благодарственнаго гимна. Затѣмъ, жрецъ увѣщевалъ народъ принести эту жертву, установленную благочестивыми предками, съ великимъ благоговѣніемъ и передавать въ память потомству; послѣ этого онъ самъ закалалъ жертву и разбрызгивалъ принятую въ чашу кровь. Мясо онъ передавалъ женщинамъ для того, чтобы тамъ же сварить его. Пока мясо варилось, женщины готовили изъ пшеничной муки лепешки, которыя полагались на огонь въ очагѣ, который окружали мужчины и безпрерывно перепрыги-

[1]) Фактъ молчанія древнихъ и позднѣйшихъ писателей о празднованіи этого дня у народовъ литовскаго племени довольно непонятенъ. Что католическіе священники старались уничтожить всякое внѣшнее выраженіе язычества, это фактъ общеизвѣстный; поэтому можно бы думать, что праздникъ этотъ праздновался только въ былыя времена тамъ, куда не могъ проникать ихъ глазъ.

[2]) Изъ чего состояла эта жертва, неизвѣстно.

вали черезъ огонь, пока лепешки не спеклись и мясо не сварилось. И тогда начиналось пиршество, продолжавшееся цѣлыя сутки. На слѣдующій день раннимъ утромъ всѣ пировавшіе выходили за деревню и зарывали остатки пищи въ опредѣленномъ мѣстѣ, гдѣ бы ее не могли расхитить ни птицы, ни звѣри, послѣ чего каждый возвращался въ свой домъ. Лука Давидъ [1]), а за нимъ и Гіэрнъ, передаютъ въ другомъ видѣ празднованіе этого праздника, что не умаляетъ значенія ихъ свидѣтельства, ибо въ различныхъ мѣстахъ онъ могъ различно и праздноваться. По этому извѣстію, жрецъ вуршайтисъ увѣщевалъ молодой народъ держать боговъ въ чести и не гнѣвать ихъ, ибо, говоритъ онъ, вы видѣли, какъ благопріятно для урожая было лѣто. Послѣ этого, по условію, каждый, желавшій участвовать въ пиршествѣ, долженъ былъ, смотря по состоянію, дать половину или цѣлую четверть зеренъ для варенія пива,—женщины съ своей стороны должны были принести въ складчину хлѣбъ изъ нови, который былъ съѣдаемъ на праздникѣ, продолжавшемся до тѣхъ поръ, пока хватало пива. Лазицій, по Гвагинію, передаетъ празднованіе послѣдняго осенняго праздника такъ. По уборкѣ хлѣба, въ концѣ октября или началѣ ноября на столъ клалось сѣно, хлѣбъ, двѣ вазы съ пивомъ на той и другой сторонѣ, затѣмъ приводились изъ домашнихъ животныхъ обоего пола свинья, пѣтухъ, гусь, телка и др., которыхъ жрецъ (аидпъ) билъ палкою по головѣ и другимъ членамъ, приговаривая, а за нимъ всѣ присутствующіе: „ихъ приносимъ, мы тебѣ, о, богъ Iemmieniek, въ благодарность за то, что ты сохранилъ насъ въ этомъ году невредимыми и далъ намъ всего въ изобиліи, мы просимъ тебя, чтобы ты и на будущее время былъ также добръ“. Прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, съ каждаго блюда бросали частицу во всѣ углы дома со словами: „прими, Земьеникъ, благосклонно жертву и вкуси съ радостію“. Этотъ обрядъ назывался „Ilgi» [2]). Объ остальныхъ праздникахъ мы получаемъ свѣдѣнія отъ писателя, близко знакомаго съ латышами, именно Эйнгорна [3]) съ 1636 г. суперинтендента курляндскаго. Съ 29 сентября до 28 октября въ продолженіи четырехъ недѣль совершалось пирше-

[1]) L. c. p. 91—92.

[2]) L. c. p. 48.

[3]) Сочиненія его въ SS. rer. Liv. t. II.

ство душъ (dwehseles meelasts), праздникъ усопшихъ (wetti). Дни эти назывались „божіими днями“, deewa-deenas, „welle-laiek“. Въ эти дни не предпринималась никакая работа, особенно воздерживались отъ молотьбы хлѣба, на томъ вѣрованіи, что вымолоченный тогда, въ виду другихъ людей, хлѣбъ потеряетъ способность произростанія. А въ октябрѣ, который назывался у нихъ wella-mänes, т. е. мѣсяцъ душъ или боговъ [1]), или Semlikka-mänes, т. е. мѣсяцъ, въ который на землю (semmê) полагалась (likt) [2]) пища для усопшихъ, пиршество сопровождается веселыми хороводами и танцами. Для этого пиршества приготовлялась всякаго рода пища, которая и раскладывалась на полу комнаты довольно нагрѣтой и начисто подметенной,—сюда позднимъ вечеромъ входилъ самъ хозяинъ съ огнемъ въ рукѣ и приглашалъ усопшихъ, именно своихъ предковъ, родителей, родственниковъ, дѣтей и другихъ близкихъ поѣсть и попить. Летты думали, что если хозяинъ увидитъ появленіе душъ, то онъ умретъ въ этомъ году, въ противномъ случаѣ онъ проживетъ годъ. Когда, по его мнѣнію, души достаточно насытились, то онъ разрубалъ лучину на порогѣ и приказывалъ душамъ удалиться, такъ какъ онѣ уже досыта поѣли и попили, по улицамъ и дорогамъ, а не наступать на ржаное поле, чтобы не раздробить корней и не причинить въ будущемъ году неурожай, который приписывался гнѣву душъ недостаточно насыщенныхъ. Въ концѣ XVII вѣка обрядъ угощенія душъ предковъ въ Курляндіи, по свидѣтельству Бранда, посѣтившаго тогда Лифляндію [3]), совершался слѣдующимъ образомъ. 4-го января въ день всѣхъ душъ покрывался лучшими блюдами длинный столъ въ запертой комнатѣ, куда не позволялось до утра никому входить. Утромъ отворялась дверь и, если пища оказалась не потребленною, то это служило предзнаменованіемъ особаго счастія и обилія плодовъ и скота, въ противномъ случаѣ ожидали будущаго неурожая и падежа скота [4]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ (wilku-mänes—волчій мѣсяцъ),

[1]) Gott. Gramm. p. 271. Wels по Стендеру назывался богъ усопшихъ, которому былъ посвященъ октябрь. Вѣрнѣе, что первоначально Wels означалъ душу, потомъ бога усопшихъ, а въ настоящее время—чорта.

[2]) Ibidem. p. 269.

[3]) У A. von Brand. Reisen... Wesel. 1702, p. 81.

[4]) У Литовцевъ и Пруссовъ обрядъ угощенія душъ совершался, по свидѣтельству Мелетія (l. c. 411—412), на третій, шестой, девятый и сороковой

около праздника Рожд. Христ., язычники латыши умилостивляли волка, который у нихъ носилъ эпитетъ лѣснаго бога (meschadeews) принесеніемъ ему козы въ жертву на распутіяхъ съ особыми языческими обрядами (которыхъ Эйнгорнъ не сообщилъ намъ), вѣря, что, по принесеніи жертвы, волки не повредятъ стаду, хотя бы они прошли чрезъ самое стадо [1]). Въ навечеріе Рождества Христова совершался праздникъ лѣтняго поворота солнца; этотъ вечеръ носитъ названіе „blokku wakkars"—вечеря чурбана, который при пляскѣ и попойкѣ волочили по землѣ и наконецъ сожигали въ ознаменованіе усиленія солнечной теплоты [2]). Въ одинъ изъ послѣднихъ дней русской масляницы празднуется у латышей, такъ называемый, пирожный вечеръ (pihragu wakkara), или вечеръ бросанья (memenu wakkars) въ который счастіе или судьба бросаетъ людямъ подарки. Въ этотъ день всѣ обязаны печь пироги [3]). Во время моровой язвы, передаетъ тотъ же Эйнгорнъ, латыши устраивали складчину и покупали скотину для жертвы. Равнымъ образомъ дѣлали складчину и изъ зеренъ, варили пиво и пекли хлѣбъ и затѣмъ, собравшись въ одномъ мѣстѣ, ѣли и пили здѣсь, прося бога удалить язву. Пиршество это называлось „собаръ" (sabehrt — складывать, собирать) т. е. складчина [4]). По свидѣтельству Ніэнштедта [5]), во время засухи латыши приводили на священное мѣсто козла и бочку пива и пировали тамъ съ танцами и пѣніемъ, думая этимъ путемъ вымолить (abfressen und absauffen) дождь у Бога. Этотъ обычай соблюдался еще во времена самаго Ніэнштедта т. е. въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

Что касается того, сожигали или погребали своихъ покойниковъ древніе латыши, то у древнихъ писателей нѣтъ объ

день послѣ похоронъ. На пирушку въ эти дни приглашалась душа усопшаго. За столомъ всѣ сидѣли молча и не пользовались ножиками. Пищу подавали двѣ женщины, также не пользовавшіяся ножиками. Изъ каждаго блюда бросалось или выливалось нѣсколько подъ столъ для душъ. Что падало само собою, то не подымалось, а оставлялось для душъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни друзей, которые бы могли накормить ихъ. По окончаніи ѣды жрецъ подметалъ вѣникомъ комнату и просилъ души удалиться слѣдующими словами: «iely, pily duszice, nu ven, nu ven», т е. душечки, вы ѣли и пили, идите, вонъ, идите вонъ. Послѣ этого пирующіе могли уже разговаривать между собою и бражничать какъ мужчины, такъ и женщины.

[1]) SS. rer. Liv. t. II, p. 621. [2]) Ibid. p. 623. [3]) Спрогисъ l. c. стр. 130.
[4]) Ibid. p. 620. [5]) Mon. Liv. aut. t. I, p. 11.

этомъ никакихъ свѣдѣній. О другихъ народахъ литовскаго племени намъ положительно извѣстно, что они сожигали своихъ покойниковъ. Такъ, Петръ Дусбургъ [1]) говоритъ о пруссахъ, что они, вѣря въ загробную жизнь, гдѣ знатные или незнатные, богатые или бѣдные, сильные или слабые, будутъ таковыми же какъ и здѣсь; вмѣстѣ съ знатными покойниками сожигали ихъ оружіе, коней, слугъ и служанокъ, одежду, охотничьихъ собакъ и хищныхъ птицъ и другое относящееся къ войнѣ. А съ незнатнымъ сожигали все, что относится къ его обязанности. Въ основаніи этого обряда лежала вѣра, что сожженные предметы и существа воскреснутъ въ томъ свѣтѣ и займутъ свои мѣста. Для большаго оживленія этой вѣры Криве, или же жрецы, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Литвѣ [2]), увѣряли, что они видѣли или видятъ переселеніе покойниковъ со всею свитою и сожженными вещами въ тотъ міръ. Въ древности эту роль, по свидѣтельству Дусбурга, игралъ Криве [3]). Въ серединѣ XIII вѣка въ Пруссіи эту роль играли жрецы, называвшіеся Zigaschonen и Tulissonen, которые при погребеніи произносили похвальныя рѣчи въ честь усопшаго и увѣряли, что они видятъ передъ собой усопшаго пролетающимъ чрезъ небо на своемъ конѣ, въ блестящемъ вооруженіи, съ разукрашенною шпагою въ рукахъ и переходящимъ въ другой міръ съ великою свитою [4]). Мы знаемъ также о замландцахъ, что они сожигали всѣхъ павшихъ на полѣ сраженія съ копьями, щитами, панцыремъ, лошадьми, шлемами, булавами и мечами, чтобы они и въ томъ мірѣ могли совершать походы [5]). Мы знаемъ, что послѣ сильнаго пораженія, понесеннаго литовцами отъ земгаловъ и нѣмцевъ въ 1205 году, 50 женъ павшихъ литовцевъ лишили себя жизни чрезъ повѣшеніе, надѣясь тот-

---

[1]) SS. rer. Pruss. t. I, p. 53.

[2]) По крайней мѣрѣ, въ Литвѣ еще въ первой половинѣ XV вѣка сохранился обычай спрашивать жрецовъ, поддерживавшихъ священный огонь, о судьбѣ больныхъ; первые утверждали, обыкновенно, что видѣли какъ тѣнь больнаго согрѣвалась при огнѣ и показывала зракъ жизни или смерти; въ первомъ случаѣ тѣнь будто бы повертывается лицомъ къ огню, во второмъ спиною, SS. rer. Pruss. t. IV, p. 238.

[3]) Ibid. t. I, p. 53. Criwe et dispositionem mortui in vestibus, armis, equis et familia sine hesitatione aliqua ostendebat et ad majorem certitudinem ait quod in superliminari domus suae talem fixuram cum landa vol instrumento alio derelinquit.

[4]) Preuss Reg. Perlbach. Konigsberg. 1875. № 316. [5]) Reimch. v. 3870—90.

часъ жить съ ними въ томъ мірѣ [1]). Намъ извѣстно также, что тѣже сосѣдніе съ земигалами литовцы выкупили голову своего павшаго вождя, чтобы, по крайней мѣрѣ, получивъ голову, могли совершить надлежащія похороны по языческому обычаю съ пиршествомъ [2]). Изъ письменныхъ извѣстій о латышахъ мы знаемъ только, что они варили своихъ плѣнныхъ живыми [3]) или сожигали [4]). Но по раскопкамъ геологовъ, Гревинкъ (Grevingk) доказываетъ, что у латышей, равно какъ и у ливовъ былъ обычай сожигать или хоронить покойниковъ [5]). Каковы были у нихъ обряды въ древности при погребеніи или сожиганіи мертвыхъ, мы не знаемъ. Позднѣйшіе писатели XV—XVII вѣковъ, Стрыйковскій, Гвагиній, Лазицій, Эйнгорнъ и друг. разсказываютъ объ обычныхъ при погребеніи пиршествахъ, жертвахъ изъ животныхъ, объ оружіи, пищѣ, напиткахъ и путевыхъ деньгахъ (viaticum), полагавшихся умершимъ въ могилу. По свидѣтельству Эйнгорна [6]), латыши еще въ его время клали усопшимъ въ гробъ деньги, кольца, иглы, серебряныя вещи, словомъ всѣ драгоцѣнности, которыя покойникъ имѣлъ; другіе при могилахъ клали пищу и питье. Все это дѣлалось съ тою мыслью, чтобы покойный могъ жить въ той жизни въ довольствѣ, ибо они вѣрили, что кто здѣсь имѣлъ довольно, будетъ и тамъ имѣть довольно, а кто здѣсь жилъ въ нуждѣ, будетъ и тамъ испытывать нужду, потому-то они и заботились о томъ, если только имѣли какое-нибудь состояніе, чтобы быть снабженными при смерти всякими запасами. У восточныхъ латышей, живущихъ на востокъ Лифляндіи въ началѣ XVII вѣка [7]) въ гробъ, при погребеніи, подъ голову клался одинъ хлѣбъ, въ руку—другой и кромѣ того на дорогу въ тотъ міръ вручалось два солида, а въ зимнее время надъ могилами разводили огни, чтобы души могли согрѣваться. Обрядовъ при похоронахъ латышей мало извѣстно. Въ Курляндіи близь города Митавы и Тукума въ началѣ XIX вѣка соблюдался при погребеніи слѣдующій обычай [8]). Какъ только

---

[1]) Heinr. IX, 5 credant, secum illis mox in alia vita victuros.

[2]) Ibid. XVII, 5. ut saltem capite recepto debitas post eum celebrarent cum potationibus more paganorum axequias.

[3]) Ibid. XV, 7; Reimch. v. 10705. [4]) Ibid. XIX, 3.

[5]) Sitzungsb. der del. ehst. Ges. 1876. p. 54—56. [6]) L. c. p. 598—628.

[7]) Bunge, Archiv. t I. p. 77. [8]) Wochent. Unterh. Mitau. 1806. p. 120—122

тронулась похоронная процессія, одинъ изъ присутствующихъ закалывалъ пѣтуха и бросалъ его на землю и большая часть процессіи переступала трепещущій трупъ пѣтуха. Послѣ пѣтухъ съѣдался сообща. По вѣрованію мѣстныхъ латышей, душа этого пѣтуха превращается въ лошадь для усопшаго, которая облегчитъ для послѣдняго далекое странствованіе въ тотъ міръ и будетъ тамъ служить ему. Также извѣстно, что по мѣстамъ тотчасъ послѣ смерти сожигается послѣднее платье усопшаго и солома, на которой онъ лежалъ, выносится носильщиками на дорогу для сожженія [1]). Подобные обычаи у латышей, повидимому, напоминаютъ то отдаленное прошедшее, когда покойникъ сожигался со всѣмъ своимъ живымъ и не живымъ имуществомъ, подобно другимъ народамъ литовскаго племени, чтобы явиться на тотъ міръ со всѣми средствами жизни здѣшней. Намъ извѣстенъ обрядъ погребенія, совершавшійся у всѣхъ другихъ народовъ литовскаго племени, записанный съ небольшими уклоненіями писателями независимо другъ отъ друга, начиная съ XVI до XVIII вѣка, поэтому очень вѣроятно, что и у древнихъ латышей, по крайней мѣрѣ, курляндскихъ, былъ подобный же обрядъ. У Мелетія онъ излагается такъ [2]). Трупъ умершаго одѣвается, обувается и ставится на стулъ. Разсѣвшіеся предъ нимъ родственнники пьютъ и ѣдятъ, пока кончится пиво; затѣмъ подымается похоронный плачъ, гласящій такъ: „ha le le, y procz ty umarl? azaty niemial krasnonye zony“ [3])? Перечисляя, такимъ образомъ, всѣ внѣшнія блага усопшаго, они заканчиваютъ каждое обращеніе вопросомъ: «и зачѣмъ ты умеръ?» По окончаніи причитаній трупу вручаются подарки, именно, женщинѣ—нитки съ иголкою, мужчинѣ — полотенце, обвязываемое ему кругомъ шеи. При выносѣ трупа для погребенія многіе ѣдутъ на коняхъ впереди по тому направленію куда везутъ трупъ. Эти всадники, извлекши мечи, разсѣкаютъ

---

[1]) Rig. Zeit. 1874 № 293–95

[2]) L. c. 410—411.

[3]) Въ изданіи Мелетія 1582: ha le le, le le, y pocz ty mene umarl? ij za tij nie miel szto yesty albo pity? yprocz tij umarl? Ha le le, le le, ij za tij nie miel klassye mlodzice? ij praeh tij umarl? Вообще эти причитанія потерпѣли у писателей большія искаженія и нуждаются въ филологическомъ изслѣдованіи. Эти слова признаются не древне литовскаго, но солазурскаго нарѣчія, которое было въ употребленіи въ окрестностяхъ Лика въ Пруссіи около средины XVI вѣка.

ими воздухъ, крича: „eiete paeiete Pakole“ [1]), т. е. удалитесь, бѣгите въ адъ! Хоронители бросаютъ въ могилу монеты въ качествѣ путевыхъ денегъ. Подлѣ головы трупа полагаютъ также хлѣбъ и кружку (lagena) пива, чтобы душа не захотѣла ни ѣсть, ни пить. Жена покойнаго, сидя и лежа на могилѣ угасшаго супруга утромъ и вечеромъ, оплакиваетъ его тридцать дней [2]). Каковы были представленія латышей о загробномъ мірѣ, о его мѣстоположеніи, о жизни тамъ, — объ этомъ мы достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Изъ остатковъ языческихъ представленій о немъ, мы можемъ судить только о его направленіи и темно гадать о тамошней жизни по нѣкоторымъ намекамъ. По этимъ остаткамъ оказывается, что, по представленію древнихъ латышей, жилище душъ полагалось на западѣ. Можетъ быть такое представленіе беретъ свое начало со времени существованія у нихъ планетарной религіи, гдѣ солнце играло главную роль; закатъ солнца и послѣдующій затѣмъ мракъ, временное погруженіе органической природы въ сонъ—подобіе смерти, отсутствіе видимаго явленія душъ, сродныхъ съ душою солнца, подали поводъ помѣстить царство тѣней, именно, на западѣ. Латышская пѣснь говоритъ: „не на всю ночь звѣзда, которая восходитъ вечеромъ, къ полуночи она укатывается въ жилище душъ“. Она укатывается туда же, куда укатывается и солнце и луна. Въ той же пѣснѣ мы находимъ слѣдующее обращеніе къ солнцу и лунѣ: „ой, солнышко, подожди меня, что я скажу тебѣ: снеси моей матушкѣ сто вечернихъ поклоновъ“. „Куда ты бѣжишь, луна, въ звѣздномъ плащѣ?—Спѣшу, бѣгу на войну, на помощь молодцамъ“. И такъ, царство тѣней находится на западѣ, тамъ, куда на время заходитъ солнце, луна и звѣзды; тамъ, гдѣ идетъ безпрерывная война, гдѣ сражаются Jòdi—души усопшихъ, души воиновъ; видимое проявленіе борьбы ихъ—это сѣверное сіяніе. Отсюда латышъ о томъ мірѣ выражается: „Winna faulê“, т. е. въ томъ солнцѣ, въ той жизни, что въ связи съ предъидущимъ слѣдуетъ именно понимать такъ, что тотъ міръ находится тамъ, куда на время скрывается солнце и затѣмъ восходитъ опять какъ бы вновь ожившее, а не въ томъ смыслѣ, что души усопшихъ находят-

[1]) У Мелетія неправильно употреблено «geugeute begoythe pekelle».

[2]) Ср. Lucas David l. c. p. 139—141; A. Brand. l. c. 98—101: A new, acc. of Pol. and. Lith. London. 1702, p 26.

ся на солнцѣ. Это царство Пеккольса было, повидимому, по представленію латышей, устроено на семейномъ началѣ, ибо на ряду съ Пеккольсомъ здѣсь царствуетъ еще weta mâtes [1]),— мать усопшихъ или богиня смерти. Въ царствѣ мрака и холода у воротъ посланники бога ждутъ душу: „гони поскорѣе коней, обращается душа къ своему вожатому, смерзнутъ ангелы, стоя у воротъ“, говорится въ латышской пѣснѣ [2]). Что касается жрецовъ, жертвъ и мѣстъ богослуженія у древнихъ латышей, то о нихъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній у древнихъ писателей. Что латыши, по крайней мѣрѣ, земигалы, были народъ религіозный, объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что они предъ началомъ похода или передъ битвою чрезъ жребій узнавали волю боговъ и старались снискивать ихъ благорасположеніе къ себѣ. Земигальскій вождь Вестерсъ, явившись въ 1208 году въ Ригу просить помощи у нѣмцевъ противъ литовцевъ, ссылался между прочимъ на то, что жребій ихъ боговъ палъ на благопріятную сторону [3]). Подошедши съ войскомъ къ предѣламъ Литвы, латыши ночью вопрощали у своихъ боговъ будущее посредствомъ жребія, дошла ли молва о ихъ прибытіи до литовцевъ и готовы ли послѣдніе къ войнѣ. Жребій отвѣтилъ утвердительно... Земигалы устрашились литовцевъ и воротились назадъ. Этотъ разсказъ Генриха, безъ сомнѣнія, не уполномочиваетъ насъ съ достовѣрностію признать у земигаловъ существованіе класса жрецовъ, завѣдывавшаго вопрошаніемъ воли боговъ, но онъ все же даетъ основаніе признать существованіе его правдоподобнымъ. Это предположеніе находитъ нѣкоторую опору и въ существованіи у земигаловъ довольно развитой политической организаціи, на ряду съ которою долженъ существовать и классъ, или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя лица въ отдѣльныхъ конгрегаціяхъ, исправлявшія религіозныя функціи. Но невѣроятно однако, чтобы этотъ классъ былъ у латышей столько развитъ, какъ у ихъ сосѣднихъ единоплеменниковъ — литовцевъ, жмудинъ и пруссовъ. Поэтому,

---

[1]) У Литовцевъ она называется Giltine. Внезапная или насильственная смерть еще въ настоящее время приписывается этой богинѣ. Donaleitis Dr. Rhesa. Konigsberg. 1818 p. 141.

[2]) Спрогисъ l. c. стр. 217.

[3]) Hiern. XII, 2 insuper et deorum suorum sortes in meliorem partem cecidisse.

едва ли можно согласиться съ тѣми учеными, которые ничуть не сомнѣваясь, пересаживаютъ этотъ классъ жрецовъ на почву Лифляндіи, опираясь только на производство названій жрецовъ весьма сомнительнаго свойства. Въ пользу существованія у древнихъ латышей отдѣльныхъ лицъ, исправлявшихъ религіозныя функціи, есть нѣкоторыя данныя, болѣе позднія. Мы уже видѣли при описаніи праздниковъ, что одинъ изъ присутствующихъ или по выбору или по должности исполнялъ обязанность жреца. Но значеніе этихъ свѣдѣній по отношенію къ латышамъ ослабляется тѣмъ, что они главнымъ образомъ относятся къ литовцамъ и пруссамъ. Прямое извѣстіе о существованіе у латышей восточной Лифляндіи класса жрецовъ мы имѣемъ съ начала XVII вѣка, именно въ обозрѣніи церквей 1613 года, которое коснулось восточной половины Лифляндіи, гдѣ находятся Маріэнгаузенъ, Лудзенъ и Розитенъ. Здѣсь латыши, живя среди густыхъ лѣсовъ, отдѣльными дворами и преданные язычеству, имѣли собственныхъ жрецовъ, которыхъ называли попами (Popae) и которые совершали жертвоприношенія [1]). Возможно что роль жрецовъ здѣсь и вообще у латышей, играли, такъ называемые, позднѣйшіе знахари или знахарки, которые до сихъ поръ играютъ большую роль у латышей. Знахари или знахарки, обладающіе старинными наговорами считаются болѣе сильными спасителями (glóbeji), чѣмъ лечащіе „словомъ Божіимъ“. Они передаютъ обыкновенно свои сокровенныя тайны только устно къ концу своей жизни, часто на смертномъ одрѣ, наединѣ одному изъ самыхъ близкихъ людей, къ которому переходитъ сила и способность прежняго ихъ обладателя [2]). Изъ этого же источника мы знаемъ, что тамошніе латыши имѣли извѣстныя священныя деревья, подъ которыми сходились въ извѣстныя времена года для празднества; тамъ жрецъ ихъ закалалъ чернаго быка и чернаго пѣтуха, къ мясу присоединялось и пиво и тогда начиналось пиршество и хороводы [3]). Въ этомъ же источникѣ упоминается о священ-

---

[1]) Archiv. t. I. p. 76; ad quas (т. е. вышеозначеннымъ городамъ) non nisi per densissimas silvas pervenitur, in quibus Lothavieus populus sparsim habitat idololatriae deditus, qui et proprios sacrificulos, quos Popos vocant habent...

[2]) Матер. по этнограф. лат. плем. стр. 113.

[3]) Archiv. t. I. p. 76, certas arbores, quas sacras vocant, in veneratione

ныхъ рощахъ, гдѣ уже совершались въ собственномъ смыслѣ жертвоприношенія богамъ, напр. однимъ — хлѣбъ въ формѣ змѣи съ открытою пастью и выгнутымъ хвостомъ, другимъ — хлѣбъ нѣсколько меньшаго формата, въ видѣ собаки или свиньи, третьимъ,—яйца полагаемыя въ извѣстныя времена подъ дубомъ, четвертымъ — масло, молоко, сыръ и сало, сожигаемыя на кострахъ, пятымъ—быкъ, или пѣтухъ, или поросенокъ, или козелъ,—всѣ чернаго цвѣта [1]). Припоминая, что еще авторъ лифляндской риѳмованной хроники описываетъ латышей восточной Лифляндіи живущими разсѣянно среди лѣсовъ [2]) и находя ихъ живущими здѣсь въ началѣ XVII вѣка такимъ же образомъ, мы съ большою вѣроятностію можемъ заключить, что только что описанное здѣсь язычество въ существенныхъ чертахъ сходно съ язычествомъ 13 в. И Эйнгорнъ говоритъ, что латыши имѣли только священныя рощи, гдѣ призывались и почитались ихъ боги и богини и гдѣ не найдено ни храма, ни алтаря, ни какого либо идола [3]). Впрочемъ, есть одно извѣстіе, что будто около Радена въ Курляндіи во второй половинѣ XVI вѣка имѣлись идолы изъ дерева и камня [4]). Это, вѣроятно, было мѣстное позднѣйшее явленіе, происшедшее подъ вліяніемъ средневѣковаго католичества.

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны сдѣлать то заключеніе, что вообще язычество литовско-латышскаго племени было гораздо сильнѣе развито внѣ предѣловъ Лифляндіи,—въ Литвѣ и Пруссіи и что литовскія народности въ Лифляндіи держались тѣмъ упорнѣе язычества, чѣмъ ближе находились къ Литвѣ и Пруссіи и чѣмъ чаще входили въ сношенія съ жившими тамъ единоплеменниками. Напротивъ, язычество ихъ слабѣло по мѣрѣ близости къ финскимъ народностямъ — ливамъ и куронамъ. И если литовско-латышскому племени пришлось бы столкнуться съ другою формою религіи, то уже заранѣе можно былобы предвидѣть, гдѣ возгорится болѣе отчаянная борьба. Здѣсь борьба должна была обусловливаться инстиктивной

---

habens, sub quibus certis anni temporibus convenit, ac sacrificii loco per sacrificulum suum affert bovem nigrum, gollum nigrum, tonnas cerevisiae, tum mactato bove ac epulantes etc. devotionem suam implent. [1]) Ibid p. 77.

[2]) Reimch. v. 344—45: «Sie wônet nôte ein ander mite,
Sie bûwen besunder in mauchen walt.

[3]) SS. rer. Liv. t. II. p. 583—84. [4]) Pas Inland. 1852 № 10.

привычкой и естественнымъ расположеніемъ къ старымъ вѣрованіямъ и связаннымъ съ ними обрядамъ, съ которыми тѣмъ труднѣе разстаться, чѣмъ глубже они вкоренились въ природу и чѣмъ полнѣе занимаютъ сознаніе человѣка. Но помимо степени развитости язычества на интенсивность борьбы въ данномъ случаѣ долженъ былъ такъ или иначе вліять и самый характеръ его сравнительно съ характеромъ той религіи, которая предлагалась взамѣнъ его. Въ противоположность религіи финскихъ племенъ религія литовско-латышскаго племени отличалась жестокимъ характеромъ; боги ея, вмѣшиваясь въ обыкновенное теченіе событій, заявляли суровыя требованія къ людямъ, выраженныя чрезъ особый классъ жрецовъ, посредниковъ между ними и людьми. Поэтому всякое неповиновеніе ихъ волѣ разсматривалось какъ оскорбленіе и влекло за собою жестокую кару и всякое посягательство на страну и народъ, въ которыхъ они владычествовали, считалось за посягательство на боговъ и ихъ святыни. Въ такомъ случаѣ не удивительно, что борьба за отечество и свободу отождествлялась съ борьбою за религію. Послѣдующая исторія Литвы, Пруссіи и Лифляндіи дѣйствительно оправдываетъ эти предположенія и выводы.

ГЛАВА III.

Религія древнихъ эстовъ.

При изложеніи религіозныхъ представленій древнихъ эстовъ мы находимся въ положеніи аналогичномъ съ тѣмъ, въ которомъ мы находились, когда имѣли дѣло съ религіозными представленіями языческихъ латышей; и здѣсь мы имѣемъ гораздо менѣе свѣдѣній о религіи собственно эстовъ, чѣмъ о религіи соплеменныхъ съ ними финновъ; и здѣсь у насъ свѣдѣнія о религіи эстовъ относятся къ гораздо болѣе новому времени, чѣмъ свѣдѣнія о религіи финновъ. Но не смотря на такое повидимому неблагопріятное положеніе, мы все же имѣемъ возможность говорить о религіи эстовъ съ большею увѣренностью и опредѣленностью, чѣмъ какъ мы это дѣлали, излагая рели-

гіозно-миѳологическія представленія языческихъ леттовъ. Великую услугу въ этомъ отношеніи оказываетъ намъ эстонская народная поэма „Калевичъ“ (Kalewi poeg), которая, хотя и записана и собрана еще въ началѣ второй половины настоящаго столѣтія, но тѣмъ не менѣе носитъ въ себѣ преимущественно, если не исключительно, языческіе элементы, и слѣдовательно можетъ болѣе несомнѣнно, чѣмъ всѣ другіе источники, дать намъ понятіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ древнихъ эстовъ, насколько они еще сохранились въ памяти народа. При этомъ мы должны однако сознаться, что у насъ нѣтъ возможности точно установить и разузнать разницу и сходство между религіозными воззрѣніями древнихъ эстовъ и финновъ, хотя мы можемъ съ большею вѣроятностію признавать ихъ сходство въ то время, когда эти народы еще не отдѣлились другъ отъ друга и въ тоже время должны согласиться, что послѣ этого раздѣленія развитіе религіозныхъ представленій у того и другаго племени совершалось подъ различными вліяніями, и слѣдовательно ко времени принятія этими племенами христіанства въ этихъ воззрѣніяхъ могла существовать уже значительная разница. И дѣйствительно, сравнивая эстонскій и финскій эпосы, мы замѣчаемъ, что въ эпосѣ эстовъ произошло нѣкоторое раздвоеніе, вслѣдствіе чего мы находимъ нѣкоторую двойственность въ ихъ религіозно-миѳологическихъ представленіяхъ, изъ которыхъ одни сдѣлались достояніемъ сагъ, передаваемыхъ въ прозаической формѣ и повидимому сохранившихъ менѣе первоначальной чистоты, другія перешли въ наслѣдство пѣвцу, воспѣвавшему подвиги Калевичей; эти послѣднія, въ которыхъ вниманіе сосредоточивается почти исключительно на отдаленномъ предметѣ, не имѣвшемъ прямой связи съ представленіями привнесенными извнѣ христіанствомъ, сохранили въ себѣ болѣе первоначальныхъ чертъ. Оставляя въ сторонѣ міровоззрѣніе сагъ, мы перейдемъ прямо къ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ древнемъ эстонскомъ эпосѣ и посредствомъ сравненія его съ эпосомъ финновъ попытаемся нарисовать картину вѣрованій древнихъ эстовъ, дополняя ихъ свѣдѣніями изъ финнскаго эпоса въ той увѣренности, что сохранившіяся доселѣ представленія о полубогахъ и герояхъ у финновъ, нѣкогда, а вѣроятнѣе всего въ 12—13 вѣкахъ, существовали и у эстовъ. Начнемъ съ полубоговъ и героевъ.

Любимѣйшимъ героемъ эстонскихъ сагъ является божественный пѣвецъ Ванемуйне. Въ финнскомъ эпосѣ онъ носитъ имя Вейнемейненъ (Wäinämäinen), Wâinö; также Suwantolainen, Uwantolainen [1]). Ливское слово Weina и эстонское wäina означаетъ тихое широкое устье рѣки. Отсюда ученый Коскиненъ [2]) находитъ возможнымъ заключить, что Вейнемейненъ по значенію соотвѣтствуетъ Suwantolainen'у, жителю на берегу тихаго потока. Кронъ полагаетъ, что слово Uwantolainen есть замѣна первоначальнаго Suwantolainen. Правдоподобно, что uwanto сдѣлалось названіемъ мѣстности отъ uwa, тожественнаго съ wirta, ливск. uwä, owä — рѣка. Можетъ быть въ древности главное русло называли Suwanno, Uwanno и Waina. По мнѣнію же доктора Веске эстонскій Ванемуйне значитъ старшій между другими и по этимологіи не имѣетъ никакого отношенія къ Вейнемейнену финнской миѳологіи [3]). Не намъ судить, кто правъ, кто виноватъ; но если названія этого бога пѣнія у финновъ и эстовъ этимологически не имѣютъ между собою никакого отношенія, то нужно допустить, что этого миѳологическаго образа не существовало, когда еще финское племя не раздѣлилось и что оно произошло уже послѣ раздѣленія. Но это едва ли согласятся допустить ученые, производящіе его отъ различныхъ словъ съ различнымъ значеніемъ. Стало быть остается или отвергнуть оба производства и искать новаго, или же признать одно ложнымъ, другое—правильнымъ. Въ Калевалѣ Вейнемейненъ является самымъ первымъ героемъ, называется „великимъ мужемъ Сувантолы, самымъ красивымъ Калевалы“ (Suwantolan suuri mies, Kalewalan kaunihin), „старымъ“, „мощнымъ“ въ мудрости, колдовствѣ, и пѣніи, „мудрымъ“ „вѣчнымъ пѣвцомъ“ (laulaja iänikainen, iki-runoja). До появленія своего на свѣтъ онъ тридцать лѣтъ находится во чревѣ дѣвы воздуха [4]). Онъ посылаетъ Сампсу Пелервойнена сажать деревья и другія растенія на пустынную землю, и самъ сѣетъ первый ячмень на пользу будущимъ потомкамъ [5]). Онъ изобрѣлъ арфу (kantele), которую сперва сдѣ-

[1]) Kalew. R. I—X и XVI—XVIII; XIX, 499—518 и др.
[2]) Act. Soc. Sc. Fen. t. VIII, pr. II p. 396.
[3]) Kirj. kuukauslehti 1869, № 14.
[4]) Sitzgsber. d. gel. Ehstn. Gesell. 1875 p. 100—101.
[5]) Kalew. I, 281—344. [6]) Ibid. ч. II.

лалъ изъ челюсти большой щуки. Онъ борется съ враждебными силами сѣвера изъ за таинственнаго сампо (sampo), которое повсюду, гдѣ находится, распространяетъ счастье; онъ освобождаетъ солнце отъ враждебныхъ силъ сѣвера и вообще своимъ искусствоиъ и занятіями защищаетъ свой народъ. Разставаясь наконецъ съ своимъ народомъ, онъ оставляетъ ему въ наслѣдство кантеле и прекрасныя пѣсни. По Доннеру [1]) Вейнемейненъ былъ первоначально богомъ воздушнымъ; потому то онъ старается вмѣстѣ съ Илмариненомъ, сковавшимъ небо, спасти луну и солнце изъ сѣверной каменной горы; потому то онъ и выражается о себѣ, что „онъ ставитъ столбы странъ сѣвера“, „поддерживаетъ радугу“, „покрываетъ небо звѣздами“ [2]); потому то онъ и пребываетъ, „по выше матери земли; по ниже неба“. Можетъ быть финны, думаетъ Доннеръ, подобно древнимъ народамъ, разсматривали тихій голубой воздухъ, блестящее небо, какъ необъятное море; поэтому, можетъ быть, имя Вейнемейна означало владыку тихихъ водъ. Въ качествѣ бога воздуха онъ, какъ и Укко, „старый“ и управляетъ міромъ съ непоколебимымъ постоянствомъ и мудростью. Позднѣе его стали считать самымъ лучшимъ и первымъ изъ всѣхъ смертныхъ. Гриммъ полагаетъ, что въ названіи „Suwantolainen“ кроется та мысль, что, гдѣ богъ ходитъ на волнахъ, тамъ мгновенно онѣ успокоиваются. Отсюда можетъ быть спокойное состояніе воды называется „путемъ Вейнемейнена“. Кастренъ думаетъ, что Вейнемейнена считали первоначально земнымъ богомъ, такъ какъ слово „wäinä“ сходится со словомъ „aina“, что у татаръ означаетъ душу генія, господствующаго надъ землею [3]).

Второй по значенію герой въ финскомъ эпосѣ Ильмариненъ, Ильмари (Ilmarinen, Ilmari), братъ Вейнемейнена. По опытности своей онъ превосходитъ всѣхъ; по природѣ своей онъ спокойный, правдивый, очень честный, но въ тоже время иногда нѣсколько односторонній, легковѣрный. По должности своей онъ представляется „кузнецомъ“, „вѣчнымъ ковачемъ“, родившимся уже съ мѣднымъ молотомъ и крапчатыми щипцами въ рукахъ; онъ выковалъ небо, сдѣлалъ сампо, за что получилъ себѣ въ жену дочь госпожи сѣвера — Louhi. Финскій

[1]) Suomi 2 j. 5 ofa. p. 174—177. [2]) Wanta Kal. XXX, 91—93.
[3]) Finn. Myth. p. 300.

ученый Доннеръ [1]) полагаетъ, что первоначально Ильмаринен̈ъ былъ богомъ воздуха (ilma), ибо онъ принимаетъ участіе въ твореніи и вмѣстѣ съ Вейнемейненомъ управляетъ молніею. Подтвержденіе этой мысли онъ находитъ въ эстонской поэмѣ [2]), по которой работники и ученики Ильмаринена устроили кузницу въ высокой красивой горѣ (небѣ?) въ центрѣ неба (ilma), вершина которой разсѣвала облака, а самъ главный мастеръ Ильмарине, искусный кузнецъ, сидѣлъ на высокомъ золотомъ тронѣ, взирая огненнымъ взоромъ юноши изъ подъ бровей на работу подмастерьевъ. — Третьимъ героемъ является Лемминкейнен̈ъ, гордый, живой, неугомонный юноша, никогда неуспокоивающійся на чемъ-либо. Онъ называется также „сыномъ Лемми“ (Lemmin poika), „прекраснымъ“ Кауко или Кауко міели (kaunis Kauko l. Kaukomieli), „Ahti Saarelainen“ (островитянинъ) [3]). Но такъ какъ „Ahto“—богъ моря, также иногда называется „Ahti“, то Кастрен̈ъ [4]) полагаетъ, что Лемминкейнен̈ъ первоначально былъ дѣйствительно богъ моря и только впослѣдствіи превратился въ человѣка. Ahti въ такомъ случаѣ производится отъ санскр. ahis—озеро или отъ древнескандинавскаго ahi—змѣя, обвивающаяся кругомъ земли, т. е. море. По Доннеру однако санскр. ahis означаетъ змѣю, затѣмъ змѣю на небѣ, душу Вритры, которая скрываетъ воды неба въ облакахъ; отсюда она означаетъ также и облако и воду. По нему Ahti Lemminkäinen—богъ волнующагося моря и весны. Отсюда, по его мнѣнію, легко объясняется его природная подвижность, живость и легковѣріе; отсюда понятно и то обстоятельство, что мать его должна была выгребать его по частямъ изъ рѣки и воротить къ нему душу, что напоминаетъ намъ таяніе и разливъ рѣкъ весною. Вѣрнѣе поэтому, думаетъ онъ, Ahti означаетъ „жадно стремящагося“ (ahneesti halnawäa) „пожирающаго“ (ahmiwaa), „проглатывающаго“ (hatkiwaa), что очень подходитъ къ морскому царю.—Герой Випунен̈ъ (эст. Вибоане) въ финскомъ эпосѣ представляется старымъ знаменитымъ вѣдуномъ, именуется „пѣвцомъ“ (wirsikäs), „мощнымъ на словахъ“ (warawäkewa); онъ проглатываетъ Вейнемейнена, когда тотъ пробуждаетъ его отъ продолжительнаго сна подъ

[1]) Suomi 2 j 5 oja p. 178. [2]) Kal. p. XII, 256—265.
[3]) Kalew. XI, 1—113; XII, 1—118 и др. [4]) L. c. p. 306—307.

землею съ цѣлью получить отъ него магическія слова, способствующія постройкѣ ладьи. Слово wipu по фински означаетъ дерево пригнутое къ землѣ; у эстовъ означаетъ также лукъ, самострѣлъ. Отсюда Доннеръ думаетъ, что Випуненъ или Вибоане, который впослѣдствіи сдѣлался просто охотникомъ, стрѣлкомъ изъ лука, первоначально былъ какой-либо лѣсной богъ [1]).

Мало зная объ упомянутыхъ герояхъ, эстонскій эпосъ знаетъ много о Калевичѣ, около котораго группируются даже множество изъобразовъ и подвиговъ, принадлежащихъ по финскому эпосу другимъ лицамъ. Отецъ Калевича Калевъ по Генандеру [2]) былъ сильный и могущественный великанъ, глава всѣхъ великановъ и отецъ двѣнадцати сыновей, изъ которыхъ Hiiji, Soini, Kihawanskoinen и Liekiöinen были извѣстны по имени. По Кастрену слово „Калевъ“ означаетъ вообще героя (sankari) и служитъ прозвищемъ всѣхъ сильныхъ людей. Ученый Доннеръ считаетъ его тожественнымъ съ Укко, божествомъ неба и грома; въ подтвержденіе этой мысли онъ ссылается на то, что молнія называется огнемъ Калева (Kalewan tuli), что Оріонъ носитъ имя „мечь Калева“ (Kalewan mieka), что само слово Kalewa первоначально значило „трещащій“, „дребезжащій“, „гремящій“, а также и „блестящій“. Мечь Калева по мѣстамъ называется „косою Вейнемейнена“, и самъ Калевъ въ рунахъ то означаетъ самого Укко, то одного изъ его сыновей, въ особенности Вейнемейнена. „Ель Калева“, которая иногда упоминается въ рунахъ, означаетъ высокое дерево достигающее до неба. Такимъ деревомъ представляется въ Калевалѣ [3]) дубъ „дерево божье“, преграждавшее теченіе облаковъ и скрывавшее солнечный свѣтъ. Изъ сравненія эстонскихъ и финскихъ сагъ, по мнѣнію Доннера, оказывается, что Вейнемейненъ, дѣдушка (Икко) и Калевъ какъ сажатели небеснаго дуба въ одинаковой степени суть небесныя существа [4]). Въ подтвержденіе этой мысли можно было бы указать еще на то обстоятельство, что въ эстонской поэмѣ [5]) мѣстопребываніе Калевичей отожествляется съ жилищемъ сыновей Викера (Wikerlaiset). Но Wiker по Сьегрену отожествленъ съ Piker—громовержецъ. Отсюда Wi-

---

[1]) L. c. p. 387. [2]) См. Boseplänter' S Beiträge über Ehstnische Sprache t. XIV, p. 100—101.

[3]) R. II, w. 49—58. [4]) Suomi 2 j 5 o. p. 175—176. [5]) Kal. p. I, 13—15.

kerlane и Wikerlase poeg (сынъ Викера) часто употребляется въ качествѣ почетнаго прозвища героевъ. Вообще, въ лицѣ Калевича есть много чертъ миѳологическихъ; такъ, онъ представляется происшедшимъ изъ ствола дуба, именуется сыномъ орла, юнымъ орломъ и пр. — Въ эстонскомъ эпосѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности описанія жилища Калева, сдѣлавшагося уже въ народномъ воображеніи героемъ, его прибытіе въ Эстонію, жизнь его здѣсь и т. д. Въ древности въ Калевалѣ, говорится въ эпосѣ, росли во многихъ деревняхъ и дворахъ отрасли мощныхъ мужей, которые какъ плодъ (taimed) Таравичей (Taaralaiset)—счастливыхъ воителей (wõidulaset) явились на этотъ свѣтъ изъ лона смертныхъ матерей. Славные сыновья дѣдушки должны были подружиться съ тлѣнными дѣвами; отъ связи ихъ съ земными дѣвами и произошелъ знаменитый родъ Калевичей [1]). На границахъ сѣвера, на скалахъ близь дубовой рощи Тары, въ Калевалѣ [2]) былъ расположенъ дворъ, гдѣ росло трое сыновей — отраслей Таровичей. Одинъ изъ нихъ переселился въ Россію, другой на далекій скалистый сѣверъ (Turja), вѣроятно въ Лапландію, а третьяго перенесъ сѣверный орелъ на своихъ крыльяхъ чрезъ Финскій заливъ, спустивъ (wiskas) на Виронскій берегъ [3]), гдѣ онъ тотчасъ основалъ государство [4]). Въ поэмѣ есть нѣкоторыя указанія на родъ Калева. Такъ, финскій волшебникъ Туусларъ, имѣющій власть надъ вѣтрами, называется его отдаленнымъ родственникомъ [5]), а финскій кузнецъ именуется его дядей [6]). Жена его Линда произошла изъ тетерева яйца, которое одна вдова изъ провинціи Війкъ (Lääne) нашла на выгонѣ и которое было высижено курицей, найденной тамъ же. Дѣву Салме, произшедшую изъ курицы, сватали луна, солнце и звѣзды, въ образѣ юношей. Она вышла за звѣзду старшаго сына Оріона (Põhja nael) [7]). Линду сватали также луна, солнце, вода, вѣтеръ,

---

[1]) Ibid, I, 62—79.

[2]) По изслѣдованію Коскинена (въ его исторіи финновъ) Калевала находится на западѣ отъ Ладожскаго озера въ предѣлахъ рѣки Вуоксы, гдѣ въ 8 вѣкѣ поселились карелы. По Доннеру Калевала первоначально означала только жилище Калева. т. е. Укко, бога грома, а уже позднѣе она стала означать страну, гдѣ поселились великаны.

[3]) Ср. Kalew XXXI, 1—13. [4]) Kalewi p. I, 80—110.

[5]) Kal. p. II, 807—809. [6]) Ibid. XI, 556; X, 751.

[7]) Ibid. I, 110—358.

царевичъ изъ страны золота — Кунглы; она всѣмъ отказала; наконецъ явился богатырь Калевъ, за котораго Линда и вышла за мужъ [1]). Что въ поэмѣ мѣсяцъ называется отцомъ Линды [2]), солнце—дядей, березы—двоюродными братьями [3]), надъ которыми господствуетъ Укко, это вѣроятно только аллегорическое выраженіе для обозначенія сиротства, подобно тому какъ въ латышскихъ поэмахъ у сироты отецъ—богъ, счастіе—матушка, братья—сыны божіи [4]). Калевъ произвелъ съ Линдою много сыновей, изъ которыхъ двое подъ старость лѣтъ отца еще росли дома, а другіе — отправились въ чужія страны [5]). Послѣдній сынъ, явившійся на свѣтъ послѣ смерти отца, болѣе другихъ походилъ на него и по духу и по тѣлу. Этотъ то послѣдній сынъ, носящій по мѣстамъ прозваніе „Sohni“, но обыкновенно „Kalewi poeg“, наслѣдовалъ власть отца и сдѣлался любимцемъ эстонскаго народа [6]).

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы за нимъ вполнѣ установилось это имя, ибо онъ очень часто называется сыномъ Калевичей (Kalewide poeg), а иногда и просто Калевомъ [7]). Не входя въ подробное описаніе его дѣятельности, не касающейся нашей цѣли, мы передадимъ характеристику этой дѣятельности, сдѣланную Бюхнеромъ. „Становясь земледѣльцемъ, герой эстонскій съ выгодной стороны отличается отъ великихъ воиновъ сѣверныхъ расъ и среднихъ вѣковъ, прославившихся подвигами и безплодными или даже вредными для человѣка похожденіями. Съ этой то стороны герой эстонскій и становится парникомъ Геркулеса, вѣчнаго типа человѣка, дѣянія котораго для общаго блага даютъ ему право на божественность. Коми-

---

[1]) Ibid. I, 359 — 656. Замѣчательно, что війкскіе крестьяне до сихъ поръ хвастаются своимъ родствомъ съ Калевичемъ по матери.

[2]) Ibid. I, 838. [3]) Ibid. 840—841.

[4]) Спрогисъ l. c. стр. 17. Впрочемъ можетъ быть въ этомъ родословіи Калевича скрываются и нѣкоторыя миѳологическія представленія, къ каковому предположенію даетъ поводъ самая форма, въ которой описывается это родство, именно: уѣзжая съ женою со свадьбы, Калевъ обращается къ ней съ жалобой, что она забыла дома луну предъ домомъ, солнце надъ домомъ и березу на порогѣ свѣтлицы. На это Линда возражаетъ: «пусть себѣ останутся; Укко пришлетъ новое счастье». Въ этихъ словахъ можно видѣть переводъ Калева изъ числа бога въ высшихъ сферахъ въ число смертныхъ земныхъ героевъ, что было слѣдствіемъ смѣшенія ихъ съ плѣнными дѣвами земли.

[5]) Kal. p. II, 12—43.

[6]) Ibid. w.w. 49—73. [7]) Ibid. IX. 129. 148. 157.

ческія или серьезныя столкновенія Калевича съ колдунами и діаволомъ, его продолжительныя путешествія вплавь или на серебрянномъ кораблѣ, его поиски за баснословными сокровищами и необходимымъ оружіемъ интересны для насъ только какъ свободная, иногда слишкомъ произвольная, игра молодой, склонной къ чудесному, фантазіи. Но когда мы видимъ этого великаго воителя сознающимъ обязанность защищать незначительное число людей, разорившихся на дикой почвѣ, когда онъ принимается за плугъ, когда онъ прокладываетъ дороги, когда онъ ищетъ деревьевъ для постройки городовъ, когда онъ пользуется наконецъ своимъ ужаснымъ мечемъ для искорененія звѣрей — страшныхъ враговъ земледѣлія или для отраженія внѣшняго притѣсненія, мы понимаемъ, что на мѣсто фантастическаго элемента ставится великая нравственная истина [1]). Резиденціею его служилъ замокъ Линданисса [2]), построенный Олевичемъ, который, впрочемъ, кромѣ того построилъ въ Эстоніи три замка на югѣ, востокѣ и сѣверѣ [3]). Предъ послѣдней битвой съ „желѣзными людьми“, „пришедшими изъ за моря“, звукъ воинскаго рога Калевича „tuttu-luttu, tuttu-luttu“ раздался по всей Эстоніи, призывая воиновъ на защиту отечества. Потерявъ однако сраженіе и удрученный горемъ и заботой Калевичъ не находитъ покоя ни днемъ, ни ночью. „Дни веселья, цвѣты счастья исчезли съ луговъ и полянъ среди цвѣтущей весны. Какъ увядшій на полянѣ молодой дубъ, какъ изсохшая весною береза, стою я одинъ безъ друзей, безъ братьевъ, окутанный горемъ; дни веселья исчезли, счастливыя времена приблизились къ концу“, сѣтуетъ онъ [4]). Поручивъ царство Олевичу, онъ удаляется въ чужія страны, оставляя плакать родныя поляны и луга. На берегу рѣки Койвы онъ находитъ удобное для себя уединенное мѣсто среди тѣнистыхъ елей и сосенъ. Здѣсь онъ питается рыбами и раками. Разъ являются къ нему съ морскаго берега три рыцаря, маня его въ свое сообщество, льстиво хваля его силу и свою мудрость. Услышавъ

[1]) L'. Hercul de l' Estonie per M. Büchner. Caen. 1865 p. 20.

[2]) Линданисса, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи датчанами былъ построенъ Ревель (въ актахъ упоминается впервые въ 1237 году U. B. nn. 148—152) по весьма правдоподобному толкованію Heyca (Revals Namen. Reval 1849, p. 33) значитъ буквально «въ городъ», какъ произошло и названіе Стамбуль и абу (Або) изъ «къ Або».

[3]) Kal. p. XV, 522; XIX, 379—385. [4]) Ibid. XX 525—559.

это, Калевичъ отвернулся лицемъ къ рѣкѣ, а въ это время коварные рыцари, обнаживъ мечи, готовы были уже поразить его, но тѣнь въ водѣ предупредила „ихъ замыслы и эти исчадія наслѣдниковъ ада“ были вбиты въ землю каждый до различной глубины. Второй разъ рыцари присылаютъ еще болѣе коварнаго искусителя. Но, не входя съ нимъ въ разсужденія, Калевичъ велитъ ему вытащить изъ рѣки удило съ приманкою и посмотрѣть, есть ли на ней раки, но желѣзный человѣкъ не въ силахъ былъ и шевельнуть удила, ибо удиломъ служила огромная сосна съ издохшей кобылой на концѣ. Калевичъ, вытащивъ его самъ, обратился къ искусителю со слѣдующею рѣчью: „ступай, братецъ, домой и извѣсти другихъ, что видѣлъ и узналъ о моей силѣ и дѣлахъ. Я могущественнѣе и крѣпче таковыхъ, какъ ты; мои дѣла не позволяютъ мнѣ сдѣлаться слугою, мой ростъ не позволяетъ мнѣ быть работникомъ, моя сила не совмѣстна съ подчиненіемъ чужой власти. Лучше я буду жить одинъ въ бѣдности, чѣмъ подчинюсь чужой власти, рабству. Могучую выю Калевича не задержитъ никакая привязь, никакое ярмо рабства“ [1]). Мучимый тоскою, Калевичъ бродитъ по лѣсамъ и полямъ, куда прежде никогда не заходила нога человѣческая. Однажды приходитъ онъ къ берегу Пейпуса, гдѣ онъ часто хаживалъ въ дни счастья. Идя далѣе, онъ долженъ былъ перейдти рѣку Кээпу, гдѣ лежалъ его мечь. Мечь узнаетъ своего хозяина и думаетъ: „не ты ли самъ прежде носилъ меня? Не обязанъ ли я теперь наказать тебя (Калевичъ нѣкогда заклялъ мечь, чтобы онъ срѣзалъ тому ноги, кто прежде самъ носилъ его)? И дѣйствительно, когда Калевичъ захотѣлъ [2]) утолить въ рѣкѣ жажду, то мечь срѣзалъ ему обѣ ноги до колѣнъ. Здѣсь онъ и нашелъ свою смерть. Дѣдушка небесный былъ настолько озабоченъ назначеніемъ должности для Калевича, что нѣсколько дней не могъ успокоиться. Наконецъ, онъ созвалъ совѣтъ изъ своихъ небесныхъ мудрецовъ. Сидя за стѣнами потаенной свѣтлицы, они три дня и три ночи безъ перерыва совѣщались и наконецъ порѣшили поставить Калевича стражемъ Аида, охранителемъ подземнаго міра, чтобы „рогатый“ не сорвался съ цѣпи. Духъ, разставшійся съ охладѣлымъ тѣломъ и поднявшійся на небо въ жи-

[1]) Ibid. XX, 737—814. [2]) Ibid. w. 870—875.

лища дѣдушки, долженъ былъ опять по опредѣленію боговъ возвратиться въ охладѣвшее тѣло, которое тотчасъ ожило съ головы до колѣнъ, но ногъ, оставшихся въ рѣкѣ не могла присоединить къ туловищу ни сила боговъ, ни мудрость Тары. Калевичъ былъ посаженъ верхомъ на бѣлаго коня и отправленъ тайными путями къ предѣламъ царства мрака. Подъѣхавъ къ воротамъ подземнаго міра, онъ, по голосу свыше, ударилъ кулакомъ въ скалу; скала растрескалась и рука осталась въ ней. Здѣсь Калевичъ сидитъ на бѣломъ конѣ до сихъ поръ. По временамъ онъ пытается вырвать руку изъ скалы, потрясая дно морское и всколыхая море, но рука Маны крѣпко задерживаетъ его. Настанетъ однако нѣкогда время, когда всѣ лучины съ обоихъ концовъ воспламенятся; пламя это освободитъ руку Калевича изъ скалы, и тогда онъ снова явится на землю, чтобы принести счастье своимъ дѣтямъ и измѣнить судьбу эстовъ [1]).

Въ финскомъ и эстонскомъ эпосѣ сохранились представленія о происхожденіи міра, напоминающія собою представленія древнихъ объ этомъ предметѣ. Нѣтъ возможности въ настоящее время рѣшить вопроса, представляютъ ли эти воззрѣнія въ своей цѣлости остатки сѣдой старины, вынесенные финскимъ племенемъ изъ первобытнаго общаго жилища рода человѣческаго, или же они суть результатъ развитія духа финскаго племени на извѣстной ступени. Пѣвецъ эстонскій не много помнитъ пѣсней о происхожденіи міра. Онъ передаетъ, какъ Калевичъ на пути къ краю свѣта воспѣвалъ „древнія пѣсни“ о мірѣ, носящемъ „отпечатокъ Тары“. Пѣсня его начиналась такъ: „нѣкогда явился міръ прекрасный, нѣкогда было создано небо усѣянное звѣздами и покрытое облаками“. Но пѣвецъ забылъ эту пѣснь и прибавляетъ только, что далѣе Калевичъ воспѣлъ „длинную пѣснь о первоначальномъ появленіи міра: какъ лунѣ творили жилище, установляли мѣсто солнцу“ [2]). Болѣе опредѣленное и полное представленіе о происхожденіи міра сохранилось въ финской поэмѣ; сопоставляя его съ тѣми отрывочными свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ изъ эстонскаго эпоса, мы можемъ составить себѣ довольно полный образъ мірозданія.

Творческое начало въ финскомъ эпосѣ представляется подъ

---

[1]) Ibid. w. 951—1054. [2]) Kal. p. XVI. 328—348.

символическимъ образомъ „дѣвы воздуха“ (ilmanimpi), которая долго живетъ въ безпредѣльномъ воздухѣ и наконецъ дѣлается беременною отъ вѣтра. Повидимому отъ этого движенія, происшедшаго въ воздухѣ, порождается вода, ибо эта „дѣва воздуха“ постоянно именуется „матерью водъ“ (ween emo). Затѣмъ „дѣва воздуха“ на неопредѣленно долгое время соединяется съ водою, пока не породила Вейнемейнена. Далѣе, выдвигается новый образъ, именно образъ птицы (sotka suora lintu), долго парящей надъ безпредѣльными водами, пока не усмотрѣла высунувшагося изъ воды колѣна „дѣвы воздуха“, которое послужило мѣстомъ для ея гнѣзда. Въ него она положила шесть золотыхъ яйцъ, седьмое серебрянное. Но нагрѣтыя яйца заставили „дѣву воздуха“ погрузить колѣно въ воду; вслѣдствіе чего яйца разбились: изъ широкаго конца яйца (alainen puoli) образовалась земля (alainen maa emä), узкій конецъ (ulainen puoli) превратился въ небо; верхняя половина желтовины превратилась въ солнце, верхняя же сторона бѣлковины—въ луну. Изъ пестрыхъ частей скорлупы яйца произошли звѣзды, изъ черныхъ—облака. Послѣ происхожденія такимъ образомъ неорганической природы прошло нѣсколько времени, пока „дѣва воздуха и мать водъ“ породила на водѣ Вейнемейнена, который однако нѣсколько времени продолжаетъ пребывать на водѣ [1]). При дальнѣйшемъ процессѣ являются уже растенія всякаго рода [2]). И въ эстонской поэмѣ выступаетъ прекрасная „дѣва воздуха“ (ilma neitsikene), дочь Кыо (воздушнаго божества); но здѣсь роль ея совсѣмъ иная или вѣрнѣе здѣсь она не играетъ никакой дѣятельной роли; кромѣ того здѣсь она смѣшивается съ птицею (Sinisirsi linnukene) или прямо отожествляется съ нею. Но за то движеніе этой птицы описывается въ выраженіяхъ довольно сходныхъ съ описаніемъ движенія птицы и дѣвы воздуха въ финской поэмѣ [3]). Сходство замѣчается кромѣ того въ пустынности и необитаемости мѣста, надъ которымъ онѣ витаютъ, и въ другихъ отдѣльныхъ чертахъ. Замѣчательно, что къ этому творческому началу прилагается древнее слово „kawe“—эст. kabe, kabo, kawe. Каково бы ни было его происхожденіе, которое ученые пытаются прослѣдить

[1]) Kalew. I, 103—344. [2]) Ibid. ч. II.
[3]) Срав. Kalew. I; 143—176 и Kal. p. X, 889—893.

даже въ Зендъ-Авестѣ, во всякомъ случаѣ въ процессѣ мірозданія оно употребляется въ смыслѣ матери, женщины, выражающей начало порождающее [1]). И въ эстонскомъ эпосѣ море и яйцо играютъ громадную роль въ процессѣ мірозданія. Здѣсь мы находимъ представленіе, что изъ морскаго ила происходятъ: дубъ и ель [2]), огромное яйцо и желѣзная шляпа [3]), рыба и серебрянная чаша [4]); изъ яйца образуются въ послѣдовательномъ порядкѣ жаворонокъ, мышь, кошка, собака и ягненокъ [5]). О роли яйца и птицы въ процессѣ творчества сохранилось болѣе въ пѣсняхъ, не вошедшихъ въ поэму, хотя, впрочемъ, она представляется иногда довольно несходною съ воззрѣніями финновъ, но въ общемъ значительное сходство неоспоримо. Такъ, въ одной пѣсни [6]) говорится о яйцѣ, которое падаетъ въ море и разбивается о скалу на двѣ части; изъ половины скорлупы образуется боевой корабль, изъ другой половины торговый корабль, изъ кусковъ скорлупы—судна для перевоза. Высиженная матерія яйца (audund muna moondeliku) заставила увеличиваться солнце, усилила свѣтъ луны. Изъ желтовины поднялся высокій островъ (Korgi saare), изъ его ядра произошли другіе острова. Въ сборникѣ того же Неуса [7]) есть пѣснь, гдѣ священная ласточка (pürje lind) [8]) перелѣтаетъ чрезъ обширное пространство земли (ilma laju-ma), чрезъ церковь рыси (ilwese?), ища мѣста для гнѣзда въ хворостѣ, брошенномъ въ море, на морскихъ скалахъ, на береговомъ извѣстнякѣ; наконецъ она встрѣтила нѣсколько кустовъ (на морѣ?) и свила гнѣздо на золотомъ кустѣ; высидѣвъ птенцовъ, она поставила одного луною на небѣ, другаго солнцемъ надъ міромъ. Варіантъ этой пѣсни гласитъ такъ [9]). Дѣвицы пошли въ море ка-

---

[1]) Что у Ганандера (l. c. p. 24) Kaweh называется отцомъ Вейнемейнена, отъ котораго послѣдній научился играть, это, вѣроятно, ошибка, зависящая отъ поверхностности его изученія воззрѣній финновъ.

[2]) Kal. p. IV, 555. 572—573. [3]) Ibid. w. 584—585.

[4]) Ibid. w. 594—595. [5]) Ibid. XII, 923—981.

[6]) Ehstn. Volksl. H. Neus, 1. Abth. p. 4. [7]) L. c. p. 40—41.

[8]) Слово pürje Крейцвальдъ придаетъ значеніе беззащитнаго; другіе производятъ отъ финскаго — pürin — стремиться. Въ другомъ мѣстѣ, какъ увидимъ далѣе, purje lind и päiwalind называется ласточка. Конечно, мы съ достовѣрностью не можемъ отожествлять pürje и purje, пока законы перехода гласныхъ буквъ не извѣстны.

[9]) Kreutzwalb und Neus, Mythische und mag. Lied der Ehsten. S. Petersburg. 1854. p. 30—31.

таться, пришла ласточка, птица солнца (päiwa lintu); нигдѣ не находя гнѣзда, она засѣла въ тѣни паруса дѣвичьяго корабля (neitsi laewa purje warju); финскіе колдуны подняли бурю и ласточка-птица на парусахъ (purje lindu) уронила въ море яйцо, изъ бѣлковины котораго произошла ряпуша съ серебрянною чешуею. Постепенность образованія нѣкоторыхъ вещей неорганическаго міра представляется въ одной пѣсни [1]) такъ, что сначала образуется небо (?), представляемое въ ней повидимому подъ образомъ священной рѣки—матери водъ, протекающей чрезъ міръ, потомъ море, въ которое дѣдушка посѣялъ рыбу, затѣмъ выростаетъ лѣсъ и наконецъ величественный дубъ Тары. Замѣчательны еще пѣсни о величественномъ символическомъ дубѣ, которыя встрѣчаются и въ финскомъ, и эстонскомъ эпосѣ и пѣсняхъ. По финскому эпосу Сампса Пеллервойненъ въ числѣ другихъ деревъ посѣялъ и сѣмена дуба по берегамъ потоковъ; но это дерево божіе долго не принималось. Изъ моря вышелъ Турсагъ (морской богъ), который при помощи золы изъ растеній заставилъ дубъ рости съ чрезвычайною быстротою и силою: листья его далеко разрослись вширь, макушка поднялась до неба, останавливала теченіе самыхъ высокихъ облаковъ (hatterat), закрывала свѣтъ солнца и луны. Вейнемейненъ обращается къ „матери водъ“, чтобы она послала изъ моря мощнаго дровосѣка для срубки исполинскаго дуба. Изъ моря вышелъ герой длиной съ большой палецъ мужчины и вышиной съ пядень женщины, въ одѣяніи изъ мѣди, вооруженный топоромъ съ топорищемъ длиною съ большой палецъ и лезвеемъ вышиною съ ноготь. Этотъ карликъ однако скоро видимо превращается въ великана, достигающаго головою облаковъ, съ бородою до колѣнъ и волосами до пятокъ; разстояніе между его глазами составляло сажень; штаны шириною съ низу были въ сажень, съ колѣнъ — полторы и двѣ сажени на бедрахъ. Этотъ великакъ съ трехъ ударовъ срубилъ дубъ; стволъ его рухнулся къ востоку, макушка—къ западу, богатолиственныя вѣтви—къ югу; половина сучьевъ — къ сѣверу. Сукъ этого дуба приносилъ своему владѣтелю вѣчное счастье, макушка—таинственное вѣденіе, вѣтвь—силу снискать благосклонность. Щепки дуба превратились въ лодки и корабли

[1]) Ibid. p. 23—26.

на морѣ; часть щепокъ, поплывшихъ къ сѣверу, послужила для выдѣлки стрѣлъ и другихъ принадлежностей стрѣлка изъ лука. По срубкѣ этого дуба солнце и луна опять засіяли на небѣ, а на землѣ выступила богатая растительность [1]). По эстонскому эпосу дубъ происходитъ изъ морскаго ила [2]), растетъ на островѣ и производитъ тѣже дѣйствія; его срубаетъ также карликъ, выросшій подъ крыломъ орла, произшедшаго изъ яйца, которое въ свою очередь произошло изъ морскаго ила; въ вышину этотъ карликъ былъ двѣ пядени, подъ мышкой у него былъ маленькій топоръ. Въ три дня онъ срубилъ дубъ, стволъ котораго покрылъ островъ, а макушка упала въ волны. Изъ ствола его былъ сдѣланъ знаменитый „финскій мостъ“; изъ макушки были сдѣланы корабли, лодки, замки; изъ остатковъ избушки для вдовъ, сиротъ и бѣдняковъ; изъ другихъ остатковъ — чудная свѣтлица пѣвца, гдѣ слагаются слова въ ткань пѣсни. По толкованію пѣвца этотъ мостъ, на которомъ устроены жилища для различныхъ людей, представляетъ, кажется, небо, ибо въ этомъ жилищѣ вмѣсто дверей служитъ луна, солнце свѣтитъ на потолкѣ, звѣзды пляшутъ въ самой избѣ, а радуга въ видѣ дуги служитъ въ качествѣ покрова. Что дѣйствительно подъ этимъ жилищемъ нужно понимать видимое небо, доказываетъ затѣмъ слѣдующее описаніе его. Пѣвецъ говоритъ, что пѣсни его были сотканы именно здѣсь. Прялка находилась посреди свѣтлицы бѣдняка, кужель въ избѣ Тары, пряжа въ рукахъ Творца (Looja [3]), другая — въ воротахъ солнца, третья — въ избѣ утренней зари (koidu kooli koeas) [4]). Подобное же описаніе видимаго неба представляютъ и вышеприведенныя слова, съ которыми Калевъ обратился къ Линдѣ, уѣзжая со свадьбы [5]). Трудно сказать, какія

---

[1]) Kalew. II, 1—234.

[2]) По другой пѣсни у Kreutzw. и Neus l. c. p. 28 въ древности «старшій сынъ солнца, мудрый сынъ Тары» самъ посадилъ въ нови жолуди, изъ которыхъ и разросся исполинскій дубъ.

[3]) Слово looja нужно полагать имѣетъ кромѣ того еще какой-либо миѳологическій смыслъ, ибо оно употребляется для обозначенія захода (loeja) солнца; въ финск. языкѣ оно означаетъ задвижной ящикъ. По ходу описанія, повидимому, можно думать, что мѣсто захожденія солнца представлялось жилищемъ божества.

[4]) Kal. p. I. V и VI; ср. Neus l. c. p. 47—49.

[5]) Kal. p. I, 831—848.

представленія скрываются подъ этими миѳическими образами, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ связь съ происхожденіемъ видимаго міра изъ первичныхъ зародышей, каковыми представляются илъ, вода, яйцо.

Приступая къ изложенію собственно религіозныхъ представленій эстовъ, мы должны разъяснить фактъ существованія у нихъ различныхъ названій высшаго божества, его первоначальнаго происхожденія и значенія. Вопросъ этотъ однако мало обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей, что отчасти зависитъ отъ ихъ филологическаго пріема объяснять слова на основаніи одного ихъ звуковаго сходства. Громадное большинство изслѣдователей зачатки религіи финскаго племени вообще находятъ исключительно въ явленіяхъ небесныхъ и сообразно съ этой предвзятой гипотетическою мыслью толкуютъ названія высшаго божества этого племени. Намъ кажется однако, что религія финновъ въ обширномъ смыслѣ начинается на землѣ, т. е. сфера дѣятельности божества или божествъ первоначально ограничивается землею, и уже впослѣдствіи переходитъ на небо, откуда вновь распространяется на землю. Самое древнее свѣденіе о религіи финновъ вообще мы имѣемъ отъ 1026 года, когда норвежцы Карли и Тореръ Хундъ проникли къ верховьямъ сѣверной Двины. Промѣнявъ свои товары, они сдѣлали видъ, что возвращаются домой, но ночью, повернувъ назадъ, они ограбили священное кладбище Біармійцевъ въ лѣсу, обнесенное высокимъ заборомъ. По ихъ разсказу у Біармійцевъ былъ такой обычай, что, если умретъ богатый человѣкъ, то его имущество дѣлилось на двѣ части, такъ что наслѣдники получали одну часть, а другая зарывалась вмѣстѣ съ прахомъ усопшаго въ могилу. Посреди кладбища находился образъ бога Біармійцевъ „Jomali“, на колѣнахъ котораго лежала серебряная чаша, полная серебряныхъ денегъ и на шеѣ—прочная дорогая цѣпь [1]). То обстоятельство, что по Шеффереру, богъ въ Біарміи называется „jumula“, „jomala“ „jumala“, даетъ поводъ подозрѣвать неточность свѣденій древнѣйшихъ извѣстителей объ этомъ предметѣ. Кромѣ того, ни у одного изъ народовъ финскаго племени, у которыхъ сохранилось это слово, оно не встрѣ-

[1]) Oppik. Suom. kaus. histor. Urjo Koskinen. Helsinjisja 1869, p. 9—10; ср. Scheffer, Lapponia. Francofurti et Lipsiae 1674, p. 63—70.

чается съ окончаніемъ „li“. Въ виду этого вѣроятнѣе думать, что „jumali“ есть искаженіе „iumala“, или „iomala“, какоковымъ словомъ Біармійцы, вѣроятно, именовали мѣстопребываніе своего бога, а, можетъ быть, и его образъ. Когда мы припомнимъ тотъ страхъ, господствующій еще до сихъ поръ у сѣверныхъ фетишистовъ финскаго племени, который не позволяетъ произнести имя божіе, то становится вѣроятнымъ извѣстіе [1]), по которому это священное кладбище охраняли безпрерывно поперемѣнно шесть человѣкъ. А если такъ, то очень вѣроятно, что, собственно говоря, священное мѣсто, гдѣ находилось изображеніе божества, и называлась „jumala“, т. е. жилищемъ божества, потому что окончаніе „la“ во всѣхъ финскихъ нарѣчіяхъ означаетъ дворъ, жилище. Далѣе, возникаетъ вопросъ, какъ же именовалось само божество. Мы, конечно, не обязаны принимать на вѣру преданіе, приводимое Шеффероmъ по Торнеусу, по которому человѣкъ по имени jumi или jumo былъ родоначальникомъ Лапландцевъ и Финновъ, [2]) зная, какъ древніе писатели и народы склонны были измышлять себѣ родоначальниковъ. Равнымъ образомъ мы не обязаны принимать на вѣру и мнѣніе Ленквиста [3]), по которому этотъ родоначальникъ послѣ своей смерти былъ обоготворенъ подъ именемъ jumala. Но то обстоятельство, что идолъ главнаго божества Біармійцевъ находился посреди кладбища, считавшагося священнымъ, указываетъ на очень тѣсную связь религіи финскаго племени съ почитаніемъ душъ умершихъ, такъ что, хотя мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ объ обоготвореніи родоначальника Финновъ и Лапландцевъ, но ставя это извѣстіе въ связь съ новѣйшими извѣстіями путешественниковъ и научными попытками анимистическаго объясненія происхожденія религіи людей, стоящихъ на очень низкой ступени развитія, мы вынуждаемся признать за извѣстіемъ объ обоготвореніи родоначальника финновъ и лапландцевъ, какое бы имя онъ ни носилъ, значительную долю вѣроятности, и въ такомъ случаѣ jumala первоначально значило бы ничто иное какъ жилище духа умершаго родоначальника jumi или jumo или

[1]) Scheffer l. c. p. 62—63

[2]) L. c. p. 43; cp. De orig. ac. relig. Vet. Fen., praes. F. Torner. Upsaliae 1728 p. 12.

[3]) De superst. vet. Fen. theoret. et. pract. 1782. T. I, p. 30.

же просто жилище духа усопшаго. Съ нашимъ мнѣніемъ близко соприкасается мнѣніе венгерскаго ученаго Буденца, который пришелъ къ нему чисто филологическимъ путемъ. Разсматривая корень слова jumal, онъ находитъ его въ угор. jumo, венг. jovo, java, вог. jomas—добрый, хорошій, въ ост. jem—хорошій, красивый; и вот. umoj—хорошій, годный. На этомъ основаніи jumal означаетъ по нему жилище богатаго, благосклоннаго человѣка. Въ подтвержденіе этого Буденцъ ссылается еще на вогульское представленіе бога, имѣющаго домъ и дворъ на облакахъ, выѣзжающаго на охоту и т. п. и на венгерское противопоставленіе счастливца, собственно бога (boldag isten) бѣдняку [1]). Съ развитіемъ понятія о духѣ и подъ вліяніемъ другихъ внѣшнихъ условій, жилище его, конечно, должно было перемѣститься съ земли на небо. Это имя мы встрѣчаемъ еще въ настоящее время у многихъ народовъ финскаго племени, хотя съ нѣкоторымъ различіемъ въ значеніи и формѣ [2]), именно: финск. jumala, вот. jumala, чух. (около юго-вост. Онежскаго озера) и эстонск. jumal, лив. jumal, мн. jnmald, лапланд. jbmel, jubmel, jbmil; морд. jom (jondil, jondol—молнія, огонь божій)—богъ, черемишск. jumo, juma — богъ, небо; самоѣд. jum—небо. Не смотря на такое различіе названій всѣ финскіе ученые производятъ ихъ изъ одного корня jumu — громъ, и jumala по ихъ мнѣнію означаетъ мѣсто грома, небо. Это мнѣніе финскихъ ученыхъ заслуживаетъ, конечно, болѣе вниманія, чѣмъ мнѣнія тѣхъ, которые прибѣгаютъ для разъясненія этого слова къ еврейскому, шведскому и эстонскому языкамъ, но оно не имѣетъ другихъ основаній, кромѣ звуковаго сходства слова, означающаго между прочимъ и громъ и глухой шумъ и поэтому не можетъ быть предпочтено данному впереди объясненію. Намъ думается, что при опредѣленіи происхожденія божества болѣе важное значеніе имѣетъ та связь, въ которую оно ставится съ другими предметами, а не производство его имени, основанное по большей части только на звуковомъ сходствѣ слова. Что имя jumala пріурочивалось не только къ существамъ небеснымъ,

---

[1]) См. Ueber Gottesn. bei Sem., Ugrof и Indogerm. L. Meyer. Dorpat. 1878 p. 13—14.

[2]) См. Vergl. Wörterb. der Finn.—Ugr. Sprachen. Dr. O. Donner. Donner. Helsinijä 1874 p. 107.

но и земнымъ и даже къ людямъ и вещественнымъ предметамъ, это обстоятельство скорѣе свидѣтельствуетъ противъ производства финскихъ ученыхъ, чѣмъ за него. Замѣчаніе это едва ли ослабляется тѣмъ возраженіемъ, что только впослѣдствіи разбираемое имя стало прикладываться къ другимъ земнымъ веществамъ, сдѣлалось ихъ общимъ названіемъ, когда стали думать, что у отдѣльныхъ элементовъ также существуютъ геніи—хранители, ибо это самое еще требуетъ доказательствъ, подразумѣвая, будто у финновъ первоначально только и существовалъ одинъ Богъ, Богъ грома. Что божество съ такимъ именемъ встрѣчается у столь многихъ финскихъ народовъ, еще не доказываетъ его отдѣльности, какъ думаетъ Кастренъ [1]). Намъ кажется, что отдѣльность божества и имени божества двѣ вещи совершенно различныя, требующія особеннаго вниманія при изученіи древней религіи сѣверныхъ народовъ финскаго племени. Гдѣ божество столь недоступно людямъ, что имъ неизвѣстно даже его имя или по крайней мѣрѣ запрещено произносить его подъ угрозой смерти, тамъ для него можетъ быть множество постороннихъ именъ, а оно всетаки остается однимъ и тѣмъ же божествомъ. Равнымъ образомъ, при неразвитости языка одно и тоже имя можетъ употребляться въ различныхъ смыслахъ въ приложеніи къ различнымъ предметамъ или явленіямъ. Намъ кажется, что это послѣднее замѣчаніе особенно примѣнимо къ религіи финскаго племени, у котораго собственно говоря не было общаго самостоятельнаго наименованія для высшаго божества, это послѣднее носило различные описательные эпитеты. Это подтверждается и дальнѣйшими изысканіями.

Далѣе мы встрѣчаемъ имя Укко у многихъ народовъ финскаго племени. Въ формѣ «Укко» оно встрѣчается только у финновъ и эстовъ, у другихъ нѣсколько иная форма, такъ у мадьяръ «agg» — старецъ, у остяковъ «jog»—отецъ, у якутовъ «aga»—отецъ, у лапландцевъ—äija, äije, äijeke—дѣдушка, громъ [2]). У финновъ «Укко» означаетъ дѣдушку и старца. Изъ того обстоятельства, что это имя прилагается весьма часто къ одному или многимъ богамъ и даже къ животнымъ не

---

[1]) Milanges Russes t. II p. 175—177.

[2]) Ibid. t. II p. 194—213.

говоря уже о старыхъ людяхъ, которыхъ оно собственно и обозначаетъ, Кастренъ справедливо заключаетъ, что оно первоначально не означало личнаго имени божества, но за то безъ достаточныхъ основаній опровергаетъ мнѣніе Ленквиста [1]), по которому Укко былъ самымъ древнимъ божествомъ финновъ. Это имя болѣе всего подходитъ къ тому идолу, который былъ на кладбищѣ въ Біарміи; пусть этотъ идолъ и не носилъ его, все-таки его мѣстопребываніе какъ разъ совпадаетъ съ кладбищемъ, какъ мѣстопребываніемъ усопшаго дѣдушки, старика, отца. Если въ настоящее время оно прикладывается къ божеству въ качествѣ благоговѣйнаго эпитета, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и въ прошедшемъ оно употреблялось въ томъ же первоначальномъ смыслѣ, это обстоятельство должно имѣть въ отдаленнѣйшей исторіи возникновенія зачатковъ финской религіи глубокій смыслъ, ибо въ явленіяхъ внѣшней природы, служащихъ выраженіемъ божественной воли, нѣтъ рѣшительно никакихъ признаковъ, могущихъ дать божеству, олицетворенному въ этихъ явленіяхъ, характеръ старости; поэтому намъ кажется, что столь преобладающее употребленіе этого имени въ качествѣ эпитета божества, объясняется болѣе удовлетворительно, если признать, что въ отдаленной древности оно употреблялось у народовъ финскаго племени въ качествѣ имени умершихъ предковъ, которые продолжали жить послѣ смерти и вліять на живыхъ потомковъ, постепенно пріобрѣтая въ вѣрованіяхъ послѣднихъ болѣе обширный кругъ дѣятельности.

Третье имя высшаго божества у народовъ финскаго племени—это Тара въ различныхъ модификаціяхъ, такъ напр. лапланд. tierms—богъ неба и грома; вот. tarom—богъ, небо; ост. turum, turm, torem; torum — богъ неба и грома; чув. tora — добрый духъ, богъ неба; эст. tara [2]) лив. (?) tora — богъ. Кастренъ [3]) считаетъ всѣ эти слова сродственными, но не берется рѣшить, финскаго ли они происхожденія или заимствованы изъ индогерманскихъ языковъ. И, дѣйствительно, вопросъ о происхожденіи этого имени до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ и едва ли можно указать на какое либо одно

[1]) L. c. t. I p. 27.

[2]) Donner l. c. p. 127. [3]) Finn. Mythol. p. 51.

производство какъ преобладающее. Изъ безчисленныхъ толкованій его можно указать на два болѣе или менѣе господствующія; одно принадлежитъ прибалтійскимъ германистамъ и шведскимъ ученымъ, другое финскимъ, первые защищаютъ германское происхожденіе его, вторые ищутъ объясненія его въ финскихъ нарѣчіяхъ; у первыхъ божество съ этимъ именемъ превращается въ скандинавскаго Тора, у вторыхъ въ финскаго бога грома. Доннеръ [1]) напр. указываетъ на мадъярск. dörrâni—гремлю, звучу, финск. toran—спорю, ссорюсь, щиплю и turisen — шумлю, скриплю, какъ на слова одного и того-же корня съ вышеприведенными именами. Намъ кажется, что болѣе удовлетворительное рѣшеніе даннаго вопроса можно получить, присоединяя къ филологическимъ выкладкамъ историческія данныя.

Первое по древности свидѣтельство, которое мы имѣемъ объ этомъ имени, относится къ началу 13 вѣка. Генрихъ Латышскій вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, проповѣдуя въ Эстоніи въ 1220 г., окрестилъ въ сосѣдствѣ Вироніи три деревни «гдѣ была гора и лѣсъ весьма прекрасный, въ которомъ, по словамъ туземцевъ, родился великій богъ эзельцевъ, называемый Tharapita, и улетѣлъ съ этого мѣста на Эзель [2]). И еще: по свидѣтельству того же Генриха эзельцы, при штурмѣ рыцарями ихъ замка Моне, „въ то время какъ христіанское войско радовалось, восклицая и умоляя Бога, также взывали, утѣшаясь въ своемъ Tharapit'ѣ. Тѣ взывали къ рощѣ (nemus), эти къ Іисусу [3]). Эти мѣста подвергались разнообразнымъ толкованіямъ, не основывающимся на твердыхъ началахъ и доходящимъ часто до смѣшнаго [4]). Что касается перваго извѣстія Генриха, то оно по всей вѣроятности выдумано имъ самимъ, а не передано ему туземцами. Сомнительно, чтобы туземцы временъ Генриха могли говорить такъ о божествѣ, котораго они почитали еще нѣсколько вѣковъ послѣ него

---

[1]) Donner l. c. p. 127.

[2]) H. XXIV, 5: in confinio Virione tres villas baptizaverunt, ubi erat mons et sylva pulcherrima, in qua dicebant indigene magnum deum Osiliensium natum, qui Tharapita vocatur, et de loci illo in Osiliam volasse.

[3]) Ibid. XXX, 4: Gaudet exercitus christianorum, exclamant, Deum exorant. Clamant et illi, gaudentes in Tharapita suo. Illi nemus, hii Fesum invocant.

[4]) См. Parrot. l. c. p. 299—316 и Mone l. c. p. 67—74.

и имя котораго еще до сихъ поръ встрѣчается въ устахъ старыхъ людей въ извѣстной формѣ привѣта: «Tara appi» — Богъ въ помощь. Сомнительно также, чтобы тѣ же туземцы передали ему въ такомъ видѣ имя своего божества, какъ передаетъ его Генрихъ. Что языческій культъ эзельцевъ былъ въ то время гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у остальныхъ Эстовъ, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, поэтому очень вѣроятно, что Генрихъ, слыша часто въ битвахъ возваніе къ богу Тарѣ „Tara awita“—(помоги Тара)! и зная, что культъ Тары особенно былъ развитъ у эзельцевъ, легко могъ выдумать вышеприведенную легенду, Второе цитированное мѣсто заслуживаетъ большаго вниманія, ибо здѣсь Генрихъ передаетъ дѣйствительный фактъ, конечно, съ своей точки зрѣнія. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сопоставленіе словъ Tharapita и nemus, которыя, по видимому, отождествляются имъ; здѣсь, повидимому, онъ различаетъ два слова въ имени Tharapita, ибо не говоритъ, что эзельцы взывали къ богу, который называется Tharapita, но передаетъ только, что они находили радость въ своемъ Tharapita, что можно толковать такъ, что они находили радость въ воззваніи „Tara, abita“. Какъ бы то ни было, но Генрихъ замѣняетъ это слово словомъ nemus и его замѣна справедлива до извѣстной степени.

При изслѣдованіи оказывается, что слово taara, tara, tarha на ливскомъ, эстскомъ и финскомъ языкахъ означаетъ огороженное мѣсто, садъ, дворъ. Когда мы далѣе припомнимъ огороженную рощу и вмѣстѣ кладбище, среди котораго помѣщался идолъ бога Біармійцевъ и когда затѣмъ мы будемъ имѣть въ виду, что высшее божество почиталось и впослѣдствіи у народовъ финскихъ, въ томъ числѣ и эстовъ и ливовъ, въ священной рощѣ, обнесенной оградой или какъ нибудь иначе сдѣланной недоступною, то становится понятнымъ переводъ Генриха, по которому божество эзельцевъ оказалось рощей. Намъ кажется такой переходъ названія мѣстопребыванія божества на само божество очень вѣроятнымъ, особенно, когда припомнимъ благоговѣніе и страхъ, который обхватываетъ фетишиста при одной мысли о высшемъ существѣ. Съ теченіемъ времени слово taara сдѣлалось столь обычнымъ, что почти совершенно потеряло свое первоначальное значеніе и стало входить въ соединеніе съ другими словами уже въ качествѣ имени божества.

По крайней мѣрѣ въ 13 вѣкѣ у эстовъ и ливовъ оно встрѣчается уже въ смыслѣ имени божества; есть данныя, хотя гипотетическія, заставляющія думать, что въ этомъ смыслѣ оно употреблялось еще за долго до 13 вѣка, ибо ливская провинція Thoreida и Taraaeda [1]) (вѣроятно мѣстность нынѣшняго Дерпта) на теперешнемъ эстскомъ языкѣ означаетъ „садъ Тары", а Tharpata (нынѣ Дерптъ) значитъ „котловина" (pata) Тары", или „оплотъ (финск. pato) Тары". Основываясь на предъидущихъ данныхъ, мы скорѣе склонны признать древнѣйшимъ именемъ божества у финскихъ народовъ имя Укко, за которымъ еще до настоящаго времени остался титулъ „высшаго бога" [2]); за этимъ именемъ слѣдовали Jumala и Taga. Такъ какъ эти имена различаются не столько по значенію, сколько по времени, то очень естественно, что мы не найдемъ какого либо разграниченія въ дѣятельности высшаго божества, когда захотимъ это сдѣлать, основываясь на различіи именъ, прилагаемыхъ къ нему въ томъ или другомъ случаѣ. Имя Jumala, будучи менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ другія, естественно съ теченіемъ времени сдѣлались общимъ наименованіемъ божественныхъ существъ и по принятіи христіанства оно сдѣлалось наименованіемъ христіанскаго Бога. На той ступени, на которой мы застаемъ языческія религіозныя воззрѣнія финновъ и эстовъ, имя это потеряло уже частный характеръ и встрѣчается весьма рѣдко въ смыслѣ отдѣльнаго существа, а по большой части прилагается къ Укко, Тарѣ и другимъ божественнымъ существамъ, или же просто замѣняетъ ихъ имена въ связи съ ихъ эпитетами. Характеристическій признакъ божества на этой ступени развитія—это ограниченіе его дѣятельности почти одними только явленіями атмосферическими и климатическими. Такъ, въ финской поэмѣ Укко преимущественно проявляетъ свою дѣятельность и власть въ громѣ, молніи, тучахъ, дождѣ, вѣтрѣ и т. п. Онъ разъѣзжаетъ на небѣ на облакахъ, одѣтый въ голубые чулки, пестрые башмаки и огненную рубашку. Самострѣломъ его служитъ радуга, посредствомъ которой онъ бросаетъ мѣдныя булавы и стальныя стрѣлы. Мечь свой, распространяющій молнію, онъ носилъ въ огненныхъ

[1]) Kal. p. VIII, 582.
[2]) Kalew. I, 169 и Kal. p. II, 568.

ножнахъ. Впрочемъ, дѣятельность его простиралась и на землю, гдѣ отъ него ожидали преуспѣянія земледѣлія, скотоводства и рыболовства, и гдѣ къ нему обращались всегда, когда другіе боги не давали помощи. Почти ту же роль играетъ Укко и въ эстонской поэмѣ; но здѣсь это имя постоянно приводится на ряду съ именемъ Тары, котораго нѣтъ въ числѣ именъ финскихъ боговъ. Объяснить это явленіе мы не беремся, но замѣтимъ только, что это послѣднее имя у финновъ обыкновенно повсюду употребляется въ качествѣ наименованія огороженнаго мѣста, сада, двора, тогда какъ изъ эстонскаго языка въ этомъ смыслѣ оно почти совсѣмъ вывелось и осталось только въ употребленіи въ дерптскомъ нарѣчіи, что опять замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ фактомъ отсутствія у эстовъ, говорящихъ на этомъ нарѣчіи, сагъ и пѣсенъ о Тарѣ, какъ божествѣ. Какъ бы ни отличалась дѣятельность Укко, какъ финскаго божества, отъ дѣятельности Укко, какъ эстонскаго бога, но Укко и Тара у эстовъ суть различныя наименованія одного и того же божества; судя по эстонской поэмѣ и пѣснямъ, у насъ нѣтъ никакой возможности усмотрѣть какое-либо различіе въ ихъ дѣятельности, могущей подать мысль о различіи ихъ лицъ; мы находимъ напротивъ въ ихъ дѣятельности значительное тождество, да и по самому имени они постоянно отождествляются. Различіе въ ихъ дѣятельности можно усмотрѣть развѣ только въ тѣхъ явленіяхъ, которыя напоминаютъ, прикасаются съ одной стороны смерти и рожденія, съ другой — явленій жизни природы и человѣческой. Явленія перваго рода пріуроччиваются къ кругу дѣятельности Укко, а втораго рода явленіями распоряжается Тара. Но здѣсь нѣтъ строгаго разграниченія, ибо при этомъ къ тому и другому имени прикладываются эпитетъ „дѣдушка“. При родахъ взывали обыкновенно къ помощи Укко какъ у финновъ, такъ и у эстовъ. Такъ, жена Калева—Линда, мучаясь родами, взываетъ къ высшему богу—Укко, который вмѣстѣ съ богомъ вѣтра — Rõugutaja (финск. raukotan—жаловаться, оплакивать) дѣйствительно является къ ней на помощь [1]). Тоже самое дѣлаетъ и финская „дѣва воздуха“, когда рождаетъ Вейнемейнена [2]). Когда Линда разрѣ-

[1]) Kal. p. II, 501—614. [2]) Kalew I, 169—174.

шилась отъ бремени, то благодарила „дѣдушекъ-боговъ“ [1]). При похищеніи Линды финскимъ знахаремъ, она опять обращается къ „Укко-тѣни дѣдушки“. И на этотъ разъ бодрствующая милость и мощная воля боговъ не замедлила явиться на помощь, ибо, по распоряженію дѣдушки, помощь явилась изъ облака и вѣтра [2]). Укко является также во снѣ и предсказываетъ будущее [3]); духи усопшихъ (une-ukud) убаюкиваютъ спящаго младенца [4]). Одно изъ явленій дѣдушки Калевичу во время сна описывается подробно въ Kalewi-poeg'ѣ [5]). Когда Калевичъ заснулъ отъ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, внезапно предсталъ предъ нимъ незнакомецъ, старецъ съ сѣдою бородою и сѣдыми волосами. Онъ явился къ „сыну“ издалека, побуждаемый любовію и дружбой, какъ „другъ рода Калевича“. Явившійся старецъ присутствовалъ, по собственнымъ словамъ, на юношескихъ играхъ Калевича, на свадьбѣ его отца, при постройкѣ зданія, существовалъ еще прежде самого Калева и Линды, прежде раздѣленія Эстоніи на области, а именно существовалъ при твореніи звѣздъ, установкѣ солнца, размѣщеніи луны и распредѣленіи облаковъ. Онъ ѣхалъ изъ-подъ голубаго міра, изъ-за краснаго неба, изъ средины золотистаго и т. д. Онъ гналъ такъ своего коня по скользкому млечному пути (linnu tee) и жаркому пути солнца, что у коня сорвались подковы. Предъ нимъ преклоняются стихіи природы: вѣтеръ, воздухъ росу, солнце и луну онъ заставилъ возвращать Калевича. Теперь онъ является къ другу съ цѣлью посмотрѣть на сдѣланную работу и поправить ее, гдѣ нужно, „ибо, прибавляетъ онъ, безъ божественной помощи, небесной опоры, родъ человѣческій не можетъ извлечь пользу изъ работы. Вѣтромъ является надежная опора, воздухомъ—благословенія Укко, дождемъ—произрастаніе хлѣбовъ“. На вопросъ Калевича открыть свое имя, онъ отвѣчаетъ: дорогой Калевичъ! по жребію избранный царь! Не разспрашивай о томъ, что пришло съ вѣтромъ; въ жилищѣ Тары есть много избъ, золотыхъ скалистыхъ свѣтлицъ“. Затѣмъ старецъ предсказалъ будущее счастіе въ цар-

[1]) Kal. p. II. p. 611—612: Tänu wana ijadele, Aitüma jumalaile.—Въ позднѣйшихъ пѣсняхъ подъ вліяніемъ христіанства родильница обращается уже къ Дѣвѣ Маріи и Іисусу Христу (Neus, l. c. I Abth. p. 89—92).

[2]) Kal. p. III, 392—549. [3]) Ibid. w. 700—702.

[4]) Neus l. c. 2 Abth. p. 175. [5]) Kal. p. IX, 340—689.

ствованіе Калевича, но въ тоже время предостерегалъ его отъ погибели мечемъ. Вся эта рѣчь казалась Калевичу, „какъ бы вѣяніемъ вѣтра“, „жалобнымъ шумомъ волнъ“, „завываніемъ вѣтра, приносящаго дождь“. А самая „тѣнь старца исчезла подобно густымъ облакамъ тумана предъ появленіемъ солнца или подобно вечернимъ тѣнямъ при заходѣ солнца“. Въ Kalewi poeg'ѣ мы имѣемъ весьма древнюю молитву, съ которою обращались къ Укко. Древность выводится во-первыхъ изъ того обстоятельства, что поводъ къ ея передачѣ — опустошительная война, погубившая народъ и превращавшая плодородную землю въ болото, не соотвѣтствуетъ ея содержанію, во-вторыхъ самымъ ея содержаніемъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ первобытнаго человѣка. Молитва гласитъ такъ: „умножь рыбу, расплоди финскихъ килекъ, размножь тюленей и всякаго рода дичь! Пригони къ берегу на волнахъ деревья, чтобы они могли принести пользу для будущихъ родовъ“ [1]). Дѣдушка, нося имя Тары, получаетъ вмѣстѣ съ нимъ и эпитетъ „мудрый“, который очень часто прикладывается къ Тарѣ не только въ Kalewi poeg'ѣ [2]), но и въ пословицахъ, напр. targem kui Taga ja kaugem kui Kalew — мудрѣе Тары и сильнѣе Калева. По своей мудрости онъ сотворилъ міръ и управляетъ имъ [3]). Хотя онъ и доставляетъ блага людямъ, но милости его все-же кратковременнѣе милостей отца; пѣсня говоритъ, что „милостей вѣтра хватаетъ только на часы, милостей солнца — на дни, на всю жизнь — милостей Тары, а милостей отца — на вѣчность [4]). Особымъ мѣстомъ для почитанія Тары служила священная дубовая роща (pühahie) на горѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Дерпта, гдѣ Калевичъ имѣлъ намѣреніе построить замокъ въ защиту рощи Тары [5]). Далеко виднѣлась прелестная роща Тары, зеленѣя на хребтѣ горы [6]). Изъ священной рощи милостиво взираетъ глазъ дѣдушки Тары, изъ матери рѣки — божественная тѣнь [7]). Здѣсь вѣроятно совершались народныя игры и состязанія во время лѣта

---

[1]) Ibid. XVI, 967—975.

[2]) Laul XVI, 1086. 1102; VII, 740—741.

[3]) Ibid. VI, 392; VII, 8001; XIV, 437—438. [4]) Ibid. VII, 846—849.

[5]) Ibid. X, 787—789; VIII, 582—583. [6]) Ibid. VIII, 28—29; 236—239.

[7]) Ibid. VIII, 251—253. Эст. Ema jõgi у русскихъ переводится большею частію Омовнса, Омовынса (Новг. I л. 6742), въ актѣ 1234 г. (И. В. п. 62) Ema joga. Ср. Ingeri=русск. Ижора.

при многочисленномъ стеченіи народа изъ всѣхъ областей Эстоніи [1]). Какія тутъ совершались игры, трудно сказать, но возможно, что у эстовъ существовало нѣчто въ родѣ драматическихъ представленій. Это можно думать изъ характера пѣсни о плачевной погибели обольщенной Калевичемъ своей сестры; пѣснь эта по своей формѣ заставляетъ предполагать участіе при ея произнесеніи двухъ или трехъ лицъ [2]). По свидѣтельству Меркеля [3]) пѣсни эсты пѣли двумя хорами, изъ которыхъ одинъ повторяетъ строку, пропѣтую другимъ. О финнахъ мы знаемъ тоже самое.

Къ сказанному о высшемъ богѣ нужно прибавить, что онъ не исключительно одинъ распоряжался міромъ; на небѣ въ жилищѣ его на ряду съ нимъ совмѣщались и его непосредственные потомки, которые именовались Iumalat, Tarralased, Wöidumehed, Pikkerlaset, Kangelased [4]).

Явленія грома и молніи въ финской миѳологіи подчинялись власти одного бога Укко, но въ эстонской они распредѣлялись между нѣсколькими богами, изъ которыхъ на долю каждаго приходились отдѣльныя части этихъ явленій. Въ преемствѣ этихъ явленій первое мѣсто занимаетъ Aike, который по имени соотвѣтствуетъ лапланд. Aijeke-дѣдушка, громъ и финск. Aija—старецъ, дѣдушка. Вѣроятно и у эстовъ первоначально это слово употреблялось въ смыслѣ дѣдушки, но крайней мѣрѣ къ грому до сихъ поръ еще прилагается wana isa (дѣдушка). Онъ распоряжается начальными явленіями грома; отсюда о немъ часто употребляется выраженіе „угрозы“; онъ только грозитъ (ähwardab) [5]); угрозы его могутъ дремать на лонѣ облаковъ, показывающихъ обманчивый видъ засухи [6]). Поэтому онъ собственно былъ богъ грозы; дождь Aike и „тучи Aike“ до сихъ поръ называются грозовымъ дождемъ и грозовыми тучами. Въ его распоряженіи находятся градовыя тучи [7]). Онъ разъѣзжалъ по желѣзному мосту на телѣгѣ съ мѣдными колесами, разсыпая огонь при ходьбѣ и искры при ѣздѣ [8]). За нимъ въ порядкѣ явленій слѣдовали Pikker, Pikne, Kõo. Pikne вѣроятно

[1]) Ibid. XII, 464—92 и Uerh. d. gel. Ehst. Liefl. Ges. B. 2. H. 4. n. 75—6.
[2]) Ibid. IV, 520—890. [3]) Die Vorz. Berlin. 1807. B. I. p. 280.
[4]) Kal. p. II, 147—9; 183—5; VI, 693—4; XX, 935—43.
[5]) Ibid. V, 554; XVII; 677. [6]) Ibid. ww. 102—104.
[7]) Ibid. XX, 8—10. [8]) Ibid. III, 12—15; XI, 281—84.

происходитъ отъ финскаго—pitkäinen—молнія. Онъ представлялся сыномъ „Aike“. Онъ также называется дѣдушкой. Въ 1841 году одинъ крестьянинъ помѣстья Adsel-Koikülll приносилъ богамъ жертву и говорилъ, что онъ жаловался на нихъ „дѣдушкѣ“, котораго предки называли Pikker, Pikne и просилъ его покарать ихъ своимъ накаленнымъ желѣзнымъ прутомъ (raudwits), которымъ онъ наказывалъ своихъ подчиненныхъ, если они, будучи недовольны принесенною жертвою, вредятъ садамъ, полямъ и скоту [1]). По древнему воззрѣнію радуга представлялась, кажется, дугой его самострѣла, ибо она называется wikkerkaar (финск. kaari — дуга), wikkakaar, ammukaar (дуга самострѣла). Еще теперь во время грома можно слышать отъ эстовъ фразу: wana pikker isa töreleb oma lapsi; mis se meie lusti puudub (дѣдушка бранитъ своихъ дѣтей; это не мѣшаетъ нашему веселью). У эстовъ современныхъ Пиккеръ означаетъ „громовержца“. Pikker, вѣроятно, тожественъ съ Wikker, какъ доказываетъ Свѣгнеръ [2]). Въ Kalewi poeg'ѣ Pikker представляется ударяющимъ, производящимъ трескъ и бросающимъ молніи, Злые духи со страхомъ слышатъ голосъ его и укрываются отъ него въ волны широкаго моря [3]). Дѣятельность его и Aike находится въ зависимости отъ воли дѣдушки Укко. Когда финскій знахарь готовился втащить Линду въ лодку, то, по распоряженію Укко, выступилъ съ угрозой Aike, а Pikker громилъ изъ облака, разъѣзжая медленно по желѣзному пути на колесницѣ и разбрасывая огонь [4]). Огонь небеснаго дѣдушки ослѣпилъ его глаза и стрѣла Pikker'а, коснувшись его, повалила на землю въ безпамятствѣ [5]). Намъ извѣстна одна магическая формула, которая употреблялась при заговорахъ именемъ Pikker'а. Читается она такъ [6]): „да призовется имя святаго Пикне при крови тѣла болѣзненнаго человѣка. Да призовется имя милостиваго святаго трижды девятаго небеснаго дѣдушки и т. д. Пусть же призовется имя святаго трижды девятаго Пикне милостиваго бога и т. д. Да найдетъ на этого человѣка здоровье святаго трижды девятаго бога благодаренія. Да будетъ правда бога милости, святаго трижды

[1]) Ibid. XI, 281—282. [2]) Verh. d. gel. Ehrtn. Ges. B. I, H. 2. p. 36—40.
[3]) Mélanges Russes t. II p. 122—126. [4]) Kal. p. III, 16—22.
[5]) Ibid. III, 356—361; V, 385—388.
[6]) Ibid. V, 552—557. [7]) Kreutzwald и Neus l. c. p. 61.

девятаго счастія“ и т. д. Извѣстна также молитва къ Пикне, записанная пасторомъ Гутслефовъ въ половинѣ 17 вѣка. Она гласитъ такъ: „дорогой громовержецъ (Pikne)! Мы приносимъ тебѣ быка съ двумя рогами и четырьмя ногами и умоляемъ тебя о нашихъ пашняхъ и поляхъ, чтобы наши хлѣба сдѣлались желтыми, какъ золото. Разсѣй всѣ черныя тучи куда нибудь за болота, далекіе лѣса и безплодныя пустыни. Подай нашимъ пахарямъ и сѣятелямъ плодородныя времена года и умѣренный дождь. Святой Pikker! бодрствуй надъ нашими нивами; да имѣютъ наши хлѣба внизу хорошіе стебли, вверху колосья и въ нихъ хорошія зерна“ [1]).

Kõo олицетворялъ собой послѣдній фазисъ грома, именно когда происходитъ соединеніе земнаго электричества съ небеснымъ, сопровождающееся сильнымъ ударомъ; отсюда къ нему прилагается признакъ. выражающій внезапный взрывъ, именно „kärgatab», „kärgatused“ [2]); иногда вообще говорится, что онъ „гремитъ“ (müristab) [3]). Значеніе слова Kõo съ точностью трудно опредѣлить, но есть данныя, позволяющія думать, что оно первоначально прилагалось къ старому человѣку [4]). По Гуппелю въ 18 вѣкѣ говорили Kõuk, kouke — громовержецъ, также Käü, Käu. Послѣднее производятъ kaüma—ходить, ибо и у скандинавовъ прозвищемъ Одина была Gankleri — странникъ. У Гезекена köw müriseb—громъ гремитъ; wano kow родоначальникъ. По Кнюпферу въ Виронiи на морскомъ берегу въ приходѣ св. Екатерины wana Kou—означаетъ очень стараго человѣка. Въ финскомъ языкѣ kouki, kouko означаетъ вообще большаго хищнаго звѣря, волка, чудовище. Изъ сказки, помѣщенной у Креицвальда и Неуса видно, что у эстовъ этому слову придавали и значеніе волка, хищнаго звѣря; въ ней человѣкъ постоянно удалявшійся изъ дома и шатавшійся въ лѣсу называется „koukemees“, вѣроятно, „оборотень“. Принимая во вниманіе еще и то обстоятельство, что какъ у скандинавовъ, такъ и у финновъ, богъ грома вообще носилъ прозвище медвѣдя, нужно, думать, что и эсты, прилагая къ грому Kouk, уподобляли его реву медвѣдя. Этимъ однако мы еще не хотимъ

[1]) См. Parrot l. c. p. 314.
[2]) Kal. p. V, 553; XIX, 50.
[3]) ibid. V, 586.
[4]) Kreutzwald и Neus, i. c. p. 12.

сказать, чтобы первоначально Kouk прилагалось только къ медвѣдю или означало только его. Этого вопроса мы не беремся рѣшить.

Что касается обоготворенія собственно видимыхъ небесныхъ тѣлъ, то оно едва ли можетъ быть признано существовавшимъ на той ступени развитія, на которой мы застаемъ религію финскихъ народовъ. Какъ у финновъ, такъ и у эстовъ, небесныя свѣтила служили предметомъ особенныхъ наблюденій, потому что по нимъ они опредѣляли время дня и ночи. Уже въ виду значительныхъ познаній финновъ и эстовъ планетарной системы неба, нужно думать, что обоготвореніе свѣтилъ небесныхъ не могло пріобрѣсти особеннаго значенія въ ихъ религіи. По воззрѣнію эстовъ солнце совершаетъ постоянно правильное теченіе по установленію дѣдушки, той же правильности подчинены и звѣзды [1]). Тамъ, гдѣ, повидимому, прикрѣпленъ небесный сводъ, заходитъ луна, потухая, заходитъ и солнце, совершивъ по установленному закону свою очередь сторожа [2]); оно спускается въ морскія волны [3]). Сами по себѣ ни звѣзды, ни луна, ни солнце не умѣютъ говорить или дать отвѣта вопрошающему [4]), и только въ качествѣ поэтическаго пріема мы находимъ частыя обращенія къ лунѣ, солнцу и звѣздамъ и отвѣты со стороны ихъ [5]). Можетъ быть пѣсни „о дѣвахъ небесныхъ“ представляютъ болѣе, чѣмъ простой образъ выраженія. Одна изъ эстонскихъ пѣсенъ гласитъ такъ [6]): на морѣ плыли четыре дѣвы: одна русалка рѣчная, другая дѣва—дочь звѣзды,—голубь неба, третья—воспитанница луны (kuude koblik),—пріемышъ ноги (hõõde hoolik), четвертая дѣва—обманчивая ласточка солнца. Онѣ должны были исткать для солнца и луны золото, вышивать чепчики для звѣздъ, приготовлять для воды узлы, и шить туману кафтанъ. Дѣдушка усердно присматривалъ за своими дѣтьми, не давая имъ лѣниться. Подобныя же пѣсни еще въ большемъ количествѣ мы находимъ у финновъ. Какъ бы то ни было, но въ эстонской поэмѣ мы находимъ слѣды древняго почитанія нѣкоторыхъ свѣтилъ небесныхъ. При заболѣваніи Калева Линда обращается къ лунѣ

[1]) Kal. p. XII, 457—61; IV, 63—115. [2]) Ibid. XVI, 531—39.
[3]) Ibid. XVI, 785. [4]) Ibid. III, 843—51.
[5]) Ibid. II, 233—71; Neus l. c. I Abth. p. 25—29.
[6]) Kreutzwald и Neus l. c. p. 34.

съ вопросомъ: „здравствуй луна, колодезь здоровья, дорогой источникъ силы (rammu), выздоровѣетъ ли Калевъ [1])? Обращаясь къ вечерней звѣздѣ, она называетъ ее прямо сыномъ неба, солнце она называетъ „женихомъ“ и „сыномъ неба“ [2]). Желая поднять мечь Калева, пейпусскій знахарь кланяется лунѣ (kuude), ожидая силы отъ ея свѣта [3]). Самъ Калевичъ, отправляясь на край свѣта, запѣлъ пѣсню, которая начинается словами: kehitelen kübaVada päästa pääwa päälikule, kumardeles kuude poole, tereteles tähtesida, keste kaugust kaswatawad, т. е. снимаю шляпу солнцу, снимаю шляпу, кланяясь лунѣ, привѣтствуя звѣзды, увеличивающія силу [4]). Древнія формы словъ свидѣтельствуютъ въ пользу глубокой древности этой пѣсни и содержащихся въ ней представленій. По болѣе грубому представленію солнце и луна суть личныя существа и въ качествѣ таковыхъ онѣ борются съ чудовищами, пожираются змѣями и т. д. [5]). Существованіе у эстовъ бога войны представляется еще спорнымъ. Ганандеръ [6]) извѣщаетъ, что у кореловъ богъ войны Turisas возвѣщаетъ барабаномъ изъ облаковъ предстоящую войну; по его же словамъ онъ почитается и у эстовъ. По Крейцвальду [7]) псковскіе эсты называютъ совершающійся у нихъ еще теперь осенью праздникъ Turris-sikko pühandus, т. е. освященіе козла Туриса. Въ жертвенной пѣснѣ на праздникѣ Туриса дѣйствительно есть черты, заставляющія, повидимому, признать его особымъ божествомъ войны. Здѣсь говорится, что козелъ приносится ему въ даръ за копье (tura), топоръ, дротикъ и мечь; далѣе, жертвующіе просятъ его благорасположенія и содѣйствія въ морскихъ и сухопутныхъ набѣгахъ. Но другая половина пѣсни уже относится, повидимому, къ Укко, на камень котораго жертвующіе полагаютъ внутренности козла и испрашиваютъ его благословенія отправляющемуся въ путь и возвращающемуся и благопріятныхъ вѣтровъ плывущимъ на суднахъ [8]). По свидѣтельству Генриха латышскаго, Ливы при осадѣ замка Дабреля

---

[1]) Kal. p. II, 233—37. [2]) Ibid. II, 271. [3]) Ibid. XI, 234—5.

[4]) Ibid. XVI, 314—326.

[5]) Aus dem inn. und. aus. Leben der Ehsten. Dr. Wiedemann. p. 458. St. Petersburg. [6]) Rosenplanter's. Beitr. t. XIV, p. 62—63.

[7]) Neus. l. c. 1 Abth. p. 62—63.

[8]) Ibidem.

(1212 г.) приносили своимъ богамъ въ жертву собакъ и козловъ, выбрасывая мясо изъ за-стѣнъ замка [1]). Обращаясь къ финнамъ, мы находимъ у нихъ божество Tuuri [2]), не играющее въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ положительно никакой роли. Если вмѣстѣ съ Коскиненомъ толковать слово „palvoinen“ (лапланд. balva—облако) въ смыслѣ „pilwinen“—облачный,—эпитетъ прилагаемый къ жилищу Туриса, то мы получимъ подтвержденіе вышеприведеннаго извѣстія Генандера о его жилищѣ. Соотвѣтствіе эстон. Туриса финскому Туури пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, когда мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что праздникъ въ честь Туриса встрѣчается только у псковскихъ эстовъ, въ языкѣ которыхъ больше сходства съ корельскимъ. Признать однако Туриса за самостоятельное божество войны у всѣхъ эстовъ препятствуетъ отсутствіе въ пользу его древнихъ извѣстій. Что у эзельцевъ въ войнѣ взывали къ Тарѣ, это обстоятельство говоритъ сильно противъ самостоятельности Туриса. Вдобавокъ, противъ его самостоятельности можно ссылаться и на то, что при жертвоприношеніи ему внутренности клались на камень Укко, и затѣмъ дѣлалось обращеніе къ самому Укко. Въ виду этого предположеніе Коскинена о тожественности Туриса, Туури съ Тарою пріобрѣтаетъ нѣкоторую вѣроятность. Въ такомъ случаѣ слова Turisas, Turisa, Turis, Turi могли бы быть разложены на tur—(копье) и isa (отецъ). Такое производство конечно не можетъ имѣть большаго значенія и вопросъ о его самостоятельности или несамостоятельности остается нерѣшеннымъ.

Къ числу поднебесныхъ боговъ можно отнести еще владыкъ вѣтра. Rougutaja—богъ вѣтра, какъ мы уже видѣли, помогалъ при родахъ. Tuule ema—мать вѣтра, подымала вѣтры. „Maru tem“,—мать бури, ломала лѣса, вздымала волны и разгоняла тучи [3]). По Крейцвальду вѣщіе колдуны, разъѣзжавшіе съ бурями и вѣтрами, назывались сыновьями матери вѣтровъ. Дочь матери вѣтровъ проявляла себя въ тихомъ дуновеніи вѣтра подобно человѣческому голосу [4]). Въ лицѣ ея повидимому могутъ издавать голосъ тѣни усопшихъ, какъ это дѣлала тѣнь

---

[1]) H. XVI, 4.
[2]) Kalew. XV, 427; XLVII, 185. 188. 219.
[3]) Kal. p. I, 30—35. [4]) Ibid. VII, 376—8.

матери Калевича, превращенной въ скалу [1]). При сильномъ вѣтрѣ говорятъ: tuule ema nutab — т. е. мать вѣтра плачетъ. Tuulispea, tuulispask, tuulewood, jänes—вихрь. Онъ представляетъ бѣса (tout) или двухъ бѣсовъ, обладателей двухъ озеръ, которые какъ скоро встрѣчаются, вступаютъ въ состязаніе. По другимъ вихрь, это душа одной старой женщины, которая рыскаетъ кругомъ, чтобы пріобрѣсти что-либо или повредить кому либо; трупъ ея лежитъ гдѣ либо какъ мертвый, но если его повернуть, то возвращающаяся душа не можетъ болѣе войти въ него, и ее слышатъ визжащею, пока тѣло снова не будетъ приведено въ прежнее положеніе [2]). Въ лѣсахъ обитали особые духи, какъ metsik, metsaema, metsa tout, metsa isa—лѣшій; они назывались metsa halijad, haldjad, halgjad — охранители лѣса или иногда metsa piigad—дѣвы лѣсныя. Лѣсной духъ [3]), также косой глазъ (kõwer silm), показываетъ себя иногда чудовищемъ, иногда просто какъ призывающій голосъ (эхо), который старается ввести странника въ лѣсу въ заблужденіе; чтобы не дать себя обмануть, нужно пѣть веселую пѣснь. Если въ лѣсу зовутъ, то онъ отвѣчаетъ и если идти на отвѣтный зовъ, то встрѣтишься съ человѣкомъ во образѣ крѣпкаго мужчины съ длинною бородой. Онъ тотчасъ предлагаетъ вступить въ единоборство и если кто согласится на это, то онъ гладкій какъ угорь, всегда останется на верху, а когда онъ обниметъ кого-либо, то у того затрещатъ всѣ кости и останутся только синія пятна. Однако при лунномъ свѣтѣ стоящій на тѣни противника остается всегда побѣдителемъ. При произнесеніи имени Бога онъ исчезаетъ. На островахъ [4]) около западнаго берега Эстляндіи Metsik въ настоящее время представляется уже злымъ духомъ, отъ котораго зависитъ преуспѣяніе стадъ и скота и который живетъ въ лѣсу. Его изображеніе возобновляется ежегодно. Сельскій староста назначаетъ день, когда всѣ жители деревни собираются вмѣстѣ, берутъ платье и набиваютъ его соломой. На этомъ чучелѣ старшина подымаетъ Metsik'а и въ сопровожденіи всего собранія отправляется на пастбище, гдѣ оно помѣщается на высокомъ деревѣ, кругомъ ко-

---

[1]) Ibid. VII, 423—4.
[2]) Viedemann l. c. p. 441. [3]) Viedemann l. c. p. 419.
[4]) Verh. d. gel. Ehst. Ges. B. 7. H. 2. 1873. p. 10.

тораго протанцуютъ нѣсколько разъ. Ему почти каждый день приносятъ жертву. Но такъ какъ онъ не всегда исполняетъ просьбы, то его считаютъ дурнымъ, отсюда выраженіе sina metsik (ты бездѣльникъ)! Его праздникъ празднуется обыкновенно весною. У финновъ, у которыхъ сохранилось вообще болѣе остатковъ языческихъ представленій, духи лѣсные играютъ большую роль въ жизни людей, согласуясь, впрочемъ, въ общихъ чертахъ съ представленіями эстовъ о нихъ. Въ близкой связи съ духами лѣсными—сильфидами—находится другой разрядъ духовъ, обитающихъ въ травѣ. Глава ихъ Muru eit—бабушка муравы. Muru eit и сильфиды снаряжали Салме и Линду на свадьбу, такъ что сама вдова не узнала ихъ и съ удивленіемъ спрашивала: „не луна ли это, или солнце, или юная дочь вечерней звѣзды“ [1])? Финскій колдунъ, пробудившись отъ громоваго удара, думалъ, что Muru eit похоронила Линду подъ муравой [2]). Muru eit имѣла дочерей, которыя въ ночное время собирались плясать на стебляхъ различныхъ травъ. Когда Калевичъ заснулъ, то онѣ соткали цѣлую вереницу сновидѣній въ его головѣ отчасти правдоподобныхъ, отчасти ложныхъ. Онѣ между прочимъ совѣтуютъ Калевичу, отправляющемуся въ царство мрака, не разрушать тамъ дверей, воротъ, стѣнъ. При приближеніи утра, когда стали пѣть птицы, куковать кукушки и стала издавать звуки дочь Halija изъ осиновой рощи, дочери бабушки Муравы кончили свое увеселеніе, ибо мать ихъ возвысила голосъ и стала звать домой ткать шелкъ и плести красныя веревки, ибо уже пропѣли пѣтухи Творца въ дверяхъ Укко, въ воротахъ дѣдушки [3]). По одной пѣсни въ сумерки духи выходятъ изъ тѣнистой рощи подобно вихрю, чтобы плясать въ мракѣ при туманѣ на росѣ и играть съ единственною дочерью Halija, пріемышъ матери муравы. Но она убоялась сыновей сумерекъ и стала взывать на помощь. Явились на помощь березовыя сильфиды въ сѣромъ одѣяніи и голыми—ивовыя сильфиды. Мальчики-духи убѣжали въ знакомую рощу въ свои тихія жилища. Единственная дочь Halija, прелестная дѣва лѣсная, обыкновенно поетъ вечеромъ предъ росой на макушкѣ дуба въ густыхъ листьяхъ; отсюда она од-

---

[1]) Kal. p. I. 341—5; 641—6. [2]) Ibid. V, 581—2.
[3]) Ibid. XVII, 771—851.

нажды услышала жалобную вопль сироты-пастушки и предсказала ей скорое счастіе [1]).

Бѣдствія и страданія старины настроили воображеніе эстонскаго пѣвца на самый лирическій тонъ; волны морскія, вѣяніе вѣтра, шелестъ листьевъ, кажутся ему таинственными голосами, оплакивающими давнопрошедшія времена. Въ лѣсу, бродя кругомъ могилъ, гдѣ похоронены предки эстовъ, умершихъ въ бѣдствіяхъ, рабствѣ, войнахъ, голодѣ, горѣ, чумѣ, рыдаетъ Mardus и жалуется на страданія и горе старины [2]).

Духи, завѣдывавшіе домохозяйствомъ въ домѣ, назывались hoone hoidjad, maja hoidjad, maja marjajad, maja peremehed— хранители, защитники, хозяева дома. Для пріобрѣтенія благорасположенія ихъ при праздникахъ имъ жертвуютъ отъ пищи и питья и выливаютъ на полъ изъ пивныхъ кружекъ пѣну. Самъ Калевичъ на пиршествѣ приказываетъ всплескивать пѣну на полъ; тогда, говоритъ онъ, будетъ цвѣсти счастіе, настанутъ лучшія времена. Всѣ пирующіе всплескивали пѣну съ кружекъ медовыхъ въ даръ домохранителямъ, могущественнымъ защитникамъ дома [3]). На островѣ Монѣ [4]) существуетъ обычай, по которому молодая жена обходитъ съ хлѣбомъ и кружкою пива весь домъ и выливаетъ на каждомъ порогѣ нѣсколько капель пива, въ даръ духамъ домохранителямъ, предъ нею идетъ ея мать, обыкновенно шпагою прогоняя злыхъ духовъ.

Царство божественныхъ обитателей воды въ представленіи эстовъ, судя по тѣмъ остаткамъ изъ временъ язычества, которые дошли до насъ, менѣе развито, чѣмъ у финновъ. Согласно общему представленію народовъ море и у эстовъ представляется источникомъ и вмѣстилищемъ всевозможныхъ сокровищъ. Отсюда и владѣтель моря Ahti зеленобородый, по своимъ сокровищамъ превосходитъ всѣхъ живущихъ; онъ рисуется въ полномъ смыслѣ мѣднымъ старикомъ со всѣмъ своимъ одѣяніемъ [5]); впрочемъ иногда онъ изображается золотымъ, серебрянымъ, соломеннымъ [6]) и т. д. Въ Kalevi poeg'ѣ этотъ мѣдный старецъ называетъ себя охранителемъ морскаго сокровища, состоящаго изъ меча Калевича, серебряннаго штыка Оле-

[1]) Kal. p. XII, 901—2. 909—922. [2]) Ibid. 128—140. 218—221.
[3]) Ibid. XIX, 783—7. 474—8.
[4]) Verh. d. gel. Ehst. Ges. B. 7. H. 2. p. 11.
[5]) Kal. p. IV, 632—43. [6]) Neus l. c. I. Abth. p. 116—119.

вича, мѣднаго самострѣла Сулевича и предлагаетъ дѣвицѣ, погибшей въ волнахъ моря, выйти за себя за мужъ, на что послѣдняя отвѣтила отказомъ, ибо, сказала она, „дочь земледѣльца можетъ найти себѣ жениховъ и на сушѣ [1]). У Ahti есть и сынъ, обитающій въ потаенныхъ глубинахъ [2]). Подчиненные Ahti—жители водъ—называются wee halijad, hallika-alused, jöe alused, näkid—хранители водъ, живущіе подъ источникомъ, водами, русалки. Самъ Ahti вѣроятно именуется также mere waim—духъ морской, а его жена mere-ema—мать морская. Ahti и mere-ema берутъ иногда людей въ жертву; ихъ умилостивляютъ возліяніемъ пива и водки, чтобы предотвратить несчастія на морѣ или вымолить у нихъ богатую рыбную добычу. Näkk—русалка въ водоворотѣ; купающіеся, приближаясь къ такимъ мѣстамъ, уносятся ею въ глубину. Näkkid бываютъ мужскаго и женскаго пола; онѣ являются въ человѣческомъ образѣ голыя или покрытыя шелковымъ платкомъ, умываясь на поверхности воды, также въ видѣ лошадей, коровъ и др., могутъ превращаться въ бездушныя вещи, напр. въ дугу, кольцо и другія. Онѣ усердно ловятъ людей. Когда вода при замерзаніи падаетъ, оставляя на каменьяхъ ледъ на подобіе крыши, то говорятъ, что Näkk подымаетъ голову и высматриваетъ изъ подъ льда [3]). Имѣя въ виду, что, по представленію финновъ, богъ моря былъ искуснымъ игрокомъ на арфѣ, нужно думать, что и упоминаемый въ Kalewi poeg'ѣ «игрокъ на шведской арфѣ, житель скалъ», вышедшій изъ моря и успокоившій своею игрою море и остановившій облака, былъ самъ Ahti. Это предположеніе подтверждается аналогіей его съ мѣднымъ старцемъ — царемъ морскимъ, состоящей въ томъ, что и онъ предлагаетъ дѣвицѣ свою руку, на что также получаетъ отказъ [4]).

Представленія эстовъ о загробномъ мірѣ развиты въ высокой степени сравнительно съ представленіями о немъ финновъ. Мы не знаемъ, чему приписать это явленіе, но замѣчательно, что представленія эстовъ о загробномъ мірѣ до нѣкоторой степени аналогичны представленіямъ, изложеннымъ въ скандинавскихъ эддахъ. Загробный міръ у эстовъ дѣлился на

---

[1]) Kal. p. IV, 660—83. [2]) Ibid. XVI. 70—72.
[3]) Wiedemann l. c. p. 431—32. [4]) Laul XIX, 828—66.

два царства; одно можно назвать небеснымъ, другое—земнымъ; представленія о первомъ нѣтъ у финновъ. Мы должны однако замѣтить, что представленія о загробномъ мірѣ у эстовъ не столь опредѣленны, чтобы не встрѣчалось противорѣчій и разногласій. Въ этомъ отношеніи мы находимъ у эстовъ не мало представленій часто первобытныхъ на ряду съ весьма развитыми представленіями. По первобытному представленію души умершихъ продолжаютъ пребывать на мѣстахъ ихъ погребенія, рѣдко удаляясь отъ нихъ на значительное разстояніе. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Kalewi poeg'ѣ. Тѣнь утопившейся обольщенной Калевичемъ дѣвицы живетъ въ волнахъ морскихъ и рисуетъ свое водяное жилище такъ, обращаясь къ родителямъ: „не плачь, матушка! не жалуйся батюшка! Въ морѣ у меня жилище, подъ водами—потаенная изба, въ туманѣ морскомъ—гнѣздышко; на холодѣ у меня постель, влажная водяная кровать, чудная колыбель въ волнахъ. Алевичи качаютъ меня, Калевичи колыхаютъ меня, Сулевичи убаюкиваютъ меня“! [1]). Тѣни усопшихъ смирно дремлютъ въ могилахъ, въ прахѣ земномъ, на лонѣ Укко; ихъ болѣе уже не согрѣваетъ солнце, не освѣщаетъ луна. Пѣвецъ жалуется на недолговѣчность жизни человѣческой, которая съ быстротою стрѣлы пролетаетъ къ могильнымъ холмамъ, на мѣсто успокоенія [2]). При наступленіи сумрака ночнаго тѣни робко выходятъ изъ могилъ поиграть и повеселиться въ полуночномъ туманѣ [3]). Предъ послѣднею войною Калевичъ, мучимый тоскою, отправляется на могилу отца, но не получилъ никакого отвѣта изъ могилы, только волны бурно катились и подымался вѣтерокъ. „Тѣни усопшихъ, колыхаясь, поднялись топтать вѣтерокъ» [4]). Послѣ несчастной войны съ желѣзными рыцарями трупы поблекшихъ мужей были погребены кругомъ озера подъ муравою, чтобы «дружественные духи, при разлитіи воды, при покатѣ волнъ, могли провести въ бесѣдѣ полночь“ [5]). Самая тѣнь усопшаго собственно говоря не можетъ названа тѣнію, ибо тѣнь убитаго Калевичемъ старшаго сына финскаго кузнеца, робко ступая чрезъ порогъ въ кузницу Ильмаринена, приподымаетъ шапку, хотя и не нагинаетъ головы; слѣды крови видны на его шеѣ,

[1]) Ibid. IV, 879—91. [2]) Ibid. w. 1—59.
[3]) Ibid. w. 269—77. [4]) Ibid. XIX, 1044—5. [5]) Ibid. XX, 374—84.

одеждѣ, ртѣ и щекахъ [1]). Тѣнь стало быть была настоящимъ двойникомъ усопшаго. Мы можемъ даже добраться, можетъ быть, до болѣе древнихъ представленій, по которымъ жилищемъ тѣни служили рощи, гдѣ погребались умершіе. Калевичъ прямо говоритъ о своей усопшей матушкѣ, что она «ушла въ лѣсъ», т. е. умерла, переселилась на тотъ свѣтъ [2]). Это толкованіе подтверждается и дальнѣйшимъ выраженіемъ. Узнавъ о состояніи усопшей матери чрезъ сновидѣніе, онъ употребляетъ выраженіе «seuna metsa», т. е. въ тотъ міръ [3]) Это выраженіе по нашему мнѣнію напоминаетъ о глубокой древности, когда мертвыхъ хоронили въ лѣсахъ, подобно тому, какъ это дѣлали въ Біарміи. Мы находимъ также слѣды обоготворенія душъ умершихъ. Не приводя косвенныхъ указаній на такое явленіе, мы укажемъ прямо на то мѣсто, гдѣ Линда, будучи похищена насильственно финскимъ знахаремъ, призываетъ на помощь „тѣнь супруги, добрыхъ боговъ, воздыхаетъ къ Укко—тѣни дѣдушки [4]). Намъ кажется, что и мѣсто погребенія покойниковъ можетъ дать нѣкоторое основаніе къ анимистическому взгляду на происхожденіе эстонской и финской религіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Dr. Weske [6]) нашелъ въ Вироніи пѣснь, въ которой отождествляется Hielà, Ielä и Tuonela съ мѣстомъ погребенія, могилою. Вопросъ, что собственно значитъ Hielä, еще не рѣшенъ окончательно. Dr. Becke [6]) утверждаетъ, что Hielä означаетъ жилище финскаго бога Hiisi, множ. Hiidet, кор. Hiide, который соединялъ въ себѣ все злое. Въ финской миѳологіи жилище его называется Hiitola. Въ Вироніи, по свидѣтельству Becke, одна сравнительно высокая гора называется Hie mägi, у финовъ встрѣчается Hien nurmet. Hien linnat. По Кастрену [7]) жилище Hiisi, представляется въ финской миѳологіи въ лѣсистыхъ мрачныхъ странахъ. Ученый Коскиненъ хочетъ видѣть въ Hiidet наравнѣ съ Jättilaset (Jatulit, Jotulit) древнихъ коренныхъ жителей Финляндіи, которые по прибытіи туда финновъ, были совершенно истреблены, оставивъ, какъ свидѣтель-

---

[1]) Ibid. XII, 565—74. [2]) Ibid. V. 698.
[3]) Ibid. V, 755. [4]) Ibid. III, 331—4.
[5]) Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 8. H. 4. p. 23—24.
[6]) Ibid. p. 26. [7]) Finn. Mythol. p. 108.

ство своего существованія, каменныя глыбы и развалины замковъ. Въ Kalewi poeg'ѣ мы встрѣчаемъ часто слова, имѣющія повидимому одинъ и тотъ же корень съ Hielä, именно hiepund въ дубовой рощѣ Тары [1]), Tara hie [2]), Tara ilus hiekene [3]), hie [4]), откуда взираетъ глазъ Тары. Здѣсь слово Hie употреблено въ смыслѣ рощи, и Hielä въ такомъ случаѣ означало бы мѣсто рощи, что не гармонируетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое усвояется ему въ эстонской пѣсни и въ Калевалѣ. Намъ, слѣдовательно, нужно искать кореннаго значенія этого слова. Извѣстно, что звуки s и h въ финскихъ нарѣчіяхъ часто замѣняютъ другъ друга; руководясь этимъ, Лёнротъ признаетъ корнемъ Hiitola лапланд. слово seida—духъ усопшаго, домовой. И если мы теперь придадимъ это значеніе корню слова Hiela, то оно какъ разъ получитъ тоже значеніе, которое придается ему въ эстонской пѣсни. Въ пользу такого толкованія мы имѣемъ и другія данныя. Въ Дерптскомъ уѣздѣ, Тальгофскомъ приходѣ, мы имѣемъ около шести пунктовъ, носящихъ названіе hiide kohad, Hiie mägi. Около мызы Саддокюль на поляхъ деревни Каатверъ расположены не далеко другъ отъ друга на возвышенномъ мѣстѣ поля двѣ каменныхъ развалины, которыя у эстовъ называются hiede paigad. Такъ звали эти мѣста ихъ предки и они ничего не знаютъ объ ихъ назначеніи. Подобныя же развалины находятся и на поляхъ деревни Jõnne, лежащей отъ деревни Саддокюль на разстояніи 6—7 верстъ, но здѣсь эта мѣстность называется Hiie mägi. Замѣчательно, что на разстояніи около двухъ-сотъ шаговъ отъ этихъ развалинъ на Каотверскихъ поляхъ по преданію лежало христіанское кладбище (kabeli aed), гдѣ находятъ еще теперь обломки крестовъ, а отсюда на разстояніи 3—4 верстъ по преданію на поляхъ деревни Мээнды также находилось кладбище, гдѣ еще теперь находятъ части крестовъ. Развалины на Каатверскихъ поляхъ, по разсказу жителей этой деревни, подвергались большой перемѣнѣ, ибо недавно камни оттуда были увозимы для другихъ построекъ, такъ что въ настоящее время отъ нихъ остался еще нижній слой каменьевъ, по которому приблизительно можно судить о формѣ постройки. Руина, сохранившаяся въ большой цѣльности, представляетъ почти

[1]) Kal. p. 8, 9—10. [2]) Ibid. 8, 72. [3]) Ibid. 8, 237. [4]) Ibid. 8, 251.

видъ параллелограмма, имѣющаго въ длину 25 шаговъ, въ ширину съ одного конца 20 шаговъ, съ другого 11 шаговъ. Камни по большей части расположены правильными рядами; около средины камни расположены въ два паралельные ряда на разстояніи трехъ шаговъ, образуя какъ бы проходъ. На одномъ концѣ той и другой руины находится круглое пространство, свободное отъ камней. Земля внизу по видимому не тронута. Жители разсказываютъ, что они находили тамъ остатки раздробленныхъ костей и вѣроятно зубъ медвѣдя. Возможно предположить, что въ древности на этихъ мѣстахъ росъ лѣсъ, въ которомъ хоронили умершихъ, и что въ серединѣ первобытнаго кладбища были выстроены каменные жертвенники. Вѣроятность этого предположенія подтверждается до нѣкоторой степени и тѣмъ обстоятельствомъ, что на ряду съ этой рощей находилось и христіанское кладбище. А вѣроятность послѣдняго предположенія подтверждается еще тѣмъ явленіемъ, что близъ деревни Педази, принадлежащей къ мызѣ Флеммингсгофъ, Дерптскаго же уѣзда, на ряду съ Kalmu org (кладбищенская котловина) находится Kabeli mägi (кладбищенская гора). Слово kalmu, kalm обыкновенно прилагается къ языческой могилѣ, а Kabeli и surnuaed-къ христіанскому кладбищу. Если мы теперь обратимся къ толкованію слова Hiisi, какъ злаго бога, обитающаго въ лѣсу, то оно не съ особенною трудностью можетъ быть примирено съ нашимъ толкованіемъ, если имѣть въ виду ту роль, которую играли и играютъ въ религіозныхъ представленіяхъ финскихъ народовъ духи усопшихъ, которые легко переходятъ въ разрядъ полубоговъ, а отсюда уже не далеко и до боговъ злыхъ или добрыхъ, все равно. Что же касается историческаго толкованія Коскинена слова Hiisi, то оно едва ли можетъ быть принято, ибо въ такомъ случаѣ на основаніи какихъ нибудь каменныхъ глыбъ, произвольно принимаемыхъ за укрѣпленія и при томъ извѣстнаго рода, нужно было бы признать существованіе такого народа и въ Эстоніи, о которомъ не знаютъ рѣшительно ничего ни исторія, ни народныя саги.

Изъ всего сказаннаго съ значительною вѣроятностью можно заключить, что финны и эсты хоронили своихъ покойниковъ въ рощахъ, которыя пользовались особеннымъ благоговѣніемъ, и что, можетъ быть, знаменитая мѣстность нынѣшняго Дом-

берга въ Дерптѣ нѣкогда служила и мѣстомъ погребенія, гдѣ обиталъ самъ Тара.

На ряду съ такими неразвитыми представленіями мы находимъ у эстовъ нѣчто въ родѣ скандинавской валгаллы (Vahlöll). Жилище дѣдушки высокаго отца—находится далеко отъ суетныхъ долинъ этого міра, за облаками на небѣ Сюда въ домы дѣдушки полетѣлъ духъ Калевича, освободившись изъ оковъ праха. Здѣсь въ домахъ дѣдушки создали новое тѣло въ покровъ для духа Калевича. Здѣсь въ сообществѣ съ Таровичами сидѣли мощные мужи, баловни побѣдъ, разсказывая при пылающемъ кострѣ про былыя времена. Среди нихъ возлежалъ Калевичъ, слушая пѣвцовъ и игроковъ, воспѣвавшихъ его земные подвиги [1]). По временамъ герои въ палатахъ дѣдушки проводили время въ состязаніяхъ и пиршествахъ точно также, какъ и герои въ валгаллѣ [2]). Въ противоположность земной жизни здѣсь процвѣтали дни счастія и радости [3]). Кто попадалъ въ палаты дѣдушки, эстонская миѳологія опредѣленно не говоритъ, какъ не говорятъ и эдды. Какъ изъ Kalewi poeg'a, такъ и изъ эддъ ясно видно, что туда попадаютъ герои, умершіе на поляхъ битвъ, но есть данныя, свидѣтельствующія, что туда попадали и обыкновенные люди не только мужчины, но и женщины. Въ Kalewi poeg'ѣ, есть одинъ примѣръ существованія въ палатахъ дѣдушки и женщины, это, именно — примѣръ супруги Калева — Линды. Она представляется тамъ живущей въ полной дѣвичьей красотѣ и юности и проводящей время на качели, какъ она дѣлала и въ земной жизни, когда росла въ дворѣ матери [4]). Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, у эстовъ касательно этого существовала неопредѣленность и спутанность представленій, доходящая до противорѣчій.

Болѣе опредѣленное представленіе находимъ мы у эстовъ о царствѣ мрака и смерти; но оно значительно отличается отъ финскаго представленія о немъ. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ основаніе приписать и древнимъ эстамъ то представленіе, которое сохранилось въ „Калевалѣ“. А если такъ, то мы должны признать отличительныя черты эстонскаго представленія позднѣйшаго происхожденія. Опору первой мысли мы находимъ въ

---

[1]) Ibid. ww. 165—87; XX, 942—50. [2]) Ibid. XX, 937—8.
[3]) Ibid. V, 746; XX, 939—40. [4]) Ibid. V, 708—46.

извѣстіяхъ эстонскаго филолога Dr. Becke. Путешествуя въ 1876 г. у псковскихъ эстовъ, онъ нашелъ у нихъ еще пѣсни, въ которыхъ упоминаются божества Tuoni, Manalaine, Ilma, о которыхъ нѣтъ и помину въ Kalewi poeg'ѣ, но которыя играютъ значительную роль въ Калевалѣ [1]). Онъ же нашелъ у жителей Вироніи пѣснь, которая по формѣ весьма близка къ финскому языку и въ которой упоминаются также имена, касающіяся царства мертвыхъ, именно Tuonela, Tuone poeg, Jela, Tuone tütär [2]). Царство смерти въ древности у эстовъ и финновъ называлось Manala (maanala—подземелье—жители его — Manalainen, tuonelainen. Tuonela или Manala означало подземное жилище всѣхъ усопшихъ. Границею долины Маналы служила рѣка Tuonen joki, воды которой катились бурнымъ. широкимъ водопадомъ, пылающими водоворотами, окружая со всѣхъ сторонъ царство смерти („Manolan saarta"). Именемъ этой ужасной (pühа) рѣки произносились самыя сильныя клятвы. Въ Туонелѣ, какъ и на землѣ, встрѣчались страны, лѣса, поля, луга, медвѣди, волки, щуки. Но все по своей природѣ было гадко, ужасно и погибельно. Ея темные лѣса были полны хищныхъ звѣрей, ея вода казалась черною, со всходовъ ея ячменя червь („Tuonen tuokka") получилъ зубы. Tuoni или Mana, Manalainen именуется немилосерднымъ, могущественнымъ, весьма старымъ. Самъ Tuoni обыкновенно не ходилъ умерщвлять людей, ибо вода, огонь желѣзо и болѣзни причиняли имъ смерть. Главнымъ занятіемъ Tuoni было господствовать надъ усопшими и охранять ихъ. Чтобы лишить ихъ возможности выбраться изъ Туонелы, дѣдушка Туони сплеталъ желѣзныя сѣти и мѣдные неводы, для которыхъ его жена, Tuonelan emäntä, „старуха съ выдвинутымъ подбородкомъ", ткала пряжу, и которыя его „окровавленный сынъ"—Tuonen poika—съ крючковатыми желѣзными пальцами („koukku sormi, rautakäppi") безпрестанно таскалъ вдоль и поперегъ рѣки. Чрезъ эту рѣку провожала души „короткая дочь Туони, низкая дѣва Маналы", по виду черная, по нраву злая и гадкая, какъ и другія дочери Туони (Tuonettaret), изъ числа которыхъ особенно выдается Lowiatar. Подъ народомъ Туонелы (Tuonelan wäki) нужно разумѣть усопшихъ, попавшихъ подъ власть Туони. Въ Туо-

[1]) Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 8. H. 3. p. 47. [2]) Ibid. H. 4. p. 23—24

нелѣ они проводятъ жизнь также, какъ и на землѣ. Такъ, у каждаго имѣются при себѣ земныя принадлежности: у юношей—мечи, у взрослыхъ—копья, у стариковъ—палки. Народъ Туонелы изображается бодрствующимъ, сильнымъ, злымъ.

Болѣе опредѣленное представленіе о царствѣ смерти мы находимъ въ Kalewi poeg'ѣ.

Какъ и въ скандинавскихъ эддахъ, у эстовъ это царство находится подъ владычествомъ существа, не олицетворяющаго собою злое начало и не представляющаго полной противоположности съ началомъ добрымъ; оно есть ничто иное какъ владыка надъ умершими, похожій на всѣхъ земныхъ владыкъ. Этотъ владыка надъ царствомъ смерти носитъ въ эстонской миѳологіи по большей части описательныя имена, напр. Sarwik, Paharät, Juudas, Kurat, Wana pois [1]). Что касается жилища злыхъ духовъ, подчиненныхъ владыкѣ царства смерти, то оно указывается то въ озерѣ [2]), то въ болотѣ [3]), которое размѣрилъ для нихъ Алевичъ, то въ рѣкѣ [4]), въ которой Алевичъ позволилъ имъ жить за громадную сумму шведскихъ рублей. Но когда духъ водъ Purask—сынъ Paharäta—не въ состояніи былъ заплатить той суммы, которую Алевичъ хитростію хотѣлъ выманить у него и долженъ былъ обратиться за помощью къ матери, то за нимъ послѣдовалъ и оруженосецъ Калевича. Путь подъ воду къ предѣламъ мрака былъ для него совершенно незнакомый. Послѣ продолжительной ходьбы они достигли злаго урочища, поляны царства тѣней, гдѣ не показывается заря и нѣтъ свѣта отъ сумерекъ, гдѣ днемъ не свѣтитъ солнце, а ночью луна не отражаетъ свѣта, куда не указываютъ пути звѣзды. Скоро сталъ мелькать свѣтъ отраженный отъ чановъ съ горящей смолой, поставленныхъ въ воротахъ. Когда оруженосецъ Калевича вошелъ въ комнату, его встрѣтили братья водянаго духа, приглашая сѣсть за столъ на скамью посреди золотыхъ кубковъ, промежь серебрянныхъ чашъ, свидѣтельствующихъ о богатствѣ ада и его хозяйствѣ. Роскошный столъ, приготовленный гостю, свидѣтельствуетъ о тщеславіи, свойственномъ обитателямъ ада. Однако оруженосецъ Калевича не могъ выпить меду, ибо изъ кубка поднимались огнен-

---

[1]) Kal. p. X, 95. 510; XVI, 720; V, 463; XVI, 571. [2]) Ibid. X, 58—65.
[3]) Ibid. X, 65—186. [4]) Ibid. X, 189—265.

ныя искры. Сыновья Paharät-a говорили особымъ языкомъ, котораго онъ не понималъ. Избавившись хитростью отъ опасности, грозившей здѣсь его жизни, онъ безъ оглядки помчался на бѣлый свѣтъ, куда болѣе не достигали ковы и искушенія бѣсовъ. При дверяхъ находился сторожъ привратникъ, который во избѣжаніе несчастія посовѣтовалъ ему повернуть на право. Дорогою ему встрѣтилась какъ бы сука съ двумя щенятами; это адская развратница (Litta), мать бѣсенятъ (juudalised), неслась изъ Торгеля [1]), куда она ходила париться. Наконецъ онъ счастливо достигъ рѣчнаго берега; за нимъ слѣдомъ несся самъ водяной духъ и, догнавъ его, предложилъ рѣшить спорное дѣло единоборствомъ, считая мудрость свойствомъ людей, а превосходство силы на своей сторонѣ. Но не смотря на свою силу, онъ былъ позорно побѣжденъ Калевичемъ. Описанное здѣсь жилище Paharäta со своимъ семействомъ, вѣроятно, нужно признать отдѣльнымъ отъ царства смерти въ собственномъ смыслѣ, гдѣ господствуетъ надъ усопшимъ Sarwik (рогатый) вмѣстѣ съ тѣмъ и властитель надъ всѣми злыми духами. Въ томъ видѣ, въ какомъ представляется жизнь въ этомъ царствѣ, мы не можемъ признать за нимъ глубокой древности. Намъ думается, что жизнь въ этомъ царствѣ представляетъ собой аналогію съ тою жизнію, которую вели въ Эстляндіи рыцари и подчиненные имъ крестьяне послѣ введенія тамъ христіанства; главную опору этого предположенія мы находимъ въ самой терминологіи, употребляемой при описаніи той и другой жизни. Калевичъ совершилъ два путешествія въ подземное царство, или собственно говоря, въ жилище властителя этого царства. Первое путешествіе описывается въ Kalewi poeg'ѣ слѣдующимъ образомъ. Отъ озера Ендлы Калевичъ повернулъ на лѣво и направился по глазомѣру чрезъ болото. Солнце зашло и уже наступили сумерки, какъ вдали изъ-за холма онъ замѣтилъ облака темнаго густаго дыма. Подойдя къ этому мѣсту, Калевичъ нашелъ около холма пещеру, гдѣ извивалось пламя, порождавшее дымъ. При входѣ въ самую пещеру на прочныхъ цѣпяхъ среди дыма висѣлъ котелъ, кругомъ котораго сидѣло трое закоптѣлыхъ мужчинъ, сыновей Рогатаго (Sarwik), поправлявшихъ

[1]) Торгель находится отъ г. Пернова на разстояніи 25 верстъ; здѣсь въ чрезвычайно крутомъ и высокомъ берегу рѣки находится довольно длинная и широкая пещера, которая именуется Tori pôrgu—адъ Торгельскій.

огонь и снимавшихъ съ похлебки пѣну. Въ котлѣ варилось полъ оленя, бока стараго кабана, легкіе и печень медвѣдя, жиръ отъ почекъ молодаго волка, часть спины (kamar) стараго медвѣдя и на днѣ котла — яйцо сѣвернаго орла. Это была вечерняя пища для Рогатаго, а адской собакѣ достаются остатки со дна котла, кошкѣ со дна чаши; помои же получаютъ повара и рабы; дѣвицы адскія столуются особо, для нихъ готовитъ лепешки сама адская старуха. Калевичъ, не дожидаясь здѣсь ужина, освѣдомляется у поваровъ о дорогѣ въ жилище Рогатаго (tagurpääri) повернутаго назадъ, гдѣ находится обратная тѣнь его матери [1]) и гдѣ живутъ адскія дѣвы съ обратными головами (pööras päcï). Узнавъ путь, онъ прямо входитъ въ пещеру, гдѣ находитъ ворота; наклонившись, онъ покато спускается внизъ и подвигается впередъ то наклонившись, то на четверенькахъ, ибо проходъ былъ для него слишкомъ тѣсенъ [2]). Издали стало показываться мерцаніе свѣта среди общаго мрака, а проходъ становился все шире и выше, такъ что онъ могъ уже продолжать путь во весь ростъ. Среди высокаго мѣста прохода висѣла на потолкѣ лампа, освѣщая попадающіе въ глаза предметы. Приблизившись къ жилищу Рогатаго, онъ нашелъ его окруженнымъ стѣною, въ которую была сдѣлана дверь. Около косяковъ находились два ведра, содержавшія въ себѣ разнаго рода жидкости; одну—молочнаго цвѣта, другую—смолянаго; первая ослабляла силу, вторая—увеличивала. За дверью въ избѣ слышенъ былъ шумъ прялокъ и чудное пѣніе пряхъ, тосковавшихъ по женихамъ. Хозяина не оказалось дома, а хозяйка пекла лепешки въ кухнѣ; младшая сестра пасла гусей, другая чистила золото и серебро, а третья пряла. Обмакнувъ руку въ смоляную жидкость, Калевичъ однимъ ударомъ кулака повалилъ дверь съ косяками. Переступивъ черезъ порогъ въ избу, онъ своимъ гигантскимъ ростомъ испугалъ дѣвицу, сидѣвшую за прялкою и убѣжавшую въ свѣтлицу. На задней стѣнѣ на вѣшалкѣ онъ сразу усмотрѣлъ мечь, а на другой вѣшалкѣ около меча—маленькій ивовый прутикъ, на третьей — изношенную лѣтнюю шляпу. Калевичъ взялъ мечь себѣ, хотя дѣвица совѣтовала оставить его Рогатому, а взять себѣ ивовый

---

[1]) По данному мѣсту тѣнь Линды оказывается въ жилищѣ Рогатаго.

[2]) Судя по пѣснямъ онъ долженъ быть вышиной около 15 саженей.

прутъ и шляпу, которые имѣли особую таинственную силу исполнять всѣ желанія. Шляпа эта была сдѣлана изъ обрѣзковъ ногтей. При помощи ея можно было вытянуться до какой угодно высоты, а равно и умалиться до желаемой степени, что и испытали на себѣ Калевичъ и адская дѣвушка. Чтобы старуха адская не могла помѣшать играмъ Калевича съ адскими дѣвами, она была заключена въ кухнѣ, гдѣ пекла лепешки. На другой день Калевичъ вмѣстѣ съ адскими дѣвами пошелъ осматривать жилище Рогатаго. Сперва они вошли въ каменную дверь, нѣсколько времени подвигались впередъ подъ каменнымъ сводомъ; имъ встрѣтилась желѣзная изба; углы стѣнъ были сдѣланы изъ стали, двери, окна, потолки, полы, печь въ углу, на печи каменка со сводомъ, подлѣ стѣны кровать, посреди избы столъ, кругомъ него стулья, скамьи подлѣ печки, перекладины (parsiwarred), сундуки въ каждомъ углу, полные сокровищъ — все это было сдѣлано изъ чистаго желѣза. Это была рабочая комната для работниковъ (sulased), убѣжище для батраковъ (orja poisid), жилье для находящихся на барщинѣ (teopoisid), гдѣ ихъ всячески мучатъ и пытаютъ. Такой же ходъ велъ въ другую избу, гдѣ всѣ принадлежности предшествующей комнаты были сдѣланы изъ чистой мѣди; въ ней работали и жили работницы, батрачки и дѣвицы, исправлявшія барщину (waimu tüdrukud), перенося тѣже страданія, что и предшествующіе. Входъ въ третью комнату былъ мѣдный, но всѣ перечисленныя выше принадлежности были серебрянныя. Она служила обыденнымъ жильемъ Рогатаго. „Здѣсь онъ отдыхаетъ каждый день, проводя легкую жизнь“. Четвертая золотая комната служила для торжественныхъ дней. Слѣдующая шелковая комната съ золотымъ входомъ служила мѣстомъ наряженія юныхъ дѣвъ въ шелкъ. Далѣе слѣдовала бархатная комната съ шелковымъ входомъ; она служила мѣстомъ наряженія юныхъ дѣвъ въ бархатъ въ особый праздникъ. Послѣдняя адская комната была сдѣлана изъ кружева и служила для наряженія юныхъ адскихъ дѣвъ въ кружево также въ отдѣльный праздникъ. Изъ этой комнаты они вышли на дворъ, гдѣ вмѣсто муравы и земли были деньги. Здѣсь было семь амбаровъ изъ камня, извѣстняка, куринаго яйца, гусинаго яйца, чернаго камня, орлинаго яйца и изъ яйца птицы Сіуру. Всѣ они были наполнены произведеніями земледѣлія и отчасти скотоводства.

Въ заднемъ дворѣ находились хлѣвы. Что касается происхожденія Рогатаго, то, по утвержденію старшей адской дѣвы, оно покрыто мракомъ неизвѣстности. Ей извѣстно только, что у Рогатаго обширныя волости, что въ его распоряженіи находится много дѣлъ, но, прибавляетъ она, глазъ смертнаго никогда не видѣлъ, и ухо его никогда не слышало про его странствованія. „Мы, говоритъ дѣва, видимъ его уходъ, знаемъ прибытіе, но путь его внизъ для насъ неизвѣстенъ. Говорятъ, что глубже внутренность земли пуста: въ этой пустотѣ находится семь міровъ, семь таинственныхъ острововъ. Говорятъ, что тамъ именно область тѣней, множество селеній двойниковъ (kueulised). Рогатый владычествуетъ надъ умершими племенами человѣческими, какъ это установлено мудростью Тары при началѣ міра. Мощною рукою управляетъ Рогатый волостями. Тѣни получаютъ позволеніе ежегодно во время душъ сходить домой посѣтить родственниковъ и знакомыхъ. Въ праздникъ Fõulu õhtud тѣни, освободившись изъ адскихъ мукъ, вылетаютъ изъ воротъ своего царства, несясь съ быстротою вѣтра къ забытымъ лугамъ, гдѣ онѣ во дни земной жизни ходили радуясь или горюя. Но по истеченіи положеннаго срока, по окончаніи блаженныхъ недѣль, гости—тѣни должны были возвращаться въ области царства тѣней, каждая въ свое семейство“. Другая адская дѣва знаетъ, что Tühi (пустой, негодный) есть зять Рогатаго, адская распутница—его тетка, бѣлая кобыла—его старая мать. Когда, по ея словамъ, Рогатый отправляется на верхній свѣтъ, то возвращается въ очень скоромъ времени, напротивъ въ подземномъ царствѣ онъ медлитъ дни и недѣли. По ея мнѣнію, кто переступаетъ порогъ ада, тотъ уже не спасется изъ пасти смерти, онъ отчуждается отъ свѣта луннаго и сіянія солнечнаго. Мы дѣвицы, говоритъ младшая сестра, по несчастію попали сюда уже въ дѣвствѣ въ настоящія рабыни Рогатому. Издалека съ полянъ широкаго свѣта насъ принесли въ эти печальныя селенія полныя продолжительныхъ мукъ подъ ударами желѣзной палки. Сила Рогатаго, по ея мнѣнію, неизмѣримо превышаетъ силу человѣческую; у него сотни мальцевъ, тысячи невѣдомыхъ слугъ, безчисленное множество помощниковъ и невидимыхъ совѣтниковъ; ему помогаютъ знахари, имѣющіе власть надъ различными предметами, какъ то: вѣтрами, солью, травами волшеб-

ными. Не будучи въ состояніи убѣдить Калевича прибѣгнуть къ помощи колдовства, дѣвицы перемѣнили мѣста двухъ стакановъ съ одинаковою жидкостью, похожею на пиво, наполненныхъ ровно до половины и повѣшенныхъ по обѣимъ сторонамъ кровати Рогатаго. Жидкость по правой сторонѣ увеличивала силу, по лѣвой — уменьшала. Вдругъ послышался шумъ какъ бы отъ ѣзды вереницы желѣзныхъ колесницъ по мѣдной дорогѣ, подобный шуму отъ внезапныхъ ударовъ дѣдушки Кóо, поколебавшихъ земную кору. Это самъ Рогатый возвращается домой. Ударомъ кулака отворилъ онъ дверь и, переступивъ порогъ, началъ осматривать незнакомца Калевича, которому уже нѣтъ будто спасенія изъ этой ловушки. Калевичъ предложилъ рѣшить дѣло единоборствомъ. Предъ началомъ борьбы Рогатый выпилъ всю жидкость изъ стакана, висѣвшаго по правой сторонѣ своей кровати, не подозрѣвая обмана, а Калевичъ засунулъ въ пазуху волшебную шляпу изъ обрѣзковъ ногтей. Потомъ они вышли на мураву на дворъ, причемъ Рогатый велѣлъ старшей дѣвушкѣ вынести двойные кандалы, въ которые будетъ закованъ побѣжденный. По отмѣркѣ мѣста они схватили другъ друга за бедра, стараясь повалить другъ друга. Еще никогда не было такой борьбы. Подобно морю въ сильную бурю и вихрю, грозящему снести крышу зданія колебалась кора земная и стѣны ада грозили низринуться. Долго продолжалось состязаніе, такъ что и самый мудрый не могъ бы предсказать исхода его. Послѣ маленькаго отдыха Калевичъ вынулъ изъ-за пазухи волшебную шляпу и выразилъ желаніе вытянуться въ высоту и ширину. Тогда, схвативъ Рогатаго, онъ поднялъ его на саженей десять, вбилъ его какъ колъ до бедеръ въ каменный грунтъ и готовился уже заковать его въ кандалы, какъ вдругъ тотъ изчезъ, погрузившись въ глубину земли, такъ что на томъ мѣстѣ осталась только лужа дымящейся синей воды. Забравъ съ собою мечь Рогатаго и около десяти мѣшковъ болѣе дорогихъ сокровищъ, которыя были повалены на спину, усадивъ на нихъ трехъ адскихъ дѣвицъ, которыя также забрали съ собою тюки бархата и шелка, а младшая догадалась взять съ собой и волшебный прутикъ, и надѣвъ на голову шляпу желаній, Калевичъ произнесъ: „двинь шляпа, приблизь шляпа! Двинь насъ къ отверстію пещеры, гдѣ я оставилъ ношу досокъ“. Тотчасъ

они стали у входа въ пещеру. Котла и поваровъ уже не было и только нѣсколько головней тлѣло на мѣстѣ. Калевичъ раздулъ огонь и бросилъ въ него шляпу желаній. По другому извѣстію выходъ изъ ада былъ не безъ приключеній. Не успѣлъ еще Калевичъ сдѣлать шаговъ сто какъ зять Рогатаго Tühi погнался за нимъ съ 70 подчиненными съ цѣлью отомстить ему за пораженіе тестя. Младшая дѣва, усмотрѣвъ преслѣдованіе враговъ, превратила при помощи волшебнаго прутика землю въ бурное море съ мостомъ впереди Калевича, такъ что предъ ступней образовался мостъ, а за нею появилась вода. Tühi со своими слугами былъ удивленъ этимъ и долженъ былъ повернуть тылъ [1]).

По другому извѣстію входъ въ адъ представляется при широкихъ голубыхъ водахъ, гдѣ на берегу ростутъ тростникъ и осока. На пути къ краю свѣта корабль Калевича попалъ въ водоворотъ, — пасть ада, въ двери подземнаго міра, въ ворота древняго раздора, куда попали многіе до него [2]). Второе путешествіе Калевича въ жилище Рогатаго описывается нѣсколько иными чертами.

Вдали въ лѣсу Калевичъ и его товарищи усмотрѣли дымъ, изъ котораго, по мѣрѣ ихъ приближенія, стали показываться искры и пламя, доходившее до верхушекъ елей и сосенъ. Подошедши къ этому мѣсту, они нашли пещеру, а въ пещерѣ волчье гнѣздо. При входѣ въ пещеру сидѣла старуха въ качествѣ охранительницы пещеры и варила для сыновей щи. Калевичъ и его спутники взялись по очереди наблюдать, пока щи сварятся и предложили старухѣ идти спать. Вдругъ предсталъ Рогатый во образѣ мальчика вышиной въ три пядени, имѣя на шеѣ золотой колокольчикъ, за ушами рога, и козлиную бороду. Этотъ мальчикъ, получивъ позволеніе попробовать щей, выпиваетъ сразу всѣ щи, раздувшись до облаковъ и потомъ внезапно исчезаетъ, оставляя за собой только синій дымъ. Такую штуку онъ продѣлалъ съ Алевичемъ, Олевичемъ и Сулевичемъ. Въ очередь Калевича онъ снова явился. Калевичъ позволилъ попробовать щей только съ условіемъ оставить на время въ закладѣ золотой колокольчикъ. Получивъ колокольчикъ, Калевичъ ударилъ мальчика щелчкомъ въ лобъ, такъ

---

[1]) Ibid. XIII, 330—XV—260. [2]) Ibid. XVI, 542—659.

что тотъ съ шумомъ провалился въ землю. На шумъ проснулась старуха и изчезла туда же. Самый путь въ жилище Рогатаго представляется слѣдующимъ образомъ. Облака мрака покрываютъ густымъ туманомъ поля свѣта, когда ты вступишь въ подземный міръ, въ предѣлы ада; здѣсь днемъ не свѣтитъ солнце, луна ночью не даетъ свѣта, звѣзда не восходитъ съ привѣтомъ, огненные духи (сѣверное сіяніе) не разгоняютъ мрака. Здѣсь равномѣрно продолжается обманчивый свѣточъ. Проснувшись утромъ, Калевичъ увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера подымались къ небу облака синяго дыма, широкія волны, разлившіяся по полянѣ, а на берегу тростникъ и осоку. Какъ только онъ топнулъ правой ногой, ему раскрылись двери пропасти, потаенныя ворота. Онъ сталъ всматриваться въ пещеру, нѣтъ ли гдѣ тропинки, но густыя облака дыма заслоняли отъ взоровъ мрачный входъ пещеры. Горячій паръ подымался снизу, дымъ и чадъ проникали ему въ глаза, когда онъ шелъ сгорбившись по вражескому пути. Позвонивъ въ колокольчикъ, по совѣту ворона, сидѣвшаго на вершинѣ ели, Калевичъ вмигъ разогналъ дымъ Рогатаго. Нѣсколько времени путь былъ освѣщенъ свѣтомъ изъ входа въ пещеру, но скоро насталъ непроглядный мракъ, такъ что Калевичъ долженъ былъ подвигаться впередъ ощупью. Послѣ звона колокольчика по совѣту мыши мракъ внезапно изчезъ и явился новый свѣтъ, не солнечный и не лунный. Дальнѣйшее движеніе впередъ преградили многочисленныя сѣти изъ тончайшихъ волоконъ кружева (poordi keeruft) и серебра. Съ ними Калевичъ не могъ справиться; онѣ изчезли только тогда, когда по совѣту лягушки онъ позвонилъ въ колокольчикъ. Затѣмъ ему встрѣтилась рѣка шириною нѣсколько болѣе человѣческаго шага; но когда онъ захотѣлъ переступить ее, его нога завязла въ илѣ и могла только высвободиться при помощи того же колокольчика, въ который посовѣтовалъ позвонить ракъ. Рѣка изчезла, но на ея мѣстѣ явились несмѣтныя стаи мошекъ, которыя онъ побѣждаетъ только звономъ колокольчика, даннымъ по совѣту комара. Отдохнувъ немного и подкрѣпивъ себя пищею, онъ продолжалъ путь, но слуги Рогатаго усмотрѣли его приходъ и дали знать объ этомъ самому Рогатому, который выслалъ лучшихъ своихъ воиновъ, чтобы преградить ему путь. Уже до ушей Калевича стали доходить пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ.

Но еще до встрѣчи съ адскимъ войскомъ встрѣтилась широкая рѣка, гдѣ вмѣсто водяныхъ волнъ катились волны жидкой смолы; а съ горящихъ волнъ подымался огненный паръ съ синимъ дымомъ. Чрезъ рѣку былъ проведенъ стальной мостъ съ желѣзнымъ поломъ. Около него были разставлены толпы адскихъ слугъ: одна — на срединѣ моста, другая — за нимъ, третья—на берегу, четвертая—нѣсколько далѣе; по порядку онѣ были вооружены самострѣлами, пращами, копьями, булавами, топорами. Истребивъ эти толпы, онъ встрѣтилъ отборныхъ стрѣлковъ и копьеносцевъ Рогатаго. Но и эти не устояли и разсѣявшись обратили тылъ. Рогатый старается собрать ихъ, устроиваетъ баррикады изъ глыбъ скалъ и высылаетъ самыхъ отборныхъ бойцовъ. Но ничто не устояло. Очистивъ мостъ отъ труповъ, низринувъ ударомъ кулака адскія ворота и растолкнувъ ногой баррикады, Калевичъ подвигался впередъ по дорогѣ, огороженной съ двухъ сторонъ заборомъ (tänaw), въ самый дворъ къ дверямъ. Низринувъ дверь съ косяками, онъ переступаетъ чрезъ порогъ въ избу. Здѣсь за прялкою сидѣла блѣдная тѣнь женщины, которая пряла ткань изъ золотаго льна и серебрянной шерсти; она была похожа на Линду во дни ея вдовства; при пряденіи она обмакивала пальцы въ чашку съ жидкостью жизни, висѣвшую у правой ножки прялки; при лѣвой ножкѣ висѣла чашка съ жидкостью истощенія. Тѣнь благосклоннымъ взоромъ указываетъ сыну—Калевичу на жидкость у правой ножки, которую онъ и выпилъ. Затѣмъ, схвативъ обломки скалъ, Калевичъ бросаетъ ихъ о стѣну потаенной комнаты съ такою силою, что внутренность земли всколебалась и море вспѣнилось. Искра поднялась съ глубины въ глаза Калевичу; низринулись стѣны. Въ этой комнатѣ за ткацкимъ станкомъ сидѣла матушка Рогатаго дѣдушки и ткала адскую ткань. Когда ей не удалось выманить у Калевича золотой колокольчикъ, она предложила ему попробовать лучшаго адскаго меду въ лѣвой сторонѣ ткацкаго станка. Калевичъ, зная свойство этой жидкости, отклонилъ предложеніе. Въ задней стѣнѣ онъ усмотрѣлъ потаенныя дверцы, которыя сами собой растворились, какъ только онъ приложилъ пальцы къ защелкѣ (link) и изъ-за нихъ съ быстротою вѣтра выскочили храбрѣйшіе воины дѣдушки. Какъ медвѣдь на охотѣ защищается противъ стаи собакъ, такъ защищался Калевичъ

и наконецъ уложилъ всѣхъ. Послѣ ругательствъ съ обѣихъ сторонъ, Рогатый вынужденъ былъ выйти изъ-за печи свѣтлицы, поблѣднѣвшій и окончательно растерявшись отъ страха. Въ попыхахъ онъ выпилъ жидкость истощенія, что еще болѣе сводитъ его съ ума; между тѣмъ Калевичъ съ одного духу выпилъ жидкость силъ, воспламенившую у него волны жизни. На дворѣ хозяина ада избрали они мѣсто борьбы. По старому обычаю они взяли другъ у друга за опушку брюкъ. Борьба продолжалась нерѣшительно семь сутокъ. По временамъ они подымали другъ друга на воздухъ и ударяли о земь, отъ чего всколебались скалы и поля и вспѣнялись воды. Бодрствующій глазъ тѣни матушки замѣтилъ ослабленіе сына; въ примѣръ для сына она взяла въ руки кужель, повертѣла ею кругомъ головы разъ десять и потомъ бросила на землю. Калевичъ поступилъ также съ Рогатымъ и, поваливъ его, наступилъ колѣнами на грудь, а руками захватилъ за горло, стараясь задушить его. Связавъ его поясомъ, онъ потащилъ въ чуланъ, гдѣ онъ былъ закованъ въ оковы за руки, ноги, шею и бедра; концы оковъ были прикрѣплены къ скалѣ и къ дверямъ была придвинута скала съ баню, къ которой были прикрѣплены шейныя оковы. Изъ сокровищницъ Рогатаго Калевичъ наполнилъ четыре мѣшка, а пятый мѣшокъ наполнить запретила мышь изъ норы. Наваливъ мѣшки на плеча, онъ, сопровождаемый проклятіями адской старухи изъ за печи, началъ обратный путь. Счастливо выбравшись изъ подъземнаго жилища, онъ разлегся на полянѣ отдохнуть. Путешествіе его въ адъ продолжалось около трехъ недѣль, хотя, самъ Калевичъ не могъ опредѣлить этого времени, ибо въ адѣ нѣтъ въ ольховникѣ какой либо птицы, нѣтъ кукушки, ни тумана, ни росы, по которымъ можно было бы опредѣлить предѣлы дня и ночи. На ужинъ Алевичъ убилъ вола, не бывшаго подъ ярмомъ. Плотно поужинавъ, Калевичъ проспалъ сряду два дня слишкомъ, а на третій день они вдвоемъ отправились въ путь; одинъ мѣшокъ повалилъ на свои плеча Алевичъ. Такъ кончилось второе путешествіе Калевича въ жилище Рогатаго.

Для характеристики міровоззрѣнія эстовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на путешествіе Калевича на край свѣта. Нѣтъ возможности достовѣрно сказать, что въ основаніи разсказа объ этомъ путешествіи лежали дѣйствительныя явленія мореплава-

нія древнихъ эстовъ на отдаленнѣйшій сѣверъ или западъ; во всякомъ случаѣ этотъ разсказъ содержитъ въ себѣ слѣды значительныхъ географическихъ и космическихъ познаній эстовъ. Цѣлію путешествія Калевича на отдаленнѣйшій сѣверъ было— ощупать собственными руками мѣсто, гдѣ высокій покровъ небесный сходится съ землею. Корабль и одѣяніе пассажировъ были сдѣланы изъ металла, чтобы огненные духи въ предѣлахъ Оріона не могли преградить имъ пути. Проѣздомъ мимо Финляндіи корабль ихъ Lennuk (летунъ) подвергался опасности отъ семидневныхъ бурь, поднятыхъ финскими колдунами. Скоро вдали показалась суша, которая однако не была ни Финляндія, ни знакомый Турьякій берегъ. Отъ ворона мудрецъ-языковѣдъ узналъ, что это „неплодородный лапландскій берегъ, страна убогихъ". Здѣсь они встрѣтили уединенную усадьбу. Мудрецъ лапландскій на вопросъ Калевича о пути на конецъ міра отвѣтилъ, что изъ Лапландіи ни откуда нѣтъ пути на конецъ міра, что нѣтъ у моря предѣла, у волнъ конца, и что прежніе искатели мѣста, гдѣ дѣдушка прикрѣпилъ небесный сводъ, всѣ погибли на островѣ Искръ. Изъ Лапландіи Калевичъ и его спутники ѣхали подъ рукоьодствомъ лапландскаго мудреца, Варрака; при дальнѣйшемъ движеніи впередъ корабль ихъ попалъ въ водоворотъ, изъ котораго вытащилъ его китъ, проглотивъ боченокъ обернутый краснымъ сукномъ и прикрѣпленный къ кораблю. На поворотѣ къ предѣламъ сѣвера поднимались огненные столбы и облака дыма изъ острова Искръ; здѣсь одна гора извергала огонь, другая—дымъ, третья— горячую воду; всѣ онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выбрасывали жидкіе камни въ близлежащую долину. Сулевичъ направился къ дыму и огню, желая ближе полюбоваться удивительнымъ явленіемъ адскаго очага (põrgu lee). Осколки кремней летѣли изъ дыма; у него обгорѣли волоса на головѣ и брови. Отъ спустившейся на корабль бѣлой птицы лапландскій языковѣдъ узналъ, что за ледяными горами и снѣжными полями находится прелестная теплая страна, гдѣ въ почвѣ можно сжарить яйца и въ пескѣ говядину; въ этой то странѣ заблудился оружоносецъ Калевича, обольщенный русалкою, и живетъ въ вѣчной радости и болѣе уже не возвратится. Затѣмъ они подъѣхали къ странѣ Hiigla, гдѣ капуста по высотѣ ровнялась ели. Осматривая страну и не находя въ ней ни одного живаго суще-

ства, языковѣдъ съ товарищами легъ спать подъ кочнами капусты. На другой день юная дочь великана нашла ихъ здѣсь и понесла въ передникѣ домой. Отецъ дочери Хійгласкій мудрецъ предложилъ чужестранцамъ три загадки, которыя языковѣдъ отгадалъ, поэтому онъ приказалъ дочери понести этихъ мудрыхъ людей на прежнее мѣсто, ибо „это сыновья женщинъ сверху земли (pealtma), ищущіе мудрости". Калевичъ далъ приказаніе плыть отсюда къ сѣверу, хотя морозъ былъ ужасенъ и ледъ заграждалъ слѣды. Lennuk весело летѣлъ сквозь высокія ледяныя горы. Вотъ уже видна борьба огненныхъ духовъ [1]) на серебрянныхъ копьяхъ; они потрясаютъ золотыми щитами и накаливаютъ уже корабль до красна. Большинство спутниковъ Калевича при видѣ этого страшнаго явленія потеряло мужество, но самъ онъ неустрашимо стремится впередъ. При дальнѣйшемъ движеніи луна не хотѣла сопровождать ихъ, а солнце давно скрылось изъ виду; только помилости Укко установленная борьба огненныхъ духовъ освѣщала путь. Наконецъ имъ встрѣтилась страна съ людьми съ заднимъ собачьимъ туловищемъ, по поведенію походившими на бѣсовъ (tondaline). Такъ какъ эти люди не хотѣли допустить Калевича съ спутниками въ свою страну, то Калевичъ, нашедши здѣсь боеваго коня, сѣлъ на него и началъ поражать этихъ чудовищъ. Въ отмщеніе за потерю коня онъ страшно опустошаетъ эту страну, желая превратить ее въ болото, и прекращаетъ эту губительную работу по просьбѣ тамошняго мудреца. Не достигши желанной цѣли, Калевичъ повернулъ къ родной странѣ и вынесъ изъ своего плаванія то убѣжденіе, что „нѣтъ у великаго міра конца, по мудрости Тары не установлена нигдѣ границѣ, ни подложены подпоры" [2]).

Въ языческихъ воззрѣніяхъ эстовъ, а равно и финновъ, играли особую роль люди, обладавшіе таинственными силами природы, такъ называемые „targad" (мудрецы). Классъ этихъ людей подраздѣлялся на нѣсколько частныхъ разрядовъ по степени ихъ могущества. На низшей ступени стоятъ: sõna targad или lausujad, pobisejad, обладающіе силою словъ; soola targad или puhujad, проявляющіе свою силу посредствомъ

[1]) Wiirmaline по финск. значитъ огненный. Борьбой этихъ огненныхъ духовъ нынѣшніе эсты объясняютъ сѣверное сіяніе.

[2]) Ibid. XVI, 1—1088.

соли. Они посредствомъ своихъ магическихъ изрѣченій отвращаютъ и насылаютъ болѣзни. За этими слѣдуютъ kiwi-targad, умѣющіе читать сокровенныя вещи съ камней, ибо по вѣрованію эстовъ каждый камень, особенно извѣстковый снабженъ чудесными письменами, но только немногіе могутъ читать ихъ. На нихъ записана судьба всякаго человѣка. Со времени введенія христіанства это воззрѣніе подкрѣплялось слѣдующимъ разсказомъ: когда Моисей разбилъ на Синаѣ скрижали завѣта, вѣтеръ разсѣялъ пыль по всей землѣ, изъ каждой пылинки выросъ камень, и на каждомъ обозначенъ законъ и будущность людей [1]). Къ этому же разряду нужно отнести tuule targad—властители надъ вѣтрами. Къ третьему высшему разряду относятся „mana targad“, обладающіе таинственными силами земли, превосходящими силы всѣхъ наземныхъ предметовъ. Отсюда эти „мудрецы“ имѣли всякую власть, они могли вязать и разрѣшать каждаго волшебника. Изъ Kalewi poeg'a намъ извѣстны нѣкоторые примѣры, въ которыхъ проявлялось могущество этихъ людей. Финскій знахарь вѣтровъ, похищая Линду, разслабляетъ ея силу при помощи магическихъ словъ [2]). Онъ же бросаетъ горьстью пухъ изъ пазухи, который при помощи волшебныхъ словъ вмигъ превращается въ воиновъ пѣшихъ и конныхъ [3]) и силою словъ превращаетъ сушу въ озеро [4]). Въ Kalewi poeg'ѣ есть одна магическая формула [5]), посредствомъ которой одна вѣдьма заговаривала ужалѣніе змѣи; какъ и почти во всѣхъ подобныхъ формулахъ здѣсь главную силу играютъ слова, въ которыхъ разсказывается самое происхожденіе змѣи [6]). Извѣстна также оттуда же формула, останавливающая кровотеченіе; посредствомъ нея знахарь хотѣлъ остановить кровотеченіе раненнаго въ битвѣ Сулевича, но когда она не подѣйствовала, то онъ прибѣгъ къ помощи разнаго рода травъ [7]). Особенною извѣстностью пользовался знахарь, жившій въ Аллентакенѣ, въ провинціи на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера; къ нему ходилъ народъ

---

[1]) Wiedemann l. c. p. 388. [2]) Kal. p. III, 296—9.

[3]) Ibid. V, 405—463. [4]) Ibid. XV, 857—861. [5]) Ibid. XIII, 209—303.

[6]) Мысль, по которой она произошла «отъ дуновенія Господа, отъ души дѣдушки», какъ кажется, принадлежитъ позднѣйшему послѣ христіанскому времени. Ср. Kreutzwald u Neus l. c. p. 68 и 71.

[7]) Ibid. XX, 313—345.

толпою, ища помощи во всякихъ бѣдахъ [1]); жилище его представляется построеннымъ изъ различнаго рода деревьевъ при помощи колдовства, что нѣсколько согласно со свидѣтельствами путешественниковъ о богатствѣ жилищъ сѣверныхъ знахарей, состоящемъ изъ таинственныхъ изображеній и предметовъ культа. Вѣроятно этотъ самый знахарь, именуемый Пейпускимъ, описывается въ другомъ мѣстѣ такъ [2]). Онъ какъ лѣшій былъ покрытъ волосами подобно борову или медвѣдю, поднявшемуся на заднія лапы. Свинячіе прищурившіеся глаза окаймлены желтымъ гноемъ; изъ широкихъ угловъ хари пѣнилась пѣна, точно у кабана съ клыковъ. Въ немъ соединялись искусства всѣхъ родовъ чародѣйства: онъ былъ частію soola-sortsilane, частію tuule-tark, въ нѣкоторомъ отношеніи и mana-tark. Онъ умѣлъ ударять agru, настраивать сито, при помощи ключа вызвать образъ вора въ рюмкѣ водки, умѣлъ преградить путь бѣсу, словомъ, зналъ средства противъ всякаго рода болѣзней. Кромѣ того онъ умѣлъ указать путь стараго Tühi изъ подъ мха, оживлять таскателей сокровищъ на перекресткахъ и вынимать клады во мракѣ ночи [3]). Отличительное свойство знахарей эстонскихъ представляетъ увѣренность въ своихъ силахъ и употребляемыхъ средствахъ. Мы имѣемъ достаточное количество магическихъ формулъ [4]), въ которыхъ весьма рѣдко призывается помощь боговъ въ языческое время, а въ христіанское помощь дьявола, злыхъ духовъ, Дѣвы Маріи, Христа, святыхъ. Волшебному слову приписывается такая сила, что напр. tark, который знаетъ изрѣченіе, останавливающее кровь, боится закалать свою скотину, потому что, еслибы въ это время слова эти случайно припомнились ему, то кровь перестала бы течь [5]). Когда являются къ знахарю, то онъ поетъ: mina lausun ehk ei lausu, raha wótan, mite ei jätta т. е. я заговорю или не заговорю, деньги возьму, не оставлю. Вмѣсто „Jumalappi“ т. е. Богъ въ помощь, вѣдьмы говорятъ въ привѣтъ: „teie töö ja minu joud“, т. е. ваша работа и моя сила [6]).

Выше мы уже слышали, что пейпускій знахарь умѣлъ „ударять agru“ (agru lööma). Намъ думается, что это былъ

[1]) Ibid. XV, 701—712. [2]) Ibid. XI, 74—140.
[3]) Ibid. XI, 90—140. [4]) См. Kreutzwald и Neus l. c. p. 75—123.
[5]) Wiedemann l. c. p. 397. [6]) Ibid. p. 388.

самый древній способъ гаданія, практиковавшійся, можетъ быть, кромѣ лапландцевъ и эстовъ и у финновъ. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, нужно прежде сказать, что собственно называется агри. Въ Kalewi poeg'ѣ [1]) въ другомъ мѣстѣ тотъ же пейпускій колдунъ заставляетъ между прочимъ агри асгитаіе, чтобы усыпить Калевича въ глубокій сонъ [2]). Замѣчательно, что слово агроја (агвоја) — ворожея жребіями—давно было извѣстно русскимъ, именовавшимъ по нему финскихъ знахарей арбуями. По Европеусу слово это сохранилось до сихъ поръ у ингермандландскихъ финновъ. Если мы обратимся къ извѣстіямъ объ агри у лапландцевъ, то найдемъ полное разъясненіе его. Въ религіи лапландцевъ волшебный барабанъ (kannus, wobdas), на которомъ былъ изображенъ весь міръ со всѣмъ его содержаніемъ, имѣлъ великій смыслъ, ибо онъ обхватывалъ всѣ ихъ религіозныя воззрѣнія. На этомъ-то барабанѣ и находился агра. Это былъ пучекъ колецъ изъ мѣди, желѣза, латуни и серебра, висѣвшій на струнахъ, ниткахъ и волосахъ и подпрыгивавшихъ на изображеніяхъ барабанной кожи, когда объ нее ударяли. Въ барабанъ ударяли молотомъ изъ рога оленя, переднее развѣтвленіе котораго представляетъ подобіе вилки, остальная часть служитъ вмѣсто рукоятки. Ударомъ о барабанъ имѣютъ въ виду произвести не звуки, но передвиженіе колецъ на изображеніяхъ. По этому передвиженію узнается отдаленное и будущее, а равно чрезъ него исцѣляются различныя болѣзни [3]). Мы не знаемъ, употреблялся ли у эстовъ въ древности этотъ волшебный барабанъ, но несомнѣнно, что у нихъ сохранилось, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе о части его и пользованіи его посредствомъ ударенія.

Въ новѣйшее время способъ этотъ принялъ у эстовъ другой видъ; о немъ говорятъ уже агри katsuma или kaaluma. Ученый Видеманъ [4]) описываетъ его такъ. Ключь, въ бородкѣ котораго есть крестъ, вкладывается въ молитвенникъ, крючки

[1]) L. XII, 440—441.

[2]) Вѣроятно на основаніи глагола aeruma—грести, нѣкоторые называютъ агри волшебнымъ корабликомъ, точно не указывая, изъ чего состоялъ этотъ корабликъ, и какъ имъ пользовались. См. Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 4, H. 4, p. 275.

[3]) Orient. Kirchen—staat. Gotha 1699 p. 115—117 и Mone l. c. p. 32.

[4]) L. c. p. 392.

котораго зацѣпляются; къ рукояткѣ ключа приклѣпляется нитка и молитвенникъ приводится въ вращательное движеніе: куда будетъ обращена бородка ключа, въ той сторонѣ находится злодѣй. Иногда просто держатъ ключь висящій на ниткѣ надъ молитвенникомъ и вращаютъ только его. Иногда прикрѣпляютъ пряжку шипомъ къ ниткѣ и въ то время, какъ она такимъ образомъ виситъ на одномъ пальцѣ, произносятъ: arwa, arwa, arbukene! kai, kai prezikene! kai kümne tuule poole, kāi jogede poole, jarwe poole j. n. e., т. е. думай, думай, маленькій жребій! ходи, ходи, маленькая пряжка! ходи къ десяти вѣтрамъ, ходи къ рѣкамъ, озеру и т. д.; при этомъ задумываютъ различныя слова, выражающія направленіе и при какомъ пряжка вращается, это и указываетъ направленіе, куда унесено украденное или откуда причиненъ вредъ. Иногда держатъ кольцо втиснутаго въ молитвенникъ ключа совершенно свободно на кончикахъ двухъ послѣднихъ пальцевъ; если теперь при одномъ изъ различныхъ лицъ, которыя называетъ или задумаетъ знахарь, книга вращается или падаетъ вмѣстѣ съ ключемъ, то это и есть виновный. Наконецъ иногда знахарь держитъ на ниткѣ серебряное кольцо и обокраденный называетъ различныя лица, которыя могли, по его мнѣнію, совершить кражу, и при чьемъ имени кольцо вращается, тотъ и есть воръ. Были еще и другіе способы гаданія. Такъ Линда, желая узнать судьбу заболѣвшаго Калева „приводитъ грудную пряжку (jolg) въ движеніе“ [1]). По Крейцвальду [2]) онъ состоялъ въ томъ, что пряжка прицѣплялась къ ниткѣ и приводилась въ круговращательное движеніе. Во время замедляющагося движенія ставили вопросъ, на который требовался отвѣтъ, и если по задаваніи вопроса вращеніе остановилось, то отвѣтъ считался отрицательнымъ, въ противномъ случаѣ—утвердительнымъ. Божья коровка (lepa triinu) также служила средствомъ гаданія. Ее брали на руку, при чемъ побуждали ее полетѣть и своимъ полетомъ указать направленіе, котораго касался вопросъ. При вопросахъ, касавшихся здоровья или нездоровья, счастія или несчастія и т. п. полетъ на сѣверъ давалъ отвѣтъ въ неблагопріятномъ смыслѣ, на югъ—въ благопріятномъ [3]). Жители Гарріи, эзельцы и угау-

[1]) K. p. II, 218. [2]) Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 4. H. I, p. 165.
[3]) Kal. p. II, 219. 228.

нійцы въ 13 вѣкѣ узнавали волю боговъ посредствомъ жребія [1]). Ливы для узнаванія воли боговъ втыкали копье въ землю и водили чрезъ него коня; если конь переступалъ правою ногою, то это означало признакъ жизни, если лѣвою— признакъ смерти [2]). Куроны гадали по щепкамъ и пѣнію птицъ [3]). Болѣе трудностей для рѣшенія представляетъ вопросъ о существованіи у языческихъ эстовъ класса жрецовъ. Древнихъ извѣстій касательно этого предмета мы не имѣемъ, и всѣ мнѣнія о немъ, основывающіяся на извѣстіяхъ Генриха Латышскаго, суть шаткія гипотезы. Извѣстно, что функціи жречества исправляются первоначально главами семействъ и родовъ и постепенно переходятъ на классъ людей, спеціально посвящающихъ себя на эту дѣятельность. Зная уже о значительной развитости религіозныхъ представленій эстовъ, мы необходимо должны признать существованіе у нихъ въ тоже время и религіозныхъ обрядовъ. Но возникаетъ вопросъ, кто исправлялъ религіозныя функціи у языческихъ эстовъ до принятія ими христіанства, главы ли семействъ и родовъ или отдѣльный классъ жрецовъ. Нѣкоторые думаютъ, что функціи жречества у эстовъ исполняли предъ введеніемъ христіанства такъ называемые старшины селъ и провинцій. Но намъ кажется болѣе правдоподобнымъ существованіе въ то время у эстовъ отдѣльнаго класса людей, завѣдывавшихъ богослужебными обрядами. Намъ кажется, что классъ знахарей и исправлялъ въ тоже время функціи жрецовъ. Генрихъ Латышскій передаетъ [4]), что у торендскихъ ливовъ кудесникъ (Ariolus) руководилъ оракуломъ, когда тѣ вознамѣрились принести священника Теодориха въ жертву своимъ богамъ. Кромѣ этого древняго свидѣтельства въ пользу нашего мнѣнія мы имѣемъ еще достаточное количество свидѣтельствъ, записанныхъ уже въ половинѣ нашего столѣтія и одно свидѣтельство, относящееся къ половинѣ 17 в. Пасторъ Гутслефъ, извѣщая о ста-

[1]) Heinr. XX, 2, XXIII, 9, XXVI, 7. [2]) Ibid. I, 10.

[3]) Reimehr. v. 7232—7233: in. viel vil dicke wol ir span, ir vogel in vil wol sanc. Ср. Heine XIV, 5.

[4]) C. I. 10: Ariolus Deum christianorum equidorso insidere et pedem equi ad preponendum movere asserit, et ab hoc equidorsum tergendum, quo Deus elabatur. По всей вѣроятности Ariolus здѣсь употребленъ въ смыслѣ нарицательнаго имени, ибо Генрихъ имѣетъ обыкновеніе поясняять собственныя имена, чего онъ здѣсь однако не дѣлаетъ.

ринной эстонской молитвѣ къ богу грома-Пикне о преуспѣяніи посѣва, говоритъ, что она была произносима священникомъ грома [1]). Имѣя множество языческихъ молитвъ по разнымъ случаямъ, мы естественно должны полагать, что они были произносимы людьми, спеціально посвятившими себя на это дѣло. Подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ преданіяхъ сохранившихся доселѣ. У Крейцвальда и Неуса [2]) приводится слѣдующее преданіе: вѣра примиренія или служеніе Тарѣ было раньше монашеской вѣры; во время монашеской вѣры въ церквахъ читали на латинскомъ языкѣ и монахи очень боялись мудрецовъ времени вѣры примиренія, ибо послѣдніе знали древнія молитвы и жертвенныя слова. Когда такой мудрецъ начиналъ судебный процессъ съ кѣмъ либо другимъ, его всегда оправдывали, хотя бы онъ былъ неправъ". Въ Kalewi poeg'ѣ мы также находимъ подтвержденіе своего предположенія. Такъ предъ путешествіемъ на край свѣта Калевичъ велитъ пригласить всемірныхъ мудрецовъ, сильныхъ на словахъ (sona mees), владыкъ надъ вѣтромъ (tuule tark) и обладателей силами земли (mana tark) принести жертву на камнѣ Укко для снисканія его благорасположенія [3]). Наконецъ мы имѣемъ разсказъ одного старика, записанный Руссвурмомъ [4]),—старика, который признавалъ себя происходящимъ изъ языческаго жреческаго рода. Мы однако не придаемъ сдѣланному предположенію всеобщаго значенія, мы допускаемъ, что на ряду съ знахарями, функціи жреца въ частныхъ случаяхъ и маловажныхъ предпріятіяхъ исправлялъ и самъ домохозяинъ или другое лицо. Въ Kalewi poeg'ѣ мы находимъ и примѣры частнаго жертвоприношенія. Напр. Олевичъ предъ началомъ постройки жертвовалъ на камнѣ Укко, кланялся предъ зарею, въ сумерки призывалъ вспомогательныхъ духовъ на помощь, далѣе онъ сложилъ щепки въ двѣ кучи, далъ начальные дары богамъ руководителямъ — небеснымъ мудрецамъ, прося указать распредѣленіе мѣстъ построекъ и затѣмъ по указанію щепокъ приступилъ къ работѣ [5]). Въ остаткахъ старины можно найти даже указанія на то отдаленное время, когда дѣйствительно каждый домохозяинъ

---

[1]) См. у Kreutzwald и Neus l. c. p. 18.
[2]) Ibid. p. 10. [3]) L. XVI, 281—6.
[4]) Sagen aus Hapsal и der Umgegend. Reval. 1860. p. 19.
[5]) LXV, 549—75; см. и др. примѣры: XVI, 1042—51; XIX, 480—81.

былъ вмѣстѣ и жрецомъ. Подобно тому какъ водилось въ Лапландіи, и у эстовъ, можетъ быть, у каждаго хозяина близъ дома былъ дубъ, подъ которымъ онъ приносилъ жертву своимъ богамъ. Въ Kalewi poeg'ѣ не рѣдко упоминается о дубовой рощѣ или о дубѣ, посаженномъ близъ двора (one all) [1]). Здѣсь то въ старину каждый годъ въ праздники убивали быка, не бывшаго подъ ярмомъ [2]). По свидѣтельству Генриха Латышскаго близъ прекрасной и многолюдной деревни Каретена въ Гервіи чрезъ поле находилась священная роща этой деревни, которую рыцари осквернили кровію убитыхъ [3]). Едвали можно сомнѣваться, что подобныя священныя рощи существовали если не у всякой, то, по крайней мѣрѣ, у большинства деревень. По свидѣтельству того же Генриха [4]) въ сосѣдствѣ Вироніи находились три деревни, гдѣ была гора и прекрасный лѣсъ, въ которомъ находились изображенія и подобія боговъ. Пасторъ Кнюпферъ [5]) полагаетъ, что мѣсто это нужно считать за нынѣшнюю гору Ebafer, лежащую на разстояніи трехъ верстъ при Клейнъ-Маріинской церкви при дерптской дорогѣ. Она находится на высокой равнинѣ, вершина ея крута, почва плодородна и покрыта лѣсомъ, окрестности ея прорѣзаны тѣсными ущельями и узкими долинами. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ признать за указанную Генрихомъ мѣстность другую близлежащую гору Sall, состоящую изъ цѣпи холмовъ, покрытыхъ по сторонамъ елями и соснами, гдѣ по народной сагѣ въ старину было кладбище, опираясь на ту мысль, что священнымъ считалось въ древности особенно мѣсто погребенія и что изображенія и подобія, упоминаемыя Генрихомъ, съ большею вѣроятностью могли находиться на кладбищѣ. У Генриха и у древнихъ писателей мы не находимъ болѣе указаній на священныя мѣста у эстовъ. Если вѣрить буллѣ папы Инно-

---

[1]) L. I, 82; V. 143—; XVI, 109.

[2]) Ibid. XIX, 313—322.

[3]) XXIII, 9: Et persequuti sunt eos Theutonici ab villa in campum, occidentes eos per campos usque ad lucum ipsorum et ipsam sanctam silvam ipsorum multorum interfectorum suorum sanguine maculaverunt.

[4]) Ibid. XXIV; 5: et ibat alter sacerdos succidens imagines et similitudines deorum suorum ibifactas, et mirabantur illi, quod sanguis non effluеret et magis sacerdotum sermonibus credebant.

[5]) Das Suland 1836 Nr. 22 и 23.

кентія III [1]), то ливы имѣли въ 12 в. священныя рощи, и озера. Судя по булламъ нужно думать, что у куронъ были священныя рощи, ибо въ Куроніи христіанскимъ священникамъ было дано позволеніе пользоваться лѣсомъ въ своихъ приходахъ, „исключая рощъ, которыя прежде назывались священными“ [2]). Равнымъ образомъ въ одномъ актѣ [3]) упоминается объ озерѣ въ Довзарѣ, называемомъ священнымъ, которое при дѣленіи страны должно было остаться не раздѣленнымъ. По позднѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что у эстовъ было довольно много священныхъ предметовъ почитанія, какъ-то: деревья, камни, источники, рѣки, лѣса. Въ Liber census Daniae [4]) упоминается вблизи деревни Warkala (нынѣ Warkla) мызы Padas въ Эстляндіи „lucus sanctus“. Олеарій при своемъ путешествіи чрезъ Эстляндію въ 16 вѣкѣ видѣлъ на различныхъ мѣстахъ, особенно холмахъ, деревья, которыя были до верхушекъ обрѣзаны и обвязаны красными лентами; подъ ними народъ совершалъ свои молитвы и жертвоприношенія. Ученый Видеманъ, путешествовавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ по Эстляндіи съ научною цѣлью, даетъ свѣденія о многихъ священныхъ мѣстахъ и предметахъ [5]). На островѣ Даго лѣтъ 5 тому назадъ, были еще такъ называемые „hie metsad“ (священныя рощи) изъ которыхъ никто не осмѣливался брать хотя бы вѣточку, ибо это могло причинить людямъ и скоту несчастіе; не смотря на господствующій на Даго недостатокъ дровъ, хворостъ гнилъ тамъ слоями. Въ этихъ лѣсахъ въ Юрьевъ день приносили въ жертву яйцо, деньгу и пучекъ волосъ отъ перьевъ, обвязанный красною ниткою, что зарывалось въ землю, чтобы пріобрѣсти защиту и преуспѣніе лошадей. На Даго была также большая выдолбленная сосна, въ которую въ послѣднюю четверть луны въ четвергъ въ вечернія сумерки, когда никто не видитъ, клали деньги и тряпки. Деньги тщательно завертывались и покрывались, чтобы никто не могъ найти, а о тряпкахъ было такое

---

[1]) Livl. Urk. B. Nr. 12. 5 окт. 1199 г. populos barbaros, qui honorem deo debitam animalibus brutis, arboribus frondosis, aquis limpidis (liquidis) virentibus herbis, et spiritibus immundis impendunt.

[2]) Ibi Nr 240 (1252 г.).

[3]) Ibid. Nr. 248 (1253).

[4]) Въ Liv. Urk. B. t. I, между стран. 484 - 485.

[5]) См. l. c. p. 413—415.

повѣрье, что если кто возьметъ ихъ, то болѣзнь, вредъ, бѣдствія, которыя терпѣлъ жертвовавшій, переходили на того. При несчастіи давалось обыкновенно обѣщаніе принести этому дереву дары, если оно пройдетъ, что исполнялось добросовѣстно. При праздничныхъ собраніяхъ для жертвоприношенія разводился огонь, въ который были бросаемы дары. Еще сто лѣтъ назадъ эсты охотно погребали своихъ покойниковъ на этихъ священныхъ мѣстахъ, если это можно было сдѣлать тайкомъ. Жертвенные камни знаетъ нынѣ живущій родъ въ различныхъ мѣстахъ. Гупель пасторъ [1]) описываетъ одинъ такой камень въ своемъ приходѣ при помѣстьѣ Кивергофѣ. Онъ вырубленъ грубо изъ гранита, длиною и высотою въ два локтя, въ ширину локоть, ножка въ три пальца шириною начинается подаваясь назадъ отъ верхней поверхности и заостряется къ низу. Этотъ алтарь стоитъ подъ деревомъ, въ углубленіи котораго еще теперь можно найти маленькія жертвы. Kitse-kiwi (козій камень) находится въ области помѣстья Гангофа въ южной Лифляндіи; названъ такъ будто потому, что прежде на немъ убивали козъ и кровь ихъ сожигали въ жертву. Изъ свѣже приготовленной пищи или пива или изъ крови убитаго животнаго выливали часть, что называлось „walgust wiima“ (понести освѣщеніе); давались также обѣты въ особенныхъ случаяхъ принести жертву, что и исполнялось добросовѣстно, въ противномъ случаѣ грозила смерть.—Четыре версты отъ замка Нейгаузена при деревнѣ „Hiniale“ лежитъ т. н. „pääwa pööramise mägi“ (гора солнечнаго поворота), на которой въ старину приносили жертвы и обращались съ молитвами къ солнцу, формулы которыхъ еще сохранились по преданію, напр.: pääwakene, päkakene, tule wälja! ma otsi sino oraga, kae sino karja witsaga, т. е. солнышко, ступня, выходи! Я ищу тебя шиломъ, я выслѣживаю тебя пастушескимъ прутомъ. Съ нею связаны нѣкоторыя саги, образовавшіяся подъ вліяніемъ христіанства. О сильной степени развитости у эстовъ язычества свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что мѣста христіанскаго богослуженія удивительнымъ образомъ употреблялись въ качествѣ мѣстъ для языческихъ жертвоприношеній и

---

[1]) Topogr. Nachr. I, p. 155.

празднествъ [1]). При деревнѣ Meks почти три версты отъ Нейгаузена одна сосна находится въ особенной чести и считается священною, потому что она освящена чрезъ ударившую въ нее молнію. Проходящіе наклоняются, дѣлаютъ крестное знаменіе предъ собой и произносятъ: „püha pikne! hoja ise Jumala wiha eest, wiha eest ja witsa eest! hoja kóige kurja eest, töö eest ja teo eest! suur Jumal, saada meid heldusega edasi, т. е. святый громовержецъ! сохрани насъ отъ гнѣва Божія, отъ гнѣва и наказанія! сохрани насъ отъ всего злаго, отъ работы и барщины! великій Боже! пропусти насъ милостиво мимо!“ Сохранился еще обычай, по которому трупы предъ погребеніемъ полагаются на нѣкоторое время подъ этимъ деревомъ [2]). На островѣ намъ извѣстны также нѣсколько священныхъ мѣстъ. Такъ по извѣщенію Гольцмейера [3]) при Пилѣ находился „kaßeli aed“ или „kalmu-ware“—священное мѣсто языческаго кладбища; оно обведено каменною оградою; на срединѣ площади ростетъ можжевельникъ, у котораго приносятся въ жертву монеты и иголки. На мусельскомъ Панкѣ находится также огороженное мѣсто, а посреди его столбъ. Здѣсь, по преданію, приносились въ жертву божеству моря пиво и водка для снисканія счастливой рыбной ловли и безопаснаго мореплаванія. Въ Кармелѣ извѣстенъ т. н. „hie koht“ — поляна, окруженная еловымъ, березовымъ и ясеневымъ лѣсомъ. Здѣсь на высокомъ деревѣ, по вѣрованію, жилъ Jumal. По преданію здѣсь будто приносили и человѣческія жертвы. Извѣстенъ на Эзелѣ и жертвенный камень при Томелѣ и Шворбѣ. Древнѣйшее извѣстіе объ источникѣ погоды и тумана мы имѣемъ изъ средины 17 вѣка у Гутелефа [4]). По его извѣщенію рѣка Wõhanda [5]) въ дерптскомъ уѣздѣ пользовалась у мѣстныхъ жителей величайшимъ благоговѣніемъ; ее ежегодно вычищали отъ всякихъ нечистотъ; отъ нея вопрошали о настающей погодѣ. Богъ этой рѣки, являвшійся иногда въ видѣ мужчины въ голубомъ и желтомъ чулкахъ, какъ еще теперь являются рѣчныя нимфы, былъ умилостивляемъ жертвою, состоящею изъ

---

[1]) Wiedemann l. c. p. 414—415. [2]) Ibid p. 410.
[3]) Verh. d. del. Ehstn. Ges. B. 7. H. 2. p. 3—4.
[4]) См. у Kreutzwald и Neus l. c. p. 112—113.
[5]) Въ Kalewi poeg'ѣ (XX. 401—402), рѣка эта называется священною.

чернаго скота, а прежде, въ крайнемъ случаѣ, жертвовали даже дѣтей. Вѣра латышей и эстовъ въ могущество бога погоды была тогда еще столь сильна, что послѣднее возстаніе народа, когда нѣсколько лѣтъ сряду продолжалась неблагопріятная для хлѣбовъ погода, было вызвано постройкою на этой рѣкѣ мельницы, задерживавшей, по увѣренію народа, свободное теченіе ея; при бросаніи чего либо въ озеро Iem järw, чрезъ которое она протекала, происходила непогода. Вѣра эта жила еще около половины настоящаго столѣтія [1]). Въ дерптскомъ уѣздѣ недалеко отъ церкви Лайсъ на высокой горѣ находится углубленіе, источникъ въ которомъ носитъ названіе: „pühа-ilma hallikas“, т. е. священный источникъ погоды. По вѣрованію тамошнихъ эстовъ, впрочемъ уже исчезнувшему въ настоящее время, этотъ источникъ руководитъ теченіемъ грозовыхъ тучъ. При прохожденіи тучи съ шумомъ чрезъ гору говорятъ: источникъ говоритъ съ тучею, или: они различнаго мнѣнія, источникъ хочетъ настоять на своемъ. Мѣстные жители разсказываютъ, что отъ своихъ предковъ они узнали, что этому источнику въ старину въ опредѣленное время приносились жертвы и кто нерадѣлъ объ этомъ, того поля обыкновенно повреждались градомъ. Его глубину не удалось измѣрить никому, ибо онъ не имѣетъ дна. Однажды нѣкоторые молодцы, какъ разсказывалъ эстъ по наслышкѣ отъ старыхъ людей, связали вмѣстѣ длинные канаты, къ концу прикрѣпили желѣзный котелъ и спустили его въ источникъ; но дна все не достали. Когда вытащили канатъ, то въ котлѣ оказался черепъ козла съ рогами. Эта послѣдняя черта разсказа по всей вѣроятности указываетъ на то, что въ древности здѣсь въ жертву приносились козлы. Впослѣдствіи, какъ видѣлъ еще самъ разказчикъ, въ источникъ этотъ въ жертву были бросаемы монеты для обезопашенія полей отъ града.

Въ дополненіе къ описанію священныхъ мѣстъ, предметовъ и жертвъ, приносимыхъ по различнымъ частнымъ случаямъ, нужно сказать еще о слѣдующемъ. Рыбаки, отправляясь весною съ Даго на Перновскій берегъ для рыбной ловли, выливаютъ изъ забраннаго съ собой пива первый боченокъ въ лодку со словами: säh, anname poisile esmält, т. е. на, дадимъ прежде

[1]) Kreutzwald и Neus l. c. p. 114.

всего мальцу. Хотя они теперь подъ „pois“ разумѣютъ лодку, но всеже первоначально эта жертва приносилась божеству моря, благопріятствовавшему плаванію и хорошей погодѣ [1]). Вообще жертвоприношенія, по свидѣтельству Видемана, до новѣйшихъ временъ еще не совсѣмъ исчезли; они у псковскихъ эстовъ совершаются совершенно открыто предъ глазами духовныхъ лицъ. Теперь они большею частію представляютъ однѣ только церемоніи, яснаго отчета о которыхъ жертвующій не можетъ дать себѣ, или не сознаетъ, для кого жертва должна имѣть значеніе; тѣмъ не менѣе еще теперь жертвующіе представляютъ въ мысли сверхчеловѣческія существа, отъ которыхъ ждутъ услугъ касательно насущныхъ потребностей жизни. Что касается существованія у древнихъ эстовъ и ливовъ человѣческихъ жертвъ, на ряду съ жертвами изъ воловъ, овецъ, козловъ и собакъ [2]), то намъ оно кажется правдоподобнымъ въ виду того обстоятельства, что они, по извѣщенію Генриха, не разъ бросали жребій, чтобы узнать волю боговъ относительно принесенія имъ въ жертву христіанскихъ священниковъ [3]).

Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у эстовъ, особенно священными считались нѣкоторые дни недѣли и года. Мы коснемся только важнѣйшихъ. Болѣе всѣхъ дней недѣли почитался четвергъ; въ этотъ день воздерживались отъ различныхъ работъ, а вечеромъ рано прекращали работу. Остатки языческаго почитанія этого дня сохранялись довольно долго на островахъ западнаго края Эстоніи, населенныхъ эстами. Гольцмейеръ [4]) передаетъ, что съ четверга вечера до пятницы сходились въ священной рощѣ (hie koht), гдѣ пѣли, плясали и играли на волынкѣ въ честь высочайшаго Бога Тары, который, по вѣрованію мѣстныхъ жителей, обиталъ на старомъ деревѣ; подъ нимъ приносили въ жертву золото, серебро и другія драгоцѣнности; здѣсь разводился огонь, кругомъ котораго происходили танцы подъ звуки волынки. Изъ дней года весной въ особенности почитался Юрьевъ день 23 апрѣля. По свидѣтельству Гольмана [5]), изслѣдовавшаго древніе обычаи и вѣрованія у крестьянъ валкскаго уѣзда деревни Адзель-Койкюль, въ этотъ день внѣ

[1]) Wiedemann l. c. p. 411.
[2]) Heinr. XV, 3; XVI, 4. [3]) Ibid. XXVI, 7; I, 10.
[4]) Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 7. H. 2. p. 4.
[5]) Ibid. B. I. H. 2. p. 39.

пространства, занимаемаго дворомъ, въ маленькой рощѣ подъ старыми деревьями, которыя считались неприкосновенными и упавшія вѣтви которыхъ не убирались, въ опредѣленномъ мѣстѣ, покрытомъ тремя камнями, клалась въ землю жертва, состоявшая изъ яйца, монеты и лошадиной шерсти, обвязанпая красною лентою, что обезопашивало лошадей отъ болѣзней и волковъ. 22 іюля совершалось вѣроятно жертвоприношеніе для испрошенія у Тары хорошаго урожая. Въ этотъ день, какъ помнятъ эсты, хозяинъ до восхода солнца отправлялся на свое поле и выпускалъ изъ перстеннаго пальца лѣвой руки на каждые четыре угла поля три капли крови, при чемъ призывалъ на поле благословеніе Тары [1]). Окончаніе жатвы, по всей вѣроятности, также сопровождалось обрядами. Судя по жатвенной пѣсни [2]), нужно полагать, что къ этому времени варили пиво и пекли хлѣбъ изъ начатковъ и совершали пиршество на полѣ. А въ концѣ лѣтнихъ работъ 6 сентября приносили на липовомъ жертвенникѣ [3]) въ жертву пѣтуха. Хозяинъ разводилъ огонь на мѣстѣ, снабженномъ крышею изъ кольевъ, ставилъ на немъ котелъ, убивалъ пѣтуха, брызгалъ въ огонь кровь; перья, голову, ноги и внутренности бросалъ въ огонь. Остальное клалъ въ котелъ и варилъ такъ, чтобы никто не прикасался къ мясу. Когда оно сварилось, то прежде всего хозяинъ съ обнаженною головой на колѣнахъ несъ часть на липовой алтарь въ жертву богамъ, говоря: вотъ бери и будь доволенъ тѣмъ, что я тебѣ даю, а не хватай своими руками, иначе, говорили нѣкоторые, я пожалуюсь дѣдушкѣ". Затѣмъ, оставшуюся часть съѣдалъ одинъ хозяинъ [4]). Вообще „когда варили или пекли что либо свѣжее, то прежде всего давалось часть Тарѣ-дѣдушкѣ и уже потомъ можно было дать дѣтямъ. Обычай былъ таковъ: три ложки давали усопшимъ, три овечьему хлѣву и три для преуспѣянія другаго скота. И уже послѣ этого смѣлъ ѣсть хозяинъ и другіе [5]). Но болѣе

[1]) Kreutzwald и Neus l. c. p. 14.

[2]) Ibid. p. 60: Otsas ôlut punane, peenearse piima koogid, saares on sajad saledad.

[3]) Такъ назывался холмъ, на которомъ росло липовое дерево, подъ которымъ лежалъ камень синяго цвѣта. Подобный жертвенникъ существовалъ и у русскихъ. См. Сахаровъ, Сказан. русск. нар. I, 63, № 11.

[4]) Verh. d. gel. Ehstn. Ges. B. 1. N. 2. p. 39 и Kreutzw. и Neus l. c. p. 13. [5]) Ibidem.

видное мѣсто въ жизни эстовъ занимали общіе праздники, которыхъ у нихъ по Крейцвальду было четыре [1]). Праздникъ около весенняго равноденствія совершался въ честь Укко. Этотъ праздникъ вытекъ изъ потребностей земледѣльца. Въ этотъ праздникъ земледѣлецъ обращался къ Укко, который господствовалъ надъ солнечнымъ сіяніемъ, бурею и дождемъ; отъ него зависѣли произрастеніе и плодородіе. Обряды въ этотъ праздникъ были слѣдующіе. Когда къ вечеру явства и питье для праздника были готовы, въ свѣтлицѣ покрывался столъ; на немъ клали т. н. „корзину Укко“ (Ukko wak) [2]), которая облагалась кругомъ явствами и напитками. Затѣмъ хозяинъ, взявъ въ маленькую чашу зеренъ всѣхъ видовъ посѣва, снималъ покрышку съ корзины Укко, полагалъ въ ней чашу и снова закрывалъ, желая этимъ путемъ придать зернамъ плодотворную силу при всходахъ. Кромѣ того въ этотъ праздникъ на ночь бездѣтныя женщины запирались въ свѣтлицѣ, гдѣ находилась жертвенная корзина Укко и должны были совершать здѣсь какую то таинственную церемонію. На слѣдующее утро хозяинъ долго до разсвѣта выходилъ изъ избы и бодро обходилъ разъ кругомъ своего поля; если при этомъ онъ находилъ все въ порядкѣ, то возвращался домой съ радостью, созывалъ челядь по уборкѣ со стола хозяйкой жертвенной корзины и тогда начинался пиръ, на которомъ съ радостью съѣдалось все оставленное богами. Послѣ ѣды происходила попойка, въ которой должны были принимать участіе и женщины, вслѣдствіе чего праздникъ принималъ характеръ дикихъ, переходящихъ границу приличія, вакханалій. Позднѣе многіе языческіе обычаи этого праздника перешли на день Благовѣщенія, такъ напр. женщины теперь въ этотъ день поютъ за здравіе другъ друга, чтобы цѣлый годъ имѣть свѣжія щеки. Спустя три дня послѣ праздника Укко хозяинъ вынималъ изъ корзины корковую чашу съ зернами, разсортировывалъ ихъ по

---

[1]) Verh. B. 2. H. 3 p. 44—50; срав. Ibid. B. 7. H. 2 p. 58—66.

Здѣсь описываются праздники другими чертами соотвѣтственно желаніямъ и ожиданіямъ жителей острововъ.

[2]) Какъ «корзина Укко», которую обязанъ былъ имѣть каждый дворъ, такъ и «камень Укко», который должна была имѣть каждая деревня и отдѣльный дворъ, играли великую роль въ религіозной жизни эстовъ. Первая служила для жертвоприношеній по поводу различныхъ случаевъ и событій домашней жизни; второй имѣлъ болѣе связь съ внѣшнимъ хозяйствомъ.

видамъ и бросалъ каждый видъ въ закромъ на прежнее мѣсто, чтобы все участвовало въ божественномъ благословеніи.

Праздникъ во время лѣтняго солнцестоянія былъ вѣнцомъ всѣхъ языческихъ праздниковъ сѣвера; онъ падалъ на самое прекрасное время, когда Amarik и Koit (вечерняя и утренняя заря) четыре недѣли всю ночь наслаждались невозмутимымъ счастіемъ своей вѣчной идеальной любви. Мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, праздновался ли онъ въ древности въ честь Ванемуйне или Тары, или же онъ служилъ только днемъ чествованія солнца, эмблемой котораго въ настоящее время служатъ горящія на высокихъ шестахъ смоляныя бочки; мы знаемъ только достовѣрно, что въ историческое время на сцену главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого праздника выступаетъ Іоаннъ или Иванъ, къ которому обращаются съ молитвами. Такъ какъ праздникъ этотъ совершается у сѣверныхъ народовъ съ большимъ и меньшимъ сходствомъ, то намъ нѣтъ нужды излагать происходящія тогда увеселенія, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ свѣдѣній объ отличительныхъ чертахъ этого праздника во время язычества. Обряды, совершающіеся теперь, по мѣстамъ представляютъ уже сильную смѣсь съ чуждыми элементами, какъ напр. у псковскихъ эстовъ [1]) Третій праздникъ совершался около осенняго равноденствія. Мотивомъ къ этому празднику служили, во первыхъ, чувство благодарности за произведенія земледѣлія, во вторыхъ, желаніе испросить у Тары или Turris'a, какъ бога войны, которому тогда приносился козелъ, счастія или удачи въ набѣгахъ на враговъ, происходившихъ обыкновенно въ зимнее время, свободное отъ полевыхъ работъ. Въ продолженіи ночи, въ которую праздновался этотъ праздникъ, старцы передавали младшимъ поколѣніямъ подвиги знаменитыхъ предковъ или героевъ вмѣстѣ съ другими важнѣйшими сагами старины.

Четвертый и послѣдній праздникъ совершался около времени зимняго солнцестоянія за 14 дней до Рождества въ продолженіи 9 дней или вѣрнѣе вечеровъ. По сохранившейся старинной пѣснѣ [2]), этотъ праздникъ считался особенно важнымъ; девять ночей его называются „ночами милости", „девятью

---

[1]) Wiedemann l. c. p. 415.

[2]) Kreutzwald и Neus l. c. p. 59.

унаслѣдованными праздниками", изъ которыхъ девятая ночь или праздникъ праздновался спеціально въ честь Укко. Въ Вироніи этотъ праздникъ назывался Jao или Joo ohtude pidamine", т. е. празднованіе вечеровъ Jao или Joo. Обыкновенно онъ именуется Joulu или hingede aeg, т.. е. время душъ. Вечеромъ перваго дня, когда души возвращались изъ царства мрака, онѣ были угощаемы роскошнымъ пиромъ. Еще теперь въ ночь на Р. Х. столъ бываетъ накрытъ явствами. Чтобы случайно упавшее тѣло не произвело шума, полъ настилается соломой и всѣ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ шопотомъ. Съ угощеніемъ душъ соединялась въ этотъ праздникъ и мысль о поворотѣ солнца на лѣто, о возвращеніи грома Коо; отсюда къ празднику присоединялись нѣкоторые новые обряды. Обращаясь къ изложенію представленій и обычаевъ древнихъ эстовъ и отчасти ливовъ и куронъ, имѣющихъ ближайшую связь съ ихъ религіозными представленіями, мы должны довольствоваться весьма скудными данными Генриха Латышскаго и другихъ хроникеровъ, не имѣя никакихъ другихъ свѣденій отъ позднѣйшаго времени. Ближайшую связь съ религіозными представленіями имѣютъ обряды погребальные. Генрихъ извѣщаетъ, что эсты — сакаланцы — послѣ губительнаго набѣга на ихъ провинцію латышей сосѣднихъ провинцій, въ продолженіи нѣсколькихъ дней собирали убитыхъ и сожигали ихъ, совершая по своему обычаю тризну съ оплакиваніемъ и пиршествами [1]). Въ 1222 году, когда вся Эстонія и Озилія свергла христіанство, эсты выкапывали тѣла своихъ мертвыхъ, погребенныя на кладбищахъ, изъ могилъ и сожигали по древнему языческому обычаю [2]). Столь сильна была у эстовъ привязанность къ языческому обряду погребенія! О погребеніи чрезъ сожиганіе упоминается и въ Kalewi poeg'ѣ [3]). Ливы, которыхъ Генрихъ называетъ „народомъ слишкомъ преданнымъ языческимъ обрядамъ" [4]), также хоронили своихъ покойниковъ чрезъ сожженіе, по крайней мѣрѣ ихъ вождь Каупо, павшій при Феллинѣ въ 1217 г., былъ сожженъ и только кости его были перевезены въ Кубеселе и погребены здѣсь [5]).

[1]) H. XII, 6: multis diebus colligentes et igne cremantes, exequias cum lamentationibus et potationibus multis more suo celebrabant.

[2]) Ibid. XXVI, 8. [3]) LXX, 471—76.

[4]) H. IX, 13. [5]) Ibid. XXI, 4.

Куроны также, по его свидѣтельству, сожигали павшихъ на полѣ битвы, оплакивая ихъ [1]). Куроны сохранили этотъ обычай еще до 15 вѣка по свидѣтельству путешественника Лануа [2]). По курганнымъ изслѣдованіямъ археолога Гревингка оказывается, что у ливовъ на ряду съ сожиганіемъ существовало и погребеніе, а у эстовъ и куронъ существовало только сожженіе [3]). Что касается обрядовыхъ подробностей при погребеніи у эстовъ, ливовъ и куронъ, то относительно этого съ достовѣрностью едва ли можно что-нибудь утверждать. Нѣкоторые хотѣли отнести къ нынѣшнимъ эстамъ свидѣтельство путешественника Вильфстана [4]) въ IX вѣкѣ о политическомъ устройствѣ и погребальныхъ обрядахъ у Ehsten но, по болѣе вѣроятному толкованію большинства ученыхъ здѣсь нужно разумѣть скорѣе народы литовскаго племени. Свидѣтельство о погребальныхъ обрядахъ ливовъ относится къ 14—15 в. и находится въ сочиненіи Варѳоломея Ангелика [5]). Здѣсь разсказывается, что ливы одѣваютъ своихъ покойниковъ послѣ смерти въ новое платье и сожигаютъ ихъ на кострѣ вмѣстѣ съ овцами, волами и другими животными, присоединивъ къ

---

[1]) Idid. XIV, 5. [2]) Bunge, Archiv. t. v. p. 170.

[3]) Sitzgsber d. del. Ehstn. Ges. 1876 p. 55 и 64. По изслѣдованіямъ шведскаго археолога Монтеліуса (см. Führer durch Museum vaterl. Alterth. in Stockholm. Hamburg. 1876 p. 2 — 4) въ каменный вѣкъ, окончившійся на сѣверѣ около 3000 лѣтъ тому назадъ, не было сожиганія труповъ; покойники полагались въ каменныхъ гробахъ или могилахъ въ лежачемъ или стоячемъ положеніи. Между костями покойниковъ находятъ оружіе, сосуды, украшенія, глиняные горшки и кости животныхъ. Въ сосудахъ вѣроятно содержалась пища для умершихъ и кости животныхъ суть остатки тризны. Въ вѣкъ бронзы (l. c. p. 22), кончившійся около Р. Х., знали земледѣліе, пользовались лошадью для ѣзды, имѣли большіе корабли безъ паруса, употребляли картинное письмо и имѣли жилища изъ дерева; одѣяніемъ служили звѣриныя шкуры, хотя впрочемъ была извѣстна и шерстяная матерія. Въ этотъ вѣкъ покойники сожигались и кости сохранялись въ маленькомъ ящикѣ или глиняномъ горшкѣ. Въ желѣзный вѣкъ (l. c. p. 40), начавшійся съ Р. Х., могилы содержатъ или сожженныя кости, или—здѣсь разница отъ гробовъ позднѣйшаго бронзоваго вѣка—не сожженные трупы, похороненные то въ естественномъ почвенномъ возвышеніи, то въ большихъ каменныхъ ящикахъ, надъ которыми обыкновенно насыпанъ земляной холмъ.

[4]) Въ Script. rer. Pruss. t. I, p. 732—35. Встрѣчающіяся въ его описаніи слова, звучащія весьма близко съ эстонскимъ, напр. cuning (царь), ricostan (богатый), tuga (кобыла) существуютъ и въ древне-германскихъ нарѣчіяхъ и не могутъ служить основаніемъ для приписанія описываемыхъ нравовъ и обычаевъ тому или другому народу.

[5]) Mith. aus d. Geb. d. Gesch. Liv—Ehst. und Kurl. Riga. 1849. p. 534.

этому еще слугъ и служанокъ съ другими необходимыми принадлежностями жизни, вѣря, что послѣ сожженія всѣ они отойдутъ въ какую то страну живыхъ, гдѣ будутъ продолжать земную жизнь. Пепелъ отъ труповъ и другихъ вещей обыкновенно собирали и клали въ горшокъ, который полагался между камнями въ курганѣ, сооруженномъ въ память умершаго. По крайней мѣрѣ такъ поступили по свидѣтельству въ Kalewi poeg'ѣ съ умершимъ Сулевичемъ [1]).

Если бы мы теперь захотѣли сдѣлать общій выводъ всему сказанному о состояніи язычества у эстовъ (и отчасти у куронъ и ливовъ) и сопоставить этотъ выводъ съ представленіями, которыя предлагало имъ католичество, то мы должны были бы отмѣтить значительную рознь между ними, которая могла обусловить сильную борьбу при ихъ столкновеніи. Языческая религія эстовъ не знала борьбы между двумя началами, добрымъ и злымъ. Эти начала далеко не были развиты у нихъ. Эстъ мало чувствовалъ свою зависимость отъ нихъ. Доброе начало представлялось ему не грознымъ, страшнымъ карателемъ за тѣ или другія предписанія; нѣтъ, оно имѣло свою особую сферу дѣйствій, вело жизнь мало или только изрѣдка соприкасающуюся съ человѣческою дѣятельностью; оно вмѣшивалось въ теченіе жизни только тогда, когда со стороны человѣка было выражаемо на это желаніе. По поэтическому представленію эста дѣдушка (такъ называетъ онъ высшее существо) до мірозданія обиталъ на высокомъ; въ его предверіи красовалось величественное солнце. Онъ создалъ героевъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами, мудростью и силою. Старшій между ними былъ Ванемуйне. Онъ былъ созданъ старымъ съ сѣдыми волосами и бородою и надѣленъ мудростью старости, но сердце у него было молодо, и онъ имѣлъ даръ поэтическаго творчества и пѣнія. Дѣдушка пользовался его мудрымъ совѣтомъ и когда заботы омрачали его чело, Ванемуйне игралъ предъ нимъ на своей чудесной арфѣ и распѣвалъ ему свои любимыя пѣсни. Остальные герои—Ильмаринен, Лэммекюне, Вибоане и др. также помогали дѣдушкѣ своимъ совѣтомъ. Ихъ жилищемъ былъ Кальёвалдъ (область скалъ?). Когда дѣдушка задумалъ создать міръ, то онъ обратился къ совѣту

[1]) Kal. p. XX, 471—76.

этихъ героевъ, которыхъ онъ называлъ своими дѣтьми; герои вполнѣ согласились съ нимъ, сказавъ: что ты въ своей мудрости порѣшилъ, то не можетъ быть дурно. Создавъ міръ въ грубомъ видѣ, дѣдушка заснулъ отъ усталости, но въ это время герои украсили небо всѣми прелестями. Полный радости схватилъ Ванемуйне свою арфу, задумалъ торжественную пѣснь и спрыгнулъ на землю; за нимъ послѣдовали пѣвчія птицы. Гдѣ его пляшущая нога коснулась, тамъ выростали цвѣты; гдѣ онъ пѣлъ, сидя на камнѣ, тамъ выростали деревья, на которыя садились пѣвчія птицы и аккомпанировали его пѣнію. Лэммекюне веселился въ лѣсахъ и на холмахъ, а Вибоане пробовалъ свой лукъ. На ихъ веселье проснулся дѣдушка и порѣшилъ довершить твореніе другихъ существъ, при чемъ онъ обѣщалъ создать человѣка слабымъ, чтобы онъ не могъ славиться своею крѣпостью и приказалъ героямъ подружиться и смѣшаться съ людьми, чтобы произвести родъ, не такъ легко покоряющійся злу. Зла я не могу и не въ состояніи уничтожить, говорилъ онъ, ибо оно есть мѣра и жало добра. Дѣдушка однако самъ еще управлялъ развитіемъ міра, пока міръ былъ въ ходу. Каждый человѣкъ есть членъ въ движеніи, побуждающій и побуждаемый и каждый человѣкъ есть творецъ собственнаго бытія. Дѣдушка живымъ болѣе не является на землю и не вмѣшивается непосредственно въ теченіе вещей, но человѣкъ никогда не можетъ жаловаться, что онъ оставленъ, ибо дѣдушка вѣдь вдунулъ въ чело каждаго своего духа, такъ что онъ можетъ избѣгать зла. А кто покорится судьбѣ, тому это не будетъ поставлено въ вину; доселѣ еще судьба желѣзною поступью бродитъ кругомъ и никто, застигнутый ею, не радъ, а многіе и совсѣмъ гибнутъ [1]).

Злое начало, или вѣрнѣе владыка царства тѣней, столь же мало касалось живущихъ внѣ предѣловъ этого царства; онъ распоряжался въ своемъ царствѣ, какъ зажиточный и властительный хозяинъ на землѣ. Такимъ образомъ эстъ не былъ ограничиваемъ и стѣсняемъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ

[1]) Сага эта записана Крейцвальдомъ и помѣщена въ приложеніи къ Ueber d. relig. Vorstell d. alt. Volk. in Liv-und Ehstland. Riga. p. 115—116. Можно думать, что отдѣльныя черты этой саги произошли подъ чуждымъ вліяніемъ, но мы не сомнѣваемся, что ея сущность и общій оттѣнокъ вытекли изъ духа эстонскаго народа.

свои дѣйствія высшихъ силъ; мѣриломъ его дѣятельности служило только обычное право, отличавшееся мягкимъ характеромъ его поэтической натуры. Съ другой стороны и тѣ немногія данныя касательно обычнаго права ливовъ, куронъ и эстовъ, которыя мы имѣемъ, также расходятся съ каноническимъ правомъ католической церкви. Напр. ливы, общественное устройство которыхъ основывалось на родовомъ и семейномъ началѣ, упорно сохранившемся вѣроятно вслѣдствіе ихъ взаимнаго отношенія къ латышамъ, жившимъ по мѣстамъ по среди ихъ, не обращали вниманія на каноническое различіе въ родствѣ кровномъ или свойствѣ (consanguinîtas vel affinitas) и безразлично брали себѣ въ жены вдовъ братьевъ. Это послужило предметомъ неоднократныхъ постановленій папъ, касавшихся примѣнимости этого семейнаго права къ католическимъ каноническимъ требованіямъ. Папы однако для уловленія ливовъ въ христіанство позволяютъ женившимся оставаться въ бракѣ, если только умершіе братья не оставили потомства, но запрещаютъ заключать такіе браки по принятіи христіанства и вообще совѣтуютъ терпѣть во второй и третьей степени браки заключенные въ язычествѣ [1]). Когда же ревностные католическіе священники требовали развода браковъ съ близкими родственниками, то уступка этому требованію могла быть только вынужденная, какъ это можно судить изъ того факта, что эсты въ 1222 г., по отпаденіи отъ христіанства, вновь приняли къ себѣ женъ, отпущенныхъ ими при принятіи христіанства. Что касается существованія у туземцевъ края состоянія рабства, то мы имѣемъ всѣ основанія отвергать его и признавать всѣхъ свободными съ тѣмъ однако различіемъ, что бѣднѣйшіе находились въ услуженіи у богатыхъ за извѣстную плату или только пищу. Поэтому понятно, какая должна была возникнуть борьба у туземцевъ съ нѣмцами, когда послѣдніе посягнули на самые дорогіе ихъ интересы и прочно установившіяся права и обычаи.

---

[1]) U. B. пп. B. (въ 1199 году). 145 (въ 1236 г.).

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

Сношенія туземцевъ съ Западомъ до XIII в.

Когда нѣмые историческіе памятники еще не пріобрѣли себѣ права на достовѣрный историческій источникъ, то прошедшая исторія той или другой страны была обыкновенно покрыта мракомъ неизвѣстности, и только съ появленіемъ письменныхъ памятниковъ исторія ея вдругъ освѣщалась предъ взоромъ изслѣдователя, и жизнь живущихъ въ ней народовъ представлялась ему прошедшею уже нѣсколько ступеней развитія, которыя однако ускользали отъ его духовнаго взора. Такова именно судьба нынѣшняго восточнаго Балтійскаго побережья. Первые болѣе или менѣе подробные письменные памятники, касающіеся его исторіи, какъ будто нарочно выдвигаютъ на видъ темное его прошедшее и свѣтлое настоящее и будущее. Въ прошедшемъ оно представляется въ нихъ обиталищемъ чудовищъ и дикихъ варваровъ, въ страну которыхъ можно было проникнуть только съ опасностью жизни. Однако съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать надлежащее вниманіе на нѣмые памятники Лифляндской исторіи, предѣлы этой исторіи расширились гораздо далѣе. Съ тѣхъ поръ становятся ясными и очевидными сношенія туземцевъ Балтійскаго побережья съ востокомъ и западомъ въ самыя древнѣйшія времена. Археологическія [1]), филологическія [2]) и историческія [3]) изысканія значительно разсѣяли мракъ, царившій до нихъ надъ этой страной. Въ нашу задачу не входитъ разсматриваніе отдаленной исторіи этой страны, мы начнемъ изслѣдованіе ея съ того времени, когда въ нее могли быть занесены сѣмена христіанства.

---

[1]) Worsaae, La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave et leur plus ancient etat d. civilisation. Copenhague 1873—74. и Aspelin, Juomalais-Ugrilaisen Muinaistutkinnon Alkeita. Helsingf. 1875. [2]) V. Thomsen, Ueber die Einfluss d. Germ. Spr. auf d. Finn-Lap. Uebers. v. Sievers. Halle. 1870.

[3]) V. Thomsen, the relations between Ancient Russia and Scandinavia and the origin of Russian state. Oxford and London. 1877.

По изслѣдованіямъ знаменитаго шведскаго ученаго Монтеліуса [1]), во второй половинѣ желѣзнаго вѣка (отъ 700 до 11 в.) самое большое вліяніе на Европу оказывали Византія и арабы, съ которыми сѣверъ Европы приходилъ въ тѣсное соприкосновеніе черезъ военную службу варяговъ въ лейбъ-гвардіи византійскихъ императоровъ и довольно оживленную торговлю съ арабскими странами Азіи. Объ этой торговлѣ мы получаемъ еще доселѣ новыя доказательства въ открываемыхъ главнымъ образомъ на Готландѣ, серебряныхъ сокровищахъ, смѣшанныхъ съ многочисленными арабскими монетами. Островъ Готландъ долженъ быть разсматриваемъ около конца языческаго вѣка какъ средоточіе сѣверной торговли. О древнѣйшихъ политическихъ столкновеніяхъ скандинавскихъ князей и викинговъ съ обитателями Прибалтійскаго края извѣщаютъ насъ скандинавскія саги [2]). Около начала второй половины желѣзнаго вѣка шведскій король Ингваръ предпринялъ походъ въ Эстонію, но погибъ здѣсь въ битвѣ съ эстами [3]). Его сынъ

---

[1]) Führer durch d. Museum vaterl. Alterthümer in Stockholm. Hamburg. 1876. p. 72 и Sveriges Hednatid samt Medeltid. Stockholm. 1877. B. I. p. 264—315.

[2]). Heimskringla, ed. G. Schoning. Havnie 1777. T. н. царская книга Konungabok) Снорре Стурлассона, составленная имъ въ первую половину XIII в. и начинающаяся съ юношескихъ сагъ (Inglinga sagor) представляетъ главнѣйшій источникъ древней Скандинавской исторіи. Древнѣйшую часть этихъ сагъ нельзя, конечно, разсматривать какъ достовѣрную исторію, п. ч. событія, воспѣтыя въ нихъ, произошли нѣсколько столѣтій прежде того времени, когда эти саги впервые были записаны. Что много въ нихъ вымышлено, легко замѣтить, и самъ Снорре, который въ путешествіяхъ по научнымъ центрамъ Западной Европы и Исландіи развилъ въ себѣ достаточную для своего времени способность критически относиться къ древнимъ преданіямъ, въ предисловіи къ своей книгѣ говоритъ: «иное записано по древнимъ пѣснямъ и сагамъ, которыми въ старину услаждали себя. Хотя въ нихъ есть нѣчто, доказательства истинности котораго мы не имѣемъ, но мы по крайней мѣрѣ имѣемъ доказательство на то, что древніе мудрые люди считали это за истинное. Тіодульфъ изъ Хвина былъ скальдомъ у Гаральда прекрасноволосаго... Древній періодъ (Inglingatiden) записанъ по сагамъ Тіодульфа; дальнѣйшее дополнено по сказаніямъ мудрыхъ людей». Такъ какъ Тіодульфъ жилъ въ послѣднюю часть IX в., то извѣстія за это время должны быть вообще достовѣрными; но, къ сожалѣнію, извѣстія его очень кратки, и теперь уже для насъ невозможно рѣшить, каковы были источники, которыми Снорре пользовался для дальнѣйшей древней исторіи Скандинавіи. Тѣмъ не менѣе однако слѣдующая новѣйшая часть сагъ должна быть признаваема въ существенномъ правдоподобною. См. Montelius, Sveriges Hednatid p. 5 и 242.

[3]) Ibid. p. 44. По сагѣ онъ палъ въ Эстоніи при Steinn и былъ погре-

Анундъ, съ цѣлью отомстить за смерть отца, опустошилъ широко Эстонію и возвратился назадъ съ великою добычею [1]). По исландскимъ сагамъ и Саксону Грамматику [2]), туземцы Балтійскаго побережья участвовали въ великой Бравальской битвѣ (776 ?), происшедшей вѣроятно при Бравикѣ въ Эстергётландѣ (Östergötland) [3]). По Саксону, Гаральдъ Златозубый (Hildetand) господствовалъ надъ всѣми странами, которыя подчинялись его дѣду Ивару; всѣ короли въ Швеціи и Даніи были его данниками и даже часть Англіи подчинялась ему. Состарѣвшись онъ поставилъ своего родственника Сигурда Ринга въ короли надъ Свитіодомъ и Вестергётландомъ, оставивъ за собою Данію и Эстергётландъ. Вскорѣ однако они пришли въ столкновеніе другъ съ другомъ. Гаральдъ собиралъ войска изъ Даніи, Эстергётланда и странъ на югъ и востокъ отъ Балтійскаго моря. Войско Ринга было собрано изъ Свитіода, Вестергётланда и нѣкоторыхъ частей Норвегіи. Между прочимъ на сторонѣ Ринга были куроны и эсты [4]) и русскій вождь Регнальдъ. На сторонѣ Гаральда были славяне, ливы и саксы. Престарѣлый Гаральдъ, предводительствовавшій войскомъ на колесницѣ, палъ и удостоился со стороны своего противника великолѣпнаго погребенія. Переходя ко временамъ христіанскимъ, мы встрѣчаемъ факты болѣе частыхъ сношеній или столкновеній скандинавскихъ и датскихъ королей съ туземцами Балтійскаго побережья. Изъ второй половины IX в. мы узнаемъ о походахъ датскаго и шведскаго королей въ Курляндію съ цѣлію покоренія ея. Біографъ и преемникъ св. Ансгарія Римбертъ [5]) († 888) извѣщаетъ насъ, что нѣкій народъ

бенъ на берегу моря при Adalsyssla. Но по другимъ позднѣйшимъ извѣстіямъ онъ погибъ или на Эзелѣ (Script. rer. Svec. t. I. p. 3), или на островѣ Lageno (ibid. p. 23), или наконецъ на одномъ изъ острововъ Балт. моря (Scandia illustr. J. Messenii, Stockholm. 1700. p. 25).

[1]) Heimskringla, p. 45.—[2]) Saxonis Gram. hist. Dan. ed. Muller t. I, p. 376—392, t. III, p. 220—229. Саксонъ жилъ въ концѣ XII вѣка; его исторія доходитъ до 1185 года. — [3]) Monteliusl. c. p. 249. — [4]) Saxon Gram. l. c. p. 376: cæterum alas globosque maxime Curetum Estonumqu consertior turma texuerat.

[5]) Vita S. Anscharii въ Script. rer. Svec. t. II, p. 232—236 cap. XXVII. Біографія эта по мнѣнію ученаго Дегіо (Gesch. d. Erzb. Hamburg-Bremen. Berlin 1877 B. I, p. 42) представляетъ историческій источникъ высокаго достоинства; въ ней повсюду просвѣчиваетъ правдивость. Нѣкоторое подозрѣніе въ этомъ разсказѣ возбуждаетъ извѣщеніе, что въ этомъ царствѣ существуетъ пять городовъ, что городъ Seeburg (Selburg?) имѣлъ 7000 защи

Chori (въ пер. швед. 14 в. Qwrlandh), живущій далеко отъ Швеціи, нѣкогда былъ покоренъ подъ шведскую власть, но уже съ давнихъ поръ, взбунтовавшись, отказался отъ этой зависимости. Датчане, зная это, въ то время, когда Ансгарій отправился въ Швецію, предприняли походъ противъ этой области съ цѣлью опустошить и покорить ее себѣ. Они однако потерпѣли пораженіе и потеряли половину своихъ кораблей съ золотомъ, серебромъ и оружіемъ. Не желая выпустить изъ рукъ свои древнія владѣнія, шведы со своей стороны предприняли походъ въ Куронію и, какъ говоритъ Римбертъ, взяли ихъ замокъ (Apulia-Pilten?) съ помощію христіанскаго Бога, къ Которому посовѣтовали обратиться посредствомъ жеребья бывшіе при войскѣ купцы. Послѣ этого защитники замка обѣщали возвратить награбленное въ прошломъ году съ датскихъ кораблей, платить прежнюю дань и дать заложниковъ въ количествѣ тридцати человѣкъ. По исландскимъ сагамъ около первой четверти X в. подверглась опустошенію отъ исландскихъ викинговъ сѣверная часть Эстоніи (Revalia) и острова Эзель [1]). Болѣе характерна другая сага [2]), разсказывающая, какъ Эгиль Скаллагримесонъ и его братъ около 925 года прибыли въ Курляндію въ качествѣ купцовъ. Поторговавъ однако полмѣсяца, они нарушили миръ и начали грабить [3]).

ковъ и Apulia—15,000; послѣдній по разсказу находился отъ порта на разстояніи 5 дней ходьбы. Фактъ, что Римбертъ ставитъ покореніе куроновъ причиною соблюденія шведами постовъ скорѣе говоритъ въ пользу достовѣрности разсказа, чѣмъ противъ ея. Что касается года, въ который совершился этотъ походъ шведовъ, то можно только приблизительно полагать его предъ 854 годомъ, п. что послѣ похода въ битвѣ съ пиратами въ 854 году по Фульдскимъ и Мецскимъ анналамъ погибъ король Эрикъ.

[1]) Antiquités Russes, t. I. p. 242.— [2]) Ibid. p. 225—59; ср. Montelius l. c. p. 305.

[3]) Въ этой правдоподобной сагѣ попадаются очень интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ жилищъ и домашнемъ бытѣ Куронъ. Hujus villæ dominus vir potens et dives... parietes aedificii ex ingentibus trabibus ligneis constabat, in altero vero extrema parte aedificii plena erat contabulatio... perquirentes januam in pavimento deprehendunt; hac aperta alta haberat (?) fovea. Нѣкто Акіосъ съ двумя сыновьями явился освобождать ихъ; они будучи natione Dani æstati superiore bello ibi capti. Акіосъ сказалъ: et ego quidem præcedenti hieme bene habitus magna ex parte curabam rem coloni; at adolescentes in servitutem redacti, male acquiescebant. Здѣсь же они нашли coenaculum ingens, in quo herus quiescere tolet; hic intus arma non desunt; въ столовой (coenaculum) они замѣтили lumen et famulos lectis struendis occupatos... operculum in tabulato pavimento erat, quo aperto, hortatus est, ut eo

Обстоятельства жизни норвежскаго короля Олафа Тригвессона также проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе Балтійскаго поморья. По скандинавской сагѣ [1]) онъ былъ сынъ Астриды, дочери шведскаго короля Эрика. Получивъ отъ Гакона свиту и присоединивъ къ ней нѣкоторыхъ купцовъ, Астрида отправилась въ Россію (Gardar, Gardariki) въ Новгородъ (Holmgardr) къ своему брату Сигурду, который находился въ великой чести у князя Владиміра. Но на дорогѣ Олафъ попалъ въ плѣнъ къ эстонскимъ пиратамъ вмѣстѣ съ Торальфомъ и Торгильсомъ (въ 972 г. ?). Торальфъ, какъ негодящійся подъ старость лѣтъ въ рабочіе, былъ убитъ, а другіе были проданы одному эсту за хорошаго кабана и кафтанъ — эсту, у котораго Олафъ былъ въ изгнаніи въ продолженіи шести лѣтъ. Случилось, что Сигурдъ, сынъ Эрика, пришелъ въ Эстонію за сборомъ дани князю Владиміру. Здѣсь онъ узналъ Олафа и выкупивъ его съ Торгильсомъ, увелъ съ собою въ Новгородъ. Здѣсь на рынкѣ Олафъ узналъ эста, убившаго Торальфа и поразилъ его сѣкирою въ голову; но такъ какъ, говоритъ сага, въ Новгородѣ миръ считался столь священнымъ и по закону всякій, незаслуженно убившій человѣка, подвергался смертной казни, то князю едва удалось усмирить ярость толпы, бросившейся за Олафомъ, послѣ того какъ княгиня уплатила пеню, слѣдующую за убійство человѣка. Олафъ былъ девяти лѣтъ, когда пришелъ въ Новгородъ; здѣсь, будучи 12 лѣтъ, онъ участвовалъ во многихъ походахъ, совершенныхъ Владиміромъ и пріобрѣлъ великія почести особенно у княгини. Послѣ девятилѣтняго пребыванія у Владиміра, онъ удалился въ Норвегію [2]). Дорогой онъ, будучи прибитъ бурею къ ве-

descenderunt in cellam terraneam: ibi thesauri heriles, res pretiosæ, magnave vis argenti erat. Egil unam ampheram mulsi, bene magnam, sub alam suspectam abstulit, quum domum ad prædium venit, vidit famulos a culina discedentes cum patinis, quas in triclinium inferebant... ignis supra cacabos: hic magnæ trabes domum fuerant vectæ... ignes pro ejus loci consuetudine hunc in modum fiebant.

[1]) Heimskringla, p. 191—193.

[2]) Antiquités Russes, t. I, p. 278, Какъ бы таинственъ не былъ тонъ разсказа о дѣтствѣ Олафа въ Россіи и Эстоніи, однако существенная часть его довольно правдоподобна, хотя есть хронологическія и историческія ошибки, напр., когда сынъ Эрика овладѣлъ Норвегіей, то на Руси княжилъ не Владиміръ, а отецъ его Святославъ, который не дѣлилъ своего княжества до 970 г., слѣд. Владиміръ не могъ называться въ 969 г. княземъ, когда родился Олафъ.

недамъ, женился на Геирѣ, дочери ихъ князя Бориславa и затѣмъ около и на Готландѣ занимался грабежемъ. Въ 988 г. онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Бориславомъ въ экспедиціи Оттона III въ Данію для обращенія Гаральда датскаго и Гакона норвежскаго въ христіанство. Послѣдніе вынуждены были креститься, хотя и лицемѣрно. Впрочемъ Гаральдъ остался въ христіанской религіи до самой смерти. Въ концѣ X в. намъ извѣстны нѣкоторые походы шведскихъ викинговъ въ Эстонію. Такъ, около 997 г. Эрикъ Ярлъ, сынъ Гакона, долго опустошалъ островъ Готландъ и грабилъ купеческіе корабли, прибывавшіе къ нему. Затѣмъ грабилъ владѣнія князя Владиміра, взялъ и разорилъ городъ Aldeygioburg при Ладогѣ и проникъ даже до Новгородскаго княжества; отсюда прошелъ чрезъ сѣверо-западную часть Эстоніи (Adalsyssla) и Эзель (Eysyssla), гдѣ захватилъ четыре датскихъ разбойничьихъ корабля [1]). Эти чисто грабительскіе набѣги едва ли могли оставить въ Прибалтійскомъ краѣ какіе-либо слѣды христіанства, развѣ только если нѣкоторые плѣнники не знакомили туземцевъ съ новою вѣрою. Во всякомъ случаѣ христіанство еще не настолько утвердилось въ это время на сѣверо-западѣ Европы, чтобы оно могло оставить замѣтные слѣды на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Но въ концѣ X и въ началѣ XI в. христіанство уже настолько усилилось, что могло дать о себѣ знать и здѣсь. Во второй половинѣ X вѣка шведскій и датскій король Эриксъ Побѣдоносный (Segersäll) принялъ крещеніе въ Даніи, но по возвращеніи на родину онъ вновь обратился къ древней вѣрѣ, хотя и не запрещалъ миссіонерамъ проповѣдывать въ своей странѣ христіанство. Его сынъ и преемникъ Олафъ Скётконунгъ (960—1022) весьма много содѣйствовалъ распространенію на сѣверѣ христіанства. Не будучи столь воинственъ и могущественъ, какъ отецъ, онъ по большей части велъ спокойную жизнь, окруженный скальдами и вѣдунами. Данія скоро пріобрѣла независимость отъ Швеціи, и восточные народы, которые прежде были данниками шведскихъ ко-

---

Вѣроятно, писатель смѣшалъ Святослава съ Владиміромъ. Мать Святослава—Ольга довольно подходитъ подъ описаніе саги. Далѣе, по сагѣ выходитъ, что Олафъ пришелъ въ Новгородъ какъ разъ въ томъ году, (978) когда Владиміръ долженъ былъ бѣжать за море.

[1]) Heimskringla, p. 295—96.

ролей, прекратили платить имъ дань. Нѣкоторое вознагражденіе за эти потери онъ получилъ чрезъ присоединеніе къ Швеціи извѣстныхъ частей Норвегіи послѣ паденія Олафа Тригвессона. Послѣ своего возвращенія въ Норвегію изъ долговременныхъ походовъ Олафъ Тригвессонъ сдѣлался королемъ. Будучи уже ревностнымъ христіаниномъ, онъ спустя нѣсколько времени сватался за Сигриду Великодушную (Storrada), вдову Эрика Побѣдоноснаго. Но когда она отказалась принять христіанство, то Олафъ опозорилъ ее. Въ возмездіе за это она подняла противъ него датскаго короля Свенда Двубородаго (Tjufvuskägg) и своего сына Олафа, и Олафъ Тригвессонъ погибъ въ отчаянной битвѣ (ок. 1000 г.) близъ острова Рюгена, послѣ чего Норвегія была раздѣлена между побѣдителями. Олафъ Тригвессонъ много трудился въ пользу распространенія христіанства. Даже въ Швеціи онъ подготовилъ почву для христіанской религіи, выдавъ свою сестру Ингеборгу за могущественнаго ярла Вестергётланда Рагнвальда подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она могла принять крещеніе и христіанскихъ проповѣдниковъ. Супруга Олофа Скётконунга также была христіанка и наконецъ онъ самъ принялъ крещеніе отъ еп. Сигфрида въ 1008 году. Въ исторіи Лифляндіи нѣкоторую роль играетъ современный Олафу Скётконунгу норвежскій король Олафъ Гаральдссонъ, прозванный Толстымъ, а послѣ смерти своей Святымъ. Совершая въ своей юности постоянные походы и набѣги Олафъ между прочимъ не упустилъ изъ виду и восточнаго побережья Балтійскаго моря. Такъ, въ 1008 году онъ опустошилъ островъ Готландъ и принудилъ гóтовъ платить себѣ дань, послѣ чего провелъ здѣсь цѣлую зиму, а весною подплылъ къ Эзелю; туземцы обѣщали ему дань, но вмѣсто нея явились къ нему готовыми въ битву, въ которой однако были побѣждены [1]). Между этими двумя королями сѣвера существовала непримиримая вражда. Для предотвращенія кроваваго столкновенія составился планъ выдать дочь Олофа Ингигерду за Олафа, но первый отказался выдать ее. Тогда по совѣту Рагнвальда Олафъ взялъ себѣ въ жену другую дочь Олофа Астриду, которая была у ярла въ гостяхъ. Но такъ какъ это случилось безъ согласія отца, то Рагнвальдъ болѣе не осмѣлился остаться въ странѣ и вскорѣ удалился въ Рос-

[1]) Heimskringla. t. II, p. 6.

сію (1019 г.) въ сопровожденіи Ингигерды, которая вышла здѣсь замужъ за великаго князя Ярослава въ Новгородѣ [1]). При предварительныхъ переговорахъ относительно брака Ингигерда выпросила у Ярослава въ приданное область Ладожскаго города (Aldegja) [2]), и отсюда, полагаютъ, получила свое названіе (Ингерманландія) и самая область [3]). Олафъ Святой участвовалъ въ борьбѣ шведскаго короля Анунда противъ могущественнаго датскаго и англійскаго короля Кнуда Великаго. Но когда шведскій король пересталъ поддерживать его, то онъ долженъ былъ бѣжать изъ Норвегіи, гдѣ королемъ считался уже Кнудъ, и искать убѣжища въ Россіи у своего свояка великаго князя Ярослава въ Новгородѣ (1029 г.). То обстоятельство, что на обратномъ пути онъ мирно въ сопровожденіи своей свиты въ количествѣ двухъ сотъ человѣкъ шелъ чрезъ Эстляндію, свидѣтельствуетъ до значительной степени въ пользу той мысли, что въ то время Эстонія подчинялась Ярославу. Весною онъ приготовилъ въ Эстоніи корабли и поплылъ на Готландъ, гдѣ мирно провелъ нѣсколько времени, пока получилъ изъ Норвегіи извѣстіе, что со смертію Гакона Норвегія лишилась своего вождя [4]). Тогда онъ устремился въ Норвегію и сдѣлалъ попытку возвратить себѣ престолъ, но палъ въ борьбѣ за него (1030 г.). Послѣ его смерти въ настроеніи норвежцевъ произошла перемѣна и въ непродолжительномъ времени онъ сталъ почитаться ими святымъ патрономъ Норвегіи. Также въ Швеціи въ средніе вѣка онъ повсюду почитался и не менѣе на Готландѣ, гдѣ онъ по своемъ возвращеніи изъ Россіи провелъ нѣсколько времени и, какъ говорятъ, положилъ основаніе христіанству [5]). Изъ дальнѣйшихъ сношеній скандинавскихъ королей съ русскими князьями нужно указать на норвежскаго короля Гаральда Жестокаго (Hardrada), сына Сигурда, который, посѣтивъ своего родственника великаго князя Ярослава (въ 1031 г.), влюбился въ его дочь Елизавету, на обратномъ пути изъ Греціи составилъ ей стихи и

---

[1]) Montelius, Sveriges historia, B. I, p. 259.—[2]) Antiquités. t. I, p. 443 cap. 86 и p. 446, 473 cap. 45. — [3]) Koskinen, Oppik. p. 8, Ингигерда была названа въ крещеніи или на смертномъ одрѣ Анною, а настоящее имя ея была Ирина. См. Карамзинъ, Исторія, т. II, примѣч. 26.

[4]) Heimskringla, t. II, p. 315, 325, 329. — [5]) Montelius, l. c. p. 261—262.

женился на ней (въ 1045 г.) [1]). Около этого же времени въ Швеціи царствовалъ Эмундъ Старый, который хотя и былъ крещенъ, но не былъ преданъ христіанству. Къ его времени относится первая попытка Швеціи освободиться изъ-подъ зависимости отъ бременскаго архіепископа. Эмундъ отказался принять присланнаго изъ Бремена епископа Адальварда старшаго, который въ Норвегіи въ Скарѣ трудился въ пользу распространенія христіанства. При преемникѣ Эмунда Стенкилѣ Рагнвальдсонѣ (ок. 1060 г.) Адальвардъ младшій, посвященный архіеп. бременскимъ въ епископы Сигтуны, съ успѣхомъ обращалъ язычниковъ въ христіанство. Послѣ Стенкиля (ок. 1066) въ Скандинавіи настали неспокойныя времена; возникла продолжительная борьба между шведами и готами, христіанами и язычниками. За то въ это время мы видимъ первыя миссіонерскія попытки у отдаленныхъ сѣверныхъ народовъ, исходящія изъ Даніи и Бремена. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ попыткамъ, мы попытаемся на основаніи извѣстій Адама Бременскаго [2]), писавшаго во второй половинѣ XI в. (онъ извѣстенъ съ 1068, а исторія его кончается 1075 г.), сколько нибудь разъяснить политическое положеніе обитателей восточнаго Балтійскаго побережья. Перечисливъ [3]) народы финскаго племени (Wizzi, Mirri, Lami, Scuti et Turci = Весь, Меря, Чудь), Адамъ Бременскій прибавляетъ: „итакъ берегами этого (т. е. Балтійскаго моря) съ юга владѣютъ славяне, съ сѣвера шведы“. Повидимому выходитъ, будто перечисленные выше народы подчинялись шведамъ. Но едва ли справедливо подразумѣвать подъ Scuti и Lami эстовъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, потому что въ другомъ мѣстѣ эсты упоминаются у него подъ ихъ собственнымъ именемъ [4]). Далѣе, въ главѣ 16 Адамъ говоритъ о владѣніяхъ датскихъ и шведскихъ на востокѣ. Перечисливъ острова въ южной части Балтійскаго моря, онъ заключаетъ: „эти пятнадцать острововъ принадлежатъ къ датскому королевству и всѣ уже обращены въ христіанство (christianitatis titulo decorati sunt). Затѣмъ онъ продолжаетъ: „есть и другіе выше острова, которые под-

[1]) Heimskringla, t. III, p. 54 cap. 2, p. 71 cap. 15 и 72 cap. 17.

[2]) Gesta Hamab. Hannoverae. 1846. — [3]) Ibid. lid. III, cap. 14. — [4]) Ibid. lib. III, cap. 12; ad litus australe Sclavi, Haisti, aliquae diversae incolunt nationes.

чиняются шведскому владычеству, изъ которыхъ больше всѣхъ тотъ, который называется Курляндіею (Churland) и лежитъ на разстояніи 8 дней; народъ самый жестокій по причинѣ чрезвычайнаго идольскаго культа избѣгается всѣми; тамъ золото въ изобиліи, кони самые лучшіе. Всѣ дома переполнены божественными авгурами и волшебниками (nigromantici), которые одѣты даже въ монашеское платье и изо всей земли ищутъ тамъ оракульскихъ отвѣтовъ (responsa), особенно изъ Испаніи и Греціи. Этотъ островъ, думаетъ Адамъ, названъ въ житіи св. Ансгарія Chori, на который тогда шведы наложили дань". Послѣ этого слѣдуетъ важное для насъ извѣстіе о сооруженіи въ Курляндіи церкви однимъ купцомъ, котораго датскій король Свендъ Эстридсонъ (1047—1078) склонилъ къ тому многими дарами. Адаму самъ король съ радостію разсказывалъ объ этомъ [1]). Намъ этотъ разсказъ представляется довольно сомнительнымъ, и даже если купцу дѣйствительно удалось построить въ Курляндіи церковь, то она во всякомъ случаѣ просуществовала самое короткое время [2]). Мало вѣроятно, чтобы простой купецъ могъ соорудить церковь въ странѣ, славившейся своимъ язычествомъ, тѣмъ болѣе что достовѣрность этого разсказа предполагаетъ широкую и прочную торговую связь датчанъ съ куронами, что противорѣчитъ послѣдующей исторіи. Наконецъ послѣдующая исторія не знаетъ тамъ никакихъ слѣдовъ христіанства [3]). Одновременно съ этой попыткой датскаго короля у бременскаго архіепископа Адальберта (1045—1072) возникъ грандіозный планъ, простиравшійся даже до отдаленнаго сѣвера. Онъ задумалъ основать на сѣверѣ особый самостоятельный пат-

---

[1]) Ibid. lib. III, cap. 16: Una ibi nunc facta est ecclesia cuisdam studio negotiatoris, quem rex Danorum multis ad hoc illexit muneribus. Ipse rex gaudens in Domino recitavit mihi hanc cantilenam. Шведскій ученый Мессеніусъ (l. c. t. x. p. 4) признаетъ фактъ постройки въ Куроніи нѣкіимъ купцомъ церкви, но въ то же время справедливо прибавляетъ, что тотъ напрасно увѣщевалъ куронъ принять христіанство.

[2]) Курдъ фонъ Шлёцеръ (Livl. u. die Anf. deut. Leb. in balt. Norden. Berlin. 1850. p. 51) признаетъ его достовѣрнымъ.

[3]) Кальмейеръ (Mitth. aus d. Livl. Gesch. B. IX, p. 149) справедливо отвергаетъ мнѣніе Ватсока (Jahresverth. d. Kurl. Gesell. f. Lit. u. Kunst. B. II, p. 287) и Крузе (Ur-Geschiche, p. 608), по которому древнія развалины при Гроссъ-Ирбенѣ на правомъ берегу Ирбы, вблизи ея впаденія въ море, суть развалины церкви, упоминаемой Адамомъ Бременскимъ.

ріархатъ, заключающій въ себѣ двѣнадцать епископій [1]). Съ этою цѣлью онъ между прочимъ учредилъ для финскихъ племенъ двѣ епископіи, соотвѣтствовавшія двумъ подраздѣленіямъ этого племени, сѣвернымъ и южнымъ Скритфиннамъ [2]) и балтійскимъ народамъ финскаго происхожденія. Между первыми миссіонерскія попытки дѣлалъ уже Олафъ Святой и выстроилъ церковь [3]). Пользуясь благосклонностію шведскаго короля Стенкиля († 1066), съ которою тотъ относился къ посвященнымъ Адальбертомъ епископамъ и священникамъ [4]), Адальбертъ пытался начать дѣло миссіи съ другой стороны — со шведскаго Гельсингланда. Для этого онъ отправилъ туда Стенфія (Симона), котораго проповѣдь признавалась плодотворною [5]). Другая миссіонерская епископія была предназначена для туземцевъ Прибалтійскаго края [6]), но такъ какъ было опасно посылать далеко епископа, лишеннаго всякой защиты, то ему было указано мѣсто въ Швеціи въ Биркѣ, которая находилась какъ разъ противъ Куронскаго побережья и была вѣроятно нынѣшній Борхгольмъ на Оландѣ [7]). Здѣсь епископомъ Адальбертъ поставилъ Гильтина, аббата своего монастыря Гозека и природнаго баварца, который какъ миссіонеръ былъ названъ Іоанномъ. Послѣ двухлѣтнихъ усилій (1069—1071) [8]), о ко-

---

[1]) Dannenberg. Erzbisch. Adalbert v. Hamburg-Bremen u. d. Patriarchat d. Nordes. Mitau 1877; ср. *Dahlmann*, Gesch. v. Danemark. B. I, p. 181.

[2]) Они назывались такъ отъ лыжъ, по швед. scrida—двигаться, скользить. У русскихъ лѣтописцевъ они назывались Чудь, у финновъ—Hiidet, у готовъ Iotunner.

[3]) Adam l. c. Schol. 141. [4]) ibid. l. III, cap. 14.

[5]) Ibid. III, 70; Schol. 94; IV, 24; Schol. 132.

[6]) Ibid. IV, 20; Schol. 94.

[7]) Dehis, l. c. B. II p. 197. Адамъ Бременскій l. c. III, 17) ставитъ Бирку не далеко отъ Эстокіи (cum illa superior (т. е. Aestland) non longe sit Birca Sveonum).

[8]) Что касается точнѣйшаго опредѣленія времени дѣятельности Гильтина, то съ одной стороны зная, что онъ еще въ 1069 г. является въ одномъ актѣ (Hamb. Urk. B. n. 101) въ качествѣ свидѣтеля, какъ аббатъ Гозецкій, а съ другой, — что онъ, по свидѣтельству Саксона, еще въ 1071 г., былъ епископомъ и что архіеп. Адальбертъ умеръ въ первой половинѣ 1072 г. болѣе правдоподобно ставить время его миссіонерской дѣятельности между 1069—1072 г. Фактъ, что Адальбертъ въ письмѣ отъ 1065 г. (Hamb. U. B. n. 99) послѣдній разъ именуетъ себя universarum septentrionalium et orientalium nationum archiepiscopus, а въ позднѣйшихъ актахъ orientalium выпускаетъ, по нашему мнѣнію долженъ имѣть менѣе вліянія на установку хронологіи, чѣмъ вышеприведенные факты.

торыхъ къ сожалѣнію ничего неизвѣстно, убѣдившись, что его трудъ все же долженъ остаться безплоднымъ, онъ возвратилъ свой пастырскій жезлъ въ руки Адальберта [1]). Послѣ этого дѣло западной миссіи въ Прибалтійскомъ краѣ надолго остановилось, и надежды, которыя были возлагаемы на нее королемъ Свендомъ и архіеп. Адальбертомъ, не осуществились. Что же касается собственно Эстляндіи, то здѣсь ко времени Адама Бременскаго съ запада не было сдѣлано никакихъ попытокъ ввести христіанство. Ему эсты представляются совершенно незнающими христіанскаго Бога; они, по его словамъ, обожаютъ драконовъ съ птицами, которымъ даже приносятъ въ жертву людей, покупаемыхъ отъ купцовъ, тщательно изслѣдовавъ ихъ, не имѣютъ ли они какого либо порока въ тѣлѣ, за которые драконы отказываются ихъ принять [2]). Въ то время какъ въ Швеціи господствовала неурядица, датскіе короли воспользовались этимъ для увеличенія своей власти на востокѣ. Такъ, датскій король Канутъ († 1076), сынъ Свенда, еще въ молодости совершалъ грабительскіе походы въ страну жмуди (Sembi) и эстовъ [3]). Достигши престола, онъ вновь предпринялъ походъ на востокъ „не столько ради удовлетворенія страсти, сколько ради распространенія религіи“; походъ этотъ кончился, по словамъ Саксона, полнымъ уничтоженіемъ царства куронъ, жмуди и эстовъ [4]). Если этотъ походъ поставить въ связь съ стараніями его предшественника Свенда Эстридсона выстроить въ Куроніи церковь, то мы пріобрѣтаемъ нѣкоторое основаніе думать, что планъ этотъ не осуществился, а если и осуществился, то результаты его просуществовали, недолго, и

---

[1]) Adam. III, 70; IV, 20; Schol. 94; ср. Chronicon Gozense y Pertz'a, t. X, p. 145. Verum Hiltinus episcopus factus, cum per duos fere annos arguendo, obsecrando gregi sibi credito invigilaret, nec tam verbo et exemplo praeeunti consentientem perspiceret, suscepti regiminis pondera sero licet sibi doluit imposita, et verens, ne, dum diutius in eis frustra laboraret, suaemet salutis curam negligeret, virgam pastoralem archiepiscopo reddidit, et unde venerat, huc se recepit.

[2]) Adam, III cap. 17: praeter ea recitatum est nobis, alias plures insulas in eo ponto esse, quarum una grandit Aestland dicitur non minor illa, de qua prius diximus (т. е. о Куроніи). Nam et ipsi Deum christianorum prorsus ignorant, dracones adorant cum volneribus, quibus etiam litant vivos homines.

[3]) Sax. Gram. l. c. t. II p. 565.

[4]) Ibid. p. 573: orientale bellum potius amplificandae religionis, quam explendae cupiditatis gratia totis viribus innovandam curabat.

послѣдній датскій король долженъ былъ на дѣлѣ убѣдиться, какъ трудно положить основаніе христіанству въ Прибалтійскомъ краѣ. Слѣдующій извѣстный намъ походъ на востокъ со стороны Даніи совершилъ Кнудъ Лавардъ († 1131); походъ этотъ носилъ уже чисто грабительскій характеръ и касался вѣроятно только владѣній шведскаго короля въ Куроніи и Эзелѣ [1]). Его сынъ датскій король Вольдемаръ I († 1182) вынужденъ былъ въ 1170 году лѣтомъ выслать войско для наказанія куронъ, соединенныхъ съ эстами, грабившихъ датскія владѣнія на южномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Настигнутые на островѣ Оландѣ, пираты потерпѣли отъ датчанъ полное пораженіе [2]). Его преемникъ Канутъ VI въ 1184 году съ большимъ флотомъ предпринялъ исключительно грабительскій походъ противъ эстовъ; походъ этотъ вѣроятно не достигъ своей цѣли, потому что въ это время враги напали на его собственныя владѣнія, которыя съ трудомъ удалось отстоять архіеп. Абсалону, и король долженъ былъ воротиться поспѣшно назадъ [3]). Со стороны Швеціи за это время намъ извѣстенъ походъ Сверкера Старшаго (1133—1155 или 56) въ Эстляндію (въ 1142 г.): подплывъ весною къ области Віику на пяти корабляхъ, изъ которыхъ однимъ управлялъ священникъ Озуры (Özur), шведы опустошили его и возвратились на Готландъ съ великою добычею; здѣсь, поссорившись съ саксонцами, они овладѣли двумя саксонскими купеческими кораблями [4]).

Очень вѣроятно, что претензіи датскихъ и шведскихъ королей на Лифляндію въ XII в. основывались не столько на давности ея зависимости отъ нихъ, сколько на родственныхъ связяхъ русскихъ князей съ ними. Какъ ни запутанны эти связи въ частностяхъ, но въ общихъ чертахъ они могутъ быть достаточно разъяснены на основаніи свидѣтельствъ скандинавскихъ сагъ и Саксона Грамматика. Такъ,

---

[1]) Ibid. p. 630, прим. 2. [2]) Ibid. p. 848. 852. [3]) Ibid. p. 969.

[4]) Antiquites t. II, p. 77—78, cap. 113. Въ русской лѣтописи (Новг. I. Л. 6650) также упоминается, вѣроятно, объ этомъ же походѣ Сверкера Старшаго, но здѣсь извѣстіе менѣе точно и касается можетъ быть только происшествія при Готландѣ, откуда пришедшіе въ Новгородъ русскіе купцы могли сообщить здѣсь о происшедшемъ. Русское лѣтописное извѣстіе гласитъ такъ: «въ то же лѣто приходи Свьискѣи князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ; и бившася, не успѣша ничто же и отлучиша ихъ 3 лодьѣ, избиша ихъ полутораста.

можно думать, что Владиміръ Мономахъ [1]) былъ женатъ на Гидѣ, дочери Гаральда Годвинсона. Вѣроятно, сынъ Мономаха Мстиславъ былъ женатъ на Кристинѣ, дочери шведскаго короля Инга Старшаго († ок. 1110 г.) [2]). Отъ нихъ родились дочери Мальмфрида и Ингеберга, изъ которыхъ первая была замужемъ за норвежскимъ королемъ Сигурдомъ Горсалафаромъ († 1130), вторая—за датскимъ королемъ Кнудомъ Лавардомъ, отъ котораго родился Вольдемаръ († 1192) [3]). Затѣмъ, дочь польскаго короля Болеслава Рикисса, бывшая сначала женою короля Магнуса Нильсона († 1134) въ Вестергётландѣ, потомъ вышедшая замужъ за шведскаго короля Сверкера Старшаго († 1155 или 56), наконецъ сдѣлалась женою русскаго князя Володаря, вѣроятно Глѣбовича, князя Городецкаго или Минскаго. Отъ нихъ родилась Софія († 1198) супруга датскаго короля Вольдемара I [4]). Володарь Глѣбовичъ происходилъ отъ Брячеслава Изяславича изъ рода прекрасной Рогнѣды, котораго сага Эймунда называетъ Вартиславомъ, княземъ Полоцкимъ (Paltescia). Софія родилась вскорѣ послѣ 1143 года, потому что обрученная Вольдемару въ 1154 году, она не могла по причинѣ молодости выдти за него до 1157 года. Саксонъ Грамматикъ [5]) утверждаетъ, что Вольдемаръ сначала отказывался отъ этого брака, потому что она, будучи по отцу русскою, не имѣла никакого наслѣдства въ Даніи. Отсюда есть основаніе думать, что послѣдующіе походы въ Лифляндію датскихъ ко-

---

[1]) Саксонъ свидѣтельствуетъ (Hist. Dan. ed. Muller, t. I p. 556), что дочь Гаральда была выдана за Владиміра, князя русскаго, который назывался также Ярославомъ. Гида не могла быть за Владиміромъ, сыномъ Ярослава, потому что послѣдній умеръ въ 1052 г., а Гаральдъ оставилъ Англію только послѣ 1066 г.; поэтому Владиміръ долженъ быть скорѣе сыномъ Всеволода.

[2]) Ср. Карамзинъ, т. II, прим. 147. 154.

[3]) Sax. Gram. l. c. t. II, p. 617. 641. Говоря о рожденіи Вольдемара, Саксонъ добавляетъ: cui et materni avi nomen datur, намекая этимъ на Владиміра Мономаха. Ср. Monteluis l. c. p. 372.

[4]) Что отецъ ея былъ Володарь Глѣбовичъ, а не Владиміръ Володаревичъ, князь Галицкій, это подтверждается тѣмъ, что еще въ 1178 году отъ ея отца были посланы Вольдемару дары: per idem tempus sclavorum piratae spoliatis Woldemari legatis navigium muneribus eidem a socero transmissis onustum capere (Sax. Gram. p. 920), а Владиміръ Володаревичъ, князь Галицкій, умеръ въ 1152 году.

[5]) L. c. p. 703. Sed Woldemarus... quo minus ad hanc copulam intenderet, inopiam virginis obstare dicebat, quod patre Rutheno procreato, nullorum in Dania bonorum haeres existeret.

ролей Канута IV и Вольдемара II отчасти основывались на ихъ родственныхъ связяхъ. Мысль эта получаетъ еще нѣкоторое подтвержденіе, если отожествить Полоцкаго князя Владиміра, позволившаго Мейгарду проповѣдывать въ Ливоніи христіанство, съ сыномъ упомянутаго выше князя Володаря, Владиміромъ, хотя Карамзинъ [1]) считаетъ послѣдняго за одну и ту же личность съ Василько, другимъ сыномъ Володаря [2]). Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ часть Курляндіи нѣкогда подчинялась Швеціи и Даніи. На эту зависимость прямо намекаетъ папскій легатъ Балдуинъ, когда въ 1230 году, подчиняя папѣ куронъ по обѣ стороны Виндавы и обязывая ихъ отправлять тѣ же повинности, какія существовали на Готландѣ, онъ освобождаетъ ихъ этимъ отъ подчиненія Даніи или Швеціи [3]).

Когда такимъ образомъ къ половинѣ XII вѣка сѣверо-востокъ Балтійскаго поморья сдѣлался вообще извѣстнымъ и вступилъ въ болѣе частыя сношенія съ западной Европой и Скандинавіей, въ которыхъ къ этому времени христіанство уже значительно упрочилось, то по неизбѣжному порядку вещей миссіонерская дѣятельность запада, направленная на востокъ Балтійскаго моря, должна была принять большіе размѣры и повести наконецъ къ дѣйствительному распространенію здѣсь христіанства со стороны запада. Промежуточнымъ и посредствующимъ звеномъ для одной части Балтійскаго поморья служилъ островъ Готландъ. Здѣсь христіанство распространилось уже до двѣнадцатаго вѣка, и отсюда купцы, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ Лифляндіею, легко могли познакомить ея обитателей хотя бы съ внѣшнею стороною христіанской религіи. Уже въ концѣ IX вѣка Готландъ, по свидѣтельству путешественника Вульфстана, принадлежалъ къ Швеціи [4]), а около 1000 года онъ формально перешелъ подъ покровительство шведскихъ королей и обязался платить имъ ежегодную дань, вынужденный къ тому Эрикомъ Ярломъ [5]). На основаніи позднѣйшихъ преданій думаютъ, что еще Олафъ Святой при

[1]) Исторія, т. III, стр. 273.

[2]) Antiquités, t. I, p. 377—389 и 481—489.

[3]) Livl. U. B. n. 103: Ad ea vero jura, quae persolvere tenentur indignae de Gothlandia per omnia perpetue tenebuntur episcopo suo, suisque praelatis annuatim persolvenda, ita quod nec regno Daciae nec Sveciae subiicientur.

[4]) Antiquités, t. II, p. 468. [5]) Sveriges Tractatar med Frammande Magter. Utg. af O. Rydberg. Stockholm 1877. D. I n. 19.

обратной поѣздкѣ изъ Россіи въ 1030 году положилъ здѣсь основаніе христіанству [1]). Около 1150 года готландцы обязались принять епископа и священниковъ и сопровождать шведскихъ королей съ шестью кораблями въ походахъ, но только противъ язычниковъ, или взамѣнъ этого платить за каждый корабль 14 марокъ пфенниговъ [2]). Христіанство начало распространяться здѣсь въ XI вѣкѣ и въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія было всеобще принято. Въ церковномъ отношеніи Готландъ подчинялся Линконійской церкви [3]). Въ 1217 году папа Гонорій издалъ буллу [4]), въ которой утвердилъ старые договоры между Линконійскимъ епископомъ съ одной стороны и Готландскимъ духовенствомъ съ другой, касающіеся десятины; здѣсь эти договоры представляются добровольно принятыми и многократно одобренными (ab utraque parte sponte recepta et multis temporibus approbata). Отсюда можно принять, что присоединеніе Готланда къ Линконійскому діоцезу совершилось при первомъ его епископѣ Гизлѣ, котораго дѣятельность падаетъ на первую половину XII вѣка или нѣсколько на вторую и современна королю шведскому Сверкеру Старшему, пребывавшему въ Остергётландѣ. Уже въ XII в. на Готландѣ извѣстны слѣдующія церкви и приходы: Акубекъ (1149), Алуме (1149), Гискелемъ (1196), Гротингабо (1199) и Фартемъ (11...) [5]).

Можетъ быть одновременно или нѣсколько позже положено начало введенію христіанства на южномъ берегу Балтійскаго моря среди языческихъ венедовъ и пруссовъ усиліями польскихъ, нѣмецкихъ и датскихъ королей. Борьба съ этими народами была столь продолжительна и упорна, что прежде чѣмъ они не были окончательно сломлены, нельзя было думать о покореніи и обращеніи отдаленнаго сѣверо-востока. Въ то время когда датскій король Вольдемаръ I (1157—1179) первый упорно, почти въ продолженіе всего своего царствованія, боролся съ венедами [6]), шведы, свободные отъ внутреннихъ и внѣшнихъ неурядицъ,

[1]) Script. rer. Svecic. t. III sect. I, p. 10: tok ormica widr cristindomj eptir helga Olafs kennjdomi oc gierdi sir byna hus j sama sed sum nu standr Aergorna Kirchia deodan for helgi Olavir til Yerzlafs j Hulmgardi. Ср. Munch, Det Norske Foles Hist. I p. 764, 774.

[2]) Sveriges Tractatar, n. 37. [3]) Svenset Dipl. t. I, n. 832. [4]) Ibid. n. 168.

[5]) Script. rer. Svec t. III, sect. II, p. 291—293.

[6]) Dahlmann, Gesch. von Danemarn Hamburg. 1840, p. 283—301.

направили свою миссіонерскую дѣятельность на Финляндію. Въ Швеціи въ началѣ XII вѣка христіанская религія сдѣлалась уже господствующею, и когда во главѣ шведовъ сталъ, какъ говорятъ, богатый и способный крестьянинъ Эрикъ (IX) Іедвардсонъ (1150 — 1160) и соединилъ подъ своею властію всю Швецію въ 1156 году, то было самое удобное время предпринятія миссіонерскаго похода въ Финляндію. Возможно, какъ полагаетъ финскій ученый Коскиненъ, что поводъ къ нему далъ папа Адріанъ IV, который еще прежде въ 1152 году посѣтилъ Швецію въ качествѣ папскаго легата и дѣйствовалъ здѣсь въ духѣ сближенія сѣверныхъ странъ съ папскимъ престоломъ. Можетъ быть въ томъ же миссіонерскомъ направленіи дѣйствовалъ на Эрика (IX) тогдашній Упсальскій епископъ Генрихъ. Какъ бы то ни было, но Эрикъ въ 1157 году собралъ крестоносцевъ и поплылъ въ Финляндію въ сопровожденіи епископа Генриха и священниковъ [1]). Крестоносное войско, какъ полагаютъ, пристало въ устьѣ рѣки Ауры, гдѣ можетъ быть уже прежде находился торговый рынокъ, на что указываетъ имя Турну (рынокъ), у шведовъ Або. Финнамъ предложили христіанскую вѣру и потребовали дань, но когда они отказались принять вѣру и платить дань, шведы прибѣгли къ силѣ оружія. Финны, оружіе которыхъ было гораздо менѣе усовершенствованное, чѣмъ у шведовъ, въ большинствѣ сраженій были побѣждены и должны были принять крещеніе. Видя погибель враговъ, которые безъ крещенія пошли въ адъ, благочестивый король уступилъ и пригласилъ остальныхъ на мелкое мѣсто, и древнее преданіе гласитъ, что епископъ Генрихъ крестилъ ихъ въ Купитскомъ источникѣ близъ нынѣшняго Або. Возможно, что для защиты христіанской вѣры въ этомъ мѣстѣ еще тогда выстроили городъ Або на мысѣ Ани при устьѣ рѣки Ауры. Самъ король и большая часть крестоноснаго войска отплыли тою же весною въ Швецію, оставивъ епископа со священниками въ Финляндіи для распространенія вѣры. Генрихъ, повидимому, сосредоточилъ свою дѣятельность въ области тогдашнихъ финновъ и, разсказываютъ, дошелъ съ проповѣдью до

---

[1]) О хронологіи и самомъ событіи см. H. G. Porthani Opera selecta. Helsing. 1859. D. I, p. 10 — 11, 100—126; D. IV p. 277—286 и Sylloge monumentorum ad illustr. hist. Fin. ed. H. Porthan, Aboae 1802 p. 3—5.

Кокемы. Здѣсь въ слѣдующую зиму 1158 года онъ былъ убитъ зажиточнымъ крестьяниномъ Лалли или Лолли на льду Кейлискаго озера. Тѣло мученика повезли въ Ноузію, гдѣ впослѣдствіи въ память его была выстроена церковь. Спустя два года, умеръ и Эрикъ въ Упсалѣ и сдѣлался потомъ патрономъ Швеціи. Какъ шли дѣла миссіи послѣ смерти Генриха, изъ современныхъ лѣтописей мало извѣстно. Руководителями миссіи послѣ него сдѣлались Родульфъ (1158—1178) и Фольквинъ, оба по происхожденію шведы. Они еще не были утвержденными папою епископами, но представляли собою епископовъ-проповѣдниковъ, посланныхъ Упсальскимъ епископомъ, который въ 1164 году былъ сдѣланъ самостоятельнымъ архіепископомъ. Коскиненъ думаетъ, что чужестранные проповѣдники въ скоромъ времени подготовили природныхъ финскихъ священниковъ и что такимъ образомъ чуждая вѣра скорѣе проникла въ народъ [1]). Народъ однако медленно поддавался христіанству и сопротивлялся ему. Въ буллѣ папы Александра III отъ 1171 (или 1172) года [2]) говорится, что финны всегда, когда имъ угрожаетъ непріятельское войско, обѣщаютъ соблюдать христіанскую вѣру и усердно просятъ для себя проповѣдниковъ и воспитателей въ христіанскомъ законѣ, но съ удаленіемъ войска отрекаются отъ вѣры и жестоко осуждаютъ и преслѣдуютъ проповѣдниковъ. Въ виду этого папа увѣщеваетъ Упсальскаго архіеп. Стефана, его викаріевъ и Ярла Гутторма остерегаться такого обмана, чтобы финны не прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ ихъ помощи, и совѣтуетъ оказывать имъ помощь только въ томъ случаѣ, если финны передадутъ имъ свои укрѣпленія или дадутъ другое какое-либо ручательство, что бы дало возможность принудить ихъ твердо держаться основаній христіанской вѣры. Здѣсь не указывается точно, кто были враги финновъ, но Коскиненъ на основаніи обстоятельствъ времени полагаетъ, что русскіе въ союзѣ съ корелами пытались посредствомъ учащенныхъ набѣговъ предотвратить обращеніе финновъ. На этихъ

[1]) Коскиненъ (l. c. p. 24) основываетъ свою мысль на извѣстіи Генриха Латыш., по которому въ числѣ проповѣдниковъ въ Лифляндіи попадается финнъ Петръ Кайкивальта. Но фактъ этотъ скорѣе можетъ быть объясняемъ въ другомъ направленіи, если имѣть въ виду, что священники изъ туземцевъ въ числѣ лифл. проповѣдниковъ обыкновенно представляются съ малолѣтства попавшими въ плѣнъ и воспитанными въ плѣну въ духѣ христіанства.

[2]) Sveriges Tractatar, n. 76.

враговъ [1]) уже въ 1164 году сдѣланъ походъ со стороны финновъ и финляндскихъ шведовъ. Послѣдніе подплыли тогда на 55 корабляхъ по Невѣ къ Ладогѣ, но были отбиты. Русскіе и корелы не забыли этого похода. Въ 1178 году корелы ходили на финновъ, взяли Родульфа въ плѣнъ и умертвили его на своей родинѣ. Въ 1186 году грабительскій набѣгъ на Емь (Hämälaiset) предприняли новгородцы; тогда къ старой враждѣ присоединилось еще опасеніе, чтобы Емь не перешла въ подданство Швеціи [2]). Но замѣчательный походъ сѣверовосточныхъ народовъ былъ совершенъ въ 1187 году на самую Швецію. Въ числѣ участвовавшихъ, вѣроятно, были и корелы, и русскіе. Соединенные народы на обширномъ флотѣ вошли въ Малэрское озеро, до тла разрушили знаменитый городъ Сигтуну, умертвили упсальскаго архіепископа Іоанна и возвратились съ большою военною добычею. Коскиненъ считаетъ безспорнымъ, что этотъ походъ былъ предпринятъ подъ руководствомъ новгородцевъ, ибо ихъ гнѣвъ, говоритъ онъ, былъ теперь столь возбужденъ, что они на нѣсколько лѣтъ прервали торговыя связи съ Готландомъ и западными народами. Въ то же время въ 1191 году новгородцы въ союзѣ съ корелами вновь совершили походъ на Емь [3]) и въ 1198 году чуть ли не имѣли желанія искоренить всѣхъ финновъ-христіанъ, пожегши городъ Або. Возможно, что при этомъ нашелъ свою смерть епископъ Фольквинъ. Само собою понятно, что этимъ пораженіемъ на нѣсколько лѣтъ было остановлено дѣло обращенія финновъ [4]).

Когда такимъ образомъ въ Финляндіи было положено начало христіанству, то вѣроятно слухъ объ этомъ распространился по всей сѣверной Европѣ и послужилъ для нѣкоторыхъ пылкихъ и ревностныхъ натуръ поводомъ къ энергической пропагандѣ христіанской миссіи въ Лифляндіи. Иниціатива этого дѣла по всей вѣроятности принадлежитъ Реймсскому аббату Петру. Но къ великому сожалѣнію, все затѣянное имъ предпріятіе остается до сихъ поръ не разъясненнымъ, да и едва ли можетъ быть представлено въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно совершилось; такъ что на этомъ предпріятіи подтверждается мысль, что въ нѣкоторыхъ отдѣль-

[1]) Новг. I и IV Л. 6672. [2]) Тамъ же Л. 6694. [3]) Тамъ же Л. 6699.

[4]) Koskinen l. c. p. 22—25; Krohn, Kertomuksia Suom. hist. 2 pain. Tamperella. 1875. p. 1—11 и Montelius l. c. p. 383—84.

ныхъ моментахъ лифляндская исторія можетъ быть представлена не въ дѣйствительной послѣдовательности внѣшнихъ фактовъ, но въ идеальной послѣдовательности представленій. По болѣе правдоподобному мнѣнію Рейтера [1]) ходъ дѣла представляется такъ. Задумавъ миссію въ Эстляндію, Реймсскій аббатъ Петръ избралъ для этого своего ученика монаха Фулькона(Fulco), который сначала былъ въ Целльскомъ монастырѣ, а потомъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ аббатомъ Петромъ переселился въ Реймсъ [2]); аббатъ отправилъ Фулькона къ лундскому архіепископу Эскиллу, который посвятилъ его въ епископа [3]). Это было вѣроятно въ 1169 году. Чтобы заручиться авторитетомъ и матеріальной поддержкой, Фульконъ возвращается изъ Лунда назадъ въ Реймсъ во Францію къ своему духовному отцу и запасшись отъ него рекомендательнымъ письмомъ, отправляется къ папѣ Александру III въ Феросси лѣтомъ 1170 (?) года, не смотря на то, что ему грозили смертію время года, вражда императора Фридриха съ папою и язычники [4]). Но это путешествіе его къ папскому двору, вѣроятно, не увѣнчалось успѣхомъ, и онъ долженъ былъ предпринять въ томъ же году вторичное путешествіе къ папѣ, ибо онъ нуждался въ его высшемъ одобреніи и авторитетѣ [5]). Можетъ быть въ это же самое время аббатъ Петръ обратился къ шведскому королю Кнуту Эриксону (1167—1195 или 96) и архіепископу Стефану съ просьбою содѣйствовать миссіи Фулькона [6]), На этотъ разъ путешествіе Фулькона къ папѣ, повидимому, увѣнчалось успѣхомъ, ибо тотъ снабдилъ его рекомендательными письмами и увѣща-

[1]) Gesch. Alex. d. Dritten, B. III p. 615—621 и 774—777.

[2]) Diplom. Svecanum. Liljegren. Holmiae 1829. V. I, n. 43: quod lator praesentium in grenui nostrae humilitatis coalescens habitum religionis a nobis in monasterio Cellensi suscepit, diuque ibi ubera vini meliora sugens....

[3]) Ibid. n. 45 или Livl U. B. n. 3: episcopus Fulco... quem ego (т. е. аббатъ Реймсскій Петръ) genui monachum et vos (т. е. архіеп. Эскиллъ) episcopum...

[4]) Liljegren, n. 43: in itinere, quo pergit, mortem minatur aestas et imperialis potestas, et quam exposcit si obstinuerit, mortem impostat barbarorum infida societas.

[5]) Ibid. n. 44. Письмо аббата Петра: Proinde petitiones pauperis illius episcopi Fulconis, qui hoc anno curiam visitavit et modo nobiscum hospitatur, apud vestrum sanctitatem commendamus... qui ubi nulla aut rara fidei suppellectilia sunt, suffragio copiosiare indigetur... sed autoritas vestra cum ipso et in ipso operans, ut facilius ei ob incredulis credatur.

[6]) Livl. U. B. n. 2.

тельными грамотами къ высшимъ властямъ христіанскихъ странъ сѣвера. Ободренный и неутомимый Фульконъ повидимому шелъ уже на проповѣдь христіанства. Дорогой его духовный отецъ вручилъ ему рекомендательное письмо къ датскому архіепископу Эскиллу; по письму видно, что Фульконъ и аббатъ Петръ возлагали большія надежды на содѣйствіе Эскилла въ предпріятіи и что Фульконъ уже предпринялъ путь въ дикую провинцію (duram provinciam sortisus est). Чтобы болѣе расположить Эскилла въ пользу миссіи, аббатъ Петръ сильно настаиваетъ на томъ, что новыя пріобрѣтенія Фулькона въ пользу христіанства будутъ безспорною принадлежностью архіеп. Эскилла [1]). Но конечно болѣе можно было ждать отъ папскихъ буллъ, относящихся вѣроятно къ 1171 году. Въ одной изъ нихъ папа приказываетъ дронтгеймскому архіепископу Эйстейну Эрлингсону и епископу ставангерскому дать эстонскому епископу Фулькону въ сотрудники монаха Николая, который былъ эстонскаго происхожденія [2]). Въ другой папа, услышавъ о жестокости эстовъ и другихъ язычниковъ сѣверныхъ странъ противъ христіанъ, даетъ разрѣшеніе грѣховъ на цѣлый годъ всѣмъ, которые изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи отправятся на борьбу съ поименованными язычниками и отпущеніе всѣхъ грѣховъ тѣмъ, которые падутъ на полѣ брани, ставя это разрѣшеніе наравнѣ съ тѣмъ, которое дается посѣщающимъ гробъ Господень [3]). Въ третьей онъ въ частности увѣщеваетъ вѣрующихъ въ Даніи къ матеріальной поддержкѣ эстонскаго епископа Фулькона, со рвеніемъ стремящагося къ обращенію народа своей епископіи, который не знаетъ христіанской вѣры [4]). Кромѣ личной просьбы Фулькона папа въ данномъ случаѣ безспорно

---

[1]) Ibid. n. 3: Vestrum enim, vestrum est, quicquid incrementi provenerit ex labore ipsius, quia et de vestro vivit, tamquam operarius Dei et vester.

[2]) Ibid. n. 4, въ 1171 (?) г. 9 сент.

[3]) Ibid. n. 5. (11 сент. 1871 г.)? non parum animus noster affligitur cum feritatem Estonum et aliorum paganorum illarum partium adversus Dei fideles et Christianae fidei cultores gravius insurgere et immaniter debacchari audimus et Christiani nominis impugnare virtutem.

[4]) Ibid. n. 6. (17 сент. 1171): Fulco, Esthonum episcopus, inopia et paupertate prematur, et ad convertendam gentem illam sui episcopatus, quae christianae fidei ignora est, totis viribus elaboret, et quantum potest sollicitudinem ac diligentiam adhibere procuret. Рейтеръ (l. c. 776) кажется справедливо отожествляетъ выраженіе totis viribus elaboret съ выраженіемъ другой буллы n. 4) laborem proponit assumere.

имѣлъ еще болѣе важный поводъ къ проповѣди крестоваго похода противъ язычниковъ эстовъ, это—постоянные морскіе грабежи и набѣги послѣднихъ на Швецію и Данію, грозившіе въ 1187 году поколебать самое существованіе Швеціи. Поэтому невѣроятно, чтобы Фульконъ могъ сколько-нибудь сдѣлать для распространенія христіанства въ Эстоніи. Съ 1172 года онъ исчезаетъ съ историческаго поприща до 1178 года, когда онъ опять выступаетъ со своей завѣтной идеей и побуждаетъ аббата Петра рекомендовать его преемнику Эскилла Абсалону, но чѣмъ заключился взлелѣянный имъ планъ, ничего неизвѣстно [1]). Въ противоположность Рейтеру, который оставляетъ вопросъ о дѣйствительной миссіонерской дѣятельности Фулькона въ Эстоніи открытымъ, мы склонны болѣе вмѣстѣ съ ученымъ Дегіо [2]) рѣшить его въ отрицательномъ смыслѣ, на что намъ даетъ право анализъ внутренней связи событій того времени, на сколько они касаются такъ или иначе миссіонерской попытки Фулькона. Главная причина неудачи Фулькона кроется по нашему мнѣнію въ политическихъ обстоятельствахъ того времени, которыя были столь запутаны, что представляли мало возможности предпринимать или поддерживать миссію на отдаленный сѣверовостокъ Балтійскяго поморья. Какъ уже выше сказано, папа въ то время былъ занятъ борьбою съ императоромъ и могъ для осуществленія миссіи издать только нѣсколько буллъ, дѣйствіе которыхъ парализовалось неурядицей сѣверныхъ державъ. Въ Даніи Вольдемаръ Великій велъ упорную войну (1159—1171) съ языческими вендами [3]), затѣмъ въ то же время вмѣшался

[1]) Ibid. n. 7 (въ 1178 г.) и 8. Судьба Фулькона и его завѣтной идеи до нѣкоторой степени выяснилась бы, еслибы удалось отожествить его съ Краковскимъ епископомъ Фулькономъ, который по актамъ (Codex. Dipl. Polon. t. I n. 4 и 7) извѣстенъ въ качествѣ епископа съ 1176 до 1207 г. Нѣкоторое основаніе въ пользу этой мысли можно извлечь изъ одной буллы Урбана III на имя Краковскаго епископа Фулькона (Monum. Polon. t. I n. 3 (1086 г. 4 февр.), гдѣ высказывается мысль о братской любви къ епископамъ какъ близкимъ, такъ и отдаленнымъ и о сохраненіи за церквами ихъ достоинства и справедливости; а главное, папа, руководясь этимъ и снизошелъ на справедливыя требованія Фулькона (tuis justis postulationibus clementer annuimus) и далъ ему краковскую церковь. Если номинальный Эстонскій епископъ Фульконъ, на время разочаровавшись въ своей идеѣ въ виду невозможности осуществить ее, потребовалъ себѣ у папы дѣйствительнаго мѣста, то его требованія папа вполнѣ могъ назвать справедливыми и уважить ихъ.

[2]) Gesch. d. Erzbisth. Hamb-Bremen. Berlin. 1877. B. I p. 163.

[3]) Dahlmann, Gesch. v. Dänem. t. I p. 283—301.

въ норвежскія дѣла и почти десять лѣтъ (1161 — 1170) безуспѣшно старался осуществить здѣсь свои политическіе планы [1]). Съ другой стороны и внутренняя политика Вольдемара не благопріятствовала христіанской миссіи въ Эстоніи. Его вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви вооружило противъ него высшее духовенство во главѣ съ лундскимъ архіепископомъ. Въ архіепископѣ Эскиллѣ Вольдемаръ видѣлъ человѣка, который стремится только къ почестямъ, служащимъ къ уменьшенію нѣмецкой имперіи [2]), и вслѣдствіе этого противодѣйствовалъ его церковной, или вѣрнѣе, гражданской политикѣ, такъ что Эскиллъ принужденъ былъ (въ 1177 г.) отказаться отъ епископства и дожить свои дни († 1182) въ клареваллен-скомъ монастырѣ [3]). Его преемникъ Абсалонъ соединялъ въ себѣ капера и епископа [4]) и хотя заботился о распространеніи вѣры [5]), то едва ли даже сочувствовалъ миссіи на отдаленный сѣверъ. Что касается Швеціи, то содѣйствія миссіи въ Эстляндію въ это время отъ нея нельзя было ждать, ибо она по политической слабости не была въ состояніи даже поддержать христіанство въ Финляндіи. Наконецъ, тотъ фактъ, что иниціатива всего предпріятія исходила отъ незнатнаго монаха или аббата монастыря во Франціи на берегахъ Рейна, не стоявшаго ни въ какой связи съ отдаленной Эстоніей, уже заранѣе располагаетъ къ сомнѣнію въ его осуществимости, которое увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ усерднѣе иниціаторы пытаются осуществить его, обращаясь къ различнымъ лицамъ, могущимъ оказать матеріальную поддержку въ предпріятіи. Но ни отъ кого изъ нихъ, кромѣ папы, мы не слышимъ отголоска и сочувствія предпріятію, и потому съ большею вѣроятностью можно сказать, что старанія Фулькона и аббата реймскаго Петра остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что нѣтъ достаточныхъ основаній искать въ Эстляндіи слѣдовъ отъ проповѣди Фулькона, или что еще менѣе основательно, признавать существованіе тамъ цѣлой епископіи. Къ тому же во второй

---

[1]) Ibid. p. 308–309. [2]) Ibid. p. 276.

[3]) Arnoldi Chron. Hav. Hannoverae 1868 p. 78 lib. III cap. 5 и Scr. rer. Svec. t. I sect. I (хроника Эрика Олоя 15 в.) p. 43.

[4]) Sax. Gram. l. c. p. 28: non minus piratam se quam pontificem gessit.

[5]) Arnold, l. c. p. 307: Dominus quoque Absalon... in promovenda religione nequaquam segnior fuit.

половинѣ XII в. весьма рискованно было для отдѣльнаго миссіонера безъ военной силы проникать въ сосѣднія области восточнаго побережья Балтійскаго моря и начать проповѣдь христіанства, потому что въ это время Балтійское море и его берега почти безпрерывно были обезпокоиваемы пиратскими флотами языческихъ вендовъ, куронъ, эстовъ и корелъ. Одинъ изъ такихъ флотовъ, вѣроятно во главѣ съ эстами, въ 1187 году проникъ въ Малерское озеро, сжегъ важный торговый городъ послѣ упадка Бирки Сигтуну и даже умертвилъ шведскаго архіепископа Іоанна, преемника Стефана, при Альмарстекѣ [1]). Вѣроятно въ возмездіе за это и для предотвращенія въ будущемъ подобныхъ набѣговъ обращеніемъ эстовъ въ христіанство, со стороны шведовъ былъ совершенъ походъ въ Эстонію въ 1197 году, гдѣ можетъ быть участвовалъ и архіеп. Петръ, нашедшій при этомъ себѣ смерть [2]).

Что же сдѣлало западное католичество до прибытія нѣмцевъ для ознакомленія съ христіанствомъ народовъ, живущихъ по восточному побережью Балтійскаго моря? Проникая въ сущность и общій характеръ попытокъ католической миссіи въ

---

[1]) Scr. rer. Svec. t. I p. 24: Occisus est Johannes archiep. Upsalenis apud Almarnum a paganis pridie idu Augusti et sepultus Upsaliae. Tunc etiam incensa est Sichtononia a paganis eisdem. Также почти и у другихъ лѣтописцевъ p. 48, 52, 84. Вопросъ о національности народа или народовъ, разрушившихъ Сигтуну, до сихъ поръ еще не рѣшенъ и остается открытымъ; одни историки признаютъ ихъ за корелъ, другіе — за куронъ, третьи — за эстовъ, что обусловливается общимъ выраженіемъ о нихъ (pagani) древнихъ лѣтописцевъ и частыми точными указаніями позднѣйшихъ. Въ новѣйшее время, однако, ученые (Montelius, Koskinen и др.) признаютъ разрушеніе Сигтуны и убійство архіеп. Іоанна дѣломъ соединеннаго флота нѣсколькихъ народностей, или оставляютъ вопросъ этотъ открытымъ. Но судя потому, что спустя десять лѣтъ (ibid. p. 48) шведы совершили походъ именно въ Эстонію, можно думать, что главными виновниками разрушенія Сигтуны и умерщвленія архіеп. Іоанна были эсты, хотя впрочемъ въ одной хроникѣ начала XIV вѣка (Scr. rer. Svec. I sect. post. p. 10: Sverige hade myckin vad | Karelom ockstor ono ide) корелы представляются опасными врагами Швеціи, а въ хроникѣ Петра Олая XVI вѣка походъ на Сигтуну представляется совершеннымъ прямо корелами и русскими; при томъ, что довольно правдоподобно, походу этому дается религіозное значеніе (ibid. p. 243: Iohann arkiebiskup vart ther sbegin Thess var mungin hedin:fängen (fägin, т. е. glad), | Att the Christna gingo sva illa i hand, | Thesse gläddes Karela och Ryssaland).

[2]) Scr. rer. Svec. 1 p. 48: a 1197. Expeditio ad Esthoniam. Obiit Petrus archiepiscopus; и p. 84: obiit Petrus archiepiscopus Upsalientis XIII Kal. Octoris (18 сент.) Sepultus Upsaliae.

Лифляндіи за это время, мы приходимъ къ тому заключенію, что результаты, достигнутые имъ въ этомъ отношеніи, самые ничтожные, если не сказать болѣе. Какъ бы кратко и отрывочно ни говорили историческія извѣстія о соприкосновеніи западнаго католичества съ восточнымъ Балтійскимъ побережьемъ и какъ бы ошибочны и сомнительны ни были эти извѣстія въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ, но общая характеристика, общій выводъ изъ нихъ просвѣчиваетъ самъ собою и можетъ быть болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ каждое отдѣльное извѣстіе. Намъ прежде всего бросается въ глаза сравнительная рѣдкость походовъ, совершенныхъ шведами и датчанами въ отдаленную заморскую Лифляндію въ продолженіи цѣлыхъ трехъ столѣтій. Походы эти, первоначально носившіе характеръ не столько завоевательный, сколько грабительскій, съ теченіемъ времени принимаютъ характеръ мстительный и завоевательный. Притомъ завоевательная черта ихъ зависитъ не столько отъ непосреднаго прямаго намѣренія покорить себѣ извѣстную часть Лифляндіи, сколько обусловливается ревностію, чтобы другая держава не овладѣла этою частью. Эти походы носили поэтому болѣе политическій характеръ, чѣмъ религіозный, который начинаетъ впрочемъ преобладать въ концѣ разсматриваемаго періода. Но за то къ этому же времени повидимому завоевательный успѣхъ этихъ походовъ становится болѣе ничтожнымъ и ограничивается только временнымъ пораженіемъ или побѣдою. Далѣе, другая важная черта соприкосновенія западнаго католичества съ прибалтійскимъ язычествомъ. Это—не общее стремленіе его подавить или искоренить язычество, а частныя попытки частныхъ лицъ; иниціатива пропаганды католицизма въ Лифляндіи за этотъ періодъ принадлежала отдѣльнымъ лицамъ, королямъ, епископамъ или монахамъ, тогда какъ остальные классы общества, если не сочувствовали предпріятію первыхъ, то во всякомъ случаѣ, не имѣли еще той пламенной ревности по вѣрѣ, которая могла побудить ихъ добровольно принять крестъ и отправиться на борьбу съ невѣрными. Само собою разумѣется, что большаго успѣха въ миссіи можно было ждать отъ иниціативы королей, которые имѣли подъ рукою военную силу; ибо безъ нея проповѣдь христіанства за этотъ періодъ была немыслима, особенно въ Эстляндіи, на Эзелѣ и въ Куроніи. Но сколь бы велика ни была ревность

благочестивыхъ королей, въ дѣлѣ миссіи при отсутствіи общаго сочувствія и ревности, она могла оказать только временный незначительный успѣхъ, который парализовался и сводился до minimum'а сопротивленіемъ язычества. Общій выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что туземцы Прибалтійскаго края дѣйствительно еще до прибытія нѣмцевъ познакомились съ христіанствомъ въ формѣ католичества не столько на своей родинѣ, сколько за моремъ и на морѣ въ грабительскихъ набѣгахъ на берега Швеціи и Даніи, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они приняли это христіанство добровольно и исповѣдали его на родинѣ.

ГЛАВА II.

Сношенія туземцевъ съ востокомъ до XII вѣка.

Въ нѣсколько иномъ видѣ представляются сношенія туземцевъ съ востокомъ. Уже по самому своему географическому и этнографическому положенію туземцы восточнаго Балтійскаго побережья непосредственно соприкасались съ жителями болѣе внутреннихъ странъ нынѣшней Россіи, и это непосредственное соприкосновеніе происходило съ незапамятныхъ до-историческихъ временъ. Отличительною чертою этого соприкосновенія повидимому служитъ постоянное отступленіе народовъ финскаго племени и напоръ со стороны славянскихъ племенъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока тѣ и другія не утвердились на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ. Послѣ этого ограниченные другъ отъ друга нѣкоторыми естественными границами, тѣ и другія племена стали жить болѣе самостоятельно и мирно, впрочемъ со стороны славянъ—русскихъ по прежнему бывали попытки наступленія, но народамъ финскаго племени, не имѣвшимъ болѣе возможности отступать, оставалось только защищаться и по временамъ съ своей стороны переходить въ наступленіе. Но теперь характеръ древняго до-историческаго соприкосновенія естественно долженъ былъ измѣниться: основнымъ мотивомъ взаимныхъ столкновеній служили теперь уже не территоріальные, а экономическіе интересы. Такъ представляется въ сущности дѣло именно между западными финнами

въ древней Лифляндіи и сосѣдними русскими до XIII вѣка. Перейдемъ къ раскрытію самыхъ сношеній. Зная уже изъ предшествующей главы, какимъ характеромъ отличались сношенія туземцевъ съ западомъ и въ чемъ выражались эти сношенія, намъ представляется довольно неправдоподобнымъ позднѣйшее извѣстіе русскихъ лѣтописей, гласящее, что около половины девятаго вѣка норманны взимали между прочимъ дань и съ эстовъ, ливовъ, куронъ и леттовъ [1]). Что вся Лифляндія (въ обширномъ смыслѣ) была когда-нибудь до XIII в. подчинена какимъ-либо западнымъ королямъ или викингамъ, это не можетъ быть подтверждено никакими болѣе или менѣе достовѣрными извѣстіями. На основаніи изслѣдованія этихъ извѣстій можно только съ большею или меньшею вѣроятностью утверждать, что до XIII вѣка нѣкоторые народы древней Лифляндіи послѣдовательно по временамъ платили дань западнымъ королямъ. Кромѣ того, еще вопросъ, слѣдуетъ ли разумѣть подъ „Чудью за моремъ“, съ которой Варяги въ 859 году брали дань и которые въ 862 году участвовали въ призваніи князей [2]), нынѣшнихъ эстовъ. Мы скорѣе склоняемся къ мнѣнію Свѣгрена, который подъ Чудью въ данномъ случаѣ разумѣетъ не нынѣшнихъ эстовъ, а финновъ (именно Hämalaiset-Емь), жившихъ около Ладожскаго и Бѣлаго озеръ до Финскаго залива [3]). Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что туземцы нынѣшняго Остзейскаго края были данниками Трувора, одного изъ призванныхъ князей, сидѣвшаго въ Изборскѣ, который служилъ по всей вѣроятности опорой противъ ихъ набѣговъ на Псковское княжество, или же послѣ него самого Рюрика. Мнѣніе Крузе [4]), будто эсты участвовали въ походахъ Олега и были данниками Игоря, кажется Боннеллю невѣроятнымъ; но за то онъ признаетъ очень правдоподобнымъ, что князь Рогвольдъ, намѣ-

[1]) Боннелль (Russ.-Livl. Chrongr. St. Petersburh. 1862. Comment. p. 14) признаетъ это извѣстіе довольно вѣроятнымъ.

[2]) Лѣт. Супр. Н. стр. 3—4: Въ лѣто 6367 взимаху Варязи дань на Чуди за моремъ. Ср. Пер. Сузд. стр. 5—6: Въ лѣто 6367 имаяху дань Варязи, приходя изъ заморья на Чудь; объ участіи Чуди въ призваніи князей см. Пер. С. Л. 6370.

[3]) Mém. de l'Academie Imp. VI s. t. I p. 296—300.

[4]) L. c. p. 472—75

[5]) L. c. Comm. p. 15—16.

стникъ великаго князя Святослава Игоревича въ Полоцкѣ, заставилъ леттовъ, зелоновъ и ливовъ платить себѣ дань [1]). По смерти Рогвольда (980 г.) данники его вѣроятно перешли во власть Владиміра или его намѣстника. Можетъ быть уже въ то время укрѣпленные пункты по Двинѣ, Кокенгузенъ и Герсике [2]) были заняты русскими князьями. Можетъ быть между чудью, которую Владиміръ повелъ противъ Ярополка, были и эсты; это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что по Скандинавскимъ сагамъ уже около 977 года Владиміръ посылалъ изъ Новгорода Сигурда Эриксона въ Эстонію собирать дань [3]). Болѣе достовѣрныя [4]) и подробныя извѣстія объ отношеніи русскихъ князей къ Лифляндскимъ туземцамъ мы имѣемъ со времени княженія Ярослава Владиміровича, который въ 1030 году ходилъ изъ Новгорода на эстовъ и основалъ городъ Юрьевъ (Дерптъ) [5]). Поводомъ къ походу Ярослава, по предположенію Боннелля [6]) могло служить то обстоятельство, что эсты стояли на сторонѣ Канута, короля Даніи и Англіи, противникъ котораго Олафъ Толстый, король Норвегіи былъ принятъ Ярославомъ и получилъ отъ него помощь. Судя по сходству замка Юрьева съ другими туземными замками, по народнымъ сказаніямъ, въ которыхъ мѣсто нынѣшняго Дерпта играетъ важную роль и наконецъ, по его древнему

---

[1]) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что Герсике стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго полумызка Шлоссберга, принадлежащаго къ имѣнію Ливенгофу (см. Bilt. Monatsschr. 1874. p. 422.

[2]) Antiquités Russes t. I. p. 396—97 и t. II. p. 373.

[3]) Что касается скандинавскаго сказанія (Eymundar Saga. Havniae 1838), будто норвежскій герой Эймундъ княжилъ въ Полоцкѣ въ началѣ XI вѣка и владѣлъ сосѣдними областями, то извѣстіе это, записанное въ концѣ XIII или началѣ XIV в. едва ли можетъ имѣть такое же историческое значеніе, какъ русскія лѣтописныя свидѣтельства, принадлежащія къ болѣе древнему времени. Тѣмъ не менѣе однако разногласія этого сказанія съ русскими лѣтописями не столь велики, чтобы нельзя было ихъ до нѣкоторой степени примирить (см. Antiquités Russes. t. II. p. 170, ср. Bonnell. l. c. Comm. p 19—20.

[4]) Лавр. л. Въ л. 6538. Семь же лѣтъ иде Ярославъ на Чюдь и побѣди я и постави градъ Юрьевъ. Пск. I л. 6538: ходилъ Ярославъ Володиміричъ изъ Новгорода на Чюдь и побѣди я и постави градъ Юрьевъ въ свое имя.

[5]) L. c. p. 3. Крузе (l. c. p. 492—94) идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что Канутъ овладѣлъ Эстоніей и Ярославъ отправился на угаунскихъ эстовъ, съ цѣлью удержать по крайней мѣрѣ ихъ за собою.

эстонскому названію Tarpata, Tarapatha [1]), нужно думать, что Ярославъ взялъ уже прежде существовавшій замокъ и значительно укрѣпилъ его[2]). Если даже допустить, что Ярославъ оставилъ въ Дерптѣ гарнизонъ, который бы могъ служить опорнымъ пунктомъ его владычества надъ окрестными эстами, то о сооруженіи здѣсь православной церкви едва ли можно говорить. Противъ этого свидѣтельствуетъ вся послѣдующая исторія Дерпта вплоть до прибытія нѣмцевъ и долго послѣ этого. Здѣсь аргументъ a silentio пріобрѣтаетъ, благодаря частому переходу Дерпта изъ рукъ въ руки, особенную силу. Если въ религіозномъ или миссіонерскомъ отношеніи при Ярославѣ мало или почти ничего не было сдѣлано для Лифляндіи, то во всякомъ случаѣ въ его время, съ половины XI вѣка, возникли широкія торговыя сношенія между Новгородомъ и Готландомъ, происходившія чрезъ Финскій заливъ, Зап. Двину и Псковъ; третій путь можетъ быть шелъ чрезъ Эстонію, если только вѣрны геологическія изысканія, свидѣтельствующія о быстромъ мелѣніи рѣки Пернавы и дающія основанія думать, что она въ древности была соединена съ Вирцгервомъ. Легко понять, что эти торговыя сношенія служили самымъ удобнымъ средствомъ, для ознакомленія туземцевъ съ христіанствомъ, преимущественно въ формѣ православія. Съ другой стороны, эти же торговыя сношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ подданства, если не всѣхъ, то части туземцевъ, русскому владычеству во время Ярослава. Эта мысль тѣмъ болѣе вѣроятна, что при сравнительно слабыхъ преемникахъ Ярославла, по лѣтописному извѣстію, Руси платили дань между прочимъ: чюдь,

---

[1]) Изъ многочисленныхъ производствъ названія нынѣшняго Дерпта, изъ которыхъ нѣкоторыя берутъ основаніе даже за Кавказомъ, ни одно по нашему мнѣнію не выдерживаетъ критики. Намъ думается, что правильнаго производства его нужно искать въ эстонской миѳологіи, въ которой мѣсто нынѣшняго Дерпта играло великую роль. Если разложить Tarapatha на два слова Тага и patha, то мы въ первой половинѣ получаемъ названіе высшаго эстонскаго бога, а второе слово означаетъ по фински «котловину»; оно сохранилось съ этимъ значеніемъ до сихъ поръ въ эст. языкѣ въ словѣ sepipada—кузница. При такомъ производствѣ Дерптъ будетъ означать «котловину Тары».

[2]) Подробности его отстройки, приводимыя у Крузе (l. c. p. 486—88), весьма сомнительны.

емь, литва, зимгола, корсь, норова (вѣроятно жмудь) [1]), либь [2]). При сопоставленіи этого извѣстія съ извѣстіями западныхъ писателей мы должны считать его нѣсколько преувеличеннымъ, да и послѣдующая исторія отношеній русскихъ князей къ нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ здѣсь народностей не говоритъ въ пользу этого извѣстія, если его принимать безъ всякаго ограниченія, въ полномъ смыслѣ. Что эсты послѣ Ярослава не были исправными данниками русскихъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ частые походы противъ нихъ новгородскихъ князей. Въ 1054 году новгородскій посадникъ Остромиръ предпринялъ походъ противъ эстовъ, вѣроятно, угаунскихъ; но походъ этотъ кончился для русскихъ несчастно, ибо самъ Остромиръ былъ убитъ и пало множество новгородцевъ. Это пораженіе заставило русскихъ вооружиться противъ своихъ данниковъ съ большими силами, и вотъ самъ великій князь Изяславъ Ярославичъ выступилъ противъ нихъ и на этотъ разъ взялъ укрѣпленный пунктъ эстовъ Оденпе [3]). Покоривъ угаунскихъ эстовъ, Изяславъ простеръ свои виды далѣе на западъ, именно,—на эзельцевъ (?). Лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ въ 1060 году ходилъ на „Ссолы“ и наложилъ на нихъ громадную дань въ 2 т. гривенъ. Въ это время Дерптъ, вѣроятно, былъ въ рукахъ русскихъ, которые отсюда господствовали надъ окрестными эстами, или же послѣдніе находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскими, что конечно не могло нравиться эзельцамъ, которые отказались платить дань и весною того же года подступили къ Дерпту, взяли и сожгли его; отсюда они двинулись ко Пскову; противъ нихъ выступили новгородцы и псковичи «и паде руси 1.000, а ссолъ безъ числа», замѣчаетъ лѣ-

---

[1]) См. Schirren, Nachricht d. Griechen und Römer über d. östl. Kusten d. balt. Meeres. Riga. 1852.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 5 (Лавр. л.); ср. Пер.-Суз. стр. 2

[3]) Ник. лѣт. т. I, стр. 144. Здѣсь лѣтописецъ или переписчики исказили названіе Оденпе, именно измѣнили его въ «Осекъ Кединпъ сирѣчь солнечная рука», а въ Воскр. л. I стр. 190 «Осекъ Декипивъ сирѣчь солнца рука». Какъ произошло это искаженіе, трудно рѣшить; но можно думать, что лѣтописецъ вздумалъ перевести на русскій языкъ непонятное для него названіе, по крайней мѣрѣ вторая половина названія «пэ» звучитъ довольно близко съ pää, pääw—солнце. Что же касается до первой половины дѣйствительнаго названія замка и второй половины искаженнаго «рука», то онѣ не совпадаютъ въ значеніи, ибо рука по эстонски käsi.

тописецъ [1]). Послѣ этого событія русскія лѣтописи надолго умалчиваютъ объ эстахъ, и нужно думать, что послѣдніе во второй половинѣ XI вѣка были независимы отъ русскихъ князей и, можетъ быть, участвовали въ качествѣ наемниковъ или добровольцевъ въ борьбѣ новгородскихъ и полоцкихъ князей между собою. Но за то нужно полагать, что въ это время придвинскіе ливы и летты находились подъ властію полоцкихъ князей. Послѣ смерти храбраго полоцкаго князя Всеслава (1101 г.) они вѣроятно отказались платить дань; вслѣдствіе этого всѣ Всеславичи предприняли (1106 г.) походъ на земигаловъ, кончившійся полнымъ пораженіемъ первыхъ [2]). Многочисленность войска (9,000) русскихъ князей въ этомъ походѣ свидѣтельствуетъ о важности ихъ предпріятія, а съ другой стороны блестящая побѣда надъ ними земигаловъ показываетъ, что русскіе князья не были полными господами придвинскихъ народовъ, что послѣдніе только по временамъ платили имъ дань. Возможно, впрочемъ, дѣлать и то предположеніе, что походъ Всеславичей имѣлъ завоевательный характеръ, именно, что они хотѣли покорить себѣ доселѣ независимое отъ нихъ латышское племя земигаловъ, но что часть придвинскихъ леттовъ и ливы находились тогда въ полной покорности имъ. Въ пользу послѣдней мысли говоритъ и то обстоятельство, что еще въ 1179 году ливы и летты („Литва“) [3]) подъ предводительствомъ полоцкаго князя участвовали въ смутахъ русскихъ князей [4]). Въ пользу ея говоритъ также вся послѣдующая исторія земигаловъ, съ замѣчательнымъ упорствомъ и успѣхомъ отстаивавшихъ впослѣдствіи свою независимость отъ нѣмцевъ. Можно также думать, что страшное пораженіе русскихъ кня-

[1]) Пск. I л. 6568. Загадочное наименованіе «Ссолы» до сихъ поръ еще не разъяснено вполнѣ. Одни разумѣютъ подъ нимъ Сакаланъ, другіе Эзельцевъ (см. Suomi 1848 p. 20). Мы склоняемся ко второму мнѣнію. Основаніемъ нашего мнѣнія служитъ, во первыхъ, сравнительно большая легкость перехода слова «Эзель» въ «Ссолы», во вторыхъ, то обстоятельство, что «ссолы» предприняли походъ противъ русскихъ весною, когда эзельцы обыкновенно совершали свои набѣги, тогда какъ материковые эсты предпочитали для этого зимнее время.

[2]) Лавр. л. 6614: томъ же лѣтѣ побѣдиша Зимгола Всеславичъ, всю братью и дружины убиша 9 тысящь.

[3]) Вѣроятно русскіе лѣтописцы подъ Литвою разумѣли и латышей, ибо, перечисляя всѣхъ окрестныхъ данниковъ Руси, лѣтописецъ не упоминаетъ о латышахъ.

[4]) Ипатьев. Л. подъ г. 6687.

зей повлекло за собою возстаніе жителей верховьевъ Лифляндскаго Аа, отказавшихся въ 1111 году платить новгородцамъ дань. Это заставило новгородскаго князя Мстислава предпринять на нихъ походъ, послѣ чего они вѣроятно вновь должны были платить дань [1]). Но въ 1179 году послѣ того какъ эсты съ успѣхомъ отстояли свою независимость отъ новгородскихъ и псковскихъ русскихъ, жители верховьевъ Трейденъ—Аа вѣроятно опять отказались платить дань русскимъ. Это повело за собою жестокій походъ противъ нихъ новгородскаго князя Мстислава, который выжегъ всю ихъ землю; жители спасаясь бѣжали къ морю, но и здѣсь онъ вдоволь избилъ ихъ [2]). Жестокая расправа Мстислава съ этою областью и ея жителями свидѣтельствуетъ о глубинѣ взаимной вражды между русскими и туземцами этой области и даетъ нѣкоторое основаніе отрицать вліяніе русскихъ на внутреннюю жизнь туземцевъ. За то эта расправа служитъ наглядным доказательствомъ внѣшней зависимости здѣшнихъ туземцевъ отъ новгородцевъ. И если вѣрно предположеніе, что эта область принадлежала къ Торовѣ, которая почти безпрерывно во время господства нѣмцевъ въ Лифляндіи, считалась въ зависимости отъ Новгорода или Пскова, то мы имѣемъ достаточное право утверждать принадлежность ея новгородскимъ князьямъ до самаго прибытія нѣмцевъ. Что касается эстовъ, то, какъ мы уже предположили, они послѣ Ярослава пользовались независимостью. Это продолжалось до первой половины XII вѣка, когда вновь возгорѣлась между ними и новгородскими князьями борьба, которую возобновилъ храбрый новгородскій князь Мстиславъ. Побѣдивъ въ 1113 году угаунскихъ эстовъ, онъ, спустя четыре года, взялъ ихъ укрѣпленный пунктъ Оденпэ [3]). Но твердою ногою онъ все же не могъ здѣсь утвердиться и будучи великимъ кня-

---

[1]) Новг. I л. 6619: томъ же лѣтѣ ходи Мьстиславъ на Очелу. Будущимъ изслѣдователямъ остается рѣшить относительно области «Очелы» слѣдующіе вопросы: гдѣ она находилась? Отожествлять ли ее съ встрѣчающеюся въ лифл. актахъ Adselle въ Торовѣ или же съ Эзелемъ? Какая здѣсь жила народность — латыши или эсты, или же тѣ и другіе занимали ее преемственно?

[2]) Новгор. I л. 6687. Здѣсь представляется дѣло такъ, что Мстиславъ шелъ въ походъ противъ очельскихъ эстовъ («на Чюдь на Очелу»); стало быть, если вѣрить лѣтописцу, въ Очелѣ жили эсты. Далѣе, о положеніи ея до нѣкоторой степени можно судить изъ того, что жители ея бѣжали къ морю, слѣдовательно, она находилась вблизи моря. [3]) Тамъ же, л. 6621. 6624.

земъ, онъ принужденъ былъ снарядить (9 февр. 1130 г.) противъ юговосточныхъ эстовъ многочисленное войско, во главѣ котораго стояли его сыновья Всеволодъ съ новгородцами, Изяславъ съ полочанами и Ростиславъ съ смольнянами. Эсты согласились платить дань [1]). Попытка того же Всеволода утвердиться въ сѣверовосточной части Эстоніи, въ Вайгѣ (въ 1132 г.) кончилась для него полною неудачею [2]). За то удачнымъ оказался его походъ въ 1133 году противъ юрьевскихъ эстовъ. На этотъ разъ ему удалось захватить въ свои руки Дерптъ, давно пользовавшійся полною независимостью [3]). Но это былъ только кратковременный успѣхъ. Когда послѣ этого въ Новгородѣ возникли внутреннія неурядицы изъ-за княжескаго стола, юрьевскіе и другіе эсты безъ сомнѣнія вышли изъ-подъ зависимости отъ новгородцевъ и пользовались полною самостоятельностью до того времени, когда они сдѣлались яблокомъ раздора между русскими и нѣмцами. Мало того. Къ концу XII вѣка (въ 1176 г.) эсты почувствовали себя столь сильными, что рѣшились даже предпринять наступательный походъ противъ Пскова [4]). Попытаемся теперь сдѣлать общій выводъ изъ краткаго обзора сношеній туземцевъ Прибалтійскаго края до XIII вѣка съ сосѣдними русскими княжествами. Самая общая черта этихъ сношеній та, что они не имѣютъ характера постоянной прочной связи. Здѣсь дѣло представляется такъ, что русскіе князья стремятся держать туземцевъ въ зависимости отъ себя, выражающейся въ платежѣ дани, а туземцы пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сбросить съ себя эту зависимость. При этомъ со стороны русскихъ не видно намѣренія вполнѣ овладѣть страною и ассимилировать ее себѣ; они не строютъ въ ней крѣпостей, не поселяются въ ней цѣлыми массами, а довольствуются только исправнымъ платежемъ дани со стороны туземцевъ; для полученія дани имъ нерѣдко приходится прибѣгать къ военной силѣ. Нельзя сказать кромѣ того, чтобы эта зависимость туземцевъ была всеобщею;

---

[1]) Лавр. и Новг. I л. 6638.

[2]) Новг. I л. 6639: томъ же лѣтѣ на зиму иде Всеволодъ на Чюдь, и сотворися пакость велика, много добрыхъ мужь избиша въ Клинѣ (переводъ эст. wai—клинъ, колъ) новгородьцъ мѣсяца генваря въ 23, въ субботу.

[3]) Тамъ же л. 6641.

[4]) Тамъ же л 6684.

напротивъ, племена, жившія вдали отъ русскихъ этнографическихъ границъ можно сказать, никогда до XIII вѣка не испытывали русскаго господства; они по временамъ подпадали только зависимости отъ западныхъ державъ. Развѣ только во время Владиміра и Ярослава русское владычество обхватывало значительную часть туземцевъ края. Послѣ нихъ только сосѣдніе съ русскими туземцы временно обязаны были платить имъ дань. Съ достаточною степенью вѣроятности можно сказать, что придвинскіе ливы и летты едвали когда-нибудь современи своего покоренія русскими выходили изъ-подъ этой зависимости. Тоже самое нужно сказать и о летгалахъ, живших по верховьямъ лифляндской Аа, хотя изъ ихъ исторіи извѣстенъ фактъ ихъ отпаденія отъ этой зависимости. Въ меньшей степени примѣнимо это утвержденіе къ угаунскимъ и юрьевскимъ эстамъ. Засѣвъ въ своихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, они иногда съ успѣхомъ отстаивали свою независимость. Что же касается другихъ эстовъ на сѣверъ и западъ отъ Эмбаха, то изъ исторіи послѣ Владиміра и Ярослава неизвѣстны факты, когда бы они покорялись русскимъ, и мы имѣемъ значительное право признавать ихъ независимость отъ русскихъ, начиная со второй половины XII вѣка до того момента, когда они были покорены нѣмцами. Результатъ ихъ самостоятельной жизни мы усматриваемъ въ способѣ ихъ внутренняго управленія, представлявшемъ нѣчто въ родѣ общенароднаго вѣча, которое происходило въ центрѣ Эстоніи въ Гарріи въ мѣстечкѣ Роэлѣ (Raigele) и на которое сходились ежегодно всѣ окрестныя племена [1]). Что же касается эзельскихъ эстовъ, то исторія, за исключеніемъ одного и то сомнительнаго случая, не знаетъ, когда бы они платили дань русскимъ князьямъ. На эзельцевъ падала преимущественно тяжесть морскихъ набѣговъ западныхъ викинговъ и королей [2]). Но спрашивается, позна-

[1]) Heinr. XX, 2: Нѣмцы intraverunt provinciam Harionensem, quae est in media Estonia, ubi et omnes gentes, circumjacentes anno ad placitandum in Raigele convenire solebant.

[2]) По этому послѣдующія притязанія русскихъ князей и царей, особенно Іоанна Грознаго, на Лифляндію не могутъ быть во всей полнотѣ оправданы исторіей. Когда напр. Іоаннъ Грозный называлъ Лифляндію своей отчиной («patria nostra»), утверждалъ, что Лифляндія отъ начала міра принадлежала велик. Московскимъ князьямъ (Livonian ab origine mundi pertinuisse ad magnos Moscoviae Duces) и именовалъ себя «наслѣдственнымъ владыкой» (dominus

комились ли туземцы и если познакомились, то насколько съ христіанствомъ въ формѣ православія? При первомъ бѣгломъ взглядѣ на двойныя сношенія туземцевъ, то съ западомъ, то съ востокомъ, намъ сразу бросается въ глаза близость, непосредственность и почти непрерывность втораго рода сношеній; отсюда мы, если даже допустить одинаковый характеръ этихъ сношеній, неизбѣжно должны допустить сравнительно болѣе близкое знакомство туземцевъ съ христіанствомъ въ формѣ православія. Можно съ большою справедливостью утверждать, что значительная часть туземцевъ края гораздо лучше была знакома съ христіанствомъ въ формѣ православія, чѣмъ въ формѣ католичества, хотя бы у насъ недоставало прямыхъ историческихъ данныхъ для этого утвержденія. Что же касается вопроса, принимали ли они православіе, то онъ можетъ быть рѣшенъ съ большимъ правдоподобіемъ, когда дѣло идетъ о тѣхъ народностяхъ, которыя почти безпрерывно находились въ данническихъ отношеніяхъ къ русскимъ. Въ противномъ случаѣ было бы очень невѣроятно, чтобы народы, находящіеся въ постоянномъ соприкосновеніи съ православіемъ и не имѣя на своей сторонѣ значительно организованнаго язычества, каковы именно придвинскіе ливы и летты, летгалы на верховьяхъ лифляндской Аа, не переняли вѣрованій своихъ владыкъ, имѣвшихъ гораздо сильнѣйшую религіозную организацію. Обратимся къ филологическимъ даннымъ для подтвержденія нашихъ теоретическихъ соображеній. Ближайшіе и непосредственные сосѣди русскихъ латыши повидимому первоначально познакомились съ православіемъ отъ своихъ сосѣдей кривичей, ибо доселѣ у нихъ русскій называется Kreews, а русская или православная вѣра Kreewu—tiziba, съ католичествомъ же они ближе всего познакомились отъ поляковъ, ибо оно у нихъ называется обыкновенно вѣрою поляковъ—Polu tiziba и рѣже katolu tiziba. Далѣе, слѣды первоначальнаго знакомства ихъ съ православіемъ мы усматриваемъ въ слѣдующихъ словахъ: bajniza — церковь, kristihtes — креститься, kristiit — крестить, krusts — крестъ, krista tehws—крестный отецъ, kristi mahte—крестная мать, krista detis—крестный сынъ, krista kuhm—кумъ, krustu met—метать крестъ (т. е. творить крестное знаменіе), krusaine—

haereditarius) Лифляндіи (см. Suppl. ad Hist. Russ. Monum. Petropoli 1848, n. n. 3. 25. 32), то онъ преувеличивалъ историческую дѣйствительность.

крещеніе, kruti kutja—вареная пшеница съ горохомъ, употребляется въ рождественскій сочельникъ, pops—священникъ, kristigs (zilweeks)—христіанинъ, gaweht—поститься, gawena laiks—постное время, klanihtees—кланяться, Seemas swehtki—зимнія святки (Рождество), Wasaras swehtki—лѣтній праздникъ (Троица) Leel deena—великій день (Пасха) [1]). Гораздо менѣе вліянія русскихъ можно находить въ языкѣ эстовъ. По видимому заимствованными отъ русскихъ представляются слѣдующія слова: ristima—креститься, rist—крестъ, ristiinimene—христіанинъ, papp—священникъ, kell—колоколъ, kirik—церковь, paast—постъ [2]). Эти филологическія доказательства могутъ быть обоснованы до нѣкоторой степени и косвенными историческими указаніями, которыя въ то же время сами служатъ доказательствомъ въ пользу общей мысли о близкой связи эстовъ съ русскими. Весьма вѣроятно, что отъ плѣнныхъ эстовъ, преимущественно женъ и дѣтей, переселенныхъ въ

---

[1]) Мы не думаемъ выдавать это филологическое основаніе въ пользу теоретическаго соображенія за нѣчто безспорное. Мы хорошо сознаемъ, что на филологическомъ поприщѣ въ этомъ направленіи еще ничего не сдѣлано, но въ то же время увѣрены, что результаты отъ болѣе глубокихъ и подробныхъ изысканій могутъ быть очень важны. Мы оставляемъ здѣсь открытымъ вопросъ, откуда заимствованы нѣкоторые термины у латышей, или же они имѣютъ общеарійское происхожденіе. Термины эти слѣдующіе: swehts — святой, pasts—постъ, pagans—поганый, swehdeena—воскресеніе, engels—ангелъ. Вѣроятно католическаго происхожденія слѣдующія слова: klosters—монастырь, muhks—монахъ, swetschu-deena—праздникъ свѣчъ. Многія слова, приводимыя въ «Прибалтійскомъ сборникѣ» (т. IV, стр. 565—566) легко объясняются общимъ арійскимъ происхожденіемъ.

[2]) Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ выяснить связь круга древнихъ эстонскихъ праздниковъ со скандинавскимъ, сравнивая древніе календари. Послѣ этого болѣе отчетливо разъяснилась бы и зависимость эстовъ отъ русскихъ въ богослужебномъ и религіозномъ отношеніи. Въ настоящее время, не смотря на лингвистическія изслѣдованія Доннера, Альквиста и Томсена взаимныя отношенія между финскими народами и русскими, по нашему мнѣнію, далеко еще не могутъ считаться выясненными, ибо то, что намъ кажется вопросомъ величайшей трудности, эти ученые рѣшаютъ безапелляціонно. Томсенъ (Ueber d. Einfluss d, Germ. Spr. auf d. Finn-Lapp. Halle 1870, p. 144) напр. сопоставляя различныя наименованія церкви (эст. — kirik, kerik, кар. kirikö, вот. cerikko, норв.-лапл. girkko, швед.-лапл. kirko, древ.-сѣв. kyrkja, др.-верх.-нѣм. chirihha. древ.-слав. kerika, kirika, англосак. cyrice, cyrce, древ.-швед. kirkia, kyrkia) приходитъ къ выводу о вліяніи германскихъ языковъ на финскія нарѣчія. Онъ утверждаетъ далѣе, что эст. past, фин. paasto, лив. past—постъ, заимствованы вмѣстѣ съ русскимъ обозначеніемъ отъ германскихъ народовъ. (—p. 159).

Новгородъ, получила свое названіе одна изъ Новгородскихъ улицъ на Софійской сторонѣ, т. н. Чудинцева (нынѣ Чудинская) улица", на которой въ 1176 году была построена церковь св. Іоанна Крестителя [1]). Такого же происхожденія можетъ быть и Чудово село, лежащее къ сѣверу отъ Новгорода на разстояніи 50 верстъ. Наконецъ, по отвѣтамъ Нифонта, архіеп. Новгородскаго, на вопросы нѣкоего Кирика нужно думать, что эсты еще въ первой половинѣ XII вѣка (1130—1156) принимали православіе. При Нифонтѣ соблюдалось уже правило начинать оглашеніе Чудина (эста) наряду съ болгариномъ и половчиномъ 40 дней до крещенія [2]). Болѣе правдоподобнымъ представляется разумѣть здѣсь подъ чудью именно нынѣшнихъ эстовъ, а не заволожскую чудь, потому что около первой половины XII вѣка извѣстны нѣсколько походовъ на эстовъ (по лѣт. чюдь), а о заволжской чуди въ то время не встрѣчается упоминанія. Подводя итогъ всему сказанному, мы должны согласиться съ мнѣніемъ ученаго Гутцейта, формулированнымъ такъ: „достовѣрно (geschichtlich), что исповѣдники греческой вѣры были первыми провозвѣстниками и распространителями христіанства въ Лифляндіи; недостовѣрно (ungeschichtlich), что они имѣли въ виду обращеніе всѣхъ туземцевъ въ христіанство" (Verchristigung) [3]). Мы находимъ съ другой стороны справедливымъ и мнѣніе Кальмейера, утверждающаго, что датчане и норманны столь же мало думали объ обращеніи страны, какъ и о продолжительномъ обладаніи ею [4]). Ученый Брэй признаетъ правдоподобнымъ, что народы, подчинявшіеся шведамъ, датчанамъ и русскимъ, должны были получить нѣкоторыя христіанскія понятія, но, говоритъ онъ, при появленіи въ Лифляндіи нѣмцевъ неизвѣстны никакіе слѣды этихъ религіозныхъ понятій [5]). Если мнѣніе Брэя понимать въ смыслѣ отсутствія прямыхъ достовѣрныхъ историческихъ указаній на существованіе этихъ слѣдовъ въ концѣ XII вѣка, мы соглашаемся съ нимъ, но если время прибытія нѣмцевъ мы перенесемъ и на начало XIII вѣка, то мы вынуждены будемъ

---

[1]) Новг. I л. 6684.
[2]) Рус. Истор. библіот. т. 6, стр. 33, пр. 40.
[3]) Mittheil. aus d. livl. Gesch. B. XI, p. 378.
[4]) Ibid. B. IX, p. 147—8.
[5]) Essai critique sur l'hist. de la Livonie. Dorpat. 1817 p. 10.

признать существованіе этихъ слѣдовъ. Прежде чѣмъ обратиться къ раскрытію существованія этихъ слѣдовъ, мы считаемъ нужнымъ заявить, что такая нерѣшительность и гипотетичность мнѣній о первоначальной формѣ христіанства въ Лифляндіи вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. У насъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ древнихъ прямыхъ извѣстій объ ознакомленіи туземцевъ съ христіанствомъ до XIII вѣка; тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ по этому предмету, крайне не достаточны и отрывочны и притомъ имѣютъ характеръ непрямыхъ указаній и не могутъ поэтому претендовать на важное историческое значеніе. Весьма цѣнныя и важныя свѣдѣнія мы можемъ получить только отъ Генриха Латышскаго, да и его извѣстія, касающіяся вопроса о православіи, относятся къ началу XIII вѣка. Разсказывая о крещеніи священникомъ Алобрандомъ въ 1207 году имерскихъ летигаловъ, онъ между прочимъ передаетъ, что они предъ принятіемъ крещенія бросили жребій, чтобы узнать волю боговъ, принять ли крещеніе отъ псковскихъ русскихъ вмѣстѣ съ другими летигалами изъ Толовы, или же отъ латинянъ. Ибо, прибавляетъ Генрихъ, русскіе въ то время (eorum temporе) приходили крестить толовскихъ латышей — всегдашнихъ своихъ данниковъ. Жребій палъ на латинское крещеніе и имерскіе латыши приняли латинство [1]). Отсюда мы находимъ возможнымъ заключить; что русскіе окрестили толовскихъ латышей уже до 1207 года и что они сдѣлали это ненасильственно, такъ какъ Генрихъ не упоминаетъ о походѣ на нихъ, слѣдствіемъ котораго могло быть ихъ вынужденное крещеніе, а дѣйствовали съ добровольнаго согласія самихъ латышей. Трудно рѣшить вопросъ, въ какое время совершилось ихъ крещеніе, но по крайней мѣрѣ достовѣрно, что имерскіе латыши уже въ 1207 году знали объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ. Въ 1214 году политическіе интересы толовскихъ латышей взяли перевѣсъ надъ религіозными, и они приняли католичество подъ условіемъ защиты ихъ со стороны еп. Альберта [2]). Ближайшіе къ Псковскимъ русскимъ эсты также приняли первоначально

---

[1]) Heinr. XI, 7: missis tamen prius sortibus et requisito consensu deorum suorum, an Ruthenorum de Plicecowe cum aliis Letigallis de Tolowe, an Latinorum debeant subire baptismum? Nam Rutheni eorum tempore venerant baptizantes Lethigallos suos de Tolowa sibi semper tributarios.

[2]) Ibid. XVIII: 3.

христіанство въ формѣ православія, именно въ 1210 году послѣ взятія русскими ихъ укрѣпленнаго пункта Оденпэ. Впрочемъ, здѣсь крещеніе ихъ было вынужденное и ограничилось только отдѣльными личностями, для довершенія же крещенія русскіе обѣщали прислать священниковъ, но не исполнили своего обѣщанія, и угаунцы, вѣроятно въ 1215 году, приняли крещеніе отъ римскихъ священниковъ [1]). Въ возмездіе за это псковичи въ 1216 году опустошили ихъ землю [2]). Что же касается ливовъ, данниковъ полоцкаго князя, то въ 1212 году, по жалобѣ ихъ на нѣмцевъ, полоцкій князь Владиміръ требовалъ отъ еп. Альберта прекратить крещеніе ихъ, утверждая, что въ его власти, крестить ихъ или оставить некрещенными. Къ этому разсказу Генрихъ прибавляетъ: ибо у русскихъ князей въ обычаѣ покорять народы не игу христіанской вѣры, но платѣ дани и денегъ [3]). Отсюда слѣдуетъ кажется думать, что русскіе полоцкіе князья дѣйствительно не заботились о крещеніи ливовъ и что послѣдніе стали принимать христіанство отъ латинянъ. Если ливы не были крещены русскими, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и сосѣдніе съ русскими латыши около Кукенойса и далѣе на востокѣ не приняли отъ нихъ православія, тѣмъ болѣе что латыши (кромѣ земигаловъ) всегда легко принимали христіанство. Сама исторія XIII вѣка благопріятствуетъ такому предположенію. Намъ извѣстно, что кукенойскіе латыши всегда дѣйствовали за одно со своимъ русскимъ княземъ и подъ 1225 годомъ извѣстно, что они жили вмѣстѣ съ русскими въ самомъ Кукенойсѣ [4]). Принимая еще въ соображеніе то обстоятельство, что въ то время взаимная вражда народностей въ Лифляндіи опредѣлялась нестолько политическими или націо-

[1]) Ibid. XIV, 2: et dederunt pacem eis (scil. Ugaunensibus) et baptizmate suo quosdam ex eis baptizaverunt et acceperunt ab iis quadringentas marcas nogatarum et recesserint ab eis et reversi sunt in terram suam, dicentes se sacerdotes suos eis missuros ad sacrae regenerationis lavacrum consummandum; quod tamen postmodum neglexerunt, nam Ugannenses post ea sacerdotes Rigensium susceperun ett baptizati sunt.

[2]) Ibid. XX, 3.

[3]) Ibid. XVI, 2: rogavit, ut a Livonum baptizmate cessaret, affirmans in sua esse potestate servos suos Livones vel baptizare vel non baptizatos relinquere. Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcumque gentem expugnaverint, non fidei christianae subicêre, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare. [4]) Ibid. XI, 9; XII, 1; XIV, 5; XXIX, 5.

нальными интересами, сколько религіозною ненавистью, для насъ представляется довольно вѣроятнымъ, что латыши, жившіе въ окрестностяхъ Кокенгузена и далѣе на востокъ, держались при русскомъ господствѣ православнаго исповѣданія. Таковы цѣнныя и важныя свидѣтельства Генриха латышскаго относительно разбираемаго нами вопроса. Что же касается извѣстій позднѣйшаго времени касательно этого вопроса, напр. утвержденія Іоанна Грознаго, что князь Ярославъ построилъ въ Юрьевѣ Ливонскомъ православныя церкви [1]), то они не заслуживаютъ никакого вниманія. Кромѣ извѣстій Генриха касательно разбираемаго вопроса важныя данныя мы находимъ въ одной папской буллѣ и въ географическихъ названіяхъ. Вліяніе русскихъ на обращенныхъ въ латинство туземцевъ,—русскихъ, исповѣдывавшихъ православіе и поселившихся въ Лифляндіи, было такъ велико, что еп. Альбертъ нашелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ папу, прося отъ него совѣта, какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Альбертъ сообщалъ папѣ, что нѣкоторые русскіе являются на житье въ Ливонію и придерживаясь упорно греческаго обряда, проклинаютъ латинское крещеніе, какъ вещь омерзительную, не соблюдаютъ праздниковъ и установленныхъ постовъ и разрываютъ браки, заключенные между новообращенными [2]). Въ виду избѣжанія соблазна для новообращенныхъ папа приказалъ стѣснять русскихъ въ тѣхъ обрядахъ, въ которыхъ они расходятся съ римскою церковію [3]). Едва ли здѣсь подъ русскими можно разумѣть только торговыхъ людей, жившихъ обыкновенно въ городахъ, въ которыхъ, если и не имѣли еще собственныхъ церквей, то во всякомъ случаѣ имѣли право свободно отправлять православное богослуженіе. Такъ какъ въ буллѣ не говорится о городахъ, а прямо утверждается, что русскіе поселялись въ Ливоніи и и такъ какъ русскіе по ней оказываются въ близкомъ сопри-

---

[1]) Карамзинъ, т. 8, стр. 292.

[2]) U. B. n. 55 папы Гонорія III отъ 8 февр. 1222 года: Rutheni quidam veniunt inhabitare Livoniam, qui Grecorum ritus pro parte sectantes, Latinorum baptizmum quasi rem detestabilem exsecrantes, solemnitates et statuta jejunia non observant, contracta inter neophitos matrimonia dissolventes.

[3]) Ibid: mandamus hujusmodi Ruthenorum insolentiam—compesatis facientes pro neophitorum scandale evitando, ut praedicti Rutheni Latinorum observantiis constringantur, ubi ritibus innitendo Graecorum separari a capite, hoc est, a Romana ecclesia dinoscuntur.

косновеніи съ туземцами, которымъ въ то время еще трудно было попасть на жительство въ города и замки, то мы скорѣе склонны разумѣть подъ этими русскими, кромѣ купцовъ, и другихъ, поселявшихся въ деревняхъ и занимавшихся въ нихъ разными промыслами. Свое теоретическое соображеніе мы можемъ подтвердить точными документальными данными, изъ которыхъ видно, что русскіе не только появлялись въ городахъ для торговыхъ операцій, но поселялись въ Лифляндіи цѣлыми деревнями. Такъ, въ самой Ливоніи уже въ 1211 году упоминается большая русская деревня Wendeculla [1]). Около первой половины XIII вѣка въ Віикѣ, эзельской епархіи, упоминается русское село Wendecole вмѣстѣ съ другимъ Quevele, лучше которыхъ едва ли можно было найдти во всей провинціи. Какъ сказано въ актѣ, Wendecole и Quevele были пожалованы въ то время отъ имени эзельскаго епископа динаминдскому монастырю [2]). Затѣмъ въ 1286 году упоминается въ Эстоніи русская деревня Wendevere, которую тогда датскій король Вольдемаръ утвердилъ за монастыремъ св. Михаила въ Ревелѣ [3]). Въ 1368 году на леальской границѣ въ Эстоніи упоминается пунктъ Russen-Grave [4]), свидѣтельствующій о существованіи тамъ русскихъ. Въ Венденскомъ уѣздѣ близъ Эрлы въ 1382 г. упоминается русская деревня (Russchen-dorp), которая имѣла тогда 26 гакеновъ земли, принадлежавшей рыцарю Іоанну Тизенгаузену [5]). Жили ли во всѣхъ этихъ деревняхъ тогда русскіе, трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ скорѣе можно думать, что русскіе стали поселяться въ Лифляндіи не только въ первую половину XIII вѣка, когда на это ихъ колонизаціонное движеніе обратилъ вниманіе папа, но еще до этого времени. Для нихъ должно было быть менѣе расчетовъ и возможности селиться въ Лифляндіи со времени прибытія нѣмцевъ, ибо тогда она сдѣлалась ареною безпрерывныхъ кровавыхъ войнъ и опустошеній. Въ это время только одни города, какъ выгодные торговые центры, могли привлекать ихъ въ Лифляндію. Нѣтъ нужды упоминать и о томъ, что впослѣдствіи въ XIV—XV вѣкахъ, когда нѣмецкое иго тяжелымъ бременемъ легло на Лифляндію, и когда туземцы разбѣгались, кто куда

---

[1]) Heinr. XV, 3. [2]) U. B. n. 101, a. [3]) Ibid. n. 518.
[4]) Ibid. n. Reg. 1238 в. [5]) Ibid. III n. 1182.

могъ, Лифляндія уже ничѣмъ не только не могла привлекать къ себѣ русскихъ, но, не представляя имъ достаточной личной и имущественной безопасности, отталкивала ихъ отъ себя. Если мы обратимся къ разсмотрѣнію торговыхъ сношеній между русскими и нѣмцами, то дѣйствительно на первыхъ порахъ они представляются довольно оживленными, хотя и совершаются не безъ временнаго перерыва. Въ 1188 году русскій лѣтописецъ упоминаетъ о прекращеніи русскими торговыхъ сношеній съ западомъ [1]), которыя однако послѣ семи лѣтъ вновь возобновились на опредѣленныхъ условіяхъ, ибо въ 1195 году между Новгородомъ съ одной стороны и нѣмецкими и готландскими купцами съ другой — былъ заключенъ торговый договоръ, по которому обѣимъ сторонамъ былъ предоставленъ свободный путь для торговли [2]). Въ 1229 году былъ заключенъ прочный торговый договоръ между рижскими и готландскими купцами съ одной стороны и смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ съ другой. Изъ этого договора видно, что нѣмцы уже имѣли въ Смоленскѣ купленные дворы и церковь св. Маріи, которыми могли свободно распоряжаться [3]). Такъ какъ при такихъ договорахъ та и другая сторона получали обыкновенно равныя права, то нужно думать, что въ это время и русскіе купцы, проживавшіе въ Ригѣ, могли также имѣть у себя церковь. Если, далѣе, нѣмецкіе купцы уже въ 1269 году имѣли въ Новгородѣ церкви св. Петра и св. Николая, а готландскіе— церковь св. Олая [4]), то странно было бы, почему русскіе купцы не имѣли въ Ригѣ у себя церкви, имѣя на то всѣ права. Долговая книга города Риги, охватывающая время отъ 1286 до 1352 года [5]) даетъ намъ любопытныя данныя о русскихъ купцахъ въ Ригѣ. Проницательный изслѣдователь въ области лифляндской исторіи Германъ Гильдебрандъ, написавшій превосходную монографію на основаніи изученія этой долговой книги [6]), пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно русскихъ, проживавшихъ за этотъ періодъ въ Ригѣ. Подлѣ пре-

---

[1]) Новг. I л. 6696. [2]) U. B. n. 3010.

[3]) Ibid. n. 101, p. 129—30, § 29 resp. 32; cp. Sartorius Lappenl. l. c. t. I p. 116. Эта церковь въ Смоленскѣ существовала еще въ XIII и XIV вѣкахъ (см. U. B. n. 1336, 2946).

[4]) U. B. n. 413. [5]) Ibid. n. Reg. 1236.

[6]) Das Rigische Schuld-buch (1286—1352). St.-Petersburg. 1872.

обладающаго большинства нѣмцевъ, говоритъ онъ, встрѣчается множество русскихъ, далѣе литовцы, летты и ливы. Между тѣмъ какъ число первыхъ составляетъ около 1150, русскихъ всего 80, изъ другихъ указанныхъ народностей вмѣстѣ около 70. Русскіе легко узнаются по ихъ обычнымъ библейскимъ и греческимъ именамъ, особенно потому, что имена въ устахъ народа по большей части передаются вѣрно съ тѣми же предшествующими измѣненіями; до нѣкоторой степени ясно отличаются и туземцы со своими опредѣленными національными именами. Въ Ригѣ, какъ опорномъ пунктѣ и убѣжищѣ нѣмецкаго владычества и христіанской вѣры въ Лифляндіи [1]) и какъ центрѣ лифляндской торговли и мореплаванія, для чего она была предназначена уже при своемъ основаніи [2]), сосредоточилось все могущество нѣмцевъ и отдаленнѣйшія связи съ другими народами. Неудивительно поэтому, что и русскіе на первыхъ же порахъ постарались стать въ ней прочной ногой, и если у насъ нѣтъ раннихъ свѣдѣній о русскихъ учрежденіяхъ и ихъ жизни въ Ригѣ, то это нужно приписать чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Гильдебрандъ справедливо говоритъ, что хотя нѣкоторые „поименованные въ долговой книгѣ русскіе“ были временно по дѣламъ въ Ригѣ, всетаки преобладающее большинство ихъ должно быть разсматриваемо, какъ прочно усѣвшееся, какъ интегрированную часть тамошняго населенія. Нѣкоторые (7 человѣкъ) имѣютъ наслѣдственные дома. Значительное число всѣхъ встрѣчающихся въ долговой книгѣ русскихъ находятся между собою въ различныхъ степеняхъ кровнаго и духовнаго родства. Отецъ и сынъ, дядя и племянникъ, братья и тести, зятья, шурины, девери, свояки, именуются одновременно. Такъ какъ родственныя отношенія встрѣчаются уже съ 80 годовъ XIII вѣка, а ихъ образованіе предполагаетъ уже болѣе продолжительное пребываніе этихъ лицъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, то мы должны принять, что Рига навѣрно со средины этого столѣтія, но въ высшей степени правдоподобно, съ самаго же его начала, содержала въ себѣ постоянное русское населеніе. Оно въ своихъ

[1]) U. B. n. 178: Quoniam civitas Rigensis quasi firmamentum et sustamentum sit fidei in partibus Livoniae.

[2]) Heinr. V, 1: et eodem estate in campo spatioso, juxta quem portus navium esse poterat Riga civitas aedificatur.

семейныхъ отношеніяхъ стоитъ здѣсь особнякомъ, а не въ отношеніи гражданскихъ правъ. Весьма немногіе занимаются ремеслами и другими промыслами:—мы находимъ скорняковъ Якима и Семена, баньщика Демаса, всѣ остальные занялись торговлею и обнаруживаютъ въ ней чрезвычайную подвижность. Они неутомимо поддерживаютъ старыя связи и заводятъ новыя для заключенія большихъ сдѣлокъ и, гдѣ не хватаетъ собственнаго кредита, вступаютъ въ ассоціаціи, доставляютъ другъ другу компаньоновъ, словомъ, всячески расширяютъ область своей дѣятельности, которая преимущественно состоитъ въ томъ, что они подвозятъ произведенія запада на часто предпринимаемыхъ въ году торговыхъ поѣздкахъ въ зависимыя отъ рижскаго рынка внутреннія страны и закупаютъ оттуда вновь продукты. Большая часть данныхъ указываютъ на правильныя лѣтнія и зимнія поѣздки: первыя, завершавшіяся осенью или при первой санной дорогѣ, доставляли по преимуществу ленъ и воскъ, между тѣмъ какъ вторыя, начинавшіяся съ возвращеніемъ послѣдняго пути или весенняго половодья, доставляли мѣха, дичь и медъ. Часть купцовъ могла вести эти промыслы собственнымъ капиталомъ,—однако относительно этого долговая книга не даетъ никакого указанія,—другіе принимали отъ большихъ торговцевъ товары для продажи на кредитъ и уплачивали цѣну ихъ по распродажѣ. Они играли роль закупщиковъ и факторовъ, однако съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что они производили свои сдѣлки самостоятельно и на собственный счетъ, а не какъ „Brodknechte“ или уполномоченные „Lieger“ первыхъ. Впрочемъ мы находимъ, что они не долго ограничивались первоначальнымъ кругомъ дѣятельности: въ 1327 году между прочимъ Тимоске вращается въ Любекѣ. Значеніе ихъ посреднической роли поняли правильно въ Ригѣ и другихъ лифляндскихъ городахъ, гдѣ могли существовать тѣ же отношенія, и съумѣли привязать къ себѣ поселенцевъ, снабжая ихъ гражданскими правами. Что имъ уже въ XIII вѣкѣ въ лифляндскихъ городахъ не было отказано въ пріемѣ въ союзы горожанъ и что безъ сомнѣнія значительная часть ихъ дѣйствительно вступила въ нихъ, этотъ фактъ былъ бы между другими краснорѣчивымъ доказательствомъ дружественнаго обращенія другъ съ другомъ, если не властителей (Herrscher), то русскаго и нѣмецкаго населенія пограничныхъ странъ, но онъ имѣетъ

большее значеніе, какъ скоро, говоритъ Гильдебрандъ, мы приведемъ ближайшее сравненіе, каково было положеніе вендовъ въ Любекѣ и Гамбургѣ, изъ которыхъ никто, благодаря прежнимъ враждебнымъ отношеніямъ, не могъ сдѣлаться бюргеромъ. При полной зависимости собственнаго развитія отъ сѣверной Германіи, прежде всего по принятіи гамбургскаго права, нельзя было бы удивляться, еслибы тѣ воззрѣнія, какія были тамъ на вендовъ, въ своемъ внѣшнемъ видѣ были перенесены на русскихъ въ Ригѣ, языкъ которыхъ выдавалъ ихъ племенное родство съ тѣми презрѣнными, съ государствомъ которыхъ почти безпрерывно велись кровавыя войны. Если не смотря на то это не случилось, и они скоро сдѣлались равноправными, то послѣднее представляетъ для насъ, говоритъ Гильдебрандъ, въ то же время поразительное доказательство національнаго безпристрастія и поистинѣ политическаго смысла, которыми руководствовалось лифляндское общество (Gemeinwesen) [1]). Таковы свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности и жизни русскихъ въ Ригѣ въ XIII—XIV вв. Въ т. н. Denkelbok'ѣ [2]), обнимающемъ время отъ 1444 до 1480 года, мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о русскихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ за это время въ Ригѣ. Здѣсь упоминается (подъ 1444 годомъ) о русскомъ кладбищѣ, близъ котораго находилась русская церковь св. Николая (подъ 1453 г.) и конвентъ (подъ 1447 г.), подъ которымъ по мнѣнію ученаго Бунге едва ли можно разумѣть монастырь, а скорѣе богадѣльню или госпиталь [3]). Все это мѣсто называлось въ т. н. наслѣдственной книгѣ (Erbebuch), „das Russische Dorf“ [4]). Кромѣ того, въ томъ же Denkelbok'ѣ подъ 1476 г. упоминается о русской гильдіи. По изслѣдованію Гутцейта всѣ эти русскія учрежденія находились въ сѣверной русской части города на русской улицѣ, соотвѣтствующей нынѣшней Шумной улицѣ (Larmstrasse) [5]). Гдѣ собственно находился госпиталь (или по Гутцейту русскій женскій монастырь), Гутцейтъ въ виду противорѣчивыхъ показаній не находитъ возможнымъ съ достовѣрностію рѣшить [6]). Рижская русская цер-

[1]) Hildebrand, l. c. p. 77—79. [2]) Въ Mitth. aus d. Livl. Gesch. B. XI.
[3]) Die Stadt Riga, Leipzig 1878, p. 170.
[4]) Впрочемъ Гильдебрандъ (l. c. p. 77) считаетъ русское село за самостоятельное и полагаетъ его предъ т. н. Песчаными воротами (Sandpforte).
[5]) Mitth. aus d. livl. Gesch. B. XI, p. 512.
[6]) Ibidem p. 513 и B. X. p. 350—351.

ковь стояла подъ вѣдѣніемъ полоцкаго и витебскаго архіепископа и получала чрезъ него священниковъ [1]). По крайней мѣрѣ зависимость эта достовѣрно извѣстна въ 1-й половинѣ XVI вѣка.

О существованіи русскихъ церквей въ Дерптѣ мы, къ несчастію, также имѣемъ свидѣтельства позднѣйшаго происхожденія. Въ описаніи путешествія митроп. Исидора, проѣзжавшаго въ 1436 году чрезъ Дерптъ на флорентійскій соборъ, здѣсь между прочимъ упоминаются двѣ русскія церкви — николаевская и георгіевская [2]). Николаевская церковь находилась, какъ указываетъ Трэмеръ [3]) на Риттерской улицѣ, противъ церкви св. Іоанна, на площади шириною въ 33 фута и длиною въ 80 футовъ. Георгіевская церковь, по его же изслѣдованію, находилась, вѣроятно, внѣ города, при Петербургской улицѣ и была впослѣдствіи отнята у русскихъ, удержавъ однако свое названіе [4]). Изъ дальнѣйшей исторіи православныхъ церквей въ Дерптѣ намъ извѣстно, что по договору нѣмцевъ съ Іоанномъ Васильевичемъ III въ 1463 году первые обязались „Русскій конецъ и святыя церкви держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ, и не обидѣть“ [5]). Такіе договоры однако не избавляли дерптскихъ православныхъ отъ фанатизма католиковъ. Вскорѣ послѣ заключенія этого договора, именно въ 1472 году 8 января въ Дерптѣ погибъ священникъ Исидоръ при церкви св. Николая вмѣстѣ съ 72 другими православными, опущенными подъ Эмбахскій ледъ, какъ передается въ лѣтописи Псково-Печерскаго монастыря [6]). Далѣе, извѣстно, что по миру ляфляндцевъ съ Іоанномъ Вас. III въ 1474 года было между прочимъ постановлено, чтобы православныя церкви въ Юрьевѣ въ русскомъ концѣ и самихъ православныхъ латиняне держали честно и по крестному цѣлованію [7]).

Относительно Ревеля неизвѣстно, когда тамъ поселились русскіе купцы, но существованіе ихъ тамъ съ самыхъ пер-

[1]) Акты Зап. Россіи. Спб. 1846. т. II, п. 234 (отъ 2 окт. 1544 г.); ср. Brotze въ Hupels N. N. Miscell. t. XI и XII p. 416.

[2]) Др. рос. Вивліоѳ. Новиковъ 1774 г. ч. IV, стр. 295—96 г.

[3]) Gesch. Nachw. d. zwölf Kirchen d. alt. Dorpat. 1855, p. 10—11.

[4]) Ibid. p. 19; см. также Sitzungsb. d. del. Ehstn. Gesell. 1876, p. 51—60.

[5]) Псков. I л. 6971, стр. 225.

[6]) Повѣсть о нач. и основаніи Печер. монастыря. Москва. 1831.

[7]) Акты Зап. Россіи т. I, п. 69.

выхъ временъ основанія датчанами города довольно правдоподобно, если принять во вниманіе кромѣ того существованіе въ самой Эстоніи русскихъ деревень, указанныхъ выше. Но имѣли ли они въ это время тамъ зданіе для богослужебныхъ собраній, неизвѣстно. О русской церкви св. Николая при Спокойной (Rüstsrasse) или монашеской (Mönchenstrasse) улицѣ впервые упоминается въ 1422 году, когда еп. Генрихъ Икскюль наперекоръ отлученнымъ монахамъ-проповѣдникамъ приказалъ поставить алтарь для отправленія миссы не предъ ихъ монастыремъ, но недалеко отъ него предъ русскою церковію. Впослѣдствіи въ 1437 году изъ одного письма изъ Новгорода въ Ревель извѣстно, что русская церковь не должна была имѣть тогда двери на улицу, и новгородцы позволяли провести трубу для осушенія двора только въ томъ случаѣ, если русскимъ въ Ревелѣ будетъ позволено имѣть у своей церкви дверь, ведущую на улицу [1]). Русскія церкви въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ, по свидѣтельству Вреденбаха, существовали еще при вторженіи въ Лифляндію лютеранства, когда онѣ были разрушены [2]). Но замѣчательно, что въ половинѣ XVI вѣка въ этихъ городахъ было только по одной русской церкви [3]). Выходитъ, какъ будто распространеніе православія въ Прибалтійскомъ краѣ со времени завоеванія его нѣмцами шло регрессивно, будучи мало по малу искореняемо, пока впослѣдствіи подъ русскимъ владычествомъ оно вновь не ожило, періодически распространяясь и сокращаясь соотвѣтственно свободному вѣроисповѣдному сознанію туземцевъ [4]).

---

[1]) Mélanges Russes t. IV p. 742 n. 140 (отъ 17 апр. 1437).

[2]) Rer. Mosc. auctores. Francof 1600, p. 218.

[3]) Hist. Ruth. Scriptor exteri S t a r c z e w s k i... Commentarius p. 10.

[4]) Ни въ нѣмецкой, ни въ русской литературѣ, до сихъ поръ не сдѣлано серьезныхъ изслѣдованій по вопросу о православіи въ Лифляндіи за древній періодъ. Архимандритъ Павелъ, писавшій о распространеніи православія между латышами и эстами (см. Вятск. Епарх. вѣд. за 1865 годъ, п. 9—11, 13, 14) преимущественно на основаніи данныхъ у Генриха Латышскаго, пришелъ къ выводамъ съ научной точки зрѣнія слишкомъ смѣлымъ и поспѣшнымъ. Нѣкоторыя историческія указанія и замѣтки касательно даннаго вопроса можно найти и въ соч. Чистовича: «Исторія православной церкви въ Финляндіи и Эстляндіи». Спб. 1856, стр. 121—145; вообще же сочиненіе это мало затрогиваетъ древній періодъ и обилуетъ недостаточно обоснованными гипотезами.

ГЛАВА III.

Завоеваніе нѣмцами Лифляндіи.

Вопросъ о времени открытія нѣмецкими купцами Ливоніи продолжаетъ до сихъ поръ волновать умы лифляндскихъ историковъ, усиливающихся отыскать для всякаго событія извѣстный точно опредѣленный пунктъ времени; между тѣмъ какъ вопросъ этотъ едва ли возбуждалъ бы столько изслѣдователей, если вникнуть въ его сущность. Во-первыхъ, объ открытіи Ливоніи какими бы то ни было купцами во вторую половину XII вѣка не должно быть и рѣчи, потому что Ливонія съ незапамятныхъ временъ служила путемъ, по которому, между прочимъ, происходили сношенія странъ сѣверо-западныхъ со странами сѣверо-восточными. Здѣсь можетъ быть, слѣдовательно, развѣ только вопросъ о приблизительномъ періодѣ, когда съ Ливоніей стала устанавливаться болѣе или менѣе правильная и прочная торговая связь. Во вторыхъ, если даже поставить здѣсь вопросъ въ смыслѣ года, когда купцы нѣмецкіе явились въ Ливонію вмѣстѣ съ Мейнгардомъ, то отъ точнаго опредѣленія его, предполагая это возможнымъ, исторія Лифляндіи едва ли выиграла бы сколько нибудь. Впрочемъ нужно сказать, что въ новѣйшее время вопросъ этотъ начинаетъ терять свое прежнее значеніе и понимается въ указанномъ нами смыслѣ, хотя нѣкоторые ученые (напр. Коскиненъ, Фане и др.), вѣроятно по невѣденію, продолжаютъ держаться хронологическаго указанія времени открытія бременскими купцами Ливоніи, именно 1158 или 1159 г., содержащагося въ интерполированномъ текстѣ хроники Генриха Латышскаго [1]). Ученый Гельбаумъ, который сказалъ по этому вопросу послѣднее слово, отодвигаетъ первое время посѣщенія нѣмецкими—именно любечскими, купцами Ливоніи нѣсколько впередъ и понимаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ времени установки правильныхъ тор-

[1]) Здѣсь (см. изд. Грубера и I. Арндта) въ началѣ XXIX, 9, говорится, что въ Лифляндіи совершилось много славнаго при обращеніи язычниковъ къ христіанству въ теченіе 67 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Лифляндская гавань впервые была открыта Бременскими купцами. Послѣдующіе писатели рабски держатся этого интерполированнаго мѣста Генриха.

говыхъ сношеній. По его изслѣдованію оказывается, что восточное побережье Балтійскаго моря стало болѣе доступнымъ для нѣмцевъ съ того времени, когда въ 1163 году [1]) герцогъ Генрихъ Левъ утвердилъ прочный миръ между нѣмцами и готландцами и особенно когда въ 1188 году [2]) императоръ Фридрихъ I утвердилъ признанную Генрихомъ свободу „русскихъ, готовъ, норманновъ и другихъ народовъ востока“ отъ пошлины и ганзы. И дѣйствительно уже въ 1165 году мы имѣемъ свидѣтельство о торговлѣ вестфальскаго города Медебаха на Балтійскомъ морѣ и съ Россіею (Rucia, Rutia) [3]). Островъ Готландъ издавна служилъ связующимъ торговымъ звѣномъ между востокомъ и западомъ. По древнему висбійскому городовому праву, относящемуся вѣроятно къ первой половинѣ XII вѣка, было постановлено, чтобы такъ какъ на Готландѣ собирались люди различныхъ языковъ, давалась клятва въ мирѣ, по которому каждый по всему острову на разстояніи восьми саженей отъ берега имѣлъ побережье свободнымъ,—чтобы каждый тѣмъ лучше могъ распоряжаться своимъ товаромъ, и всякій, кто подплывалъ къ берегу и бросалъ якорь, пользовался клятвеннымъ миромъ [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ торговлѣ съ южными берегами Балтійскаго моря уже въ первой половинѣ XII вѣка участвовали и русскіе, ибо по свидѣтельству Саксона Грамматика [5]) въ 1134 г. новгородскіе купцы были захвачены въ предѣлахъ Даніи, и въ 1125 году въ Шлезвигской гавани былъ ограбленъ Свендомъ Гратомъ русскій флотъ. А по русскимъ извѣстіямъ [6]) новгородцы зимою 1188—89 года избили варяговъ — готландскихъ нѣмцевъ и весною того же года не позволили никому ѣхать за море, не выдали варягамъ ихъ пословъ, но оставили ихъ „безъ мира“, т. е. прекратили торговыя сношенія и отвергли мирныя предложенія. Однако отвергнутый договоръ былъ опять возстановленъ весною 1199 года [7]).

[1]) Lub. U. B. n. 3. [2]) Ibid. n. 7.

[3]) Hans. U. B. Halle 1876. t. I, n. 17... Гёльбаумъ (Hans. Heschichtsbl. Jahr. 1872. p. 45), основываясь на борьбѣ датскаго короля Вольдемара Великаго противъ о. Рюгена въ 60-хъ годахъ XII в., кончившейся только въ концѣ этого вѣка и мало или совсѣмъ неблагопріятствовавшей торговлѣ съ Рюгеномъ, признаетъ замѣну стоящаго въ оригиналѣ Rutia, Rucia (см. Urc. Gesch. d. Deut. Hans. p. 8) на Ruiia произвольною.

[4]) Schyter, Corpus juris Sveo-Gotorum antiqui, t. 8, p. 21.

[5]) Saxo, l. c. I, p. 713.

[6]) П. С. Р. Л. т. 3. Новг. I Л. 6696. [7]) Livl. U. B. n. 3010.

Готландъ оставался главнѣйшимъ рынкомъ, къ которому спѣшили съ богатымъ грузомъ русскіе корабли; новгородскіе купцы были здѣсь столь многочисленны, что уже около средины XII вѣка могли называть церковь своего обряда собственною. Съ другой стороны готландцы уже въ XI вѣкѣ по Ярославовой „Русской Правдѣ“ получили право быть вознагражденными изъ имущества должника. 23-го апрѣля 1152 года вмѣстѣ съ восьмью русскими церквами Новгорода сгорѣла и девятая церковь—варяжская [1]). По истеченіи четырехъ лѣтъ заморскіе купцы предпринимаютъ вновь постройку церкви въ честь Св. Пятницы на рынкѣ [2]) и оканчиваютъ ее только 30 августа 1207 года. Вопросъ о томъ, къ какому торговому центру принадлежали купцы, впервые поставившіе прочное основаніе нѣмецкой колоніи на берегахъ Двины, повидимому съ большою вѣроятностью рѣшается Гельбаумомъ въ пользу любечскихъ купцовъ, утвердившихся на о. Готландѣ, и уже оттуда завязавшихъ правильную торговлю съ берегами Двины. Основываясь на словахъ Генриха Латышскаго, что купцы до проповѣди Мейнгарда „часто“ посѣщали берега Двины и на свидѣтельствѣ Арнольда Любечскаго, по которому Мейнгардъ былъ посвященъ въ епископы „черезъ нѣсколько лѣтъ“ (per aliquos annos) послѣ своего прибытія въ страну ливовъ и проповѣди здѣсь [3]), Гельбаумъ полагаетъ время установленія прочной торговли съ Ливоніей между 1164 и 1180 или 70 годами [4]). Познакомившись достаточно со страною и ея обитателями, купцы стали проникать все болѣе и болѣе въ глубь страны съ твердымъ намѣреніемъ основать здѣсь колонію. Съ этою цѣлію они стали пріѣзжать чаще съ большимъ количествомъ людей и колонизаціоннымъ пунктомъ выбрали деревню Икскюль на разстояніи шести миль отъ устья Двины. Но имѣли ли купцы при этомъ намѣреніе распространять въ Ливоніи христіанство—трудно рѣшить съ достаточною вѣроятностью. Намъ кажется, однако, что ни купцы, ни бременскій архіепископъ Гартвигъ (1184—1207) первоначально не имѣли въ виду миссіонерскаго плана. Гартвигъ могъ даже не знать

[1]) Нов. I л. 6660. [2]) Тамъ же л. 6664.

[3]) Arnoldi Chron. Slavor. Hannoverae 1867 V, 30. p. 213. Арнольдъ умеръ въ 1213 или 14 году; хроника его обнимаетъ время отъ 1171—1209 г.

[4]) См. статью Гельбаума «Die Gründung. d. Deutschen Kolonie an d. Duna» въ Hans. Geschichtsbl. 1872. p. 23—65.

о поѣздкѣ Мейнгарда въ Ливонію. Вся инициатива миссіи вѣроятно принадлежитъ Мейнгарду, священнику ордена блаженнаго Августина въ Зигебероской обители. По Арнольду [1]) къ миссіонерскому дѣлу его „воспламенило повелѣніе Божіе“ (eloquium Domini inflammavit). Первоначально же онъ поѣхалъ съ купцами въ качествѣ отправителя для нихъ религіозныхъ требъ и только здѣсь почувствовалъ десницу Божію [2]) и тотчасъ заявилъ о своемъ намѣреніи Бременскому архіепископу и капитулу, которые одобрили его благочестивое предпріятіе и уполномочили его къ обращенію языческихъ ливовъ. Что такой порядокъ событій довольно правдоподобенъ, можно указать еще на обычай купцовъ, торговавшихъ съ Новгородомъ и совершавшихъ правильныя лѣтнія и зимнія поѣздки — возить съ собою для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей священника [3]). Нужно думать, что на первыхъ порахъ купцы обыкновенно пріѣзжали весною въ Ливонію и, поторговавъ здѣсь все лѣто, зимою по большей части вновь возвращались въ Германію. Нѣтъ возможности точно опредѣлить моментъ времени, когда Мейнгардъ прибылъ въ Ливонію и когда у него возникла мысль объ обращеніи ливовъ [4]). Какъ бы то ни было, но когда у духовныхъ возникъ

---

[1]) Chron. Slav. V, 30. p. 213.

[2]) Reimchr. V. 230—233: ein wiser man mit ir komen | derin Sanc und las | wen er ein reiner prister was... и Arnold. l. c. V, 30. Cumque vir bonus per adiquos annos cum ugotiatoribus illuc iret et suis negotiis devotus insisteret, sensit manum Domini non invalidum et auditorum suorum devotionem plurimam.

[3]) Существовало даже постановленіе, чтобы кромѣ пріѣзжающихъ водою лѣтнихъ и зимнихъ моряковъ, т. е. остающихся въ Новгородѣ зимою, никто изъ сухопутныхъ купцовъ не долженъ привозить съ собою священника, такъ чтобы онъ содержался на счетъ общаго кошелька, священника же, котораго первые привезли съ собою, должны держаться всѣ торговые люди, живующіе во дворѣ; онъ долженъ быть священникомъ двора. Пріѣзжающіе зимою по водѣ должны сами содержать своего священника, который получалъ изъ доходовъ двора 50 марокъ кунъ. Пріѣзжающіе же по водѣ лѣтомъ, можетъ быть потому, что они остаются здѣсь на болѣе короткое время, должны содержать своихъ священниковъ на собственный счетъ какъ при плаваніи, такъ и во дворѣ. См. Urk. Gesch. d. Deutschen. Hanse. t. II. n. 9. Документъ этотъ относятъ ко второй четверти 13 столѣтія.

[4]) Авторъ риемованной хроники (V. 430—433 и 481—485) и за нимъ Германъ Вартбергъ (SS. rer. Pruss. t. II p. 22) считаютъ временемъ посвященія Мейнгарда во епископы 1143 годъ и утверждаютъ, что онъ дѣйствовалъ въ качествѣ епископа 23 года. Вообще нужно сказать что исторія дѣятельности двухъ пер-

планъ объ обращеніи ливовъ, то и купцы со своей стороны должны были понять выгоду осуществленія его; у нихъ должна была появиться надежда овладѣть страною, чтобы затѣмъ извлечь изъ ея естественныхъ богатствъ болѣе выгодъ, — богатствъ, которыя стали привлекать въ Ливонію не только купцовъ, но и людей другихъ сословій. „Ибо земля эта — говоритъ Арнольдъ—обилуетъ полями, лугами, рѣками, достаточно богата рыбами и тѣнистыми рощами“ [1]). Но прежде чѣмъ приступить къ проповѣди, Мейнгардъ позаботился получить позволеніе на это отъ Полоцкаго князя Владиміра, которому языческіе ливы, а также зелоны и летты были подвластны [2]). Для нуждъ купцовъ и новообращенныхъ онъ построилъ (въ 1184 г.?) въ деревнѣ Икскюлѣ церковь и обратилъ здѣсь въ христіанство Ило, отца Кулево, и Вицо, отца Ало, за которыми послѣдовали и другіе [3]). Здѣсь же въ Икскюлѣ Мейнгардъ утвердилъ конвентъ, назначеніе котораго состояло въ распространеніи христіанства между туземцами; братья конвента проживали здѣсь подъ монашескимъ орденскимъ уставомъ [4]). Быстрое распространеніе христіанства въ скоромъ времени вызвало постройку другой церкви на сосѣднемъ островѣ Гольмѣ, лежащемъ между Икскюлемъ и Ригой [5]). Бременская церковь, ослабленная образованіемъ самостоятельной Лундской

выхъ Лифляндскихъ епископовъ довольно темна. Генрихъ Латышскій не имѣя подъ руками письменныхъ документовъ объ ихъ дѣятельности и, пользуясь разсказами современниковъ и ходившими между ними преданіями, естественно внесъ въ свою хронику за этотъ періодъ нѣкоторыя басни. Что же касается богатыхъ мелочныхъ повѣстей о Мейнгардѣ и Бертольдѣ у позднѣйшихъ писателей (Гвагинія, Кранціуса, Ніенштедта, Фабриція и др.), то они не имѣютъ никакого историческаго значенія. Разборъ времени Мейнгарда сдѣланъ у Пабста (Meinhart, Livl. Apostel. Reval 1847—49).

[1]) L. c. p. 214: Est enim eadem terra fertilis agris, abundans pascuis, irrigua fluviis, satis etiam piscosa et arboribus nemorosa...

[2]) Reimchr V. 645. Область Зеловъ находилась въ юго-восточноаъ углу Куроніи, обнимала почти всю нынѣшнюю Зелбургскую волость и дѣлилась на четыре округа, какъ видно изъ позднѣйшихъ актовъ (U. B. n. 286. 363) второй половины 13 в. Меденскій округъ долженъ считаться самымъ южнымъ граничащимъ съ Земигалліею (ibid. n. 265). Что касается платы зелонами и леттами русскимъ дани, то съ достовѣрностію можно по крайней мѣрѣ утверждать, что въ 1208 г. они находились въ союзѣ съ Кокенгузенскими русскими и платили имъ дань (Heinr. XI, 9; XII, 1).

[3]) Heinr. 1, 3—4. [4]) Ibid. VI, 2—3...

[5]) Ibid. 1, 7; II, 2; VI, 7. Въ 1203 г. въ Гольмѣ уже упоминается приходъ со священникомъ монахомъ Зигфридомъ (ibid VII, 9).

архіепископіи и поэтому искавшая возможности замѣнить эту потерю, скоро обратила свои виды на Ливонію. Имѣлъ ли архіепископъ Гартвигъ, между прочимъ, въ виду распространить границы своей митрополіи и на Ливонію, прося 4 мая 1185 года папу Люція III подчинить себѣ епископовъ Даніи, Швеціи и Норвегіи [1]), какъ думаетъ Дегіо [2]), мы не беремся рѣшить. Тѣмъ не менѣе, однако, во время такой успѣшной миссіонерской дѣятельности, между сооруженіемъ двухъ замковъ, Икскюля и Гольма, Мейнгардъ былъ посвященъ архіепископомъ Бременскимъ въ епископы Икскюля [3]), и бременская митрополія теперь стала смотрѣть на Ливонію, какъ на подчиненную себѣ область. 25 сентября 1188 г. папа Климентъ III подчинилъ икскюльскую епископію архіепископу Бременскому Гартвигу [4]) и въ томъ же году 1 октября утвердилъ за

[1]) Hanb. U. B. n. 268. [2]) L. c.p. 165.

[3]) Heinr. 1, 8: Inter duorum praedictorum castrorum constructionem ordinatus est. ep. Arnold, p. 213: Anno igitur verbi incarnati 1186 fundata est sedes episcopalis in Livonia a venerabili viro Meinardo. Что касается сооруженія для ливовъ двухъ замковъ—Икскюля и Гольма готландскими каменщиками, то намъ кажется болѣе правдоподобнымъ признать ихъ болѣе древнее существованіе и считать ихъ построенными ливами. Не послужило ли поводомъ къ разсказу Генриха то обстоятельство, что они сооружены изъ камня? Или же можетъ быть готландскіе каменщики дѣйствительно нѣсколько перестроили и болѣе укрѣпили ихъ? Довольно странно, что кромѣ Генриха и автора лифляндской риѳмованной хроники никто изъ современныхъ лѣтописцевъ не упоминаетъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Авторъ риѳмованной хроники впрочемъ упоминаетъ только о сооруженіи нѣмецкими купцами на высокой горѣ при Двинѣ замка, названнаго Икскюлемъ (Reimch. v. 210—223). Но уже самое это названіе указываетъ скорѣе на его туземное происхожденіе. Самый разсказъ отзывается легендарностію и наивностію и мало соотвѣтствуетъ съ одной стороны предусмотрительности нѣмцевъ и сосѣднихъ русскихъ князей, съ другой — положенію придвинскихъ ливовъ по отношенію къ сосѣднимъ народамъ и своимъ собратьямъ ливамъ тореидскимъ. А главное, намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы замки, сооруженные нѣмцами, могли въ продолженіе слишкомъ 20 лѣтъ находиться въ рукахъ ливовъ, являвшихся ихъ полноправными обладателями. Желая обезопасить вновь построенную Ригу отъ нападеній сосѣднихъ ливовъ еп. Альбертъ въ 1201 г. отдалъ замки Леневарденъ и Икскюль въ ленъ рыцарямъ Данилу и Конраду (Heinr. V. 2). Однако въ 1203 году мы видимъ, что замокъ Икскюль вмѣстѣ съ Гольмомъ находился во владѣніи ливовъ (ibid. VII, 7). Равнымъ образомъ и Леневарденъ вмѣстѣ съ Амераденомъ еще въ 1204 г. принадлежали ливамъ (ibid VIII, 1). Только въ 1205 г. когда жители разбѣжались, оставивъ Икскюль беззащитнымъ Конрадъ былъ введенъ во владѣніе этой бенефиціей, и ливы были совсѣмъ исключены изъ построеннаго при деревнѣ укрѣпленія, а замокъ Гольмъ былъ занятъ Даніиломъ только въ 1206 году на правахъ леннаго владѣтеля.

[4]) Urk. B. № 9.

Бременскимъ архіепископомъ эту епископію, а Мейнгарда признаlъ въ качествѣ ея епископа [1]). Вскорѣ послѣ этого тотъ же папа въ буллѣ къ „ливонскому епископу“ разрѣшилъ отъ грѣховъ всѣхъ, желающихъ проповѣдывать Евангеліе язычникамъ въ Лифляндіи [2]). Но чѣмъ болѣе распространялось христіанство, тѣмъ болѣе между туземцами, особенно ливами, возрастала ненависть и недовольство пришельцами. Тяжкіе поборы и насилія вынудили ихъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ провозвѣстниковъ новой религіи. Они разграбили имущество Мейнгарда, избили кулаками его людей и порѣшили удалить его самого изъ своей земли; крестившіеся въ водѣ думали омовеніемъ въ Двинѣ смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію [3]). Помощникомъ Мейнгарда былъ Теодорихъ, монахъ цистерціанскаго ордена, впослѣдствіи (1211 г.) епископъ Эстонскій. Онъ поселился въ Тореидѣ, которая находилась по обоимъ берегамъ Лифляндскаго Аа и пріобрѣлъ здѣсь подъ пашню клочекъ земли. Однажды, по разсказу Генриха, нивы ливовъ попортили частые дожди, тогда какъ у Теодориха жатва оказалась богатая. Въ этомъ обстоятельствѣ ливы вѣроятно усмотрѣли гнѣвъ своихъ боговъ изъ за новаго ученія чужестранца и признали его за колдуна. Собравшійся народъ порѣшилъ принести его въ жертву разгнѣваннымъ богамъ. Чтобы узнать, угоденъ ли онъ богамъ, бросили жребій; для этого они повели коня чрезъ положенное на землю копье; конь ступилъ чрезъ него ногою жизни (т. е. правою). Кудесникъ ливскій сталъ утверждать, что христіанскій Богъ сидитъ на хребтѣ коня и предложилъ обмыть хребетъ, чтобы сбросить Бога. Конь однако снова ступилъ черезъ копье ногою жизни и Теодорихъ остался живъ. Онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ удалиться изъ Тореиды и въ 1191 году мы находимъ его проповѣдующимъ Евангеліе въ Эстоніи; здѣсь, впрочемъ, проповѣдь его была безуспѣшна: случилось затмѣніе солнца и язычники думали, что онъ пожираетъ солнце, но онъ какъ-то избѣгъ здѣсь опасности и возвратился опять въ Торенду [4]). Между тѣмъ вѣроятно по ревностному старанію Теодориха христіанство принялъ могущественный и знатный ливъ Каупо, игравшій между тореидцами первенствующую роль и жившій въ

---

[1]) Ibid № 10. [2]) U. B. III n. 10, a. [3]) Heinr. I, 9. [4]) Heinr. I, 10.

своемъ замкѣ Кубеселѣ; примѣру его послѣдовали его многочисленные родственники и другіе [1]). Это обстоятельство было событіемъ для проповѣдниковъ христіанства и новообращенныхъ; всѣ христіане радовались этому. Слухъ объ этомъ быстро распространился и въ сосѣднихъ странахъ. Но разнесся и слухъ о способѣ обращенія. Въ риѳмованной хроникѣ по этому поводу прямо замѣчается, что „многіе находили смерть явно и тайно", ибо „противившіеся были съ Божіею помощію принуждаемы къ христіанству" [2]). Если вѣрить автору этой хроники, то литовцы, русскіе, эсты и латыши подняли волненія [3]). Въ виду такого натянутаго положенія дѣлъ Мейнгарду, не имѣвшему въ своемъ распоряженіи военной силы, ничего другаго не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ изъ страны. Съ этою цѣлію онъ собралъ клириковъ (clerici) и орденскихъ духовныхъ (fratres) и отправился съ ними къ купеческимъ кораблямъ, которые, хотѣли уѣхать на Пасху въ Готландъ. Ливы, опасаясь, что онъ на обратномъ пути приведетъ съ собою войско, обѣщались принять крещеніе и при этомъ сами купцы, нѣкоторые изъ нѣмцевъ, датчанъ, и норманновъ, обѣщали въ случаѣ нужды привести войско. Однако по возвращеніи Мейнгарда въ Икскюль ливы не исполнили своего обѣщанія. Тогда онъ вознамѣрился переправиться въ Готландъ чрезъ Эстонію [4]) съ зимовавшими тамъ купцами. И этотъ планъ былъ неудаченъ. Ливы замыслили убить его на дорогѣ, но одинъ тореидецъ, по имени Анно, предупредилъ его объ опасности и побудилъ возвратиться домой въ Икскюль, гдѣ онъ жилъ, не имѣя возможности оставить край [5]). Въ такомъ критическомъ положеніи Мейнгардъ, не разсчитывая на бременскую митрополію, внутреннее состояніе которой около этого времени разшаталось, посылаетъ къ папѣ Целестину III своего сотрудника Теодориха. Послѣднему подъ видомъ посѣщенія больнаго удается пробраться чрезъ землю ливовъ и предстать благополучно предъ лицемъ папы. Получивъ въ 1193 году свѣдѣнія о критическомъ положеніи миссіонерскаго дѣла въ Ливоніи, папа издалъ буллу, въ которой обѣщаетъ защищать юную

[1]) Ibid. I, 10; IV, 4; Reimchr. V, 260—275.
[2]) Reimchr. v. 278. 282. 293—303. [3]) Ibid. v. 285 и слѣд.
[4]) Какую страну разумѣлъ здѣсь Генрихъ подъ Эстоніею?
[5]) Heinr. I, 11.

церковь въ Ливоніи, приказываетъ недопускать нападеній и даетъ совѣтъ въ случаѣ нужды поддерживать ее даже силою оружія. Въ тоже время онъ позволилъ проповѣдывать крестовый походъ въ Лифляндію и далъ отпущеніе грѣховъ каждому, кто возложитъ на себя крестъ для возстановленія новоучрежденной церкви. Кромѣ того, онъ уполномочилъ Мейнгарда поставлять себѣ помощниковъ въ дѣлѣ проповѣди [1]). Но Мейнгардъ не дождался обѣщанной помощи и умеръ въ 1195 году 14 августа [2]) и погребенъ въ Икскюлѣ [3]). По разсказу Генриха, онъ на смертномъ одрѣ призвалъ къ себѣ старѣйшинъ Ливоніи и Тореиды и спросилъ ихъ, желаютъ ли они послѣ его смерти быть безъ епископа. Тѣ единодушно увѣряли, что съ радостію желали бы имѣть епископа и отца [4]). Впослѣдствіи тѣло его было перенесено въ рижскій соборъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки памятника и надпись на немъ [5]).

Въ то время какъ мирная жизнь ливовъ была нарушена пришествіемъ чужестранцевъ, ихъ сѣверные братья—эсты, по видимому, продолжали свои набѣги на сосѣднія земли и сами терпѣли нападенія. Такъ лѣтомъ 1196 года эсты изъ Вироніи предприняли неудачный походъ къ Пскову на судахъ [6]). А зимою 1192 года угаунскіе эсты подверглись нападенію князя Ярослава съ новгородцами и псковичами и потеряли свой замокъ Дерптъ [7]). Въ томъ же году послѣ 29 іюня князь Ярославъ послалъ свою дружину съ псковичами въ Угаунію, которая и захватила эстонскій замокъ Медвѣжью голову или Одэнпэ [8]). Вѣроятно въ 1197 году эсты (эзельскіе) потерпѣли нападеніе отъ датчанъ [9]).

---

[1]) U. B. № 11; Henir. I, 12.

[2]) Chronologie v. Lr. Schwartz. Riga 1879 p. 135.

[3]) Heinr. X, 6. [4]) Ibid. I, 14.

[5]) Bonnel l. c. Comment p. 43. По этой надписи дата «12 октября» можетъ быть разсматриваема, какъ обозначающая день смерти, такъ и день погребенія Мейнгарда.

[6]) Новг. I Лѣт. г. 6698. [7]) Тамъ же, г. 6699. [8]) Тамъ же, г. 6700.

[9]) Въ датскихъ хроникахъ и анналахъ упоминается о походѣ датчанъ въ Эстляндію между 1193—1197 гг. (1193. 1194. 1196. 1197). Всматриваясь ближе въ эти извѣстія, мы замѣчаемъ, что у большинства писателей между этими годами упоминается одинъ только походъ; только у одного писателя конца XIII в. ставятся два похода (въ 1194 и 1196 см. Script. rer. Dan. t. I. p. 164), а у другаго писателя первой половины XVI в. Петра Олая указы-

Второй ливонскій епископъ Бертольдъ принадлежалъ къ цистерціанскому ордену и былъ аббатомъ локумскаго монастыря [1]) въ Ганноверѣ и по свидѣтельству Арнольда проповѣдывалъ уже раньше въ Ливоніи [2]). Посвященный въ епископы въ 1195 году Гартвигомъ II-мъ архіепископомъ гамбургскимъ и бременскимъ [3]), онъ въ 1197 году является въ Лифляндію безъ войска, поселяется въ Икскюлѣ, собираетъ къ себѣ знатнѣйшихъ (meliores) ливовъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, угостивъ ихъ напитками и явствами и одаривъ ихъ, онъ сказалъ имъ, что прибылъ на ихъ зовъ и наслѣдуетъ своему предшественнику со всѣми его правами. Спустя нѣсколько времени, по всей вѣроятности вслѣдствіе поборовъ его, ливы при освященіи гольмскаго кладбища, намѣревались отдѣлаться отъ него, начали между собою спорить, убить его или

ваются три похода (въ 1194, 1196, 1197 гг. См. ibid. t. I p. 117—180). Затѣмъ, 1193 годъ приводится только у одного писателя начала XIV в., у котораго однако отсутствуетъ годъ 1194-й. Основываясь на томъ, что большинство свидѣтельствъ и при томъ болѣе древнихъ указываетъ одинъ только походъ, мы должны считать добавочные походы позднѣйшими вставками списывателей. Далѣе имѣя въ виду, что указаніе на походъ въ 1193 г. есть только у одного извѣстителя начала XIV в., мы имѣемъ право считать его менѣе достовѣрнымъ. Что касается 1194 года, то по свидѣтельству Арнольда Любечскаго Канутъ не могъ предпринять въ этомъ году похода въ Эстляндію, ибо былъ занятъ тогда домашними неурядицами (Arnold. Chron. Slav. lib. V, стр. 17). Остаются годы—1196 и 1197. Изъ этихъ двухъ годовъ, какъ кажется, болѣе правдоподобнымъ нужно признать послѣдній, потому что онъ значится въ Annales Lundenses и Chronicon Danorum — документахъ, которые могли быть писаны современниками разбираемаго похода, или же потому что онъ могъ значиться въ Annales Lundenses majores, которые признаются изслѣдователями источникомъ всѣхъ средневѣковыхъ датскихъ анналъ (см. Die Danischen Annalen und Chroniken R. Usinger Hannover 1861). Наконецъ въ опору нашего мнѣнія можно сослаться еще на тотъ фактъ, что шведы также совершили походъ въ Эстонію въ 1197 году, причемъ погибъ ихъ архіепископъ Петръ (см. Scriptor. rer. Svec. t. I p. 48). а по позднѣйшимъ достовѣрнымъ лифляндскимъ свидѣтельствамъ шведы и датчане совершали обыкновенно свои походы вскорѣ одинъ за другимъ, отбивая другъ у друга права владѣнія здѣсь землями.

[1]) Heinr. II, 1. [2]) Arnold lib. V, cap. 30 стр. 214.

[3]) См. Annales Stadens. (въ Mon. Germ. hist. t. XVI, p. 352). По невѣрному счисленію автора риѳмованной хроники, которому послѣдовалъ и Германъ Вартбергъ (въ SS. rer. Pr. t. II, p. 25) онъ сдѣлался епископомъ въ 1167 году; затѣмъ, основываясь на извѣстіи риѳмованной хроники, что Бертольдъ былъ 11 лѣтъ епископомъ, Вартбергъ ставитъ прибытіе въ Ливонію Альберта въ 1178 году.

утопить; по свидѣтельству Генриха, они утверждали, что бѣдность побудила его пріѣхать къ нимъ [1]). Это обстоятельство заставило его удалиться на корабли и возвратиться въ Готландъ, откуда онъ пробрался далѣе въ Саксонію и принесъ жалобу на паденіе лифляндской церкви какъ папѣ, такъ и архіепископу. Въ 1198 году Бертольдъ выхлопотавъ у папы Целестина III буллу, въ которой обѣщается прощеніе всякому, кто возложитъ на себя крестъ и вооружится противъ вѣроломныхъ ливовъ, возвращается въ Лифляндію съ войскомъ. Извѣстія о дальнѣйшемъ ходѣ событій у хроникеровъ расходятся [2]). По всей вѣроятности дѣло было не такъ, что Бертольдъ остановился съ войскомъ на томъ мѣстѣ гдѣ теперь Рига и приготовился къ битвѣ съ ливскимъ войскомъ, какъ свидѣтельствуетъ Генрихъ, но такъ, что Бертольдъ началъ закладывать Ригу съ намѣреніемъ прочно утвердиться въ странѣ, наложилъ на ливовъ дань и сталъ принуждать ихъ къ крещенію, какъ разсказывается въ риѳмованной хроникѣ. Вслѣдствіе этого ливы возстали, призвавъ на помощь эстовъ. Ливское войско стало на пескахъ (ûf den sant [3]) около Риги, требуя удаленія нѣмецкаго войска и позволяя насильно удерживать въ христіанствѣ тѣхъ, которые приняли его, а другихъ привлекать къ вѣрѣ любовію, а не побоями (verbis, non verberibus). Въ происшедшемъ за тѣмъ сраженіи 24 іюля 1198 года нѣмцы были разбиты, самъ Бертолдъ былъ убитъ ливомъ Имаутомъ, пронзившимъ его копьемъ въ спину. Остатки нѣмецкаго войска признали за лучшее возвратиться домой, хотя впрочемъ и ливы должны были согласиться на нѣкоторыя предложенныя нѣмцами условія [4]). Ливы позволили окрестить около 50 человѣкъ въ Гольмѣ и около 100 въ Икскюлѣ, приняли въ замки къ себѣ священниковъ и поло-

[1]) Heinr II, 2; egestatem adventus sui causam esse improperabant.

[2]) Ibid. II, 3. и Arnold. Chron. lib. V, cap. 30, p. 215—215.

[3]) По Вартбергу «in Monte Zabuli», подъ которымъ у него разумѣется гора при Ригѣ (p. 104).

[4]) Heinr. II, 5. 6; Reimchr. V. 557 и слѣд. Правдоподобно, что по извѣстію автора риѳмов. хроники въ битвѣ участвовали и эсты; по крайней мѣрѣ по свидѣтельству Генриха, когда въ 1205 г. нѣмцы побѣдили литовцевъ, возвращавшихся изъ Эстоніи съ плѣнными эстонцами, то большая часть послѣднихъ была также перебита «cum et ipsi essent inimicitias exercentes omni tempore contra christiani nominis cultores (IX, 4)—прибавляетъ Генрихъ, тогда какъ раньше этого у Генриха нѣтъ извѣстій объ ихъ враждебности къ христіанамъ.

жили давать на содержаніе каждаго священника по мѣркѣ зерна съ плуга [1]) Но чуть лишь вѣтеръ надулъ паруса и вотъ вѣроломные ливы, вышедши изъ обычныхъ своихъ бань, обливаютъ себя водою Двины, говоря: „мы теперь удаляемъ отъ себя воду крещенія вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ водою рѣки и смывая принятую вѣру, отсылаемъ ее за удаляющимися саксонцами [2]). Нашедши вырѣзанное на сукѣ подобіе головы, ливы отдѣлили его отъ сука, связали бревна, на которыхъ было поставлено это изображеніе, на подобіе бога саксонцевъ (quasi deum Saxonum—не въ образѣ ли распятія?) и отослали его вмѣстѣ съ вѣрою за удаляющимися въ Готландію саксонцами [3]). Далѣе, они разграбили имущество духовныхъ лицъ въ Икскюлѣ и постановили умертвить всякаго духовнаго, который останется на ихъ землѣ послѣ пасхи, а равно и перебить купцовъ, оставшихся въ ихъ странѣ; но послѣдніе дали старѣйшинамъ подарки и тѣмъ спасли свою жизнь [4]).

Истиннымъ организаторомъ миссіонерскаго дѣла въ Лифляндіи нужно считать Альберта Аппельдерна бывшаго каноника въ Бременѣ [5]). Вѣроятно, онъ былъ избранъ въ епископы въ Лифляндію уже въ 1198 году, послѣ смерти епископа Бертольда, но посвященіе его могло совершиться только между 25 іюня и началомъ декабря 1199 года [6]). Онъ находился въ полномъ цвѣтѣ юношескихъ силъ и энергіи [7]), и потому могъ предаться дѣлу миссіи со всею горячностію своей пылкой натуры. Отмѣтивъ на Готландѣ крестомъ 500 человѣкъ, онъ путешествуетъ ко двору короля Канута датскаго, къ герцогу Вольдемару шлезвигскому и архіеп. Абсалону лундскому, стараясь расположить ихъ въ пользу обращенія язычниковъ въ Ливоніи [8]). Съ другой стороны и самъ папа 5 окт. 1199 года издалъ воззваніе къ вѣрующимъ въ Саксоніи и Вестфаліи, приглашая ихъ на защиту лифляндской церкви противъ язычниковъ [9]). На рожде-

---

[1]) Hienr. II, 7. [2]) Ibid. II, 8.

[3]) Heinr. II, 8. [4]) Ibid. II, 9. 20. [5]) Brem. U. B. № 7880.

[6]) Schwartz I. c. p. 136—140; ср. Heinr III, 1. Бартбергъ съ цѣлію дополнить свой хронологическій пробѣлъ (1178—1198) изобрѣтаетъ другаго Альберта, по его счету перваго и, приписываетъ его 20-ти лѣтней дѣятельности дѣла, совершенныя вторымъ Альбертомъ

[7]) Arnold. chron. lib. V, cap. 30. [8]) Heinr. III, 2—3.

[9]) U. B. n. 12. Генрихъ содержаніе воззванія смѣшиваетъ съ буллою 12 окт. 1204 года (III, 5).

ство Альбертъ отправился въ Магдебургъ, гдѣ король Филиппъ устроилъ большой пиръ; здѣсь ему удалось завербовать въ походъ нѣсколько рыцарей, а самъ король обѣщалъ только охранять имущество отсутствующихъ пилигримовъ [1]). Собравъ такимъ образомъ въ Германіи войско, Альбертъ въ 1200 году прибылъ въ Ливонію [2]), въ сопровожденіи 23 кораблей съ пилигримами. Занявъ замокъ Гольмскій и освободивъ христіанъ въ Икскюлѣ, онъ послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ ливами заключаетъ съ ними мирный договоръ, однимъ изъ условій котораго, вѣроятно, было отведеніе ливами мѣста для постройки Риги. Далѣе, онъ позвалъ на пиръ всѣхъ ливскихъ старшинъ, которые однако вѣроломно были заключены въ одномъ домѣ и, опасаясь попасть въ плѣнъ въ Германію, вынуждены были представить Альберту 30 заложниковъ, которыхъ Альбертъ и увезъ въ Германію [3]). Предъ его отъѣздомъ ливы отвели мѣсто для постройки Риги. Чтобы обезпечить за нею торговое значеніе, Альбертъ выпрашиваетъ у папы буллу, подъ угрозой анаѳемы запрещавшую купцамъ ѣздить въ гавань земигаловъ, вѣроятно въ устьѣ Аа въ Курляндіи [4]). Въ 1201 году Альбертъ снова приводитъ съ собою изъ Германіи въ Ливонію войско, начинаетъ постройку Риги, куда въ этомъ же году изъ Икскюля былъ переведенъ конвентъ [5]); въ тоже время онъ отдалъ знатному нѣмцу Даніилу въ ленъ замокъ Леневарденъ, а Конраду Мейендорфскому—замокъ Икскюль, хотя впрочемъ введеніе ихъ во владѣніе своимъ леномъ произошло позднѣе. Авторитетъ и значеніе нѣмцевъ въ Лифляндіи въ это время были уже столь велики, что сосѣдніе куроны и литовцы считали нужнымъ отправить въ Ригу къ Альберту пословъ для заключенія мирнаго договора [6]). Для успѣшнаго распространенія проповѣди Альбертъ въ 1202 году вызвалъ своего брата Энгельберта изъ Неймюнстера въ Голштиніи въ Ригу, который вмѣстѣ съ Теодорихомъ тореидскимъ, Алобрандтомъ и другими братьями, проживавшими въ Ливоніи подъ монашескимъ орденскимъ уставомъ (sub religione), стали проповѣдывать христіанство [7]). Изъ дальнѣйшихъ проявленій организаторской дѣятельности Альберта въ Лифляндіи нужно указать на основаніе динаминдскаго монастыря и ордена меченосцевъ, о значеніи

---

[1]) Heinr. III, 5; ср. [2]) Heinr. IV, 1—4. [3]) Ibid. [4]) Ibid. IV, 5—7.
[5]) Ibid. VI, 4. [6]) Heinr. V, 1—4. [7]) Ibid. VI, 1—4.

которыхъ въ дѣлѣ введенія въ Лифляндіи христіанства будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Альбертъ заставилъ и ливовъ платить себѣ дань, вмѣсто полоцкаго князя. Вслѣдствіе этого въ 1203 году полоцкій князь внезапно вторгнулся въ Ливонію и осадилъ ливовъ въ икскюльскомъ замкѣ. Получивъ контрибуцію, онъ снялъ осаду и двинулся къ гольмскому замку, но отсюда онъ былъ отброшенъ нѣмецкими арбалетами и метательными орудіями, ибо нѣмцы, по приказанію Альберта, успѣли заблаговременно занять его. Еще менѣе успѣшно было нападеніе Всеволода, князя герсикскаго, въ союзѣ съ литовцами на самую Ригу [1]). Въ слѣдующемъ году попытали свое счастье въ нападеніи на Ригу и туземцы, а именно литовцы съ леневарденскими и ашераденскими ливами. Собравшись въ количествѣ 300 человѣкъ, литовцы подступили къ Ригѣ, намѣреваясь захватить ее врасплохъ въ отсутствіе Альберта; въ то время какъ они сражались, ливы на судахъ спускались внизъ по Двинѣ, имѣя въ виду напасть на городъ съ другой стороны; однако попытка тѣхъ и другихъ была также безуспѣшна [2]), хотя Ригу тогда можно было еще назвать деревнею [3]). Когда въ 1205 году Альбертъ возвратился изъ Германіи съ множествомъ пилигримовъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ числѣ послѣднихъ былъ братъ его Ротмаръ изъ Зигебергскаго монастыря; то были предприняты уже рѣшительныя дѣйствія. Порѣшено было расправиться съ придвинскими ливами. Конрадъ съ войскомъ подступилъ къ Икскюлю, ливы съ женами и дѣтьми на лодкахъ поплыли къ Леневордскому замку, преслѣдуемые рыцарями; Леневордъ былъ обращенъ въ пепелъ. Поставленные въ столь безъисходное положеніе, лишенные крова, ливы вынуждены были дать заложниковъ и обѣщали въ скоромъ времени явиться въ Ригу для принятія крещенія [4]).

Устращенный смѣлостью, быстротою и успѣхомъ дѣйствій нѣмцевъ, кукенгузенскій князь Вячко, услышавъ, что нѣмецкое войско находится отъ него на разстояніи трехъ миль, является на суднѣ къ Альберту, бывшему при войскѣ. Здѣсь они, подавъ другъ другу правыя руки и обмѣнявшись привѣтствіями, заключили между собою прочный миръ, который впрочемъ не могъ долго продолжаться, ибо былъ вызванъ исключи-

[1]) Ibid. VII, 7—8.
[2]) Heinr. VIII, 1. [3]) Ibid. IX, 1. [4]) Ibid. IX, 8, 9.

тельными обстоятельствами со стороны русскаго князя. Послѣ этого упомянутый выше Конрадъ былъ введенъ во владѣніе своимъ леномъ, замкомъ икскюльскимъ; при чемъ ему было предоставлено нѣсколько храбрыхъ и готовыхъ къ бою пилигримовъ; кромѣ того замокъ былъ прочно укрѣпленъ и туземцы исключены изъ него, а гарнизонъ долженъ быть постоянно вооруженнымъ и готовымъ къ бою [1]). Когда такимъ образомъ ливы были стѣснены нѣмцами и не могли разсчитывать на помощь литовцевъ или сосѣднихъ русскихъ князей, они въ 1206 году задумали изгнать нѣмцевъ изъ страны, и съ этою цѣлію отправили посольство во главѣ съ Ако, гольмскимъ старшиною, въ Полоцкъ къ князю Владиміру съ жалобой на епископа и его людей, ибо онъ со своей дружиною наложилъ на нихъ слишкомъ тяжелое и несносное иго вѣры. Владиміръ понялъ важность своего положенія и приказалъ всѣмъ находившимся въ его княжествѣ немедленно же готовиться къ походу на Ригу. Вѣроятно независимо отъ посольства ливовъ нѣсколько позднѣе его явилось и посольство отъ Альберта во главѣ съ Теодорихомъ съ богатыми подарками съ цѣлію снискать себѣ дружбу и расположеніе Владиміра. Владиміръ однако остался при своемъ прежнемъ намѣреніи. Ловкому, хитрому Теодориху чрезъ подкупъ одного совѣтника князя, удалось узнать замыслы князя и онъ немедленно же извѣстилъ о нихъ епископа и рыцарей, готовившихся уже было къ отъѣзду къ Германію. Князю теперь осталось только принять на себя роль третейскаго судьи между ливами и нѣмцами. Онъ послалъ своихъ пословъ для разбора спорныхъ дѣлъ; послы остановились около рѣки Воги (Wogene), нынѣ Огеръ) и отправили кукенойскаго діакона Стефана потребовать Альберта къ 30 мая къ русскимъ посламъ. Въ это же время они приглашали тамъ и сямъ разсѣянныхъ ливовъ и леттовъ вооруженными на собраніе; при этомъ по разсказу Генриха русскіе будто старались склонить на свою сторону летигаловъ подарками. На требованіе Стефана явиться на условленное мѣсто Альбертъ отвѣтилъ такъ: „извѣстенъ общій обычай во всѣхъ странахъ, что послы отправленные своими владыками, приходятъ къ тому, къ кому посланы и что князь, какъ бы

[1]) Ibid. IX, 10—13.

онъ ни былъ снисходителенъ и ласковъ, никогда не выходитъ изъ своихъ укрѣпленій на встрѣчу посламъ. Подобаетъ по этому, чтобы таковые и таковыхъ послы являлись къ намъ въ нашъ городъ, гдѣ бы мы могли съ честію ихъ принять и угостить. Пусть же приходятъ безъ всякихъ опасеній къ почетному пріему". Къ 30 мая вооруженные ливы явились на собраніе при рѣкѣ Огерѣ. Старшины отправились сюда на кораблѣ и проѣздомъ мимо Икскюля звали и нѣмцевъ на собраніе. Тѣ конечно отказались. Не явились также и летты. Между тѣмъ два новообращенныхъ икскюльца, Киріанъ и Ляйанъ, настоятельно просили Конрада отпустить ихъ на общее собраніе ливовъ и русскихъ, чтобы вывѣдать о замыслахъ затѣвающихся противъ христіанъ, надѣясь на большое число своихъ родственниковъ и друзей. Но какъ только они прибыли на совѣщаніе, тотчасъ же были схвачены старшинами, которые принуждали ихъ отказаться отъ христіанства и нѣмцевъ. Они не соглашались. „Неудивительно, поэтому замѣчаетъ Генрихъ, что даже между столькими родственниками возгорѣлась противъ нихъ большая ненависть, чѣмъ любовь, которую они питали къ нимъ прежде". По общему приговору ливовъ ихъ связали по ногамъ веревками, оторвали руки и ноги и вытащили внутренности. На этомъ собраніи было рѣшено собраться изъ всей своей земли; выгнать изъ Гольма незначительное число рижанъ, занять его и разрушить Ригу. Здѣсь нужно думать составилась конфедерація между всѣми языческими ливами и нѣкоторыми литовцами, какъ видно изъ послѣдующаго. Къ 30 мая въ Гольмѣ собрались кромѣ ливовъ по среднему теченію Двины еще нѣкоторые литовцы, торендцы, вейнаивцы [1]).

Въ Гольмѣ прежде всего былъ схваченъ священникъ Іоаннъ, у котораго отрубили голову, а тѣло разсѣкли на куски. Онъ былъ родомъ изъ Вироніи; еще ребенкомъ выкупленъ Мейнгардомъ изъ плѣна и отданъ въ Зигебергскій монастырь, откуда привезенъ въ Ливонію и рукоположенъ во священника въ гольмскомъ приходѣ. Тѣмъ не менѣе замокъ Гольмъ 4 іюня былъ взятъ нѣмцами; Ако, князь и старшина придвинскихъ ливовъ, руководившій всѣмъ возстаніемъ, былъ убитъ, голова

[1]) По—Лив. Veina—Двина; veinala—двинская область; veina, vaina—широкое устье, проливъ,—отсюда подъ вейнальцами нужно разумѣть львовъ, живших при устьѣ Двины.

его въ знакъ побѣды была отправлена въ Ригу. Тореидцы заключили миръ, а старшины гольмскихъ ливовъ въ оковахъ были отправлены въ Ригу и отсюда въ Германію. Отнятый замокъ былъ занятъ нѣмцами во главѣ съ священникомъ Даніиломъ [1]). Этимъ закончилось покореніе придвинскихъ ливовъ и стало возможнымъ направить свои силы въ другую сторону, на ливовъ тореидскихъ. Въ этомъ предпріятіи нѣмцы нашли себѣ важную поддержку въ земигалахъ, всегда враждовавшихъ съ тореидцами. Во главѣ соединеннаго трехъ тысячнаго войска сталъ земигальскій [2]) князь Вестеръ, господствовавшій изъ замка Терьетена надъ Терьетенскою областью. При Койвѣ войско было раздѣлено на двѣ группы; надъ одной принялъ начальство ливскій князь Каупо, котораго тореидцы изгнали изъ страны, сожгли все имущество его, отобрали поля и разграбили ульи. Другая половина войска подъ предводительствомъ Вестерса направилась въ страну Дабреля. Каупо пошелъ противъ своего замка, взялъ его и сожжегъ. Однако Вестерсъ не могъ захватить замка Дабреля, находившагося на другой сторонѣ Койвы и долженъ былъ отступить безъ успѣха и довольствовался только опустошеніемъ страны. Альбертъ заключилъ съ тореидцами миръ и поспѣшилъ въ Германію за новыми силами [3]). Въ это время придвинскіе ливы еще разъ попытались при помощи русскихъ свергнуть иноземное иго. Они извѣстили Полоцкаго князя Владиміра о своемъ печальномъ положеніи и объ отъѣздѣ Альберта въ Германію и просили его помочь имъ. На этотъ разъ Владиміръ вѣроятно въ союзѣ съ удѣльными князьями Кукенойскимъ и Гереикскимъ (aliorum regum vicinorum et amicorum suorum) быстро подступилъ къ Икскюлю на судахъ. Оставивъ Икскюль въ покоѣ, онъ осадилъ Гольмъ и пытался зажечь его. При этомъ онъ позаботился

[1]) Heinr, X, 1—9.

[2]) Поселенія земигаловъ начинались на лѣвому берегу Двины противъ Ашерадена и простирались къ западу близъ Туккума, гдѣ ихъ отъ куронъ отдѣляла доходящая до Литвы пустыня (см. карту Ватсона въ Iahresverhandl. d. Kurländ. Gesell. f. Lit. und Kunst. B. II). Юлій Деринтъ (Sitzungsb. d. Kurl. Gesell. 1881, p. 47—118), довольно основательно изучивъ древнюю географію и этнографію Лифляндіи, пришелъ къ выводамъ, значительно разнящимся отъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей по глубинѣ анализа и новизнѣ, которая и увлекла автора далѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

[3]) Heinr. X, 10—11.

разослать гонцовъ къ тореидцамъ, леттамъ и другимъ окрестнымъ язычникамъ, приглашая всѣхъ идти противъ Риги. Тореидцамъ было приказано сносить дрова и поджечь замокъ. Летты опять не пришли. Осаждая 11 дней безъ успѣха замокъ и слыша приближеніе нѣмецкихъ кораблей, Владиміръ отступилъ, забравъ съ собою раненныхъ и больныхъ [1]).

Ко второй половинѣ 1206 года относится попытка датчанъ утвердиться на Эзелѣ и ввести тамъ христіанство. Датскій король Вальдемаръ II въ три года собралъ громадное войско, въ которомъ было и множество пилигримовъ—крестоносцевъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Лундскимъ Андреемъ и своимъ канцлеромъ еп. Николаемъ Шлезвигскимъ. Въ планъ короля входила не только месть эзельцамъ за ихъ морскіе грабежи, но и покореніе Эзеля и обращеніе жителей въ христіанство. 13 января 1206 года отъ папы была получена булла, въ которой онъ уполномочиваетъ архіепископа лундскаго поставить въ завоеванной странѣ епископа [2]). На Эзелѣ былъ выстроенъ деревянный замокъ, но такъ какъ никто не рѣшался оставаться въ немъ, то онъ былъ сожженъ и король возвратился домой со всѣмъ войскомъ, а архіепископъ лундскій Андрей и канцлеръ Николай дорогой заѣхали на двухъ корабляхъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, въ Ригу. При въѣздѣ въ Двину они были торжественно приняты настоятелемъ (praepositus) Энгельбертомъ и всѣмъ капитуломъ. Въ Ригѣ упомянутый архіепископъ преподавалъ всему клиру богословіе (doctrinam theologicam), и, читая вмѣстѣ съ клиромъ псалтырь, они провели всю зиму въ божественномъ размышленіи, по выраженію Генриха [3]).

Въ то время какъ датчане дѣйствовали на Эзелѣ и просвѣщали клириковъ чтеніемъ псалмовъ Давида, сопровождаемымъ толкованіями, во вновь покоренной Ливоніи шла усиленная миссіонерская дѣятельность. Послѣ того какъ торендцы просили мира и обѣщали принять крещеніе и леневадцы дали слово примириться съ Даніиломъ, владѣтелемъ ихъ замка, и обѣщались удѣлять ему ежегодно отъ плуга по полуталанту пшеницы (dimidium

---

[1]) Heinr. X, 12.

[2]) Liljegren. Diplom. Sveconum I, 124: ut in civitate... catholicum valeas episcopum ordinare.

[3]) Heinr. X, 13; ср. датскіе анналы въ SS. rer. Dan. t. I p. 243. 165. 181; t. II, p. 623.

talentum siliginis), были разосланы Альбертомъ проповѣдники по всей Ливоніи. Алобрандъ отправился въ Тореиду и намѣтилъ здѣсь приходы; въ Кубеселѣ онъ выстроилъ церковь (нынѣ церковь Кремонская, недалеко отъ имѣнія Кипсаль). Священникъ Александръ окрестилъ всю провинцію Метсеполе, на сѣверо-западѣ Ливоніи; онъ поселился здѣсь надолго и началъ строить церковь. Священникъ Даніилъ окрестилъ леневардцевъ, реминцевъ, ашераденцевъ и придвинскихъ ливовъ; отсюда онъ отправился въ Тореиду, къ замку Дабреля, гдѣ окрестилъ жителей и далѣе къ вендамъ, которыхъ также окрестилъ; онъ проникъ съ своею проповѣдью и еще сѣвернѣе къ идумейцамъ и леттамъ, построилъ при Ропѣ церковь и жилъ между ними. Такимъ образомъ къ началу 1207 года вся (universa) Ливонія была крещена и церковь наслаждалась миромъ [1]), такъ что Альбертъ по пріѣздѣ своемъ изъ Германіи могъ уже разослать постоянныхъ священниковъ по всей Ливоніи въ назначенный для каждаго приходъ, выстроивъ предварительно церкви. Новыя массы привезенныхъ Альбертомъ пилигримовъ крестоносцевъ возвысили его на такую степень, что Вячко, кукенойскій князь, предпочелъ лучше добровольно лишиться половины своихъ владѣній, чѣмъ быть вынужденнымъ потерять все. Онъ со всею свитою явился въ Ригу на встрѣчу епископу и былъ здѣсь почетно всѣми принятъ. По мирному договору, который онъ заключилъ съ Альбертомъ, онъ обязался дать послѣднему половину своей земли и замка, а Альбертъ со своей стороны обѣщалъ ему и оружіемъ и людьми помощь противъ литовцевъ. Получивъ за свои уступки богатые дары, Вячко возвратился домой [2]).

Естественнымъ и прямымъ послѣдствіемъ покоренія и обращенія Ливоніи былъ раздѣлъ ея между братьями рыцарства и епископомъ. Вскорѣ послѣ улаженія отношеній между Вячко и Альбертомъ въ началѣ 1207 года братья рыцарства, численность которыхъ къ этому времени уже значительно увеличилась, потребовали отъ Альберта третью часть Ливоніи и странъ, которые будутъ покорены ими вмѣстѣ съ рижанами, дабы и они неся большіе расходы, могли пользоваться большими доходами. Хотя Альбертъ отказался удовлетворить послѣднюю половину просьбы, но

[1]) Heinr. X, 14. 15. [2]) Heinr. XI, 2.

папа Иннокентій III въ 1210 году 10 октября уступилъ имъ третью часть всей Ливоніи и Летоніи независимо отъ того, покорены ли эти земли или нѣтъ, признавая ее за ними въ смыслѣ лена отъ епископа, который какъ ленный господинъ всѣхъ покоренныхъ земель долженъ получить четвертую часть десятины во владѣніяхъ ордена. Впрочемъ относительно земель, имѣющихъ быть завоеванными, папа постановилъ такъ, чтобы раздѣлъ ихъ между епископомъ и орденомъ происходилъ или съ ихъ взаимнаго согласія или по его собственному распоряженію [1]). По этому раздѣлу епископу досталась часть Каупо т. е. Тореида, орденъ взялъ вторую часть, т. е. земли по другой сторонѣ Койвы и оставилъ третью часть въ Метсеполѣ епископу. Что же касается областей или имѣній данныхъ Альбертомъ въ ленъ нѣкоторымъ знатнымъ пилигримамъ, то орденъ получилъ въ замѣнъ ихъ соотвѣтствующее вознагражденіе въ другихъ мѣстахъ [2]). Послѣ такого раздѣла покоренной земли Альбертъ послалъ священниковъ въ свои части, предоставляя братьямъ рыцарства заботиться объ ихъ частяхъ [3]).

Съ этого времени начинаются періодическія и опустошительныя нападенія нѣмцевъ въ союзѣ съ новообращенными леттами и ливами на эстовъ; эта проницательная тактика мало по малу обезсиливаетъ эстовъ, разсѣеваетъ между отдѣльными областями Эстоніи раздоры и такимъ образомъ подготовляетъ почву для рѣшительнаго нападенія всей военной силы бывшей въ распоряженіи нѣмцевъ. Но одновременно съ этимъ нѣмцы продолжаютъ расширять свои владѣнія и авторитетъ и далѣе на востокѣ по Двинѣ. Такъ уже вскорѣ послѣ раздѣла завоеванныхъ земель нѣмцы, созвавъ христіанскихъ ливовъ и летигаловъ, двинулись подъ предводительствомъ аббата Теодориха и настоятеля Энгельберта къ замку летигаловъ Зельбургу, на

---

[1]) V. B. № 16: de terris, quas a novo extra Livoniam seu Letthiam cum auxilio Dei dicti fratres acquirent, Rigensi episcopo minime respondebunt, nec ipse de illis eos aliquatenos molestabit: sed cum episcopis creandis ibidem rationabili modo component, vel observabunt, quod apostolica sedes super hoc providerit statuendum. См. также U. B. № 17. 18. 19. 29. 25. и Hildebrand Die Chronik Heinrichs von Lettland, 1865. p. 74—76. По предположенію Гильдебранда Двинская область осталась не раздѣленною потому, что здѣсь находились епископскія ленныя владѣнія.

[2]) Heinr. XI, 3. ср. Hildenbrand l. c. p. 82—83.

[3]) Heinr. XI, 4.

востокѣ отъ Кукенойсса, ибо онъ служилъ постояннымъ убѣжищемъ для литовцевъ при ихъ набѣгахъ на Ливонію. Замокъ былъ взятъ окропленъ святою водою и жители крещены [1]). Въ этомъ же 1207 году сдѣлана была попытка войти въ сношенія съ угаунцами, къ которымъ былъ посланъ священникъ Алебрандъ, чтобы напомнить имъ о возвращеніи товаровъ нѣмецкихъ купцовъ стоимостью девятьсотъ марокъ серебра, которые угаунцы отняли у нихъ по совѣту ливовъ, на пути къ Пскову. На обратномъ пути Алебрандъ съ успѣхомъ проповѣдывалъ евангеліе летигаламъ, при Имерѣ, которые чрезъ принятіе новой вѣры надѣялись освободиться отъ набѣговъ литовцевъ и притѣсненій со стороны ливовъ. Къ тому же жребій палъ на новую вѣру. Окрестивъ нѣсколько деревень, Алебрандъ возвратился въ Ригу, откуда отправился къ летигаламъ уже въ сопровожденіи Генриха—ученика Альберта и нашего хроникера. По завершеніи крещенія Алебрандъ опять возвратился въ Ригу, а Генрихъ, построивъ церковь и получивъ ее въ ленъ, остался тамъ жить [2]). Въ 1208 г. было уничтожено кукенойское княжество, доставившее нѣмцамъ не мало хлопотъ. Дѣло по Генриху представляется такъ. Однажды ночью слуги Даніила Леневардскаго благополучно проникли въ Кукенойскій замокъ; не убивая русскихъ ради имени христіанскаго, они захватили многихъ въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ князь Вячко, снесли все имущество, найденное въ крѣпости, въ одно мѣсто и призвали сюда своего господина Даніила, который былъ вблизи. Узнавъ объ этомъ фактѣ, Альбертъ былъ крайне опечаленъ и приказалъ возстановить князя въ своемъ княжествѣ и возвратить ему все имущество. Руководясь чрезвычайно искусною политикою

---

[1]) Heinr. XI, 6. О дальнѣйшей дѣятельности нѣмцевъ въ этой странѣ мы ничего не знаемъ; не знаемъ даже и того, приняла ли она дѣйствительно христіанство, или же осталась только съ предварительнымъ вынужденнымъ согласіемъ на крещеніе. При молчаніи Генриха, который съ особенною любовію касается принятія или распространенія вѣры, приходится признать послѣднее вопреки Кольмейеру, который говоритъ, что начиная съ Зелбурга и Кокенгузена Зелы всей области до Земигаліи были приведены къ христіанству (Mittheil. B, IX p. 164). Наше предположеніе до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Кокенгузенскіе рыцари и летты часто грабили литовцевъ и зеловъ, опустошали ихъ деревни и вообще причиняли имъ много вреда (см. напр. Heinr. XVII, 5). Вынужденный или добровольный союзъ съ литовцами и набѣги рыцарей доказываютъ, что Зелы держались прежнихъ враждебныхъ отношеній къ нѣмцамъ... 2) Heinr. IX, 7.

по отношенію къ русскимъ князьямъ, Альбертъ постарался возстановить прежнія дружественныя отношенія съ Вячко, призвавъ его къ себѣ 6 апрѣля 1208 года въ Динаминдъ и подаривъ ему лошадей и нѣсколько паръ драгоцѣннаго платья. Но какъ ловкій политикъ. Альбертъ не упустилъ случая напомнить ему о прежнемъ обѣщаніи въ пользу себя половины замка и земель, и поэтому подъ предлогомъ защиты его отъ нападеній литовцевъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ 20 вооруженныхъ воиновъ съ метательными орудіями и каменщиковъ для укрѣпленія замка [1]). Вячко хорошо понялъ, что положеніе его похоже на положеніе плѣннаго, который пользуется въ опредѣленныхъ предѣлахъ полною физическою свободою, но который однако не можетъ распоряжаться самолично своею собственностію. Поэтому зная, что Альбертъ готовился къ отъѣзду въ Германію и предполагая, что онъ уже уплылъ изъ Динаминда, Вячко убилъ 17 человѣкъ изъ присланныхъ съ нимъ воиновъ и бросилъ ихъ тѣла въ Двину, а три успѣли убѣжать. Въ то же время онъ далъ знать Полоцкому князю Владиміру о положеніи дѣлъ въ Ригѣ и убѣждалъ его выступить въ походъ противъ Риги. Въ это время Альбертъ, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, еще находился въ Динаминдѣ; когда онъ услышалъ о происшедшемъ въ Кукенойсѣ и планѣ русскихъ князей, то немедленно же возвратился въ Ригу со всѣми пилигримами, готовившимися къ отъѣзду, и приказалъ всѣмъ нѣмцамъ, разсѣяннымъ по Ливоніи, и ливскимъ старшинамъ собраться на защиту Риги. Русскіе же, видя такой неблагопріятный поворотъ своего предпріятія, сожгли замокъ Кукенойсъ, чтобы онъ не достался нѣмцамъ въ цѣлости, и убѣжали во свояси. Вячко удалился въ Россію и никогда болѣе не возвращался въ свое княжество [2]). Нѣмцы не замедлили дѣйствительно явиться сюда и учинить надъ измѣнившими имъ туземцами, зелонами и летигалами, жестокую расправу. Гора, на которой находился сожженный замокъ, была сильно укрѣплена нѣмцами и снабжена вооруженною силою [3]). Въ 1209 году Альбертъ далъ половину вновь построеннаго замка Рудольфу іерихонскому, а третью часть его братьямъ рыцарства [4]). На сѣверъ

[1]) Heinr. XI, 7.
[2]) Heinr. XI, 9. [3]) Ibid. XII, 1. [4]) Ibid. XIII, 1.

отъ покоренныхъ нѣмцами странъ въ это время происходили безпрестанные набѣги, въ которыхъ участвовали съ одной стороны нѣмцы, ливы и летты, съ другой—угаунцы и сакаланцы; все это было въ интересахъ нѣмцевъ. Наконецъ, утомившись отъ постоянныхъ опустошительныхъ набѣговъ, ливы и летты заключили съ эстами перемиріе [1]).

Въ 1209 году пало и герсикское княжество. Князь герсикскій Всеволодъ былъ женатъ на дочери могущественнаго литовца Дегугерута [2]) и въ союзѣ съ литовцами представлялъ значительную преграду для свободнаго движенія нѣмцевъ на сѣверъ. Въ виду этого Альбертъ по видимому безъ всякаго повода со стороны Всеволода въ союзѣ съ ливами и леттами двинулся къ Герсике. Замокъ былъ взятъ; самому Всеволоду удалось спастись на суднѣ чрезъ Двину, но княгиня вмѣстѣ съ служанками и дѣвушками попала въ плѣнъ. Нѣмцы, забравъ одежды, серебро, пурпуръ, скотъ, изъ церквей колокола, иконы, украшенія и другія сокровища, и, вдобавокъ сожегши замокъ, возвратились домой съ великою радостію. Всеволодъ былъ потребованъ въ Ригу, если захочетъ заключить миръ и получить обратно плѣнныхъ. Онъ поѣхалъ и принялъ предложенную форму мира, по которому онъ обязался дать свое наслѣдственное княжество въ законный, вѣчный даръ, пресвятой Дѣвѣ Маріи подъ верховною властію Альберта, и получилъ его обратно въ ленъ изъ рукъ епископа при торжественномъ вручении ему трехъ знаменъ; кромѣ того его прежніе данники и ихъ земля, въ которой нѣмцы распространили христіанство, должны были перейти къ Альберту свободными; затѣмъ ему была возвращена жена и остальные плѣнные. Но возвратившись въ свое княжество, Всеволодъ и не думалъ соблюдать условій мира, а продолжалъ по прежнему строить козни противъ кукенойскихъ нѣмцевъ [3]).

[1]) Heinr. XII, 6.

[2]) Этотъ злополучный литовецъ, возвращаясь изъ Новгорода въ 1213 году, гдѣ онъ заключилъ съ русскими миръ, вѣроломно былъ схваченъ рыцарями и заключенъ въ оковахъ въ замкѣ Венденѣ, гдѣ самъ вскорѣ лишилъ себя жизни мечемъ. Heinr. XVII, 3.

[3]) Heinr. XIII, 4; ср. И. В. № 15. 23. Фактъ, что города Аутные, Зессове и др., въ которыхъ Альбертъ распространилъ католичество, были оторгнуты отъ княжества православнаго князя, свидѣтельствуетъ о ревности Альберта по вѣрѣ и о боязни непрочности этого обращенія въ виду сосѣдства православныхъ русскихъ.

Расправившись съ герсикскимъ княземъ, нѣмцы опять обратили свой взоръ на сѣверъ. По истеченіи перемирія съ Угаунцами, Бертольдъ-Венденскій магистръ въ союзѣ съ Руссиномъ, предводителемъ латышей, опустошилъ Угаунію. Они продолжали свои набѣги и послѣ того, какъ эсты заключили миръ съ ливами и леттами [1]). Въ 1210 году угаунцы испытали нападеніе и со стороны русскихъ, ибо новгородскій князь Мстиславъ Мстиславовичъ и псковскій князь Владиміръ, его братъ, явились съ войскомъ въ Угаунію, осадили замокъ Оденпэ и послѣ осьмидневной осады взяли его; эсты должны были заключить миръ, по которому они обязались заплатить 400 марокъ нагатъ и принять крещеніе; нѣкоторые были послѣ этого окрещены [2]).

Въ 1210 году опять составилась коалиція покоренныхъ народовъ противъ нѣмцевъ, во главѣ которой теперь стали куроны, прежде почти не принимавшіе участія въ борьбѣ съ нѣмцами. Поводомъ къ ней послужила морская побѣда, одержанная куронами надъ нѣмцами. Когда слухъ объ ней распространился въ Ливоніи, то прежде всего подымаются ливы при рѣкѣ Адьѣ, впадающей въ море недалеко отъ устья Койвы. Они послали посольство къ куронамъ; куроны со своей стороны послали гонцовъ къ эстамъ, литовцамъ, земигаламъ и русскимъ съ цѣлію склонить ихъ соединиться для захвата Риги и изгнанія нѣмцевъ, такъ какъ представлялся удобный случай: Альбертъ съ пилигримами уѣхалъ въ Германію, такъ что защитниковъ Риги осталось мало. По всей вѣроятности нападеніе открыли литовцы, которые осадили Кукейнойсъ, желая этимъ воспрепятствовать горнизону явиться рижанамъ на помощь. Куроны собрали великое войско, которое на корабляхъ направилось въ рижскій заливъ, а отсюда въ Двину. 13 іюля все море покрылось кораблями, разсказываетъ Генрихъ, какъ бы густымъ облакомъ. Минуя Динаминдъ, куроны быстро подвигались къ Ригѣ. Въ Ригѣ раздался звонъ воинскаго колокола сзывавшаго всѣхъ горожанъ, братьевъ рыцарства, клириковъ и женщинъ на защиту города. „Куроны, оставивъ на Двинѣ корабли, высадились и построили свое войско на полѣ; каждый изъ нихъ несъ предъ собою деревянный щитъ (tabula), сколо-

[1]) Heinr. XIII, 5. [2]) Ibid. XIV, 2.

ченный изъ двухъ досокъ (asser) и дубину (clava) на подобіе пастушескаго жезла для поддержки его. И когда солнце освѣтило бѣлые щиты, то они отражались на водахъ и полѣ. Ибо то было большое и сильное войско и приближалось къ городу". Къ вечеру послѣ сраженія куронское войско удалилось на корабли и послѣ утренней ѣды снова приготовилось къ бою; подступило къ городу и билось цѣлый день. Когда же куроны сложивъ щиты, начали сносить дрова для разведенія огня, то многіе изъ нихъ были ранены стрѣлками; коль скоро кто нибудь изъ нихъ падалъ раненый каменьями изъ машинъ, его братъ или сотоварищъ сейчасъ же отрубалъ голову и такимъ образомъ кончалъ его жизнь. Послѣ того какъ они со всѣхъ сторонъ окружили городъ и разложили большой огонь, къ городу съ другой стороны на коняхъ приближались гольмцы, грозя непріятелю мечами. Куроны отступили за Двину и, сожигая тѣла павшихъ воиновъ, устроили надъ ними плачъ. Въ это время на помощь куронамъ явилось многочисленное войско торендскихъ ливовъ, но было уже поздно, ибо на помощь осажденнымъ нѣмцамъ пришелъ Каупо съ вѣрными ему ливами, а 15 іюля (?) пришелъ и Конрадъ Икскюльскій съ верхними ливами; затѣмъ изъ Вендена спѣшилъ къ Ригѣ Бертольдъ съ значительнымъ отрядомъ. Но куроны, обманутые своими союзниками, ожидавшими исхода дѣла подъ Ригою, нерѣшились уже вступить въ бой и совсѣмъ отступили. Благодарные граждане постановили праздновать день Маргариты, въ который были освобождены отъ осады [1]) и который падалъ на 13 іюля [2]). Непосредственно послѣ благополучнаго исхода дѣла при Ригѣ Бертольдъ Венденскій снова совершилъ набѣгъ на Угаунію и захватилъ Оденпэ, благодаря малочисленности его защитниковъ. Этотъ поступокъ его естественно долженъ былъ вызвать негодованіе русскихъ, которымъ угаунцы платили дань; по этому въ Псковъ былъ посланъ Рудольфъ съ другими для заключенія мира, по которому нѣмцы вѣроятно обязались не трогать эстовъ, платящихъ дань русскимъ, но за то получили полную свободу дѣйствій въ отношеніи къ другимъ эстамъ, жившимъ далеко отъ русскихъ и не плативщимъ имъ дани; вѣроятно, русскіе даже обязались содѣйствовать въ покореніи имъ этихъ

[1]) Heinr. XIV, 5. Bonnel, l. c. Comment. p. 74.

эстовъ, какъ это они дѣлали въ томъ же году, когда послали нѣмцамъ, отправлявшимся на зонтагенскихъ эстовъ, на помощь значительный отрядъ войска [1]). Въ то время какъ нѣмецкое посольство во главѣ съ Рудольфомъ подходило къ Вендену, оно нашло здѣсь эстовъ. Это обстоятельство наводитъ на предположеніе, что по соглашеніи съ куронами эсты должны были напасть на Венденъ въ то время, когда куроны и другіе ихъ союзники осадятъ Ригу; въ такомъ случаѣ намъ становится понятнымъ то обстоятельство, почему куроны, до нападенія на Ригу бездѣйствовали на морѣ цѣлыхъ 14 дней и почему въ Оденпэ оказалось мало защитниковъ при нападеніи на него Бертольда. Отъ Вендена эсты должны были отступить, когда на помощь венденцамъ явились рижане и Каупо съ ливами. Нѣмцы съ ливами и леттами погнались за ними, но при рѣкѣ Имерѣ были разбиты на голову [2]). Желая обезпечить себя и съ тыла, нѣмцы заключили миръ съ полоцкимъ княземъ, по которому для той и другой стороны предоставлена свободная торговля; кромѣ того ливы должны были платить дань князю или сами или чрезъ епископа. „И всѣ радовались—замѣчаетъ лѣтописецъ, что могли теперь безпрепятственно вести войну съ эстами и другими язычниками, каковая и произошла [3]).

Подготовивъ такимъ образомъ почву для болѣе рѣшительныхъ дѣйствій, нѣмцы въ 1211 году рѣшились овладѣть твердынею эстовъ замкомъ Феллиномъ (Viliende) въ провинціи Сакалѣ. Съ этою цѣлію они подъ страхомъ штрафа принудили присоединиться къ себѣ ливовъ и леттовъ и взяли съ собою меньшую камено-метную машину, самострѣлы и прочія орудія необходимыя для овладѣнія замкомъ [4]). Ровъ былъ наполненъ дровами и больверкъ (propugnaculum), съ котораго поражали осажденныхъ, наведенъ. Эсты старались зажечь передовой костеръ дровъ, бросая изъ замка сильный огонь на повозкахъ, но ливы и летты тушили огонь льдомъ и снѣгомъ. Послѣдніе со своей стороны нагромоздили костеръ сухихъ дровъ до самаго досчатаго забора (planca); нѣмцы взлѣзли на костеръ и сломали заборъ, но за нимъ нашли другое укрѣпленіе, которое не въ состояніи были разломать; осажденные стали на верху

---

[1]) Heinr. XIV, 6, 7 и 10. [2]) Ibid. XIV, 8.
[3]) Heinr. XIV, 9. 10. [4]) Ibid. XIV, 10.

замка и, бросая въ нѣмцевъ камни и полѣнья, заставили ихъ отступить. Наконецъ на шестой день, когда деревянныя укрѣпленія были сожжены нѣмцами, эсты сдались подъ условіемъ принятія христіанства. Они приняли въ замокъ священниковъ, которые окропили замокъ и всѣ дома и всѣхъ жителей святою водою и такимъ образомъ по словамъ Генриха оглашали ихъ предварительно предъ принятіемъ таинства крещенія, совершеніе котораго было отложено на нѣкоторое время по причинѣ сильнаго кровопролитія [1]). Въ слѣдующемъ году сюда былъ присланъ священникъ Соломонъ съ переводчиками—Теодорихомъ, литовцемъ Филиппомъ и другими. Миссія его однако была неуспѣшна; ему удалось окрестить только незначительное количество, а затѣмъ вскорѣ онъ былъ убитъ, когда задумалъ отправиться въ Ригу извѣстить епископа о положеніи мѣстныхъ дѣлъ [2]).

Это событіе было грознымъ предзнаменованіемъ для всѣхъ эстовъ, которые хорошо понимали значеніе паденія Феллина. Оно послужило поводомъ къ цѣлому ряду упорныхъ, фанатическихъ битвъ и опустошеній какъ со стороны эстовъ, такъ и со стороны нѣмцевъ съ ихъ союзниками. Сакаланцы и угаунійцы напали на леттовъ, роталійцы и приморскіе жители напали на епископскихъ ливовъ въ Метсеполѣ и Лодигерѣ съ тремя отрядами, такъ что одинъ отрядъ слѣдовалъ за другимъ, одинъ уходилъ домой, другой слѣдовалъ въ походъ и ливы не имѣли покоя ни днемъ ни ночью, ибо эсты поражали ихъ въ лѣсныхъ трущобахъ, на болотахъ, поляхъ, брали въ плѣнъ женщинъ, угоняли лошадей, и скотъ. Ливовъ осталось мало въ живыхъ и смирилъ Богъ, прибавляетъ Генрихъ, въ это время ихъ коварство, дабы они впредь были болѣе вѣрны. Въ тоже время съ моря на большихъ корабляхъ явились эзельцы, ревельцы и роталійцы подъ предводительствомъ всѣхъ старшинъ Озиліи и Роталіи и всей Эстоніи. Флотъ ихъ состоялъ почти изъ трехъ сотъ большихъ кораблей, не включая сюда множества малыхъ; всадниковъ они имѣли нѣсколько тысячъ, изъ которыхъ болѣе двухъ тысячъ было забрано въ плѣнъ и убито. Конное и пѣшее войско шло въ Метсеполе, а отсюда въ Торенду и всѣ

[1]) Ibid. XV, 9.
[2]) Ibid.

сошлись у замка Каупо; съ передней стороны замка стали всадники, другіе стали съ задней стороны подлѣ своихъ большихъ кораблей на Койвѣ. На помощь ливамъ и леттамъ явились нѣмцы, которые, спустившись съ горы, устремились на язычниковъ, играя въ литавры и распѣвая пѣсни. Бросаемые эстами дротики, подобно дождю, не спасли ихъ и они были разбиты, оставивъ въ рукахъ непріятелей почти триста большихъ кораблей, кромѣ малыхъ суденъ. По свидѣтельству Генриха здѣсь будто были убиты всѣ старшины, предводительствовавшіе войскомъ [1]).

Вскорѣ послѣ этого въ свою очередь явились сакаланцы и уганійцы, опустошая всѣ сѣверныя Леттскія области и осадили наконецъ, замокъ Беверинъ, отъ котораго впрочемъ они чрезъ день отступили. Въ возмездіе имъ затѣмъ слѣдуютъ безпрестанные набѣги ливовъ и леттовъ на Нурмегундъ, Гервію, Сакалу и Угаунію. Въ слѣдующемъ году послѣ 6 Января четыре тысячи нѣмцевъ и столько же ливовъ и леттовъ во главѣ съ Теодорихомъ, который былъ назначенъ въ предшествующемъ году въ епископы Эстоніи, двинулись въ Угаунію, перешли въ Омовжу, вошли въ область Вайгу (русск. Клинъ) и имѣли сборный пунктъ у замка Сомелинде; отсюда проникли въ область Гервію; на обратномъ пути были опустошены провинціи Моха и Нурмегундъ, откуда по озеру Вирцгерву они возвратились въ Ливонію [2]). Услышавъ о вторженіи нѣмцевъ съ ихъ союзниками въ Эстонію, Новгородскій князь собралъ 15 тысячъ войска и сопровождаемый псковскимъ княземъ Всеволодомъ и торопецкимъ княземъ Давыдомъ—своимъ братомъ—двинулся въ Вайгу, оттуда въ Гервію и не нашедши здѣсь нѣмцевъ, они двинулись далѣе въ Гаррію и осадили замокъ Варболу (русск. Воробьинъ, Воробьевъ носъ). Жители купили у него миръ за семь сотъ марокъ ногатъ [3]). Въ то время какъ Мстиславъ опустошалъ Эстонію, сакаланцы подъ предводительствомъ Лембита (и литовцы) сожгли Псковъ [4]). Вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ въ Ливоніи и Эстоніи развилась моровая язва, которая побудила ливовъ, леттовъ и эстовъ заключить между

---

[1]) Heinr. XV, 3. [2]) Ibid. XV, 7.
[3]) Ibid. XV, 8, Новг. I. l. г. 6722 и Bonnel l. c. Comment p. 56.
[4]) Ibid. XV, 10.

собою миръ, по которому они вѣроятно обязались болѣе не воевать другъ съ другомъ [1]). По истеченіи срока мира въ 1212 году ливы и летты пожелали возобновить его и при томъ совмѣстно съ нѣмцами; для этой цѣли были посланы послы въ Эстонію; эсты со своей стороны послали пословъ въ Торенду, сюда явился епископъ съ братьями рыцарства и старшинами города Риги. Послѣ продолжительныхъ преній былъ заключенъ миръ на три года, притомъ такъ, что сакаланцы, давшіе прежде заложниковъ и обѣщавшіе креститься, вплоть до рѣки Палы остались подъ властію епископа и нѣмцевъ [2]). Что же касается отношенія въ это время Новгорода и Пскова къ нѣмцамъ, то оно далеко не было миролюбиво. Нужно полагать, что разрывъ съ нѣмцами у нихъ произошелъ еще въ 1211 году, когда Теодорихъ былъ назначенъ въ епископы Эстоніи и когда уже нѣмцы прямо заявили свои претензіи и на тѣ Эстонскія области, которыя платили дань русскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самый вышеупомянутый походъ съ 15 тысячнымъ войскомъ въ Эстонію, цѣлію котораго вѣроятно было вытѣснить отсюда нѣмцевъ. Поводомъ къ этому разрыву могъ служить особенно бракъ дочери Псковскаго князя Владиміра съ братомъ рижскаго епископа Теодорихомъ, происшедшій вѣроятно въ концѣ 1211 года. Псковичи такъ вознегодовали за этотъ поступокъ на своего князя Владиміра, что скоро изгнали его изъ города со всѣмъ семействомъ. Изгнанный Владиміръ вздумалъ было поселиться въ Полоцкѣ, но полоцкій князь не принялъ его и онъ явился въ Ригу, гдѣ съ почетомъ былъ принятъ своимъ зятемъ и епископскою дружиною (familia episcopi) [3]) Здѣсь скоро онъ былъ сдѣланъ судьею (advocatus) въ Идумеѣ, но такъ какъ судъ его не понравился нѣмцамъ, то въ 1213 году онъ удалился въ Россію, причемъ въ слѣдующую зиму возвращается и живетъ въ мѣстечкѣ Метисине (нынѣ Вольмаръ, Владимірецъ?) и собираетъ за судъ деньги, имущество и все необходимое для жизни; но обвиненный священникомъ Алебрандомъ, будто онъ творитъ неправильный судъ и отвращаетъ новообращенныхъ отъ вѣры, онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Россію и въ 1216 году мы опять

---

[1]) Ibid. XV, 11. [2]) Ibid. XVI, I.

[3]) Ibid. XV. 13. и Bonnel, Chronog. p. 28 и Comment p. 56—57.

находимъ его во Псковѣ и воюющимъ уже противъ нѣмцевъ [1]). Отношенія къ Полоцкому князю Владиміру къ этому времени также стали натянутыми. Вѣроятно по жалобѣ ливовъ, а не наоборотъ—какъ представляетъ дѣло Генрихъ, Владиміръ въ 1212 году потребовалъ Альберта къ себѣ при Герсике на судъ относительно своихъ данниковъ ливовъ. Альбертъ явился на означенное мѣсто съ значительнымъ отрядомъ войска. Владиміръ прямо потребовалъ отъ епископа отказаться отъ крещенія ливовъ, утверждая, что въ его власти состоитъ крестить или не крестить ихъ, какъ своихъ слугъ. Альбертъ рѣшительно отказался исполнить это требованіе, но не запрещалъ ливамъ платить и князю дань, ибо онъ самъ иногда взносилъ ее князю за ливовъ. Хотя Генрихъ и передаетъ, что ливы просили при этомъ Альберта совсѣмъ освободить ихъ отъ зависимости русскимъ, не желая служить двумъ господамъ, но послѣдующее за заключеніемъ здѣсь мира возстаніе всѣхъ ливовъ противъ нѣмцевъ говоритъ въ пользу противной мысли. Упорство съ той и другой стороны было столь сильно, что дѣло чуть не дошло до вооруженнаго столкновенія между договаривающимися сторонами; наконецъ Владиміръ уступилъ и былъ заключенъ миръ, по которому вся Ливонія осталась свободною за Альбертомъ и купцамъ былъ предоставленъ свободный проѣздъ по Двинѣ [2]). Какъ только былъ заключенъ съ полоцкимъ княземъ такой выгодный для нѣмцевъ миръ, но крайне невыгодный для ливовъ, которые теперь стали въ полной зависимости отъ нѣмцевъ, летты и ливы подняли возстаніе. Поводомъ къ нему по разсказу Генриха послужило отнятіе рыцарями у венденскихъ и аутинскихъ леттовъ ульевъ и полей, хотя судя по словамъ Каупо причины возстанія коренились глубже — именно въ тяжкихъ поборахъ и повинностяхъ [3]). Альбертъ хотѣлъ первоначально уладить дѣло путемъ переговоровъ, но послѣ двухдневныхъ преній ливы и летты, не получивъ никакого удовлетворенія за всѣ несправедливости, разошлись съ

[1]) Ibid. XVI, 7; XVII, 4, 6; XVIII. 2; XX, 3. 7.

[2]) Ibid. XVI, 2.

[3]) См. Hildebrand l. c. p. 86—87. Формальную жалобу на несправедливости рыцарей аутинскіе летты принесли только по улаженіи дѣлъ съ возставшими ливами и леттами. По суду ульи были возвращены имъ, а за отнятыя поля была заплачена соотвѣтствующая ихъ стоимости сумма денегъ. Судьей у нихъ былъ назначенъ изгнанный псковскій князь Владиміръ (Heinr. XVI, 7).

нѣмцами, заключили между собою клятвенный союзъ, закрѣпивъ его по языческому обычаю наступленіемъ на мечи. Даже Каупо, знаменитый ливскій вождь и сторонникъ нѣмцевъ, принялъ сторону возставшихъ, но онъ не хотѣлъ никогда отстать отъ вѣры и совѣтовалъ только просить у епископа облегченія повинностей (jura) христіанства, что было единодушно отвергнуто. Торейдскіе ливы собрались въ замкѣ Сатеселѣ и привлекли на свою сторону ливовъ леневордскихъ, гольмскихъ и другихъ, а также и леттовъ: они всѣ начали укрѣплять свои замки, намѣреваясь засѣсть въ нихъ тотчасъ по уборкѣ хлѣбовъ. Леневордскіе старшины были захвачены и закованы, Гольмъ и Кубеселе (?) были разрушены нѣмцами. Сатесельскіе ливы начали явную войну съ братьями рыцарства въ Зигевальдѣ. Епископъ позвалъ возмутившихся ливовъ въ Ригу, жаловавшихся на магистра Рудольфа, который отнялъ у нихъ поля, луга и деньги. Хотя епископъ обѣщалъ имъ возвратить отнятое, но потребовалъ заложниковъ. Ливы, очевидно требовавшіе большаго, чѣмъ простаго возвращенія имущества, не дали заложниковъ и неповиновались ни епископу, ни братьямъ рыцарства, но задумали искоренить изъ страны и имя христіанъ. Когда мирнымъ путемъ не удалось убѣдить ливовъ покориться, то епископъ вмѣстѣ съ братьями рыцарства, собравъ войско, осадилъ отпавшихъ ливовъ въ замкѣ Дабреля, гдѣ ими руководилъ Руссинъ. Но не смотря на обильныя жертвы, принесенныя ими своимъ богамъ и отчаянную храбрость, замокъ былъ взятъ и возставшіе ливы обязались заплатить контрибуцію, высшую мѣру серебра, т. е. сто озеринговъ или пятьдесятъ марокъ серебра, и кромѣ того—ежегодно платить десятины плодовъ (decimas frugum) [1]).

Усмиривъ ливовъ и леттовъ, нѣмцы опять стали продолжать свою обычную тактику. Въ одинъ и тотъ же годъ (1214 г.) они совершили на эстовъ нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ, проникая все далѣе и далѣе въ глубь Эстоніи. Походы были мотивированы тѣмъ, что по истеченіи срока перемирія съ эстами послѣдніе не явились въ Ригу для возобновленія его. Такимъ образомъ послѣдовательно были опустошены съ 6 тысячнымъ войскомъ провинціи Сонтагана, Роталія и др. На

[1]) Heinr. XVI, 3—6.

другой разъ опустошенію подверглась Сакала, гдѣ нѣмцы овладѣли замкомъ Лембита Леале и принудили Лембита и другихъ принять крещеніе [1]). Въ томъ же году кукенойскіе рыцари два раза разграбили замокъ Герсике, со стороны князя котораго, повидимому, къ этому не было никакого повода, выразившагося въ дѣйствіяхъ, кромѣ подозрѣнія въ сношеніяхъ съ сосѣдними литовцами [2]).

Въ 1215 году снова составился планъ у всѣхъ эстовъ вмѣстѣ съ эзельцами, по которому они намѣревались уже одновременно уничтожить Ригу и опустошить Ливонію. Все союзное войско должно было двинуться одновременно въ Ливонію тремя отрядами, такъ чтобы эзельцы осадили Ригу и заградили входъ въ Двину, ротальцы должны идти на торендскихъ ливовъ, чтобы воспрепятствовать имъ дать рижанамъ помощь, наконецъ сакаланцы и уганійцы съ тою же цѣлію—на леттовъ. И они до нѣкоторой степени выполнили этотъ планъ. Эзельцы явились въ устье Двины съ великимъ войскомъ, ведя съ собою большіе и малые корабли, которые были наполнены каменьями и опущены на одно рѣки при самомъ входѣ въ нее. Здѣсь они построили деревянные подмостки, которые наполненные каменьями также были потоплены, имѣя въ виду этимъ путемъ заградить входъ въ гавань. Тѣмъ и ограничилось ихъ обширное предпріятіе. Также безуспѣшнымъ оказался походъ противъ ливовъ и леттовъ; слѣдствіемъ его въ томъ же году были девять мстительныхъ и опустошительныхъ походовъ леттовъ въ Угаунію, въ продолженіе которыхъ страна такъ была разворена, что въ ней не находили ни людей, ни съѣстныхъ припасовъ. Чтобы наконецъ освободиться отъ окончательной гибели, угаунійцы, а за ними изъ страха и сакаланцы попросили у рижанъ мира, обѣщаясь принять крещеніе. Посланные священники—Петръ Кайкевальдъ, родомъ изъ Финляндіи и Оттонъ, священникъ братьевъ рыцарства, окрестили Сакалу до Палы и всю Угаунію и возвратились въ Ливонію, ибо говоритъ Генрихъ, они опасались жить между новообращенными по причинѣ жестокости другихъ эстовъ. Впрочемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года они снова посѣтили Сакалу и Угаунію, оглашая новообращенныхъ [3]).

[1]) Heinr. XVIII, 5. 7. [2]) Ibid. XVIII, 4. 9.
[3]) Ibid. XIX, 1—4.

Въ началѣ 1216 года нѣмцы съ обычными своими союзниками ливами и леттами предприняли походъ снова въ Роталію не столько съ цѣлію проповѣди, сколько съ цѣлію грабежа и добычи. Впрочемъ и первая цѣль не была упущена изъ вида, ибо по взятіи замка Сонтаганы, жители его приняли отъ Готфрида [1]) крещеніе. Послѣ этого въ томъ же году зимою ими же былъ опустошенъ Эзель; но походъ этотъ не обошелся для нихъ дешево, ибо, возвращаясь по льду съ добычею и плѣнными, они потеряли значительное число людей отъ сильнаго мороза [2]).

Въ этомъ же году эсты снова задумали планъ изгнать нѣмцевъ, но уже при помощи полоцкаго князя Владиміра. Къ нему было отправлено для этой цѣли посольство, которое предлагало Владиміру напасть на Ригу, въ то время какъ эсты будутъ имѣть дѣло съ ливами и леттами и заградятъ входъ въ Двину. Къ несчастію собравъ великое войско изъ русскихъ и литовцевъ и готовясь уже сѣсть на корабль, князь внезапно скончался а съ нимъ разстроилось и все предпріятіе [3]).

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года магистръ Вольквинъ съ рыцарями и пилигримами, только что прибывшими изъ Германіи, въ союзѣ съ ливами и леттами, при помощи сакаланскихъ старшинъ, указавшихъ имъ дорогу, вторглись въ Гаррію, гдѣ при большой деревнѣ Лонѣ (нынѣ Лоаль) отдыхали три дня, а отсюда пошли еще далѣе до Ревельской области. Наградивъ безсчисленное множество воловъ и овецъ и другой добычи рижане съ радостію возвратились въ Ливонію [4]).

Въ концѣ этого года въ Угаунію вторглись псковичи подъ предводительствомъ своего князя Владиміра, требуя отъ жителей дани; опустошивъ страну, они двинулись далѣе въ Тарлову для сбора дани; получивъ дань, они сожгли замокъ Беверинъ. Угаунійцы прислали въ Ригу просить отъ епископа помощи. Прежде чѣмъ подать помощь, рижане произвели раздѣлъ всѣхъ покоренныхъ эстонскихъ провинцій, такъ что рижскій епископъ получилъ третью часть всѣхъ сборовъ (proventuum omnium ac tributorium) съ нихъ, вторую (secundarius) часть — эстонскій епископъ, а третью братья рыцарства. Получивъ подкрѣпленіе отъ нѣмцевъ и зная, что русскія области вслѣдствіе отсутствія

[1]) Heinr. XIX, 8. [2]) Ibid. XIX, 9.
[3]) Ibid. XIX, 10. 11. [4]) Ibid. XX, 2.

войска находятся не защищенными, угаунійцы со своей стороны въ январѣ 1217 года опустошили Новгородскую область и возвратились въ Оденпэ съ великою добычею [1]).

Послѣ богоявленія того же года нѣмцы въ союзѣ съ ливами и леттами снова опустошили Гервію и Вироніо; гервенцы просили мира и обѣщали принять крещеніе и платить вѣчную дань; взявъ отъ нихъ заложниковъ и окрестивъ нѣкоторыхъ, нѣмцы и ихъ союзники съ великою добычею возвратились домой, хваля Бога за обращеніе язычниковъ [2]).

Въ февралѣ того же года инціативу для изгнанія нѣмцевъ изъ Угауніи приняли на себя русскіе: князь новгородскій Мстиславъ въ союзѣ съ псковскимъ княземъ Владиміромъ вторглись въ Эстонію и разослали гонцовъ къ эзельцамъ, гарріенцамъ и сакаланцамъ, приглашая ихъ соединиться съ собою. Русскихъ и эзельцевъ вмѣстѣ было почти 20 тысячь. Сакаланцы же опустошали леттскія области. Это войско осадило Оденпэ, гдѣ засѣли нѣмцы и угаунійцы; послѣ 17 дней осады на выручку осажденныхъ явились меченосцы и пилигримы во главѣ съ магистромъ Вольквиномъ. Наконецъ осажденные вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ должны были сдаться на капитуляцію. По предварительному миру нѣмцы должны были очистить замокъ и уйдти въ Ливонію. Теодорихъ, братъ Альберта, остался у Новгородцевъ въ качествѣ заложника [3]). Такимъ образомъ Угаунія и Сакала перешли къ русскимъ и нѣмцы были совершенно изгнаны изъ Эстляндіи. Но нѣмцы готовились загладить свою неудачу. Желая вѣроятно выиграть время для сбора силъ, Альбертъ посылаетъ пословъ въ Новгородъ и Сакалу для утвержденія Оденпэскаго мира. Но просьба его была отвергнута тѣми и другими. Положеніе дѣлъ для нѣмцевъ было весьма критическое. Такъ какъ собственныхъ силъ было мало, то Альбертъ поспѣшилъ въ Германію за новыми.

Что въ это время Альбертъ былъ склоненъ къ уступкѣ части потеряннаго, какъ утверждаютъ Гильдебрандъ и Гаусманъ [4])—ни откуда не видно. Эсты, зная твердое намѣреніе

---

[1]) Heinr. XX. 3—5. [2]) Ibid. XX, 6.

[3]) Ibid. XX, 7—8; ср. П. С. Р. Л. т. III л. 6725.

[4]) Hildebrand l. c. p. 104. и Hausmann, Das Ringen d. Deutschen und Deïnen um d. Besitz Estlands bis 1227. Dorpat 1871 p. 8.

Альберта и видя, что изъ Германіи явились новые пилигриммы, посылаютъ въ Новгородъ къ князю Святославу пословъ съ великими подарками, прося вооружиться противъ нѣмцевъ. Онъ съ своей стороны посылаетъ пословъ въ Эстонію, обѣщая придти съ великимъ войскомъ въ союзѣ съ Псковскимъ княземъ Владиміромъ и другими удѣльными князьями. Эсты стали собирать войско, которое въ количествѣ шести тысячъ, въ томъ числѣ и 2 тысячи конницы, при Палѣ въ Сакалѣ 15 дней ждало прихода русскихъ князей. Нѣмцы поспѣшили предупредить русскихъ. 21 сентября войска съ обѣихъ сторонъ встрѣтились и приготовились къ бою. Христіанское войско было расположено такъ, что на правомъ крылѣ находились ливы, въ центрѣ нѣмцы и на лѣвомъ крылѣ летты. Войско язычниковъ было устроено также въ опредѣленномъ порядкѣ, подробности котораго не указаны у Генриха; извѣстно только, что сакаланцы подъ предводительствомъ Лембита были у него на правомъ флангѣ противъ леттовъ. Сраженіе начали въ центрѣ нѣмцы, а за ними — летты и ливы. Эсты были обращены въ бѣгство, потерявъ Лембита, голова котораго въ знакъ побѣды была отправлена въ Ригу; ливы со своей стороны потеряли Каупо. Затѣмъ послѣдовало жестокое опустошеніе эстонскихъ провинцій Сокалы, Роталіи, Гарріи и Гервіи, которое вынудило эстовъ просить мира, только бы нѣмцы удалились изъ ихъ провинцій; эсты обязались принять крещеніе и платить ежегодно дань или мѣру, установленную вмѣсто десятины [1]).

Не смотря однако на пораженіе, понесенное эстами, Альбертъ не могъ считать свое дѣло вполнѣ выиграннымъ, ибо съ востока грозили русскіе. Поэтому онъ призналъ необходимымъ обратиться къ датскому королю за помощію и датскій король дѣйствительно на слѣдующее лѣто обѣщалъ явиться съ войскомъ въ Эстонію.

Чтобы еще до этого не дать опомниться эстамъ, противъ нихъ опять былъ предпринятъ походъ 15 августа 1218 года, но въ то время выступили уже въ походъ противъ нѣмцевъ русскіе въ количествѣ 16 тысячъ войска. Узнавъ отъ захваченныхъ въ Сакалѣ русскихъ пословъ, подосланныхъ извѣстить эстовъ о приближеніи русскаго войска, нѣмцы поспѣшили опять

---

[1]) Heinr. XXI, 1—6. Reimchr. v. 803—1178.

предупредить соединеніе русскихъ съ эстами. Судя по разсказу Генриха, нѣмцы остались здѣсь побѣдителями, но принимая во вниманіе послѣдующее вторженіе русскихъ, къ которымъ успѣли присоединиться только гарріенцы съ нѣкоторыми другими, въ Ливонію и ихъ хозяйничанье здѣсь, слѣдуетъ думать противное. Эзельцы же, вошедши съ флотомъ въ Двину, довольствовались только грабежомъ въ устьѣ ея и повернули назадъ, услышавъ объ отступленіи русскихъ, въ отсутствіе которыхъ ихъ страну опустошали литовцы и летты [1]). Отдѣлавшись на время отъ русскихъ, нѣмцы опять начали свою обычную тактику, ослаблять эстовъ посредствомъ постоянныхъ набѣговъ и грабежей, они проникли на этотъ разъ въ февралѣ 1219 года до самаго Ревеля и возвратились назадъ съ великою добычею [2]). Походъ этотъ имѣлъ цѣль чисто грабительскую, поэтому они и не требовали отъ жителей заложниковъ и обѣщанія креститься.

Въ половинѣ 1219 года въ дѣла Эстоніи и отчасти Ливоніи вмѣшался новый факторъ—именно стремленіе датчанъ овладѣть частію Эстоніи. Вслѣдствіе этого ходъ событій становится запутаннѣе и сложнѣе, ибо различные интересы перемѣшиваются другъ съ другомъ. По видимому поводъ къ вмѣшательству датчанъ въ дѣла Эстоніи далъ самъ Альбертъ. Ибо онъ еще лѣтомъ 1218 года вмѣстѣ съ епископомъ эстонскимъ Теодорихомъ и епископомъ зелонскимъ Бернардомъ во время государственнаго собранія въ Шлезвигѣ просилъ датскаго короля Вольдемара выступить въ походъ противъ вѣроломныхъ эстовъ [3]). Хотя Генрихъ представляетъ его походъ какъ обыкновенный крестовый походъ, совершенный для отпущенія грѣховъ въ честь дѣвы Маріи [4]), но все дальнѣйшее его повѣствованіе доказываетъ противное; оно свидѣтельствуетъ, что Вольдемаръ питалъ въ себѣ планъ завоевательный; булла папы Гонорія III отъ 9 октября 1218 года прямо признаетъ за нимъ всѣ земли, которыя будутъ обращены имъ изъ мрака язычества [5]). Вообще папы съ конца XII вѣка смотря на Данію,

[1]) Heinr. XXII, 1—8. [2]) Ibid, XXII 9.

[3]) См. Chronicon Danicum въ SS. rer. Dan. XIII, p. 265 и Annales Ryenses въ Monum. Germ. hist. XVI, p. 406.

[4]) Heinr. XXII, 1.

[5]) U. B. № 41, a. cf. Hildebrand l. c. p. 110 и Hausman l. c. p. 14—16.

какъ на свой ленъ, усердно поддерживали ее во всѣхъ предпріятіяхъ и особенно когда дѣло шло объ обращеніи языческихъ эстовъ [1]). Согласно своему обѣщанію, лѣтомъ 1219 года на 1500 корабляхъ Вольдемаръ, въ сопровожденіи архіепископа Лундскаго Андрея, который еще въ 1212 году былъ назначенъ легатомъ для обращенія язычниковъ, вмѣстѣ съ Николаемъ еп. шлезвигскимъ и Петромъ еп. Рескильденскимъ, который въ то же время былъ канцлеромъ короля, двинулся въ Эстонію; съ ними были и еп. эстонскій Теодорихъ и Рюгенскій князь Вицлавъ (Wezzlaus). Они высадились на сѣверѣ Эстоніи при Линданизѣ, древнемъ замкѣ ревельцевъ. Замокъ этотъ почему то былъ разрушенъ и на его мѣсто воздвигнутъ другой—новый [2]). Желая выиграть время на сборъ войска, ревельскіе и гарріенскіе эсты послали къ королю своихъ старшинъ съ мирными предложеніями; король, не подозрѣвая ихъ козней, богато одарилъ ихъ и они, принявъ отъ епископовъ крещеніе, возвратились домой. Но чрезъ три дня они повели

[1]) Hausman l. c. p. 3—4. Въ Германіи съ недовѣріемъ смотрѣли на походъ Вальдемара и тамъ именно у Магдебургскаго архіепископа возникла мысль въ противовѣсъ притязаніямъ датчанъ овладѣть за-ливонскими областями. Съ этою цѣлію онъ выхлопоталъ 23 Марта 1219 года (U. B. III, n. 42 a) у императора Фридриха II граммату, въ которой тотъ даритъ ему, его преемнику и магдебургской церкви на вѣки земли язычниковъ за Ливоніей и близъ ее предѣловъ (ultra Livoniam et circa ipsius terminos), которыя будутъ обращены въ его присутствіи или съ его содѣйствія въ христіанство, со всѣми свѣтскими и духовными правами. Неизвѣстно, какими средствами магдебургскій архіепископъ думалъ привести въ исполненіе свои фантастическія притязанія, но достовѣрно, что они не могли быть и не были осуществлены...

[2]) Вартбернъ, по видимому, основываясь на неизвѣстномъ намъ источникѣ, насколько можно судить изъ его выраженія, «quas causa brevitatis ommitto» (l. c. p. 29) передаетъ, что магистръ Вальквинъ castrum Velyn ac parvum castrum Revalie construxit et muravit cum turribus fossatisque profundis optime firmarit. Fecit et alias edificationes circa Tarbatum et Odenpe. Въ одномъ изъ датскомъ источникѣ (SS. rer. Dan. V p. 500) сказано: missi sunt fratres ad majus castrum Revaliense anno Domini 1219, ubi juxta fossata ad aquilonem castri minoris ecclesiam ac alias dvmos monasterii construxerunt. Если только въ этихъ словахъ позднѣйшія отношенія не перенесены на болѣе раннее время, то можно было бы признать болѣе раннею постройку меньшаго замка еще до владычества Вольквина въ Эстоніи. Вартбергу въ этомъ извѣстіи слѣдуетъ и Бальмазаръ Рюссовъ. Большой замокъ magnum castrum въ Ревелѣ упоминается также въ 1310 году (U. B. n. 632). О походѣ Датчанъ въ Эстляндію въ 1219 году ср. датскіе анналы въ SS. rer. Dan. t. I, p. 165—166; t. II, p. 263; t. III, p. 265. О вторичномъ его походѣ въ 1220 году упоминается только въ анналахъ Лудскихъ или по Лангебеку въ анналахъ Эвромскихъ (Ibid. t. I p. 244) и у Петра Олая (Ibid. t. I, p. 182)...

на датчанъ большое войско, напали на нихъ вечеромъ въ пяти пунктахъ столь стремительно, что они были бы поражены, если бы не славянскій князь Вицлавъ, который подоспѣлъ во время и эсты были обращены въ бѣгство. При этомъ однако погибъ эстонскій епископъ Теодорихъ, котораго эсты приняли за самого короля, проникнувъ въ его палатку. Окончивъ постройку замка и оставивъ въ немъ гарнизонъ и епископовъ, въ томъ числѣ и своего капеллана Весцелина, который посвященъ былъ въ епископы Ревеля на мѣсто убитаго Теодориха Андреемъ еп. Лундскимъ, получившимъ на это отъ папы право [1]), король Вольдемаръ возвратился домой. Альбертъ съ своей стороны назначилъ въ концѣ 1219 года на его мѣсто въ епископы Леаля своего брата Германа, аббата монастыря св. Павла въ Бременѣ, получивъ отъ папы право назначать и посвящать епископовъ въ Лифляндіи и Эстоніи 30 сентября 1217 года [2]). Онъ былъ посвященъ въ епископы магдебургскимъ архіепископомъ Альбертомъ I; однако датскій король (до 1224 г.) воспрепятствовалъ его отправленію въ Ливонію; поэтому онъ прибылъ къ королю, обѣщаясь принять отъ него эпархію и съ вѣрностію пребывать въ его зависимости [3]). Папа одинаково признавалъ и поддерживалъ обоихъ епископовъ [4]). Датчане по отъѣздѣ короля цѣлый годъ воевали съ Ревельцами, пока эти послѣдніе не приняли крещенія [5]). Съ этимъ дѣла на сѣверѣ на время пріутихли; ни съ той, ни съ другой стороны не было рѣзкаго заявленія своихъ претензій на обладаніе всей Эстоніей. Поэтому по возвращеніи Альберта съ пилигримами изъ Германіи въ 1219 году можно было направить свѣжія силы на югъ. При томъ вскорѣ къ этому представился удобный случай. Земгалы изъ Месотенскаго замка явились къ Альберту просить помощи противъ литовцевъ, обѣщая принять крещеніе. Альбертъ охотно исполнилъ ихъ просьбу, отправился въ сопровожденіи своего отряда къ ихъ замку Месотену, окрестилъ

[1]) U. B. № 146. [2]) Ibid. № 40. 41. [3]) Heinr. XXIII, 11.

[4]) См. для еп. Ревельскаго U. B. n. n. 49. 50; для Леальскаго ibid. n. n. 51, 52. Важное указаніе на раздѣленіе Эстонской епископіи на двѣ мы находимъ у Альберта Стаденскаго (Mon. germ. hist. VI, p. 357). Friderico Estonensi episcopo a paganis occiso... episcopatus Estoniensis divisus est in duos episcopatus, minores videlicet Lealensem sive Dorpatensem, a loco Leal in districto Hapsal, qui Hermanno, et Revalensem, qui Vesceloni contigit.

[5]) Heinr. XXIII, 1, 2...

здѣсь около трехъ сотъ человѣкъ, исключая женщинъ и малолѣтнихъ. Возвращаясь въ Ригу, онъ оставилъ въ замкѣ гарнизонъ. Вестерсъ — старшина сосѣдней Терветенской провинціи, услышавъ о принятіи Месотенцами христіанства, осадилъ ихъ замокъ, однако при приближеніи вспомогательнаго отряда нѣмцевъ по рѣкѣ Миссѣ онъ снялъ осаду, пошелъ ему на встрѣчу и истребилъ весь отрядъ, въ томъ числѣ и священника Сегегарда изъ цистерціанскаго ордена, который былъ высланъ изъ Динаминда въ Месотенъ и находился въ услуженіи у Бернарда, къ епископіи котораго было предположено присоединить Месотенъ [1]. Лишенный помощи, нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ и опасаясь жестокости сосѣднихъ язычниковъ, Месотенскій гарнизонъ счелъ за лучшее оставить замокъ и возвратиться въ Ригу. А земигалы, приняьшіе христіанство, отпали отъ него и соединились съ другими земигалами и литовцами [2]). Въ то время, какъ епископъ желалъ дѣйствовать на югѣ, орденъ устремился на сѣверъ. Въ томъ же 1219 году магистръ Рудольфъ венденскій въ союзѣ съ леттами вторгся въ Гервію и опустошилъ ее столь сильно, какъ будто жители ея были первые враги нѣмцевъ. Старшины Гервіи, явившіеся къ Рудольфу съ просьбою удалиться изъ страны, указывали на то, что они уже въ 1218 году заключили съ нѣмцами миръ и обѣщали принять крещеніе. Рыцари ссылались на то, что они участвовали вмѣстѣ съ ревельцами въ борьбѣ съ датчанами. Эта ссылка повидимому служила только благовиднымъ предлогомъ пріобрѣсти право надъ Гервіею. И въ самомъ дѣлѣ Рудольфъ потребовалъ отъ нихъ заложниковъ и возобновилъ съ ними миръ, по которому вѣроятно гервенцы въ слѣдующемъ году обязались въ союзѣ съ нѣмцами идти противъ Вироніи [3]). Нѣмцы придавали этому походу очень важное значеніе, ибо для этого войска епископа соединились

---

[1]) Heinr. XXII. 4.

[2]) Ibid. XXIII, 3. 4. Характеръ добровольности принятія месотенцами христіанства, по разсказу Генриха, сомнителенъ, если принять во вниманіе ближайшія слѣдствія его.

[3]) Ibid. XXIII, 6. Въ данномъ случаѣ разсказъ Генриха уже прямо страдаетъ противорѣчіемъ. Сперва старшины, по нему, просятъ Рудольфа, ut cum exercitu suo de finibus ipsorum exiret, а послѣ заключенія мира они же suggerebant fratribus militiae, ut eicius redirent ad eumdem cum iis in Vironiam cum exercitu.

съ орденомъ и обычными союзниками ливами и леттами; на дорогѣ къ нимъ присоединились еще саколанцы, угаунійцы и проводники изъ гервенцевъ. Все войско раздѣлилось на отдѣльные отряды; нѣмцы сосредоточились въ большой деревнѣ Тормѣ, ливы и летты—въ Ависпѣ, сакаланцы—въ Ревельской области, угаунійцы—въ Пудиверѣ. Послѣ пятидневнаго опустошенія этой „плодоносной, весьма красивой и отличающейся ровными полями страны“ разбѣжавшіеся старшины ея явились съ просьбою о мирѣ; въ числѣ ихъ былъ нѣкто Табелинъ, крещенный въ Готландѣ и Кириаванъ, который при этомъ принялъ крещеніе и былъ мyропомазанъ, крещеніе же другихъ было отложено до другаго времени. Здѣсь съ ними былъ заключенъ миръ и взяты заложники отъ пяти областей Вироніи. Для утвержденія мира пять старшинъ отъ пяти областей Вироніи отправились въ Ригу съ дарами, гдѣ принявъ крещеніе, они передали всю Виронію Дѣвѣ Маріи и Ливонской церкви [1]).

Въ 1220 году въ началѣ февраля нѣмцы также единодушно соединились для окончательнаго покоренія замка Месотена. Соединенное войско въ количествѣ 8 тысячъ человѣкъ, состоявшее на половину изъ нѣмцевъ, на половину изъ ливовъ и леттовъ, приступило къ замку со всякими орудіями, необходимыми для овладѣнія замкомъ. Защитники послѣ упорной борьбы вынуждены были просить мира, старшины Маде и Гайле вышли для переговоровъ, но отъ нихъ потребовали сдачи замка со всѣмъ, что въ немъ находилось. Произошла новая отчаянная битва, послѣ которой защитники замка все таки обязаны были согласиться на предложенныя условія. Но вышедшіе изъ замка болѣе сотни старшинъ вѣроломно были убиты нѣмцами. Вслѣдствіе этого остальные осажденные готовились къ новому бою. Ихъ не могъ выручить и подоспѣвшій на помощь Вестерсъ со своими земигалами и литовцами. Они всю ночь усердно просили епископа дать имъ при выходѣ изъ замка ручательство на жизнь. Наконецъ Альбертъ снизошелъ на ихъ просьбу съ условіемъ принятія ими христіанства и они вышли изъ замка съ женами и дѣтьми, каждый въ свою деревню, а войско вторгшись послѣ нихъ въ замокъ, расхитило все, что нашло тамъ, именно: деньги, иму-

[1]) Heinr. XXIII, 7.

щество, коней и скотъ. Предавъ огню опустѣвшій замокъ, нѣмцы возвратились домой съ союзниками [1]). Послѣ этого нѣмцы съ союзниками снова обратились на сѣверъ, именно на Гаррію; на пути къ нимъ присоединились сакаланцы, угаунійцы и гервенцы. Въ Гервіи соединенное войско натолкнулось на грабящихъ эзельцовъ, которые сначала колебались — осадить ли датскую крѣпость, или опустошить Гервію, покорившуюся нѣмцамъ; жребій рѣшилъ въ пользу послѣдняго предпріятія. При деревнѣ Каридалѣ эзельцы были разбиты, оставивъ на мѣстѣ пятьсотъ тѣлъ. Далѣе подверглась опустошенію Гаррія. Сакаланцы, не участвовавшіе въ битвѣ съ эзельцами, лишились части добычи и, чтобы вознаградить себя, они вопреки запрещенію своихъ старшинъ стали грабить ревельскую страну. Жители сосѣдняго замка Варболы въ Гервіи, опасаясь опустошенія и въ своей области, просили мира, который и былъ данъ имъ, когда они дали заложниковъ и обѣщали принять крещеніе [2]). Такимъ образомъ датчане и нѣмцы мирно другъ подлѣ друга покорили страну; первые пріобрѣли только Ревель съ окрестностями, вторые — все остальное. Но враждебныя стремленія не преминули скоро обнаружиться. Будучи столь близки къ датчанамъ, нѣмцы послали пословъ въ Ревель, извѣщая епископа Андрея и другихъ королевскихъ мужей о недавнихъ своихъ пріобрѣтеніяхъ; можетъ быть они при этомъ извинялись въ выше упомянутомъ поступкѣ сакаланцевъ. Съ другой стороны и датчане прислали пословъ къ нѣмцамъ воздавая благодарность Богу и нѣмцамъ за пораженіе языческихъ эзельцевъ и гарріенцевъ, но при этомъ прибавили, что нѣмцы не имѣютъ права распространять свои владѣнія далѣе на сѣверъ, ибо утверждали они, вся Эстонія принадлежитъ Датскому королю и передана ему ливонскими епископами [3]). Въ тоже

[1]) Heinr. XXIII, 8 [2]) Ibid. XXIII, 9.

[3]) Какіе уступки епископъ Теодорихъ сдѣлалъ Вольдемару, отдѣлившись отъ Альберта и примкнувъ къ королю — трудно рѣшить. Относительно же уступокъ ему со стороны Альберта въ Шлезвигѣ въ 1218 году можно только съ вѣроятностію утверждать, что они не были столь велики, какъ утверждалъ архіепископъ Лундскій Андрей, иначе непонятно, почему король въ просьбѣ къ папѣ (U. B. n. 41, a;) не упоминаетъ о нихъ и довольствуется только землями, которыя будутъ отняты отъ язычниковъ. Если нѣсколько лѣтъ спустя магистръ ордена требовалъ отъ Альберта вознагражденія убытковъ, понесенныхъ имъ accusione donationis Estonie qui diabatur facta per episcopum regi Danorum (U. B. n. 84), то, во-первыхъ, это утвержденіе можетъ

время они потребовали представить имъ варбольскихъ заложниковъ. Магистръ ордена Вольквинъ въ присутствіи всѣхъ возразилъ, что ему неизвѣстно о передачѣ Эстоніи датскому королю, но что вся Эстонія до Ревельской провинціи и Эзеля покорена рижанами христіанской вѣрѣ. Магистръ какъ видно, поставилъ себя на точку зрѣнія завоевателя, хотя впрочемъ и возвратилъ заложниковъ варбольскихъ ихъ отцамъ, а не датчанамъ и только, какъ выразился Генрихъ, въ знакъ засвидѣтельствованія чести датскому королю, нисколько не умаляя чрезъ это правъ нѣмцевъ [1]). Послѣднее мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо по общему господствовавшему воззрѣнію обладаніе заложниками было равносильно обладанію страною [2]). Раздоры все болѣе и болѣе обострялись. Король приказалъ не давать кораблей пилигримамъ, уѣзжавшимъ въ Лифляндію [3]), и продолжалъ эту политику, не смотря на увѣщаніе папы [4]). Въ скоромъ времени къ недоразумѣніямъ между воинами присоединились недоразумѣнія между проповѣдниками. Въ 1220 году Альбертъ послалъ въ Сакалу священниковъ — Алебранда и Людовика, которые, окрестивъ много народа въ Гервіи, возвратились въ Ливонію. Затѣмъ онъ послалъ пословъ въ Новгородъ для снисканія къ себѣ расположенія новгородцевъ и въ тоже время отправилъ въ Эстонію другихъ священниковъ, — именно — Петра Кайкевальда изъ Финляндіи и Генриха Латышскаго, священника при Имерѣ. Послѣдніе дошли до Дерпта, крестя въ окрестныхъ деревняхъ, а въ Садгервѣ окрестили около 300 человѣкъ. Тоже они дѣлали въ Вайгѣ; въ Ріолѣ, крайней крѣпости этой области, они окрестили 500 человѣкъ. Въ Вироніи въ первой области окрестили жителей 14 деревень вмѣстѣ со старшиною ихъ Табелиномъ, который впослѣдствіи былъ повѣшанъ датчанами за то, что принялъ крещеніе отъ рижанъ и далъ своего сына въ заложники братьямъ рыцарства. Остальные жители будучи уже окрещены датчанами, отвѣчали нѣмецкимъ проповѣдникамъ, что какъ у нѣмцевъ такъ и у датчанъ Богъ одинъ и что поэтому они и

основываться на претензіяхъ архіепископа Андрея, во вторыхъ, фактъ дареніе королю Эстоніи утверждается здѣсь нерѣшительно, болѣе по слухамъ (dicebatur).

[1]) Heinr. XXIII, 9. 10. [2]) Ibid. XXVIII, 7; ср. U. B. № 120.

[3]) U. B. № 46. [4]) Ibid. № 52 (18 апр. 1220 г.).

приняли крещеніе отъ датчанъ въ томъ предположеніи, что изъ этого не можетъ возникнуть никакого недоразумѣнія. Датскіе священники хотѣли предупредить рижскихъ и потому, окрестивъ только нѣкоторыя деревни, они посылали въ другія своихъ людей, къ которымъ сами вдругъ не могли явиться, приказывая имъ ставить во всѣхъ деревняхъ большіе кресты и разсылать чрезъ крестьянъ благословенную воду, чтобы окропить ею женщинъ и дѣтей. Нашедши въ Виронiи народъ уже окрещенный датчанами, рижскіе священники поспѣшили въ Гервію; они успѣли еще окрестить жителей первыхъ деревень, какъ сюда явился датскій священникъ Вольтеръ. Поспоривъ между собою, они отправились въ Ревель къ архіепископу Андрею за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Андрей утверждалъ, что вся Эстонія покоренная и еще не покоренная уступлена датскому королю рижскими епископами. Андрей съ своей стороны отправилъ пословъ въ Ригу къ Альберту съ требованіемъ не посылать своихъ епископовъ въ уголъ Эстоніи. Альбертъ извѣстилъ, что священники его появились не въ углу Эстоніи, но въ срединѣ Гервіи, Виронiи и даже вблизи самаго архіепископа.

Когда Вольдемаръ лѣтомъ 1220 года вторично явился въ Эстонію [1]), онъ потребовалъ Альберта и орденъ къ себѣ на судъ; Альбертъ предпочелъ за лучшее явиться съ жалобою прямо къ папѣ Гонорію III. Рыцари предпочли однако явиться лучше къ Вольдемару, ибо они расчитывали получить отъ него обѣщанную имъ уже въ 1216 году третью часть Эстоніи. И дѣйствительно явившіеся къ нему Рудольфъ венденскій и другіе получили отъ него Сакалу и Угаунію съ окрестными областями за третью часть Эстоніи, исключая епископа Альберта съ братомъ своимъ Германомъ. Мѣстоблюститель Альберта еп. Бернардъ съ остальными братьями рыцарства съ своей стороны порѣшили раздѣлить Эстонію на три части, двѣ для епископовъ, а третья для ордена. Въ тоже время ревельскіе священники окрестили гарріенцевъ и побудили ихъ идти противъ гервенцевъ. Послѣ десяти набѣговъ гарріенцевъ гервенцы вынуждены были признать господство и крещеніе датчанъ; тоже самое сдѣлали и вирлянцы, устрашенные угрозами датчанъ.

---

[1]) Annal. Stad. ad a. 1220 (въ Mon. Germ. SS XVI, p. 357).

Сверхъ того архіепископъ Андрей посвятилъ для Вироніи и Гервіи еп. Острада [1]; Гаррія же была предоставлена ревельскому епископу [2].

Въ концѣ 1220 года частію Эстоніи вздумали поживиться и шведы. Король шведскій Іоаннъ съ герцогомъ остготландскимъ Карломъ и епископами своими высадился съ войскомъ въ Роталіи, желая покорить себѣ нѣкоторыя части Эстоніи. Онъ занялъ Леальскій замокъ, который былъ признанъ папою каѳедрою епископа Германа, ибо область, относящаяся къ нему, была покорена и крещена нѣмцами уже съ 1216 года. Шведы обходили провинцію, крестя народъ и строя церкви; затѣмъ они вступили въ переговоры съ датчанами въ Ревелѣ. Рижане отправили къ нимъословъ, извѣщая, что эта провинція приведена уже ими къ христіанской вѣрѣ и поэтому принадлежитъ имъ. Король, не обращая на ихъ слова никакого вниманія, оставилъ въ Леалѣ гарнизонъ съ герцогомъ Карломъ и линкопенскимъ епископомъ Карломъ, и возвратился домой. 8 августа 1220 года эзельцы явившись къ замку съ большимъ войскомъ, взяли его и уничтожили почти всѣхъ шведовъ вмѣстѣ съ епископомъ и герцогомъ въ количествѣ пятисотъ человѣкъ и такимъ образомъ положили конецъ этой колоніи. Оставшіеся въ живыхъ успѣли убѣжать къ датчанамъ [3])

Жалоба Альберта на датскаго короля не привела ни къ чему. Папа Гонорій III оказался болѣе на сторонѣ Вальдемара, который 16 ноября 1220 года получилъ отъ него буллу, въ которой онъ принимаетъ датскаго короля подъ свое покровительство противъ нападенія всѣхъ враговъ и сосѣдей [4]. Тогда Альбертъ обратился къ императору Фридриху, но тотъ, занятый собственными дѣлами, посовѣтовалъ ему только жить въ мирѣ съ датчанами и русскими. Въ такомъ положеніи Альберту ничего не осталось, какъ только помириться съ Вальдемаромъ, который уже въ то время, когда Альбертъ былъ въ Любекѣ, имѣлъ намѣреніе схватить его и запретилъ лю-

---

[1]) Albericus, ed. Leibniz p. 486; ср. U. B. № 146.

[2]) Heinr. XXIV, 1. 2. Ихъ оффиціальные титулы были: episcopus Revaliensis и episcopus Vironiensis (U. B. n. n. 118. 133. 146).

[3]) Heinr. XXIV, 3; ср. шведскіе анналы (въ Script. rer. Svec. t. I, p. 85; t. I Sect. post. (хроника Олая Петра) p. 244).

[4]) Reg. dipl. Dan. № 669.

бечскимъ купцамъ давать пилигримамъ въ Ливонію корабли, пока Альбертъ не придетъ къ соглашенію съ нимъ. Мы не знаемъ, какія обѣщанія далъ Альбертъ Вольдемару, когда просилъ у него помощи противъ вѣроломныхъ эстовъ и русскихъ, ибо Генрихъ умалчиваетъ объ этомъ; Гильдебрандъ думаетъ [1]), что Альбертъ уступилъ ему всѣ земли, имѣющія быть покоренными имъ. Гаусманъ полагаетъ [2]), и какъ кажется съ большимъ правдоподобіемъ, что король получилъ права на Эстонію, тогда еще не обращенную въ христіанство, а пунктъ, съ котораго собственно начинались недоразумѣнія, могутъ ли нѣмцы послѣ выступленія датчанъ покорить себѣ еще свободныхъ эстовъ и оставлять пріобрѣтенное за собою, остался нерѣшеннымъ въ Шлезвигѣ въ 1218 году. Какъ бы то ни было, но Альбертъ со своимъ братомъ епископомъ Германомъ, явившись къ Вальдемару въ концѣ марта 1221 года [3]), долженъ былъ предоставить въ томъ же году Ливонію и Эстонію господству Вальдемара подъ тѣмъ однако условіемъ, если прелаты его конвента, а равно и всѣ рижане съ ливами и леттами согласятся на такое подчиненіе. За такую уступку король позволилъ Альберту и собравшимся пилигримамъ свободный проѣздъ въ Лифляндію. А епископъ Германъ, давъ ему клятву въ вѣрности, получилъ разрѣшеніе ѣхать въ свою епископію [4]). Въ то время, какъ другіе препирались о господствѣ надъ землями, священникъ имерскихъ леттовъ съ другимъ недавно посвященнымъ священникомъ Теодорихомъ отправились въ Эстонію и прошедши Сакалу, дошли до Палы рѣки и, начиная съ этой рѣки, окрестили сосѣднюю провинцію Нуремегундъ. Они останавливались въ большихъ деревняхъ, собирали народъ, и поучали его евангельскимъ истинамъ. Обходя семь дней эту область они каждый день крестили 300—400 человѣкъ обоего пола. Далѣе, прошедши чрезъ провинцію Гервію, они проникли въ послѣднюю ея область противъ Вироніи Лопегунду, еще не крещенную, совершая въ отдѣльныхъ большихъ деревняхъ таинство крещенія, пока не дошли до деревни Кеттиса, совершая здѣсь тоже. Здѣсь въ послѣдствіи датчане построили церковь, равно какъ и во многихъ другихъ

[1]) l. c. p. 111—112. [2]) l. c. p. 26.
[3]) См. Usinger, Deutsch-Danische Geschichte p. 206.
[4]) Heinr. XXIV, 4.

деревняхъ, крещенныхъ этими священниками. Достигши деревни Рейневера (теперь въ Ампельскомъ кирхшпилѣ), они послали созвать народъ изъ другихъ сосѣднихъ деревень. Но старшина изъ крестьянъ заявилъ имъ, что они уже всѣ крещены и именно въ деревнѣ Іолгезимѣ (Ялгзама? въ кирхшпилѣ св. Іоанна), гдѣ датскій священникъ, совершивъ крещеніе надъ нѣкоторыми, а остальнымъ, далъ благословенную воду, чтобы они, возвратившись въ свои деревни, окропили ею свои семейства, что̀ они и сдѣлали. Усмѣхнувшись нѣсколько, продолжаетъ Генрихъ, и оттряхнувши прахъ съ ногъ своихъ на нихъ, рижскіе священники поспѣшили въ другія деревни и окрестили въ сосѣдствѣ съ Виронією три деревни, гдѣ находилась гора и священная роща—мѣстопребываніе Тары [1]). Здѣсь они крестили цѣлую недѣлю. Точно также и въ провинціи Мохѣ крещеніе продолжалось цѣлую недѣлю. На пути въ Вайгу они окрестили множество еще некрещенныхъ деревень. Въ Іогентаганѣ приняли крещеніе жители деревень Игетевера (Игаферъ ?), Ветпола, Вазалы (Васула ?) и др. Наконецъ совершивъ крещеніе къ югу отъ Омовжи, они возвратились чрезъ Оденпэ домой. Чрезъ нѣсколько времени упомянутый священникъ Теодорихъ возвратился съ нѣкоторыми другими лицами къ своимъ новокрещеннымъ въ Гервію и Виронію и жилъ тамъ между ними. Разъ на нихъ напали датчане, отобрали у нихъ лошадей и имущество и выслали ихъ въ Ливонію. Другой священникъ Соломонъ послѣ пораженія эзельцами шведовъ пришелъ въ Роталію и былъ принятъ ротальцами дружелюбно. Собравъ въ этой области дань, онъ вознамѣрился уже отправиться въ Ригу, но датчане ограбили его и отослали обратно въ Ливонію. Молодой орденскій священникъ Гартвигъ въ тоже время дѣйствовалъ въ Угауніи, крестя тамъ еще не получившихъ крещенія и живя у рыцарей. За нимъ въ Угаунію отправился и Генрихъ, священникъ Имер-

[1]) Разсказъ Генриха, будто другой священникъ подрубилъ здѣсь изображенія и подобія (imagines et similitudines) боговъ, послѣ чего жители, удивляясь, что не вытекло крови, болѣе повѣрили рѣчамъ священниковъ, въ связи съ тѣмъ, что было ранѣе говорено объ этомъ мѣстѣ, едва ли можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ дѣйствительности; если дѣйствительно въ этой рощѣ были какія либо подобія и изображенія, то по всей вѣроятности это были просто надгробные памятники, при которыхъ на могилахъ могли совершаться жертвоприношенія.

скихъ леттовъ и крестя дошелъ до Вальгатабальвы на псковскихъ границахъ.

Такимъ образомъ въ началѣ 1221 года вся Эстонія была окрещена странствующими священниками, благодаря конкурренціи, возникшей между нѣмцами и датчанами, изъ которыхъ каждый стремился овладѣть ею, а крещеніе ея жителей могло служить основаніемъ для заявленія своихъ правъ на нее.

Выше мы уже сказали, что Альбертъ долженъ былъ сдѣлать громадныя уступки Вальдемару, вынужденный къ тому критическимъ положеніемъ своихъ дѣлъ. Но и положеніе датской колоніи не было на дѣлѣ столь прочно, какъ это казалось. Дѣло въ томъ, что уже отважные и свободолюбивые эзельцы еще съ 1219 года замышляли напасть на датчанъ, а въ апрѣлѣ 1221 года они съ громаднымъ флотомъ явились подъ Ревелемъ и осадили его. Къ нимъ присоединились и сосѣдніе жители ревельцы, гарріенцы, вирлянцы; осада замка продолжалась безуспѣшно двѣ недѣли; вылазки осажденныхъ были отражаемы. Но случайное появленіе на морѣ четырехъ кораблей, на которыхъ эзельцы предположили пріѣздъ самаго короля, заставило эзельцевъ снять осаду. Дорого поплатились за это отпавшіе эсты. Старшины были захвачены и на области были кромѣ двойной или тройной дани, которую они прежде обыкновенно платили, наложены различныя тяжелыя повинности. Вслѣдствіе этого ненависть туземцевъ къ своимъ покорителямъ возрастала все болѣе и болѣе по мѣрѣ притѣсненія [1]). Съ другой стороны и Вальдемаръ долженъ былъ возвратить назадъ уступки Альберту, когда встрѣтилъ энергическое противодѣйствіе имъ со стороны всѣхъ рижскихъ нѣмцевъ, а равно и ливовъ и леттовъ, которые готовы были скорѣе оставить страну, чѣмъ служить датскому королю. Вслѣдствіе этого и кромѣ того опасаясь нападенія эстовъ, архіепископъ Лундскій Андрей отправилъ въ Ригу пословъ, обѣщая предоставить Ливоніи прежнюю свободу и призывая вѣроятно самаго Альберта и магистра ордена съ другими нѣмцами для переговоровъ въ Ревель, на что послѣдніе и согласились. Здѣсь архіепископъ обѣщалъ оставить Ливонію за нѣмцами подъ условіемъ взаимной дружественной борьбы съ эстами и русскими. Но въ Са-

---

[1]) Heinr. XXIV, 7.

калѣ и Угауніи братья рыцарства получили всѣ королевскія и свѣтскія права, а епископъ духовныя [1]). Такимъ образомъ за датчанами остались Ревель, Гаррія съ Варболою, Гервія и Виронія; былъ ли предоставленъ имъ и Вейкъ — трудно рѣшить. Но это была повидимому только полюбовная сдѣлка рижанъ и ордена съ Лундскимъ архіепископомъ, а на дѣлѣ самъ Вальдемаръ думалъ иначе. Не успѣли еще рижане возвратиться изъ Ревеля, какъ въ Ригу явился нѣкто рыцарь Готшалькъ, посланный Вальдемаромъ принять въ королевскія руки фогтейство въ этомъ городѣ, какъ самую высшую должность того времени въ Ригѣ. Нѣмцы, ливы и летты упорно воспротивились занятію имъ этой должности; и нѣмцы отказали ему даже въ лоцманѣ, когда онъ ѣхалъ изъ Готланда въ Ливонію и обратно [2]). Чтобы упрочить свою независимость и отъ ордена меченосцевъ, граждане Риги и купцы вступили въ Тореидѣ въ переговоры съ леттами и ливами; въ чемъ они состояли, объ этомъ Генрихъ умалчиваетъ. Онъ говоритъ только, что они составили заговоръ какъ противъ короля Даніи, такъ и противъ всѣхъ своихъ противниковъ (cunctos sibi adversantes). Заговоръ ихъ однако разстроился, когда нѣкоторые ливскіе старшины были захвачены рыцарями и заключены въ оковахъ въ замкѣ Зигевальдѣ [3]).

Осенью 1221 года въ ходъ лифляндскихъ дѣлъ, уже сильно спутанныхъ, опять вмѣшиваются русскіе; но это ихъ вмѣшательство, не будучи проникнуто опредѣленными цѣлями, требующими настойчиваго осуществленія, какъ и прежнія, ничуть не измѣняетъ хода событій, а только на время отвлекаетъ нѣмцевъ отъ упорнаго преслѣдованія своихъ цѣлей. Русскіе подъ предводительствомъ Новгородскаго князя Всеволода вторглись въ Лифляндію въ количествѣ 12 тысячъ человѣкъ. Въ землѣ леттовъ они двѣ недѣли ждали литовцевъ, съ которыми вѣроятно вошли въ предварительные переговоры. По соединеніи съ литовцами они подошли къ Вендену, отсюда переправившись чрезъ Койву въ Тореиду; за ними тою же дорогою слѣдовали литовцы, раззоряя все, что было оставлено въ цѣлости русскими. Противъ нихъ изъ Риги выступили ме-

---

[1]) Heinr. XXV, 1, 5.
[2]) Heinr. XXV, 2. [3]) Ibid. XXV, 3.

ченосцы, желая заградить имъ путь въ свои части. Боясь быть окруженными, русскіе съ литовцами отступили, опустошая на пути Имеру, Угаунію и другія области. Литовцы цѣлый мѣсяцъ находились во Псковѣ, ожидая безопаснаго времени для возвращенія домой. Но не смотря на всю свою осторожность, они все таки были побиты рыцарями на обратномъ пути. Въ возмездіе русскимъ нѣмцы съ своей стороны въ союзѣ съ ливами и леттами, а также съ сакаланцами и угаунійцами сдѣлали набѣгъ на Новгородскую землю и подвергли ее опустошенію [1]). Что русскіе князья вмѣшивались въ дѣла Лифляндіи по большей части безъ плана и опредѣленныхъ цѣлей, причиною этого были ихъ собственные внутреннія дѣла, требовавшія болѣе настоятельнаго рѣшенія, чѣмъ дѣла Лифляндскія. Неудивительно поэтому, если мы въ самые критическіе моменты хода событій въ Лифляндіи видимъ русскихъ на заднемъ планѣ, такъ напр. въ началѣ 1222 года, когда политическому существованію Россіи грозило нашествіе татаръ, полоцкій, смоленскій и другіе русскіе князья прислали пословъ въ Ригу просить мира, что и было исполнено [2]).

Въ тоже время вѣроятно въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ 1222 года [3]), датскій король, неуклонно шедшій къ своей цѣли, привелъ въ исполненіе свой планъ овладѣть эзельцами которые грозили его колоніи на сѣверѣ Эстоніи. Высадившись на Эзелѣ съ большимъ войскомъ въ сопровожденіи графа Альберта, онъ началъ строить каменный замокъ. Эзельцы, желавшіе предупредить его постройку и съ этою цѣлію напавшіе на датчанъ, были разбиты. Но такъ какъ обладаніе Эзелемъ давало королю большую возможность овладѣть всею Лифляндіею, то еп. Альбертъ отправился къ нему во главѣ нѣмецкаго посольства для переговоровъ относительно обладанія Ливоніей. Въ результатѣ переговоровъ оказалось, что король согласился передать Ливонію епископу, но Сакалу и Угаунію предоставилъ братьямъ рыцарства со свѣтскими правами, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы епископъ и братья рыцарства оказывали ему вѣчную вѣрность и не отказывали въ своей помощи какъ противъ русскихъ, такъ и противъ язычниковъ. Затѣмъ попросивъ Теодориха, брата Альберта и другихъ рыцарей

[1]) Heinr. XXV, 3—5. [2]) Ibid. XXVI, 1.
[3]) См. Usinger l. c. p. 210.

остаться вмѣстѣ съ датчанами въ построенномъ замкѣ, король возвратился домой [1]). Отъѣздъ короля послужилъ сигналомъ возстанія противъ владычества датчанъ. Эзельцы осадили вновь построенный замокъ и послали къ материковымъ эстамъ за помощью, а нѣкоторые были отправлены въ Варболу для разсмотрѣнія каменнометной машины, подаренной королемъ датскимъ варбольцамъ, чтобы затѣмъ, возвратившись домой, устроить и у себя такія же машины. И дѣйствительно, возвратившись домой, они устроили по датскому образцу 17 машинъ, и принудили, дѣйствуя, ими гарнизонъ сдаться. Въ качествѣ заложниковъ они оставили у себя семь датчанъ и Теодориха, остальные получили позволеніе возвратиться въ Ревель къ своимъ. Замокъ былъ такъ снесенъ, что не осталось камня на камнѣ. Слухъ о такой удачѣ эзельцевъ былъ сигналомъ для возстанія всѣхъ материковыхъ эстовъ, тѣмъ болѣе что послы эзельскіе разъѣзжали по Эстоніи, возбуждая эстовъ къ возстанію и научая ихъ дѣлать каменнометныя машины и другія воинскія орудія. Эсты изъ Эзеля, Війка и Гарріи собрались въ Варбольскомъ замкѣ, убили здѣсь нѣкоторыхъ датчанъ и ихъ священниковъ и отправили пословъ въ Гервію и Виронію съ предложеніемъ присоединиться къ нимъ; вирляндцы и гервенцы на первыхъ порахъ довольствовались тѣмъ, что невредимо выслали изъ страны своихъ священниковъ. Сакаланцы обошлись со своими господами довольно жестоко. Умертвивъ сперва въ странѣ нѣсколькихъ рыцарей, они 29 января 1223 года пришли въ Феллинъ, гдѣ прежде всего лишился жизни судья Мавритій, а потомъ и другіе, вышедшіе изъ церкви во время богослуженія. Нѣкоторые изъ нихъ отправились въ другой замокъ при Палѣ и сдѣлали тамъ тоже самое, убивъ на пути предварительно своего священника съ другими. Послѣ этого сакаланцы отправились въ Гервію, гдѣ на огнѣ изжарили сердце судьи Хебба, послѣ чего раздѣливъ его между собою, съѣли его, чтобы сдѣлаться сильнѣе противъ христіанъ; тѣла другихъ убитыхъ были брошены на съѣденіе псамъ и птицамъ. Въ этотъ же день феллинскіе старшины, отправили пословъ въ Оденпэ и Тарбату поднять и здѣсь эстовъ. Тарбатцамъ были посланы омоченные въ крови нѣмцевъ мечи, ихъ кони и

[1]) Heinr. XXVI, 2.

одежды въ знакъ дѣйствительно совершившагося. Тарбатцы первымъ дѣломъ убили своего судью Іоанна съ его слугами и нѣкоторыхъ купцовъ заключили въ оковы, а орденскаго священника Гартвига посадили на жирнаго быка, ибо онъ самъ былъ толстъ и, выведши его изъ замка, они разузнавали посредствомъ жребія волю своихъ боговъ, котораго изъ нихъ — священника или быка принести въ жертву. Жребій палъ на быка и онъ немедленно же былъ принесенъ въ жертву. Священникъ отдѣлался только нѣкоторыми ранами.

Сознавая слабость собственныхъ силъ, эсты призвали къ себѣ на помощь русскихъ изъ Новгорода и Пскова, распредѣлили ихъ по своимъ замкамъ особенно въ Тарбатѣ и Феллинѣ и подѣлились съ ними деньгами, имуществомъ и лошадями, отнятыми у нѣмцевъ. Затѣмъ они принялись за укрѣпленіе своихъ замковъ, снабдили ихъ каменно-метными машинами, которыми учились дѣйствовать. Кромѣ того они снова приняли къ себѣ женъ своихъ, оставленныхъ при принятіи христіанства, выкапывали тѣла своихъ умершихъ, погребенныя на кладбищахъ и сожигали ихъ по прежнему языческому обычаю, и, омывая себя, свои дома и замки водою и вѣниками, они такимъ образомъ старались совершенно уничтожить таинство крещенія во всѣхъ своихъ предѣлахъ".

Въ томъ же году сакаланцы послали пословъ въ Ригу съ извѣщеніемъ, что они не прочь возобновить съ рижанами миръ, но что никогда впредь не согласятся принять христіанской вѣры, пока у нихъ останутся въ странѣ однолѣтніе или въ аршинъ ростомъ мальчики. Кромѣ того они потребовали возвращенія своихъ заложниковъ, предлагая за каждаго заложника по одному меченосцу и купцу, которыхъ они держали у себя въ оковахъ, что и было исполнено. Распорядившись съ нѣмцами и датчанами внутри страны, эсты расширили область своихъ дѣйствій. Датчане были осаждены въ Ревелѣ всѣми эстами сѣверной Эстоніи и острова Эзеля, но безуспѣшно. На югѣ возобновились постоянные набѣги леттовъ и ливовъ другъ на друга. Да и нѣмцы не дремали. Сакала и Нурмегундъ подверглись отъ нихъ кровавому опустошенію, ибо чувство мести, говоритъ Генрихъ, было сильно возбуждено [1]). Наконецъ нѣмцы

[1]) Heinr. XXVI, 3—13; XXVII, 1.

напрягли всѣ свои силы, собрали все войско, сколько могли и 1 августа того же 1223 года осадили замокъ Феллинъ. 16 августа замокъ сдался; эстамъ была дарована жизнь, а русскіе всѣ безъ исключенія были перевѣшаны передъ замкомъ. За нимъ палъ и другой замокъ при Палѣ. Защитники лишились всего кромѣ жизни.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи сакаланскіе старшины отправились даже въ Суздаль къ князю Георгію съ деньгами и множествомъ подарковъ просить помощи противъ нѣмцевъ. Суздальскій князь Георгій соединился со своимъ братомъ Ярославомъ, княжившимъ тогда въ Новгородѣ, и съ псковскимъ княземъ [1]); такимъ образомъ составилось почти 20 тысячное войско. Когда это войско вошло въ Угаунію недалеко отъ Тарбаты, то тарбатцы послали князьямъ множество даровъ и передали имъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, содержавшихся у нихъ въ оковахъ. Въ Тарбатѣ и Оденпэ былъ оставленъ гарнизонъ. Присоединивъ къ себѣ угаунцевъ, русскіе двинулись въ Ливонію къ Пудизѣ. Здѣсь пристали къ нимъ эзельцы и посовѣтовали повернуть войско къ Ревелю противъ датчанъ, потому что по ихъ утвержденію побѣдивъ датчанъ, легко будетъ справиться съ ливонскими нѣмцами. На пути къ Ревелю къ нимъ присоединились гервенцы, вирляндцы съ эзельцами. Послѣ четырехъ недѣльной осады Линданиссы русскіе, вѣроятно склоненные деньгами [2]), безъ успѣха воротились домой. Между тѣмъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ) засѣлъ по порученію новгородцевъ смертельный врагъ нѣмцевъ прежній кукенойскій князь Вячко съ 200 русскихъ, которому новгородцы предоставили власть (dominium) въ Юрьевѣ и другихъ провинціяхъ, которыя онъ покоритъ себѣ. Эсты приняли его съ радостію и заплатили ему дань съ окрестныхъ провинцій; но Вайга, Виронія, Гервія и Сакала, отказавшіяся платить ему дань, были опустошены. Теперь усилія нѣмцевъ были направлены противъ Юрьева. Но чтобы обезопасить себѣ тылъ, они прежде овладѣли послѣ двухъ недѣльной осады замкомъ Лоне въ Гарріи, а затѣмъ имъ предались и другіе три меньшіе замка въ той же области, равнымъ образомъ и гервенцы и вирляндцы должны были просить у нихъ мира и дать залож-

---

[1]) Bonnell, Chronog. p. 41.

[2]) П. С. Р. Л. т. IV, Пск. 1 Л. г. 6731.

никовъ. Послѣ 14 апрѣля 1224 года попробовали взять Дерптъ меченосцы, но послѣ пятидневной осады должны были возвратиться въ Ливонію, ограбивъ окрестную землю, какъ это обыкновенно дѣлалось. Но когда Альбертъ съ братомъ Германомъ возвратились изъ Германіи со множествомъ новыхъ пилигримовъ, то судьба Юрьева была уже рѣшена. Дѣло въ томъ, что 7 мая 1223 года въ исторіи введенія христіанства въ Лифляндіи совершилось великое событіе — взятіе датскаго короля Вольдемара въ плѣнъ графомъ Шверинскимъ и отведеніе его въ Саксонію въ замокъ Данненбергъ. Съ нимъ пало и могущество датчанъ въ Эстоніи, а соотвѣтственно этому увеличилось могущество нѣмцевъ [1]). Къ плѣнному королю отправился Альбертъ съ братомъ Германомъ просить разрѣшенія отъѣзда въ Лифляндію и получилъ на это согласіе. Когда такимъ образомъ нѣмцамъ были развязаны руки плѣномъ своего могущественнаго противника, они приступили по возвращеніи Альберта въ Ливоніи весною 1224 года, къ болѣе точному раздѣлу Эстоніи. Епископъ Германъ получилъ Сакалу и Угаунію; впрочемъ первую область онъ отдалъ ордену на ленныхъ правахъ. Провинція Війкъ (maritima) съ 7 килагундами досталась Альберту въ качествѣ третьей части Эстоніи [2]). Что же касается Гервіи и Вироніи, то въ нихъ господствовалъ орденъ; такъ какъ теперь относительно ихъ не было сдѣлано никакихъ узаконеній, то они вѣроятно и остались за орденомъ. Послѣ того Альбертъ уже прямо отправилъ къ Вячко пословъ съ требованіемъ удалиться въ Россію, тотъ не послушался. Тогда нѣмцы собрали всѣ свои и туземныя силы и двинулись къ Дерпту, самому крѣпкому изъ всѣхъ замковъ Эстоніи. 15 августа началась осада. Когда большая часть вала пала, то къ Вячко послали съ требованіемъ оставить замокъ со всѣми своими воинами и имуществомъ. Вячко надѣялся на выручку новгородцевъ и снова отказался исполнить требованіе. И не было никакого отдыха, говоритъ Генрихъ, для уставшихъ, ибо днемъ они сражались, а ночью устраивали игры и кричали. Ливы и летты сопровождали удары о щиты оглушительнымъ крикомъ, нѣмцы били въ литавры и играли въ свистки и другіе музыкальные инструменты, русскіе, играя

---

[1]) Usinger, p. 297 и Hausmann l. c. p. 56—58.
[2]) U. B. № 61—63; ср. Heinr. XXVIII, 2.

на своихъ инструментахъ и издавая крики, также всѣ ночи проводили безъ сна. Наконецъ нѣмцы рѣшили взять замокъ штурмомъ. Отслуживъ торжественную обѣдню, они рано утромъ начали бой, но „часъ возмездія Господня еще не наступилъ“. Эсты разложили въ замкѣ большой огонь, сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатывали черезъ него колеса, наполненныя огнемъ, направляя ихъ на близко сооруженную нѣмцами башню и подбрасывали большія кучи дровъ. По взятіи замка всѣ защитники его около тысячи эстовъ и двухъ сотъ русскихъ вмѣстѣ съ Вячко были перебиты; остался только живъ одинъ, вассалъ великаго князя суздальскаго. Посадивъ его на хорошаго коня, нѣмцы отправили его въ Новгородъ и Суздаль извѣстить о случившемся. Новгородцы въ Псковѣ узнали о паденіи Юрьева и повернули назадъ. Нѣмцы же праздновали взятіе Тарбаты торжественными играми на музыкальныхъ инструментахъ.

Потеря своей послѣдней твердыни лишила эстовъ всякой опоры и надежды на свободу. Зная, какъ дорого обошлась защита этой твердыни и опасаясь того же съ собою, эсты со всѣхъ концовъ отправили пословъ въ Ригу съ подарками и данію. Эзельцы освободили изъ плѣна Теодориха, війкцы доставили въ Ригу двойную дань, Варбольцы отправили подарки и подать. вирляндцы и гервенцы пришли съ изъявленіемъ покорности и поднесли господамъ своимъ коней и другіе дары [1]). Тоже сдѣлали и эзельцы, земигалы, куроны и литовцы; со всѣми ими былъ заключенъ миръ [2]). Послѣ этого нѣмцы сдѣлались полными господами Угауніи и Сакалы и укрѣпили въ нихъ Оденпэ и Феллинъ. Вайга была раздѣлена на двѣ половины, одна половина досталась епископу Герману, а другая вмѣстѣ съ Сакалою, Нуренсгундомъ и Мохою перешла къ ордену. Къ радости нѣмцевъ и русскіе изъ Новгорода и Пскова послали въ Ригу пословъ для заключенія мира, по которому русскіе должны были получить дань съ Толовской земли, какую всегда прежде получали. А летты толовскіе были раздѣлены Альбертомъ такъ, что двѣ части достались ему, а одна-ордену [3]). Послѣ этого въ 1225 году успокоилась вся земля и страхъ

---

[1]) Heinr. XXVIII, 3—7. [2]) Ibid. XXIX, 1.
[3]) Ibid. XXVIII, 9.

предъ рижанами и нѣмцами напалъ на всѣ сосѣднія земли и и на всѣ народы окрестные. „И вышли эсты изъ замковъ своихъ, возстановляя сожженные дома и церкви, равно какъ ливы и летты — изъ убѣжищъ своихъ лѣсныхъ, въ которыхъ они скрывались уже много лѣтъ во время войнъ, и возвратился каждый въ свою деревню и къ своимъ полямъ и пахали и сѣяли въ полной безопасности, какой они не имѣли сорокъ лѣтъ назадъ. Нынѣ же они успокоились, веселясь на поляхъ своихъ, при работѣ своей, и не было такого, кто бы устрашалъ ихъ и познавая точнѣе вѣру христіанскую, они исповѣдали Іисуса Христа Сына Божія“ [1]).

Когда такимъ образомъ вся Ливонія и почти вся Эстонія безповоротно покорились нѣмцамъ, то для обозрѣнія и организаціи новоучрежденной церкви въ Лифляндіи папа Гонорій III назначилъ 31 декабря 1224 года [2]) Вильгельма бывшаго епископа моденскаго, своимъ легатомъ въ Лифляндію. Гильдебрандъ [3]) не безъ основанія полагаетъ, что одною изъ главныхъ цѣлей посѣщенія Вильгельмомъ Лифляндіи служилъ планъ папы учредить здѣсь митрополію, но что при восшествіи на римскій престолъ Григорія IX, неблагосклонно относившагося къ Лифляндіи, осуществленіе этой мысли было отодвинуто на значительное время. Альбертъ послалъ въ Римъ своего священника Мавритія, который привелъ въ Ригу Вильгельма. Разузнавъ насколько могъ дѣла лифляндскія, онъ тотчасъ отправилъ пословъ къ папѣ съ извѣщеніемъ о нихъ. Предпринимая обозрѣніе покоренныхъ земель, онъ „созвалъ находившихся въ Ригѣ ливовъ и леттовъ, преподалъ имъ слово Божіе и съ радостію раздавалъ много индульгенцій“. Затѣмъ онъ съ многочисленною свитою, въ которой находился и самъ Альбертъ, выступилъ изъ Риги въ Ливонію, служа тамъ миссы и проповѣдуя слово Божіе. Въ Угаунии онъ увѣщевалъ эстовъ и нѣмцевъ жить въ мирѣ и напоминалъ послѣднимъ, чтобы они не отягощали эстовъ и не налагали на нихъ невыноси-

---

[1]) Ibid. XXIX, 1. [2] U. B. № 69.

[3]) l. c. p. 139—140. Онъ основывается при этомъ на слѣдующемъ извѣстіи Райнальда (Annal. Eccless. t. XIII a 1225 p. 317), который говоритъ, что въ Лифляндіи такъ процвѣтала христіанская религія—ut Pontifex de nova ibi metropolitana sede instituenda cogitavit perque litteras egerit cum Guillelmo... quem, id praestare jussit, quod in sacram rem utilius viteretur seque de tota re faciet certiorem.

маго бремени, но всегда поучали ихъ таинствамъ вѣры. Въ Сакалѣ онъ наставлялъ новообращенныхъ благочестивымъ поученіемъ не отступать отъ вѣры и увѣщевалъ нѣмцевъ не обижать ихъ. Въ Феллинѣ къ нему явились послы датчанъ изъ Ревеля и послы эстовъ изъ Війка; послѣдніе предлагали ему свои земли, только бы онъ защитилъ війкцевъ отъ насилій датчанъ и эзельцевъ. Отсюда онъ повернулъ назадъ въ землю леттовъ и проповѣдывалъ при многочисленномъ стеченіи леттовъ въ Трикатуѣ и Венденѣ, и ливовъ въ Зигевальдѣ. Леттамъ онъ часто напоминалъ о страданіяхъ Христа и хвалилъ ихъ за добровольное принятіе христіанства и помощь, оказанную ими нѣмцамъ при его распространеніи между язычниками. Повсюду онъ увѣщевалъ нѣмцевъ учить новообращенныхъ и не отклонять ихъ отъ вѣры тяжестію поборовъ. Когда онъ возвратился въ Ригу, то къ нему явились послы отъ нѣмцевъ, ливовъ и леттовъ, прося у него разрѣшенія многихъ спорныхъ дѣлъ, что онъ и исполнялъ. Сюда же пришли русскіе послы изъ Новгорода для утвержденія заключеннаго съ нѣмцами мира. Онъ сдѣлалъ попытку обратить добровольно земигаловъ въ христіанство; съ этою цѣлію пригласилъ въ Ригу Вестерса Земигальскаго князя, но тотъ далъ только обѣщаніе принять христіанство въ будущемъ и позволеніе легатскому проповѣднику явиться въ Земигалію.

Кромѣ того въ Ригу явились послы отъ ревельскихъ епископовъ, герсикскій князь Всеволодъ, послы отъ эзельцевъ и війкцевъ, которые просили обезпечить себя отъ нападеній датчанъ и обѣщались принять христіанство. Онъ обѣщалъ имъ всякую свободу и отправилъ пословъ къ датчанамъ и эзельцамъ, требуя отъ тѣхъ и другихъ повиновенія себѣ. Послѣ этого легатъ предпринялъ обозрѣніе придвинскихъ ливовъ и леттовъ, былъ въ Гольмѣ, гдѣ служилъ миссу, въ Икскюлѣ, гдѣ праздновалъ память первыхъ епископовъ, въ Леневардекѣ, Амераденѣ, Кукенойсѣ. Здѣсь повсюду онъ увѣщевалъ нѣмцевъ не обременять слишкомъ новокрещенныхъ, но научать ихъ христіанскимъ обычаямъ и отвращать отъ языческихъ обрядовъ [1]).

Между тѣмъ осенью 1225 года вирляндскіе старшины по-

[1]) Heinr. XXIX, 2—5.

звали Оденпэскихъ нѣмцевъ занять ихъ провинцію и крѣпости, что нѣмцы съ радостію исполнили, прогнавъ изъ страны датчанъ. Легатъ папскій однако принудилъ какъ нѣмцевъ, захватившихъ датскія владѣнія, такъ и датчанъ, подъ угрозой отлученія, предоставить Виронію и другія спорныя страны покровительству папы. Датчане не осмѣлились противорѣчить требованію легата и потому обѣщали слушаться римской куріи и передали Виронію, Гервію, Гаррію, Війкъ въ даръ папѣ. Послѣ этого легатъ отправилъ въ Виронію своихъ священниковъ, устранивъ нѣмцевъ и датчанъ [1]). Въ январѣ 1226 года легатъ предпринялъ второй объѣздъ Эстоніи еще съ большею свитою, чѣмъ въ первый разъ. Прошедши Ливонію, Летонію и Сакалу, онъ вступилъ въ Гервію. Здѣсь въ деревнѣ Каретенѣ встрѣтили его всѣ гервенцы и онъ проповѣдывалъ имъ слово Божіе. Въ Вироніи при замкахъ Агелинде и Тарванпэ онъ также останавливался для проповѣди стекавшемуся народу. Здѣсь былъ между прочимъ заключенъ миръ съ одной стороны между нѣмцами и датчанами, съ другой—между эстами всѣхъ провинцій. Въ землѣ старшины Табеллина къ нему собрались всѣ старшины Вироніи; преподавъ имъ христіанское ученіе, онъ поставилъ изъ нихъ старшинъ и судей для всѣхъ ихъ провинцій. Потомъ повернулъ назадъ въ Тарванпэ и отсюда двинулся въ Ревель, гдѣ, подвергнувъ датчанъ отлученію, принудилъ ихъ выдать себѣ вирляндскихъ заложниковъ, которыхъ легатъ отослалъ ихъ родителямъ въ Виронію. Но Гаррія, не смотря на просьбу варбольцевъ, должна была остаться за датчанами. Війкъ, Виронія и Гервія остались подъ властію папы. Послѣ этого онъ отправилъ своихъ священниковъ Петра Кайкевальди и можетъ быть Генриха, нашего хроникера, въ Війкъ окрестить не принявшихъ еще крещенія [2]). 15 марта 1226 года мы встрѣчаемъ легата уже въ Ригѣ, гдѣ тогда въ соборной церкви Дѣвы Маріи былъ составленъ торжественный соборъ изъ епископовъ, священниковъ, клириковъ, братьевъ рыцарства съ вассалами церкви и рижскими гражданами по поводу постановленій Иннокентія III для оживленія ихъ въ памяти и дополненія новыми соотвѣтствующими потребностямъ церкви [3]).

---

[1]) Heinr. XXIX, 6; ср. U. B. № 88. 117.

[2]) Heinr. XXIX, 7.

[3]) Ibid. XXIX, 8; ср. Slrehlue въ Ss. rer. Pruss. t. II, p. 121—122. Этотъ

Судя по оставшимся отъ Вильгельма многочисленнымъ актамъ [1]), дѣятельность его по организаціи внутренней и улаженіи дѣлъ, возникшихъ на почвѣ Лифляндіи, была весьма обширна и плодотворна. Ему пришлось имѣть дѣло съ еще не вполнѣ установившимися отношеніями между различными властями въ странѣ; задача примирительная и посредническая, которую онъ преслѣдовалъ, была въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе трудная, что правовыя формы вновь возникающей общественной жизни не были еще выработаны; отсюда понятно, что духовенство и орденъ меченосцевъ нерѣдко проводили значительную часть дня въ спорахъ, не достигши прочнаго результата, какъ это напр. случилось при разсужденіяхъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель [2]). Обладая замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ и политическимъ тактомъ, Вильгельмъ съ успѣхомъ съумѣлъ выпутаться изъ трудностей своего положенія. Преслѣдуя aequitatem potius quam justitiae rigorem [3]), онъ является въ роли истиннаго посредника; лишая одну сторону нѣкоторыхъ правъ или преимуществъ, онъ вознаграждаетъ ее соотвѣтственно въ другомъ отношеніи или наоборотъ.

Не успѣлъ Вильгельмъ еще выѣхать изъ предѣловъ Лифляндіи [4]), какъ снова произошли столкновенія между нѣмцами и датчанами, которые не могли не негодовать на потерю Вироніи, Гервіи и Роталіи. Во время его пребыванія въ Динаминдѣ Іоаннъ Даленскій, рыцарь, жившій въ Оденпэ и полу-

---

соборъ для исторіи Лифляндіи не имѣлъ важнаго значенія. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ собору, созванному Оттономъ еп. Генуезскимъ въ апрѣлѣ 1216 г., на которомъ клиру и мірянамъ были объявлены опредѣленія Латеранскаго собора (см. Winkelmann, Kaiser Friedrich II, Reval 1862, p. 106). И на рижскомъ соборѣ по всей вѣроятности были прочитаны постановленія Латеранскаго собора 1215 г., касавшіяся крестовыхъ походовъ, Альбигойской ереси, улучшенія нравовъ духовенства, принятія мірянами св. Таинъ по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ, грековъ перекрещивающихъ латинянъ и преданныхъ за это анаѳемѣ и др. частностей церковной дисциплины (Raynaldi Annal. Eccles. t. XIII, ad a. 1215). Къ сожалѣнію, акты рижскаго собора еще неизвѣстны, и у насъ нѣтъ возможности судить о дополненіяхъ, сдѣланныхъ на немъ къ постановленіямъ Иннокентія III примѣнительно къ положенію Лифляндской церкви.

[1]) Regest. въ SS. rer. Pruss. t. II, p. 100—134.

[2]) U. B. № 83.

[3]) U. B. № 88.

[4]) По актамъ извѣстно, что онъ находился въ Динаминдѣ съ 28 апрѣля до 23 мая и только 6 іюля мы находимъ его въ Висби.

чившій отъ еп. Германа въ ленъ Килагунду [1]), вторгся въ Виронію и завладѣлъ однимъ замкомъ. Легатъ лишилъ его за это ленныхъ владѣній, находившихся около Риги, и передалъ ихъ рижскимъ гражданамъ [2]). Вѣроятно послѣ этого и датчане вторглись въ папскія владѣнія, и капелланъ Вильгельма Іоаннъ, управлявшій ими во имя папы, началъ съ ними войну. Услышавъ это, Вильгельмъ послалъ ему на помощь противъ датчанъ и эзельцевъ множество нѣмцевъ, которые однако лучше предпочли заключить съ первыми миръ, чтобы обратиться на послѣднихъ, тѣмъ болѣе что самъ легатъ, находясь на Готландѣ и видя эзельскихъ пиратовъ возвращающимися изъ Швеціи съ великою добычею, проповѣдывалъ противъ нихъ крестовый походъ. Готы и датчане отказались и только нѣмецкіе купцы послѣдовали его зову; за это папа взялъ городъ Висба подъ свое особое покровительство [3]).

Въ январѣ 1227 года рижане собрали войско, которое 20 января двинулось во главѣ съ Альбертомъ и магистромъ Волквиномъ по берегу рижскаго залива на сѣверъ къ рѣкѣ Пернавѣ; къ нимъ присоединились и ливы, и летты и эсты, и такимъ образомъ составилось 20 тысячное войско, которое по льду переправилось на Эзель, чтобы „лишить эзельцевъ свободы“ [4]). Когда войско это, раздѣленное на отряды каждый со своими знаменами, на лошадяхъ и саняхъ вступило на морской ледъ, то отъ бряцанья оружія и скрипа саней, движенія и крика людей, ржанія коней, которые то тамъ то сямъ падали на льду и снова подымались, произошелъ шумъ какъ бы отъ великаго грома; ледъ былъ гладокъ какъ стекло, ибо предъ тѣмъ при южномъ вѣтрѣ шелъ дождь, покрывшій ледъ водою, а затѣмъ наступилъ морозъ. Прежде всего послѣ шестидневной осады былъ взятъ замокъ Моне, устроенный изъ большихъ бревенъ. Въ пылу сраженія осажденные взывали къ своему богу Тарѣ, а осаждающіе къ Іисусу. Защитники замка были всѣ перебиты. Затѣмъ былъ осажденъ замокъ Вальдіа посреди Эзеля, признававшійся самымъ укрѣпленнымъ изъ всѣхъ эзельскихъ замковъ. Но не смотря на это, и онъ

---

[1]) Heinr. XXVIII, 8. [2]) U. B. № 88 (22 мая 1226 г). [3]) Ibid. № 94 (27 янв. 1227 г.).

[4]) Reimch. v. 1632.

былъ взятъ. Эзельцы покорились и были крещены, сперва старшіе и знатнѣйшіе, а потомъ и другіе. По миру эзельцы обязались освободить шведскихъ плѣнныхъ и принять въ замки священниковъ. Въ залогъ мира они вынуждены были дать заложниковъ [1]).

Къ довершенію могущества нѣмцевъ и упроченія ихъ положенія въ Лифляндіи, намѣстникъ папскій магистръ Іоаннъ, не будучи въ состояніи противустоять претензіямъ датчанъ на Виронію, Гервію и Війкъ, передалъ эти области епископамъ рижскому и леальскому, ордену и городу Ригѣ такимъ же образомъ, какъ онѣ были получены имъ отъ легата Вильгельма, съ сохраненіемъ за папою извѣстныхъ юрисдиціонныхъ правъ надъ ними [2]). Далѣе бюргеры Любека заключили съ лифляндскими нѣмцами оборонительный и наступательный союзъ противъ датчанъ, къ которому примкнули и эзельцы, благосклонно принявшіе письмо [3]).

Не малую опору орденъ и епископъ рижскій нашли теперь и въ пилигримахъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ пилигримы являлись въ Лифляндію только на годъ сражаться съ язычниками, по истеченіи котораго они снова возвращались на родину. Чтобы извлечь изъ ихъ пребыванія въ Лифляндіи большую выгоду, нѣмцы выпросили себѣ у легата Вильгельма 11 апрѣля 1226 года [4]) право выбирать изъ числа пилигримовъ нѣкоторыхъ для защиты своихъ замковъ и другихъ цѣлей, при томъ такъ, что въ продолженіи первыхъ десяти дней епископъ рижскій имѣлъ привиллегію брать въ услуженіе себѣ десять пилигримовъ. Орденъ съ своей стороны выхлопоталъ у папы 27 ноября 1227 года неограниченное право удерживать при себѣ пилигримовъ, добровольно желающихъ остаться въ странѣ для защиты замковъ и другихъ цѣлей, пока они сами не захотятъ возвратиться ва родину [5]).

---

[1]) Heinr. XXX, 3—5.

[2]) U. B. № 117, ср. Hausmann l. c. p. 73—74.

[3]) Ibid. № 98; ср. Hausmann l. c. p. 75. 77.

[4]) Ibid. № 83.

[5]) Ibid. № 91. Сплотившись мало по малу въ самостоятельную корпорацію, пилигримы образовали изъ себя значительную силу, оказавшую великія услуги утвержденію нѣмецкаго господства въ Лифляндіи. Епископъ далъ имъ права товарищества, между прочимъ право самостоятельнаго выбора своего главы, снабженнаго военными и судебными правами. Существованіе ихъ какъ корпо-

Ордену теперь легко было захватить отъ датчанъ Гервію и Виронію, гдѣ были разрушены имъ замки Агелинде и Гольденборстъ. Побужденный упомянутымъ выше магистромъ Іоанномъ, намѣстникомъ папы [1]), орденъ сдѣлалъ еще послѣдній шагъ, именно осадилъ Ревель, послѣднее убѣжище датчанъ и взялъ его [2]). Датскіе епископы Весцелинъ и Острадъ были изгнаны, ибо орденъ захватилъ въ свои руки и свѣтскія и духовныя права [3]). Такимъ образомъ лѣтомъ 1227 года вся Эстонія попала въ руки ордена. Ревель, Гервія, Гаррія и Виронія были признаны за ними формально 4 іюля 1228 года со всѣми правами, какъ вѣчное ленное владѣніе императоромъ Генрихомъ VII [4]). Попытка ордена получить санкцію совершившагося и отъ папы пока не удалась [5]).

Теперь нѣмцы могли свободно приступить къ покоренію остальной части Лифляндіи, Земгаліи и Куроніи. Скоро представился къ этому и поводъ. 18 августа 1228 года куроны и земигалы овладѣли монастыремъ Динаминдомъ и перебили почти всѣхъ монаховъ [6]). Вслѣдствіе этого магистръ Вольквинъ предпринялъ походъ противъ земигаловъ и разбилъ ихъ подъ предводительствомъ Вестерса [7]). Въ 1230 году 28 декабря папскій легатъ Бальдуинъ Альпнскій заключилъ съ частію куронъ, договоръ, по которому они обязались принять христіанство и нести тѣже повинности, какія несли жители Готланда [8]). По

раціи можно указать до 1232 года (см. Vinkelmann, въ Mittheil, XI, 340 Heinr. XXVIII, 5). Благодаря усиленію бюргерства, она могла быть отодвинута на задній планъ, но что однако она не изчезла послѣ совершенія покоренія страны и не потеряла своихъ товарищескихъ правъ, за это говорятъ очень рѣшительныя свидѣтельства; такъ она существовала еще около 1293 года. Въ концѣ этого столѣтія она имѣла еще право выбора собственнаго главы, котораго военная власть со временемъ исчезла. По преобразованному рижскому праву пилигримы выбираютъ своего фогта самостоятельно, которому затѣмъ совѣтомъ (Rath) давалась инвеституpa съ привиллегіей судить своихъ подчиненныхъ по рижскому городскому праву. Еще въ 1298 году упоминается фогтъ пилигримовъ и пилигримы между остальными городскими корпораціями (U. B. n. 570: capitaneus peregrinorum, nec non ipsi peregrini). См. Hildebrand, Das Rig. Schuldbuch p. 35—36.

[1]) U. B. № 147. [2]) Ibid. № 145. [3]) Ibid. № 146. [4]) Ibid. № 100. [5]) Ibid. № 99.

[6]) Vartberge въ SS. rer. Pruss. II p. 32 и Dunamunder Kloster-Chronik въ Bunge, Archiv. B. IV p. 271.

[7]) Reimch v. 1690.

[8]) U. B. № 103. Готландцы же были обязаны снабжать священниковъ де-

договору другой части куронъ съ тѣмъ же легатомъ 17 января 1231 года куроны также обязались принять христіанство [1]). Въ томъ же году по договору съ рижскою церковію, орденомъ и городомъ Ригой, куроны были обложены различными повинностями въ пользу нѣмцевъ [2]). Но когда послѣ пораженія нѣмцевъ 22 сентября 1236 года при Саулѣ куроны возстали, истребили все мѣстное духовенство и епископа Энгельберта и впали въ прежнее невѣріе [3]), то нѣмцы приняли другую тактику въ дѣлѣ ихъ покоренія и обращенія, а именно—постройку множества замковъ, изъ которыхъ нѣмцы могли быть всегда готовы нападать на непокорныхъ туземцевъ. Въ апрѣлѣ 1242 года Вильгельмъ разрѣшилъ ордену выбрать на Виндавѣ мѣсто въ окружности двѣ мили, для сооруженія замка, какъ операціоннаго пункта завоеванія [4]), ибо онъ теперь намѣренъ принять „eyn ander modum und wiis“ т. е. другой способъ дѣйствій. Въ этомъ же году магистръ ордена Дитрихъ Гронингенскій покорилъ снова Куронію [5]) и выстроилъ въ ней замокъ Гольдингенъ названный Iesusburg [6]); за тѣмъ вскорѣ былъ завоеванъ замокъ Альботенъ [7]), лежащій южнѣе Гольдингена. Куроны были вынуждены платить дань „ибо — говоритъ авторъ риѳмованной хроники — силою нудятъ твердую скалу растрескаться [8]). Въ это время выступилъ новый врагъ нѣмцевъ, литовскій князь Миндовгъ, который двинулся съ войскомъ къ Альботену, но былъ отбитъ [9]). 7 февраля 1245 года Вильгельмъ по просьбѣ ордена, покорившаго уже значительную часть Куроніи, раздѣлилъ Куронію между орденомъ и епископомъ такъ, что двѣ части ея съ десятиной и со всѣми правами и юрисдикціею получили братья рыцарства, а третья со свѣтскою и духовною юрисдикціею досталась епископу [10]). Въ 1248 году магистръ ордена Андрей Штирскій покорилъ земигаловъ

сятиной сѣна и хлѣба, строить для нихъ новые дома и возобновлять старые (Dipl. Svec. I n. 257 отъ 23 янв. 1230 г.; ср. Sveriges gamla lagar. B. VII. Utg. af Schlyter. Lund. 1852, p. 10—13).

[1]) Ibid. № 104. [2]) Ibid. № 105. [3]) Ibid. n. 181 и Reimchr. v. 1951—2014. [4]) U. B. № 171. 6. [5]) Reimchr. v. 2350. [6]) Ibid. v. 2046. [7]) Ibid. v. 2437; ср. Vertberge, l. c. p. 35.

[8]) Reimchr. v. 2440.

[9]) Ibid. v. 2450—2592. Regesten z. Gesch. Mindowis von Litauen см. въ SS. rer. Pruss. t. II, p. 134—139

[10]) U. B. № 181.

и заставилъ ихъ платить дань [1]). Въ 1251 году нѣмцы пріобрѣли могущественнаго союзника въ лицѣ князя Миндовга, который, какъ увѣряетъ Свегренъ, Кальмейеръ и др., изъ политическихъ видовъ перешелъ въ христіанство, и, къ негодованію язычниковъ, завелъ дружбу съ нѣмцами, въ знакъ чего дѣлалъ ордену богатые подарки, состоящіе изъ юговосточной части Куроніи, всей Зелоніи, Жмудіи, Зудавы и Шаловы и даже обѣщалъ будто, въ случаѣ своего бездѣтства, завѣщать ордену все свое княжество [2]). Орденъ, продолжая свою прежнюю тактику, заложилъ въ 1252 году замокъ Мемель, на мѣстѣ котораго прежде находился Мемелебургъ при стеченіи рѣкъ Мемеля и Данге [3]), постройка его окончилась вѣроятно въ слѣдующемъ году, когда онъ былъ раздѣленъ между епископомъ и орденомъ [4]). Но не смотря на то, что орденъ и епископъ слишкомъ скоро торопились поживиться пріобрѣтенными или долженствующими быть пріобрѣтены землями, производя между собой частый ихъ дѣлежъ, туземцы курляндскіе не падали духомъ.

Въ 1256 году замланцы (Samen) безуспѣшно осаждали замокъ Мемель, но за то въ слѣдующемъ году жмудь (Samayten) поразила нѣмцевъ при Мемелѣ [5]). Въ 1259 году жмудь напала на христіанъ куронъ и тамошнихъ рыцарей; послѣдніе отправили пословъ въ Мемель требовать помощи. Но въ сраженіи при Шоденѣ часть куронъ измѣнила нѣмцамъ и они были разбиты на голову [6]). Въ томъ же году осенью земигалы, замѣчая военную слабость рыцарей, которые не были въ состояніи отомстить замаитамъ, выгнали изъ своей страны судей, приказавъ имъ впредь не возвращаться. Нѣмцы рѣшили по этому поводу построить въ ихъ странѣ замокъ и предпринять съ этою цѣлію на нихъ походъ. Не будучи въ состояніи взять земигальскій замокъ Терветенъ, нѣмцы и ихъ союзники изъ всѣхъ туземцевъ двинулись далѣе внутрь страны и построили замокъ Добенъ, послѣ чего оставивъ здѣсь гар-

[1]) Reimch. v. 3416—3450.

[2]) U. B. nn. 286. 287. 294. 308. 342. Есть основанія думать, что нѣкоторые изъ подарковъ Миндовга не дѣйствительны, а выдуманы орденомъ для оправданія своихъ послѣдующихъ притязаній на нихъ.

[3]) Ibid. nn. 236. 237. 245. [4]) Ibid. nn. 244. 245.

[5]) Reimchr. v. 3729—4525 и SS. rer. Liv. I p. 755—757.

[6]) Ibid. 4629 и SS rer. Liv. p. 757—758.

низонъ, они воротились домой [1]). Въ 1260 году 13 іюля въ исторіи введенія въ Курляндіи христіанства произошло знаменательное событіе. Когда рыцари приготовились къ битвѣ съ вторгнувшимися въ Куронію литовцами при Дурбенѣ, куроны [2]) и эсты отказались сражаться противъ литовцевъ. Слѣдствіемъ этого было то, что рыцари были совершенно разбиты и самъ магистръ Бургардъ былъ убитъ [3]). Послѣ такого пораженія нѣмцевъ не только куроны, но и другіе сосѣдніе народы принявшіе христіанство, отпали отъ него. Не разсчитывая на собственныя силы при нападеніи рыцарей, куроны отправили къ литовцамъ пословъ, призывая ихъ къ себѣ на подмогу и напоминая имъ о своевременномъ удаленіи куронъ съ поля битвы при Дурбенѣ. Литовцы послѣдовали ихъ зову и заняли вмѣстѣ съ куронами замокъ Синтелсъ, Газенпотъ, Меркесъ, Лазенъ и Грубанъ [4]). Меченосцы были вынуждены оставить замки Каршове и Добенъ. Въ виду критическаго положенія ордена папа со слезами на глазахъ проситъ проповѣдывать крестовый походъ противъ отпавшихъ лифляндскихъ язычниковъ [5]), побуждаетъ къ походу Богемскаго короля [6]), требуетъ содѣйствія къ походу отъ всего духовенства и многихъ архіепископовъ Германіи [7]). Въ какомъ печальномъ положеніи находилась Куронія около этого времени, можно судить по акту вицемагистра Георгія [8]), гдѣ онъ приглашаетъ въ страну новыхъ поселенцевъ изъ Любека, предлагаетъ имъ въ обиліи въ ленъ, земли которыя остались пустопорожними вслѣдствіе смерти или бѣгства жителей. Къ величайшему горю ордена во вторую половину 1261 года Миндовгъ, видя безсиліе своего покровителя-ордена, отпалъ отъ христіанства; на это можетъ быть повліялъ его родственникъ Троніатъ, вождь замаитовъ, посланный къ нему во главѣ замаитскихъ пословъ. Схвативъ и отчасти перебивъ христіанъ своего княжества, онъ тотчасъ послалъ къ русскому князю Александру Невскому съ

[1]) Ibid. v. 5239 и слѣд. Wertberge l. c. p. 40.

[2]) По Дусбургу (l. c. p. 97). куроны даже напали на рыцарей съ тылу, такъ что послѣдніе были окружены.

[3]) Reimchr. v. 5583; Wertberge l. c. p. 41.

[4]) Замки эти вѣроятно соотвѣтствуютъ нынѣшнему Синтере въ Бигавеланкѣ, Газенпоту (Asseboten, Asenbutten) въ Бандивѣ, Гробину въ Бигавеланкѣ (SS. rer. Liv. t. I, p. 702. 766. U. B. n. 248).

[5]) U. B. n. 395. [6]) Ibid. n. Reg. 398. [7]) Ibid. n. 356. 357. [8]) Ibid. n. 362.

извѣстіемъ о перемѣнѣ своей политики и заключилъ съ нимъ дружескій союзъ [1]).

Вѣроятно онъ условился вмѣстѣ съ нимъ напасть на Лифляндію и первый двинулся по Вендену, но, не встрѣтивъ здѣсь союзниковъ, повернулъ назадъ и закаялся предпринимать въ будущемъ подобные походы. Тѣмъ временемъ союзное русское войско подступило къ Дерпту и побѣдоносно овладѣло имъ, отступивъ ранѣе, чѣмъ магистръ Вернеръ успѣлъ явиться своимъ на помощь [2]). Все это происходило въ 1262 году. Враги не успѣли нанести послѣдняго пораженія ордену, который, собравшись съ силами, взялъ Синтелисъ послѣ упорной борьбы, сжегъ его и все, что въ немъ находилось, исключая женщинъ и дѣтей ниже 11 лѣтъ, которыя были забраны въ плѣнъ. Палъ также и туземный замокъ Амботенъ [3]). Въ началѣ 1263 года магистромъ Вернеромъ были сожжены въ Куроніи замки Лазенъ, Меркесъ и Грубинъ, и куроны, согласившіеся на миръ, были тогда переселены цѣлыми семействами къ Гольдингену [4]). Въ томъ же году былъ взятъ и сожженъ куронскій замокъ Кретене, а въ слѣдующемъ году—Грезенъ [5]). Въ 1265 году въ то время какъ одни рыцари опустошили Куронію, самъ магистръ Конрадъ потерпѣлъ отъ земигаловъ пораженіе [6]). Тогда Конрадъ принялъ другую тактику; онъ въ 1265 году заложилъ замокъ Митаву (Mytowe) и сталъ опустошать страну земигаловъ, хотя нерѣдко и терпѣлъ пораженія [7]). Въ 1272 году около 21 апрѣля магистръ Вальтеръ Нортекскій покорилъ замокъ Терветенъ въ Земигаліи; въ томъ же году были взяты замки Месотенъ и Раттенъ; послѣ этого земигалы обязались платить дань 6 іюля 1272 года [8]). Затѣмъ 7 октября того же года былъ произведенъ раздѣлъ Земигаліи съ рижскимъ соборнымъ капитуломъ [9]). Въ это время въ Земигаліи выдвигается вождь Намейзесъ, который вѣроятно былъ одинъ изъ тѣхъ старшинъ страны, съ которыми магистръ Вальтеръ велъ переговоры; какъ предводитель въ Терветенѣ

[1]) Reimchr. v. 6334—6460.
[2]) Reimchr v. 6601—6662. [3]) Ibid. v. 5687.
[4]) Ibid. v. 6793; SS. rer. Liv. I p. 766.
[5]) Ibid. v. 6977; 7202; SS. rer. Liv. I p. 767—768.
[6]) Ibid. v. 7297; SS. rer. Liv. I p. 768.
[7]) Ibid. v. 7391; ср. SS. rer. Pruss. t. II p. 41.
[8]) U. B. № 430: Reimch. v. 7995. [9]) U. B. № 432

онъ получилъ отъ рыцарей почести и достоинства, но онъ въ скоромъ времени отпалъ отъ христіанства [1]). Онъ то именно и отнялъ у рыцарей свой замокъ Терветенъ осенью 1279 года, при чемъ земигалы по всей вѣроятности дѣйствовали сообща съ литовцами, ибо послѣ взятія замка часть плѣнныхъ рыцарей была отослана литовцамъ [2]). Въ 1280 году Земигалія была опустошена рыцарями изъ Гольдингена въ союзѣ съ куронами [3]). Въ томъ же году рыцари со своими союзниками ливами и леттами во главѣ съ маршаломъ Гергардомъ были разбиты на голову Намейзесомъ; самъ Гергардъ попалъ въ плѣнъ и былъ отосланъ въ Литву, гдѣ и умеръ [4]). Въ возмездіе за это пораженіе въ слѣдующемъ году рыцари предприняли походъ противъ земигаловъ и осадили замокъ Добленъ; на выручку замка явились литовцы, которые должны были удалиться безъ успѣха, хотя и заставили снять осаду [5]). Въ августѣ мѣсяцѣ того же года рыцари предприняли противъ Земигаліи рѣшительный походъ въ количествѣ 14 тысячъ человѣкъ; при войскѣ были священники и епископы. Замокъ Терветенъ долженъ былъ сдаться и князь земигальскій Намейзесъ заключилъ миръ, по которому земигалы обязались принять христіанство и платить повинности соединенныя съ нимъ [6]). Въ 1286 году магистръ Виллекинъ выстроилъ на высокой горѣ въ Земигаліи замокъ Гейлигенбергъ, защитниками котораго остались 300 рыцарей [7]). Узнавъ о постройкѣ замка, литовцы соединились съ земигалами и рѣшили снести его, но ихъ осада замка осталась безуспѣшною; они отступили и сожгли замокъ Терветенъ [8]). Въ 1287 году земигалы одержали побѣду надъ рыцарями при Ригѣ [9]), затѣмъ опустошили окрестности Икскюля и 27 марта того же года на голову разбили рыцарей, вторгшихся въ Земигалію [10]); рыцари потеряли своего магистра Виллекина и земигалы своего вождя [11]). Въ 1289 году магистръ Куно двинулся въ Земигалію съ 6 тысячнымъ войскомъ, снаб-

---

[1]) Reimch. v. 8659.
[2]) Ibid. v. 8615; SS. r. L. I p. 775. [3]) Ibid. v. 8951; SS. r. L. I p. 775—776.
[4]) Ibid. v. 9193. [5]) Ibid. v. 9454. [6]) Ibid. v. 9507.
[7]) Reimch. v. 9899; SS. rer. Liv. I 778. [8]) Ibid. v. 9961. [9]) Ibid. v. 10201.
[10]) Dünamunder Chronik l. c. p. 271; 271; SS. rer. Pruss. II, 51.
[11]) Reimch. v. 10433.

дилъ замокъ Гейлигенбергъ всѣмъ нужнымъ, но безъ успѣха осаждалъ туземные замки Добленъ и Ракетенъ. Въ томъ же году литовцы, соединившись съ земигалами, составили 7 тысячное войско, съ которымъ и двинулись опустошать Ливонію. Рыцари съ своей стороны предприняли опустошительный и грабительскій набѣгъ на Земигалію. Прежде всего подверглись опустошенію окрестности Доблена, затѣмъ той же участи подверглись и окрестности замка Зидобрена. Жители успѣли укрыться за стѣнами своихъ замковъ [1]). Постоянныя опустошенія и набѣги на страну были признаны теперь рыцарями самымъ вѣрнымъ средствомъ покоренія и поэтому они начали систематически приводить въ исполненіе этотъ планъ. Какъ только туземцы выходили изъ своихъ укрѣпленныхъ замковъ, чтобы выпахать и засѣять свои поля, на нихъ тотчасъ нападали рыцари изъ сосѣднихъ замковъ и уводили лошадь и пахаря, разрушали и сожигали передовыя укрѣпленія (hachelwerc) замковъ, въ которыхъ могло жить множество людей со всѣмъ имуществомъ, и убивали всякаго, не успѣвшаго спастись въ замокъ; равнымъ образомъ, когда къ осени поспѣвали хлѣба, рыцари не только не давали туземцамъ собирать ихъ, но по выраженію лѣтописца истребляли нивы, какъ траву. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этого въ странѣ начались голодные годы, жители обѣднѣли и обнищали. Собравшись на совѣтъ въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ, они рѣшили оставить страну, чтобы только спастись отъ голодной смерти. Замокъ Добленъ былъ сожженъ ими, часть переселилась въ Литву, другая остановилась въ Ракетенѣ; но въ скоромъ времени голодъ вынудилъ ихъ удалиться и отсюда и искать убѣжища въ другой странѣ. По ихъ удаленіи замокъ былъ сожженъ и разрушенъ рыцарями. Оставшіеся въ замкѣ Зидобренѣ должны были также подвергнуться неминуемой голодной смерти, отъ которой они могли бы спастись только двумя способами — или предавшись рыцарямъ, или же оставивъ совсѣмъ страну. Часть рѣшила предаться рыцарямъ безусловно, а другая часть удалилась въ Литву къ своимъ братьямъ. Рыцари сожгли и разрушили замокъ, а лю-

---

[1]) Ibid. v. 10935; SS. rer. Pruss. I, 51—52.

дей, лошадей и вообще все имущество присвоили себѣ и увезли въ Митаву [1]).

Такимъ образомъ волею или неволею земигалы должны были оставить родную страну и переселиться въ чужія земли; всѣ замки кромѣ Гейлигенберга частію были разрушены, частію—сожжены, да и этотъ послѣдній замокъ рыцари порѣшили срыть [2]). Такъ плачевно кончилась исторія покоренія земигаловъ, или вѣрнѣе—истребленіе ихъ и превращеніе ихъ страны въ пустыню, въ которой по мѣстамъ возвышались замки рыцарей—побѣдителей и виднѣлись развалины прежнихъ мѣстообиталищъ туземцевъ, какъ слѣды своеобразной туземной культуры. Голодные, полуголые туземцы, разсказываетъ лѣтописецъ, съ плачевными пѣснями оставляли свои замки—наслѣдіе предковъ, предпочитая лучше лишиться всего, только бы сохранилась личная свобода и религія предковъ, не обѣщавшая, правда, свѣтлаго будущаго, но не соединенная съ тяжелымъ тѣлеснымъ и духовнымъ бременемъ средневѣковаго римскаго католицизма.

До сихъ поръ мы разсматривали борьбу нѣмцевъ съ туземцами на почвѣ Лифляндіи. Борьба эта сначала сосредоточилась на Ливоніи, перешла отсюда на Эстонію и затѣмъ возгорѣлась съ особеннымъ упорствомъ на югѣ въ нынѣшней Курляндіи. Тутъ дѣло шло прежде всего о завоеваніи страны. Но мы упустили изъ виду другой рядъ явленій—это столкновеніе католицизма съ православіемъ, стремленіе перваго искоренить послѣднее. Само собой разумѣется, что группа явленій съ преобладающимъ религіознымъ оттѣнкомъ могла возникнуть только послѣ того какъ Лифляндія по большей части была завоевана нѣмцами; хотя нужно допустить, что уже при завоеваніи Лифляндіи по временамъ происходило столкновеніе католичества съ православіемъ, но тогда характеръ этого столкновенія былъ нѣсколько иной, тогда скорѣе можно сказать — напоръ былъ со стороны православія, а католичество держалось оборонительнаго положенія, притомъ тогда все-таки на первомъ планѣ находились территоріальные интересы. Когда нѣмцы почти исключительно были заняты завоеваніемъ Лифляндіи, то папскія буллы, то побуждавшія вѣрныхъ въ Россіи къ милосты-

[1]) Reimch v. 11305 -11648; SS. rer. Liv. I. 787. [2]) Ibidem.

нямъ въ пользу лифляндскихъ епископовъ [1]) и увѣщавшія всѣхъ русскихъ царей, просившихъ будто бы его легата Вильгельма посѣтить свои страны вслѣдствіе недостатка въ нихъ проповѣдниковъ и просвѣтить ихъ истиннымъ ученіемъ, чтобы не навлечь на себя еще большихъ бѣдъ, ибо — говорится здѣсь — Господь хотя не гнѣвается ежедневно, но потрясаетъ своимъ мечемъ на тѣхъ, которые пренебрегаютъ обращеніемъ, хранить съ ливонскими и эстонскими христіанами прочный миръ и не препятствовать распространенію христіанской вѣры, чтобы не навлечь на себя гнѣва божественнаго и апостольскаго престола, который легко въ любое время можетъ отомстить имъ, но чтобы лучше истиннымъ послушаніемъ снискать себѣ расположеніе того и другаго [2]), то запрещавшія вести торговлю съ русскими, какъ врагами католичества [3]),—не могли, конечно, оказать на католиковъ того дѣйствія, какое они произвели впослѣдствіи, когда съ вѣроисповѣдными интересами соединились и территоріальные интересы. Тѣмъ не менѣе однако эгоистическіе интересы нѣкоторыхъ русскихъ князей давали нѣмцамъ-католикамъ по временамъ нѣкоторый успѣхъ въ ихъ пропагандѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ указать, напр., на псковскаго князя Ярослава Владиміровича, который еще въ 1223 году, опустошая Эстонію, за подкупъ отступилъ отъ Ревеля [4]). Въ виду его продажности псковичи въ 1228 году заключили съ нѣмцами миръ и отказались идти подъ его начальствомъ на Ригу [5]). Зимою 1233 года псковичи покорились Ярославу Всеволодовичу и выгнали изъ Пскова Бориса вмѣстѣ съ его партіей; выгнанные нашли убѣжище у нѣмцевъ въ Оденпэ [6]). Вѣроятно весною того же года партія Бориса вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и нѣмцами завоевала Изборскъ, но псковичи скоро возвратили себѣ городъ, взяли князя и нѣмцевъ въ плѣнъ и выдали ихъ

---

[1]) U. B. n. 66. Булла папы Гонорія III отъ 16 ноября 1224 г.

[2]) U. B. n. 95; Булла папы Гонорія III отъ 17 янв. 1227 г.

[3]) Sylloge Monumentor. n. 3 (булла Гонорія III отъ 13 іюня 1221 г.), 5 (булла Григорія IX отъ 23 янв. 1229) и 8 (его же отъ 16 февр. 1229 г.).

[4]) Псков. I Л. 6731; города не взя, а злата взятъ много.

[5]) Тамъ же Л. 6736: ходимъ есте къ Колыванѣ и сребро взасте, и правды не учинисте.

[6]) Новг. I Л. 6740.

Ярославу Всеволодовичу [1]). Въ тоже время нѣмцы простерли свои виды даже за Нарву на Водьскую землю; здѣсь въ Тессовѣ почему-то захватили они въ плѣнъ новгородца Кирилла и отправили его въ Оденпэ, гдѣ онъ содержался въ оковахъ [2]). По видимому миссіонерскую роль въ Водьской землѣ принялъ на себя дерптскій епископъ Германъ. Въ концѣ того же года (1233) императоръ Генрихъ VII побуждалъ любечскихъ и всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Лифляндіи и на Готландѣ поддержать дерптскаго епископа противъ язычниковъ и всѣхъ противниковъ его (русскихъ?) [3]), а въ началѣ слѣдующаго (1234) года папа Григорій IX принялъ всѣхъ пилигримовъ, отправляющихся изъ Любека въ Лифляндію и весь нѣмецкій орденъ со всѣми землями, которыя онъ пріобрѣлъ или пріобрѣтетъ, подъ свою защиту [4]). Но теперь и русскіе съ своей стороны перешли въ наступленіе. Въ мартѣ 1234 года Ярославъ Всеволодовичъ выступилъ со всѣми новгородцами къ Дерпту, разбилъ при Омовжѣ нѣмцевъ и принудилъ ихъ согласиться на миръ на предложенныхъ условіяхъ [5]). Рыцари однако съумѣли снискать къ себѣ расположеніе псковичей, которые въ 1236 году отправили имъ 200 мужей на помощь противъ литовцевъ, которые въ знаменитой битвѣ при Раденѣ поколебали весь орденъ меченосцевъ. Въ это время новгородцы стояли твердо въ своихъ отношеніяхъ къ католикамъ. Когда въ 1240 году шведскій правитель Биргеръ во главѣ большаго войска изъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ и еми вознамѣрился завоевать Ладогу и другія части Новгородскаго княжества, то 15 іюля при впаденіи въ Неву Ижоры все это непріятельское войско было разбито на голову Александромъ Ярославичемъ, получившимъ за эту побѣду прозвище Невскаго [6]). Другіе враги русскихъ нѣмцы около этого же времени готовились овладѣть Псковскимъ княжествомъ. 16 сентября 1240 года орденскіе рыцари соединившись съ эстляндскими вассалами датскаго короля, дерптскимъ епископомъ и княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, завоевали замокъ Изборскъ, затѣмъ цѣлую недѣлю осаждали Псковъ и получивъ заложниковъ, заключили со своимъ

---

[1]) Новг. I. Л. 6741. [2]). Тамъ же Л. 6741. [3]) U. B. n. 129. Reg. 145.
[4]) Ibid. n. 130. 131. Reg. 146. 147. 148 a. [5]) Новг. I и IV Л. 6742.
[6]) Тамъ же Л. 6748.

приверженцемъ Твердиломъ Ивановичемъ договоръ, по которому послѣдній для обезпеченія своего господства принялъ въ Псковъ нѣмецкій гарнизонъ. Твердило завелъ теперь вражду съ Новгородомъ, куда убѣжали его противники [1]). Послѣ такого успѣха нѣмцы въ союзѣ съ датскими вассалами Эстоніи и эстами задумали привести въ исполненіе свои замыслы относительно покоренія и обращенія Води. Имъ содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи папа Григорій IX, который 17 декабря 1240 года увѣщевалъ архіеп. Лундскаго побудить вѣрующихъ своего діоцеза оказать помощь новообращеннымъ въ Эстляндіи противъ окрестныхъ варваровъ, къ которымъ кромѣ эзельцевъ могли принадлежать подчиненные русскимъ чудскія племена [2]). Поводомъ къ крестоносному походу нѣмцевъ вѣроятно послужила попытка знатнаго датскаго вассала Тидемана (Дитриха) фонъ-Кивель, владѣнія котораго находились въ мѣстности нынѣшней Нарвы, сообща съ рижскимъ вассаломъ Оттономъ изъ Люнсбурга склонить языческихъ обитателей той стороны рѣки Нарвы води, данниковъ Новгорода, къ принятію христіанства. Послѣ маленькой удачи въ этомъ направленіи братья эти увѣдомили папу о томъ, что они довели значительное количество язычниковъ до того, что тѣ сами желаютъ принять христіанство. Съ другой стороны, рыцари видя, что открылась надежда на обращеніе и покореніе вожанъ, обратились къ папѣ, прося его расширить юрисдикцію эзельскаго епископа на занарвскую страну. 13 апр. 1241 года [3]) братья нѣмецкаго ордена расширили юрисдикцію эзельскаго епископа Генриха на земли, находящіяся между обращенною уже Эстоніею и Россіею—именно: Ватландъ, Ноуве (приневскія области), Ингрію и Карелію, къ обращенію которыхъ представилась надежда, такъ какъ онѣ были заняты рыцарями Тидеманомъ и Оттономъ изъ нѣкотораго замка (per quoddam castrum) съ согласія многихъ въ этихъ земляхъ. По этому договору еп. Генрихъ долженъ отправлять тамъ духовныя обязанности, за что получаетъ деся-

[1]) Reimchr. v. 2065—2175: ср. Новг. I и IV и Пск. I и II Л. 6748. Въ риѳмованной хроникѣ (v. 2159), а за нею и у Гіэрна (Monumenta Liv. ant. t. I. p. 121). Псковскій князь (Kunic) называется искаженно Gêrpolt. Впрочемъ это искаженіе имени могло произойти отъ неправильнаго чтенія рукописи риѳмованной хроники, подобно тому какъ изъ «Dimitr» позднѣйшіе сдѣлали «Dunctve» (см. прилож. къ Sitzungsb. d. Kurl. Gesell. 1878).

[2]) U. B. n. 167. Reg. 188. [3]) U. B. n. 169, a.

тину десятинъ изъ всѣхъ доходовъ, исключая разныхъ шкуръ: братьямъ же рыцарства остаются всякія другія выгоды (emolumenta) напр. право патронатства, мѣста рыбной ловли, судъ и т. п. въ виду того, что на нихъ должны пасть трудъ, издержки и опасности при покореніи язычниковъ. Кромѣ того однимъ изъ условій договора поля уже пожалованныхъ леномъ нѣмцевъ, равно какъ и поля рыцарей, были признаны свободными отъ десятины. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ новгородцы возвратили къ себѣ Александра Ярославича, который зимою 1241 года оставилъ Новгородъ. Въ концѣ года вмѣстѣ съ новгородцами, ладожанами, корелою и ижорянами онъ двинулся на городъ Копорью, разрушилъ его и приказалъ повѣсить захваченныхъ вожанъ и эстовъ [1]). Въ мартѣ 1242 года онъ двинулся вмѣстѣ съ новгородцами и вспомогательною группою суздальцевъ подъ начальствомъ своего брата Андрея противъ Пскова и отнялъ его отъ нѣмцевъ. Потомъ онъ обратился къ наступающимъ на него изъ Эстляндіи нѣмцамъ. Хотя его передовой отрядъ и былъ отбитъ, но главное войско одержало надъ нѣмцами 5 апрѣля при (на?) Пейпусскомъ озерѣ, на Узмени и у Воронѣя камня блестящую побѣду и преслѣдовалъ бѣгущихъ по льду Пейпусскаго озера семь верстъ до Соболитскаго берега [2]). Послѣ такого пораженія нѣмцы, т. е. орденъ, дерптскій епископъ и датскіе вассалы Эстоніи заключили съ новгородцами (безъ участія князя Александра) миръ, по которому они обязались отпустить псковскихъ заложниковъ и отказались отъ своихъ притязаній на прежде завоеванную страну Вожанъ, Лугу, Псковъ и восточную Летигалію [3]). Папа Иннокентій IV, узнавъ о неудачѣ католической миссіи на окраинахъ Лифляндіи, увѣщевалъ (1243 г.) доминиканцевъ въ Висби, Польшѣ, Германіи и др. странахъ усердно проповѣдывать крестовый походъ противъ язычниковъ въ Лифляндіи и Пруссіи [4]) и въ то же время приказалъ лифляндскимъ пилигримамъ поддержать орденъ [5]). А для урегулированія отношеній и цѣлесообразнаго направленія

---

[1]) Новг. I. Л. 6749.

[2]) Новг. I. Л. 6750: Того же лѣта нѣмцы прислаша съ поклономъ безъ князя: что есьмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу, мечемъ то ся всего отступаемъ—и таль Пльсковскую пустиша и умирившася.

[3]) U. B. n. 174: Theiner, I. n. 77. [4]) ibid. n. 176. [5]) ibid. n. 179.

католической миссіи на сѣверѣ папа назначилъ 15 іюля 1244 года кардинальнаго епископа Вильгельма Сабинскаго легатомъ въ восточныхъ окраинахъ Балтійскаго моря, снабдивъ его великими полномочіями [1]). Онъ же вѣроятно побуждалъ датскаго короля предпринять крестовый походъ для оказанія помощи туземцамъ Эстоніи, притѣсняемымъ окрестными варварскими народами и просилъ лундскаго архіепископа и его викарія содѣйствовать проповѣди крестоваго похода и приказалъ рижскому, дерптскому и эзельскому епископамъ всячески содѣйствовать нѣмецкому ордену въ Лифляндіи [2]). Съ назначеніемъ въ 1246 году Альберта Сверберга въ архіепископы Пруссіи, которому были подчинены всѣ епископіи въ Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи, не имѣвшія собственныхъ епископовъ [3]), папа Иннокентій IV думалъ соединить и пропаганду католицизма въ Россіи въ сосѣдствѣ съ Лифляндіею. Въ томъ же году 2 апрѣля въ виду широкаго плана папы Альбертъ былъ возведенъ въ достоинство папскаго легата въ Пруссіи, Ливоніи, Эстоніи, Готландіи, Гольсатіи и Рюгенѣ (Rugae) [4]). Въ то же время папа считаетъ нужнымъ настаивать особенно на исполненіи легаціонныхъ обязанностей Альберта относительно русскихъ странъ, которыя не безъ опасности для душъ до сихъ поръ сохраняютъ обычаи и обряды грековъ и которыя при содѣйствіи божественной благодати недавно признали римскую церковь матерію всѣхъ остальныхъ церквей и ея первосвященника преемникомъ ап. Петра и желаютъ войти въ единеніе съ апостольскимъ престоломъ; при этомъ Альбертъ получаетъ неограниченное право распоряжаться въ нихъ, какъ

---

[1]) ibid. n. 184. [2]) ibid. n. 188.

[3]) U. B. n. 188.

[4]) Ibid. n. 189. Здѣсь подъ Rugae едвали можно разумѣть Русь, какъ это думаетъ Бунге (U. B. n. Reg. 212), а скорѣе о. Рюгенъ. Послѣднее мнѣніе основывается во первыхъ на томъ обстоятельствѣ, что въ актѣ архіепископа Альберта отъ 1256 г. (см. у Götze, Albert Sverbur. p. 188), въ которомъ онъ ссылается на актъ 1246 года, на ряду съ Ruija приводится и Ruscia; во вторыхъ—на томъ, что въ буллѣ папы 1246 года область легаціи Альберта указывается in Rusciae partibus (U. B. n. 190), изъ чего можно заключить, что Иннокентій IV полагалъ Ливонію и Эстонію въ Россіи, что подтверждается и способами его выраженія Estonia vel Ruscia (U. B. n. 262), хотя впрочемъ въ данномъ случаѣ partes Rusciae нужно распространить и на сосѣднія русскія области. Преемникъ его Александръ IV уже точно различаетъ Ливонію и Русь (U. B. n. 282. 283; ср. Bonnel, Comment. p. 84—85).

ему заблагоразсудится [1]). Мало того. Папа распространяетъ легацію Альберта и на Галицію и побуждаетъ его лично предстать къ великому князю Даніилу Галицкому, выразившему чрезъ пословъ желаніе со всѣмъ княжествомъ перейти въ католичество [2]). Не разсчитывая много на мѣстныя военныя силы ордена, папа побуждаетъ и датскаго короля Эрика Плогпеннига предпринять крестовый походъ противъ враговъ эстовъ, обѣщая отпустить на походъ нѣкоторую часть своихъ церковныхъ доходовъ [3]). Около этого же времени была вновь возстановлена, вѣроятно папою, Виронская епископія и въ епископы ея былъ назначенъ Теодорихъ Минденскій [4]). При этомъ, полагаютъ, имѣлось въ виду не дѣйствительное замѣщеніе епископіи, но только посвященіе викарнаго епископа. И въ самомъ дѣлѣ до 1260 года Теодорихъ не имѣлъ возможности пользоваться правами и привиллегіями въ указанной ему епископіи [5]), и не смотря на домогательство дѣйствительной епи-

---

[1]) U. B. n. 191: Concissa tibi libera potestate ut evellas et destruas, dissipis et disperdas, aedificis et plantis, prout secundum Deum videris expedire.

[2]) ibid. n. 195. (7 сент. 1247 г.).

[3]) U. B. III Nachtr. n. 195, a; Reg. 218, a (26 ноябр. 1247 г.).

[4]) Послѣ Стенбійскаго договора, когда Эстонія вновь перешла въ руки датчанъ, датскій король Вольдемаръ имѣлъ намѣреніе возстановить обѣ епископіи—Ревельскую и Виронскую (U. B. n. 166: cum autem ibi (scil. in. Vironia) fuerit episcopus ordinatus, volumus, ut memoratus episcopus Revaliensis (scil. Torchillus) praedictos quadraginta uncos Vironensi episcopo sine contradictione dimittat), хотя легатъ Вильгельмъ имѣлъ полномочіе соединить ихъ въ одну въ виду недостаточности средствъ на содержаніе обѣихъ (U. B. n. 1313), съ соблюденіемъ впрочемъ правъ Лундскаго архіепископа (ibid. n. Reg. 160). Сынъ и преемникъ Вольдемара Эрикъ Плогпенникъ 11 сент. 1249 года повторилъ буквально дарственную грамату отца (ibid. n. 206), но десять дней спустя онъ призналъ эти 40 гакеновъ за Ревельскимъ епископомъ (ibid. n. 207) и этимъ косвенно упразднилъ Виронскую епископію. По изслѣдованію ученаго Бунге (Livland, die Wiege d. Veihb. p. 62 Anm. 217) Теодорихъ Минденскій былъ назначенъ епископомъ Вироніи уже между 17 іюля и 2 авг. 1247 г. Что касается лица, назначившаго его въ епископы, то Костнеръ (Das refund Bisthum Revol p. 54) считаетъ этимъ лицомъ папу, которому Теодорихъ лично былъ извѣстенъ (U. B. 3022), Бунге (l. c. p. 50—52), основываясь на выраженіи «Suffraganeus tuus» какъ папа отозвался о немъ въ отношеніи къ архіепископу Альберту, думаетъ, что онъ поставленъ Альбертомъ, но Дерio (l. c. p. 910) толкуетъ это выраженіе иначе.

[5]) U. B. VI n. 3030: Vironensis episcopus, suffraganeus tuus (т. е. архіеп. рижскаго) proposuit coram nobis (т. е. Александромъ IV), quod quatuordecim praeteritis annis in episcopato suo de causa non potuit residere, qui est ipse paupertatis onere premitur et proventus sui episcopaus qui consistunt in decimis

скопіи, онъ еще въ 1272 году скитается въ Германіи въ качествѣ викарнаго епископа [1]). Сколько бы обширна и плодотворна ни была его дѣятельность въ Германіи, для Лифляндіи она не имѣетъ никакого значенія; онъ никогда въ дѣйствительности не владѣлъ своею епископіею и даже неизвѣстно, чтобы онъ когда-либо пріѣзжалъ въ Лифляндію [2]). Не менѣе удачны были и попытки нѣмцевъ, утвердившись въ Псковѣ, основать въ немъ католическую епископію. Мысль эта возникла у нихъ въ концѣ второй четверти XIII вѣка. Эта мысль казалась имъ тѣмъ болѣе близкою къ осуществленію, что въ то время псковскій князь Ярославъ Владиміровичъ, изгнанный изъ Пскова, перешелъ на сторону нѣмцевъ и повидимому расположенъ былъ къ католичеству, хотя болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онъ принялъ его. Однако весьма вѣроятно, что онъ обѣщалъ передать половину своего княжества дерптской церкви, которая дала ему убѣжище въ Оденпэ [3]). Дерптская церковь именно собор-

occupati ab ejus subditis per violentiam nequiter detinentur. Въ виду его жалобы папа поручаетъ архіеп. рижскому Альберту опредѣлить его на другую вакантную каѳедру, но Альбертъ не принималъ къ сердцу его интересовъ.

[1]) U. B. VI Reg. n. 486, в.

[2]) Когда Виронская епископія была присоединена къ Ревельской, судить объ этомъ нѣтъ данныхъ, хотя нѣкоторые западные изслѣдователи указываютъ 1265 годъ, когда ея номинальное существованіе прекратилось (см. Bunge Livland p. 48. Anmerk. 202).

[3]) Вся эта исторія чрезвычайно темна. Гётце (l. c. p. 22—26), изслѣдовавшій ее, внесъ въ нее еще болѣе темноты и путаницы, исказивъ свидѣтельства о ней Гіэрна и актовъ и дополнивъ ихъ рѣшительно ни на чемъ не основанными предположеніями. Гіэрнъ (Monum. Liv. ant. I. p. 124), говоря о передачѣ половины Псковскаго княжества Ярославомъ, дѣйствительнымъ наслѣдникомъ его, дерптской церкви довольно неопредѣленно, сознается, что ему неизвѣстны причины этой передачи и отвергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ (кого?), которые хотятъ видѣть причину этого событія въ его переходѣ въ христіанство, такъ какъ русскіе уже давно передъ тѣмъ исповѣдывали греческую вѣру. Въ самомъ же актѣ даренія (U. B. III n. 200, a) не упоминается ни словомъ о его переходѣ въ католичество, не упоминается объ этомъ и въ актѣ, составленномъ спустя болѣе чѣмъ полстолѣтія послѣ совершившагося факта даренія, гдѣ первый актъ приводится цѣликомъ (ibid. III Reg. 663, a). Удивительно, какъ это знаменательное событіе могло остаться незамѣченнымъ современными писателями?! Можно даже думать, что первый актъ, въ которомъ упоминается о подаркѣ Ярослава, не подлинный, и основывается пожалуй только на простомъ обѣщаніи Ярослава, или же—что болѣе правдоподобно—вся эта исторія основывается на извѣстіи Лифляндской риемованной хроники о передачѣ города Пскова княземъ Герпольтомъ (kunik Gerpolt) въ руки ордена. (v. 21—59. 2462); ср. Ioh. Renner's Livl. Historien. v. Höhlbaum. Göttingen 1871, p. 29—30.

ный капитулъ, городской фогтъ и вассалы этой церкви перенесли 3 окт. 1248 года этотъ сомнительный и опасный подарокъ на нѣмецкій орденъ подъ условіемъ постоянной защиты дерптской епископіи со стороны послѣдняго и раздѣла нѣкоторыхъ земель по ту сторону Двины поровну между архіепископомъ, дерптскою церковію и вассалами [1]). Но безспорно папа могъ ожидать болѣе отъ расположенности знаменитаго князя Александра Невскаго къ католичеству. Если только папа не переноситъ на прошедшее то, что должно было случиться еще въ будущемъ; то можно думать, что Александръ Невскій дѣйствительно выражалъ желаніе соединиться съ римскою церковію и, въ знакъ своего послушанія преемнику ап. Петра, далъ позволеніе или обѣщалъ построить католическій соборъ въ Псковѣ. Папа похвалилъ его за такое намѣреніе и въ тоже время извѣстилъ, что легатъ Альбертъ явится къ нему лично переговорить объ этомъ дѣлѣ [2]). Какъ бы то ни было, но въ Псковѣ не удалось учредить католической епископіи и если въ одной буллѣ папы Александра IV [3]) Альберту между прочимъ подчиняется и русская епископія, то это не имѣетъ подъ собой дѣйствительной исторической подкладки. Въ 1253 году нѣмцы вновь предприняли походъ на Псковъ и пожгли предмѣстье его, но какъ скоро на помощь псковичамъ подоспѣли новгородцы, нѣмцы отступили въ свою страну. Около этого же времени новгородцы въ союзѣ съ карелами опустошили католическую область на западъ отъ Нарвы и при вторичномъ набѣгѣ вмѣстѣ съ псковичами они одержали побѣду надъ нѣ-

---

[1]) U. B. III n. 200, a. Въ 1299 году дерптскій епископъ Бернардъ въ виду непрестанныхъ опустошеній русскими его епископіи подтвердилъ за орденомъ этотъ подарокъ (ibid. III Reg. n. 663, a).

[2]) U. B. III n. 233, a (отъ 15 сент. 1249 г.). Гётце (l. c. p. 25—26) строитъ предположеніе, что булла эта должна быть адресована къ Ярославу Владиміровичу, ибо папа перепуталъ ихъ имена, и выводитъ отсюда, какъ кажется, фактъ обращенія его въ католичество. Его предположеніе не вѣрно, такъ какъ во первыхъ, еще 26 янв 1248 года папа написалъ Александру Невскому письмо, въ которомъ увѣщевалъ его присоединиться къ католической церкви (Turgenew, Hist. Russ. Monum. n. 78; ср. 79) и, во вторыхъ, Псковскій князь Ярославъ Владиміровичъ едва ли дожилъ до 1249 года, ибо русскія лѣтописи послѣдній разъ о немъ упоминаютъ подъ 6753—54 (=1245 годомъ, а актъ 1248 г. 3 октября (U. B. n. 200, a) предполагаетъ его умершимъ.

[3]) U. B. n. 282 отъ 31 марта 1255.

мецкимъ войскомъ. Послѣ этого нѣмцы въ Псковѣ и Новгородѣ просили мира съ русскими „на всей воли новгородской и на псковской“, что и получили [1]). Не смотря на то, ни папа, ни архіеп. Альбертъ [2]) не отказались отъ мысли основать за Нарвой католическую епископію. 19 марта 1255 года папа увѣщеваетъ Альберта содѣйствовать обращенію язычниковъ за-нарвскихъ и поставить у нихъ епископа, если только сами новообращенные отведутъ мѣсто для постройки каѳедральной церкви и снабдятъ ее содержаніемъ изъ собственныхъ средствъ [3]). Архіепископъ Альбертъ, считавшій себя за великаго миссіонера, думалъ, что теперь настало благопріятное время доказать міру, что надпись baptizo gentes на его печати находитъ свое подтвержденіе въ дѣйствительности. Онъ задумалъ обратить въ католичество причудскія народности и съ этою цѣлію отнять у новгородцевъ три провинціи, чтобы образовать изъ нихъ новую епископію. Поэтому онъ не замедлилъ извѣстить папу, что Богъ открылъ глаза у язычниковъ въ принадлежащихъ къ его діоцезу странахъ—Ватландѣ, Ингріи и Кареліи, и что они желаютъ принять таинство крещенія; въ виду этого онъ просилъ у папы позволенія поставить у нихъ епископа. Папа съ радостію принялъ это сообщеніе и далъ свое согласіе на учрежденіе епископіи въ Ватландѣ, Ингріи и Кареліи, но съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ при этомъ оговорку „если язычники дѣйствительно настоятельно объ этомъ просятъ“ [4]). Альбертъ нашелъ себѣ помощниковъ въ финскихъ шведахъ и эстляндскихъ датчанахъ. Биргеръ ярлъ, обратившій въ 1249 году финновъ

---

[1]) Новг. I. Л. 6761.

[2]) Легатомъ онъ былъ до 1250 года (U. B. n. 213) и въ 1251 году по смерти рижскаго епископа Николая назначенъ ему въ преемники (ibid. n. n. 2434. 219). Впрочемъ въ 1254 г. онъ вновь получилъ полномочіе легата въ Лифляндіи, Эстляндіи и Россіи, а не въ областяхъ подчиненныхъ нѣмецкому ордену (ibid. n. 262).

[3]) U. B. n. 281: Cum sicut dilecti filii nobiles viri Otho de Luneborch et Tudericus de Kivel fratres Rigensis et Revaliensis diocesis—sua nobis petitione monstrarunt iidem modicam paganorum multitudinem ipsorum terrae vicinae adeo induxerint, ut ipsi pagani cupiant ad Christianae fidei notitia pervenire.

[4]) U. B. n. 283, в (отъ 3 авг. 1255 г.): Ex parte tuo fuit nobis humiliter supplicatum, ut cum pagani Wathlandiae, Ingriae et Careliae tuae provinciae baptisoni velint suscipere sacramentum praeficiendi eis, postquam baptisati fuerint aliquem virum in episcopum et caet.

въ Тавастландѣ въ христіанство и простиравшій свои завоевательные планы далѣе, не могъ не сочувствовать предпріятію, которое должно было обезопасить Тавастландъ отъ нападенія новгородцевъ, обособляя шведовъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ послѣдними. Чтобы пріобрѣсть опорный пунктъ, было положено построить при Нарвѣ замокъ. Съ этою цѣлію въ 1256 году, разсказываетъ новгородскій лѣтописецъ, пришли шведы, ямь, сумь (собств. финны) и Дидманъ [1]) съ нѣмцами и эстами и великое войско и начали строить замокъ при Наровѣ. Устрашенные новгородцы собрали войско и послали къ великому князю Александру Ярославичу съ просьбою о помощи. Но еще до прибытія рускихъ, финны, терпя недостатокъ въ провіантѣ въ странѣ, три года тому назадъ опустошенной новгородцами, воротились во свояси. Тоже самое сдѣлали и эсты и датчане, боясь, можетъ быть, приближенія русскихъ [2]). Такимъ образомъ весь планъ разрушился. Однако Альбертъ не оставилъ мысли основать въ за-нарвской странѣ католическую епископію и искалъ новаго содѣйствія къ ея осуществленію у нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ. Съ этою цѣлію въ 1256 году онъ далъ имъ въ Любекѣ привиллегированную грамоту въ защиту торговли и товаровъ на всѣхъ берегахъ Лифляндіи, при чемъ въ основаніе этой льготы, онъ ясно ссылается на то, что эти страны обращены въ христіанство главнымъ образомъ съ помощію купцовъ [3]). Вѣроятно еще предъ этимъ Альбертъ посвятилъ въ епископы Карелiи гамбургскаго каноника Фридриха изъ Газельдорфа [4]). Бунге считаетъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы онъ уже тогда пріѣхалъ въ Лифляндію, такъ какъ, во первыхъ, область, отведенная для его епископіи, недолго осталась во владѣніи нѣмцевъ, и такъ какъ, во вторыхъ, его имя совсѣмъ не упоминается въ лифляндскихъ актахъ и хроникахъ ближайшаго десятилѣтія [5]). Тѣмъ не менѣе въ послѣдующей исторіи Лифляндіи онъ играетъ нѣкоторую роль, но роль эта не переходитъ за предѣлы Лифляндіи, потому что во второй половинѣ XIII вѣка вслѣдствіе сильнаго напора со стороны русскихъ,

[1]) Гётце, кажется, справедливо отождествляетъ этого Дидмана съ вышеупомянутымъ Тидманомъ фонъ-Кивель (l. c. p. 153—157).

[2]) Новг. I. Л. 6764.

[3]) Götze l. c. p. 77. [4]) Hamb. U. B. n. 734. [5]) Bunge, Livland. p. 78—79.

нѣмцы должны были совсѣмъ оставить свои миссіонерскіе планы внѣ предѣловъ Лифляндіи.

Въ то время, когда нѣмецкій орденъ потерпѣлъ совершенное пораженіе при Дурбенѣ (1260 г.) и пытался возстановить свой авторитетъ у возставшихъ туземцевъ, съ востока русскіе вознамѣрились добить послѣдніе силы ордена. Съ этою цѣлію въ 1262 году осенью двинулись противъ Дерпта Дмитрій Александровичъ съ новгородцами, шуринъ Александра Константинъ, Александръ, — братъ Ярослава, и полоцкій князь Товтивиль (съ русскими и литовцами). Однимъ приступомъ русскіе взяли три стѣны и сожгли городъ до основанія. Епископъ, каноники, трусливое духовенство и другіе спаслись въ близъ лежащемъ замкѣ, котораго русскіе не могли взять и должны были отступить съ великою добычею, услышавъ приближеніе съ литовской границы магистра съ войскомъ [1]).

Около этого же времени (28 дек. 1263 г.) нѣмецкій орденъ законно овладѣлъ частью восточной придвинской области русскихъ и при посредствѣ литовскаго князя Гердена былъ заключенъ миръ между лифляндскимъ орденомъ и рижскими горожанами съ одной стороны, и полочанами и витебцами съ другой, по которому послѣдніе отказались отъ уступленной княземъ Константиномъ [2]) ордену Летигаліи, въ которую входила и область Розитенъ за исключеніемъ малой части принадлежавшей архіепископу [3]); а нѣмцы съ своей стороны отказались отъ Полоцкой страны, причемъ кромѣ того съ обѣихъ сторонъ обѣщали свободу торговли [4]) Впослѣдствіи когда возникли раздоры между орденомъ и духовенствомъ, послѣднее обвиняло орденъ въ томъ, что онъ оставилъ на произволъ язычниковъ замокъ Полоцкъ, принадлежавшій архіепископу, и

---

[1]) Новг. I Л. 6770, и Reimchr. V. 6599—6659.

[2]) Боннель (l. c. p. 239) правдоподобно полагаетъ, что Константинъ этотъ былъ перешедшій въ христіанство литовскій князь, стоявшій въ близкой связи съ Герденомъ—и именно сынъ Товтивила Полоцкаго, который по умерщвленіи своего отца Тройнатомъ, сперва нашелъ убѣжище у нѣмцевъ, а потомъ поселился въ Новгородѣ; не имѣя законнаго наслѣдника, онъ передалъ Полоцкъ нѣмцамъ, вѣроятно, съ цѣлію въ союзѣ съ ними бороться съ какимъ либо врагомъ – именно литовскимъ княземъ.

[3]) U. B. II, n. 1036.

[4]) Напіерскій, Рус.-Лив. акты, n. 25, a, b. Въ 1264 году 4 іюня папа Урбанъ IV утвердилъ за нѣмецкимъ орденомъ области подаренныя послѣ нему русскимъ княземъ Константиномъ (Livl. U. B. n. 380).

другой замокъ Динабургъ продалъ язычникамъ за 300 марокъ [1]), вслѣдствіе чего около конца 13 вѣка епископіи литовская и земигальская перешли во власть язычниковъ, а епископія полоцкая—въ руки русскихъ [2]). Полоцкъ впрочемъ скоро перешелъ (1264 г.) въ руки Тройната, послѣ того какъ онъ убилъ Товтивиля и послѣ того какъ его сынъ убѣжалъ изъ Полоцка въ Новгородъ онъ поставилъ въ этомъ городѣ литовскаго князя [3]). Но замысламъ нѣмцевъ касательно русскихъ странъ всюду было противопоставлено наступательное движеніе на самыя нѣмецкія владѣнія со стороны русскихъ, во главѣ которыхъ теперь явился непримиримый врагъ католицизма и нѣмцевъ, прежній литовскій князь Довмонтъ. Убѣжавъ (въ 1265 г.) изъ Литвы въ Псковъ, онъ принялъ здѣсь христіанство, былъ выбранъ княземъ и на первыхъ же порахъ сталъ вести борьбу съ своими личными врагами—литовцами [4]), но въ скоромъ времени общіе враги новгородцевъ и псковичей — нѣмцы заставили его соединиться съ новгородцами, которые впрочемъ еще не составили себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій, потому что одни желали напасть на литовцевъ, другіе — на Полоцкъ, третьи—чрезъ Нарову на эстляндскихъ нѣмцевъ. Однако единичными силами ничего болѣе или менѣе важнаго не было совершено, хотя можетъ быть новгородцы и пытались нанести вредъ нѣмецкимъ владѣніямъ за Нарвою. Узнавъ объ этомъ, лифляндскіе нѣмцы пытались въ виду затруднительного своего положенія на югѣ, по крайней мѣрѣ замедлить походъ или предотвратить его отъ своихъ владѣній, предоставляя русскимъ свободно распоряжаться съ раковорцами и колыванцами [5]).

---

[1]) U. B. n. 616. Въ актѣ n. 630 между прочимъ говорится, что по передачѣ язычниками полоцкаго княжества duae solennes cathedrales Colomensis (Dlugosch «Zeloviensis») videlicet et Ruthenensis ecclesiae totaliter sunt deletae. Ср. актъ n. 638. По отвѣту прокуратору ордена (U. B. II Reg. 714) можно думать, что подъ этими церквами разумѣлись земигальская и полоцкая епископіи.

[2]) U. B. Reg. 714 ок. 1306 г. [3]) Новг. I и IV л. 6771.

[4]) Новг. I и IV и Псков. I. Л. 6774 и слѣд.

[5]) Боннель (Comment. p. 95. 96. 106—107), анализируя различныя лѣтописныя извѣстія объ обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ знаменитой Раковорской битвѣ (1268 г.), приходитъ къ выводу, что они представляютъ повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ, какъ различныхъ происшествій; если они первоначально разсказаны различно, и на этомъ основаніи признаетъ неправдоподобнымъ походъ Новгородцевъ въ Занарвскую страну и

Союзное войско русское двинулось теперь 23 января въ Эстонію съ большою увѣренностію въ побѣдѣ, и, вступивъ въ Эстонію, раздѣлилось на три отряда, двигавшихся по различнымъ путямъ и истребило множество скрывшихся въ одной пещерѣ эстовъ. При рѣкѣ Кегалѣ оно натолкнулось на нѣмецкое войско, состоявшее изъ датскихъ вассаловъ и вспомогательныхъ отрядовъ изъ Риги, Дерпта, Феллинна и др. „и бѣ видѣти ихъ яко лѣсъ; бяше бо совокупилася вся земля нѣмецкая“— говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы немедленно перешли рѣку „и поставиша полки новгородскіе въ лице противъ желѣзному полку великой свиньи“; на правомъ флангѣ сталъ Довмонтъ съ псковичами, князья Дмитрій переяславскій и Святославъ стали по праву выше, посадникъ Михаилъ—на лѣвомъ флангѣ. Нѣмецкое войско было расположено такъ: на лѣвомъ флангѣ стало ополченіе изъ туземцевъ, на правомъ — большое войско датскихъ вассаловъ (des Kuniges man), вспомогательное войско лифляндскихъ рыцарей вѣроятно образовало центръ [1]).

Это было 18 февраля. Когда со стороны русскихъ пало уже множество бояръ и предводителей, князь Юрій обратилъ тылъ; не смотря на то новгородцы обратили своихъ противниковъ въ бѣгство и преслѣдовали ихъ на разстояніи 7 верстъ до замка; когда же они повернули назадъ, то встрѣтили громадное полчище непріятелей, свиньею врѣзавшееся въ новгородскій обозъ. Новгородцы хотѣли тотчасъ устремиться на него, но нѣкоторые въ виду наступившей темноты отклонили ихъ отъ этого намѣренія. Новгородцы порѣшили ожидать свѣта, но враги клятвопреступники („крестопреступницы“), потерявъ дерптскаго еп. Александра и не дождавъ свѣта, бѣжали. Новгородцы еще три дня стояли на полѣ битвы и затѣмъ забравъ нѣкоторыхъ убитыхъ, возвратились домой. Довмонтъ же прошелъ всю Эстонію до моря и возвратился въ свою землю съ великою добычею [2]).

посольство нѣмцевъ въ Новгородъ, но различіе въ данныхъ разсказахъ столь сильно, что едва ли можно усматривать въ ихъ основаніи единство фактовъ, а съ другой стороны къ выдумкѣ ихъ не представляется никакихъ поводовъ, хотя безспорно разсказы эти въ отдѣльныхъ моментахъ спутанны, противорѣчивы и внушаютъ нѣкоторое сомнѣніе.

[1]) Reimh. v. 7607—7611.

[2]) Новг. I и IV; Псков. I. Л. 6776. Въ старшей лифляндской риѳмованной хроникѣ въ общемъ раковорская битва представляется согласно съ русскими лѣтописями; съ большею подробностью здѣсь раскрывается участіе нѣмцевъ

Когда такимъ образомъ стремленіямъ нѣмцевъ овладѣть Водью и карелами былъ данъ отпоръ и разсчитывать на осуществленіе своихъ миссіонерскихъ плановъ среди нихъ не представлялось вѣроятности, то нѣмцы оставили свои попытки въ этомъ направленіи. Фридрихъ Газельдорфскій въ замѣнъ недостижимой Карелiи получилъ теперь титулъ „postulatus Tarbatensis“, можетъ быть отъ архіепископа Альберта или дерптскаго капитула [1]). Впервые 16 февраля 1270 года мы видимъ его принимающимъ прямое участіе въ дѣлахъ лифляндскихъ, а именно, въ битвѣ противъ литовцевъ на льду при Карусенѣ (въ Війкѣ), гдѣ палъ магистръ ордена Оттонъ Лютербергскій [2]). Однако изъ его дѣятельности для собственной епископіи ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что въ 1274 году онъ отчасти самостоятельно, отчасти сообща съ другими лифляндскими господами, даетъ пріѣзжающимъ въ Лифляндію купцамъ разныя привиллегіи [3]). улаживаетъ споръ между рижскимъ архіепископомъ и магистромъ ордена [4]) и участвуетъ осенью 1280 года и лѣтомъ 1281 въ двухъ походахъ ордена противъ Жмуди

въ битвѣ. Здѣсь событіе это рисуется такъ: когда во время магистра Оттона русскіе въ количествѣ 30 тысячъ двинулись въ Эстляндію, противъ нихъ поспѣшилъ дерптскій епископъ Александръ съ рыцарями изъ Феллина, Маля и Вессенштейна, ибо магистръ орденскій Оттонъ стоялъ уже съ большимъ войскомъ, ожидая враговъ. Сначала рыцари заставили отступить двѣ трети русскаго войска. Но князь Дмитрій (а не Dunctve, которое произошло изъ неразборчиваго письма или чтенія) возобновилъ съ избранными 5 тысячами русскихъ бой при одной злой рѣкѣ (ûf eine bôse bach). На полѣ битвы осталось 5 т., а остальные бѣжали въ свою землю (Reimchr. 7657—7676). Повидимому дѣло было такъ, что туземное ополченіе было поражено русскими, но клинообразное полчище рыцарей одержало верхъ надъ непріятельскимъ центромъ, врѣзавшись даже въ обозъ; можетъ быть также и эстляндскіе вассалы взяли перевѣсъ надъ стоявшимъ противъ нихъ княземъ Михаиломъ, вслѣдствіе чего большая часть русскихъ, между ними и князь Юрій, бѣжали. Послѣ перваго дня битвы князь Дмитрій съ остаткомъ русскихъ заставилъ нѣмцевъ отступить при рѣкѣ Кагалѣ (Kohala), такъ что русскіе, хотя и съ большою потерею, удержали за собой поле битвы.

[1]) U. B. n. 408 отъ 30 мая 1268 г. Здѣсь орденскій магистръ говоритъ: quod nos... domino Friderico, episcopo Carilіensi ac postulato Darpetensi, nec non pleno consensu omnium dominorum terrae Livoniae supplicavimus etc. О титулахъ «episcopus Cariliensis (Карельскій)», episcopus Capoliensis, см. у Бунге, Livland... n. n. 335. 346.

[2]) Reimchr. v. 7769 и слѣд. Вартбергъ, p. 47. ср. Bonnel, Comment. p. 92—93.

[3]) U. B. n. n. 439. 452. 458. [4]) Ibid. VI, Reg. n. 506, a.

и земигаловъ [1]). Въ послѣдній разъ въ лифляндской исторіи Фридрихъ является 15 дек. 1284 года больнымъ въ Ревелѣ, гдѣ, чувствуя приближеніе смерти, онъ сдѣлалъ завѣщаніе относительно своихъ денежныхъ суммъ, хранящихся въ Любекѣ [2]). О карельской епископіи послѣ его назначенія въ дерптскаго епископа не было и помину. Можно думать, что часть карелъ и вожанъ, которые подчинились латинскому вліянію и надѣялись освободиться отъ зависимости новгородцевъ, теперь снова покорились новгородцамъ и приняли участіе въ ихъ походахъ [3]). Отказавшись отъ своихъ притязаній на Карелію и Водь, нѣмцы однако пытались нанести русскимъ пораженіе въ другомъ направленіи, и именно (30 мая 1268 г.) они обратились съ просьбою къ любечскимъ купцамъ и ко всему купечеству не ввозить своихъ товаровъ въ этомъ году русскимъ въ Новгородъ подъ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ заключенія между русскими и латинянами дружественнаго договора за всѣми купцами остается ихъ старое право при въѣздѣ и выѣздѣ, которое утрачивается только во время общей войны латинянъ съ русскими, а при частной войнѣ купцамъ остается свободная торговля [4]). Чтобы исторгнуть у русскихъ выгодныя торговыя условія и отомстить за пора-

---

[1]) Reimchr. v. 9435—9507; ср. Bonnell. Chronog. p. 85.

[2]) U. B. n. 494. О днѣ его смерти ничего достовѣрнаго нельзя сказать, кромѣ того, что въ началѣ 19 февраля 1290 года онъ представляется уже умершимъ. Боннель (l. c. p. 182) полагаетъ время его смерти между 4 декабря 1285 года и 4 дек. 1289 года. Въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ (см. series principum Livoniae ac Prussiae) подъ 1285 г. указывается Генрихъ еп. эзельскій, а такъ какъ его предшественникъ въ актѣ n. 504 (безъ даты) требуетъ отъ любечскаго совѣта выдачи денежной суммы, отказанной дерптскимъ епископомъ Фридрихомъ въ пользу ревельскихъ монастырей, то отсюда можно бы заключить, что послѣдній умеръ въ первой половинѣ 1285 года или 15 декабря 1284 года, когда онъ заболѣлъ. Но въ болѣе достовѣрномъ и прямомъ источникѣ (Necrolog. capit. Hamburg. въ Zeitschr. d. Vereins f. Hamb. Gesch. Neue Folge III, 699) днемъ его смерти ставится 4 декабря, поэтому онъ долженъ былъ умереть не ранѣе какъ 4 дек. 1285 г., а съ большимъ правдоподобіемъ нѣсколько позже.

[3]) Это соображеніе основывается на непрямыхъ указаніяхъ въ Новг. І. Л. 6777 и 6778.

[4]) U. B. n. 408. Актъ этотъ составленъ въ Любекѣ отъ имени лифляндскаго вицемагистра Конрада Мандернскаго при посредствѣ датскихъ пословъ, бывшаго епископа Карельскаго Фридриха и съ согласія всѣхъ лифляндскихъ господъ. Уже самыя начальныя слова акта: cum nulla sit pestis amarior, quam domesticus inimicus, modis omnibus est intendendum, ut ejus versutiae obvie-

женіе при Раковорѣ, во время переговоровъ вице-магистра Конрада въ Любекѣ въ Лифляндіи магистръ Отто лѣтомъ того же года созвалъ знатнѣйшихъ нѣмцевъ на ландтагъ и на немъ порѣшилъ войну противъ русскихъ, именно, противъ города Пскова, который былъ утѣхой и убѣжищемъ нарушителей христіанскаго закона [1]). Къ этому рѣшенію конечно присоединились и эстляндскіе рыцари. Составилось сильное земское ополченіе и изъ всѣхъ туземцевъ. Число коннаго войска простиралось до 18 тысячъ; а на корабляхъ было 9 тысячъ. Это войско сперва пожгло Изборскъ, а затѣмъ двинулось къ Пскову. Русскіе сами зажгли городъ и отступили въ замокъ, который при единодушіи защитниковъ былъ неприступенъ. Къ псковичамъ шла помощь изъ Новгорода, подъ предводительствомъ князя Юрія. Нѣмецкое войско отступило за рѣку Великую, не взявъ замка и съ обѣихъ сторонъ выразили согласіе на предварительный миръ, который существовалъ во время магистра Вольквина и еписк. Альберта. Послѣ этого любечское купечество было извѣщено, чтобы оно не вело торговли съ новгородцами до тѣхъ поръ, пока въ заключенный съ послѣдними предварительный договоръ не войдутъ предложенныя купцами условія, а для заключенія и утвержденія самаго договора купцамъ было предложено прислать въ Лифляндію пословъ; до этого же времени никто изъ купцовъ не будетъ допущенъ изъ Риги въ Новгородъ [2]). Но въ начавшихся зимою 1269 года съ княземъ Ярославомъ переговорахъ относительно торговли, нѣмцы выставили условія столь выгодныя для себя и невыгодныя для новгородцевъ, что Ярославъ не нашелъ возможнымъ согласиться на всѣ условія, напр. на свободную торговлю купцовъ съ карелами и ижорянами, что могло послужить поводомъ къ сближенію послѣднихъ съ католичествомъ [3]). Вслѣдствіе этого делегаты прервали переговоры и уѣхали въ Ригу, чтобы оттуда весною переправиться въ Любекъ. Сами же новгородцы тяготились долгимъ застоемъ въ торговлѣ и не прочь

tur» и то обстоятельство, что русскіе изъ Новгорода прямо называются inimici fidei, даютъ понять о необходимости единодушнаго напора нѣмцевъ противъ русскихъ.

[1]) U. B. n. n. 410. 411: qui fuit Christianae legis praevaricatorum solamen et refugium.

[2]) Reimchr. v. 7677—7768 и Новг. I. Л. 6777. [3]) U. B. nn. 410. 411.

[4]) U. B. nn. 413. 414.

были принять условія, предложенныя делегатами купцовъ. Когда Ярославъ продолжалъ настаивать на своемъ, новгородцы подняли противъ него возстаніе и привлекли на свою сторону псковичей, ладожанъ, карелъ, ижорянъ и вожанъ. Ярославъ долженъ былъ поддаться, съ другой стороны и лифляндскіе нѣмцы, потерпѣвъ страшное пораженіе отъ литовцевъ при Каруселѣ (1270 г. 16 февр.), приняли условія, предложенныя Ярославомъ, а датскіе вассалы Эстоніи, оставшись особнякомъ, должны были отказаться отъ своихъ притязаній на Нарвскую землю. Теперь торговый путь къ Новгороду вновь сталъ свободенъ и только съ придвинскими русскими (въ Полоцкѣ) торговыя связи были прерваны [1]), а купцы торговавшіе въ остзейскихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ и въ сосѣднихъ языческихъ странахъ кромѣ свободы сообщенія получили различныя привиллегіи (свободу отъ береговаго права, пошлинъ и др.) [2]). Привиллегіи, которыя получили купцы во владѣніяхъ ордена и въ Эстоніи съ одной стороны и рискъ сопряженный съ торговлею внѣ этихъ предѣловъ съ другой,—побудили любечскихъ и другихъ купцовъ перенести торговый рынокъ изъ Россіи въ Лифляндію и Эстляндію, такъ что съ русскими торговыя связи (послѣ 17 апр. 1278 года) совсѣмъ были прерваны [3]). Представляется, какъ будто съ этихъ поръ нѣмцы совсѣмъ отстранились отъ русскихъ и вздумали жить своимъ особымъ міромъ, предоставляя послѣднимъ полную свободу вѣдаться со своими внутренними врагами. И дѣйствительно, новгородцы направили свою дѣятельность на сѣверозападныя окраины своего княжества, покоривъ сначала себѣ непокорныхъ карелъ, а потомъ заложивъ и построивъ изъ камня крѣпость Копорье (1279 г.) въ Ижорской странѣ [4]). Но здѣсь они встрѣтились съ другимъ врагомъ—шведами, и къ несчастью внутренняя неурядица новгородцевъ со своимъ княземъ, на сторонѣ котораго сталъ и Довмонтъ, испортила начатое дѣло, ибо новгородцы

---

[1]) U. B. n. 418. Только въ 1284 г. (U. B. n. 492) былъ признанъ формально свободный путь для торговли между Ригою, Готландомъ и Смоленскомъ.

[2]) Ibid. n. n. 433. 439. 440. 441. 453.

[3]) U. B. n. n. 452. 457. 458.

[4]) Новг. I и IV Л. 6786. 6787. 6788.

сами разрушили (1283 г.) Копорье [1]), а съ другой стороны шведы чрезъ Неву проникли въ Ладожское озеро, намѣреваясь собрать дань отъ карелъ, но были побиты новгородцами [2]), которые перешли въ наступленіе (1292), вторгнувшись въ самую Финляндію на Емь; шведы же въ возмездіе имъ напали на карелъ и ижорянъ, но потерпѣли совершенное пораженіе отъ послѣднихъ [3]). Послѣ этого шведы приняли тактику рыцарей въ Земигаліи и Куроніи: они заложили (1293 г.) въ странѣ карелъ, которыхъ покорили, замокъ Выборгъ [4]). Новгородцы тщетно пытались помѣшать этому [5]), хотя, впрочемъ, имъ удалось разрушить другой маленькій замокъ (Кексгольмъ?) заложенный шведами (1285 г.) въ странѣ—карелъ [6]). Не смотря на то, шведы продолжали наступательное завоеваніе, придерживаясь прежней тактики, и въ 1300 году построили при впаденіи Охты въ Неву замокъ, который они назвали Ландскрона (рус. лѣт. „Вѣнецъ земли“) и поставили въ немъ гарнизонъ. Крѣпость эта, впрочемъ, въ слѣдующемъ году была разрушена новгородцами [7]). Упроченію шведскаго господства въ Карелiи и Ижорѣ содѣйствовали кромѣ того различныя привиллегіи, данныя около этого времени особенно купцамъ, желающимъ вести торговлю въ Эстляндіи и Вироніи до Наровы и оттуда далѣе черезъ Выборгъ до Новгорода, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы ѣздящіе въ Новгородъ купцы не брали съ собою болѣе оружія, желѣза и стали, чѣмъ сколько нужно на ихъ собственныя потребности [8]). Не смотря на то, однако за Наровою нѣмецкіе купцы не могли считать свои товары въ безопасности, ибо враги нѣмцевъ русскіе нерѣдко ограбляли ихъ [9]). Около этого же времени для религіозныхъ пропагандистовъ католичества въ Эстляндіи открылась вновь возможность подъ прикрытіемъ шведовъ, прочно сѣвшихъ около

[1]) Тамъ же, Л. 6789. 6790. [2]) Тамъ же, Л. 6791. 6792.

[3]) Тамъ же, Л. 6800: Въ то же лѣто приходила Свѣя воевать, 800 ихъ, и 400 иде на Корелу, а 400 на Ижору, и избiи ихъ Ижори, а Корела избiи своихъ, а иныхъ рукама изъмаша.

[4]) Тамъ же, Л. 6801 и Scr. rer. Svec. t. I, p. 23. 63. 77.

[5]) Тамъ же, Л. 6801. [6]) Новг. I и IV Л. 6803.

[7]) Тамъ же Л. 6808 и 6809 и Scr. rer. Svec. I, p. 26: a. 1300 Corona terrarum edificata est in Rucia; ср. ibid. p. 64. 92.

[8]) U. B. n. 555 (актъ дат. короля Эриха отъ 9 окт. 1294 г.) и 559 (актъ шведскаго короля Биргера отъ 4 мар. 1295 г.).

[9]) Ibid. n. 562 a.

Невы, овладѣть страною вожанъ. Въ 1294 г. Тидманъ фонъ-Кивель опять заложилъ на правомъ берегу Наровы въ странѣ Води замокъ, но новгородцы въ скоромъ времени пожгли замокъ, взяли его большое село и также пожгли [1]), и съ своей стороны вновь заложили (1297 г.) каменную крѣпостцу Копорье [2]). Что касается собственно отношеній между лифляндскими нѣмцами и русскими за это время, то они ограничивались неважными столкновеніями, по большей части уже на территоріи нѣмецкой. Вслѣдствіе прекращенія правильныхъ торговыхъ связей, взаимная вражда значительно усилилась, такъ что, напр., когда въ 1285 году псковичи послали въ страну Адзелу (Adzelle) у верховьевъ Трейденъ Аа, которая принадлежала къ области Толовѣ, бывшей еще въ 1224 году данницею Пскова, 40 человѣкъ для сбора дани, то Розитенскіе рыцари убили ихъ [3]); въ возмездіе за это псковичи ограбили (1288 г.) нѣмецкихъ купцовъ на пути въ Новгородъ [4]). Впрочемъ такія насилія совершались и не изъ мести, а просто изъ ненависти къ нѣмцамъ [5]), которая служила преградою къ попыткамъ завязать другъ съ другомъ правильныя торговыя сношенія [6]). Вообще съ конца XIII вѣка замѣчается нѣкоторое затишье въ отношеніяхъ между нѣмцами и русскими. Вырвавъ въ XIII вѣкѣ у русскихъ нѣкоторыя части края, нѣмцы простерли свои виды еще далѣе на востокъ въ самую Русь, но здѣсь потерпѣли уронъ. Съ другой стороны и русскіе пытались возстановить свой прежній авторитетъ въ краѣ, но оказались для этого безсильными. Можетъ быть борьба эта продолжалась бы съ неменьшимъ упорствомъ и настойчивостью, но въ жизни тѣхъ и другихъ возникли теперь новыя обстоятельства, новыя потребности, съ которыми нужно было считаться. Въ Лифляндіи возгорѣлась (1297 г.) сильная внутрен-

[1]) Новг. I Л. 6802: Того же лѣта Тигъмановичъ Отій (т. е. въ странѣ Води) постави городокъ на сей сторонѣ Наровы; новгородцы же шедъ пожгоша городокъ и село его великое взяша и пожгоша.

[2]) Новг. I Л. 6805. [3]) Псков. I Л. 6792 сказано: «у Алысту», а въ Пск. II Л. «у Волысту» (нынѣ Halliste въ Сакалѣ). Но если отождествить разсказъ объ ограбленіи псковичами нѣмецкихъ купцовъ въ 1288 году въ возмездіе за убитыхъ псковичей in terra Adzelle (Sartor-Lappenb. Urk-Gesch. t. II p. 156 и 158) съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ лѣтописи, то Алысту и Волысту нужно помѣстить въ Адзелѣ.

[4]) Ibidem. [5]) Lub. Urk. B. p. 565—566.

[6]) Livl. U. B. nn. 544. 545. 546; Russ. Livl-Urk. n. 48.

няя борьба между городомъ Ригой и духовенствомъ съ одной стороны, и орденомъ—съ другой, а на Руси нашествіе монголъ и централизація Москвы въ сильной степени отвлекли вниманіе Новгородскаго и Псковскаго княжествъ отъ Лифляндіи и только съ возвышеніемъ Москвы надъ прочими удѣльными княжествами можно было ожидать новаго возобновленія упорной борьбы русскихъ съ нѣмцами.

ГЛАВА IV.

Внутренняя жизнь и отношенія лифляндскихъ господъ.

Такимъ образомъ къ концу XIII-го вѣка Лифляндія, Эстляндія и Курляндія были совершенно завоеваны и такъ или иначе обращены въ христіанство. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ объяснить такой быстрый успѣхъ незначительнаго количества чужестранцевъ въ борьбѣ съ инородцами, сумма которыхъ простиралась, можетъ быть, до двухъ сотъ тысячъ и которые находили себѣ опору въ сосѣднихъ русскихъ князьяхъ, выставлявшихъ противъ нѣмцевъ болѣе многочисленное войско, чѣмъ туземцы. Прежде всего при самомъ началѣ завоеванія страны наше вниманіе обращаетъ на себя замѣчательная тактика и проницательность руководителей завоеванія, первое мѣсто между которыми безспорно принадлежитъ еп. Альберту. По отношенію къ туземцамъ онъ придерживался политики постепеннаго покоренія, начиная съ болѣе слабыхъ и доходя до болѣе сильныхъ племенъ; при этомъ онъ умѣлъ искусно разъединять разныя племена, направлять одни на другія, пользуясь только удобными случаями вмѣшательства. Дѣйствуя такъ, ему не всегда предстояла надобность употреблять въ дѣло всѣ свои военныя силы, ибо сами туземцы, направляемые его политикой, покоряли другъ друга игу христіанства. Не менѣе искусна была его политика и по отношенію къ сосѣднимъ русскимъ князьямъ. Сознавая ихъ могущество, онъ нерѣдко долженъ былъ дѣлать имъ уступки, не упуская однако въ тоже время изъ виду главной цѣли—покоренія и обращенія туземцевъ въ католичество. Но эти уступки строго соразмѣрялись

съ его военными силами въ томъ или другомъ случаѣ. Для установленія дружественныхъ связей съ русскими князьями онъ прибѣгалъ къ заключенію съ ними браковъ. Не менѣе важною причиною успѣха нѣмцевъ нужно считать и то обстоятельство, что Альбертъ съумѣлъ заинтересовать всѣхъ и каждаго въ дѣлѣ покоренія туземцевъ: простые пилигримы чрезъ годъ могли возвращаться домой съ великою добычею, съ мыслью о совершенномъ святомъ дѣлѣ и съ увѣренностью въ прощеніи содѣланныхъ грѣховъ, а болѣе знатные получали въ ленъ земли съ туземными замками, гдѣ имъ рисовалась по завоеваніи страны привольная и безпечная жизнь, соединенная со всѣми удобствами человѣка, удовлетвореніе потребностей и прихотей котораго не встрѣчаетъ особенныхъ преградъ. Съ другой стороны и обстоятельства, независѣвшія отъ завоевателей, видимо благопріятствовали имъ. Вражда, господствовавшая между туземцами и отсутствіе у нихъ политической дальновидности съ одной стороны, враждебныя отношенія къ русскимъ, политическія неурядицы русскихъ князей и отвлеченіе ихъ вниманія отъ своихъ бывшихъ данниковъ—туземцевъ съ другой—суть условія, значительно облегчавшія завоеваніе страны нѣмцами. Но безспорно первое мѣсто между всѣми перечисленными факторами, содѣйствовавшими успѣшному завоеванію страны, принадлежитъ ордену меченосцевъ.

Время учрежденія ордена въ наукѣ еще не опредѣлено съ точностію. Ученый Гильдебрандъ [1]) полагаетъ, что происхожденіе его нельзя пріурочить къ какому либо опредѣленному пункту времени и признаетъ постепенное возникновеніе его. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на то обстоятельство, что когда братья рыцарства въ первый разъ упоминаются въ актѣ 1204 г., они являются не въ качествѣ прочно организованнаго общества, но только, какъ „вѣрные міряне, которые въ одѣяніи тамплiеровъ храбро и могущественно сопротивляются варварамъ“ [2]). Ученый Бунге [3]), котораго изслѣдованіемъ объ орденѣ мы главнымъ образомъ пользовались, полагаетъ учрежденіе ордена между 1202—1204 г. Отстраняя

[1]) Die Chronik Heinr. v. Lettl. p. 59.

[2]) U. B. n. 14: fideles laici, qui sub templariorum habitu barbaris resistent viriliter et potenter.

[3]) Der Orden d. Schwertbrüder. Leipzig 1875 p. 8.

различныя предположенія другихъ хроникеровъ о возникновеніи ордена, Бунге принимаетъ разсказъ Генриха Латышскаго, по которому орденъ основанъ монахомъ Теодорихомъ, какъ мѣстоблюстителемъ еп. Альберта, во время его отсутствія изъ Лифляндіи [1]). Но даже и при этомъ предположеніи едва ли можно мыслить, чтобы Теодорихъ дѣйствовалъ при этомъ вполнѣ по своей иниціативѣ; скорѣе съ большимъ правдоподобіемъ нужно принять, что учрежденіе ордена было уже прежде намѣчено однимъ Альбертомъ или совмѣстно съ Теодорихомъ, и что послѣдній въ отсутствіе Альберта приступилъ только къ выполненію его, вызвалъ къ существованію проэктированный орденъ, когда „поставилъ нѣкоторыхъ братьевъ воинства Христова“, которые первый разъ въ 1205 году принимаютъ участіе въ походѣ противъ языческихъ литовцевъ [2]). Миссія ордена состояла въ охранѣ и защитѣ новоучрежденной церкви Христовой и въ покореніи и обращеніи ея враговъ. Сообразно съ этимъ назначеніемъ въ организаціи его выступаютъ два элемента—военный и религіозный. Въ отношеніи къ послѣднему папою Инокентіемъ III въ 1204 году [3]) ордену были предписаны правила тампліеровъ, состоявшія въ слѣдующемъ: члены его дѣлились на три класса—братьевъ рыцарей, братьевъ священниковъ и братьевъ служащихъ (fratres servientes, servi fratrum militiae, famuli). Въ главѣ ихъ стоялъ магистръ ордена, которому были подчинены и нѣкоторые второстепенные чины, напр. praeceptor, намѣстникъ магистра во время вакансіи должности послѣдняго, провинціальный магистръ (извѣстенъ magister militiae de Wenden; онъ назывался вѣроятно также и Comthur), начальники отдѣльныхъ замковъ (pfleger), орденскій маршалъ или полководецъ, казначей и орденскіе судьи (ordens Vögte). У братьевъ рыцарей была общая одежда, бѣлая мантія съ краснымъ мечемъ и краснымъ крестомъ, отличавшая ихъ отъ братьевъ священниковъ, имѣвшихъ узкій

---

[1]) Heinr. VI, 6: Eodem tempore (т. е. 1202 г.) prevídens idem frater Theodericus perfidiam Lyvonum et multitudini paganorum non posse resistere metuens et ideo ad multiplicandum numerum fidelium et ad conservandam in in gentibus ecclesiam, fratres quosdam milicie Christi instituit, quibus dominus papa Innocencius regulam templariorum commisit et signum in veste ferendum dedit scilicet gladium et crucem et sub obedientia sui episcopi esse mandavit.

[2]) Heinr. IX, 2. [3]) U. B. nn. 16. 17.

бѣлый сюртукъ и красный крестъ на груди. Братья священники могли быть и не благороднаго происхожденія. По мнѣнію Бунге они не давали обѣта борьбы съ язычниками. Отъ ордена они получали только пропитаніе и лучшее одѣяніе и пользовались особеннымъ почетомъ предъ остальными братьями, за столомъ они сидѣли близъ магистра и первые угощались. Отъ нихъ нужно различать приходскихъ священниковъ въ орденскихъ церквахъ, которые могли и не быть орденскими братьями. Братья рыцари сражались подъ собственнымъ знаменемъ. Братья служащіе имѣли сюртуки темнаго, чернаго и коричневаго цвѣта и можетъ быть мечъ. Къ нему причислялись вѣроятно и т. н. собратья (confratres), которые могли быть и изъ рижскихъ горожанъ, вступившихъ въ орденъ со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, взамѣнъ чего они пользовались правомъ посѣщенія орденскихъ церквей, погребенія на орденскихъ кладбищахъ, заупокойныхъ литургій и т. п. въ случаѣ интердикта. Всѣ члены ордена давали четыре обѣта: послушанія, цѣломудрія, бѣдности и борьбы съ невѣрными. Когда около 1207 года число орденскихъ братьевъ значительно увеличилось, то они заявили претензію на третью часть уже завоеванной и имѣющей быть завоеванной въ будущемъ страны, которая была дарована еп. Альберту германскимъ императоромъ Филиппомъ, какъ его сюзереномъ [1]). Альбертъ долженъ былъ признать за орденомъ третью часть завоеванной страны въ формѣ лена (cum omni jure et dominio). Тоже самое присудилъ ему и папа, но относительно земель имѣющихъ быть завоеванными папа постановилъ, чтобы раздѣлъ ихъ совершался по взаимному согласію епископовъ и рыцарей или же по распоряженію апостольскаго престола [2]). Сообразно съ этимъ страна по лѣвую сторону рѣки Койвы до Двины досталась ордену [3]). Этотъ принципъ раздѣла земель не строго соблю-

---

[1]) Heinr. X, 17; XI, 3.

[2]) U. B. n. 16. De terris, quas a modo extra Livoniam seu Lethiam dicti fratres acquirent, Rigensi episcopo minime respondebunt, sed cum episcopis, creandis ibidem quoque rationabili modo component, vel abservabunt, quod apostolica sedes super hoc provi derit statuendum. Извѣстія позднѣйшихъ хроникеровъ и слѣдующихъ имъ историковъ о томъ, что ордену тотчасъ по его учрежденіи была отдана третья часть земли въ собственность, нужно считать невѣрными, ибо они прямо противорѣчатъ достовѣрнымъ даннымъ актовъ.

[3]) Heinr. XI, 3.

дался при урегулированіи территоріальныхъ споровъ ордена съ епископами. Само собою разумѣется, что чѣмъ далѣе подвигались завоеванія, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ поземельныхъ владѣній орденъ и тѣмъ могущественнѣе онъ становился. Мы видимъ, что по мѣрѣ учрежденія новыхъ епископій орденъ пріобрѣталъ новыя владѣнія. Такъ въ 1224 году при основаніи дерптской епископіи орденъ получилъ половину земель: именно западную часть провинціи Сакалы, весь Нурмегундъ, Моху и половину Вайги [1]) При основаніи эзельской епархіи въ 1228 году ордену досталась третья часть земель, простиравшаяся на часть Эзеля, Мона и Війка. Въ Війкѣ орденъ получилъ четвертую часть земли съ полной свободой подъ условіемъ вѣрной помощи противъ могущественныхъ вассаловъ мѣстнаго епископа [2]). Впослѣдствіи ордену достались и ленныя помѣстья [3]). Епископъ выполнялъ здѣсь только духовныя обязанности [4]). Въ курляндской и земигальской епископіяхъ орденъ получилъ третью часть съ десятиной и свѣтской юрисдикціей. Здѣсь въ частяхъ ордена епископъ не имѣлъ никакого верховенства и могъ отправлять только духовную юрисдикцію. Свободнѣе всего чувствовалъ себя орденъ въ курляндской епископіи, какъ полный господинъ, ни отъ кого не зависящій, тогда какъ въ Війкѣ и Гервіи его независимость все же связывалась нѣкоторыми обѣщаніями и условіями. Эзельскому епископу и датскому королю орденъ всегда долженъ былъ оказывать вѣрную помощь. Въ 1227 году орденъ завоевалъ отъ датчанъ эстонскія области Гаррію, Вироніо и Гервію, изъ которыхъ ни одному епископу не досталась ничего. По Стенбійскому договору Гервія перешла къ ордену въ вѣчное владѣніе со всѣми правами и свѣтскими выгодами [5]). По вычисленію ученаго Бунге [6]) орденъ въ концѣ третьяго десятилѣтія XIII в. имѣлъ во всей Лифляндіи около 730 кв. географическихъ миль земли.

Вопросъ о свѣтской зависимости ордена отъ мѣстныхъ епископовъ до сихъ поръ остается спорнымъ въ области лифляндской исторіи. Бунге на ряду съ духовной зависимостью при

---

[1]) U. B. nn. 62—63. [2]) Ibidem. nn. 170. 2722—24.
Ibid. n. 2735. [4]) Ibid. III, n. 156. [5]) Ibid. n. 160.
L... c. p. 45.

знаетъ и зависимость свѣтскую, а Радлевъ стоитъ только за зависимость перваго рода. Бунге въ этомъ случаѣ основывается на ближайшемъ пониманіи самаго текста правовыхъ источниковъ и не удаляется столько отъ его непосредственнаго содержанія, какъ Радлевъ. Мнѣніе Бунге имѣетъ болѣе характеръ апріорный или юридически-документальный, мнѣніе Радлева — историко-практическій. Можно однако считать безспорнымъ, что первоначально орденъ получалъ отъ епископовъ земли въ ленъ (feudum) и долженъ былъ оказывать имъ послушаніе, которое было утверждено папою еще при соединеніи орденовъ [1]) и признано позже самимъ орденомъ [2]). И только въ 1366 году архіепископъ рижскій отказался отъ своего леннаго господства [3]), что можетъ быть сдѣлали и остальные епископы или тогда же, или еще раньше [4]). Въ содержаніе епископскаго леннаго господства входили — вѣрность (fidelitas) и послушаніе (obedientia) орденскаго магистра мѣстному епископу. Послушаніе врядъ ли обнимало одну только каноническую область, какъ думаетъ Радлевъ, но имѣло и ленное правовое значеніе, какъ показываетъ Бунге [5]). Ленная вѣрность обязывала вассала прежде всего къ ленной службѣ (servitium temporale), состоявшей въ защитѣ страны и церкви противъ враговъ и особенно язычниковъ. Но и самъ епископъ иногда по просьбѣ магистра ордена отправлялъ въ походъ и своихъ вассаловъ и земское ополченіе и становился во главѣ ихъ [6]). Свѣтскую юрисдикцію епископъ отправлялъ не только надъ магистромъ, но и надъ остальными, принадлежащими къ ордену лицами, орденскими братьями и жителями на орденской землѣ, хотя надъ послѣдними только во второй инстанціи, ибо въ первой инстанціи ихъ судьею былъ магистръ ордена [7]). Въ отношеніи духовной юрисдикціи подъ вѣденіемъ епископа находились всѣ духовныя лица, какъ приходскіе священники, такъ и орденскіе на орденскихъ земляхъ [8]). Орденскіе священники были только сво-

---

[1]) U. B. n. 149.

[2]) Ibid. n. 3024 (Актъ архіеп. Альберта отъ 12 дек. 1254 г.).

[3]) Ibid. n. 1033. Актъ вел. магистра Виприха Книпрода отъ 7 мая 1366 года.

[4]) Bunge, l. c. p. 51. Anmerk. 207.

[5]) Das Verhältniss d. livl. Ordens zu d. Landbisch. u. zu Stadt. Riga Dorpat 1875, p. 5—6. [6]) L. c. p. 52.

[7]) Bunge l. c. p. 55. [8]) U. B. n. 73. в.

бодны отъ обычныхъ повинностей въ пользу епископа, именно, десятины, начатковъ (primitiae), приношеній (oblationes) и каѳедральнаго взноса (cathedraticum) [1]) Для выполненія своихъ духовныхъ обязанностей епископъ имѣлъ право визитаціи въ орденской области и рыцари должны были принимать и угощать его въ замкахъ ежегодно разъ, а въ приходахъ—дважды въ году. [2]). При раздѣлѣ земель за орденомъ оставались лежавшія въ его частяхъ церкви, черезъ что онъ пріобрѣталъ въ нихъ, а равно и во вновь построенныхъ имъ церквахъ, права патронатства, въ силу котораго въ случаѣ ваканціи рыцари ордена имѣли право представлять мѣстному епископу годное лицо и послѣдній не могъ отказать ему въ инвеститурѣ [3]). Власть епископа ограничивалась еще тѣмъ, что какъ орденъ, такъ и духовные въ замкахъ и приходахъ, были освобождены отъ десятины. Епископъ имѣлъ право получать только четвертую часть десятины, которую крестьяне орденской области платили своимъ церквамъ. Земли, непосредственно принадлежавшія орденскимъ замкамъ, равно какъ и имѣнія приходскихъ священниковъ на земляхъ ордена, были свободны отъ всякой десятины. Уже преемникъ еп. Альберта Николай въ виду трудности раздѣла и сбора этой части десятины, какъ сказано въ актѣ, отказался отъ своего права на эту часть десятины [4]). взамѣнъ чего орденъ обязался платить ему ежегодно 7 ластовъ хлѣба или 12 марокъ серебра, оставивъ впрочемъ за своимъ преемникомъ право измѣнить заключенный договоръ, а въ 1256 году при архіеп. Альбертѣ были окончательно улажены споры относительно четвертой части десятины [5]). Теперь уже вся десятина, которую платили люди орденской области, сдѣ-

---

[1]) Ibid. n. 16. Булла Иннокентія III отъ 20 окт. 1210 года. Послѣднюю повинность приходскіе священники обязаны были представлять епископу ежегодно при епархіальномъ соборѣ.

[2]) Ibid. Ceterum cum tu (scilicet episcopus Rigensis) ac tuorum quilibet ipsos (т. е. рыцарей) cluderitis visitandos in domo sua cum viginti evectionibus semel vos procurabunt in anno, in plebatibus autem suis bis in anno vos exhibere curabunt.

[3]) Ibidem. Fratres et succesfores eorum jus habebunt, ad prefatas ecclesias, cum vacaverint, Rigensi episcopo personas idoneas presentare, quas ipse de cura investiri non differet animarum. Такое же право имѣлъ орденъ въ дерптской (ibid. n. 62) и эзельской епископіяхъ (ibid. nn. 99, a. 141, a).

[4]) Ibid. III, n. 159, a. [5]) Ibid. n. 288.

лалась принадлежностью ордена, а не его церквей, вслѣдствіе чего десятина лишилась своего церковнаго характера. Въ послѣдующихъ актахъ при раздѣлѣ земель орденъ обыкновенно получаетъ земли „cum decimis“, въ нихъ прямо говорится, что люди ордена должны платить десятину ордену, а люди епископа—епископу [1]). Уже папа Григорій IX нашелъ нужнымъ внушать ордену Ливонскому, чтобы онъ не вымогалъ у туземцевъ десятины съ парныхъ полей, садовъ, кустарниковъ и корма скота [2]). Основываясь на 84-мъ актѣ, можно почти съ достовѣрностію утверждать, что въ Лифляндіи только одна десятая часть десятины дѣйствительно ежегодно шла на содержаніе церкви [3]). Что касается права визитаціи епископомъ орденскихъ домовъ и церквей, то оно постепенно теряло всякое значеніе. О немъ уже не упоминается въ договорахъ относительно дерптской и эзельской епископіи. Въ одномъ договорѣ съ Эзелемъ констатируется только двойная визитація эзельскаго епископа, изъ чего можно думать, что тогда онъ не имѣлъ права визитаціи орденскихъ домовъ совершавшейся однажды въ годъ [4]). Чѣмъ болѣе возрастало могущество ордена, тѣмъ болѣе усиливались его стремленія освободиться изъ подъ зависимости епископовъ. Орденъ нерѣдко выпрашивалъ у им-

---

[1]) Ibid. nn. 63, 70. 218, 219, 264 и др.

[2]) Ibid. VI. Reg. n. 110 c: ut nemo ab ipsis de novalibus, hortis, virgultis et ipsorum animalium nutrimentis decimas exigere vel extorquere praesumaut; ср. ibid. III Reg. n. 190, a.

[3]) Въ этомъ актѣ еп. Альбертъ уступилъ въ 1226 году магистру ордена quarta decimarum съ Вейденской и Сегевольдской области взамѣнъ извѣстной денежной суммы, съ тѣмъ однако, что если епископъ въ установленный терминъ возвратитъ магистру эти деньги, то послѣдній обязанъ дать епископу 9 ластовъ ржи за первый годъ, въ который онъ получилъ себѣ часть слѣдуемую епископу, удержавъ за собой десятый ластъ за двѣ половины, которыя епископъ долженъ двумъ церквамъ магистра въ указанныхъ замкахъ (reddat magister episcopo novem last siligidis pro primo anno, quo percepit episcopi partem, retendo decimo last pro duobus dimidiis, quae debet episcopus duabus ecclesiis magistri in praedictis castris). Здѣсь вся спорная четверть состоитъ въ десяти ластахъ; одну часть ея епископъ долженъ давать ежегодно обѣимъ церквамъ, на каждую—половина ласта. Магистръ же, который получалъ три четверти, т. е. 30 ластовъ, долженъ давать обѣимъ церквамъ, какъ говорится дальше, ежегодно полтора ласта, вмѣстѣ—три ласта.

[4]) Ibid. III, n. 99, a. Поводомъ къ утратѣ епископомъ этого права послужило можетъ быть отсутствіе иногда священниковъ въ орденскихъ домахъ и соединеніе лифляндскаго ордена съ нѣмецкимъ, который пользовался гораздо большею независимостію отъ епископовъ, чѣмъ лифляндскій.

нераторовъ подтвержденіе за собой областей, полученныхъ отъ епископа и завоеванныхъ самостоятельно, но все же не достигъ желанной цѣли. Отсюда, почти безпрерывная внутренняя вражда и продолжительные процессы предъ императорами и папами представляютъ болѣе чѣмъ два столѣтія главное содержаніе внѣшней или политической исторіи Лифляндіи“ [1]). Еще легатъ Вильгельмъ въ 1226 году замѣтилъ, что „распря, которая изъ года въ годъ происходитъ изъ-за дѣлежа земель, питаетъ ненависть и зависть, и общественная молва и очевидность фактовъ ясно доказываютъ, что изъ этого злаго корня выростетъ тяжелое препятствіе къ обращенію язычниковъ“ [2]). Другой факторъ этихъ безпрерывныхъ споровъ скрывался въ привиллегіяхъ и правахъ, которыхъ домогалась или отстаивала та или другая сторона, и если эти привиллегіи нерѣдко касались владѣнія церквами, прихожанами, свободою богослуженія и т. п., то отсюда еще нельзя приписывать этимъ спорамъ церковный характеръ, какъ это дѣлаетъ Радлевъ [3]). Достигши верха своего могущества, орденъ нажилъ себѣ много враговъ. Съ сѣвера нужно было ожидать нападенія датчанъ съ цѣлію возвратить свои прежнія области; съ востока русскіе ждали только удобнаго случая возвратить отнятыя владѣнія; на югѣ куроны и земигалы не были еще совсѣмъ покорены, а за ними грозили могущественные литовцы своими опустошительными набѣгами. Эти опасности побудили магистра Вольквина вѣроятно уже въ 1231 году рѣшиться на соединеніе своего ордена съ нѣмецкимъ. Роковое пораженіе меченосцевъ литовцами при Саулѣ въ Курляндіи 22 сентября 1236 года [4]), гдѣ палъ самъ магистръ ордена Вольквинъ, уничтожило всѣ колебанія. 12 мая 1237 года въ Витербѣ послѣдовало торжественное принятіе папою Григоріемъ IX въ присутствіи великаго магистра Германа Зальца ордена меченосцевъ въ орденъ Тевтонскій [5]). Чрезъ

---

[1]) Bunge l. c. p. 47.

[2]) U. B. n. 83: cum ea, quae inter habitatores Livoniae Teutonicos super divisione terrarum acquirendarum annis singulis oriebatur, discordia odii fomitem et invidiae generaret, ex qua radice pessima grave impedimentum ad conversionem gentium evidentissime nascebatur, sicut et fama publica et facti evidentia comprobant.

[3]) L. c. p. 50—53.

[4]) Reimch. v. 1906 и Albertstad въ Mon. Germ. t. XVI, p. 368.

[5]) U. B. № 149.

это соединеніе двухъ орденовъ образовалась сила, которой трудно было туземцамъ противостоять; этимъ безвозвратно предрѣшалась ихъ будущая судьба.

Въ слѣдующемъ 1238 году 7 іюня былъ заключенъ между орденомъ и датскимъ королемъ Вальдемаромъ IV Стенбійскій договоръ [1]), который для ордена имѣетъ важное значеніе. Въ 1236 году [2]) Ревель, Горрія, Гервія и Виронія были присуждены папою Вальдемару датскому, который вынужденъ былъ выступить въ 1238 году съ войскомъ для овладѣнія присужденными ему землями; къ нему явились легатъ Вильгельмъ и магистръ Германъ Бальке и заключили съ нимъ Стенбійскій договоръ. По этому договору орденъ обѣщаетъ не домогаться отъ короля земель, которыми уже владѣетъ и будетъ владѣть, а напротивъ будетъ помогать пріобрѣтать ихъ своими средствами (expensis), впрочемъ такъ, чтобы онъ не воевалъ безъ позволенія и приказанія папы противъ христіанъ, что съ своей стороны обѣщаетъ и король по отношенію къ ордену. Изъ земель, пріобрѣтенныхъ общими силами отъ язычниковъ, король получаетъ двѣ части, а орденъ только одну со всѣми свѣтскими правами и пользованіемъ (cum omni jure et commodo temporali). Далѣе, орденъ обѣщаетъ передать королю занятый имъ ревельскій замокъ въ цѣлости со всѣми укрѣпленіями, увезши предварительно съ собою оружіе, жизненные припасы и утварь. Взамѣнъ этого король даритъ ордену областъ Гервію въ вѣчную собственность, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы орденъ безъ согласія его и его преемниковъ не возводилъ въ ней никакихъ укрѣпленій. Архіепископъ Лундскій съ своей стороны передалъ ордену въ Гервіи духовныя права (spiritualia), насколько орденъ имѣетъ ихъ отъ епископовъ Эстоніи (prout ab episcopis Estoniae spiritualia habere dinoscuntur) [3]). Затѣмъ король обѣщаетъ не вторгаться въ земли ордена, полученныя

---

[1]) Ibid. № 160. [2]) Ibid. № 146.

[3]) По справедливому толкованію Радлева (l. c. p. 39—40) здѣсь подъ spiritualia не могутъ быть разумѣемы спеціальныя функціи епископа, а то, что обыкновенно называлось temporalia, т. е. десятина, патрональное право, собственныя кладбища, свобода отъ церковныхъ налоговъ и т. п. А подъ епископами Эстоніи нужно разумѣть епископовъ дерптскаго, эзельскаго и рижскаго на томъ основаніи, что датчане Эстонію понимали въ обширномъ смыслѣ (U. B. № 467).

отъ епископа, и въ земли, находящіяся на Эзелѣ и Війкѣ. Наконецъ архіепископъ Луидскій и легатъ Вильгельмъ отказываются отъ десятинъ и другихъ доходовъ въ названныхъ земляхъ въ пользу ордена. Такимъ образомъ орденъ сталъ въ устойчивое отношнніе къ датскому королю и пріобрѣлъ законнымъ путемъ въ нѣкоторыхъ своихъ владѣніяхъ и церковныя права. Само собою понятно, что такая могущественная власть могла легко не уступать ни въ чемъ епископамъ, какъ своимъ сюзеренамъ. Еще въ 1211 году орденъ пытался выпросить у папы собственнаго епископа, но просьба его была отвергнута [1]). Эта рознь, это преслѣдованіе особыхъ цѣлей орденомъ, даютъ о себѣ знать уже на первыхъ порахъ, какъ мы могли замѣтить въ разсказѣ Генриха, который впрочемъ мало касается отношенія между высшими властями страны. Хроникеръ Альберикъ въ 1232 году, упоминая о спорахъ ордена съ папскимъ легатомъ Бальдуиномъ Альнскимъ, замѣчаетъ объ орденскихъ братьяхъ слѣдующее: „хотя они и признаютъ себя принадлежащими къ ордену тампліеровъ, однако ни въ чемъ не подчиняются тампліерамъ и, будучи купцами и богачами, которые были изгнаны нѣкогда изъ Саксоніи за злодѣянія (et olim a Saxonia pro sceleribus banniti), они возгордились до того, что думали жить безъ закона и царя (jam in tantum excreverant, quod se posse vivere sine lege et sine rege credebant)“ [2]). А если такъ, то намъ становится понятна та жалкая роль, которую должны были играть новокрещенные и новопокоренные безсильные туземцы во время господства въ Лифляндіи средневѣковаго кулачнаго права, ибо борьба между епископами и орденомъ сосредоточивалась главнымъ образомъ на обладаніи различными правами надъ туземцами и ихъ землею. Жалобы на насилія рыцарей мы слышимъ повсюду въ покоренной странѣ.

---

[1]) U. B. № 24.

[2]) Monum. Germ. hist. t. XXIII, p. 930. Бунге (l. c. p. 88—89) считаетъ это извѣстіе всегда достовѣрнаго Альбериха преувеличеннымъ подъ вліяніемъ врага ордена Бальдуина Альнскаго, хотя и не отрицаетъ, что орденъ часто черезъ своихъ агентовъ велъ торговыя операціи, и что иногда, но только послѣ своего распаденія, принималъ въ число своихъ членовъ наказанныхъ и отлученныхъ. Мало того,—онъ допускаетъ, что бывшіе въ Германіи въ началѣ XIII в. многочисленные рыцари-грабители, желая освободиться отъ отлученія, давали обѣтъ принять участіе въ крестовомъ походѣ въ Лифляндію, гдѣ нѣкоторые дѣйствительно могли вступить въ орденъ.

Около 1299 года прокураторы архіепископа рижскаго Іоанна III и его капитула подали папѣ жалобу на орденъ [1]), гдѣ обвиняли его въ томъ, что онъ всецѣло стремится къ пріобрѣтенію свѣтскаго права (temporalium) и расширенію собственной власти, пренебрегаетъ подавленіемъ язычниковъ, иногда даже притѣсняетъ христіанъ ливонскихъ и православную вѣру при помощи невѣрныхъ и преслѣдуетъ ихъ, какъ враговъ [2]), что магистръ и братья со времени соединенія орденовъ совершали большія грабежи, похищенія, вымогательства, возмущенія, нестерпимо оскорбляли и тиранили новообращенныхъ и разграбляли ихъ имущество [3]); что въ частяхъ братьевъ рыцарства не только прекратилось совершенно распространеніе христіанства, но что даже во многихъ мѣстахъ и у многихъ народовъ вѣра христіанская потерпѣла не вознаградимыя потери, [4]) что весь земигальскій народъ былъ обращенъ въ христіанство до соединенія орденовъ и имѣлъ собственнаго епископа, но послѣ этого отрекся отъ принятой вѣры и продолжаетъ блуждать во тьмѣ язычества [5]). Около того же времени клиръ и народъ Эзельскій просили чрезъ пословъ у своего епископа защиты противъ насилій братьевъ рыцарства, которые разграбили и опустошили огнемъ всѣ владѣнія этого епископа и разрушили множество церквей, разграбили алтари, переломали образа Бога и Дѣвы Маріи, сожгли богадѣльни и учинили большія жестокости, чѣмъ сами невѣрные“ [6]). Подобныя же насилія господствовали и въ Кур-

---

[1]) U. B. № 584.

[2]) Ibid. acquisitioni temporalium et dilatationi propriae potestatis temere et otaliter intendentes, nedum neglexerunt et contradixerunt dictorum paganorum conatus nefarios reprimeve, immo ipsorum infidelium quandoque auxilio advocato fidem orthodoxam et totum populum christianum Livoniae... oppresserunt et miserabilites velut hostes persecuti sunt.

[3]) Ibid. magister et ipsi fratres a tempore unionis predictae, graves rapinas, depredationes, exactiones, seditiones, guerras et intolerabiles tyrannides in totum populum... tunc de novo conversum et bona eorum passim exercuevint hostiliter et de die in diem exercere non verentur.

[4]) Ibid. in illis partibus nedum assevit totaliter propagatio Christianae fidei immo quoad multa loca et populos infinitos irreparabilia sustinuit fides et sustinet detrimenta.

[5]) О подобныхъ же дѣйствіяхъ рыцарей въ Лифляндіи и ихъ послѣдствіяхъ см. U. B. № 585.

[6]) U. B. № 586.

ляндіи въ XIII—XIV вѣкахъ. Такъ однажды послѣ разграбленія въ Курляндіи епископской деревни Barbonem [1]) одинъ рыцарь, встрѣтивъ епископскаго разсыльнаго, несшаго въ Амбетенъ въ оловянной бутылкѣ вино и облатки для совершенія евхаристіи, отнялъ у него бутылку и опорожнилъ, а облатки отдалъ своему слугѣ со словами: „вотъ облатки господина епископа, растопчи ихъ ногами“, что слуга и сдѣлалъ. Въ другой жалобѣ на Курляндскихъ рыцарей [2]) говорится, что въ Курляндской церкви издавна существовали свѣтскіе каноники, да и теперь еще существуютъ каноники изъ ордена, что братья орденскіе держатъ у себя апостатовъ и сообщаются съ ними, что они поставили у себя священниками апостатовъ цистерціанскаго ордена и держатъ ихъ въ качествѣ своихъ капелановъ, что они изгнали монаховъ цистерціанскаго ордена изъ динаминдскаго монастыря и т. п. [3]). О рыцаряхъ вообще извѣстно, что они „препятствовали братьямъ проповѣдникамъ и миноритамъ и другимъ благочестивымъ людямъ и свѣтскимъ клирикамъ предлагать въ своихъ владѣніяхъ слова спасенія или проходить чрезъ нихъ для проповѣди язычникамъ и невѣрнымъ; [4]) что они всячески притѣсняли не окрѣпшихъ еще въ вѣрѣ новообращенныхъ, возлагая на нихъ тяжелое и нестерпимое бремя и низводя ихъ нѣкоторымъ образомъ въ рабство, не позволяя сооружать для нихъ церкви, молитвенные дома или капеллы [5])“. Если даже допустить, что въ выше приведенныхъ извѣстіяхъ кое что преувеличено, что очень возможно, то и тогда все же на рыцаряхъ остается неизгладимое пятно средневѣковаго кулачнаго права, занесеннаго ими въ чужой край.

---

[1]) Ibid. № 603. [2]) Ibid. № 638 (20 марта 1312 г.).

[3]) U. B. № 638: in ecclesia Curonensi olim fuerunt canonici seculares et modo sunt ibi canonici de ordine dictorum fratrum.... fratres tenent apostatos et cum eis communicant... fratres fecerunt apostatos ordinis Cisterciensis sacerdotes in eorum locis celebrare et eos tenent pro capellanis eorum etc.

[4]) Ibid. № 700 (10 февраля 1324 г.): praedicatorum et minorum fratres nec non religiosos alios et clericos seculares impediebant, quominus in partibus solutis verba proponere, vel per terras et loca eorum ire et redire libere et secure valevent ad predicandum paganis et infidelibus Verbum Dei.

[5]) Ibid.: quod ipsi (i. e. fratres) neofitas... multiplicium oppressionum premebant incommodis, gravia et importabilia onera imponentes eisdem et eos in servitutem quodam modo redigentes, non permittentes per locorum ordinarios, seu per alios, auctoritate et licentia ordinariorum pro dictis neophitis aedificari et construi ecclesias, oratoria vel capellas etc...

Обратимся теперь къ церковной сторонѣ внутреннихъ отношеній.

По мѣрѣ расширенія территоріальныхъ пріобрѣтеній въ странѣ возникали новыя епископіи, которыхъ въ 1225 году при первомъ посѣщеніи Лифляндіи легатомъ Вильгельмомъ насчитывалось уже пять. [1]) По старшинству первое мѣсто принадлежитъ рижской первоначально Икскильской епископіи. Получивъ свое основаніе отъ Бременскаго архіепископа, рижская епископія находилась въ зависимости отъ него до 20 февраля 1214 года, когда папа Иннокентій III освободилъ ее отъ этой зависимости [2]). Вѣроятно еще въ 1210 году Альбертъ получилъ отъ папы полномочіе какъ архіепископъ „выбирать и посвящать епископовъ въ заморскихъ странахъ, которыя Богъ чрезъ Ливонскую церковь покорилъ христіанской вѣрѣ“ [3]). Замѣчательно, что освобождая рижскую церковь отъ зависимости по отношенію къ бременскому архіепископу, Иннокентій утверждаетъ, что она „съ незапамятныхъ временъ никогда не подчинялась власти какой либо митрополіи (cum in memoria hominum non existat, Rigensem ecclesiam alicui metropolitico juri subesse); вопросъ этотъ однако папа считалъ столь важнымъ, что не рѣшилъ его пока окончательно, но постановилъ только, чтобы впредь до рѣшенія его общимъ соборомъ рижскій епископъ не подчинялся никому, какъ своему митрополиту (ut donec in generali concilio super hoc aliquid certum duxerimus statuendum, nulli, tamquam metropolitano, interim respondere cogaris). Утверждая это, папа игнорируетъ всѣ предшествующія постановленія по этому вопросу и даже прямо противорѣчитъ имъ, но если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что хотя de jure зависимость рижской церкви отъ бременской признавалась и папою и Альбертомъ, но de facto рижская церковь до сихъ поръ не чувствовала этой зависимости, то указанное противорѣчіе нѣсколько ослабляется и приведенное утвержденіе папы можетъ относиться къ практической сторонѣ дѣла. Потому папа въ этой буллѣ не рѣшаетъ окончательно и формально вопроса о независимости рижской церкви отъ бременской. Иннокентій повидимому пытался развить въ отдаленной Ливоніи римское господство до послѣднихъ

---

[1]) Heinr. XXIX, 2. [2]) U. B. № 26. [3]) Heinr. XV, 4.

предѣловъ. Его дальнѣйшія распоряженія, касающіяся Лифляндіи, свидѣтельствуютъ, что онъ хотѣлъ учредить здѣсь множество церковныхъ правительственныхъ областей, независимыхъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ каждой посредствующей провинціальной власти, управляемыхъ непосредственно и исключительно изъ Рима. Отсюда естественно было сдѣлать рижскую церковь самостоятельною и учредить въ другихъ частяхъ Эстоніи новыя независимыя отъ Риги епископіи [1]). Что онъ имѣлъ въ виду провести свой планъ послѣдовательно, свидѣтельствуетъ дѣло объ основаніи Сакаланской епископіи. Орденъ, получивъ себѣ безусловно Сакалу и Угаунію, съ соблюденіемъ впрочемъ правъ церкви и епископа [2]), вѣроятно уже осенью 1211 года хлопоталъ о поставленіи особаго епископа вновь завоеванной области, но папа естественно отказалъ въ этой просьбѣ [3]), потому что уступка ордену показалась бы нѣкоторымъ униженіемъ его власти. Возможно, что благодаря неотступнымъ просьбамъ ордена, а вѣроятнѣе слѣдуя обычному своему политическому принципу divide et impera, папа поручилъ своему легату архіепископу Лундскому Андрею, который въ противовѣсъ рижской церкви былъ возведенъ въ легаты и викаріи папы для окрестныхъ языческихъ народовъ [4]), впрочемъ не въ своемъ личномъ правѣ легата, что представлялось м. б. нѣсколько опаснымъ для папы, но вмѣстѣ съ капитуломъ и прелатами своей церкви, учредить для Сакалы и Угауніи епископію, если того потребуетъ мѣстность и хватитъ на то средствъ [5]), и въ то же время утвердилъ за орденомъ его права на Сакалу и Угаунію, съ соблюденіемъ правъ епископа и церкви [6]). Если мы въ послѣдующихъ распоряженіяхъ папы видимъ непослѣдовательность, то это нисколько не свидѣтельствуетъ противъ его политики. Если поведеніе рыцарей въ отношеніи къ эстонскимъ заложникамъ строго порицается папою [7]) и этимъ прямо признается право Теодориха на Сакалу и Угаунію, ибо нѣмцы могли получать заложниковъ только изъ Асшаде въ Сакалѣ [8]), то здѣсь очевидная для насъ непослѣдова-

---

[1]) Dehio. l. c. p. 174. [2]) U. B. №№ 30. 29. [3]) Ibid. № 24.
[4]) Liljegren № 143, (12 апр. 1212 года).
[5]) U. B. № 29 (11 окт. 1213 г.); ср. Heinr. X, 13.
[6]) Ibid. № 38 (11 окт. 1213 года).
[7]) Ibid. № 36. [8]) Heinr. XV, 7.

тельность папы скорѣе объясняется искусной политикой лифляндскихъ господъ, проходящею чрезъ всю лифляндскую исторію, предъ папскимъ престоломъ, чѣмъ его забывчивостью или уступчивостью. Это предположеніе до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что папа дѣйствительно не имѣлъ яснаго понятія о лифляндскихъ дѣлахъ, наприм. относительно Сакалы и Угауніи папа думалъ, что онѣ недавно были обращены въ христіанство и обнимали громадное пространство [1]), и эстонская провинція, назначенная для епископіи Альберта, казалась ему большею частію обращенною въ христіанство [2]). Когда осенью 1215 года Альбертъ и 7 еп. Теодориха отправились въ Римъ на латеранскій соборъ, на которомъ вѣроятно обсуждались и лифляндскія дѣла, ибо болѣе точное рѣшеніе относительно независимости рижской епископіи папа отложилъ до всеобщаго собора, то Иннокентій, понявъ свое заблужденіе, отступилъ нѣсколько отъ своихъ прежнихъ распоряженій, строго держась однако своей политики. Здѣсь была вѣроятно признана самостоятельность рижской епископіи съ прямымъ подчиненіемъ ея вмѣстѣ съ эстонской епископіей папской куріи, но планъ образовать новую епископію для Сакалы и Угауніи, что собственно и представляло жгучій вопросъ, былъ оставленъ и эти провинціи были причислены къ епископіи Теодориха съ распредѣленіемъ свѣтскаго господства между епископомъ и орденомъ [3]). Но бременскіе архіепископы долго продолжали бороться за свои права на рижскую епископію. Такъ въ 1217 г. Гергардъ запретилъ пилигримамъ выѣзжать въ Ливонію изъ Любека, который зависѣлъ отъ него въ церковномъ отношеніи. Альбертъ обратился въ Римъ съ жалобою на Гергарда и папа запретилъ бременскому архіепископу притѣснять лифляндскую церковь и посягать на ея самостоятельность [4]). Въ 1219 году папа вынужденъ былъ вновь сдѣлать ему внушеніе за задержку лифляндскихъ пилигримовъ [5]). Понятно, что освободившись изъ подъ зависимости отъ бременскаго архіепископа и играя самую выдающуюся роль въ дѣлѣ лифляндской мис-

---

[1]) U. B. № 29: de novo receperint verbum Dei et... Dei evangelium per partes illas sit longe lateque diffusum etc.

[2]) Ibid. № 36: pro magna parte conversa.

[3]) Heinr. XX, 2.

[4]) U. B. № 41. [5]) Ibid. № 44.

сіи, рижскій епископъ сталъ домогаться архіепископства. Объ этомъ онъ просилъ папу еще въ 1219 году, но послѣдній тогда рѣшительно отказалъ въ его просьбѣ [1]). Стремленію Альберта сдѣлаться рижскимъ архіепископомъ повидимому благоволила римская курія около 1225 года, когда она поручила легату Вильгельму изслѣдовать это дѣло. Но внезапно дѣла приняли другой оборотъ для рижскаго епископа. Когда на папскій престолъ вступилъ Григорій IX, онъ на другой же день—22 марта 1227 года адресовалъ къ Оснабрюкскому капитулу замѣчательное письмо, въ которомъ указываетъ на жалобу бременскаго архіепископа на своего викарія рижскаго епископа, состоящую въ томъ, что послѣдній не оказываетъ ему должнаго послушанія; вслѣдствіе этого папа поручаетъ поименованному капитулу выслушать обѣ стороны, уладить дѣло и позаботиться о приведеніи въ исполненіе приговора [2]). Но 17 янв. 1229 г. Альбертъ умеръ [3]) и спорный вопросъ временно отодвинулся на задній планъ. Послѣ этого возникли споры относительно замѣщенія рижской каѳедры. Бременскій архіепископъ Гергардъ II назначилъ на мѣсто рижскаго епископа клирика магистра Альберта Свербера, утверждая, что бременскому архіепископу издавна принадлежало право ординаціи; рижскій капитулъ напротивъ избралъ въ преемники Альберту каноника Николая въ Магдебургѣ изъ премонстратскаго ордена. Папа 4-го апр. 1230 года приказалъ легату Оттону, кардинальному діакону св. Николая въ замкѣ Тулліанскомъ, побудить обоихъ избранныхъ отказаться, а въ случаѣ, если это не удастся, то, смотря по обстоятельствамъ, или утвердить рижскаго кандидата, или кассировать оба избранія и сдѣлать новое. Послѣ тщательнаго изслѣдованія правъ обѣихъ партій и актовъ избранія Оттонъ рѣшилъ дѣло въ пользу рижскаго кандидата и папа утвердилъ его приговоръ и наложилъ на бременскую церковь вѣчное молчаніе 8 апр. 1231 года [4]). Въ епископство Нилая границы рижской епископіи были значительно расширены легатомъ Вильгельмомъ. Теперь она простиралась чрезъ Двину въ глубь Куроніи и обнимала всю страну внутри

[1]) Ibid. №№ 49—52. [2]) Hamb. 11. 13.

[3]) Albertstad l. c. ad. a. 1229 и Necrolog. Capit. Hamburg. Ed. Koppmann.

[4]) U. B. № 108.

слѣдующихъ границъ: отъ устья Виндовы до ея соединенія съ Абавой, съ Абавы до ея истоковъ, и отсюда до Коненгузена. Въ этихъ предѣлахъ рижская церковь была признана единственной собственницей, такъ что безъ ея воли никто не могъ занять здѣсь землю; въ противномъ случаѣ, — если чрезъ 15 дней занятая земля не будетъ очищена,—преступники подвергаются отлученію. Такимъ образомъ весь сѣверъ Куроніи и Земигаліи перешелъ къ рижской епископіи. Мотивами такого опредѣленія выставляются у Вильгельма слѣдующія обстоятельства: рижская епископія несетъ самыя большія тяжести и издержки какъ при отправкѣ пословъ въ Римъ, такъ и при другихъ нуждахъ и трудится почти одна за всѣ епископіи на поприщѣ распространенія христіанства [1]). Главный же мотивъ состоялъ въ томъ, что по убѣжденію Вильгельма, изъ этого разширенія можетъ только произойти польза для христіанства (videntes ex hoc manifestum profectum Christianitatis,et quod alias vixant nunquam proficiet Christianitas...). 3-го марта 1251 года городъ Рига былъ назначенъ каѳедрой для новой архіепископіи [2]), которую въ 1253 году и занялъ Альбертъ Сверберъ [3]).

Второе мѣсто по старшинству принадлежитъ эстонской епископіи. По всей вѣроятности первоначально подъ эстонской епископіей разумѣлась не вся Эстонія, а часть ея, именно—западное побережье, гдѣ находился замокъ Леаль [4]). Епископъ для нея былъ посвященъ въ Ригѣ вѣроятно уже въ концѣ 1211 года [5]) еп. Альбертомъ въ соучастіи еп. Изо Верден-

[1]) Ibid. № 153: Quod ecclesia et episcopatus Rigensis tam in nuntiis Romanae ecclesiae, quam in aliis negotiis, quae multas requirunt expensas, super profectum Christianitatis, quasi totaliter pro omnibus aliis episcopis et ecclesi- sustineant, pondus dici et aestus etc...

[2]) Ibid. № 219. [3]) Ibid. № 2734.

[4]) У Генриха прямо говорится, что Альбертъ въ 1211 году, «обѣщая Теодориху епископію въ Эстоніи, посвятилъ въ епископы» (XV, 4): in Estonia promittens episcopatum eum in episcopum consecravit). Самъ Альбертъ послѣ смерти Теодориха говоритъ, что онъ посвятилъ его въ Леальскаго епископа (U. B. № 61: ad titulum Lealensem in Estonia in episcopum ordinavimus). Папа называетъ его просто «епископомъ эстонской провинціи (ibid. № 35—37: episcopus Estoniensis provinciae), или просто «эстонскимъ епископомъ» (ibid. № 32—34) (Estiensis episcopus). Въ одномъ актѣ 1212 г. (№ 23) приводится и «episcopus Th(eodoricus) Lealensis».

[5]) 27 января 1212 г. онъ называется уже эстонскимъ епископомъ (U. B. № 19; ср. Hildebrand l. c. p. 171).

скаго, Филиппа Рацебургскаго и Бернарда Падернборнскаго. Будучи пока еще поминальнымъ епископомъ, онъ повидимому уже весною 1213 года когда Альбертъ ѣхалъ въ Германію [1]), не находился на почвѣ Лифляндіи, которую онъ можетъ быть оставилъ уже въ 1212 году вмѣстѣ съ еп. Верденскимъ и Падернборнскимъ [2]). И дѣйствительно въ 1213 году мы находимъ его въ Германіи и м. б. лично у самого папы, у котораго онъ выхлопоталъ нѣсколько благопріятныхъ для себя буллъ, которыми папа рекомендуетъ его всѣмъ вѣрующимъ въ Саксоніи, побуждаетъ мюнстерскаго епископа къ поддержанію его, требуетъ отъ саксонскихъ прелатовъ помощниковъ для него [3]), утверждаетъ его посвященіе, увѣщаваетъ орденъ не утруждать его [4]) и освобождаетъ его отъ подчиненности какой либо митрополіи, ибо эстонская провинція никогда не была подчинена какому либо митрополиту [5]), словомъ — папа старается усилить эстонскую епископію всѣми средствами, сдѣлать ее равносильною рижской. Когда Теодорихъ палъ въ битвѣ съ эстами при Ревелѣ 15-го іюня 1219 года, и датчане завоевали часть Эстоніи, то титулъ эстонскаго епископа при двухъ или большемъ числѣ епископовъ въ Эстоніи не соотвѣтствовалъ бы уже дѣйствительности. Онъ распался на два частныхъ титула: епископъ поставленный датчанами сталъ называться ревельскимъ, а епископъ, поставленный нѣмцами. получилъ титулъ Леальскаго епископа [6]). Назначенный дат-

---

[1]) Альбертъ, уѣзжая въ Германію, не назначилъ мѣсто блюстителемъ Теодориха, но еп. Филиппа Рацебургскаго (Heinr. XVII, 7).

[2]) Heinr. XV, 12. [3]) U. B. № 32—34, отъ 31 окт. 1213 г.

[4]) Ibid. № 35—36, отъ 31 октября 1213 г.

[5]) Ibid. № 37, отъ 2 ноября 1213 г.: Cum in memoria hominum non existet, quod Estiensis provincia cuiquam fuerit metropolitico juri subijesta.

[6]) Если Генрихъ утверждаетъ, что датчане поставили Весцелина епископомъ на мѣсто Теодориха (XXIII, 2), а Альбертъ поставилъ на его же мѣсто Германа (XXIII, 11), то это не совсѣмъ справедливо. Нельзя думать, что датскій король дѣйствительно имѣлъ въ виду оставить въ завоеванныхъ имъ областяхъ Эстоніи Теодориха, и чтобы по этому поставленный имъ послѣ его смерти епископъ естественно могъ быть разсматриваемъ какъ его преемникъ, потому что датчане уже ранѣе выхлопотали у папы позволеніе ставить въ завоеванной странѣ своего епископа. А еписк. Альбертъ прямо заявляетъ (U. B. № 61), что онъ поставилъ Германа на мѣсто Теодориха, не какъ эстонскаго, но какъ леальскаго епископа. Слѣдовательно его кандидатъ нисколько не исключаетъ кандидата датчанъ. Кромѣ того въ актахъ 1220 г. (№№ 49. 51) папа Гонорій называетъ Весцелина—ревельскимъ и Германа—

чанами Весцелинъ вѣроятно былъ тутъ же посвященъ Лундскимъ архіепископомъ Андреемъ, который еще раньше (1206) получилъ отъ папы полномочіе поставить во вновь завоеванной странѣ епископа [1]). Папа одинаково содѣйствовалъ обоимъ, позволилъ ревельскому епископу брать себѣ помощниковъ и приказалъ аббатамъ и пріорамъ всѣхъ орденовъ давать въ распоряженіе его и леальскаго епископа монаховъ [2]). Когда въ 1220 году датчане проникли и въ Гервію и Виронію, то поставили здѣсь новаго епископа Острада [3]).

Спустя нѣкоторое время по смерти Теодориха Альбертъ назначилъ на его мѣсто своего брата Германа, аббата монастыря св. Павла въ Бременѣ [4]). Гонорій III утвердилъ Германа въ качествѣ Леальскаго епископа вмѣстѣ съ границами, указанными для его епископіи Альбертомъ [5]). Онъ получилъ посвященіе отъ магдебургскаго архіепископа Альберта I, но не могъ такъ скоро занять свою каѳедру, такъ какъ король Вольдемарь задержалъ его [6]). Въ виду того, что замокъ Леальскій былъ разрушенъ и вблизи моря не было удобнаго мѣста для мѣстопребыванія епископа, Альбертъ 24 іюля 1224 года даетъ во владѣніе Германа области Сакалу, Нурмегундъ, Моке, Угенойсъ, Соболицъ и Вайгелу и присоединяетъ съ согласія Германа къ своей епископіи области Сонтагону, Леалу, Ганелу, Котце, Ротелевикъ и остальную часть Війка [7]). Германъ съ своей стороны въ томъ же году подарилъ братьямъ рыцарства области Сакалу, Нурмегундъ, Моке и половину Вайгелы въ вѣчное владѣніе со всѣми свѣтскими доходами и свѣтской юрисдикціей, взамѣнъ чего послѣдніе обѣщали защищать епископію отъ нападеній враговъ и быть послушными епископу въ духовныхъ дѣлахъ [8]). Этотъ договоръ былъ утвержденъ папою въ томъ же году [9]). Съ цѣлію крѣпче засѣсть въ странѣ

леальскимъ епископами, одинаково признавая и содѣйствуя обоимъ, и поэтому едва ли будетъ справедливо толковать, что эти титулы нѣсколько позднѣйшаго происхожденія и произошли (по крайней мѣрѣ первый) вслѣдствіе назначенія для Виронія и Гервіи особаго епископа.

[1]) U. B. VI, № 3115,a. [2]) Ibid. №№ 49, 50, 51.

[3]) Heinr. XXIV, 2 и Albericus, l. c. p. 931.

[4]) Heinr. XXIII, 11.

[5]) U. B. VI, № 2715 (отъ 18 апрѣля 1220 г.) и Heinr. XXIV, 3.

[6]) Heinr. XXIII, 11, XXVIII, 1. [7]) U. B. №№ 61. 63.

[8]) Ibid. № 62. [9]) Ibid. № 93, a.

Германъ началъ обстраивать замокъ Оденпэ, помѣстилъ въ немъ знатныхъ мужей и почетныхъ воиновъ, отдалъ каждому въ ленъ нѣсколько деревень (kylegunda), сюда на жительство онъ пригласилъ и многихъ другихъ нѣмцевъ для защиты страны и замка отъ нападеній эстовъ, которые были исключены изъ замка. Затѣмъ онъ поставилъ своего брата Ротмара настоятелемъ (praepositus), предустановилъ мѣсто своего конвента въ Дерптѣ и назначилъ регулярныхъ канониковъ [1]). Титулъ „епископа Леальскаго“ онъ удержалъ до 1235 года 8 янв., когда легатъ Вильгельмъ позволилъ ему именоваться „епископомъ дерптскимъ“ съ соблюденіемъ однако прежнихъ правъ [2]), и съ этихъ поръ онъ уже исключительно носитъ новый титулъ. Что касается дальнѣйшей его дѣятельности на почвѣ Лифляндіи, то она была слишкомъ ничтожна. Онъ значительное время проводитъ въ путешествіяхъ по Германіи, изрѣдка только посѣщая свою епископію. Только въ 1240 г. мы видимъ его принимающимъ участіе въ лифляндскихъ дѣлахъ, тогда онъ участвовалъ въ походѣ противъ Пскова и присутствовалъ при завоеваніи Изборска [3]). Въ 1242 году онъ ведетъ переписку съ ревельскимъ епископомъ о количествѣ синодальной прокураціи [4]), а въ слѣдующемъ году участвуетъ въ союзѣ рижскаго и эзельскаго епископовъ съ орденомъ противъ датчанъ и русскихъ [5]). Годъ его смерти не извѣстенъ [6]).

Эзельская епископія была основана, вѣроятно, въ 1228 году еп. Альбертомъ, который въ силу полученнаго полномочія отъ папы могъ посвятить и перваго ея епископа Готфрида, который прежде былъ пріоромъ цистерціанскаго монастыря Форты въ Тюрингіи при Наумбургѣ [7]), а затѣмъ аббатомъ Динаминдскаго монастыря. Прежде чѣмъ оставить Динаминдъ, онъ подарилъ этому монастырю двѣ деревни и четыре гакена земли

---

[1]) Heinr. XXVIII, 8.

[2]) U. B. VI, № 2716. Вопросъ о подлинности актовъ (№№ 64. 68) главнымъ образомъ изъ за неформальнаго титула его «episcopus Torpatensis» до сихъ поръ остается спорнымъ, хотя въ послѣднее время степень вѣроятности за ихъ подлинность значительно увеличилась. См. Chronologie, v. Philipp. Shwartz p. 335—337.

[3]) Reimchr v. 2065 и Bonnell, Chronologr. p. 59.

[4]) U. B. №№ 172—173. [5]) Ibid. № 2. 725.

[6]) Отъ другихъ дерптскихъ епископовъ едва остались только имена.

[7]) Albert. Chron. въ Mon. Germ. hist. t. XXIII, p. 902.

въ своемъ діоцезѣ [1]). Уже 28 іюня 1228 г. онъ уступилъ ордену третью часть Эзеля и остальныхъ земель, принадлежащихъ къ его діоцезу [2]). Но 1 окт. того же года мы видимъ его въ Германіи въ Вильцбургѣ, гдѣ онъ передаетъ свою епископію императору Генриху, который возвращаетъ ее ему на вассальныхъ условіяхъ [3]). Нужно думать, что Готфридъ не успѣлъ утвердиться въ своей епископіи, ибо изъ буллы папы Григорія IX отъ 8 сентября 1232 года оказывается, что братья рыцари насильно отняли у эзельскаго епископа поземельныя и другія владѣнія и отказывались возвратить ихъ [4]). Легатъ Вильгельмъ свидѣтельствуетъ, что еп. Готфридъ никогда не вступалъ въ Эзель, не строилъ каѳедральной церкви въ своей епископіи, и не отводилъ своимъ каноникамъ ни церкви, ни полей, ни десятинъ, ни доходовъ, не смотря на то, что онъ назначилъ много канониковъ, которые были излишни (abundantes) и изъ которыхъ каждый долженъ былъ получать десять марокъ, безъ указанія ихъ источника. Далѣе говорится, что онъ, будучи только нѣсколько мѣсяцевъ епископомъ, позорно (viliter) оставилъ епископію, чтобы затѣмъ отказаться отъ нея и отдалъ въ ленъ, продалъ и растратилъ почти все принадлежащее епископу частію за денежное вознагражденіе, частію безъ него [5]). Поэтому легатъ объявилъ всѣ эти его распоряженія незаконными, противорѣчащими церковнымъ канонамъ и кассировалъ ихъ. Изъ приведеннаго мы должны заключить,

---

[1]) U. B. № 101, a.

[2]) Ibid. № 99, a. Этотъ договоръ былъ утвержденъ въ послѣдствіи въ 1235 г. вторымъ эзельскимъ еп. Генрихомъ (Ibid. № 141, a).

[3]) Ibid. № 2718. [4]) Bunge Livland. Beilage 4.

[5]) U. B. №№ 2721. 2722: qui dictus episcopus Godefridus nunquam intravit Osiliam, nec aediticavit ecclesiam cathedralem in episcopatu suo, nec agros, nes decimas, nec redditus aliquos ecclesiae suae vel canonicis assignavit; nec etiam de camera constituit, qui nec episcopalem cameram habuit, sed destruxit. Paucis enim mensibus existens episcopus, viliter de episcopatu recedens, ut resignaret illum, fere omnia, quae ad episcopum pertinebant, a quibusdam accepto argento et a quibusdam non accepto, infeodavit, vendidit ac destruxit. Если думать, что Готфридъ былъ рукоположенъ во епископы не за долго до 28 іюня 1228 года, то до 1 октября того же года, когда онъ предложилъ свою епископію императору Генриху, чтобы получить ее потомъ обратно на ленныхъ условіяхъ, дѣйствительно истекаетъ только слишкомъ три мѣсяца и потому понятны вышеприведенныя слова легата. При такомъ толкованіи ихъ намъ не приходится подозрѣвать легата въ неправильномъ констатированіи факта, какъ это дѣлаетъ Бунге (l. c. p. 37).

что Готфридъ вскорѣ послѣ своего назначенія въ епископы, по причинѣ не совсѣмъ безопаснаго положенія въ только что завоеванной странѣ отправился въ Германію и жилъ тамъ въ качествѣ викарнаго епископа вѣроятно до 1257 года [1]).

Въ силу полученнаго отъ папы полномочія [2]) легатъ Вильгельмъ назначилъ 10 сент. 1234 года на мѣсто Готфрида монаха изъ доминиканскаго ордена Генриха въ епископа Эзеля и Війка и присоединилъ къ его епископіи пространство начиная съ половины рѣки Пернавы (тогда Эмбаха, Emajögi) до рѣчки Палы, за тѣмъ чрезъ послѣднюю до рѣки Высокой и весь Эзель, Монъ, Даго со всѣми принадлежащими къ Озиліи и Війку островами до конца Війка [3]). Черезъ два мѣсяца Генрихъ формально былъ введенъ въ свою епископію, при чемъ ему было дано право выбора мѣста для каѳедральной церкви, числа и порядка (ordo) канониковъ и количества содержанія (praebenda) [4]). Первымъ важнымъ дѣломъ Генриха было установленіе прочныхъ отношеній къ ордену; съ этой цѣлію въ слѣдующемъ году онъ утвердилъ раздѣлъ земель, сдѣланный его предшественникомъ. По этому раздѣлу орденъ получилъ третью часть Озиліи и кромѣ того Монъ, Гареле и триста гакеновъ въ Килегундѣ съ островами, мѣстами рыбной ловли, съ всѣмъ инвентаремъ (attinentibus), свѣтской юрисдикціей, церквами и всѣми временными выгодами (emolumentum). Съ своей стороны орденъ за всѣ эти подарки и уступки обязался оказывать епископу только помощь противъ непрія-

[1]) Заключеніе Бунге (l. c. p. 38), что Готфридъ фигурировалъ въ качествѣ эзельскаго епископа еще въ 1232 году, когда папа Григорій далъ ему нѣкоторыя инструкціи, поспѣшно; онъ долженъ былъ сперва доказать, что папскія инструкціи (въ приложеніи къ его Livland №№ 4 5. 6) дѣйствительно относятся къ 1232 году. Онѣ составлены въ Латеранѣ, а папа 8 сент. 1232 года былъ въ Ананьи.

[2]) U. B. № 133, отъ 28 февр. 1234 г

[3]) U. B. № 2721: Ad plenam diocesim autem Osiliam episcopatus de tota Maritima, a dimidio alvei Emiboch sicut ascenditur de mari usque ad rivulum, qui conjungitur ex duobus rivulis in ipsa via, sicut descendit rivulus ad mare.

[4]) Ibid. № 2722 (10 ноября 1234 года). Во время вакансіи этой епископіи (1229—1234 г.) въ 1233 году, не смотря на распоряженіе папы (3 февр. 1232 г.) передать Эзель въ распоряженіе его легата, Бальдуина, совершился раздѣлъ его между рижскимъ епископомъ Николаемъ, братьями рыцарства и бюргерами города Риги (ibid. № 139). Но въ 1234 году городъ Рига долженъ былъ уступить эзельскому епископу половину дани съ Эзеля, за что легатъ Вильгельмъ подтвердилъ за нимъ остальную половину (ibid. № 142).

тельскихъ нападеній и послушаніе въ духовныхъ дѣлахъ и принять на себя издержки на двукратное посѣщеніе епископомъ орденскихъ церквей съ двѣнадцатью экипажами [1]). Когда два года спустя совершилось соединеніе обоихъ орденовъ, то эти права лифляндскаго ордена были перенесены на орденъ нѣмецкій [2]). На сколько для Генриха былъ важенъ союзъ съ орденомъ, видно изъ того, что уже въ 1238 году онъ вынужденъ былъ обратиться за его помощію. Дѣло въ томъ, что двое изъ его неугомонныхъ и не покорныхъ вассаловъ — Одевардъ изъ Лоде и его братъ Генрихъ насильно и несправедливо захватили въ свои руки многія имѣнія въ его діоцезѣ въ Війкѣ и отказывались возвратить ихъ, не смотря на его многократныя увѣщанія и публичныя отлученія [3]). Но орденъ за всякую услугу требовалъ себѣ соотвѣтствующаго вознагражденія и возможно, что для удовлетворенія своей просьбы онъ долженъ былъ сдѣлать новыя уступки, состоявшія изъ поземельныхъ владѣній въ пользу нѣмецкаго ордена, а именно — онъ подарилъ ему четвертую часть Війка, т. е. въ Килегундахъ и 50 гакеновъ земли въ Війкѣ и Озиліи со всѣми десятинами, свѣтской юрисдикціей и правомъ рыбной ловли. При этомъ епископъ однако удержалъ за собою 300 гакеновъ для основанія каѳедральной церкви, доходы съ которыхъ въ продолженіе трехъ лѣтъ должны были идти на сооруженіе епископскаго замка Штернберга. Орденъ съ своей стороны уступилъ Генриху и его преемникамъ четвертую часть имѣній во всѣхъ деревняхъ и земляхъ острова Мона. Имѣнія эти однако не были раздѣлены, но должны были находиться въ общемъ пользованіи въ продолженіе десяти лѣтъ, при томъ такъ, чтобы въ теченіе этого времени, послѣ трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ все дѣлается на общія издержки, епископъ получилъ изъ доходовъ и суда три части, братья рыцарства—свою четвертую. Также и мельницы и алодіи (molendina et alodia), уже сооруженныя и имѣющія быть сооруженными, въ теченіи десяти лѣтъ содержатся на общій счетъ и вмѣстѣ съ лугами, полями и другими принадлежностями дѣлятся поровну. Упо-

---

[1]) U. B. № 141.
[2]) Ibid. № 149. (Булла Григорія IX отъ 13 мая 1237 г.).
[3]) Ibid. № 2723 Актъ легата Вильгельма отъ 28 янв. 1238 г.

мянутый епископскій замокъ съ пригородомъ долженъ быть также выстроенъ на общій счетъ и раздѣленъ поровну; на обязанности рыцарей лежало наблюдать, чтобы на стражѣ замка были по меньшей мѣрѣ десять человѣкъ, въ томъ числѣ шесть со стороны рыцарей; башня и ворота замка должны принадлежать епископу, и братья рыцарства безъ особаго разрѣшенія на то епископа не могутъ пользоваться воротами въ своей части; окрестности замка до полумили относятся къ замку безъ ущерба крестьянамъ. Весь этотъ договоръ заключенъ былъ въ виду того, что братья рыцарства дали обѣщаніе вооруженною рукою стоять противъ всѣхъ тѣхъ, которые, будучи осуждены законнымъ судьею и отлучены отъ церковнаго общенія, пребываютъ подъ отлученіемъ годъ и мѣсяцъ и дерзко удерживаютъ церковныя имѣнія [1]). Такою щедростію и расположеніемъ Генриха къ ордену вѣроятно объясняется тотъ фактъ, что когда возникла возможность захвата занарвской страны, орденъ передалъ духовную юрисдикцію въ ней именно Генриху, разсчитывая чрезъ то выиграть гораздо болѣе, чѣмъ при другомъ способѣ дѣйствія [2]). Можетъ быть для урегулированія этихъ новыхъ отношеній Генрихъ лѣтомъ того же 1241 года отправился лично въ Римъ къ папѣ [3]). Возвратившись изъ Рима, Генрихъ согласился съ желаніемъ братьевъ рыцарства, не дожидаясь исхода пяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ долженъ былъ совершиться раздѣлъ Війка, приступить теперь же въ 1242 г. къ раздѣлу. Онъ отдѣлилъ прежде всего 300 гакеновъ для каѳедральной церкви, а остальныя вакантныя тогда имѣнія раздѣлилъ такъ, что части Sorven и Cotge достались ордену, а гавань подлѣ нихъ и другія гавани Війка были признаны свободными для обѣихъ сторонъ. Далѣе было положено, что изъ имѣній вассаловъ, которыя еще не раздѣлены, орденъ въ случаѣ ихъ ваканціи свободно получитъ свою четвертую часть. Наконецъ деревня Lehale, приходящаяся предъ епископскимъ замкомъ (слѣдовательно замокъ къ этому времени былъ уже выстроенъ), была уступлена рыцарямъ [4]). Въ слѣдующемъ году еп. Генрихъ участвовалъ въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, заключенномъ между дерптскимъ и рижскимъ епископами и орденомъ противъ вну-

[1]) U. B. № 156. [2]) Ibid. № 169, a. [3]) Ibid. n, 169.
[4]) U. B. № 170.

треннихъ и внѣшнихъ враговъ [1]). Вообще Генрихъ повидимому снискалъ въ странѣ особенное довѣріе и уваженіе къ себѣ, ибо онъ неоднократно выступаетъ въ качествѣ посредника при раздорахъ между лифляндскими господами [2]). Бунге увѣряетъ, что благодаря именно его миролюбивой политикѣ, король датскій Авель отказался въ его пользу отъ своихъ притязаній на Війкъ и Эзель [3]). Прежде чѣмъ приступить къ внутренней организаціи и устройству своей епископіи Генрихъ постарался обезопасить себя извнѣ. Съ этою цѣлію онъ выхлопоталъ у Иннокентія IV буллы, въ которыхъ папа принялъ епископа эзельскаго и его церковь подъ защиту апостольскаго престола [4]), приказалъ рижскому и дерптскому епископамъ охранять его и его церковь [5]), запретилъ всякому делегату накладывать на него интердиктъ, запрещеніе или отлученіе, безъ особеннаго на то полномочія [6]) и поручилъ декану и пробсту дерптской церкви защищать эзельскую епископію въ ея границахъ [7]). Въ 1251 году Генрихъ приступилъ уже къ внутренней организаціи своей епископіи. Прежде всего онъ основалъ (instituit) въ честь Іисуса Христа, Пр. Дѣвы Маріи и Евангелиста Іоанна [8]) каѳедральную церковь въ Перновѣ (Perona), приморскомъ городѣ, который онъ предварительно возстановилъ при помощи нѣкоего Павла, поставилъ при ней 12 канониковъ, составлявшихъ конвентъ съ правомъ выбора себѣ епископа; изъ нихъ одинъ былъ настоятель (praepositus), одинъ деканъ, одинъ схоластикъ, одинъ кустосъ. По этому же учредительному акту священникамъ принадлежатъ четыре пребенды (praebenda), діаконамъ и иподіаконамъ три, аколиѳамъ двѣ, а назначеніе какъ лицъ, такъ и пребендъ остается всегда за епископомъ. Каноники избираютъ себѣ декана, избраніе котораго, если оно законно, утверждается епископомъ. Равнымъ образомъ по совѣту епископа они избираютъ себѣ способное лицо, которое бы завѣдывало свѣтскими судебными дѣлами и представляло всѣ доходы эконому, который

[1]) Ibid. VI, № 2725 (1 окт. 1243 г.).
[2]) Bunge, Livland... p. 44. Anmerk. 177.
[3]) U. B. n. 228 (8 авг. 1253 г.). [4]) Ibid. VI, n. 2726 (4 сент. 1245 г.).
[5]) Ibid. № 2727 (5 сент. 1245 г.). [6]) Ibid. № 2728 (3 окт. 1245 г.).
[7]) Ibid. № 2732 (8 янв. 1252 г.).
[8]) Въ актѣ № 2734 говорится о первоначальномъ основаніи въ Перновѣ каѳедральной церкви въ честь Бога и св. Евангелиста Іоанна.

по установленному порядку, распредѣляетъ каждому должную порцію. Изъ вышеозначенной провизіи приходскіе священники, въ приходахъ которыхъ лежатъ вотчины, получаютъ по обычному порядку свою долю [1]); ею же содержатся и крестьяне для защиты замка и походовъ, какъ и внѣшніе крестьяне, подчиненные епископу. Наконецъ Генрихъ обязалъ торжественно праздновать свою смерть и годовщину угощеніемъ въ этотъ день въ трапезѣ [2]). Весною 1254 года Генрихъ заключилъ съ намѣстникомъ великаго магистра Эбергардомъ Сеинскимъ договоръ относительно различныхъ спорныхъ вопросовъ, касающихся владѣній ордена въ его діоцезѣ. По этому договору братья рыцарства должны получить четвертую часть имѣній вассаловъ въ Війкѣ, которыя уже сдѣлались вакантными или будутъ таковыми, при томъ такъ, что въ случаѣ какого-либо ущерба, нанесеннаго этой части епископомъ, послѣдній обязанъ вознаградить ихъ. Острова Саестъ и Монъ перешли къ братьямъ рыцарства, и епископъ удержалъ на нихъ за собою только 50 гакеновъ, островъ Даго (Dageyden) и провинція и приходъ Килегундъ были раздѣлены по ровну между епископомъ и орденомъ. Епископскіе крестьяне были признаны принадлежащими священнику епископа, орденскіе—священнику ордена. Гавани, находящіяся въ этомъ приходѣ, были признаны общими и свободными. Двѣ деревни съ озеромъ, находящимся въ странѣ называемой Carries (Karyes), которыми до сихъ поръ владѣли братья рыцарства, перешли къ епископу, который подарилъ ихъ Карисской церкви (ad ecclesiam Carries). Взамѣнъ ихъ братья рыцарства получили 50 гакеновъ въ Килегундѣ; шедшая съ нихъ провизія (praebenda) для священниковъ должна была дѣлиться между ними по ровну [3]). 13 мая

---

[1]) Ibid. № 2731. Актъ этотъ былъ утвержденъ Альбертомъ рижскимъ архіепископомъ 24 августа 1254 г. Ibid. № 2734.

[2]) U. B. № 2731: De bonis autem praescriptis dabitur plebanis, in quorum parochiis sita sunt praedia, sicut hactenus percipere consueverunt. Изъ этихъ словъ самихъ по себѣ мы имѣемъ право выводить то заключеніе, что въ эзельской епископіи уже до 1251 года существовала приходская церковная организація. Затѣмъ ставя ихъ въ связь съ предшествующимъ, мы можемъ думать, что подъ praebenda разумѣлась часть всѣхъ продуктовъ, получаемыхъ съ церковныхъ вотчинъ и распредѣляемыхъ по установленнымъ порціямъ между членами капитула и вообще служащими при церкви.

[3]) U. B. № 2735 (20 марта 1254 г.).

того же года предшествующія постановленія были нѣсколько дополнены. Островъ Даго былъ теперь раздѣленъ между епископомъ и рыцарями такъ, что границей между ихъ владѣніями, между людьми Каррискими и Подейскими, служила средина берега Solarenn. Двѣ деревни и прилегающее къ нимъ озеро достались Каррійцамъ, озеро же на другой сторонѣ перешло къ Поидейцамъ (illis de Poide); границы послѣднихъ доходили до великаго камня, гдѣ находилась гавань Сотесаткема (или Сотесаттема); границы Каррицевъ простирались до конца гавани Sarwo, включая въ себѣ два острова Oriwocko (Oryock) и Ronku (Rauku). Другіе окрестные острова переходятъ къ Подейцамъ около новаго порта Pylaysari [1]).

Послѣ этого еп. Генрихъ отправился въ Германію и оставался тамъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ викарнаго епископа [2]) и только въ 1256 году послѣдній разъ является дѣйствующимъ въ пользу своей епископіи; въ это время онъ подтвердилъ за купцами, посѣщающими его діоцезъ, древнюю свободу отъ пошлинъ и позволилъ для починки кораблей пользоваться растущимъ близь берега лѣсомъ [3]). Воротился ли онъ въ свою епископію, съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ въ Германію, когда и гдѣ онъ умеръ, нѣтъ возможности рѣшить по недостатку данныхъ. Онъ представляется однако еще въ живыхъ 13 января 1260 года. Но въ первой половинѣ 1262 года онъ должно быть или уже умеръ, или отказался отъ своей епископіи, ибо 20 авг. въ Любекѣ преемникомъ ему былъ посвященъ Германъ, который на другой же день послѣ своего посвященія утвердилъ данныя его предшественникомъ права и привиллегіи для купцовъ, посѣщающихъ эзельскій діоцезъ [4]). Въ томъ же году мы встрѣчаемъ его въ Эстляндіи въ Леалѣ, гдѣ онъ уступаетъ ордену право патронатства въ приходской церкви въ Килегундѣ, которая будучи не совсѣмъ раціонально раздѣлена, могла вызвать только раздоры; онъ уступилъ свое половинное право патронатства ордену съ соблюденіемъ всѣхъ другихъ правъ, которыя онъ имѣлъ въ остальныхъ церквахъ Озиліи [5]). Изъ внутренней его дѣятельности въ пользу своей епископіи намъ извѣстно очень мало. Такъ, напр.

---

[1]) Ibid. № 2736. [2]) Bunge l. c. p. 46. [3]) U. B. № 289.
[4]) Ibid. № 368. [5]) Ibid. № 2748.

мы знаемъ, что въ 1270 году онъ участвовалъ въ битвѣ съ литовцами на льду между Эзелемъ и Війкомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви при Карусенѣ [1]). Затѣмъ въ его епископство (1275—1285) произошло точное обозначеніе границы, отдѣлявшей датскія королевскія земли отъ эзельскаго діоцеза. Она шла отъ болота Toreso (подлѣ деревни Walkede въ Гарріи) къ рѣчкѣ Mustoga [между имѣніями Лодецовъ (illorum de Lode) и деревни Capell]; отсюда къ рѣчкѣ Nitepinde или Nitrupede (между деревнями Agemule и Vertevile или Vetervilie) къ мельницѣ Kirevere, половина которой, касавшаяся королевской земли, была разрушена, а другая половина, касавшаяся діоцеза, осталась цѣлою; отсюда до рѣки Sure-Kalma или Surekolima (между деревнями Ruskeszalle и Payke), далѣе до дороги Karente (Kagerante), проходящей между упомянутыми деревнями; отсюда до великаго болота между деревнями Tho-n-ate (Toriate) и Warax; далѣе границами служили источникъ Sure-Hallika, рѣка Sawoya (Sameoia) между деревнями Karetsemeke и Lenechte, болото Fenckenso (Fekenso) между деревнями Hellenbeke и Lenechte; отсюда Gowutz (или Wissele) къ великому дереву, изъ котораго былъ вырѣзанъ епископскій жезлъ и которое послѣ смерти епископа было срублено Гертельскими прихожанами; далѣе до деревень Kuyscyarve (Kuysayavve, Kungerve) и Kryveiarve, лежащимъ выше деревни Leppespe противъ Герріи; далѣе до Kuvenomme, гдѣ въ лѣсу есть нѣкоторая возвышенность и нѣкогда была деревня, между деревнею Kannyecke и имѣніями аббата Падискаго монастыря. Наконецъ пограничная линія шла до рѣки Calameky и части рощи Casegiste Ladne, отсюда до лѣса Neytepe, мѣстечка (? rûten) Kapenkayo (Kaypenkoya) и земли, которою владѣетъ по приговору раскаленнаго желѣза нѣкій эстонецъ эзельскаго діоцеза по имени Mandes изъ Сокентеде (въ Komeki и) отсюда до моря [2]). Изъ дальнѣйшей внутренней дѣятельности Германа извѣстно, что онъ вскорѣ послѣ разрушенія соборной церкви въ Перновѣ перевелъ (въ 1279 г.) ее въ Гапсаль, далъ каждому канонику свой дворъ и опредѣлилъ мѣсто для сооруженія города, жители котораго въ случаѣ необходимости могли бы защищать церковь. Число поселившихся

[1]) Reimch. v. 7942 SS. rer. Pruss. II, 47. [2]) U. B. III, № 439, b.

вблизи рыбаковъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ было уже столь значительно, что епископъ долженъ былъ уступить имъ часть мѣста своей рыбной ловли, лѣсовъ, луговъ и выгоновъ на общее пользованіе, а равно и право выбора себѣ чрезъ своихъ гласныхъ (consules) судьи, право утвержденія котораго епископъ удержалъ за собою. На приговоръ судьи можно было апеллировать къ думѣ, а отъ нея—къ епископу. Пеня должна была дѣлиться между епископомъ и думою и только право чеканки монеты принадлежало епископу [1]). Впослѣдствіи эти права были утверждены и расширены [2]). Въ 1284 году онъ подтвердилъ и опредѣлилъ въ точности всѣ повинности своихъ прихожанъ по отношеніи къ церкви и своимъ господамъ [3]). Когда въ 1277—78 гг. господа Лифляндіи и Эстляндіи вели дѣятельные переговоры о томъ, чтобы перенести всѣ торговыя операціи изъ Россіи въ Лифляндію и прервать съ нею торговыя отношенія, то епископъ эзельскій принималъ въ нихъ живое участіе [4]). Послѣ постройки Аренсбурга [5]) епископская каѳедра была перенесена сюда, а Гапсаль былъ оставленъ капитулу; тѣмъ не менѣе епископъ держалъ здѣсь ежегодно такъ называемые монтаги и, благодаря легкости сообщенія, могъ бывать и въ Гапсалѣ и въ своихъ имѣніяхъ въ Вейкѣ, каковы Лоде, Леаль, Аудернъ и Кокенкау. Каноники сначала жили въ своихъ кельяхъ по предписаніямъ цистерціанскаго ордена и отправляли миссы въ церкви. Но по немногу они пріобрѣли большіе доходы и построили на пожалованныхъ имъ вотчинахъ, которыхъ епископу принадлежало около 20, удобные и прочные дома, обсаженные большими садами. Здѣсь они жили въ довольствѣ и спокойствіи, предоставивъ богослуженіе своимъ викаріямъ и являясь въ Гапсаль только въ судебные дни. Еще понынѣ нѣкоторые изъ этихъ вотчинныхъ зданій своими толстыми стѣнами и древнимъ стилемъ свидѣтельствуютъ о заботливости духовныхъ особъ оградить себя отъ внезапныхъ нападеній [6]). Въ концѣ XIII вѣка

---

[1]) Ibid. № 461. [2]) Ibid. № 1298. [3]) Ibid. № 490.

[4]) Ibid. №№. 452, 453, 457, 498.

[5]) Время въ точности неизвѣстно; по Арндту (l. c. p. 339) онъ поступилъ въ 1334 г., по Бругсгевдену (Beitr. z. Gesch. d. Prov. Oesele, Riga 1838 p. 6) въ 1341 г. Въ Актахъ объ Аренсбургѣ впервые упоминается въ 1384 г. (U. B. III № 1204).

[6]) Russwurm, Das Schloss z. Hapsal. Reval. 1877 p. 36—37.

орденское войско, разразившись огнемъ и мечемъ противъ литовцевъ, соединенныхъ съ архіепископомъ и рижанами, вторглось и въ Війкъ, епископъ котораго находился въ союзѣ съ рижскимъ архіепископомъ, разрушило церковь св. Елисаветы въ Леалѣ, св. Мартина и богадѣльню при церкви св. Духа (въ Гапсалѣ?) [1]) Послѣ опустошенія домовъ и грунтовъ канониковъ гапсальскихъ, рыцари изгнали капитулъ и поставили въ замѣнъ его въ гостинницѣ капитула орденскій конвентъ во главѣ съ командоромъ Германомъ изъ Лингена и назначили одного орденскаго священника для каѳедральной церкви. Епископъ Конрадъ принужденъ былъ уступить Леаль ордену, послѣ чего магистръ поставилъ своего пробста для управленія епископскими вотчинами, и тотъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ управлялъ ими какъ епископъ [2]).

Третьею по старшинству епископіею нужно считать Зелонскую, которая основана Альбертомъ въ 1218 году. Первымъ епископомъ здѣсь былъ Динаминдскій аббатъ Бернардъ [3]). Папа Гонорій III въ 1219 году утвердилъ границы, указанныя для зелонской епископіи Альбертомъ [4]). На личности этого Бернарда стоитъ остановиться подолѣе, потому что онъ послѣ Альберта игралъ самую выдающуюся роль въ дѣлѣ завоеванія Лифляндіи. Онъ былъ родомъ изъ Липы въ Вестфаліи и соединялъ въ себѣ отважнаго и искуснаго средневѣковаго воина

[1]) Въ актѣ № 1179 отъ 1381 г. упоминается rector ecclesiae S. Spiritus in Hapesellis.

[2]) U. B. № Reg. 737.

[3]) Heinr. XXII, 1. Подъ титуломъ епископа Зелоніи онъ встрѣчается какъ въ Лифляндскихъ (U. B. № 43, 51, 52), такъ и въ чужихъ актахъ (Lippische Regestin. ed. Preuss и Falcmann XIV n. 3262, t. 1. n. 156, 157, 165, 169), у Альберта Стаденскаго и Альберика. Только въ одномъ актѣ его сына Гергарда Бременскаго (Lippische Reg. t. I № 232) и у Генриха Латышскаго (XV, 4; XXII, 1; XXVII, 1) онъ именуется «episcopus Semigalliae». По правдоподобному предположенію Шварца (a. a. O. p. 6—7) титулъ, прилагаемый къ нему Генрихомъ, объясняется тѣмъ, что послѣдній не раздѣлялъ другъ отъ друга сосѣднія страны Зелонію и Земигалію, считая первую частью послѣдней, и называлъ обѣ страны именемъ большей, хотя въ дѣйствительности онѣ представляли двѣ отдѣльныя области (U. B. № 81). А Гергардъ называлъ отца такъ потому, что впослѣдствіи къ Зелонской епископіи была присоединена часть Земигаліи и во время составленія этого акта (1244) Зелонская епископія уже не существовала.

[4]) U. B. № 43. Terminos tuae diocesis sicut venerabilis frater noster Livoniensis episcopus, eos tibi auctoritate nostra rite ac provide tibi assignaverit tibi confirmamus etc.

и епископа. Подвиги его сдѣлались предметомъ поэмы нѣкоего магистра Іустина [1]). Почти безпрерывное обращеніе его съ грубыми воинами изгладило въ немъ всѣ слѣды болѣе мягкаго характера, который долженъ былъ развиться у духовнаго питомца; участвуя въ военныхъ предпріятіяхъ Генриха Льва, онъ отвыкъ отъ всякой пощады и снисходительности, превратился въ совершеннаго насильника [2]). О первомъ прибытіи Бернгарда въ Ливонію нельзя сказать ничего достовѣрнаго. Генрихъ Латышскій по всей вѣроятности не зналъ перваго пріѣзда его въ Ливонію и потому отнесъ все разсказанное ему Бернгардомъ къ извѣстному ему первому пріѣзду. Извѣстіе Генриха, что Бернгардъ, тяжело заболѣвъ ногами, въ надеждѣ на исцѣленіе отправился къ папѣ, чтобы получить отъ него полномочія на пилигримство и проповѣдь крестоваго похода въ Ливонію [3]), представляется невѣроятнымъ, если не невозможнымъ. Между тѣмъ какъ по другому извѣстію у Іустина [4]) Бернгардъ, выздоровѣвъ послѣ обѣта, поступилъ въ монахи. Шефферъ-Бойхорстъ полагаетъ, что принятіе креста и монашескій обѣтъ пали на одно и тоже время, но что первый походъ въ Ливонію онъ сдѣлалъ еще будучи мирянином. Относительно времени этого похода можно только съ большею вѣроятностію сказать, что онъ долженъ былъ совершиться до 1207 года, когда о Бернардѣ впервые упоминается, какъ о монахѣ, съ другой стороны приходится допустить, что онъ вскорѣ послѣ 1197 года сдѣлался монахомъ, ибо послѣ этого болѣе не упоминается о немъ, какъ о мирянинѣ [5]). Возможно,

[1]) Justinus, Lippiflorium, v. Dr. Ed. Winkelmann, Riga 1868.

[2]) Scheffer—*Boichorst*. Herr Berngard v. d. Lippe, Münster 1871, p. 17.

[3]) Heinr. XV, 4. [4]) L. c. v. 629—634.

[5]) Винкельманъ и Бунге пытаются опредѣлить точнѣе время его перваго посѣщенія Ливоніи. Первый доказываетъ (см. Iustinus Lippitl. p. 46—48), что впервые въ качествѣ пилигрима онъ явился въ Ливонію еще при Мейнгардѣ лѣтомъ 1194 года, когда по извѣщенію Генриха папа Целестинъ III далъ позволеніе проповѣдывать крестовый походъ въ Ливонію. Сколько времени онъ пробылъ въ Ливоніи, неизвѣстно, но въ 1197 г. онъ опять является на своей родинѣ въ Вестфаліи. Шеффертъ-Бойхорстъ (l. c. p. 71, 131. Anm. 185) возражаетъ на это, что изъ приведеннаго Винкельманомъ акта еще нельзя заключить, что Бернгардъ отказался отъ управленія своимъ имѣніемъ. По Бунге (Livland... p. 21) онъ въ качествѣ крестоносца посѣтилъ Ливонію въ 1198 году, сопровождая еп. Бертольда, побывавъ вѣроятно раньше вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ. Бунге основываетъ свое мнѣніе на собственныхъ словахъ Бернарда, по которымъ онъ посѣтилъ Ливонію ab uxore Helevige licentia

что послѣ этого онъ мирно жилъ простымъ монахомъ въ цистерціанскомъ монастырѣ Маріенфельдѣ, который самъ основалъ, до 1211 года. Когда въ 1207—1208 г. Альбертъ путешествовалъ въ Германіи, то, замѣтивъ энергичную личность Бернарда, онъ, если не выбралъ, то уже задумалъ выбрать его въ аббаты Динаминдскаго монастыря, и весною 1211 года по прибытіи Бернгарда въ Ливонію посвятилъ его въ аббаты [1]). Послѣдующіе годы онъ вѣроятно провелъ въ Германіи. Въ 1217 году онъ опять является въ Лифляндіи и принимаетъ участіе въ борьбѣ съ эстами недалеко отъ Феллина [2]). Въ епископы онъ былъ посвященъ по своемъ возвращеніи въ Германію въ Ольдензалѣ своимъ сыномъ, Утрехтскимъ епископомъ, Оттономъ [3]), получивъ предварительно отъ папы полномочіе проповѣдывать крестовый походъ въ Ливонію. Въ то время какъ онъ проповѣдывалъ въ Германіи, въ Ливоніи къ его епископіи былъ присоединенъ замокъ Месотенъ [4]). Возможно, что Бернардъ возвратился вскорѣ послѣ завоеванія Месотена, но едвали можно утверждать, что онъ посвятилъ теперь себя епископіи. Шефферъ-Бойхорстъ однако думаетъ, что онъ могъ теперь позаботиться объ укрѣпленіи христіанства и такъ какъ его епископія въ земигальскихъ областяхъ еще не имѣла опредѣленныхъ границъ, то и о ея расширеніи. Но если всмотрѣться ближе въ его дѣятельность, то факты прямо даютъ намъ понять, чѣмъ былъ занятъ Бернардъ. Винкельманъ [5]) справедливо говоритъ, что Бернардъ, который называлъ себя всегда епископомъ Зелонскимъ, и никогда Земигальскимъ, въ дѣйствительности никогда не пользовался свои-

---

accepta, т. е. будучи простымъ женатымъ міряниномъ, а въ качествѣ vir nobilis онъ выступаетъ впервые въ 1197 году и только въ 1207 году онъ является монахомъ, слѣдовательно только между этими годами должно было совершиться его путешествіе въ Ливонію Затѣмъ, ссылаясь на близкіе связи его съ Локкумскимъ монастыремъ, гдѣ аббатомъ былъ Бертольдъ, онъ приходитъ къ выводу, что Бернардъ долженъ былъ посѣтить Ливонію именно въ 1198 году. Наконецъ въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія онъ ссылается посредственныя лѣтописныя указанія, которыя — думаетъ Бунге — даютъ ему полную достовѣрность И дѣйствительно, аргументація Бунге очень убѣдительна.

[1]) Schwartz. Kurland... p. 4—5. [2]) Heinr. XXI, 1—3.

[3]) Schwartz, l. c. p. 7. Anm. 2.

[4]) Heinr. XXIII, 3: ad cujus episcopatum preoccupatus est locus idem.

[5]) L. c. p. 58—59.

ми епископскими правами ни въ Месотенѣ, ни въ Зельбургѣ, и не могъ когда либо тамъ сѣсть, какъ обыкновенно думали. Его дальнѣйшая дѣятельность сосредоточивается то въ Германіи, то въ Лифляндіи. Тамъ онъ старался вербовать пилигримовъ, здѣсь—воспользоваться ими подъ собственнымъ руководствомъ. Въ Лифляндіи вся его дѣятельность обнимаетъ общія дѣла, и не относится только къ его епископіи. Напримѣръ, еп. Альбертъ, отправляясь къ папѣ въ 1219—20 году съ жалобою на датскаго короля, оставилъ его своимъ мѣстоблюстителемъ. И онъ съ достоинствомъ исполнилъ свой долгъ. Узнавъ о намѣреніи рыцарей предаться датскому королю, онъ пытается предупредить опасность и предлагаетъ имъ то, чего они требовали отъ датчанъ, съ соблюденіетъ однако правъ епископовъ. Орденъ согласился на его предложеніе [1]). Бернардъ былъ искренно преданъ Альберту и изъ любви къ нему онъ осмѣливался даже противодѣйствовать рѣшительнымъ приказаніямъ папы, не смотря на то, что послѣдній въ случаѣ неповиновенія Бернарда угрожалъ ему низложеніемъ съ каѳедры и изгнаніемъ [2]). Потомъ онъ исчезаетъ съ арены лифляндской исторіи и до начала 1223 года дѣйствуетъ въ Германіи; въ этомъ году онъ опять возвращается въ Лифляндію съ многочисленнымъ войскомъ для подавленія всеобщаго возстанія эстовъ и здѣсь неутомимо съ чрезвычайнымъ искусствомъ и энергіею содѣйствуетъ подавленію возстанія [3]). Іустинъ живо рисуетъ его энергичную и неутомимую дѣятельность въ Лифляндіи. Онъ строитъ города и замки для защиты противъ идолопоклонниковъ, укрѣпляетъ ихъ и снабжаетъ оружіемъ и войскомъ; строитъ церкви, которыя и освящаетъ; рукополагаетъ для нихъ клириковъ; какъ добрый пастырь, онъ печется о своихъ овцахъ и часто полагаетъ душу свою за стадо. Такъ тамъ растетъ слава Христа, исчезаютъ идолы, распространяется вѣра. Онъ собираетъ въ различныхъ мѣстахъ вѣрныхъ, отмѣченныхъ крестомъ и ведетъ ихъ вооруженною рукою противъ идолопоклонниковъ, располагаетъ полки и устремляется на враговъ, увѣщевая мужей къ жестокимъ бранямъ. Онъ мчится между вооруженными рядами первымъ и

---

[1]) Heinr. XXIV, 2. [2]) U. B. № 27.
[3]) Heinr. XXVII, 1—2.

оружіе не причиняетъ ему никакого вреда. Марсъ бѣснуется и на той и на другой сторонѣ исходъ сомнителенъ; оружіе звучитъ, многіе обливаются кровью; то беретъ верхъ языческая чернь, то толпа вѣрныхъ; наконецъ вѣроломное полчище обращается въ бѣгство. Священный герой Христа шествуетъ въ сопровожденіи отряда и предаетъ землю опустошенію и огню; однако часто на вѣрныхъ нападаетъ вѣроломный родъ, которому, собравшись съ силами, противостоитъ благочестивая чернь [1]). Но при этой дѣятельности въ пользу Лифляндіи первое мѣсто у него однако занимаетъ забота о собственномъ твореніи: всѣ акты того времени, которые отъ него сохранились, касаются монастыря Маріенфельдскаго. Только подъ конецъ своей жизни Бернардъ отправился въ свою резиденцію въ Зельбургѣ, чтобы исполнить обязанности пастыря. Когда въ апрѣлѣ 1224 года Альбертъ возвратился изъ Германіи, то Бернардъ вѣроятно занялъ свою каѳедру, но тотчасъ же умеръ въ Зельбургѣ [2]), не успѣвъ проявить своей дѣятельности, кромѣ развѣ того, что въ 1220 году онъ въ сообществѣ съ епископомъ рижскимъ просилъ у папы на помощь себѣ духовныхъ, число которыхъ въ Лифляндіи было недостаточно [3]). Позднѣйшія саги украсили эту замѣчательную личность ореоломъ чудесности.

Преемникъ Бернарда Ламбертъ упоминается въ одномъ актѣ отъ авг. 1225 года [4]), какъ свидѣтель. Однако онъ долженъ былъ быть назначенъ на мѣсто Бернарда тотчасъ послѣ его смерти, ибо 14 ноября 1224 года папа Григорій III подтверждаетъ границы Зелонской епископіи (Seloniensis episcopus), опредѣленныя епископомъ Альбертомъ [5]). Онъ получаетъ отъ еп. Альберта къ своей епископіи Зелонію и по всей вѣроятности Месотенскую область въ Земигаліи [6]). Не смотря на это, онъ до 1226 года именуется до пріобрѣтенія всей Земигалліи епископомъ земигальскимъ (episcopus Semigalliae) [7]).

[1]) Iustinus Lippiflorium p. 35 v. 420—437.

[2]) О мѣстѣ и времени его смерти см. Schwartzl c. p. 12. Anm. 2 и Scheffer-Boichorst, l. c. p. 108—109.

[3]) U. B. № 51. [4]) Ibid. № 74.

[5]) Ibid. № 65; ср. Kallmeyer въ Mitthell. B. IX p. 470.

[6]) Ibid. № 81: cum nos (scilicet Albertus)... venerabilem virum Lambertum elegissimus episcopum Seloniae et cujusdam partis Semigalliae, quae commode habere non potuerat certos fines eos, quod ipsius Semigalliae major pars nondum ad baptismi gratiam pervenisset etc.

[7]) Ibid. №№ 74, 75, 76.

хотя резиденціей его могъ быть Зельбургъ, гдѣ онъ едва ли жилъ въ первое время своего епископства, ибо по актамъ онъ оказывается постоянно или въ Ригѣ, или при легатѣ Вильгельмѣ Моденскомъ [1]). Фактъ, что послѣдній не перенесъ своей дѣятельности на лѣвый берегъ Двины въ Земигальскую область, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какъ мало епископія Ламберта была приготовлена къ принятію христіанства и миссіонерской дѣятельности. Первая упоминаемая дѣятельность его по отношенію къ своей епископіи, сосредоточивается на личныхъ интересахъ, касается выгодныхъ поземельныхъ владѣній. Дѣло въ томъ, что Ламбертъ считалъ (справедливо, или нѣтъ, — трудно рѣшить) частью своей епископіи страну между Двиною и Земигальскою Аа,—съ моря до соединенія Аа съ Бабитскимъ озеромъ. Здѣсь былъ построенъ замокъ, называемый Бабать. Но риж. горожане присвоили себѣ эту страну вмѣстѣ съ замкомъ. По жалобѣ Ламберта Вильгельму Моденскому, послѣдній рѣшилъ спорное дѣло такъ, что берегъ по сю сторону Аа и половина Аа остается за городомъ, а другая половина Аа и другой берегъ—за Ламбертомъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣдній ничего не продавалъ изъ своей части, не отдавалъ въ ленъ, а горожане имѣли право косить здѣсь сѣно и рубить дрова, въ замѣнъ чего они съ своей стороны обязываются вознаградить Ламберта за потерю замка и содѣйствовать ему въ постройкѣ и охраненіи новаго. Право рыбной ловли въ Бабитскомъ озерѣ признается за обѣими сторонами [2]). Въ январѣ 1226 года по своемъ возвращеніи изъ Эстляндіи еп. Альбертъ съ согласія легата Вильгельма упразднилъ Зелонскую епископію и въ замѣнъ потерянной части присоединилъ къ діоцезу Ламберта всю Земигалію [3]). По акту выходитъ, что основаніемъ къ такому распоряженію послужила отдаленность другъ отъ друга Зелоніи и Земигаліи (вѣрнѣе—части ея, принадлежавшей Ламберту), которая затрудняла надлежащую заботу о душахъ новообращенныхъ язычниковъ. Но, говоритъ Швартцъ, забота о душахъ въ это время плохо могла быть исполнима, а въ новоучрежденной епископіи она, навѣрно, не могла найти ника-

[1]) Heinr. XXIX, 7. U. B. №№ 74, 75.

[2]) U. B. № 76.

[3]) Ibid. № 81: Episcopo Lamberto... Seloniam resignanti, totam cum suis attinentiis Semigalliam assignamus etc...

кого исхода, потому что большая часть Земгаліи была совсѣмъ не обращена въ христіанскую вѣру. Ибо болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы священникъ, котораго по настоянію легата взялъ съ собою Вестерсъ, земгальскій вождь, имѣлъ какой либо успѣхъ. Во всякомъ случаѣ разрушеніе Динаминда земгалами и куронами въ 1228 году очень сильно говоритъ противъ этого. Поэтому Швартцъ приведенное основаніе для упраздненія зелонской епископіи находитъ недостаточнымъ и соглашается съ Кальмейеромъ [1]), что здѣсь дѣло сводилось къ увеличенію области еп. Альберта и что послѣдній для достиженія этой цѣли старался оградить себя отъ подозрѣнія приведеннымъ основаніемъ. Впрочемъ, самъ Альбертъ хорошо зналъ положеніе Земгаліи, когда предоставилъ въ пользованіе Ламберта всѣ доходы, которые послѣдній имѣлъ въ Зелоніи, пока въ Земгалліи не откроется сносное мѣстопребываніе [2]). Въ виду всего этого подозрительнымъ кажется и то, будто Ламбертъ добровольно (de bona voluntate) отказался отъ зелонской епископіи въ пользу земгальской, которая съ запада подвергалась нападенію Вестерса, съ юга—литовцевъ, и не имѣла ни одного укрѣпленнаго пункта, гдѣ бы можно было укрыться въ случаѣ опасности [3]).

Такимъ образомъ исчезла зелонская епископія, не игравшая почти никакой роли въ исторіи введенія христіанства въ Лифляндіи. Только изрѣдка встрѣчающееся ея названіе напоминаетъ о ея прошедшемъ существованіи, какъ части Лифляндіи; впослѣдствіи же она вѣроятно была захвачена литовцами и перешла какъ подарокъ короля Миндовга послѣ его крещенія и коронованія къ нѣмецкому ордену [4]).

О дѣятельности Ламберта въ качествѣ земгальскаго епи-

---

[1]) Mittheil. B. IX p. 174.

[2]) U. B. № 81: reservatis tamen eidem episcopo (scilicet Lamberto) redditibus, quoscunque habebat in Selonia, quousque eo praedicta Semigallia competentes habeat mansiones.

[3]) Швартцу (l. c. p. 17, 5) кажется сомнительнымъ, чтобы уже теперь былъ выстроенъ замокъ Месотенъ въ виду постоянныхъ нападеній Вестерса а о замкѣ Medeiothe (Mesoten?) упоминается только въ 1232 году (U. B. № 125); что же касается названія «Mederothe», встрѣчающагося въ актѣ 1231 года (U. B. № 109), то не ясно—относится ли оно къ замку, или къ странѣ.

[4]) U. B. № 286.

скопа намъ извѣстно весьма мало, или вѣрнѣе—ничего. Онъ по прежнему продолжаетъ присутствовать при Вильгельмѣ Моденскомъ [1]) и принимать участіе въ общелифляндскихъ предпріятіяхъ, напр., въ походѣ противъ эзельцевъ въ 1227 году [2]). А въ его дѣятельности, касающейся только Земигальской области и относящейся къ этому времени, опять таки выступаютъ эгоистическіе поземельные интересы; онъ ведетъ споръ съ орденомъ относительно поземельныхъ владѣній ордена въ Земигалліи, которыхъ орденъ добивался вѣроятно на основаніи принципа распредѣленія завоеванныхъ странъ вообще между епископомъ и орденомъ. На просьбу ордена защитить его владѣнія отъ притязаній Ламберта, папа приказываетъ еп. Альберту въ случаѣ, если Ламбертъ обложитъ интердиктомъ владѣнія ордена, снять этотъ интердиктъ, если Ламбертъ не сдѣлаетъ этого въ продолженіе назначеннаго ему срока [3]). О его дальнѣйшей дѣятельности мы знаемъ только, что въ дек. 1228 года папа Григорій IX далъ епископу земигальскому право, не смотря на противодѣйствіе прелатовъ, брать изъ каждаго монастыря Германіи для проповѣди слова Божія по одному канонику и исповѣднику премонстрантскаго ордена [4]) Когда онъ умеръ, также неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ представляется умершимъ въ 1234 году [5]).

Дѣла Куроніи и отчасти земигальской епископіи имѣютъ особый интересъ со времени выступленія въ нее Балдуина Альнскаго. Папскій легатъ Оттонъ передалъ управленіе Лифляндіей своему духовному отцу, монаху монастыря Альны, избравъ его своимъ мѣстоблюстителемъ. Балдуинъ прибылъ въ Лифляндію въ 1230 году и скоро обнаружилъ, къ чему онъ намѣренъ былъ стремиться. Лифляндцы, не ожидая отъ него ничего хорошаго, уже на островѣ Готландѣ требовали у него обѣщанія и клятвы не посягать на ихъ права и привиллегіи [6]). По своемъ прибытіи въ Лифляндію Балдуинъ не стѣснился своимъ обѣщаніемъ, но лишилъ рижанъ имѣній, которыми они

---

[1]) Ibid. № 82. [2]) Heinr. XXX. 3.

[3]) U. B. t. III. Reg. 104 a. Обложилъ ли уже Ламбертъ владѣнія ордена интердиктомъ, или же орденъ выпросилъ буллу у папы только въ видахъ предохраненія себя отъ возможности подобной выходки со стороны Ламберта,—трудно сказать.

[4]) U. B. Reg. 114 и VI. Reg. pag. 143. [5]) Ibid. № 134. [6]) Ibid. № 106. 1.

владѣли въ Куроніи и не думалъ возвращать ихъ обратно [1]). Раздосадованный напоминаніемъ противниковъ о своемъ обѣщаніи, Балдуинъ оставляетъ Ригу и переселяется въ Динаминдъ, упорно утверждая, что рижане домогаются его жизни. Споръ нѣсколько утихъ по возвращеніи Балдуина въ Ригу. Изъ договора, заключеннаго имъ съ куронами въ 1230 году 28 дек. видно, что Балдуинъ дѣйствуетъ, какъ намѣстникъ папы, куроны (западные) покоряются чрезъ него папѣ, онъ опредѣляетъ имъ священниковъ; новаго епископа назначитъ папа, вообще куроны должны слѣдовать только Балдуину и его распоряженіямъ; между тѣмъ какъ раньше куроны, терпя сильный голодъ, обязались черезъ два года принять священниковъ отъ рижанъ [2]). Лифляндцы, согласившись съ планами Балдуина относительно западныхъ куронъ, получили свободу дѣйствія относительно восточныхъ куронъ, жившихъ на востокъ отъ Виндавы по обѣимъ сторонамъ Абавы и заключили съ ними договоръ, клонившійся къ ихъ выгодѣ [3]). Однако Балдуинъ скоро измѣнилъ свою политику и заключилъ самъ особый договоръ съ тѣми же куронами 17 янв. 1231 г. [4]), съ которымъ вѣроятно согласились и лифляндцы, хотя впрочемъ есть основаніе сомнѣваться въ этомъ, ибо на актѣ нѣтъ печати Лифляндіи. Здѣсь, не смотря на его болѣе умѣренный тонъ, все же для куронъ епископъ назначается папою и священники опредѣляются Балдуиномъ.

[1]) Акты №№ 103—106 нужно отнести къ дек. 1230 и нач. 1231 г., ибо кардиналъ Оттонъ послалъ въ Лифляндію Балдуина въ качествѣ своего мѣстоблюстителя послѣ того, какъ получилъ отъ папы полномочіе уладить споръ о замѣщеніи рижской каѳедры 4 апр. 1230 г. (U. B. III. pag. 120. 6). Кальмейеръ (въ Mittheil. B. IX p. 178 прим.) и Боннелль (въ Comment. p. 70) принимаютъ, что Балдуинъ употреблялъ годъ Маріинскій, т. е. съ 25 марта, вопреки Энгельману (въ Mittheil B. IX, p. 439). Боннель (ibid. p. 71) даже увѣряетъ, что счисленіе январское было господствующимъ въ Лифляндіи въ 30-тыхъ годахъ 13 вѣка и что счисленіе мартовское удержалось только у иностранцевъ, употреблявшихъ его на родинѣ; поэтому вѣроятно, что и Балдуинъ употреблялъ мартовское счисленіе и только впослѣдствіи возвратился къ январскому (U. B. № 134):

[2]) U. B. № 106, IX.

[3]) Ibid. № 105. По Швартцу (l. c. p. 23, поле 2) этотъ актъ долженъ предшествовать акту подъ № 104, что видно, по его мнѣнію, изъ акта № 106. III. X, гдѣ Балдуинъ даетъ свое согласіе на договоръ, заключенный Лифляндцами съ куронами, подъ которымъ нужно разумѣть именно актъ № 105. Но свое согласіе Балдуинъ долженъ былъ дать только прежде, чѣмъ заключилъ собственный договоръ съ тѣми же куронами.

[4]) Ibid. № 106. III.

Напротивъ, здѣсь не говорится, что куроны предаютъ себя и своихъ заложниковъ въ руки папы; но выражаются просто: obsides suos dederunt. Далѣе, пропущено, что куроны должны послѣ 2-хъ лѣтъ представляться папѣ и въ промежуточное время повиноваться только Балдуину и его распоряженіямъ. Но главнымъ образомъ здѣсь недостаетъ гарантіи вѣчной свободы, изъ чего особенно видно, что при составленіи этого договора дѣйствовали другіе мотивы, а не тѣ, которые дѣйствовали при составленіи перваго. Эта послѣдняя черта—отсутствіе гарантіи вѣчной свободы, повидимому, сдѣлана въ угоду лифляндцамъ, которые не думали оставить туземцамъ ихъ прежнюю независимость, но обременяли ихъ данью и повинностями, хотя бы и не лишали ихъ свободы вполнѣ. Увертка относительно выдачи заложниковъ также была сдѣлана въ угоду лифляндцамъ, или вѣрнѣе,—съ цѣлію обмануть ихъ, ибо 20 янв. 1231 года, слѣдовательно, вскорѣ послѣ заключенія этого втораго договора состоялось собраніе лифляндцевъ и пилигримовъ, на которомъ Балдуинъ обѣщалъ выдать заложниковъ [1]), безъ сомнѣнія восточной Куроніи, ибо заложниковъ западной Куроніи Балдуинъ вручилъ папѣ. Однако онъ не соблюлъ слова и увезъ заложниковъ съ собою въ Динаминдъ [2]). Когда посольство къ Балдуину съ требованіемъ выдачи заложниковъ не привело ни къ чему, то лифляндцы сочли второй договоръ Балдуина съ куронами не обязательнымъ для себя и отправили согласно заключенному ими съ куронами договору своихъ священниковъ въ Куронію, чтобы крестить народъ. Балдуинъ сдѣлалъ тоже самое. Скоро между посланными священниками возникла распря, которая, нанося ущербъ дѣлу обращенія язычниковъ, продолжалась до тѣхъ поръ, пока папскій легатъ кардиналъ Оттонъ не утвердилъ рижскимъ епископомъ Николая, который сразу, основываясь на постановленіи легата Вильгельма въ 1226 г., по которому часть новопокоренныхъ странъ переходитъ къ рижскому епископу, другая — къ ордену, а третья — горожанамъ рижскимъ, и епископамъ этихъ странъ остается десятина и выполненіе всѣхъ духовныхъ правъ и обязанностей [3]), сталъ на сторону лифляндцевъ и въ авг. 1231 г.

---

[1]) U. B. № 106. IV. [2]) Ibidem.
[3]) U. B. № 83.

отдалъ третью часть Земигалліи, Эзеля и Куроніи рижскимъ горожанамъ въ ленъ, хотя и не имѣлъ на это права [1]). Часть Куроніи по сю сторону Виндавы, вѣроятно, теперь же была предоставлена въ распоряженіе рижскаго діоцеза [2]). Николай не ограничился только землею по сю сторону Виндавы, и земля по ту сторону ея была отдана въ ленъ [3]). Балдуинъ долженъ былъ уступить и выдать (до или послѣ 1231 года, — трудно рѣшить) куронскихъ заложниковъ, акты и другія вещи [4]). По акту 1231 года горожане, или вѣрнѣе—лифляндцы [5]) владѣютъ своею частью съ полными свѣтскими правами и правомъ патронатства и свободно могутъ строить церкви, одарять ихъ и снабжать мѣстоблюстителя епископа семью лошадями.

Въ виду такихъ дѣйствій Николая, превышавшихъ его полномочія, и не имѣя возможности противодѣйствовать ему, Балдуинъ счелъ за лучшее отправиться къ папѣ Григорію IX съ жалобою на лифляндцевъ. Папа, одобряя дѣйствія Балдуина и съ цѣлію дать ему болѣе полномочій, лично посвящаетъ его въ епископы Земигалліи, даетъ ему полномочія папскаго легата въ Лифляндіи, Готландѣ, Финляндіи, Эстляндіи, Земигалліи, Курляндіи и пр.... Въ силу своихъ полномочій Балдуинъ имѣетъ право проповѣдывать Христа въ предѣлахъ своего легаціоннаго округа, наказывать духовныхъ, реформировать церкви, утверждать и посвящать епископовъ и т. п. Въ случаѣ противодѣйствія въ его распоряженіи было духовное оружіе отлученія, запрещенія и интердикта [6]). Въ тоже время папа приказываетъ лифляндцамъ возвратить ему Земигаллію съ заложниками, не обращая вниманія на то, что акты, касающіеся дѣленія земель завоеванныхъ и еще имѣющихъ быть завоеванными, были составлены подъ папскимъ авторитетомъ [7]). Этимъ актомъ самъ папа объявилъ неимѣющими силы постановленія Иннокентія III [8]) и Вильгельма Моденскаго [9]), равно какъ и свое собственное утвержденіе ихъ [10]), ибо еп. Альбертъ имѣлъ полномочіе ставить въ новообращенныхъ стра-

---

[1]) Ibid. № 109. [2]) Ibid. № 125.

[3]) Ibidem: Ultra Windam vero tertiae partis, quae cives contingeret, mercatores et c.

[4]) Ibid. № 120. [5]) Ibid. № 122.

[6]) U. B. № 115. [7]) Ibid. № 122. [8]) Ibid. №№ 16, 17.

[9]) Ibid. № 83. [10]) Ibid. III № 98a.

нахъ только перваго епископа, а не возводить на его мѣсто другаго [1]). Кромѣ того въ другихъ буллахъ папа подтвердилъ за Балдуиномъ Куронію на всю его жизнь, приказалъ нѣмцамъ выдать ему заложниковъ вмѣстѣ съ страною [2]) и утвердилъ его договоры съ куронами [3]).

Виды папы и Балдуина простирались еще дальше. Одновременно съ вышеозначенными опредѣленіями папа поручаетъ Балдуину принять въ руки папы лифляндскіе и эстляндскіе діоцезы, не имѣющіе опредѣленныхъ границъ [4]) и лифляндцы получаютъ приказаніе выдать новому легату спорныя земли Виронію, Гервію и Війкъ [5]), каковымъ опредѣленіемъ опять объявляются лишенными силы предшествующія опредѣленія, акты Фридриха II и его сына короля Генриха [6]). Опека надъ ревельскою и вироискою епископіями, въ случаѣ ихъ вакансіи или отсутствія мѣстныхъ епископовъ, переносится на Балдуина [7]). Лифляндцы обязываются выдать эзельскихъ заложниковъ [8]). Даже обращеніе лифляндцевъ съ туземцами и сосѣдними русскими было поставлено въ зависимость отъ Балдуина, безъ согласія коего они не могли заключать съ окрестными язычниками мира и облагать ихъ данью [9]). Само собою разумѣется, что лифляндцы, будучи лишены всякой самостоятельности, должны были съ негодованіемъ смотрѣть на своего верховнаго распорядителя и стараться ослабить, или же по крайней мѣрѣ противодѣйствовать этому могуществу. Поэтому не удивительно, что защитникъ интересовъ лифляндцевъ, рижскій еп. Николай вскорѣ подвергается со стороны Балдуина обвиненію въ томъ, что онъ подчинилъ своему рабству Куронію [10]), присвоилъ себѣ права чужихъ епископій, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ относительно земигальской и эзельской епископій [11]), что онъ не заботился ни о сооруженіи церквей

---

[1]) Ibid. № 122, ср. №№ 40, 65.
[2]) U. B. № 120. [3]) Ibid. № 124 и Reg. 139.
[4]) Ibid. № 116. [5]) Ibid. 117.
[6]) Heinr. XXIX; 7; XXX, 2; U. B. № 100.
[7]) Ibid № 118. [8]) Ibid. № 120.
[9]) Ibid. № 121.
[10]) U. B. № 123. Nicolaus... minus provide impedivit pro ea, quod plantationem novellam ad catholicam fidem conversam, a servitute diaboli liberatam, suae subjicit servituti et c...
[11]) Ibid. № 109.

на надлежащихъ мѣстахъ, ни о взносѣ епископамъ десятины, какъ было постановлено легатомъ Вильгельмомъ [1]), но даже отдалъ десятину въ ленъ рижскимъ горожанамъ [2]). По этой жалобѣ папа сдѣлалъ строгій выговоръ Николаю, приказалъ ему впередъ воздерживаться отъ подобныхъ выходокъ и поручилъ Балдуину наблюдать за исполненіемъ своего приказанія, въ противномъ случаѣ Балдуинъ имѣлъ право подвергнуть его церковному наказанію [3]). Въ то время какъ папа издалъ свою буллу лифляндцы продолжали распоряжаться Земигалліею и Куроніею по своему. Купцы рижскіе, составлявшіе цѣльное крѣпкое товарищество на ряду съ пилигримами и горожанами, получили изъ третьей части земель нѣкоторыя области. Вслѣдствіе возникшаго между ними и горожанами спора относительно способа раздѣла этихъ земель еп. Николай, избранный обѣими сторонами третейскимъ судьею, постановилъ, чтобы третью часть Земигалліи, которою до сихъ поръ владѣли горожане, получили купцы на ленныхъ условіяхъ вмѣстѣ съ данью, а изъ третьей части по ту сторону Виндавы купцы получили только половину и при томъ безъ дани, которая на сколько была еще не собрана горожанами, пошла на содержаніе замка Месотена [4]). По истеченіи года дань переходила въ полное распоряженіе купцовъ. Далѣе, отъ странъ, обращаемыхъ въ христіанство общими силами купцовъ и горожанъ, каждая сторона получаетъ половину третьей части. Но изъ странъ, пріобрѣтенныхъ внѣ Куроніи, горожане должны дать купцамъ столько гакеновъ изъ своей половины, сколькими они обладаютъ по сю сторону Виндавы. Покуда купцы охраняютъ замокъ Месотенъ, принимаютъ издержки на содержаніе заложниковъ, посылку и пріемъ пословъ [5]), не должно причинять имъ какихъ либо другихъ издержекъ. По оставленіи же замка купцы

---

[1]) Ibid. № 83. [2]) Ibid. № 109. [3]) Ibid. № 123.

[4]) Изъ выраженій: «mercatoribus ibidem manentibus», «mercatores, quamdiu in custodia castri Mediothe consistunt» можно, повидимому, съ вѣроятностью заключить, что замокъ Mediothe охранялся по очереди тремя сословіями, мѣнявшимися черезъ годъ. Ср. Büttner въ Mittheil. B. IX p. 59.

[5]) Nuntiis mittendis vel recipiendis. Büttner l. c. p. 30—31 правдоподобно полагаетъ, что назначеніемъ этихъ пословъ служилъ сборъ дани, основываясь при этомъ на указаніи ихъ назначенія на Эзелѣ U. B. № 139: censum hac tenus per communes nuntiis communiter collegimus, ut quilibet nostrum (scil. statuum Livoniae) de parte ad se spectante per suos nuntios censum colligat)

должны сами содержать заложниковъ и пословъ своей третьей части Земигалліи и другихъ земель [1]).

Орденъ, узнавъ о замыслахъ и полномочіяхъ Балдуина, обратился въ сент. 1232 г. къ императору Фридриху II, отъ котораго выхлопоталъ для своихъ владѣній въ Эстоніи, именно Гервіи (вѣроятно сомнѣваясь въ возможности утвердить за собою другую Эстонію) охранную грамату [2]). Когда Балдуинъ возвратился въ Лифляндію съ своими полномочіями отъ папы, онъ нашелъ свою епископію совсѣмъ распредѣленною между лифляндцами и естественно требовалъ возвратить ее себѣ. Только 30 іюня 1233 года послѣ того какъ 70 вассаловъ изъ купцовъ города отказались отъ своихъ правъ въ Земигалліи и Куроніи, городъ Рига былъ вынужденъ сдѣлать тоже самое [3]), исключая только полосы земли на сѣверъ Земигалліи, переданной горожанамъ рижскимъ въ договорѣ съ еп. Ламбертомъ [4]).

Ничтожность успѣховъ, достигнутыхъ Балдуиномъ, побудила его къ уступчивости, заставила держаться примирительной и выгодной по возможности для всѣхъ лифляндцевъ политики легата Вильгельма. Эта черта его дѣятельности обнаруживается въ томъ же году. Когда 56 рижскихъ горожанъ просили его дать имъ въ ленъ земли въ Куроніи, „то онъ, въ виду необходимости вѣры и опасностей и издержекъ горожанъ“ жалуетъ каждаго изъ нихъ 25 гакенами въ третьей части Куроніи по сю сторону и въ шестой части по ту сторону Виндавы на ленныхъ условіяхъ [5]). Далѣе, онъ подарилъ на ленныхъ условіяхъ духовенству приходской церкви св. Петра въ Ригѣ 25 гакеновъ въ Куроніи, которые должны оставаться и ихъ преемникамъ [6]). Уступилъ ли въ данномъ случаѣ Балдуинъ отъ

[1]) U. B. № 125.

[2]) Ibid. № 127. Нужно думать однако, что орденъ удержалъ за собою и Эстонію, ибо въ 1235 году онъ получаетъ приказаніе возвратить Эстонію преемнику Балдуина, Вильгельму Моденскому.

[3]) U. B. № 134 maxime cum septuaginta vasalli in semigallia pridem ab ipsis (scil. ceribus) infeodati nobis (scil. Balduino) quicquid juris habuerant in Semigallia praedicta et Curonia, resignasset et in hac parte juri suo penitus renuntiassent.

[4]) Ibid. № 76.

[5]) Ibid. № 135. 1 апр. 1234 г. nos vero necessitatem fidei atque pericula civium considerantes et expensas, maxime cum ipsi cives et viri jam dicti (scil. quinquaginta sex) Curlandiam ad manus nostras resignassent justis inversorum petitionibus inclinati infeodavimus et c...

[6]) U. B. № 136. 27 апр. 1234 г.

недостатка энергіи, или же онъ перемѣнилъ свою политику въ виду непреодолимыхъ противодѣйствій со стороны лифляндцевъ, трудно сказать. Какъ бы то ни было, но еще ранѣе сдѣланныхъ имъ уступокъ въ своей политикѣ папа Григорій IX 21 февр. 1234 года [1]) лишилъ его полномочій легата съ оставленіемъ въ должности епископа земигальскаго и назначилъ на его мѣсто Вильгельма Моденскаго, уже прежде съ успѣхомъ исполнявшаго въ Лифляндіи должность легата. Въ немъ лифляндцы пріобрѣли хорошаго защитника своихъ интересовъ и стремленій, который не боялся даже противиться папѣ въ угоду лифляндцамъ. Папа дважды увѣщавалъ его позаботиться о передачѣ Ревеля датскому королю Вольдемару, грозя даже передать свое порученіе другому въ случаѣ невыполненія его Вильгельмомъ [2]), Балдуинъ опять спѣшитъ къ папѣ съ жалобою на печальное положеніе дѣла миссіи въ Лифляндіи, особенно на притѣсненіе и порабощеніе туземцевъ духовенствомъ и орденомъ (gravaminibus et oppressionibus ac servitutibus neophitorum). Папа приказываетъ депутатамъ отъ ордена явиться въ Римъ къ 8 сент. 1235 года, чтобы защитить орденъ отъ обвиненій Балдуина [3]). По разборѣ дѣла епископомъ Сабинскимъ, папа 24 февр. 1234 г. дѣлаетъ [4]) постановленія, касающіяся передачи областей эстонскихъ въ свои руки и облегченія бѣдственнаго положенія туземцевъ, постановленія, далеко не благопріятствующія наклонностямъ Лифляндскихъ господъ. Что же касается Балдуина, то по всей вѣроятности еще въ 1236 г. онъ отказался отъ земигальской епископіи [5]), не считая удобнымъ возвращаться въ страну, которая была уже занята его врагами, такъ что ему не чѣмъ было бы и существовать. Въ 1237 г. онъ является на Рейнѣ, гдѣ съ согласія архіепископа кельнскаго Генриха исправляетъ епископскія функціи и называетъ себя „прежнимъ земигальскимъ“ епископомъ [6]).

Земигальская епископія существовала еще въ 1237 году, когда легатъ Вильгельмъ точно опредѣлилъ ея границы: къ ней были отнесены тогда земли внѣ куронской и рижской епископій

---

[1]) Ibid № 132.
[2]) Ibid. №№ 147. 159. [3]) Ibid. III Reg. 154a.
[4]) Ibid. № 145.
[5]) Albericus l. c. p. 940: Bunge, Livl. p. 41 note 135.
[6]) U. B. VI Reg. 173 u. p. 8 и № 3168. 611.

и области, находящіяся между Двиною и Мемелемъ, съ юга она отдѣлялась отъ Литвы линіей, проведенной отъ верховьевъ Нигерицы до Полоцка. Въ замѣнъ отнятой у нея части пробстъ и капитулъ ея выговорили себѣ право получить часть вновь завоеванныхъ земель [1]) и настоящіе члены капитула должны содержаться на счетъ рижской церкви, пока не будутъ въ состояніи прокормиться сами [2]).

Послѣ отказа Балдуина въ 1236 г. [3]) земигальская епископія осталась вакантною, потому что состояніе Земигаліи дѣлало невозможнымъ пребываніе тамъ епископа, и это продолжалось вѣроятно долѣе 1242 гола [4]). Поэтому не удивительно, что въ 1246 году мы встрѣчаемъ въ Бременѣ Арнольда земигальскаго епископа въ качествѣ свидѣтеля рядомъ съ рижскимъ архіепископомъ Альбертомъ [5]) и въ октябрѣ слѣдующаго года видимъ его въ Кельнѣ исправляющимъ функціи викарнаго епископа [6]). Но въ концѣ того же года онъ по причинѣ тѣлесной своей слабости и многихъ другихъ препятствій къ надлежащему отправленію пастырскихъ обязанностей былъ готовъ передать свою епископію въ руки папы [7]). Поэтому папа поручилъ рижскому архіеп. Альберту поставить и посвятить въ епископы Земигалліи Генриха изъ Лютцельбурга, изъ францисканскаго ордена, что тотъ и исполнилъ [8]). Опредѣленіями въ Ліонѣ въ мартѣ

---

[1]) Ibid. № 153. [2]) Ibid. № 154.

[3]) Ibid. № 145 u. Alber. l. c. p. 940 ad. a. 1236 Episcopus Balduinus Semigallensis episcopatum suum in manus domini papae reddidit, ita quod possit benedictiones et ordines et c...

[4]) Въ актѣ легата Вильгельма № 71 отъ 19 апр. 1242 г. говорится: «cum ad divisionem terrarum inter fratres praedictos (scil. domus Theutonicae) et episcopum, qui pro tempore ibi fuerit pervenietur, etc... Бунге думаетъ, что эти слова могли бы быть относимы къ ваканціи каѳедры, если подъ ними правильнѣе нельзя было бы разумѣть бывшаго, въ извѣстное время фунгировавшаго епископа.

[5]) E h m e k, Rrem. U. B. № 234.

[6]) Livl. U. B. VI. № 3174 ср. SS. rer. Pruss. II. p. 36 Anm. 1.

[7]) U. B. VI. № 3020 (булла папы Иннокентія IV отъ 5 дек. 1247 г.: Verum quia sicut per litteras venerabilis fratris nostri episcopi semigallensis accepimus, propter nimiam sui corporis debilitatem et alia pluria impedimenta non potest exequi, ut decet et expedit officium pastorale, propter quod paratus est, episcopatum suum in nostris manibus resignare etc. Хотя Арнольдъ здѣсь не упомянутъ по имени, но по всей вѣроятности здѣсь нужно разумѣть именно его.

[8]) Ibid. №№ 3020 и 219. Генрихъ впервые является подъ этимъ титуломъ 11 апр. 1249 г. См. Ibid. VI Reg № 228a. Не смотря на то, Арнольдъ ещ е

1251 г., когда рѣшался споръ между Альбертомъ и орденомъ [1]) земигальская епископія была упразднена и присоединена къ рижской, исключая третьей части ея, которою долженъ владѣть орденъ съ десятиной и свѣтской юрисдикціей, а земигальскій епископъ Генрихъ лютцельбургскій былъ возведенъ на вакантную каѳедру куронской епископіи и сообразно прежнимъ опредѣленіямъ получилъ третью часть земли со всѣми духовными и свѣтскими правами, а ордену достались остальныя двѣ трети съ десятиной и юрисдикціей; въ послѣднихъ епископъ могъ исправлять чисто епископскія функціи. Здѣсь же было постановлено, что такъ какъ Генрихъ не имѣлъ еще въ Куроніи прочной каѳедры и вслѣдствіе частыхъ набѣговъ куронъ вынужденъ былъ пребывать часто въ Ригѣ, то ему предоставленъ былъ домъ умершаго земигальскаго епископа (Балдуина или Ламберта?) съ вознагражденіемъ еп. Николая стоимостью дома [2]). Въ 1254 г. Земигаллія дѣлится между архіеп. рижскимъ, капитуломъ и орденомъ: каждый долженъ владѣть своею частью съ десятиною, патрональнымъ правомъ, всѣми свѣтскими выгодами и другими правами, исключая спеціальныхъ правъ архіепископа и архидіакона [3]).

Данныя объ открытіи Курляндской епископіи чрезвычайно скудны, нѣтъ ни одного прямаго извѣстія, и только изъ позднѣйшихъ актовъ можно заключать объ этомъ событіи. Мысль объ основаніи въ Куроніи епископіи возникла еще въ 1236 г. у папы Григорія IX, когда онъ поручилъ Вильгельму Моденскому основать прочное мѣсто для епископа въ Куроніи [4]). Намъ извѣстны пять актовъ [5]), изъ которыхъ № 224 признается большинствомъ изслѣдователей подложнымъ [6]). Въ трехъ изъ

долго продолжаетъ именоваться земигальскимъ епископомъ, даже послѣ того, какъ въ 1251 г. эта епископія была формально упразднена; онъ повидимому былъ постояннымъ викарнымъ епископомъ люттихскаго діоцеза. См. Bunge Weihb. p 66—67.

[1]) U. B. № 219.

[2]) Эти постановленія были 14 марта того же года утверждены папою (ibid. № 222), который поручилъ Эзельскому епископу наблюдать за ихъ выполненіемъ (ibid. № 223).

[3]) На обязанности архидіакона, должность котораго къ этому времени уже занимали пробсты капитула, лежало, между прочимъ отправленіе духовной юрисдикціи. См. Bunge, Gesch. d. Gerichtswesens. Reval 1874 p. 24.

[4]) U. B. № 144. [5]) Ibid. №№ 171, 181. 224, 234 и 316.

[6]) Schwartz, l. c. p. 43.

нихъ [1]) упоминается о епископѣ «Энгельбертѣ", въ одномъ (№ 171) напротивъ отъ 1242 г. упоминается епископъ „H", вмѣсто чего въ нѣмецкомъ переводѣ его написано „Heinrich" [2]). Кальмейеръ полагаетъ, что Генрихъ, Энгельбертъ и Германъ (№ 224) суть одно и тоже лицо [3]) и ставитъ время посвященія Энгельберта въ епископскій санъ между 1234 — 1236 годами, ибо въ 1236 г. онъ погибъ въ битвѣ—при Раденѣ, вслѣдствіе чего куроны отпали. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласенъ и Бунге [4]). Но въ данномъ случаѣ они опираются на подложномъ актѣ № 224, гдѣ сказано: Fratres praehabiti (scil. milites Christi) una cum episcopo Hermano (по Кальмейеру Engelberto) suisque canonicis manu lethwinorum, paucis superfluentibus, gladio corruerunt". Но этому извѣстію противорѣчитъ подлинный актъ № 181, гдѣ говорится, что послѣ случившагося соединенія (postmodum facta incorporatione) орденовъ куроны отпали отъ христіанства и убили епископа. Что же касается свидѣтельства акта № 171 о „еп. Генрихѣ" (ordinationem fecimus inter H (Heinrich) primum episcopum Curoniæ et fratres de Theutonica domo, qui tunc Christi milites dicebantur), то по правдоподобному соображенію Шварца это распоряженіе Вильгельма не можетъ относиться ни ко времени первой его легаціи, ни къ первому времени (1234—35 г.), когда Курляндія находилась еще подъ номинальнымъ духовнымъ управленіемъ Балдуина, отказавшагося отъ него только въ 1236 г. Но такъ какъ въ началѣ этого года Вильгельмъ былъ еще въ Любекѣ [5]) и возвращается въ Лифляндію только въ 1237 или въ концѣ 1236 года, около времени пораженія нѣмцевъ при Раденѣ, то онъ могъ поставить Энгельберта только нѣсколько послѣ раденскаго пораженія, ибо въ противномъ случаѣ странно, почему тотъ вмѣстѣ съ другими лифляндскими епископами не участвовалъ въ ускореніи соединенія орденовъ [6]), но является предъ ихъ соединеніемъ (въ маѣ 1237 г.), ибо въ актѣ № 171 ордена представляются еще не соединенными (cum conversaremur in Livonia... fratres de Theutonica domo, qui tunc Christi milites dicebantur et c...). Отсюда возможно съ нѣкоторою вѣ-

[1]) U. B. №№ 181, 234, 316.
[2]) Mittheil. VI, p. 419—420. [3]) Mittheil. B. IX p. 191—194 note 1.
[4]) Weihbisch. p. 68 note 285.
[5]) SS rev. Pruss. II. p. 125. [6]) U. B. № 149.

роятностію заключить, что Энгельбертъ и Генрихъ одна и таже личность, ибо въ короткій промежутокъ между концемъ 1236 г. и началомъ 1237 года едвали могли быть поставлены два епископа, оба входившіе въ сношеніе съ орденомъ. Будучи поставленъ самимъ Вильгельмомъ моденскимъ [1]), онъ вѣроятно не получилъ для своей епископіи всей Куроніи, а только страну между Виндавой и Мемелемъ и область къ югу отъ Абавы до Земигаліи; сколько можно судить по позднѣйшему опредѣленію Вильгельма [2]), ибо, какъ извѣстно, восточную Куронію еп. рижскій присоединилъ къ своему діоцезу [3]). По обычному въ то время порядку вещей новый еп. Энгельбертъ заключилъ съ орденомъ при содѣйствіи легата договоръ, по которому послѣднему доставалась третья часть земель, а епископу остались двѣ трети [4]). Этимъ и ограничиваются наши теперешнія свѣденія о судьбѣ куронской епископіи. Когда она была упразднена, мы не можемъ знать, извѣстно только, что она существовала еще въ сентябрѣ 1237 г., когда Вильгельмъ моденскій опредѣлилъ границы ея по отношенію къ рижской и земигальской епископіямъ [5]). Что касается времени смерти куронскаго епископа Энгельберта, то относительно этого въ наукѣ до сихъ поръ разногласятъ. Послѣ поголовнаго пораженія нѣмцевъ при Саулѣ 22 сент. 1236 г. вспыхнуло возстаніе не только въ Земигаліи, но и въ Куроніи, во время котораго погибъ и еп. Энгельбертъ со своимъ духовенствомъ [6]). Это случилось вѣроятно не задолго до 1242 г., когда происходили приготовленія къ походу на куронъ и къ концу котораго куроны были покорены; на это событіе есть намекъ и въ актѣ 1242 г. мѣсяца мая [7]), гдѣ легатъ Виль-

---

[1]) Ibid. № 181: milites Christi... Engelberto, episcopo ibidem in Curonia instituto a nobis (scil. Vilgelmo).

[2]) U. B. № 153 сент. 1237 г. [3]) ibid. 125.

[4]) ibid. № 181 (1245 г.): Religiosi vivi, qui milites Christi vocabantur... cum Engelberto, episcopo (curoniae)... talem compositionem iniise dicuntur, ut eis tertia pars terrae et duae partes episcopo, qui esset pro tempore, deberentur ср. №№ 171. 316.

[5]) Шварцъ, основываясь на словахъ акта 153: aliorum [de terra prelatorum», по волѣ и совѣту которыхъ между прочимъ происходило разграниченіе помянутыхъ епископій, полагаетъ, что Энгельбертъ (а также и рижскій еп., которые здѣсь разумѣются) былъ тогда еще живъ.

[6]) U. B. № 171.

[7]) U. B. № 171b.

гельмъ указываетъ на другой насильственный образъ дѣйствій (eyn ander modum unde wiis) по отношенію къ куронамъ и гдѣ Энгельбертъ называется первымъ куронскимъ епископомъ.

Послѣ этого внѣшнія явленія исторіи Курляндіи отодвигаются на нѣкоторое время на задній планъ и всѣ сосредоточивается на столкновеніи здѣсь интересовъ ордена и духовенства. Когда въ Лифляндіи на мѣсто ордена меченосцевъ выступилъ нѣмецкій орденъ, то появились и новыя стремленія со стороны ордена. По приговору папы отношеніе ордена къ епископу должно было остаться тѣмъ же и данныя нѣмецкому ордену привиллегіи не должны имѣть никакого значенія для пересаженной въ Лифляндію вѣтви его [1]). Напротивъ права [2]), данныя ордену меченосцевъ до его соединенія съ нѣмецкимъ оставались въ силѣ [3]). Между тѣмъ въ Пруссіи настоящимъ господиномъ страны былъ орденъ, получавшій двѣ трети земли, а епископъ только одну треть, обладавшій многочисленными привиллегіями и вполнѣ независимый отъ мѣстныхъ епископовъ, которые могли исправлять только свои епископскія обязанности [4]). Орденъ нѣмецкій, покорившій большую часть страны Куронской, естественно хотѣлъ пользоваться тѣми же плодами отъ своихъ трудовъ, какъ и въ Пруссіи, основываясь при этомъ на томъ, „что Куронія или Курляндія всецѣло причисляется къ прусскимъ областямъ [5]). Легатъ Вильгельмъ, возведенный уже въ кардинальское достоинство [6]), получивъ отъ папы порученіе обезпечить орденъ и епископа въ Куроніи, находящейся въ предѣлахъ Пруссіи [7]), 7 февраля 1245 г. даетъ нѣмецкому ордену въ Куроніи двѣ части, какъ

---

[1]) ibid. № 149: fratres hosp. (scil. Mar. Theut.), qui pro tempore fuerint in Livonia, sicut hactenus, sub diocesanorum et aliorum praelatorum suorum jurisdictione consistant, non obstantibus indultis memoratis magistro et fratribus privilegiis liberatis.

[2]) ibid. № 16.

[3]) ibid. «Volumus tamen, ut indulta supradictis praeceptori et fratribus a sede apostolica, ante hujusmodi unionem, in suo robore perseverant.

[4]) Voigt, Cod. dipl. I, № 5, 56. См. также Strehlke, Tabulae ord. Theutonici, Berolini 1869.

[6]) Quod Curonia seu Curlandia inter regiones Prussiae lotaliter computatur U. B. № 181.

[7]) U. B. № 179.

[8]) infra Prussiae terminos, sicut asseritur, constitutae.

онъ имѣлъ въ Пруссіи, а епископу одну со всѣми правами и доходами [1]). Захватывало ли это постановленіе владѣнія рижскаго и куронскаго епископа, трудно рѣшить. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе Швартца [2]), по которому владѣнія перваго остались неприкосновенными, а владѣнія втораго вошли въ часть ордена, потому что куронской епископіи тогда болѣе не существовало и орденъ долженъ былъ вновь покорить земли, принадлежавшія къ этой епископіи. Папа съ своей стороны утвердилъ эти постановленія относительно Куроніи 9 февр. того же 1245 года [3]). Мало того,—орденъ, желая пріобрѣсть дальнѣйшія средства для защиты своихъ владѣній, обратился къ императору Фридриху II съ просьбою утвердить за нимъ его владѣнія въ Куроніи, Литвѣ и Земигалліи. Императоръ, снисходя къ просьбѣ великаго магистра ордена Генриха фонъ-Гогенлоэ и основываясь на идеѣ имперіи, какъ высшей покровительствующей силы, позволилъ ордену завоевать и владѣть землями, которыя находятся подъ господствомъ имперіи (quod terrae ipsae sub monarchia imperii sint contentae) и быть отвѣтственнымъ только предъ императоромъ и его наслѣдниками [4]). Но когда папа Иннокентій IV назначилъ Альберта, бывшаго архіеп. Армагскаго въ Ирландіи, въ архіепископы Пруссіи, Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и Земигалліи и объявилъ объ этомъ всѣмъ его подвластнымъ епископамъ 9 янв. 1246 г. [5]) и особенно, когда папа вскорѣ далъ ему полномочія легата въ этихъ странахъ, не исключая и Россіи, то между орденомъ и духовенствомъ естественно должна была возникнуть борьба. Не связанный договорами между орденомъ и епископами, ибо онъ не имѣлъ собственной епископіи до смерти Николая (1253 г.) еп. рижскаго, онъ могъ не считать ихъ для себя обязательными. Прежде всего онъ напалъ на привиллегіи ордена собирать деньги для участія въ крестовомъ походѣ въ Пруссію и Лифляндію и употреблять ихъ въ свою пользу, и на постановленіе Вильгельма Сабинскаго относительно раздѣла завоеванныхъ земель въ Пруссіи и Куроніи. Объ этомъ можно заключать изъ договора 1251 г. [6]). Въ тоже

[1]) U. B. № 181. [2]) Schwartz. l. c. p. 54—55.
[3]) U. B. № 182.
[4]) U. B. № 185. [5]) Ibid. № 188.
[6]) Ibid. III № 218.

время еп. рижскій Николай, желая закрѣпить за собою свои владѣнія въ Куроніи, обратился къ папѣ и получилъ отъ него 1246 г. утвержденіе на право владѣнія ими [1]). Въ силу этого онъ даритъ своему капитулу нѣкоторыя поземельныя владѣнія въ Куроніи и Земигалліи [2]). Не смотря на заключенный въ январѣ 1249 года мирный договоръ между орденомъ и архіеп. Альбертомъ, по которому послѣдній обѣщалъ не жаловаться на орденъ папѣ и безъ согласія ордена не избирать своего мѣстопребыванія въ Пруссіи, а орденъ съ своей стороны обязался заплатить архіепископу 300 марокъ серебра [3]), споръ не прекратился. Тогдашній великій магистръ ордена Теодорихъ Гренингскій болѣе всего старался уладить его. Онъ первый явился къ установленному сроку—25 іюля 1249 года въ Любекъ, гдѣ какъ въ мѣстопребываніи Альберта предполагалось заключить новый договоръ; но когда Альбертъ не явился къ назначенному сроку, то магистръ поспѣшилъ съ жалобою къ папѣ Иннокентію IV. Послѣдній приказалъ Альберту и маг. Теодориху къ Пасхѣ слѣдующало года [4]) прибыть въ Ліонъ. Здѣсь однако папа ничего не порѣшилъ и только позже 27 сент. 1250 г. Альбертъ былъ лишенъ легатскаго достоинства и ему было запрещено впредь ставить епископовъ въ Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи [5]). Такъ какъ прежнее постановленіе Вильгельма, по которому Куронія признавалась частію Пруссіи, могло быть толкуемо въ смыслѣ географической принадлежности ея къ Пруссіи, то Вильгельмъ былъ вынужденъ разъяснить, что она есть часть Пруссіи только по закону, и потому орденъ долженъ получить въ ней такую же часть, какъ и въ Пруссіи [6]). Основываясь на такомъ пониманіи словъ Вильгельма, въ 1251 г. 24 февр. при участіи самаго Вильгельма былъ изданъ приговоръ относительно распри между орденомъ и архіепископомъ [7]), по которому архіепископъ обѣ-

[1]) Ibid. № 193.

[2]) U. B. № 198. Онъ впрочемъ еще въ 1245 г. сдѣлалъ этотъ подарокъ (U. B. III № 179a), который тогда едва-ли въ дѣйствительности перешелъ къ новымъ владѣльцамъ, ибо онъ былъ повторенъ снова въ слѣдующемъ году.

[3]) Ibid. № 202. [4]) Ibid. № 208. 209. [5]) Ibid, № 214.

[6]) U. B. III № 217a: volentes totius ambiguitatis scrupulam ab erroneis interpretationibus circa ea, quae praemissa sunt, amputare, pro certo dicimus, quod praetaxata Curonia seu Curlandia inter partes Prussiae legitime computatur.

[7]) Ibid. III № 218.

щалъ не посягать на привиллегіи и права ордена, данныя ему папами и легатомъ Вильгельмомъ, не замышлять противъ ордена никакого зла и не заключать никогда союза съ христіанами или язычниками въ ущербъ ордену; орденъ съ своей стороны обѣщался уважать права архіепископа внѣ Пруссіи и Куроніи и не принимать въ общеніе съ собою отлученныхъ имъ.

Въ началѣ 1246 года въ Куроніи является не поименованный папою Иннокентіемъ IV епископъ, которому папа предоставилъ право избирать своихъ канониковъ и наказывать ихъ по усмотрѣнію [1]). Хотя упоминаніе въ это время о капитулѣ довольно странно, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи въ 1260 г. [2]) и 1290 г. [3]) сказано, что куронская церковь до сихъ поръ была лишена капитула, все же едва ли можно на этомъ основаніи отвергать существованіе самаго епископа, какъ это дѣлаетъ Бунге [4]), ибо впослѣдствіи во время епископа куронскаго Генриха упоминается о капитулѣ и его членахъ, тогда какъ нѣсколько лѣтъ позже въ одной папской буллѣ прямо говорится, что „Куронская церковь не имѣетъ еще совсѣмъ капитула“ [5]). Поэтому послѣднее выраженіе приходится понимать не въ строгомъ прямомъ смыслѣ, а въ томъ, что капитулъ еще не получилъ правильнаго развитія, и мѣстопребыванія и былъ только временнымъ явленіемъ. Въ 1248 г. 20 февр. опять упоминается епископъ Куронскій („Curonie“) въ Ліонѣ, которому папа Иннокентій IV поручаетъ проповѣдывать по всей имперіи крестовой походъ для поддержанія римскаго императора Вильгельма [6]). Тожественна ли эта личность съ личностію упомянутою нѣсколько ранѣе, или же онѣ представляютъ двухъ личностей, трудно рѣшить [7]).

Куронская епископія выступаетъ на историческую арену въ дѣйствительности только со времени перемѣщенія на ея каѳедру Генриха Земигальскаго. Дѣятельность его по вступленіи въ свою епископію касается регулированія отношеній между ними и орденомъ. Онъ заявляетъ свои претензіи на третью

---

[1]) Ibid. VI № 2729.
[2]) Ibid. № 351. [3]) Ibid. № 530.
[4]) Weihbisch. p. 69 note 285.
[5]) U. B. № 351.
[6]) ibid. VI Reg. 222; ср. SS. rer. Pruss. II, 36 Anm. 2.
[7]) Ср. Bunge. l. c. p. 69.

часть замка Гольдингена и при посредствѣ эзельскаго еп. Генриха претензіи его улаживаются такъ, что орденъ платитъ ему 1000 рижскихъ марокъ, послѣ чего онъ отказывается отъ своей части въ Гольдингенѣ [1]). Кромѣ того епископъ ежегодно получаетъ отъ Гольдингенскаго коменданта три ласта ячменя. Далѣе, если кругомъ замка будетъ выстроенъ городъ, то епископъ имѣетъ право избрать въ немъ мѣсто своей каѳедры длиною въ 300 футовъ и шириною въ 200. Изъ послѣдняго пункта можно видѣть, что Генрихъ имѣлъ намѣреніе избрать Гольдингенъ мѣстомъ своей каѳедры, какъ хорошо укрѣпленный пунктъ. Затѣмъ Генрихъ заявилъ свои права на тѣ владѣнія, которыми пользовался орденъ со времени еп. Энгельберта, но и отъ этого требованія онъ долженъ былъ отказаться и за отказъ отъ части въ Гольдингенѣ и намѣренія основать тамъ мѣсто своей каѳедры онъ получаетъ отъ ордена 1100 марокъ серебра, или, вѣрнѣе, орденъ оставляетъ за нимъ эту плату, каковую онъ обязанъ былъ платить ордену за защиту страны. При этомъ же относительно сооруженія и пользованія городами было положено, чтобы они строились только съ рѣшенія обоихъ владыкъ страны и чтобы орденъ получалъ двѣ трети каждаго города, а епископъ—одну треть. Тоже самое было постановлено и относительно чеканки монеты [2]). Относительно сооруженія и освященія церквей и патрональнаго права въ нихъ было положено, что если городъ имѣетъ приходскую церковь, то въ патрональномъ правѣ участвовали и орденъ и епископъ; если же онъ имѣетъ двѣ церкви, то епископъ имѣетъ это право въ одной; при четырехъ церквахъ право ихъ также распредѣляется по ровну и каждому предоставляется двѣ церкви. Впрочемъ послѣднее постановленіе относительно городовъ и монеты, какъ самое не цѣлесообразное было вскорѣ отмѣнено и дано право ордену и епископу свободно строить города и рынки въ своихъ частяхъ, исключая строющагося при Мемельбургѣ города, а монета должна чеканиться только въ Мемелѣ для всей Куроніи [6]) и не можетъ

---

[1]) U. B. № 373. Впрочемъ онъ не получаетъ этихъ марокъ, ибо онъ съ своей стороны былъ обязанъ ежегодно платить ордену за защиту страны столько-же и орденъ теперь только отказался отъ нихъ, насколько можно судить по акту № 234.

[2]) U. B. № 234. [3]) U. B. № 236.

быть измѣнена безъ согласія обѣихъ сторонъ. Подданные ордена для свободныхъ сношеній могли по желанію посѣщать тѣ или другіе рынки безъ различія [1]). Дальнѣйшая дѣятельность Генриха касалась раздѣла земель между нимъ и орденомъ. Съ этою цѣлію въ первыхъ мѣсяцахъ 1253 г. великій магистръ ордена Эбергардъ и еп. Генрихъ сошлись въ Ригѣ и здѣсь при участіи эзельскаго еп. Генриха произвели раздѣлъ сѣверной части Куроніи съ подробнымъ перечнемъ деревень, мѣстечекъ, городовъ, озеръ и рѣкъ [2]). Пятаго апрѣля того же года въ Гольдингенѣ [3]) былъ произведенъ раздѣлъ и южной заселенной Куроніи [4]). Всѣ области этой части Куроніи также были раздѣлены на три части и еп. Генрихъ обязанъ былъ къ Михайлову дню избрать одну изъ трехъ частей; къ 20 іюля епископъ далъ свое рѣшеніе относительно выбора своей части [5]). 20 сентября 1254 года папа утвердилъ весь раздѣлъ земель [6]). Когда въ 1254 году было предположено выстроить около замка Мемельбурга городъ, то еп. Генрихъ получилъ часть города вмѣстѣ съ правомъ избрать въ немъ мѣсто для постройки каѳедральной церкви и дома для капитула [7]). Далѣе, намъ извѣстно, что еп. Генрихъ находился то въ Мемелѣ [8]), то въ Гольдингенѣ [9]). Но вскорѣ послѣ упроченія своего положенія въ странѣ Генрихъ вслѣдствіе происшедшихъ споровъ съ орденомъ, который вѣроятно не хотѣлъ выдать присужденныхъ ему владѣній, удалился изъ страны. Въ 1254 г. мы встрѣчаемъ его въ различныхъ городахъ Германіи, напр., Любекѣ, Вормсѣ, Сенсѣ, гдѣ онъ между прочимъ принимаетъ участіе въ урегулированіи новыхъ порядковъ въ Лифляндіи [10]). 25 апрѣля 1256 г. мы находимъ его опять въ Куроніи, въ Гольдингенѣ [11]). Въ 1258 г. онъ опять является то въ Меме-

---

[1]) Ibid. № 241.

[2]) Ibid. № 248. [3]) Ibid. № 249 и Reg. 282.

[4]) terrae incultae. Ср. Кальмейеръ въ Mittheil. B. IX p. 217 Anm.

[5]) Ibid. № 253.

[6]) Ibid. № 276. Замѣчательно, что это дѣленіе имѣло мѣсто до настоящаго столѣтія, ибо обѣ отдѣленныя области—епископія (позднѣе, какъ уѣздъ польскаго королевства Пильтенъ) и орденская земля имѣли особыя мѣстныя права.

[7]) Ibid. №№ 236, 244. 245.

[8]) U. B. № 246. [9]) Ibid. № 240, 241, 253.

[10]) Bunge Weihb. p. 61 и Beilage 26—27.

[11]) U. B. № 290.

лѣ [1]), то въ Ригѣ [2]), гдѣ при посредствѣ архіеп. Альберта заключаетъ договоръ со своими вассалами, заявившими претензію на отнятыя у нихъ въ Куроніи владѣнія. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года еп. Генрихъ и магистръ орденскій Бурхардъ заключаютъ въ Мемелѣ договоръ, по которому церковь св. Николая въ Мемелѣ досталась ордену съ патрональнымъ правомъ [3]), а церковь св. Іоанна сдѣлалась городскою, но при томъ право патронатства предоставлялось и ордену и епископу, однако такъ, что епископъ по первенству чести имѣлъ право перваго замѣщенія [4]), между тѣмъ какъ прежде было постановлено, что въ случаѣ постройки въ Мемелѣ одной церкви право патронатства остается за обоими, а при двухъ церквахъ каждый получаетъ полное право въ одной церкви. Фактъ, что еп. Генрихъ не получилъ полнаго патрональнаго права въ церкви св. Іоанна свидѣтельствуетъ опять о стремленіи ордена поставить епископа въ подчиненное къ себѣ отношеніе. Этимъ у него была отнята давно взлелѣянная надежда избрать въ Мемелѣ мѣсто своей каѳедры [5]). Не смотря на то, судя по отрывочнымъ извѣстіямъ актовъ, еп. Генрихъ имѣлъ свой капитулъ [6]). Судя по тому, что въ 1259 г. еп. Генрихъ вынужденъ былъ сдѣлать у ордена заемъ въ 50 марокъ серебра [7]), нужно думать, что его положеніе въ Лифляндіи было не обезпечено и въ матеріальномъ отношеніи, и потому весьма понятно, что онъ счелъ за лучшее отправиться въ Германію, гдѣ онъ и встрѣчается въ качествѣ викарнаго епископа [8]). Съ этихъ поръ онъ вѣроятно болѣе и не возвращался въ Лифляндію, ибо уже 5 марта 1263 г. онъ отказал-

---

[1]) Ibid. № 317.

[2]) Ibid. № 322. [3]) Ibid. № 329.

[4]) Ibid. № 330.

[5]) Только его преемнику Эмунду Вердскому удалось осуществить этотъ планъ, насколько можно заключить изъ актовъ № 532, гдѣ упоминается о «duobus canonicis de Memela» и № 533, гдѣ еп. Эмундъ говоритъ: in domo nostra Memele:

[6]) Ibid. №№ 248—250, 253. 373; акты, относящіеся къ третьей четверти XIII столѣтія.

[7]) Ibid. № 343.

[8]) Ibid. VI Reg. 384b и 412c. 24 авг. 1262 г. Въ послѣдующемъ актѣ подъ «Heinricus episcopus Wermelan-diensis de Livonia» разумѣютъ именно Генриха еп. Куронскаго, а не Генриха еп. Эзельскаго, ибо уже 21 авг. 1262 г. преемникомъ послѣдняго является Германъ. U. B. № 368.

ся отъ куронской епископіи и получилъ отъ папы Кименскую епископію [1]). Въ тоже самое время папа Урбанъ IV по просьбѣ великаго магистра ордена Анно, приказалъ своему легату Анзельму Эрмеландскому епископу при соучастіи другихъ 2—3-хъ епископовъ посвятить въ куронскіе епископы священника нѣмецкаго ордена Эмунда Вердскаго, отличавшагося своими познаніями, чистотою нрава и дальновидностью, а также позаботиться и о томъ, чтобы онъ получилъ доходы и плоды своей епископіи; но въ знакъ признанія своей подчиненности отъ рижскаго архіепископа, онъ обязанъ былъ предъ посвященіемъ представиться послѣднему и дать ему должную клятву въ вѣрности 3-го марта 1263 г. [2]). Спустя четыре года по вступленіи на должность онъ оставилъ свою епископію и отправился въ Германію, гдѣ пробылъ въ качествѣ викарнаго епископа въ различныхъ діоцезахъ по крайней мѣрѣ до 1283 г. [3]) ибо въ этомъ году онъ, приближаясь къ Лифляндіи находился въ Бременѣ [4]). Прямое указаніе на его присутствіе въ Куроніи мы находимъ впервые въ 1290 г. Здѣсь изъ нѣмецкихъ орденскихъ братьевъ онъ основалъ капитулъ, котораго до сихъ поръ была лишена куронская церковь, потому что католическая вѣра, доселѣ очень слабая въ ней (valde debilis), менѣе всего могла распространяться [5]). Капитулъ былъ образованъ изъ 6 канониковъ: настоятеля (praepositus), декана и четырехъ священниковъ; всѣ остальныя лица, причисленныя къ Курляндской церкви, были исключены изъ предосторожности не принимать въ монастырь болѣе клириковъ, чѣмъ сколько можетъ существовать на церковныя имущества безъ недостатка. На ихъ содержаніе Эмундъ отдѣлилъ третью часть всей епископіи со всѣми доходами, правами и юрисдикціей. Съ увеличеніемъ доходовъ церкви въ число капитула могли быть выбраны еще другія лица по общему согласію епископа, ка-

[1]) ibid. III № 374a: Heinricum de Luzemburg, quondam episcopum Curoniensem absolventes a vinculo, quo Curoniensi episcopatu tenebatur, adstrictus cum ad regimen episcopatus Kymen tunc pastore vacantis, duxerimus transferendum. Ср. Strehlke въ SS. rer. Pruss. II p. note 5.

[2]) U. B. III № 374a. [3]) Bunge l. c. p. 75—76.

[4]) Brem. U. B. № 410.

[5]) U. B. № 530: episcopatus noster ecclesiae s. Mariae in Curonia usque ad tempora nostra caruit collegio canonicorum, propterea quod fides catholica, que adhuc in eo valde debilis existebat, minime percipere potuit incrementum etc...

питула и магистра лифляндскаго. Кромѣ того онъ подарилъ капитулу половину приходской церкви св. евангелиста Іоанна въ Мемелѣ [1]) съ позволеніемъ хоронить покойниковъ на кладбищѣ при большой церкви [2]). Въ 1291 г. владѣнія капитула были увеличены третьею частію земель въ Bihavelanc'ѣ, Cecelis'ѣ, Dovzarc'ѣ, Megawc'ѣ и Pilsaten'ѣ послѣ подробнаго раздѣла этихъ областей на три части. При этомъ великій Октенскій лѣсъ былъ предоставленъ на общее свободное пользованіе какъ епископа и канониковъ, такъ и ихъ людей [3]). Затѣмъ онъ улаживаетъ нѣкоторые спорные вопросы относительно поземельныхъ владѣній между магистромъ и рижскимъ капитуломъ [4]). О времени его смерти ничего не извѣстно, хотя можно думать, что онъ скончался еще въ 13 вѣкѣ [5]).

Во время основанія епископій области ихъ находились еще въ рукахъ язычниковъ и предварительно должны были быть завоеваны отъ нихъ. Пребываніе въ иныхъ уже покоренныхъ странахъ, при враждебномъ настроеніи новообращенныхъ, было не безопасно, потому что еще не доставало замковъ и городовъ, гдѣ епископы могли бы безопасно жить. При упраздненіи земигальской епископіи прямо заявляется о невозможности для епископа жить въ своей епископіи [6]). Отдѣльные приходы при томъ такъ были ограничены, что недостаточно давали средствъ для содержанія епископа и его капитула [7]). Кромѣ того причиною отлученія епископовъ изъ своихъ епархій служили проповѣдь въ Германіи крестоваго похода противъ лифляндскихъ язычниковъ, завербовка купцовъ для перевозки пилигримовъ и т. п.

---

[1]) U. B. № 531. [2]) ibid. № 539.

[3]) Ibid. № 540. Достойно вниманія, что здѣсь нѣсколько разъ упоминается о деревьяхъ, обозначенныхъ крестомъ близь дороги (arbores cruce signatos juxta viam) и о священномъ деревѣ наз. Ouse Warpe.

[4]) Ibid. №№ 532, 534, 543. [5]) Bunge, l. c. p. 76. Anm. 330.

[6]) U. B. № 219: et quoniam propter paganorum frequentes incursus et alia emergentia negotia peragenda, Curoniensem episcopum in civitate Pigensi contingit saepius commorari, domum et aveam, quam bone memorie Semigallensis episcopus habuerat in eadem curoniensi episcopo decernimus et volumus assignari.

[7]) N. B. № 133 (13 янв. 1252 г.) папа Григорій говоритъ своему легату Вильгельму: Cum itaque sicut nostris fuit auribus intimatum, ut in Revalia, Vironia et quibusdam aliis terris legatione tue commissis, tanta sit temporalium rerum inopia, quod non solum unius uni, sed etiam vix duorum episcopatuum uni episcopo sufficiant facultates.

Будучи такъ или иначе вынуждены оставлять свои епархіи на долгое или краткое время, епископы естественно прежде всего старались посѣтить свое отечество, своихъ прежнихъ сотоварищей по службѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ сотоварищамъ-архіепископамъ посѣщеніе прежнихъ сослуживцевъ было чрезвычайно пріятно. Имѣя обширныя епархіи и встрѣчая, благодаря своему политическому положенію, частыя препятствія къ отправленію своихъ духовныхъ обязанностей, германскіе епископы естественно нуждались въ намѣстникахъ для отправленія своихъ епископскихъ обязанностей, каковыми вполнѣ могли быть ихъ лифляндскіе гости. Неудивительно поэтому, говоритъ далѣе Бунге, что въ теченіе 13 вѣка мы встрѣчаемъ въ качествѣ гостей и помощниковъ у разныхъ епископовъ сѣверной Германіи 16 лифляндскихъ епископовъ. Послѣ того какъ около конца 13 столѣтія завоеваніе Лифляндіи окончилось и установилось прочное положеніе, прекратилась для здѣшнихъ епископовъ и надобность искать внѣ своихъ епархій содержанія и занятій. По словамъ Бунге еп. Альбертъ провелъ большую часть—около половины своего епископства, въ путешествіяхъ преимущественно по Германіи.

Правда, владѣнія лифляндскихъ епископовъ были очень обширны. Будучи возведены въ имперское княжеское достоинство, они имѣли полное господство надъ страною. Епископъ Альбертъ повидимому еще 1 апрѣля 1207 г. получилъ отъ короля Филиппа Лифляндію въ качествѣ лена [1]). 13 октября 1213 г. Иннокентій III призналъ за Альбертомъ право чеканить монету [2]). Это же право призналъ за нимъ въ 1225 г. легатъ папскій Вильгельмъ [3]). А 1 декабря 1225 года императоръ Генрихъ VII далъ Альберту регаліи на свое епископство и возвелъ его въ имперское княжеское достоинство [4]).

---

[1]) Henr. X, 17: tandem ad curiam regis Philippi pervenit, et cum ad nullum regem auxilii haberet respectum ad imperium se convertit et Lyvoniam ab imperio recepit, unde rex Philippus quolibet anno sibi in auxilium daret centum marcas promisit, si promissis quispiam dives esse poterit. Это мѣсто подвергается изслѣдователями различнымъ толкованіямъ. См. Winkelmann въ Mitth. XI p. 310 и слѣд. и Hildebrand l. c. p. 78.

[2]) U. B. № 27. [3]) Ibid. № 75.

[4]) Ibid. № 67: marchiam unam per totum ejus (scil. Alberti) episcopatum... instituimus et eundem ipsi principatum jure aliorum principium, munificentio regali concessimus; dantes ei potestatem faciendi monetam et fundandi civita-

Германъ дерптскій епископъ получилъ отъ того же Генриха регаліи на свою епископію въ 1224 г. [1]). Что касается того обстоятельства, что императоръ Фридрихъ II въ 1219 году [2]) подчинилъ юрисдикціи магдебургскаго епископа всѣ земли язычниковъ по ту сторону и на границахъ Лифляндіи, то оно, будучи вызвано вѣроятно посвященіемъ Германа въ Магдебургѣ, осталось безъ всякихъ послѣдствій. Эзельскій епископъ Готфридъ также получилъ отъ императора Генриха новоучрежденную епископію въ ленъ въ 1228 году 1 октября [3]). По Гильдебранду эти пожалованія имѣли прежде всего практическіе интересы [4]): ими до нѣкоторой степени утверждался повидимому уже совершившійся отказъ датскаго короля на область Германа, противопоставлялось еще непрекратившимся притязаніямъ его на эстонскія владѣнія рижской церкви правовое препятствіе, впервые признавалась ленная зависимость ордена отъ епископовъ, ибо возвышеніе духовныхъ территорій въ Марку (Markerheburg) распространялось и на орденскую землю. Въ древнее время, до соединенія ордена меченосцевъ съ нѣмецкимъ орденомъ, аппеляція отъ суда магистра ордена шла къ епископу, какъ постановилъ въ 1225 году легатъ Вильгельмъ [5]). Но впослѣдствіи при совершенно измѣненномъ, даже

---

tem in Riga et in locis aliis, in quibus eas fieri opportuerit... ipsum tamquam dilectum principem imperii sincere diligimus.

[1]) Ibid. № 64: investientes eum de regalibus Torpatensis episcopatus... recipientes ab ipso fidelitatis juramentum statuinus igitur..., quatenus episcopo praenominato omnibus justitiis et rationibus ad regalem jurisdictionem pertinentibus plene respondeatis et per omnia intendatis, scituri, quod ipsum tamquam dilectum imperii principem sincere diliginus. О спорахъ касательно подлинности этого акта см. Chronologie v. Dr. Philipp. Schwartz. Riga—Москва 1879 г. p. 335—337.

[2]) Ibid. t. III № 42a.

[3]) Ibid. t. VI № 2718; primum Osiliensem episcopum et episcopatum suum, cum universo populo suo, nuper baptisato, nobis offerentem, benigne suscepimus atque ea, que nostri juris ratio postulare videbatur, regia eidem perreximus hilaritate; terminos quoque ad praefatam diocesim pertinentes... cum omnium juris et honoris integritate, quam habent alii Livonienses episcopi, sibi suisque successoribus auctoritate regali in perpetuum confirmimus.

[4]) L. c. p. 141.

[5]) U. B. № 73, 6: homines habitantes in parte magistri debent sub magistro respondere, ita tamen quod si sentirent in definitiva sententia se gravatos. possint ad dominum episcopum, si voluerint, appelare.

обратномъ отношеніи епископовъ къ магистру, это постановленіе безъ сомнѣнія потерпѣло перемѣну [1]).

На содержаніе духовенства туземцы обязаны были отдавать десятину (decima). Тже въ 1198 г. побѣжденные жители Гольма и Икскюля обязались давать каждому священнику отъ плуга по мѣрѣ хлѣба [2]). Здѣсь еще нѣтъ рѣчи о части епископа. Но въ 1207 г. при раздѣлѣ Ливоніи на долю епископа должна была идти четвертая часть десятины съ земель орденскихъ въ знакъ признанія послушанія [3]). Десятина эта первоначально шла исключительно на пользу церкви, а четвертая часть ея доставалась епископу. Въ 1210 году Иннокентій III утвердилъ за епископомъ эту часть десятины [4]). Въ 1211 году ливы просили облегчить для себя въ особенности десятину. Ихъ просьба была уважена и вмѣсто десятины назначена была извѣстная мѣра (въ 18 дюймовъ во всѣ стороны) ежегодно съ каждой лошади [5]) подъ условіемъ вѣрности союзу съ нѣмцами и христіанству. Вѣроятно рыцари, получивъ третью часть замка Гольма, должны были давать епископу именно четвертую часть этой мѣры, которую папа запретилъ измѣнять кому бы то ни было [6]). Изъ того обстоятельства, что возставшіе въ 1212 г. ливы обязались давать десятины плодовъ (decimae frugum) [7]), нужно думать, что первоначально въ десятину входили только произведенія земледѣлія. Ливы же епископа и летты во время Генриха латышскаго платили вмѣсто десятины установленную мѣру [8]). Иногда десятина называется податью, данью (census,

---

[1]) См. Bunge Gesch. d. Gerichswesens in Liv-Ehst und Kurland. 1874 p. 19 Anm. 69.

[2]) Heinr. II, 7: annone mensuram se quolibet aratro ad expensas cujusque sacerdotis statuendo.

[3]) Ibid. XI, 3: relicta episcopo quarta parte decimarum in partibus ipsorum ad obedientie recognitionem.

[4]) U. B. № 16: coloni vero predicte sortis de parte poventuum ad ipsos spectante decimas ecclesiis suis reddent, de quibus quarta pars episcopo resolvetur.

[5]) Hedur. XV, 5: pro decima mensuram quamdam modii, qui esset decem et octo digitorum, de quolibet equo annuatim solvendam... instituit.

[6]) U. B. № 18: tertiam partem de castro Holme in hominibus agris et decimis sepedicti milites obtinebunt, ipsi autem quartam partem mensure, que pro decima instituta est, episcopo solvent, quam mensuram nec episcopus, nec ipsi mutabunt.

[7]) ibid. № 16, 4. [8]) ibid. № 16, 5.

tributum) и, какъ таковая, она платилась эстами [1]), которые, отчаянно отстаивая наслѣдіе предковъ, не могли снискать облегченія ея у нѣмцевъ подобно ливамъ и леттамъ. Съ этой подати епископъ также получалъ свою часть [2]). Что дѣйствительно эта дань была ничто иное, какъ таже десятина, это мы видимъ изъ другаго мѣста, гдѣ Генрихъ говоритъ, что эсты въ Сакалѣ и Угауніи давали священникамъ десятину [3]). Взиманіе десятины происходило чрезъ адвокатовъ или за ихъ отсутствіемъ чрезъ священниковъ или другихъ нарочитыхъ людей [4]). Какъ по постановленію папы Иннокентія въ 1210 г. [5]), такъ въ особенности его легата Вильгельма [6]) десятина съ странъ, имѣющихъ быть завоеванными, рѣшительно предоставлялась епископу, но впослѣдствіи, вопреки папскому запрещенію [7]), она перешла къ землевладѣльцу. Такъ уже Балдуинъ альнскій, земигальскій епископъ и папскій легатъ подарилъ въ 1234 г. духовенству при церкви св. Петра въ Ригѣ и рижскимъ бюргерамъ земли въ Курляндіи съ десятинами и со всѣми правами, исключая его высшаго суда [8]). Въ землѣ ордена она стала взиматься въ пользу ордена [9]).

Духовные въ странѣ раздѣлялись на два класса: одни жили въ замкахъ и участвовали въ походахъ, другіе были священниками при сельскихъ церквахъ на землѣ ордена. Первые были орденскими братьями, вторые—обыкновенными священниками. Для содержанія именно этихъ послѣднихъ и была назначена десятина. Когда впослѣдствіи десятина перешла къ землевладѣльцамъ, то магистръ ордена долженъ былъ принять на себя содержаніе послѣдняго класса духовныхъ лицъ и завѣдываніе

---

[1]) Heinr. XXI, 5, XXIV, 6, XXV, 25.

[2]) Ibid. XXV, 5: fratres erant in castris, tam Ugaunie, quam Sakale procurantes advocatias et congregantes tributa et episcopo suam partem conservantes.

[3]) Ibid. XXVIII, 8. 9.

[4]) ibid. XXI, 5, 6; XXV, 5; U. B. № 139.

[5]) U. B. № 16: fratres tertiam partem earum terrarum teneant a Rigensi episcopo, nullum sibi ex ea temporale servitium praestituri, nisi quod ad defensionem ecclesiae provinciae perpetuo contra pagana intendent.

[6]) ibid. № 83; decimam enim et universa spiritualia creandis ibidem episcopo reservamus.

[7]) ibid. № 144 и 145 папа Григорій IX въ 1236 г.

[8]) U. B. № 135 и 136; cum decimis et omni jure solvo nobis judicio supremo.

[9]) ibid. № 145. 146. 160; Heinr. XI, 3.

церковнымъ устройствомъ [1]). Каждая приходская церковь въ рижской епархіи должна была получать изъ четвертой части десятины или подати епископа половину ласта, изъ трехъ четвертей ордена полтора ласта хлѣба, кромѣ другихъ церковныхъ доходовъ [2]), которые вѣроятно состояли въ доходахъ съ полей и луговъ и въ приношеніяхъ прихожанъ [3]). Распоряженіе папы Григорія XI въ 1236 году [4]), по которому приходскія церкви во всей Лифляндіи должны были получать третью часть десятины, по всей вѣроятности не осуществилось, потому что другія опредѣленія этой буллы остались безъ послѣдствій.

Всѣ духовныя лица въ орденскихъ владѣніяхъ, не только приходскіе священники, въ духовныхъ дѣлахъ находились подъ юрисдикціей мѣстнаго епископа: но и орденскіе священники; послѣднему принадлежала юрисдикція во всемъ его діоцезѣ [5]). Тотъ же легатъ Вильгельмъ 28 апрѣля 1226 г. постановилъ, чтобы настоятель не имѣлъ права судить, развѣ только въ томъ случаѣ, когда онъ по порученію епископа исполнялъ его юрисдикцію въ качествѣ архидіакона [6]). Орденскія духовныя лица, служившія въ Ригѣ при церкви св. Георгія, занимали по отношенію къ епископу почти совершенно независимое положеніе, будучи свободны какъ отъ права патронатства, такъ и отъ

---

[1]) Ibid. № 101—105. 109 и 135.

[2]) ibid. № 84 (20 апрѣля 1226 г.): magister vero eisdem ecclesiis unum last et dimidium pro unaquaque singulis annis tenebitur ministrare. Alioquin et last et alii reditus in utilitatem ecclesiae, sive in domibus, sive in agris cum bonorum parochianorum arbitrio convertat... Quotquot autem fuerint parochiases ecclesiae in parte magistri, debet perpetuo episcopus unicuique ecclesiae lingulis annis dimidium sive census, quam habet in parte magistri.

[3]) ibid, № 83: ecclesiae vero parochiales tam in agris, quam in annona dantur. Ср. также Heinr. XXVIII, 8, 9.

[4]) ibid. № 146: Parochiales ecclesiae seu plebes in omnibus diocesibus.

[5]) U. B. № 736. 74: постановленіе легата Вильгельма въ августѣ 1225 г. clirici magistri in spiritualibus tantum modo respondeant sub episcopo et omnes causas spirituales idem episcopus audiat. Во второмъ актѣ послѣ clirici magistri прибавлено: cujuscunque ordinis vel religionis sint.

[5]) ibid. № 85a. non tenere nec posse praepositum magistrum vel fratres ejus quam eorum judex excommunicare, nec tunc potuisse (слѣдовательно онъ признавался виновнымъ въ проступкѣ)... quod licet parochia sit praepositi, tamen de foro episcopi, nec habet praepositus forum, sicut nec in civitate Rigensi, ubi licet synodum faciat et parochia pleno jure obtineat curam quidem animarum, tamen forum jurisdictionis nequaquam contractus, contra vel ratione delicti similiter in magistrum vel fratres ejus, nec teneretur sub aliquo, sed sub episcopo respondere.

парохіальнаго права, такъ что они когда угодно могли отправлять миссы, совершать процессіи, проповѣдывать и т. п. [1]).

Церковная организація Эстляндіи, перешедшей въ 1238 г. къ датчанамъ, представляетъ нѣкоторыя особенности, продолжавшіяся до 1346 года, когда Вольдемаръ III, вскорѣ послѣ поголовнаго возстанія эстовъ противъ своихъ господъ датчанъ, продалъ Эстляндію ордену за 19 тысячъ марокъ [2]). Получивъ обратно въ 1238 году Ревель и нѣкоторыя области Эстляндіи, король Вольдемаръ избралъ въ епископы Торкилла, который былъ посвященъ въ санъ ревельскаго епископа архіепископомъ лундскимъ. Онъ присвоилъ при этомъ себѣ и своимъ преемникамъ право при освобожденіи мѣста, въ качествѣ патрона церкви, избирать новаго епископа и представлять его архіепископу лундскому на утвержденіе и посвященіе [3]). На случай противодѣйствія соборнаго капитула или мѣстнаго епископа, онъ угрожаетъ лишеніемъ подаренныхъ церкви поземельныхъ владѣній [4]). Но уже при ближайшей ваканціи каѳедры въ 1263 году папа Урбанъ VI призналъ избраніе короля незаконнымъ, противорѣчащимъ каноническимъ постановленіямъ, и только въ виду научнаго образованія и прекраснаго поведенія новоизбраннаго епископа Тругота, въ силу своей апостольской власти и особеннаго расположенія, рукоположилъ вышеупомянутаго Тругота, избраннаго королевой Маргаритой въ ревельскіе епископы [5]). Въ виду этого королева Маргарита въ 1277 г. 21 августа передала свое право соборному капитулу [6]). Это право признавалось за капитуломъ и его преемниками, Эрикомъ Глиппингомъ [7]) и Эрикомъ Менведомъ [8]). Однако въ 1294 г. четыре ревельскіе каноника признавались предъ епископомъ Роскиль-

[1]) Ibid. № 82.

[2]) Ibid. № 852 (29 августа 1346 г.).

[3]) Ibid. № 166: Ad haec cum ratione fundationis, quam ratione datis constit, nos veros esse patronos, jus eligendi et praesentandi nobis nostrisque successoribus perpetuo in posterum reservamus.

[4]) Quod si forte processu temporis matrix ecclesiae capitulum sive conventum habuerit ad nos tantum, non ad ipsos, pertineat electio ac praesentatio, in quibus si ipsi aut episcopus loci ~~dixerint~~ se nobis apponendas decernimus, ut ad nos vel successores recta via dos redeat memorata.

[5]) U. B. № 379 (13 сент. 1263 г.).

[6]) Ibid. № 455.

[7]) Ibid. № 483 (1283 г.)

[8]) Ibid. № 528 (29 іюля 1289 г.).

домъ, что ни ихъ предшественники, ни они не избирали ревельскаго епископа, да и не имѣютъ на это права, но что датскіе короли съ давнихъ поръ имѣли это право и дѣйствовали по нему, именно-право представлять собственнаго кандидата на епископское достоинство. Въ тоже время они отъ имени цѣлаго капитула, отъ котораго получили полномочіе, дали клятву никогда не оспаривать у короля и его преемниковъ этого права [1]). По всей вѣроятности это странное объясненіе было вынужденнымъ, что подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что при ближайшей ваканціи 1294 г. 25 іюня и 1296 г. 25 марта капитулъ избралъ Іоанна Тристевара, одного изъ четырехъ канониковъ, давшихъ вышеприведенную клятву. Такъ какъ онъ не могъ быть посвященъ архіепископомъ Лундскимъ, который былъ въ это время въ плѣну у короля датскаго, то онъ отправился въ Римъ къ папѣ, гдѣ однако скоро умеръ. Король съ своей стороны избралъ Канута изъ ордена братьевъ проповѣдниковъ, но папа Бонифацій VIII въ 1298 г. призналъ избраніе его не законнымъ и кассировалъ его, и назначилъ епископомъ ревельскимъ Генриха изъ ордена младшихъ братьевъ [2]) и просилъ короля ввести его во владѣніе епископіею [3]). Борьба между капитуломъ и королями датскими изъ за права избранія продолжалось еще долго; и та и другая сторона вела себя такъ, какъ будто никогда и не думала отказываться отъ него.

Въ политическомъ отношеніи ревельскій епископъ, въ противоположность лифляндскимъ епископамъ, не былъ леннымъ господиномъ, не былъ облеченъ княжескимъ достоинствомъ, и тотъ и другое не соотвѣтствовали датскому государственному праву и строю. Епископъ ревельскій не былъ однако исключительно духовный верховный пастырь своей епархіи. Подобно остальнымъ епископамъ датскаго государства онъ имѣлъ мѣсто и голосъ на рейхстагахъ и принадлежалъ къ совѣтникамъ короля. На внутреннія дѣла эстляндскаго герцогства ревельскіе епископы постепенно пріобрѣли существенное вліяніе, когда они именно епископы—Іоаннъ и Генрихъ въ концѣ 13 столѣтія не разъ примыкали къ королевскимъ вассаламъ и вели вмѣстѣ съ ними не безуспѣшную борьбу противъ мнимыхъ притяза-

[1]) Ibid. № 553 (1294 г. 25 іюня).
[2]) U. B VI № 2761 (20 апр. 1298 г.).
[3]) Ibid. № 2762.

ній датскаго правительства на ихъ права, и въ особенности противъ отдѣленія герцогства отъ короны Даніи [1]).

При возобновленіи ревельской церкви король Вальдемаръ подарилъ ей 80 гакеновъ земли въ Гарріи и еще 40 въ Вироніи; послѣдніе только до того времени, пока вирляндская церковь не получитъ собственнаго епископа [2]). Король Эрихъ въ 1249 г. подарилъ Торкиллу и его преемникамъ 14 гакеновъ въ Куатѣ [3]). Впослѣдствіи эти поземельныя владѣнія увеличились еще болѣе [4]). Въ своихъ владѣніяхъ ревельскій епископъ имѣлъ и право мірскаго суда [5]). Но собственно территоріальной власти онъ имѣлъ столь же мало, какъ и остальные епископы. Кромѣ доходовъ съ поземельныхъ владѣній, источникомъ церковныхъ доходовъ служили еще приношенія [6]), такъ называемое kathedraticum и въ особенности церковная десятина, установленная въ 1236 г. папою Григоріемъ IX [7]).

Изъ чего собственно первоначально состояла десятина, трудно сказать, хотя и можно думать, что она состояла изъ полевыхъ плодовъ. На ряду съ туземцами и рыцари, горожане, вассалы и ленники должны были также давать изъ своихъ доходовъ на пользу церкви десятину, ибо они владѣютъ землею только подъ условіемъ церковной десятины [8]). Но такъ какъ доходъ вассала или вообще всякаго владѣющаго землею, который онъ получалъ отъ своихъ крестьянъ, сводился къ десятинѣ, то они должны были давать епископу только десятину изъ десятины (decimam decimarum) [9]). Этой же decimam de-

---

[1]) Das Herzogthum Estlandunter d. Kön. v. Dänemark Dr Rumge Gotha. 1877 p. 184—185.

[2]) U. B. № 166. [3]) Ibid. № 203.

[4]) Ibid. № 258. 258a. 467 и 475.

[5]) Ibid. № 444: si aliqua in dictis villis (т. е. которые епископъ на время заложилъ вассаламъ) emerserint judicanda advocatus noster, presentibus dictis canonicis et vasallis, judicabit ex parte utriusque.

[6]) Ibid. № 789 (1340 г.): primo quicquid ei offertur super altare intra missam totum hoc debeatur sacerdoti; quicquid autem finita missa super altare affertur hoc totum curia debet habere ibidem. Item omnis redditus de campanis dimidietas illorum sacerdoti et alia dimidietas curiae debet pertinere. Sacerdos etiam praesendam habebit, sicut fuit de antiquo.

[7]) Ibid. № 144. 145.

[8]) Ibid. № 165 (25 іюля 1240 г. кор. Вальдемаръ II): quia licet alicui terram vel uneos jure feodali concessisse dinoscimus, semper tamen decimam partem decimarum episcopo persolvendam excepimus et excipimus.

[9]) U. B. № 165: mandamus universis et singulis militibus castrensibus, va-

cimarum подлежали и королевскія должностныя лица, которыя ради должности имѣли или управляли королевскими помѣстьями [1]). Всѣ эти десятыя части десятинъ должны были ежегодно доставляться въ Ревель епископу [2]). Въ случаѣ, если подданные вассаловъ или короля замѣнятъ десятину чѣмъ либо другимъ, можетъ быть деньгами или землею, то епископъ долженъ равнымъ образомъ получить изъ этого суррогата десятую часть [3]). При обзорѣ епископомъ своей епархіи крестьяне обязывались содержать его [4]). Вѣроятно въ виду трудности выдѣленія изъ всѣхъ продуктовъ и доходовъ десятой части, въ скоромъ же времени въ 1242 г. король Эрихъ Плогненнигъ постановилъ, чтобы пока самъ онъ не явится лично въ Эстонію, епископу ежегодно давалось, какъ съ королевскихъ, такъ и съ ленныхъ помѣстій съ каждыхъ 20 гакеновъ земли два шиффунта (tolentum ponderatum) ржи и ячменя. Епископъ же долженъ былъ, при отправленіи разныхъ церковныхъ обязанностей (tam in procurationibus, quam in causis omnibus spiritualibus), до прибытія короля не требовать отъ своихъ подданныхъ болѣе, чѣмъ сколько получаетъ Германъ еп. дерптскій [5]). А Германъ получалъ въ качествѣ синодальной прокураціи (synodalis procuratio) [6]) съ каждыхъ двухъ гакеновъ килиматъ ржи, съ каждыхъ четырехъ гакеновъ килиматъ (kulmat) пшеницы, съ каждаго гакена килиматъ овса, съ каждыхъ двухъ гакеновъ курицу и съ каждыхъ 20 гакеновъ возъ сѣна. А остальное необходи-

---

salis et feodatariis hoc terram nostram, que libera dicitur sive quamcunque aliam terram jure feodali vel quocunque alio titulo detineant, ut ex illis decimam decimarum persolvere episcopo Revaliensi non omittant.

[4]) Ibid.: Districtius percipientes ne aliquis presumat predictam solutionem, quasi nomini nostro et auctoritate retinere; sed sine diminutione de singulis illam persolvat, sive prefectus noster sit, sive alius, quocunque nomine censeatur, qui terras colit, vel decimas a suis subditis recipit.

[2]) Ibid.: sicut Estones dominis suis redditus suos afferunt, sic advocati nostri et alii domini dicto domino episcopo partem, que ipsum de decimis contingit, afferre non omittant.

[3]) Si vero subditi decimas a decimis suis redimant, etiam ex illo, quod pro decima datur, decimam partem episcopus erit recepturus.

[4]) U. B. № 473 и 475.

[5]) U. B. № 172: de viginti uneis duo talenta ponderata, unum de siligine et alterum de hordeo.

[6]) По Радлеву (l. c. p. 42) продовольствіе при визитаціи, названное такъ въ отношеніи соединеннаго съ нимъ церковнаго суда.

мое для жизни пріобрѣталось уже съ этой подати [1]). Въ отношеніи уплаты десятины изъ десятинъ произошли препирательства между вассалами и епископомъ вслѣдствіе того, что нѣкоторые вассалы стали прогонять своихъ крестьянъ съ ихъ земель и обращать послѣднія въ паровыя поля (novalia) и сооружать на нихъ алодіи [2]). Вслѣдствіе этого обязательная для крестьянъ десятина, а слѣдовательно также и десятина изъ десятинъ, слѣдующая съ вассаловъ для епископа, была съужена. Для предотвращенія ущерба епископа было постановлено, чтобы взамѣнъ десятины изъ десятинъ королевскія должностныя лица (homines regis) и вассалы купили для епископа 60 гакеновъ земли въ вѣчное владѣніе; кромѣ того они обязывались не прогонять эстовъ съ ихъ земель. А эсты на помѣстьяхъ вассаловъ и другихъ лицъ должны были доставлять для епископа ежегодно два килимата зеренъ за столько гакеновъ, сколько они дали своему господину взамѣнъ десятины [3]) Желая освободиться отъ посѣщеніи себя епископомъ, эстляндскіе вассалы въ 1259 году обязались по взаимному договору съ каждаго гакена ежегодно за двѣ визитаціи давать епископу два килимата ржи [4]).

ГЛАВА V.

Церковныя учрежденія.

Съ проповѣдію христіанства необходимо соединялась постройка церквей, монастырей и образованіе приходовъ. Само собой понятно, что первоначально средствомъ распространенія христіанства служила устная проповѣдь странствующихъ миссіонеровъ, которые по мѣрѣ воспріимчивости туземцевъ къ ихъ

---

[1]) Ibid. № 173. De censu autem seu de annona jam superius memorata carnes seu alia ad usum nostram et expensos necessaria praeparari facimus et operari.

[2]) Подъ алодіями въ Лифляндіи разумѣются не свободныя собственныя помѣстья въ противоположность леннымъ, но такія хозяйственныя заведенія, ближайшею цѣлію которыхъ было образованіе центральнаго пункта хозяйственнаго производства помѣстья. См. Bunge, Das Herzog. Esse. p. 361—67 и 21 Anm. 172.

U. B. № 258. 467. Reg. 556.

[4]) U. B. № 337.

проповѣди присоединяли къ послѣдней крещеніе. Когда такимъ образомъ было обращено или подготовлено къ обращенію нѣкоторое число язычниковъ, то являлась уже нужда въ церквахъ съ постоянными священниками. Такъ послѣ крещенія всей Ливоніи въ 1207 году и раздѣленія ея между орденомъ и епископомъ мы замѣчаемъ въ ней усиленную дѣятельность по части внѣшней церковной организаціи. Разсмотримъ прежде всего церкви и приходы въ рижской епископіи, слѣдуя по возможности хронологическому порядку.

По старшинству первое мѣсто здѣсь занимаетъ икскюльскій приходъ. Здѣсь въ ливской деревнѣ Икскюлѣ построилъ церковь уже Мейнгардъ [1]) и образовалъ вокругъ нея цѣлый приходъ, который существовалъ еще въ 1248 году, обнимая нѣсколько деревень [2]). Вторымъ по древности нужно считать Гольмскій приходъ, также основанный Мейнгардомъ на одномъ двинскомъ островѣ. Когда Бертольдъ первый разъ пріѣхалъ въ Ливонію, то здѣсь уже существовала церковь и нужно было только освятить кладбище при ней [3]). Когда въ 1212 году рыцари хотѣли построить другую церковь на своей части Гольма, то епископъ Альбертъ, интересамъ котораго сооруженіе здѣсь новой церкви не было выгодно, вздумалъ воспрепятствовать намѣреніямъ рыцарей, отвергнувъ рекомендованнаго ими священника [4]). Приходская церковь епископа существовала здѣсь еще въ 1248 году, когда она была пожалована рижскому соборному капитулу [5]). Въ 1206 году были выстроены церкви въ Кубеселѣ и Ропѣ, начата постройка церкви въ Метсеполѣ, и вообще тогда же были намѣчены приходы во всей Тореидѣ. Построенная священникомъ Алебрандомъ въ Кубеселѣ церковь представляла собою нѣчто въ родѣ палатки [6]). Нынѣ эта церковь съ приходомъ называется Кремонскою (латыш. Kremulde)

---

[1]) Онъ имѣлъ здѣсь собственный церковный домъ (Heinr. I, 11 domus sua, II, 2 ecclesiae dos. Подъ dos ecclesiae разумѣется вѣроятно domus et area. Ср. Brem. U. B. II n. 75).

[2]) U. B. n.n. 197. 198. Въ этомъ году онъ перешелъ къ рижскому соборному капитулу.

[3]) Heinr. II, 2. [4]) U. B. n. 27.

[5]) Ibid. n. n. 197. 198.

[6]) Heinr. X, 14; XI, 5: unus ecclesiam intrans et ab equo suo non descendens ...unus ex eis vehiculo suo sedens, ecclesiam frauseundo sacerdotes non vidit.

и лежитъ недалеко отъ помѣстья Kipsal [1]); она имѣла прежде еще капеллу св. Петра (лат. Pehteruppes basniza). Въ 1207 году въ кубесельской церкви упоминаются два священника, служившіе въ ней миссу [2]). Въ 1211 году здѣсь упоминается первый разъ приходъ, который опустошили тогда эзельцы [3]). Церковь здѣсь упоминается еще въ 1225 и 1248 годахъ [4]), когда къ ней причислялись 15 деревень, которыя со всѣми духовными и временными правами достались рижскому соборному капитулу. Кубесельскій или Кремонскій приходъ существовалъ еще въ 1309 году [5]). Ропаскому (лат. Straupe) приходу положилъ основаніе въ 1206 году священникъ Даніилъ, построивши при Ропѣ (нынѣ Брасле, втекающая въ Аа) церковь [6]). Въ 1214—1218 г. здѣсь былъ священникомъ Алебрандъ [7]). Въ 1218 году при Ропѣ упоминаются церкви (не вѣрнѣе-ли капеллы?) ливовъ и идумейцевъ сожженныя тогда русскими [8]). О церкви и приходскомъ священникѣ при Ропѣ упоминается еще въ 1385 году [9]). Нынѣшняя церковь находится въ замкѣ Гроссъ-Ропѣ, построенномъ Фабіаномъ фонъ-Розенъ въ 1263 году [10]). Въ 1207 году епископъ Альбертъ послалъ священниковъ въ Тореиду, Метсеполе, Идумею и придвинскія области, перешедшія ему при раздѣлѣ страны и по построеніи здѣсь церквей ввелъ ихъ въ свои приходы, предоставляя братьямъ рыцарства позаботиться о своихъ частяхъ [11]). Какіе здѣсь разумѣются приходы—трудно рѣшить. Церкви въ Метсеполѣ были сожжены эстами въ 1211 году [12]). Изъ Ливоніи миссіонерское движеніе направилось на сѣверъ. Нашъ хроникеръ Генрихъ Латышскій въ 1207 году построилъ церковь при Имерѣ и, получивъ ее въ ленъ (in beneficio), сдѣлался при ней священникомъ, непрестанно доказывая языческимъ леттамъ блаженство

---

[1]) См. Beitz. z. Georg Heinrichs v. Lette. Sievers. Mitau 1878 p. 2—4.

[2]) Heinr. XI, 5. [3]) ibid. XV, I.

[4]) Heinr. XXIX, 3 и U. B. n. 198.

[5]) Neue Nord. Miscellan. IX. X. p. 527 и Dogiel, t. v. n. 37.

[6]) Heinr. X, 15. [7]) ibid. XVIII, 2; XXII, 4.

[8]) ibid. XXII, 4.

[9]) U. B. n. 1224. Возможно, что священникъ Керстіанъ былъ изъ ливовъ, потому что одинъ изъ ливовъ носилъ такое же имя. (См. ibid. n. 996,a. въ 1359 году).

[10]) Beitr. z. Geschi d. Kirchen und Prediger in Livl. I. H. Riga 1855, p. 55.

[11]) Heinr. XI, 2. 4. [12]) ibid. XIV, 10.

будущей жизни (futurae eis beatitudinem vitae non desiit demonstare) [1]). Церковь эта въ 1211 году была сожжена эстами, но вскорѣ послѣ этого вновь была построена и существовала еще въ 1223 году [2]). При Имерѣ существовали еще другія церкви, которыя въ 1218 году были сожжены русскими [3]). Въ томъ же году въ Лодигерѣ (лат. Lehdurge) извѣстенъ приходъ съ священникомъ Готфридомъ и другіе сосѣдніе приходы, не упомянутые по именамъ [4]). Мы не знаемъ какихъ церквей коснулись опустошенія эстовъ въ 1223 году, когда по извѣстію Генриха они уничтожили огнемъ церкви почти по всей Ливоніи [5]), и избѣгла ли ихъ мести Лодигерская церковь, но Напіерскій [6]) увѣряетъ, что упоминаніе о ней встрѣчается въ одной купчей отъ 1456 года, а если такъ, то приходится допустить, что нынѣшній Лодигерскій приходъ имѣетъ очень древнее происхожденіе. Къ этому приходу, неизвѣстно съ какою времени, причислялась Трейденская церковь (лат. Turraida). По крайней мѣрѣ въ 1285—88 г. Трейденская церковь (Thoreida, Treyden) имѣла собственнаго священника Керстена можетъ быть по происхожденію природнаго лива [7]). По свидѣтельству Вартберга [8]) магистръ Виллекинъ Эндорнскій (1282—1287 г.) вмѣстѣ съ архіеп. Іоанномъ построилъ и одарилъ церкви въ Вольмарѣ, Венденѣ, Буртнеке и Трикатенѣ. О церкви въ Венденѣ (лат. Lehtis) мы имѣемъ нѣкоторыя дальнѣйшія свѣденія. Такъ въ Венденѣ упоминается о священникѣ приходской церкви (1328 г.), о бывшемъ здѣсь священникѣ (1364 г.), о приходскомъ священникѣ (1372—1423 г.) [9]). О

[1]) Heinr. XI, 7. [2]) ibid. XV, I; XXVII.

[3]) ibid. XXII, 4. Сиверсъ (l. c. p. 18—20) увѣряетъ, что недалеко отъ Беверина на озерѣ Waidau замѣтно еще нынѣ мѣсто капеллы, гдѣ можетъ быть былъ священникомъ Генрихъ Латышскій.

[4]) Heinr. XXI, 7. [5]) ibid. XXIX, 3. 5.

[6]) Beitrage z. Gesch. d. Kirchen u. Pred. p. 39. Вообще нужно имѣть въ виду, что хронологическія указанія Напіерскаго основываются на свидѣтельствахъ позднѣйшихъ писателей (главн. образомъ Арндта, II, p. 336—348), а не на документальныхъ данныхъ актовъ, поэтому имъ нельзя вѣрить, гдѣ отсутствуютъ послѣдняго рода свидѣтельства.

[7]) U. B. n. n. 1224. 1255; ср. n. 996,a.

[8]) SS. rer. Pruss. II, p. 50.

[9]) U. B. n. n. Reg. 867,e. 1003,a. 1032,c. 1309. Reg. 1661. 1345. 2705. Въ Венденѣ еще со времени реформаціи была разрушенная церковь св. Екатерины, на мѣстѣ которой построена нынѣшняя русская церковь. См. Beitr z. Gesch. d. Kirchen... p. 56.

Буртнеекскомъ приходѣ встрѣчается упоминаніе еще въ одной ленной грамотѣ магистра Плеттенберга отъ 1523 года [1]). Постройка церкви св. Николая на Пеннингольмѣ была начата еще до 1291 года, когда архіеп. Іоаннъ просилъ денежныхъ пожертвованій на окончаніе постройки [2]). О пернигельской церкви (лат. Leerupres basniza) впервые упоминается въ актѣ отъ 1376 года [3]). О Лемзальской церкви и священникѣ первый разъ упоминается въ 1371 году и затѣмъ встрѣчается упоминаніе до 1417 года [4]). Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что Лемзаль часто служилъ резиденціей рижскаго архіепископа, то происхожденіе здѣсь церкви приходится отодвинуть гораздо далѣе въ предшествующее время. Затѣмъ упоминается приходская церковь въ Папендорпѣ или Папенборгѣ (? 1326—1369), въ Кокенгузенѣ ц. св. Павла (1392), въ Ubbenvigen'ѣ (1392) и Зессвеинѣ (1417 г.) [5]). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ приведенныя приходскія церкви гораздо древнѣе, ибо въ то время когда мы имѣемъ о нихъ достовѣрное указаніе, онѣ представляются уже организованными центрами церковно-приходской жизни. Въ окраинахъ рижской епископіи мы можемъ указать слѣдующіе центры религіозной жизни. Въ 1305 году въ Динаминдѣ упоминаются капеллы: пр. Дѣвы Маріи, бл. Екатерины, кладбище и богадѣльня со дворомъ и домомъ (cappella infirmitorum et infirmitorium cum curia et orto suo et domo lapidea) [6]). Въ 1406 году литовскій князь Витовтъ позволилъ купцамъ построить деревянную церковь въ Полоцкѣ (Ploskow) и держать при ней одного или нѣсколькихъ священниковъ [7]). Въ Висби на Готландѣ были слѣдующіе церкви. Здѣшнюю церковь св. Іакова легатъ Вильгельмъ подчинилъ въ 1225 году рижскому епископу, хотя она и находи-

[1]) См. Napiersky, l. c. p 47. [2]) U. B. n. 541.

[3]) U. B. n. Reg. 1319. Здѣсь архіепископъ рижскій Іоаннъ IV Синтенскій извѣщаетъ о томъ, что снимокъ съ документа, касающагося границъ Пернигельской церкви, находится въ концѣ библіи, писанной собственноручно бл. Іеронимомъ, подаренной римскимъ папою Ливскому князю для почитанія, и хранящейся въ соборной церкви въ Ригѣ.

[4]) U. B. n. n. Reg. 1286,a. 1190. Reg. 2585.

[5]) U. B. n. n. 723. 1058. 1332. 1335. Reg. 2585

[6]) ibid. n. 614 a.

[7]) ibid. n. 1688. Въ одномъ изъ актовъ (n. 2940) она представляется уже существующею въ 1397 г. но дату этого акта вѣроятно нужно поставить послѣ 1406 года.

лась въ предѣлахъ Линконійскаго діоцеза, причемъ за нею было соблюдено право обучать въ своихъ школахъ учениковъ изъ какой угодно націи, принимать купцовъ (hospites) и пришельцевъ и свободно отправлять для нихъ таинство евхаристіи и совершать обрядъ погребенія [1]). Изъ дальнѣйшей исторіи мы узнаемъ, что Линконійскій епископъ заявивъ претензію на право патронатства въ этой церкви, которая впрочемъ теперь (1272 г.) называется просто капеллою, и требовалъ, чтобы рижскій архіепископъ представлялъ ему способное лицо на посвященіе въ священники для капеллы; но когда спустя долгое время со стороны рижскаго архіепископа не послѣдовало никакого отвѣта, то онъ съ согласія дерптскаго епископа, тогда тутора рижской церкви, считая капеллу оставленною, передалъ ее приходскому священнику Генриху при церкви Св. Троицы въ Висби [2]). Другая церковь во имя Пр. Дѣвы Маріи была освящена въ 1225 году епископомъ Бенгтомъ [3]). При этой церкви изстари было два священника и когда Линконійскій епископъ въ 1318 году вздумалъ оставить при ней только одного, то рижская городская дума протестовала [4]). Чѣмъ закончился этотъ протестъ-неизвѣстно [5]).

---

[1]) U. B. n. n. 73,a. 101,aa.

[2]) U. B. n. 429,a. [3]) ibid. Reg. 2446.

[4]) ibid. n. 664.

[5]) Что касается остальныхъ приходовъ, находящихся въ настоящее время въ предѣлахъ древняго рижскаго діоцеза, то о нихъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ отъ 13—14 в.в. Не смотря на то мы можемъ по крайней мѣрѣ принять, что въ 13—14 в.в., если они и не составляли еще приходовъ, то имѣли капеллы для удовлетворенія религіозныхъ потребностей самихъ нѣмцевъ. На послѣднее предположеніе насъ наводитъ то обстоятельство, что нынѣшніе приходы группируются около замковъ, которые безспорно имѣютъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ находящіеся при нихъ и въ нихъ церкви, хотя возможно, что съ ихъ постройкою во многихъ изъ нихъ были поставляемы и капеллы; но такъ какъ туземцамъ запрещалось входить въ замки, то понятно, что капеллами этими они не могли пользоваться. Мы укажемъ нѣкоторые замки, послужившіе впослѣдствіи центромъ церковно-приходской жизни, основываясь главнымъ образомъ на ненадежныхъ данныхъ Напіерскаго, который впрочемъ относительно постройки въ нихъ капеллъ или церквей выражается по большей части предположительно. Епископскій замокъ Нейермюленъ (Növum molendinum см. U. B. 584. 585 къ 1299 г.) построенъ по Арндту (Гл. II, p. 344) уже въ 1204 году. Около этого времени здѣсь могла быть капелла, но приходъ едва-ли могъ сформироваться тутъ раньше 16—17 в., потому что замокъ этотъ служилъ только оборонительнымъ пунктомъ для нѣмцевъ. Въ Роденпойсѣ (лат. Rohpaschi) уже около

Обратимся къ рижскимъ церквамъ. Въ Ригѣ уже въ 1208

1223 года будто упоминается о церкви. Епископскій замокъ Сунусль (лат. Suntaschi) построенъ въ 1223 году и принадлежалъ къ имѣнію рижскаго соборнаго декана. Въ актѣ n. 661, относящемся къ 1318 году упоминается о немъ первый разъ. Орденскій замокъ Лембургъ (лат. Mahlpils или Mahrpils) построенъ въ 1386 году. Замокъ Сегевольдъ существовалъ уже въ 1226 г. (U. B. n. 84). Церковь основана здѣсь будто Вильгельмомъ Моденскимъ [по Генриху (XIX, 4) извѣстно только, что здѣсь онъ увѣщевалъ ливовъ не отступать отъ вѣры], а о приходѣ ясно упоминается въ актѣ маг. Германа Брюггенійскаго отъ 1548 года. Въ замкѣ Ашераденѣ могла существовать церковь или по крайней мѣрѣ капелла уже въ 1225 году (Heinr. XXIX, 5) когда легатъ Вильгельмъ нашелъ здѣсь христіанъ изъ ливовъ. Главная церковь въ Сиссегалѣ (лат. Maddaleenes basniza) основана по преданію уже въ XIII в. дочерью ливскаго князя Каупо, вышедшею замужъ за Штернберга, или по Бротце—Іоанномъ Штернбергомъ, который имѣя супругою вторую дочь Каупо Гедвигу и владѣя всею Зиссельскою областью, построилъ въ память своей свояченицы Магдалины, четвертой незамужней дочери Каупо, церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ она была похоронена. Церковь названа была по ея имени и пользовалась у окрестныхъ ливовъ изстари великою славою святости. Она упоминается также въ описи церквей рижской архіепископіи 1555 г. (см. Napiersky, l. c. p. 42). Ландмаршальскій замокъ Юргенсбургъ (лат. Yaunpils) построенъ въ 1253 году маг. Андреемъ Штирландскимъ. Нитауссній замокъ (лат. Nitaure) основанъ маг. Вальтеромъ Нортекскимъ въ 127... г. и укрѣпленъ еще болѣе магистромъ Гердомъ Іёкскимъ въ 1320 г. Въ католическомъ визитаціонномъ протоколѣ 1613 г. Нитаускій приходъ представляется основаннымъ еще во время господства ордена. Шлокская церковь въ собственноручной описи суперъинтендента П. Эйнгорна указывается между древнѣйшими церквами Кандаускаго благочинія (praepositur). Руенскій замокъ построенъ въ 1260 году, а diocesis Ruinensis упоминается въ ленной грамотѣ маг. Плеттенберга 1501 года. О храмѣ въ Салисбургѣ (лат. Mas. Sallaze) впервые упоминается въ одной купчей 1546 года. Если Салисъ (лат. Sallaze или Leel-Sallaze) входилъ въ провинцію Метсеполь, гдѣ въ 1206 году священникъ Александръ (Heinr. X, 14) построилъ церковь, то очень возможно, что она была построена въ Салисѣ, гдѣ въ 1225 г. Альбертъ заложилъ замокъ (?). Въ одномъ актѣ 1512 года опредѣленно упоминается о Салисскомъ приходѣ (см. Napiersky, l. c. p. 50). Приходъ въ Аллендорфѣ впервые упоминается во второй половинѣ 16 вѣка. Довольно древняго происхожденія по извѣстіямъ оказывается Убенормскій (лат. Ummurge) приходъ, о которомъ упоминается не разъ между 1400—1494 годами (см. ibidem. p. 54). Можетъ быть Арашскій (въ древности Arries) Alt-Venden. Сиверсъ думаетъ (l. c. p. 5—6), что Arries тожественно съ Wendeculla, потому что по лат. ahrects, Ahref-chi-иностранецъ, иностранцы, какъ летты могли называть вендовъ) приходъ еще не существовалъ самостоятельно въ 13—14 в., а соединялся съ Венденскимъ. Такъ какъ въ Роннебургѣ (лат. Raunas pils) рижскій архіепископъ уже въ 1262 году имѣлъ замокъ, служившій впослѣдствіи архіепископской резиденціей, то есть основаніе думать, что Роннебургскій приходъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ. О немъ опредѣленно упоминается въ 1407 и 1477 годахъ (См. Napiersky l. c. p. 58). О приходахъ Сербенскомъ, Лаудонскомъ, Пебальскомъ или Альтъ-Пебальскомъ и Смильтенскомъ встрѣчаются краткія

году была капелла [1]), которою жители довольствовались до постройки каѳедральной церкви во имя Пр. Дѣвы Маріи. Послѣдняя представляется существующею уже въ 1206 году [2]).

Гутцейтъ [3]) различаетъ двѣ соборныя церкви—первую древнѣйшую и вторую—позднѣйшую. Постройка первой по его мнѣнію началась съ основаніемъ Риги въ 1201 году, такъ какъ въ этомъ году Альбертъ перенесъ сюда свою каѳедру изъ Икскюля [4]). Едвали онъ сдѣлалъ бы это, говоритъ Гутцейтъ, не приступая къ сооруженію церкви и содѣйствуя ему столько же какъ и постройкѣ новаго города. О мѣстоположеніи этой древней церкви нельзя съ достовѣрностію ничего болѣе сказать, какъ только то, что она находилась въ южной части города. Она существовала еще въ 1214 году, но въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ городомъ сгорѣла, и тогда приступили къ постройкѣ другой церкви на новомъ мѣстѣ внѣ городскихъ стѣнъ при Двинѣ [5]). Вблизи собора было построено помѣщеніе для капитула (curia capituli seu canonicorum) и для епископа (curia episcopi). Въ епископскомъ помѣщеніи на-

---

упоминанія въ 15 и 16 вѣкахъ. Замокъ Берзенъ (лат. Berrsaune) построенъ или расширенъ въ 1340 году рыцаремъ Бертольдомъ Тизенгаузеномъ и вѣроятно имѣлъ собственную церковь, ибо въ 1431 году упоминается объ одномъ Берзонскомъ пасторѣ (N. Nord. Miscell. XVII p. 20). По свидѣтельству Генриха Тизенгаузена въ 1575 Берзонская церковь построена его предками и рижскій архіепископъ Сильвестръ сдѣлалъ ее въ 1456 году приходскою церковію, а до этого времени Сессвеинъ и Берзонъ составляли одинъ приходъ (ibid. XVIII, p. 62; ср. Napiersky, l. c. p. 61). Эрлаская церковь могла быть построена Энгельбертомъ Тизенгаузеномъ одновременно съ замкомъ въ 1341 году; о замкѣ и погостѣ Эрлаа упоминается въ одномъ актѣ отъ 1382 года (U. B. n. 1182). Шванебургская церковь могла быть построена также одновременно съ архіепископскимъ замкомъ Шванебургомъ въ 1340 г. О Шванебургскомъ приходѣ упоминается впервые въ 1429 г. (N. N. Miscell. XVIII, p. 46). Церковь Маріенбургская (лат. Alluksne) могла быть также основана магистрами Бурхардомъ Дренмьенскимъ одновременно съ постройкою ими замка въ 1341 году; впервые о ней упоминается въ одномъ актѣ отъ 1432 г. (см. Napiersky l. c. p. 71). Наконецъ какъ наболѣе древній приходъ можно указать на Адзельскій. Напіерскій (l. c. p. 73) говоритъ, что въ замкѣ Адзелѣ, который построилъ будто-бы Германъ Балькъ въ 1238 году, еще во времена ордена стояла церковь.

[1]) Heinr. XII, 2.

[2]) Heinr. X. 7.

[3]) Mittheil. B. X, p. 314. [4]) Heinr. VI, 34.

[5]) ibid. XIII, 3. Актъ n. 21 (25 іюля 1211 года) касающійся церкви и ея освященія подложенъ. См. Schwartz, Chronologie, p. 136—137.

ходилась его домашняя капелла въ честь св. Михаила [1]). Въ 1226 году она въ своихъ главныхъ частяхъ вѣроятно была уже готова, потому что въ этомъ году въ ней держали торжественный соборъ [2]). Въ 1245 году рижскій епископъ Николай подарилъ своей каѳедральной церкви 200 гакеновъ земли въ Куроніи [3]). Второю по древности нужно считать церковь братьевъ рыцарства. О ней впервые упоминается у Генриха подъ 1214 годомъ [4]). Она уцѣлѣла отъ всеобщаго пожара въ 1215 году [5]). Впрочемъ какъ у Генриха, такъ и въ одномъ актѣ 1225 года [6]), она называется капеллою, слѣдовательно была еще мала. Возможно, что она скоро была расширена и вновь освящена легатомъ Вильгельмомъ въ 1225 году [7]). Въ это время она называлась уже церковію св. Георгія, принадлежащею ордену (ecclesia fratrum militiae). Въ слѣдующемъ году легатъ Вильгельмъ освободилъ ее отъ всякаго патрональнаго и парохіальнаго права, такъ что она сдѣлалась почти совсѣмъ независимою отъ мѣстнаго епископа [8]). Въ 1297 году вмѣстѣ съ нею были разрушены капеллы рыцарей [9]). На ея мѣсто во вновь устроенномъ замкѣ (1330 г.) была впослѣдствіи сооружена церковь св. Андрея [10]). Въ 1366 году во время вооруженнаго столкновенія ордена и епископа были разрушены церкви и капеллы ордена [11]). Церковь св. Петра существовала въ Ригѣ вѣроятно уже въ 1209 году [12]), хотя только въ XV вѣкѣ она была снабжена всѣми пристройками. Въ 1234 году легатъ Балдуинъ подарилъ этой церкви 25 гакеновъ земли въ Куроніи съ десятиною и всѣми правами, исключая своего высшаго суда [13]). Въ 1226 году въ Ригѣ существовала еще церковь

---

[1]) U. B. Reg. n. 737. [2]) Heinr. XXIX, 3.

[3]) U. B. n. 179a. [4]) Heinr. XIII, 2—3.

[5]) ibid. XVIII, 6. [6]) U. B. n. 73.

[7]) См. Вартбергъ. l. c. p. 31.

[8]) U. B. n. 82.

[9]) ibid. n. 2884, 1. 2: ecclesiam ac cupellas fratrum ruinae dederunt, etc...

[10]) Гутцейтъ, l. c. p. 392. [11]) U. B. n. 1036.

[12]) N. B. n. 15: Acta sunt haec anno Dom. incarn. MCCIX in coemeterio beati Petri in Riga. Была ли эта церковь первоначально выстроена изъ дерева или камня—остается спорнымъ. Утвержденіе Гутцейта (l. c. p. 318), что въ Ригѣ уже въ 1211 году были каменныя зданія, не находитъ подтвержденія въ приведенномъ имъ актѣ. См. Бунге, Die Stadt Riga. Leipzig 1878, p. 71 и 104. Anm. 33.

[13]) U. B. n. n. 135. 136.

св. Іакова, которая была тогда признана легатомъ Вильгельмомъ свободною отъ патрональнаго права магистра ордена и братьевъ рыцарства [1]). Что касается мнѣнія, по которому она считается латышскою церковію, то Гутцейтъ [2]), какъ кажется, справедливо отвергаетъ его на томъ основаніи, что католицизмъ объединяетъ народности, а протестантизмъ раздѣляетъ и устраиваетъ національные приходы; поэтому, заключаетъ онъ, до реформаціи въ Ригѣ не было латышскаго прихода. Въ 1263 году мы узнаемъ впервые о существованіи въ Ригѣ церкви св. Павла [3]). Она лежала вблизи прежнихъ воротъ ратуши, въ тогдашней Кузнечной улицѣ (нынѣ Rosengasse) недалеко отъ ратуши. Когда относительно владѣнія этою церковію между капитуломъ и городомъ возникли споры, то папа въ 1321 году рѣшилъ ихъ въ пользу перваго [4]). О ней упоминается еще въ 1406 и 1410 годахъ, а послѣ этого она изчезаетъ изъ памятниковъ [5]). Также темнымъ остается время происхожденія церкви св. Іоанна. Нѣкоторые полагаютъ, что она построена уже въ 1227 году, но въ актахъ впервые о ней упоминается въ 1312 году [6]), и затѣмъ въ 1324 году, когда одна вдова пожертвовала три марки на постройку новыхъ хоръ. Отсюда же извѣстно, что близъ этой церкви внѣ круговой стѣны (Ringmauer) находился домъ умалишенныхъ (domus leprosorum Sancti Iohannis), въ которомъ служилъ священникъ упомянутой церкви. Эта церковь нынѣшній свой видъ получила нѣсколько столѣтій позже [7]). Въ одномъ актѣ, относящемся къ 1492 году, прямо упоминается церковь св. Іоанна въ предмѣстьѣ, внѣ города [8]). Монастырская церковь францисканцевъ во имя св. Екатерины вѣроятно имѣетъ свое происхожденіе со времени утвержденія въ Ригѣ около половины XIII вѣка францисканцевъ. Въ раннихъ актахъ она именовалась просто церковію миноритовъ [9]). О церкви Св. Духа упоминается впервые въ

---

[1]) U. B. n. 82. [2]) L. c. p. 323—24.
[3]) U. B. n. 378.
[4]) ibid. n. n. Reg. 1550—52 и 1561.
[5]) Bunge. Die Stadt Riga, p. 167. Anmerk. 288.
[6]) U. B. n. 637.
[7]) См. Mittheil. B. X. p. 324—325.
[8]) U. B. n. 1332.
[9]) ibid. n. 637 (27 февр. 1312 г.).

1324 году; она примыкала къ церкви или капеллѣ принадлежавшей больницѣ [1]). О церкви св. Гертруда впервые упоминается въ 1418 году, но такъ, что можно думать, что она существовала еще въ XIV вѣкѣ [2]). Церковь св. Маріи Магдалины при дѣвичьемъ монастырѣ по видимому не существовала до 1392 года, потому что до этого времени монастырь пользовался церковію св. Іоанна. Благодаря тому обстоятельству, что въ одномъ актѣ 1255 года [3]) монастырь этотъ называется monasterium S. Iacobi, monasterium St. Dei genitricis et virginis Mariae ac St. Iacobi, въ названіяхъ ея путались и только въ XVI вѣкѣ названіе церкви св. Маріи Магдалины вошло во всеобщее употребленіе, какъ полагаютъ на томъ основаніи, что въ ней было 12 алтарей, для которыхъ содержались 12 священниковъ и одинъ изъ этихъ алтарей можетъ быть былъ посвященъ Маріи Магдалинѣ, которая находилась въ такой чести, что имя ея было перенесено на церковь [4]). Кромѣ того въ Ригѣ уже до 1220 года существовала одна или нѣсколько богадѣленъ, соединенныхъ съ капеллами и двѣ больницы, о которыхъ впервые упоминается въ 1392 году [5]).

Такъ какъ церковно-приходская организація распространялась изъ Ливоніи къ сѣверу въ Эстляндскія области, то мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію ея въ этихъ областяхъ. Оживленная дѣятельность въ этомъ направленіи началась съ 1224 года, когда епископъ Германъ поселился въ Угауніи съ цѣлію прочно засѣсть въ ней. Укрѣпивъ замокъ Оденпэ, онъ приступилъ къ постройкѣ въ Угауніи церквей, послѣ чего призвалъ священниковъ, далъ имъ церкви въ ленъ и богато одарилъ ихъ хлѣбомъ и полями [6]). Тоже самое сдѣлали и братья рыцарства въ Сакалѣ [7]). Епископъ Германъ тогда же порѣшилъ основать свою каѳедральную церковь въ

---

[1]) См. Mittheil. B. X. p. 328.

[2]) Bunge l. c. p. 170 [3]) U. B. III. n. 51.

[4]) Mittheil. B. X. p. 330. 331.

[5]) U. B. n. 48. 1332.

[6]) Heinr. XVIII. 8: Sacerdotes, quoque idem episcopus secum vocavit in Ugayniam et eos annona et agris, sufficienter dotarit.

[7]) ibid. XVIII, 9: Fratres autem militiae abierunt in Sackalam et castrum Viliende possidentes firmissime illud edificare ceperunt. Et sacerdotes in ecclesiis locantes, redditus eis tam in annona, quam in agris sufficienter adsignabant, et decimam ab Estoaibus recipiebant.

Дерптѣ, намѣтилъ тамъ мѣсто конвента, которому даровалъ 24 деревни и достаточно доходовъ и полей [1]). Эта лихорадочная миссіонерская дѣятельность Германа и ордена легко объясняется ожиданіемъ скораго посѣщенія Лифляндіи легатомъ Вильгельмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда Вильгельмъ въ слѣдующемъ году обозрѣвалъ Угаунію и Сакалу, то нашелъ здѣсь во внѣшнемъ отношеніи довольно благоустроенную церковь. Подвигаясь изъ Угауніи въ Сакалу, онъ при Вирцгервѣ встрѣтилъ первый приходъ, состоявшій изъ недавно обращенныхъ эстовъ. Что дѣйствительно въ Сакалѣ въ то время были отдѣльныя церкви, видно изъ дальнѣйшаго разсказа Генриха, по которому Вильгельмъ приказалъ созвать эстовъ-мужей и женъ къ своимъ церквамъ, гдѣ онъ увѣщевалъ ихъ не оскорблять таинствъ вѣры [2]). Но церкви эти едвали представляли собою правильно организованные приходскіе центры, ибо далеко еще не всѣ здѣшніе эсты были крещены; напротивъ, мы должны думать, что въ Угауніи и Сакалѣ, служившихъ ареною постоянныхъ кровавыхъ столкновеній русскихъ и нѣмцевъ, образованіе правильныхъ сельскихъ церковно-приходскихъ центровъ встрѣчало непреодолимыя преграды и развѣ только въ немногихъ замкахъ этихъ областей могли существовать до конца XIII вѣка постоянныя капеллы для удовлетворенія религіозныхъ потребностей нѣмцевъ. Всѣ болѣе или менѣе достовѣрныя данныя, которыя мы имѣемъ относительно церквей и приходовъ дерптскаго діоцеза относятся къ 14 — 15 вѣку. Въ самомъ Оденпэ, гдѣ крѣпко засѣли нѣмцы уже въ 1224 году, только въ 1355 году упоминается о капеллахъ [3]), а о приходской церкви (Kerspelkerke tome Odempe) и о церкви св. Елизаветы здѣсь упоминается впервые въ 1417 году [4]). О приходѣ Оденпэскомъ ясно упоминается въ одномъ актѣ дерптскаго епископа Варѳоломея въ 1457 году [5]). О Паистельской при-

[1]) ibid. XXVIII, 8: Rotmarum eciam fratrem suum, prepositum institut, locum sibi conventus in Darpete preordinans et villas viginti quatuor et reditus et agros sufficienter adscribens, canonicos regulares ibidem fieri disposuit, et cathedralem ecclesiam suam illam esse decrevit.

[2]) Heinr. XXIX, 3. [3]) U. B. n. 1130,a.

[4]) ibid. n. 2151.

[5]) См. Stryk, Beiträge z. Gesch. d. Rittergüter Livlands. I Th. Dorpat 1877 p. 112. Штрикъ, писавшій послѣ того какъ издано много свѣжаго матеріала по древней лифляндской исторіи, не пользовался имъ, а слѣдовалъ по

ходской церкви во имя Пр. Дѣвы Маріи упоминается впервые въ 1358 году [1]). Въ 1366 году приходъ этотъ обнималъ 300 гакеновъ земли, и находился въ цвѣтущемъ состояніи, но когда въ этомъ же году въ Сакалу вторглись рижскіе бюргеры съ литовцами, то дорогіе сосуды, книги, украшенія церкви и величественный органъ Паистельской церкви были разграблены и церковь уничтожена огнемъ до тла [2]). О Паистельскомъ приходѣ (dioecesis Peistel in Aggentacke) упоминается еще въ 1482 году [3]). Въ 1366 году упоминается объ орденскомъ священникѣ, убитомъ въ замкѣ Каркусѣ и другихъ священникахъ убитыхъ по близости его, а равно и о разрушеніи ихъ церквей [4]). Въ томъ же году упоминается объ обширномъ приходѣ въ Гельметѣ обнимавшемъ 400 гакеновъ земли; въ то время литовцы истребили Гельметскія церковныя принадлежности, величественный органъ и дорогія цвѣтныя окна [5]). О Гельметскомъ священникѣ упоминается въ 1383—84 годахъ [6]). О гельметскомъ приходѣ (dioecesis Helmetensis) опредѣленно упоминается въ одной ценной грамотѣ магистра Іоанна Вольтгуза въ 1480 году [7]). Возможно думать, что этотъ приходъ былъ основанъ вскорѣ послѣ сооруженія маг. Георгіемъ Эйхштедскимъ Гельметскаго замка въ 1285 году [8]). О Тарваетскомъ приходѣ и церкви изъ древнихъ памятниковъ намъ извѣстно только, что въ 1366 году они, обнимая тогда 200 гакеновъ земли, подверглись участи Пайстельскаго прихода [9]). О времени происхожденія Феллинскаго прихода нельзя сказать ничего достовѣрнаго, хотя Генрихъ и упоминаетъ здѣсь не разъ о христіанской общинѣ. Извѣстно только, что въ 1408 году въ Феллинскомъ замкѣ существовала церковь съ собственнымъ

большей части вышеуказанному труду Напіерскаго и изрѣдка заглядывалъ въ сборникъ Толля.

[1]) U. B. n. Reg. 1141,a.

[2]) U. B. n. n. 1036, 1. 8., 2884, 1. 8.

[3]) Napiersky l. c. p. 98.

[4]) U. B. n. 1036, 1. 8. [5]) Ibidem.

[6]) ibid. n. n. 1190. 1196. [7]) Napiersky, l. c. p. 100.

[8]) Inland 1840, № 38. Въ нач. XVII вѣка въ замкѣ Гельметѣ стояли только голыя стѣны двухъ древнихъ церквей, изъ которыхъ одна м. б. служила для нѣмцевъ, а другая—для эстовъ (Archiv I p. 42).

[9]) U. B. n. n. 1036, 1. 8 и 2884, 1. 8. Отъ церкви Паистельской носившей по лат. названіе Lucerna и Тарвастской (по лат. Taurus) въ началѣ 17 вѣка остались только руины (Archiv. I p. 42—43).

священникомъ; въ то же время здѣсь упоминается о цѣломъ конвентѣ священниковъ [1]). Если и не вѣрить вполнѣ извѣстію Гупеля, по которому въ Феллинѣ въ древности было шесть церквей [2]), то во всякомъ случаѣ достовѣрно, что въ 1524 году здѣсь существовалъ приходъ, упоминаемый въ одномъ актѣ магистра Вальтера Плеттенберга [3]). Въ нынѣшнемъ Верроскомъ уѣздѣ мы можемъ указать на нѣкоторые болѣе или менѣе древніе приходы, но предварительно должны сказать, что такъ какъ этотъ уѣздъ болѣе всего подвергался послѣдующимъ опустошеніямъ отъ сосѣднихъ русскихъ, то слѣдствія миссіонерской дѣятельности здѣсь нѣмцевъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ пунктахъ Эстоніи. Думаютъ, что Пылвескій приходъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ во всемъ Дерптскомъ діоцезѣ и основанъ однимъ епископомъ изъ Бернардинскаго ордена. О церкви упоминается въ актѣ 1452 года, между тѣмъ какъ о приходѣ упоминается только въ актѣ еп. Іоста отъ 1547 года подъ именемъ Kirrumpach. Къ этому приходу въ древности принадлежалъ Ряпинскій и часть Вендаускаго и Канепэскаго приходовъ [4]). Объ Антценскомъ или Урвастскомъ (по эст. Antsena или Urwasto Kihelkond) упоминается въ актѣ 1477 года, а о Короленскомъ (эст. Korula) — въ актѣ 1544 года; церковь въ Короленѣ построена по сагѣ моряками пріѣхавшими изъ Германіи въ исполненіе обѣта, даннаго ими на морѣ при бурѣ [5]). Въ замкѣ Нейгаузенѣ, построенномъ дерптскимъ епископомъ Фридрихомъ въ 1270 году, могла существовать капелла уже во времена ордена, но Нейгаузенскій приходъ (эст. Wasselina Kihelkond) принадлежалъ къ Рауге [6]). Въ Дерптскомъ уѣздѣ болѣе древними нужно считать слѣдующіе приходы. Приходъ св. Варѳоломея (эст. Palamuse) суще-

---

[1]) Ibid. n. n. 1762. 1769.

[2]) Topograph. Nachrich. III p. 322.

[3]) Napiersky, l. c. p. 94. При нападеніи Іоанна Грознаго на Ливонію церковь (приходская ?) въ городѣ Феллинѣ (не въ замкѣ, который остался цѣлъ) была разрушена. Судя по развалинамъ она была красива и велика. Въ 1583 году въ Феллинскомъ замкѣ была довольно большая капелла (Archiv. I p. 327).

[4]) Stryk, l. c. p. 241—242.

[5]) Napiersky и Stryk, ll. cc. p. 87—83 и 206.

[6]) См. ibid. p. 85 и 239. О капеллѣ въ Нейгаузенѣ упоминается въ 1583 году (Archiv. I, p. 331).

ствовалъ уже въ 1380 году и назывался еще въ первой половинѣ XVI вѣка Palmis, Pallamal. Предъ алтаремъ церкви, основанной однимъ изъ дерптскихъ епископовъ, лежатъ два надгробныхъ памятника съ именами Гертруда фонъ-Цеге отъ 1438 года и фонъ-Тюве отъ 1460 года [1]). Кавелехтскій (прежде Pohja, эст. Puhja) приходъ получилъ начало вѣроятно со времени постройки (1495 — 99 г.) церкви во имя св. Діонисія; между тѣмъ какъ мѣстный замокъ построенъ въ 1361 году маг. Арнольдомъ Фитингофскимъ. Приходъ Камбискій получилъ начало въ XV вѣкѣ, когда фамиліей Камби была основана церковь во имя св. Мартина. О церкви св. Андрея въ Эксѣ и церкви св. Михаила въ Кодаферѣ (Kotever) упоминается въ одномъ актѣ еп. Варѳоломея отъ 1443 года [2]). Лайскій приходъ (въ древности Woymal, Waimal, Womel) съ церковію св. Георгія (Jürgen) существовалъ уже въ 1411 году [3]). Церковь Маріи Магдалины существовала еще въ 1385 году подъ названіемъ Новой церкви (Nuwenkerke) [4]) и принадлежала къ Варѳоломеевскому приходу, но уже въ 1443 году приходъ Маріи Магдалины является самостоятельнымъ [5]). О Ранденскомъ приходѣ можно думать, что онъ и есть тотъ Сакаланскій приходъ при Вицгервѣ, гдѣ по Генриху папскій легатъ увѣщевалъ эстовъ не отпадать отъ вѣры. Рингенскій приходъ съ церковію св. Михаила можетъ быть современемъ мѣстному замку, построенному Готгардомъ Тёрвенскимъ въ 1340 году. О приходѣ опредѣленно упоминается въ 1495 году [6]). Тормаскій приходъ (прежде Kerspelto Captzener) съ церковію Пр. Дѣвы Маріи упоминается въ 1480 году [7]). Сагнитскій или Теальскій (эст. Sangaste) приходъ могъ возникнуть одновременно съ великолѣпнымъ епископскимъ дворомъ, построеннымъ въ 1287 году [8]). Талькгофская церковь и приходъ вѣроятно получили свое существованіе послѣ 1411 года, когда о Талькгофѣ упо-

---

[1]) Ibid. p. 93. 79. 89 и 1. 10. 16.

[2]) T o l l, Ehst-und Livl. Briefiade. B. I n. 179.

[3]) U. B. VI Reg. n. 2251. ab.

[4]) ibid. n. 1218. [5]) T o l l, l. c. p. 179.

[6]) ibid. n. 475. [7]) ibid. n. 337.

[8]) A r n d t. II гл. p. 346. Нельзя ли разумѣть подъ Touvel, 12 миль of genseit Darpt, гдѣ въ 1379 г. упоминается о священникѣ, именно Теаль (U. B. n. 1135)? Разстояніе отъ Дерпта до Теаля дѣйствительно около 36 верстъ.

минается, какъ о curia [1]). Наконецъ Вендаускій приходъ могъ получить свое начало вскорѣ послѣ постройки въ Вендау въ 1236 году еп. Германомъ церкви во имя ап. Іакова; ясно о приходѣ упоминается только въ 1449 году [2]). Приходы: Пилистферскій съ церковію св. Андрея и Галлистскій, находящіеся въ Феллинскомъ уѣздѣ, вѣроятно произошли въ XV вѣкѣ. О первомъ впервые упоминается въ 1454 и 1480 годахъ (подъ именемъ Pilstever) [3]). Къ нему принадлежалъ и нынѣшній Оберпаленскій приходъ. О второмъ упоминается въ одномъ актѣ маг. Вальтера Плеттенберга въ 1504 году [4]). Обратимся теперь къ церквамъ въ самомъ Дерптѣ. Какъ сказано выше, еп. Германъ уже въ 1224 году порѣшилъ основать свою каѳедральную церковь въ Дерптѣ. Но въ настоящее время у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о времени ея постройки. Гутцейтъ [5]) полагаетъ ее между 1223—30 годами. Съ достовѣрностію можно указать на ея существованіе въ 1306 году [6]). Можно однако думать, что она существовала уже въ 1261 году, когда мы узнаемъ, что въ Дерптѣ жили каноники, епископъ и священники, удалившіеся послѣ сожженія города въ близлежащій замокъ [7]). Въ 1327 году мы узнаемъ, что Дерптская каѳедральная церковь была посвящена св. Діонисію и находилась на Домбергѣ [8]). Она была разрушена Іоанномъ Грознымъ и только стоящіе нынѣ стѣны и колонны свидѣтельствуютъ о ея прошедшемъ величіи [9]). Далѣе здѣсь упоминаются слѣдующія церкви: Пр. Дѣвы Маріи, принадлежавшая іезуи-

---

[1]) U. B. VI Reg. n. 2251, ab.

[2]) Toll, l. c. n. 199. [3]) ibid. n. n. 218 и 337.

[4]) Napiersky и Stryk. p. 105 и 378 — 79. По Liber census Daniae въ областяхъ Вайгѣ (Vaiga, Vegese), подъ которой вѣроятно разумѣлся лѣвый берегъ Омовжи подлѣ Пейпуса, въ Мокѣ (Möge, Moche, Mocha), обнимавшей вѣроятно нынѣшній Лайскій и часть Варѳоломеевскаго прихода, въ Нурмегундѣ, въ которую входили можетъ быть нынѣшній Оберпаленскій и часть Палистферскаго прихода, и Алемпосѣ (Alempos, Alumbus, Alempoys), лежавшемъ м. б. подлѣ западнаго берега Вирцирва, было по одной килегундѣ. Если даже допустить что уже при Генрихѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были выстроены церкви или капеллы, то сомнительно, чтобы онѣ долго просуществовали, по крайней мѣрѣ достовѣрныя и прямыя свидѣтельства о существованіи въ нихъ сельскихъ церквей относятся къ гораздо позднѣйшему времени—именно къ 15—16 вѣкамъ.

[5]) Mittlheil. B. X. p. 315. [6]) U. B. Reg. 714...

[7]) Reimch. v. 6625 и слѣд. [8]) U. B. n. 2941...

[9]) Archiv. I. p. 328.

тамъ въ 1613 году, св. Іоанна, служившая нѣкогда вѣроятно для эстовъ, церковь черныхъ братьевъ или братьевъ проповѣдниковъ, церковь Св. Духа и св. Іакова, отъ послѣдней въ 1613 году остались только голыя стѣны [1]). По визитаціи 1613 года въ Дерптѣ извѣстны еще церкви: св. Николая, разрушенная шведами, св. Екатерины, двѣ въ крѣпости и три внѣ города[2]).

Приступая къ обзору церковно-приходской организаціи Эзель-Війкской епископіи, мы должны замѣтить, что историческія данныя относительно ея такого свойства, что на основаніи ихъ мы можемъ дѣлать болѣе основательные и точные выводы, чѣмъ какъ мы поступали впереди. По Генриху намъ извѣстно, что по взятіи въ 1227 году замковъ Мона и Вальдіи, пять-шесть пресвитеровъ обходили провинціи или килегунды Эзеля и крестили много тысячъ народу; по завершеніи крещенія и заключеніи мира эзельцы приняли въ свои замки пресвитеровъ [3]). Возникаетъ вопросъ, былъ ли теперь Эзель раздѣленъ на приходы, и если былъ, то на сколько. Съ этимъ вопросомъ связанъ другой вопросъ: сколько провинцій или килегундъ съ отдѣльными замками было на Эзелѣ и соотвѣтствовали ли килегунды приходамъ. По разсказу Генриха мы можемъ только судить, что на Эзелѣ было нѣсколько провинцій или килегундъ съ отдѣльными замками, въ которые туземцы приняли священниковъ. Далѣе мы знаемъ изъ его разсказа, что крестили народъ здѣсь постоянно 5—6 священниковъ. Отсюда мы имѣемъ нѣкоторое право заключить, что эти священники и были распредѣлены по отдѣльнымъ замкамъ и что послѣднихъ было по крайней мѣрѣ не менѣе пяти-шести. По изслѣдованію Луце [4]) Эзель еще до прибытія нѣмцевъ былъ раздѣленъ на восемь килегундъ (со включеніемъ о. Мона). Далѣе въ актѣ 1284 года мы узнаемъ, что на Эзелѣ было семь килегундъ [5]). А если въ актѣ импер. Генриха отъ 1228 года [6]) на Эзелѣ упоминается только пять килегундъ (quinque kelichontas) и въ Liber census Daniae—только три, то это обстоятельство не подрываетъ вѣрности числа 7; оно можетъ быть объяснено не столько невѣ-

---

[1]) U. B. n. n. 2819 (29 мая 1345 г.). 2098 (25 сент. 1416 г.). 2151 (13 іюля 1317 г.).

[2]) Archiv. I, 34. [3]) Heinr. XXX, 4—5.

[4]) Beiträg. z. ält. Gesch. d. Insel. Oesel. Pernau 1827, p. 36—37.

[5]) U. B. n. 490. [6]) ibid n. 2718.

жествомъ авторовъ этихъ памятниковъ, сколько дѣйствительнымъ отсутствіемъ во время ихъ составленія недостающаго числа килегундъ; по крайней мѣрѣ очень правдоподобно, что во время завоеванія въ 1227 году Эзеля двѣ килегунды могли быть совсѣмъ на время уничтожены, такъ что въ слѣдующемъ году здѣсь по справедливости можно было насчитать только пять килегундъ. Что касается соотвѣтствія древней килегунды нынѣшнему приходу, то на основаніи филологическихъ соображеній оно довольно правдоподобно. Латинское Kilegunda соотвѣтствуетъ эст. Kihlakond, kohelkond, kihelkund, которое прилагается въ настоящее время исключительно къ приходу. Разсматривая далѣе это слово, мы находимъ, что оно сложено изъ Kihla, kihel, и kond, kund. Происходящій отъ первой части слова глаголъ употребляется нынѣ исключительно въ значеніи обручать, хотя въ древности онъ могъ имѣть и менѣе спеціальное значеніе, а именно—соединять, связывать; тѣмъ болѣе что фин. „kihla“ значитъ также цѣпь, лента, соединеніе. Вторая половина у финновъ и эстовъ означаетъ нѣчто цѣлое, общность и не употребляется отдѣльно. Такимъ образомъ kilekunda, kihelkolnd должно означать связанное цѣлое, общину.

Далѣе, сопоставляя лат. Kilekonda съ фин. Kyläkunta и эст. Külakond, мы находимъ между ними полное соотвѣтствіе: первое представляетъ прямое заимствованіе послѣдняго съ нѣкоторою передѣлкою, а послѣднее означаетъ союзъ нѣсколькихъ деревень, или по Генриху провинцію [1]). Но спрашивается—почему эсты стали называть приходъ kihelkond, тогда какъ у финновъ онъ называется pitäjä или pitäjäkunta, и почему они не употребляютъ болѣе Külakond для означенія группы деревень? Намъ думается, что эти два явленія имѣютъ связь между собою. Если нѣмцы, строя капеллы или церкви въ извѣстной группѣ деревень—въ килегундѣ, сблизили килегунду съ приходомъ, такъ что эти два слова сдѣлались по своему значенію тожественными, то возможно думать, что эсту осталось для различенія двухъ единицъ—церковной и общественной, придумать два слова, или же что вѣроятнѣе—дать входъ новому понятію о церковной группѣ, отодвигая понятіе объ общественной группѣ на задній планъ. Послѣднее было достигнуто тѣмъ,

[1]) Heinr. XXVIII, 8. provincin id est kylekunda.

что слово „külakond“—группа деревень—мало по малу стало замѣняться словомъ kihelkond—приходъ. Обратившись къ историческимъ даннымъ, мы находимъ въ нихъ подтвержденіе нашихъ филологическихъ соображеній. Если у насъ и нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ въ пользу раздѣленія Эзеля на приходы вскорѣ послѣ его завоеванія (въ 1227 г.)—въ чемъ мы и не сомнѣваемся, за то мы имѣемъ достаточно данныхъ о существованіи этого раздѣленія во второй половинѣ XIII вѣка. Такъ въ 1254 году упоминается въ Килегундскомъ приходѣ о священникахъ епископа и рыцарей [1]. Въ 1262 году упоминается о приходской церкви въ Килегундѣ [2]. Приходъ Килегундскій существовалъ еще въ 1313 году, когда онъ былъ ограбленъ пиратами, по свидѣтельству Вартберга [3]. Одновременно съ Килегундскимъ приходомъ въ 1254 г. упоминается и о церкви при Каррисѣ (Carries) [4]. Каррисскій (Carges) приходъ съ собственнымъ священникомъ существовалъ еще въ 1412 году [5]. Затѣмъ по порядку упоминанія нужно указать на Пейдескую приходскую церковь (въ 1312 г.) съ собственнымъ священникомъ [6]. О Кергельской церкви извѣстно, что она построена изъ камня въ 1313 году, насколько можно судить по надписи на камнѣ замурованномъ въ стѣну Керильской церкви, которая гласитъ: Templum Mariae Magdalinae ex lapidibus extructum et dedicatum 1313. Festo Mariae Magdalinae die 22 Iul. [7]. О Карляльской приходской церкви съ собственнымъ священникомъ впервые упоминается только въ 1407 году [8].

---

[1]) U. B. VI n. 2735. [2]) ibid. n. 2743.

[3]) L. c. p. 57. По Буксгевдену (см. Mater zu Gütergesch. Livlands, Zweite forts. Rigа 1850, p. 33) при Килегундской церкви находился во время ордена монастырь и еще теперь древнія монастырскія зданія служатъ для потребностей пастората. Позднѣйшая Мустельская церковь, построенная въ 1605 г., первоначально была филіальною церковію Килегунда (ibid. p. 45).

[4]) U. B. n. 2735. [5]) ibid. n. 1909.

[6]) ibid. n. n. 638. 734. Reg. 737.

[7]) См. Буксгевденъ l. c. p. 47. Богадѣльня и госпиталь въ Керильской церкви находились на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ нея въ предѣлахъ Падельскаго имѣнія и существовали до начала прошлаго столѣтія. Основная стѣна принадлежавшей къ госпиталю капеллы на полѣ Падельской деревня Орикюль напоминаетъ еще объ этомъ благотворительномъ учрежденіи старины.

[8]) U. B. n. 1721. Буксгевденъ (l. c. p. 69) говоритъ, что нынѣшняя Кар-

Если приведенныя историческія данныя не даютъ намъ возможности поименно перечислить всѣ Эзельскіе приходы, за то намъ достовѣрно извѣстно, что на Эзелѣ во второй половинѣ XIII вѣка существовали еще другіе церкви и приходы. Уже въ 1262 году упоминается о другихъ церквахъ Озиліи кромѣ Килегундской [1]). Но мы имѣемъ весьма важное свидѣтельство отъ 1284 года, когда упоминается о приходскихъ священникахъ (plebanis въ семи килегундахъ, обязанныхъ прочесть въ своихъ церквахъ договоръ заключенный съ эзельцами [2]). Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ мы имѣемъ полное право признавать существованіе на Эзелѣ между 1227 — 1284 г. правильной приходской организаціи, не смотря на то, что у насъ нѣтъ прямыхъ указаній на каждый приходъ въ отдѣльности. Зная изъ Генриха, что по покореніи эзельцевъ 5—6 священниковъ совершали надъ ними крещеніе и по уходѣ нѣмецкаго войска туземцы приняли священниковъ въ свои замки, мы не сомнѣваемся признать Вальдійскую церковь самою древнею на Эзелѣ, хотя бы о ней въ древнихъ документахъ не было прямаго упоминанія, потому что въ замкѣ Вальдіи (эст. Wnljala maalinn), представлявшей самый укрѣпленный пунктъ Эзеля, нѣмцы могли засѣсть твердой ногой [3]). Тоже самое нужно сказать и о Пигаской церкви, которая могла стоять при Эстонскомъ замкѣ того же имени, гдѣ мѣстность донынѣ у туземцевъ называется „Kabeli aru“ т. е. кладбищенская возвышенность. Если кромѣ того справедлива мысль, что мѣста христіанскаго богослуженія обыкновенно избирались по близости или на самыхъ мѣстахъ языческаго служенія, то только что высказанное нами предположеніе о мѣстоположеніи Пигаской церкви до нѣкоторой степени подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сосѣдствѣ ея при Кельялѣ находилась священная роща и священное озеро (püha järw), служившія въ древности мѣстомъ жертвоприношеній. Что касается приходской церкви на о. Монѣ, то она безъ сомнѣнія существовала уже въ XIII вѣкѣ,

мельская церковь построена на самомъ хорошемъ мѣстѣ въ 1407 г. и освящена въ день св. Петра и Павла того-же года. Древніе монастырскія зданія при ней передѣланы въ 1779 г. въ жилое помѣщеніе для пастора.

[1]) U. B. VI n. 2743.

[2]) ibid. n. 490: plebanis etiam in his septem Kilegundis constitutis etc...

[3]) Нынѣшняя Вальдійская церковь находится вблизи древняго эстонскаго замка, отъ котораго теперь остались только руины.

хотя у насъ и нѣтъ относительно ея никакихъ документальныхъ данныхъ [1]).

Довольно опредѣленныя свѣденія мы имѣемъ и о церквахъ Эзеле-війкской епископіи на континентѣ. Уже около половины XIII вѣка еп. Генрихъ рѣшилъ избрать мѣсто своей каѳедральной церкви между рѣкой Пернавой [2]) и близь лежащей гаванью по причинѣ красоты его и другихъ очевидныхъ выгодъ, какъ сказано въ актѣ [3]). Здѣсь онъ основалъ каѳедральную церковь въ 1251 году, поставилъ 12 канониковъ и одарилъ ихъ вотчинами. По распоряженію папы Александра IV она была названа „Эзельскою соборною церковію“ во избѣжаніе всякой путаницы [4]). Но церковь эта существовала только нѣсколько лѣтъ. Литовцы, опустошивъ подъ предводительствомъ Тройната провинцію Війкъ, разрушили ее 2 февр. 1263 года [5]). Можетъ быть вскорѣ на мѣсто разрушеннаго собора здѣсь была выстроена приходская церковь въ честь св. Ѳомы, о которой впервые упоминается въ 1363 году, а чрезъ три года она

---

[1]) Впослѣдствіи число приходовъ на Эзелѣ увеличилось. По писцовой книгѣ 1645 года на Эзелѣ числится девять приходовъ, а вмѣстѣ съ приходомъ на о. Монѣ—десять. Въ писцовой книгѣ 1731 года тамъ числится уже 12 приходовъ вмѣстѣ съ приходомъ на Монѣ; къ этому времени образовалось еще два новыхъ прихода: Іоанновскій и Мустельскій. Это же количество ихъ осталось и до 1756 года. Когда былъ основанъ приходъ на полуостровѣ Сворбе—неизвѣстно. Не есть-ли «Corbe» искаженное «Sworbe»? Если такъ, то на Сворбе уже въ 1325 году былъ приходскій священникъ (U. B. p. 710). Эта церковь называлась Ямской (Yamma) и была единственной здѣсь пока не были выстроены Церельская и затѣмъ Анзекюльская церкви, изъ которыхъ первая была филіаломъ Ямской, а вторая—Кергельской. По преданію, приводимому Гутлемъ въ его топографическихъ извѣстіяхъ, находящаяся теперь въ развалинахъ Церельская церковь была построена рижскимъ купцомъ по обѣту, данному имъ на морѣ при великой опасности. По другимъ извѣстіямъ строителемъ ея былъ рыцарь Claves Korever, который приказалъ сдѣлать въ ней и фамильный склепъ. см. Буксгевденъ l. c. p. 22.

[2]) Въ древности она называлась Mater aquarum (Heinr. XXX, 3).

[3]) U. B. n. 2740: Inter flumen Peronam et portum maris illi vicinum propter loci amoenitatem et alias evidentes utilitates-fundasti ecclessiam. О Perona или Peronowe ср. ibid. n. n. 2758. 2760. Древній Перновъ находился на мѣстѣ нынѣшняго предмѣстія новаго Пернова, около притока рѣки Пернавы, который теперь отъ городскаго имѣнія Саукъ именуется Саукскою рѣкою.

[4]) ibid. n. n. 2739. 2740.

[5]) См. Chron. Dunam. въ Archiv. t. IV, p. 271 и Reimch. v. 6898 и слѣд. Развалины Перновскаго собора существовали еще въ 1560 году (см. Ioh. Renners Livl. Historien. Hrsg. v. Hausmann und Höhlbaum. Göttingen 1876 p. 309: Vam olden dome steit ock noch wat oldes muirwerk).

прямо называется приходскою церковію [1]). Относительно времени происхожденія нынѣшнихъ двухъ церквей въ Перновѣ— св. Николая и св. Іоанна нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Весьма вѣроятно, что онѣ построены вскорѣ послѣ основанія нынѣшняго Пернова (Newenschloss zur Embeck) бывшаго незадолго до 1265 года [2]), когда онъ получилъ разныя привиллегіи и права [3]). Когда въ 1279 году каѳедра Эзелевійкскаго епископа была перенесена въ мѣстечко Гапсаль [4]), то было вѣроятно приступлено тамъ къ постройкѣ каѳедральной церкви. Но фактъ, что въ 1306 году упоминается о соборной церкви на Эзелѣ [5]), наводитъ на предположеніе, что около этого времени резиденція епископа была на Эзелѣ; послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что о каѳедральной церкви въ Гапсалѣ впервые упоминается только въ 1312 году [6]). Въ 1383 году Гапсальскій соборъ и замокъ были разграблены рыцарями [7]). Въ 1328 году въ Гапсалѣ упоминается еще о церкви Св. Духа [8]). Нужно думать, что церкви св. Елисаветы и св. Мартина въ замкѣ Леалѣ получили начало вскорѣ послѣ овладѣнія нѣмцами Леальскимъ замкомъ, хотя о нихъ впервые упоминается въ 1312 году, когда онѣ были разрушены куронами [9]). Изъ сельскихъ приходскихъ церквей Эзеле-війкскаго діоцеза XIV вѣка намъ извѣстны слѣдующія: въ Ганелѣ (1312), Гольденбекѣ (1364—1389), Мерьямѣ (1364—1382) съ собственнымъ священникомъ, въ Карусенѣ (1380) съ собственнымъ священникомъ, въ Аудернѣ (1395), Пеналѣ (1402) и Ретелѣ (1420) [10]). Если мы сложимъ перечисленныя въ Війкѣ

---

[1]) U. B. n. n. Reg. 1178, к. 1223, в.

[2]) Ср. Arndt. II, 345; здѣсь основаніе его ставится въ 1255 году.

[3]) U. B. n. 383. Въ 1583 году Перновская церковь была довольно хороша; священникъ зналъ по нѣмецки и немного по эстонски. Кромѣ того здѣсь была маленькая церковь, принадлежавшая прежде (когда?) русскимъ См. Archiv. I, 327.

[4]) Гапсаль (древнія формы: Hapsalla (1276), Hapasella (1284), Hapsell (1293), Haepsel (1294) и Hopisal (1302) въ U. B. n. n. 461. 490. 2760. 629. 606) происходитъ отъ эст. haab, фин. hapa—осина и эст. salk, sal—роща (см. Russwurm, Das Shloss zu Hapsal. Reval 1878 p. 22. Anm. 11).

[5]) U. B. n. Reg. 714. [6]) ibid. n. 638.

[7]) ibid. n. 1197. Древняя Гапсальская соборная церковь св. Іоанна описывается у Руссвурма (См. l. c. p. 2—10).

[8]) ibid. n. 734. 1178—1179. [9]) ibid. n. 638.

[10]) ibid. n. n. 638. 734. Reg. 1187,a. Reg. 1499. 1184,a. 1177. 1178. Reg. 1391.

церкви, то получимъ число семь, соотвѣтственно количеству здѣсь килегундъ, по свидѣтельству Liber census Daniae, Генриха и актовъ [1]). Но едвали поименованныя церкви сооотвѣтствовали древнимъ килегундамъ, потому что ихъ лишены сѣверная и южная части Війка. Съ другой стороны нельзя принять и мнѣнія Паукера [2]), который, насчитывая около средины настоящаго столѣтія въ сѣверной части этой провинціи семь церквей (кромѣ упомянутыхъ еще слѣдующіе: Крестовая (эст. Risti) [3]), св. Екатерины (эст. Noarotsi) и св. Мартина (эст. Kerkurre или Leskwere) увѣренъ, что онъ нашелъ здѣсь полное соотвѣтствіе между древними килегундами и новѣйшими приходами. Мы не имѣемъ права ради искомаго соотвѣтствія произвольно дѣлить всю область, имѣвшую семь килегундъ, на двѣ половины и лишать такимъ образомъ вторую половину совсѣмъ килегундъ; если даже признать эту мысль Паукера справедливою, то странно-какимъ образомъ въ южной половинѣ, на долю которой не осталось ни одной килегунды, могли умѣститься впослѣдствіи остальные изъ всѣхъ во всей провинціи 17 церквей и 10 капеллъ. Такое преобладающее число новѣйшихъ приходовъ сравнительно съ древними килегундами, свидѣтельствуетъ только о недостаточности для каждой древней килегунды одной церкви, если онѣ дѣйствительно были тамъ выстроены послѣ окончательнаго покоренія Війка, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться въ виду существованія въ Війкѣ семи сельскихъ приходовъ, какъ мы впереди указали и въ тоже время даетъ основаніе думать, что увеличеніе количества церквей или приходовъ могло быть вызвано соотвѣтственнымъ увеличеніемъ народонаселенія и килегундъ [4]).

Припоминая сказанное нами выше относительно церквей дерптскаго діоцеза, мы легко замѣтимъ разницу какъ въ коли-

---

1162. 1388. 1608. 2408. О Рѣтельской церкви мы знаемъ по тому поводу, что здѣшній священникъ въ 1420 г. обокралъ свою церковь и убѣжалъ въ Ревель.

[1]) Heinr. XXVIII, 2. 7. и U. B. n. n. 2718. 2760.

[2]) Der Guterbes. in Ehstl. p. 32.

[3]) Паукеръ ошибочно помѣщаетъ эту церковь въ Війкѣ; она находится въ Гарріи верстъ восемь къ сѣверо-западу отъ Падисскаго монастыря. См. Karte v. Liv-Ehst-Kurland, v. Dr. Lange. Berlin 1883.

[4]) Въ 1359 г. (U. B. n. 1347) упоминается о церкви въ провинціи или килегундѣ (?) Зонтаганѣ (Sontagana), которая находилась въ Війкѣ (Heinr. XXIX, 7), но какая изъ війскихъ церквей подъ ней разумѣется, мы не беремся рѣшить.

чествѣ церквей того и другаго діоцеза, такъ и во времени ихъ происхожденія. Тамъ церкви по большей части находились отдѣльно въ далеко расположенныхъ другъ отъ друга замкахъ, служившихъ оборонительными пунктами для завоевателей, здѣсь онѣ разсѣяны преимущественно по селамъ; тамъ по свидѣтельствамъ (едвали случайнымъ) актовъ онѣ по большей части дѣлаются извѣстными въ XIV—XV вѣкахъ, здѣсь въ XIII—XIV. Такая разница отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ обстоятельствомъ, что дерптская епископія гораздо чаще служила ареною кровавыхъ столкновеній между русскими и нѣмцами, между тѣмъ эзельская епископія была свободна отъ нихъ и терпѣла только отъ взаимной борьбы другъ съ другомъ лифляндскихъ господъ. И если по количеству церквей судить о степени распространенности христіанства, то нужно сказать, что Эзеле-Війкская епископія въ этомъ отношеніи далеко превзошла дерптскую. Нельзя ли поэтому эти явленія поставить въ связь съ фактомъ сравнительно меньшаго количества у юго-западныхъ эстовъ древнихъ языческихъ преданій и сагъ, чѣмъ у эстовъ восточныхъ?

Печальнѣе всѣхъ представляется дѣло постройки церквей въ Курляндіи. Безпрерывныя кровавыя войны тяготѣли надъ нею вплоть до конца XIII вѣка. Въ это время нѣмцы преимущественно заботились о томъ, чтобы утвердиться въ укрѣпленныхъ замкахъ, къ сооруженію которыхъ рѣшено было приступить уже въ 1252 году [1]). Нужно однако сказать, что они въ то время не упускали изъ виду и дѣла миссіи въ Курляндіи, потому что въ томъ же 1252 году между курляндскимъ еп. Генрихомъ и намѣстникомъ магистра Эбергардомъ Сеинскимъ произошло соглашеніе относительно постройки и содержанія церквей въ Курляндіи [2]). По этому соглашенію въ области Бигавеланкѣ должны быть построены три церкви, одна на части епископа, двѣ—на части рыцарей. Но пока послѣднія не выстроены, люди съ орденской части могутъ посѣщать уже сооруженную епископомъ церковь и на содержаніе священника этой части одну часть долженъ давать епископъ, двѣ — рыцари. Послѣдняя повинность рыцарей прекратится, когда у нихъ будутъ выстроены свои церкви и въ нихъ введены свя-

[1]) U. B. n. 241. [2]) ibid. n. 240 (18 окт. 1252 г.).

щенники. Каждая изъ предначертанныхъ церквей должна получать четыре гакена пахатной земли и сѣнокоса на 30 возовъ сѣна; кромѣ того каждый священникъ долженъ получить отъ епископа или ордена—смотря потому, на чьей землѣ церковь, по ласту ржи, ячменя, овса и три полушки (verdunge) серебра. Прихожане, (kirspilslude), батраки и батрачки (knecht unde megede) возрастомъ 14 лѣтъ должны ежегодно платить своему священнику три рижскихъ пфеннинга въ качествѣ жертвенныхъ денегъ (vor opferpenninge), которыя должны быть вытребуемы у епископа, имѣетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ (daf sol von dem biscap allene utgevordert wergen, ist dat is noit is), Въ области называемой Bandowe точно также должны быть построены три церкви: одна на епископской, двѣ на орденской землѣ. Равнымъ образомъ и въ области Виндѣ должны быть три церкви [1]). Наконецъ въ области Вредекуренѣ должны быть выстроены двѣ церкви, одна на епископской, а другая на орденской землѣ, и всѣ эти восемь церквей освящаются подъ тѣмъ условіемъ, если епископъ дастъ своимъ церквамъ и братья рыцарства своимъ по четыре гакена пахатной земли и на 30 возовъ сѣнокоса (von hoislage to XXX voder). Поименованнымъ церквамъ прихожане должны ежегодно давать съ гакена по килимату ячменя и овса, считая десять килиматовъ на одинъ лофъ (lop), а лица возрастомъ 14 лѣтъ должны кромѣ того платить священнику ежегодно три рижскихъ пфеннинга за жертву. Сверхъ того священники вышеозначенныхъ церквей могли безпрепятственно пользоваться лѣсомъ, исключая рощъ, называвшихся прежде священными. Когда это постановленіе было приведено въ исполненіе? При отсутствіи какихъ либо древнѣйшихъ свидѣтельствъ относительно намѣченныхъ церквей мы должны довольствоваться только болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Сомнительно, чтобы онѣ были выстроены въ XIII в. въ южныхъ областяхъ Курляндіи, подвергавшихся безпрерывнымъ набѣгамъ, но относительно сѣверныхъ областей ея вмѣстѣ съ Швартцомъ можно думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя церкви были выстроены здѣсь вскорѣ послѣ

[1]) Швартцъ (Kurland... p. 75) ошибочно утверждаетъ, что въ странахъ Бандовѣ и Виндѣ должны быть выстроены только три церкви, напротивъ, въ актѣ прямо сказано, что въ каждой странѣ должно быть выстроено по три церкви.

приведеннаго соглашенія между орденомъ и епископомъ. Замѣчательно, что изъ различныхъ отдѣльныхъ другъ отъ друга областей ордена и епископа произошли нынѣшніе приходы въ Курляндіи, какъ показываетъ Кальмейеръ [1]). Три области епископа дѣлились на пять приходовъ и образовали епископію, впослѣдствіи польскій королевскій уѣздъ, Пилтенъ. Первая область на сѣверѣ, захватывавшая части епископа въ Виндѣ и Вредекурѣ, образовала Пилтенскій или Эрваленскій приходъ; вторая область, обнимавшая епископскую часть Бигавеланка, образовала Сакенгаузенскій и западную половину епископско-Газенпотскаго прихода; третья область, включавшая въ себя епископскія части Бандовы и Довзара, обнимала восточную половину епископско-Газенпотскаго прихода и Амботенскій приходъ. Орденская часть Виндавы составляетъ теперь Виндавскій приходъ; другая часть ордена въ Бандовѣ обнимала земли, которыя теперь составляютъ Альтвангенскій и Гольдингенскій приходы; третья часть ордена въ Бигавеланкѣ составляетъ теперь ордено-Газенпотскій, Дурбенскій и Гробинскій приходы; южная часть Гробинскаго и Грамсденскаго приходовъ обнимаетъ часть ордена въ Довзарѣ; а приходы Кандаускій, Тальзенскій, Цабельнскій и Тукумскій обнимаютъ орденскую часть Вредекура; равнымъ образомъ весь Фрауенбургскій приходъ обнимаетъ владѣнія ордена. Если сопоставить теперь современное распредѣленіе приходовъ съ постановленіемъ 1252 года относительно сооруженія церквей въ Курляндіи, то между ними можно усмотрѣть довольно близкое соотвѣтствіе. По акту всѣхъ церквей, а слѣд. и приходовъ, оказывается 11, а нынѣшнихъ приходовъ по счету Кальмейера 17. Выводъ отсюда тотъ, что впослѣдствіи церквей было выстроено болѣе, чѣмъ предначертано въ актѣ. Далѣе, въ странѣ Бигавеланкѣ было предположено въ общей сложности выстроить три церкви, теперь же на части епископа оказываются приходъ Сакенгаузенскій и часть епископо-Газенпотскаго прихода, а на части ордена приходы: ордено-Газенпотскій, Дурбенскій и южная часть Гробинскаго прихода. Если думать, что церкви—епископо-Газенпотская и Гробинская находились въ другихъ частяхъ, или же были выстроены гораздо позже, то соотвѣтствіе въ данномъ

[1]) Въ Mittheil. B. IX, p. 221—222.

случаѣ съ актомъ становится очевиднымъ. Затѣмъ по акту въ области Бандовѣ предположено было выстроить три церкви по предшествующему правилу, а въ настоящее время на епископской части находятся весь Амботенскій приходъ и южная половина епископо-Газенпотскаго, на части ордена приходы: Альшвангенскій и Гольдингенскій. Опять соотвѣтствіе довольно близкое. Тоже самое и въ области Виндѣ; въ настоящее время здѣсь на части епископа дѣйствительно оказывается только одинъ Пилтенскій приходъ, но за то и на части ордена также только одинъ Виндаускій приходъ, тогда какъ по акту орденскихъ церквей или приходовъ здѣсь должно быть два. Большее несоотвѣтствіе замѣчается въ области Вредекурѣ: здѣсь на части епископа дѣйствительно стоитъ только одинъ Эрваленскій приходъ, но за то на орденской вмѣсто одного стоитъ четыре прихода: Кандаускій, Тальтенскій, Цабельнскій и Тукумскій. Такимъ образомъ на основаніи нѣкотораго совпаденія между количествомъ предначертанныхъ въ 1252 году церквей и существующихъ въ настоящее время приходовъ приходится признать (предполагая при этомъ вѣрность отождествленія древнихъ названій областей съ нынѣшними и соотвѣтствующаго распредѣленія приходовъ), что рано или поздно предначертанныя въ актѣ церкви дѣйствительно были выстроены. Изъ сдѣланнаго сопоставленія мы однако не имѣемъ никакого права дѣлать заключенія относительно времени постройки предначертанныхъ въ актѣ церквей, какъ это дѣлаетъ Кальмейеръ, который думаетъ, что церкви эти были выстроены въ скоромъ времени послѣ соглашенія относительно ихъ между намѣстникомъ магистра и епископомъ. Только о нѣкоторыхъ церквахъ мы можемъ сказать, что онѣ были выстроены вскорѣ послѣ этого соглашенія. Изъ сельскихъ приходскихъ церквей намъ извѣстны только двѣ, находившіяся во владѣніяхъ рижскаго соборнаго капитула. Одна была въ Аровелѣ, другая—близъ замка Дондангена [1]). Обѣ на сѣверѣ Курляндіи. Въ послѣдней былъ особенный священникъ и попечитель (specialis rector et cura-

[1]) Въ 1258 году упоминается священникъ de-Ancten, Agmen (U. B. n. n. 329. 330). Другой разъ въ 1290 г. упоминается о мѣстечкѣ Ancen, Antzen (ibid n 534. Reg. 610, 6), которое лежитъ въ областяхъ Дондангенѣ и Таргелѣ, принадлежавшихъ рижскому соборному капитулу. Отсюда можно отожествить церковь въ Дондангенѣ съ церковію въ Анценѣ.

tor sive plebanus) [1]). Судя по акту конца XIII вѣка, въ которомъ говорится о разсылномъ епископа, отправлявшемся съ виномъ и облатками въ замокъ Амботенъ, нужно думать, что въ Амботенѣ около конца XIII вѣка была капелла для отправленія миссы [2]). Изъ орденскихъ церквей намъ извѣстны только нѣкоторыя, находившіяся въ замкахъ—именно: въ Гейлигенгузѣ (1258), Гольдингенѣ (1337) и Газенпотѣ церковь св. еван. Іоанна (1378) [3]). Приходская церковь въ Виндавѣ упоминается впервые въ 1298 году, когда она была уступлена каноникамъ курляндской церкви для обращенія ея въ свою главную церковь взамѣнъ всѣхъ ихъ владѣній въ Мемелѣ [4]). Въ Виндавѣ кромѣ того находились двѣ капеллы св. Георгія и св. Екатерины, изъ которыхъ первая стояла при Гольдингенской дорогѣ; вторая—при рѣкѣ Ведемѣ. Въ 1495 году въ граматѣ Плеттенберга онѣ полагаются внѣ городскихъ границъ [5]). Въ Мемелѣ уже въ 1258 году существовали двѣ церкви—св. Николая и св. Іоанна. Въ этомъ году церковь св. Николая была признана подъ патрональною зависимостью отъ ордена съ правомъ свободно совершать таинство крещенія, имѣть собственное кладбище и т. п. Къ ней тогда же были причислены люди сосѣднихъ замковъ [6]), въ то же время церковь св. Іоанна была признана въ полномъ смыслѣ приходскою церковію, къ которой принадлежали всѣ горожане, при чемъ право патронатства было раздѣлено между епископомъ и орденомъ такъ, что епископъ ставилъ въ ней своего кандидата первый, а потомъ по открытіи вакансіи орденъ представлялъ епископу своего кандидата для замѣщенія мѣста. Когда около 1290 въ Куроніи предполагалось построить соборную церковь во имя Пр. Дѣвы Маріи, то епископъ Емундъ приписалъ къ ней разныя имѣнія и доходы [7]), пожаловалъ своимъ каноникамъ половину приходской церкви св. Іоанна въ Мемелѣ [8]) и разрѣшилъ прихожанамъ въ виду тѣсноты приходскаго кладбища, хоронить покойниковъ на кладбищѣ соборной церкви [9]).

---

[1]) U. B. n. 1248. [2]) ibid. n. 603.

[3]) U. B. n. n. 329. 330. Reg. 922, aa. 1131.

[4]) ibid. n. 575.

[5]) Kallmeyer, Gesch. d. Kirch. und Pred. Kurland. Riga 1849 p. 10—11. Приходы: Ландзенскій и Газаускій позднѣйшаго происхожденія.

[6]) U. B. n. 329.

[7]) U. B. n. 530. [8]) ibid. n. 531. [9]) ibid. n. 539.

Еще болѣе труднымъ и спутаннымъ представляется вопросъ о церковно-приходской организаціи областей Эстоніи подъ датскимъ владычествомъ. Изъ Генриха мы знаемъ, что эстонскія области были крещены въ 1220 году странствующими священниками, которые жили между новообращенными до 1223 года; отъ него же мы узнаемъ также, что датчане построили во многихъ селахъ церкви, сожженныя эстами при возстаніи въ 1223 году и вновь выстроенныя датчанами въ 1225 году. При неустойчивости еще въ то время владѣній, переходившихъ изъ однихъ рукъ въ другія, и при такомъ взглядѣ на право завоеванія, по которому оно пріобрѣталось фактомъ крещенія жителей, сомнительно, чтобы была возможна правильная церковная организація страны. Мы не можемъ поэтому согласиться съ мнѣніемъ Бреверна [1]), который признаетъ справедливою мысль о правильномъ раздѣленіи Вироніи на приходы вскорѣ послѣ ея завоеванія датчанами, хотя относительно Гарріи онъ думаетъ иначе. Намъ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе Кэстнера [2]), по которому правильное раздѣленіе Гарріи и Вироніи на приходы тотчасъ послѣ ихъ завоеванія представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Даннаго вопроса нѣтъ возможности рѣшить и на основаніи т. н. Liber census Daniae. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ древнею географіею Эстляндіи, отъ правильнаго понятія о которой находится въ близкой зависимости и правильное рѣшеніе самаго вопроса о приходахъ. Но къ сожалѣнію древняя географія всего Остзейскаго края до сихъ поръ еще столь темна, что дѣлать на основаніи ея какія либо аподиктическія сужденія очень рискованно. Ни Генрихъ Латышскій, ни акты, ни Liber census Daniae не даютъ намъ точныхъ данныхъ относительно ея. Такъ напр. у Генриха [3]) подъ Вироніей разумѣется область (terra), имѣющая пять провинцій, то она просто именуется провинціей (provincia). Таже самая путаница замѣчается и относительно Гарріи [4]). Подобная же неточность наблюдается и въ актахъ [5]). Liber census Daniae представляющій для насъ особенную важность въ томъ отношеніи, что въ немъ мы находимъ значи-

[1]) Stud. zu Gesch. Liv-Ehst-und Kurland. Th. 1) Dorpat. 1858, p. 200.
[2]) Das Refund. Bisthum Reval. Gottingen 1876, p. 25.
[3]) Heinr. XXIII, 7; XV, 7; XX, 2..
[4]) ibid. XX, 2. 6; XXIV, 2. [5]) U. B. n. 100. 145.

тельное соотвѣтствіе между древними килегундами и приходами, хотя не смѣшиваетъ terra съ provincia или kilegunda, но за то не повсюду проводитъ это соотвѣтствіе [1]). Такъ по этой важной записи (fol, 41, в.) въ Вироніи указывается пять килегундъ, между тѣмъ какъ въ текстѣ насчитывается шесть (Repel, Maum, Alactagla, Askalae, Loemund и Lemmun). Въ Гарріи (fol. 41, в.) указываются три килегунды, но въ текстѣ перечисляются только приходы. Вообще при сравненіи fol. 41, в. съ текстомъ остальной записи оказывается, что килегунды fol. 41, в. по большей части соотвѣтствуютъ приходамъ остальной записи. На fol. 41, в. сумма всѣхъ килегундъ должна быть 11 (въ Вироніи 5, Ревалiи 3 и Гарріи 3), хотя при поименномъ перечисленіи ихъ оказывается только 10 (9); всѣхъ приходовъ однако оказывается 12, слѣдовательно полнаго соотвѣтствія между приходами и килегундами не существуетъ. Килегунды Alentacae и Ascalae не имѣютъ приходовъ, или по крайней мѣрѣ противъ нихъ не обозначены приходы. На основаніи сопоставленія данныхъ Liber census Daniae съ актами можно съ нѣкоторою вѣроятностью указать на существованіе во многихъ приходахъ священниковъ или по крайней мѣрѣ духовныхъ лицъ. Такъ въ L. c. D. прямо упоминается presbyter Eilardus, который имѣетъ 30 гакеновъ въ килегундѣ Ascelae. Нѣкто dominus Wilhelmus de Ketting, имѣющій три гакена въ приходѣ Kacktackylae, которому соотвѣтствуетъ килегунда Lemmun, оказывается священникомъ, если его отождествить съ dominus Friderik de Keytingen, который представляется въ 1253 году священникомъ въ Гервіи [2]). То обстоятельство, что онъ по L. c. D. продалъ церковную землю со всѣмъ инвентаремъ (doc ecclesiae), едва ли можетъ говорить противъ сдѣланнаго предположенія, потому что во время всеобщихъ безпорядковъ подобное явленіе могло быть естественнымъ. Германъ Шпрингъ (Spring), имѣющій въ приходѣ Halelae 14 церковныхъ гакеновъ, также можетъ быть признанъ духовнымъ лицомъ, если его отождествить съ Hermanus de Teratevere, который представляется священниковъ въ 1253 г. [3]). Онъ вѣроятно есть та же самая личность, которая имѣетъ въ

[1]) Указываемая здѣсь Генрихомъ провинція Pudymen (XXIV, 1), вѣроятно тожественная съ Ридичи (XXIII, 7), не встрѣчается въ L. c. Daniae.

[2]) U. B. n. 258,a. [3]) ibidem.

Torucstacverae деревню Torpius съ 20 гакенами земли. О другихъ лицахъ, встрѣчающихся въ L. c. D. у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ для подтвержденія ихъ духовнаго происхожденія, хотя тотъ фактъ, что они по большей части владѣютъ церковными селами, до нѣкоторой степени можетъ намекать на ихъ духовное происхожденіе. Что касается того, что въ приходѣ Maum'ѣ не указывается церковная деревня, и что ни въ Alentackae, ни въ Askelae не указываются приходы и только священникъ Эйлардъ имѣетъ въ послѣдней килегундѣ поземельныя владѣнія, то Ширренъ [1]) на этомъ основаніи думаетъ, что Maum, Alentackae и Askaelae образовали одинъ приходъ, между тѣмъ какъ Бревернъ [2]) полагаетъ, что послѣднія двѣ килегунды имѣли соотвѣтствующіе приходы, хотя бы о нихъ и не упоминалось. Послѣдняго мнѣнія держится и Бунге [3]). Если признать послѣднее мнѣніе справедливымъ, то общее число приходовъ дѣйствительно выходитъ 14, семь въ Гарріи и столько же въ Вирониі; въ противномъ случаѣ на Гарію падаетъ семь приходовъ, а на Вирониі — пять, какъ и полагаетъ Кэстнеръ [4]). На чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ правда—трудно рѣшить Мы съ своей стороны можетъ только сказать, что Liber census Daniae не даетъ никакого права признавать во всѣхъ килегундахъ непремѣнно во время составленія его существованія самостоятельныхъ приходовъ; напротивъ, онъ ясно свидѣтельствуетъ, что въ то время церкви подвергались разрушенію или упраздненію: составитель его замѣчаетъ (на fol. 48, в.) о деревнѣ Сагѣ (Saga) въ Гарріи, что при ней была церковь, а кладбище существуетъ еще до нынѣ (ubi fuit ecclesia et cemiterium adhuc est). Кромѣ того изъ этого же документа видно, что въ то время существовала мысль о постройкѣ церквей, ибо о королевской деревнѣ Lateis (нынѣ Lechts принадлежащей къ помѣстью Гроссъ-Сауссъ на разстояніи верстъ 8 отъ Юрьевской церкви) въ Гарріенскомъ проходѣ Васкелѣ замѣчается, что она удобна для церкви и кладбища (ubi aptus locus ecclesiae est et amiterii). Были и другіе болѣе естественныя причины, повлекшія за собою измѣненіе соотвѣтствія между

---

[1]) Beitrag. z. Verständniss d. Liber census Daniae p. 124.
[2]) L. c. p. 88. [3]) Das Herzogth. Ehstl. p. 195.
[4]) L. c. p. 28.

килегундами и приходами. Правдоподобно, что когда отдѣльныя килегунды были расположены на удобныхъ мѣстахъ поселенія и сношенія другъ съ другомъ составляющихъ ихъ деревень и дворовъ, изъ расширенія которыхъ быть можетъ и произошли килегунды, какъ естественные центры народонаселенія, отдѣльные приходы соотвѣтствовали и отдѣльнымъ килегундамъ. Но съ теченіемъ времени когда количество церквей увеличилось и при постройкѣ ихъ стали руководствоваться другими соображеніями, кромѣ удобства стеченія народа и когда на килегунду приходилось болѣе чѣмъ одна церковь, названіе килегундъ и приходовъ стали не покрывать другъ друга, такъ напр. если въ Гарріенскомъ приходѣ Васкелѣ и въ деревнѣ Lateis впослѣдствіи была сооружена церковь, то уже исчезло соотвѣтствіе между килегундой Ocrielae и приходомъ, потому что тогда въ ней оказалось бы два прихода. Такъ какъ приходъ есть во всякомъ случаѣ величина менѣе постоянная и неизмѣнная, чѣмъ колегунда, ибо церковь, служащая основаніемъ прихода, легко можетъ быть разрушена, сожжена или какъ нибудь вообще уничтожена, то приходится скорѣе допустить ту мысль, что на первыхъ порахъ килегундамъ могли соотвѣтствовать приходы, и если бы по Liber census Daniae удалось правильно узнать число килегундъ, то можно бы съ такою же правильностію судить и о числѣ приходовъ. Что касается самыхъ названій килегундъ, то Генрихъ Латышскій очень рѣдко приводитъ ихъ, а по большей части довольствуется общимъ обозначеніемъ въ родѣ напр. prima kilegunda, ultima kilegunda или provincia, по всей вѣроятности потому, что не зналъ болѣе точнаго обозначенія ихъ. Если же килегунды получили свое названіе отъ замка или деревни, которая занимала господствующее положеніе, то легко понять, почему мы по большей части не встрѣчаемъ соотвѣтствія названій килегундъ и приходовъ. Правдоподобно, что церковь строившаяся вблизи или при извѣстной деревнѣ, принимала на себя и названіе этой деревни или же вообще близлежащей, и такимъ образомъ весь приходъ получалъ названіе деревни, къ которой ближе всѣхъ примыкала церковь. Такое перенесеніе названій, кажется, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ несовпаденія названій килегундъ у приходовъ. Имъ по всей вѣроятности легче всего объясняется тотъ фактъ, что нерѣдко мы встрѣчаемъ различное

наименованіе одного и того же прихода или церкви, именно благодаря тому, что послѣдняя лежала вблизи двухъ или нѣсколькихъ мѣстечекъ или деревень, названія которыхъ безразлично прилагались къ ней. И поэтому если при какой либо килегундѣ не указанъ приходъ, или при приходѣ-килегунда, то изъ этого, думается, мы не имѣемъ права заключать о несуществованіи прихода или килегунды. Какіе же приходы можно указать въ датскихъ владѣніяхъ въ Эстоніи, Гарріи и въ Вироніи? Мы перечислимъ здѣсь извѣстные намъ изъ Liber census Daniae и актовъ приходы. Хакрицкій (Hacriz) приходъ находился въ килегундѣ Hacriae, и обнималъ 480 гакеновъ и 49 деревень. Во время датскаго владычества онъ обнималъ не только нынѣшній Хаггерскій (отъ эст. деревни Hageri) приходъ, но и большую часть Рапельскаго и Нисскаго [1]). Колькискій (Kolkis), нынѣ Кошскій, обнималъ въ древности 412 гакеновъ земли и 65 деревень. Юрицкій (Jürez) приходъ (нынѣ Іёрденскій) обнималъ въ древности 203 гакена земли и 25 деревень или мѣстечекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя нынѣ принадлежатъ то къ Кошскому, то къ Хаггерскому приходамъ, такъ что трудно опредѣлить его границы. Въ актахъ мы впервые узнаемъ о существованіи Іерденскаго прихода въ 1414 году [2]). О нынѣшней Рапельской приходской церкви въ Гарріи къ юго-западу отъ Іердена на разстояніи верстъ 15, мы узнаемъ впервые изъ актовъ относящихся къ 1346 году [3]). Кегельскій (въ древности Keykel) приходъ находился въ килегундѣ Uomentacken и включалъ 480 гакеновъ земли и 64 деревни или мѣстечка. О Кегельскомъ приходѣ и церкви въ актахъ упоминается нѣсколько разъ между 1282—

[1]) О Нисскомъ приходѣ впервые упоминается въ 1452 г, но тогда онъ вѣроятно еще не имѣлъ собственной капеллы, а причислялся къ домашней капеллѣ помѣщика Іоанна Икскюля Въ 1501 году съ постройкой собственной церкви былъ основанъ собственно Нисскій приходъ, какъ филіалъ Хаггерскаго. Впослѣдствіи онъ былъ расширенъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ помѣстій и деревень Хаггерскаго, Кегельскаго, а можетъ быть и Гольденбекскаго приходовъ (см. C. J. Paucker Ehstlands Landgüter und Besitzer. Reval. 1847, p. 79—82 и H. K. Paucker, Ehstlandsgeistlicheit. Reval 1849 p. 88).

[2]) U. B. n. 1962. Гдѣ помѣстить церковь въ Sayentack'ѣ, упоминаемомъ и въ 1322 г. (U. B. n. 2777)? Деревня Sochaentakaes, Soentaken въ 1586 г. относится къ Коскискому приходу, а по L. c. D. къ Кегельскому.

[3]) ibid. n. n. 847. 849.

1346 годами [1]). Фактъ, что въ третью четверть XIII вѣка изъ западной полосы Кегеля былъ образованъ самостоятельный Гертельскій приходъ [2]), отдѣленный отъ Кошъ-Раппеля [3]), наводитъ на мысль, что число священниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увеличилось. Въ 1281 году капелла при Падисскомъ монастырѣ, куда собирался народъ, была присоединена къ Гертельской приходской церкви, и священникъ или его капелянъ совершали въ ней богослуженіе и таинства въ воскресные и праздничные дни [4]). Іеглехтскій приходъ находился въ килегундѣ Repel на сѣверо-востокѣ отъ Ревеля (по дат. Revle, швед. Raffel) и обималъ 638 гакеновъ и 45 деревень. Васкельскій (нынѣ Юрьевскій) приходъ находился въ килегундѣ Ocrielae и включалъ въ себѣ при 269 гакеновъ земли 32 деревни. О приходской Васкельской или Вашельской церкви, вѣроятно, упоминается впервые въ 1415 году [5]). Кузальскій приходъ обималъ въ древности только 12 деревень при 198 гакенахъ земли. Въ Вироніи извѣстны слѣдующіе древніе приходы. Торвестферскій (нынѣ св. Екатерины) приходъ включалъ при 335 гакенахъ земли 35 деревень. О Торьестферскомъ священникѣ

---

[1]) ibid. n. n. 475,ч; 737. 935, 73. Reg. 1138,aa. 1144 b. Нельзя ли разумѣть подъ церковію въ hemestewere, упоминаемую въ 1411 году (U. B. n. Reg. 2251, ab), Кегельскую церковь, или по крайней—церковь въ Кегельскомъ приходѣ? Въ L. c. D. въ этомъ приходѣ указывается между прочимъ деревня Laemestekilae (kile и vere — окончанія приставочныя), а по писцовой книгѣ 1586 г. деревня hemmiakull, hemekul, hemkula, принадлежитъ къ Кегельской волости.

[2]) U. B. n. Reg. 2390,b. Мы нарочно сказали — «вѣроятно», потому что намъ извѣстна еще деревня, также Waschel, въ Вироніи къ сѣверу отъ Магольмской церкви на версту; поэтому можно было бы думать, что Магольмская церковь легко могла называться и по этой деревнѣ; но тотъ фактъ, что нынѣшній Юрьевскій приходъ въ древности спеціально назывался Вашельскимъ или Васкельскимъ, да и самая деревня Waschel (эст. Waskjala) находилась недалеко отъ нынѣшней Юрьевской церкви и принадлежала къ помѣстью Іоганнисгофу, скорѣе располагаетъ насъ считать упоминаемую въ актѣ церковь Вашкельскою.

[3]) U. B. n. n. 258,a. 2036.

[4]) Противъ деревни Wörkül написано: ibidem lucus sanctus helruisep violenter. По предположенію Гупеля (Topogr. Nachr. III, 479) эта священная роща языческихъ эстовъ находилась при Падасской горѣ Linnamägi м. б. въ лѣсистой долинѣ подлѣ рѣки и именно, по древнему преданію, на лѣвомъ берегу рѣки. Слова—helruisep violenter, до сихъ поръ остаются загадкой. Не указываютъ ли они на насильственное уничтоженіе остатковъ язычества въ этой области?..

[5]) U. B. n. 2306.

упоминается въ 1253 году, а о приходской церкви въ 1419 году [1]). Лежащій отъ него къ сѣверу Гальяльскій приходъ обнималъ при 768 гакенахъ земли 42 деревни. Затѣмъ къ востоку Магольмскій приходъ (въ древности Maum) при 561 гакенѣ земли обнималъ 36 деревень [2]). Вовскій (нынѣ св. Іакова) приходъ находился въ килегундѣ Laemund и включалъ въ себѣ при 404 гакенахъ 27 деревень. Судя по тому, что по писцовой книгѣ 1586 года онъ назывался Kehl, Kehal (деревня недалеко отъ пастората), мы имѣемъ право отождествить Вовскую церковь съ церковію въ Келѣ, о которой упоминается въ 1419 году [3]). Судя по деревнямъ, Вовскій приходъ обнималъ часть Везенбергскаго и сѣверную и восточную части прихода Клейнъ-Маріинскаго основаннаго въ 1346 году, какъ филіала Симоновскаго [4]). Приходъ Каткгольскій (Kacktekyle), нынѣ Симоновскій, находился въ килегундѣ Lemmun и включалъ въ себѣ при 164 гакенахъ 15 деревень. Нельзя ли разумѣть подъ Каткюлемъ деревни Kettis, въ крайней провинціи Вироніи Лоппегундѣ, гдѣ по свидѣтельству Генриха [5]) датчане выстроили церковь? Дальнѣйшее свидѣтельство объ этомъ приходѣ мы имѣемъ отъ 1346 года, когда упоминается о церкви св. ап. Симона и Іуды въ Каткюлѣ [6]). Осталась еще восточная часть Вироніи, но въ приведенныхъ въ Liber census Daniae двухъ килегундахъ этой части Alentakae и Askaelae не указывается соотвѣтствующихъ приходовъ. Вопросъ о приходахъ здѣсь можетъ быть рѣшенъ только на основаніи документальныхъ данныхъ. Въ Алентакѣ числится 323 гакена при 36 деревняхъ, въ Аскелѣ—218 при 26 деревняхъ. Эти килегунды обнимаютъ нынѣшніе приходы: Лугенгузенскій, Іевескій и Вайварскій. Въ 1354 году упоминается о приходахъ въ Jevѣ и Kattele [7]). О Іевскомъ приходѣ и церкви мы узнаемъ еще въ 1367 г., когда по свидѣтельству Вартберга русскіе опустошили приходъ около церкви Jebu. Гдѣ же помѣстить Каттельскій приходъ? Мы находимъ на картѣ, на разстояніи 15 верстъ къ западу отъ Iebe помѣстье Kachtel, затѣмъ въ Liber c. Daniae въ Акскельской килегундѣ — деревню или мѣстечко

---

[1]) См. Paucker, Der Güterbes. in Ehstland, p. 100.
[2]) Heinr. XXIV, 5. [3]) U. B. n. 847.
[4]) ibid. n. 951,a.

Kecktelae. Отсюда мы можемъ съ полною увѣренностію заключить, что упоминаемая въ актѣ Каттельская церковь уже въ XIV вѣкѣ служила приходскою церковію въ Аскельской килегундѣ, обнимавшей нынѣшній Лугенгузенскій и часть Іевескаго прихода, и впослѣдствіи была перенесена въ Лугенгузенъ.

О приходахъ въ Гервіи мы ничего не знаемъ; извѣстно только, что по Liber census D. здѣсь было при килегунды. Нѣтъ особенныхъ основаній сомнѣваться, что дѣло церковно-приходской организаціи здѣсь шло также, какъ и въ другихъ областяхъ Эстоніи, но къ сожалѣнію изъ 9 приходовъ, извѣстныхъ тамъ въ концѣ прошлаго [1]) и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія [2]), упоминается только одинъ Ампельскій въ 1282 году, а о священникѣ Ампельскомъ упоминается еще нѣсколько ранѣе (1253 г.) [3]). Кромѣ перечисленныхъ церквей въ Эстоніи въ монастырскихъ вотчинахъ были построены и капеллы [4]). По мнѣнію Бунге, если не всѣ, то большая часть приходскихъ церквей были основаны и одарены повидимому датскими королями, ибо послѣдніе претендуютъ на право патронатства въ нихъ и дѣйствуютъ сообразно этому [5]). Епископъ и частныя лица также могли быть патронами [6]). Послѣдніе пріобрѣтали это право чрезъ основаніе и содержаніе церквей. Священники (rectores ecclesiarum) датскихъ церквей имѣли привиллегію, т. н. годъ милости (annus gratiae), по которой всѣ доходы своихъ церквей въ продолженіе года, считая отъ дня смерти каждаго, могли быть употреблены со всѣмъ движимымъ имуществомъ на покрытіе погребальныхъ издержекъ и уплату долговъ, равно какъ и на завѣщаніе и милостыню [7]). Изъ церквей въ городахъ мы можемъ указать на слѣдующія. Въ Везенбергѣ вѣроятно уже въ 1253 году была церковь или капелла, ибо тогда здѣсь упоминается о священникѣ [8]). Въ 1385 году уже прямо упоминается о приходской церкви въ Везенбергѣ [9]). Церковь въ мѣстечкѣ Вейссенштейнѣ (Wettesten) мы находили впервые въ 1312 году [10]). Въ Нарвѣ въ

[1]) Hupel, Topogr. Nachr. III, 500.
[2]) Paucker, Der Güterbes. p. 28.
[3]) U. B. n. 258,a. 475,a. [4]) ibid. n. 473.
[5]) ibid. n. n. 847. 849. [6]) ibid. n. 474.
[7]) ibid. n. 844. (24 февр. 1346 г.).
[8]) U. B. n. 258,a. [9]) ibid. n. 1591.
[10]) ibid. n. 638.

1345 г. упоминается приходская церковь со священникомъ, которому Вальдемаръ III далъ привиллегію, по которой королевскій фохтъ долженъ былъ содержать его съ капелланомъ на королевскій счетъ при своемъ столѣ, снабжать ихъ ежегодно туникой изъ красиваго сукна и черезъ два года тогой и другими необходимыми принадлежностями. Повидимому приходъ Нарвскій включалъ въ себѣ и новообращенныхъ въ окрестностяхъ Нарвы туземцевъ, потому что король далѣе приказалъ держать въ замкѣ двухъ лошадей для священника „чтобы души новообращенныхъ не были пренебрегаемы въ исповѣди и въ отправленіи церковныхъ таинствъ“ [1]). Между 1417—1423 г. въ Нарвѣ упоминается о капеллѣ св. Антонія съ собственнымъ капелланомъ, который получалъ между прочимъ отъ ревельской думы три марки церковной ренты (kerken rente) [2]).

Въ Ревелѣ были слѣдующія мѣста богослуженія. Самою древнею изъ всѣхъ церквей въ Ревелѣ вѣроятно нужно признать соборъ, посвященный Пр. Дѣвѣ Маріи, хотя о ней первый разъ упоминается въ 1319 году [3]). Она была построена однимъ изъ датскихъ королей [4]). Ганзенъ [5]) полагаетъ, что эту церковь основалъ учредитель Эстляндской епископіи Вальдемаръ II, когда въ 1240 году призналъ эту „matrix ecclesiae“ соборною церковію епископіи, долженствовавшей подчиняться Лундскому архіепископу [6]). О церкви въ честь св. Николая, патрона моряковъ, упоминается впервые только въ 1315 году, но она безъ сомнѣнія существовала ранѣе [7]). Церковь, посвященная св. Олаю и отличающаяся своею высотою (84 саж.) встрѣчается въ актахъ впервые въ 1267 году, когда королева Маргарита и ея сынъ Эрикъ Глиппингъ по парохіальному праву подарили ее мѣстному монастырю св. Михаила [8]). Изъ послѣдняго обстоятельства съ нѣкоторою степенью вѣроятности можно заключить, что она была построена кѣмъ либо изъ датскихъ королей.

---

[1]) ibid. n. 829.

[2]) ibid. n. n. 2129. 2365. 2366. 2711.

[3]) ibid. n. 666.

[4]) ibid. n. 849 (25 мая 1346 г.) Вальдемаръ III говоритъ, что она основана primitus a nostris progenitoribus.

[5]) Die Kirchen und Kloster Revals. Reval 1863, p. 32.

[6]) U. B. n. 166. Вальдемаръ говоритъ: Quodsi forte processu temporum matrix ecclesiae capitulum sive conventum habuerit etc.

[7]) ibid. n. 935, 19 и 1263. [8]) ibid. n. 404.

Ганзенъ [1]) думаетъ, что эта церковь не была пощажена пожаромъ 1288 года, и что настоящая церковь была возобновлена въ 1300 году. Далѣе, судя по незначительной величинѣ и простому стилю можно бы считать церковь Св. Духа самою древнею церковію города, когда послѣдній имѣлъ еще мало жителей. Она впервые упоминается въ 1316 году [2]). Позднѣе она называлась капеллою ратуши (Rathskapelle) и въ ней могли происходить открытыя собранія родовъ и цеховъ. Здѣсь, говоритъ Ганзенъ [3]), изстари торжественно отправляется богослуженіе для членовъ ратуши, которыми дума (Rath) ежегодно во вторникъ послѣ праздника Крещенія начинаетъ свою судебную дѣятельность и заключаетъ въ Ѳоминъ день. Въ поименованные дни городская дума, къ которой присоединяются и гильдія и черноголовые, по меньшей мѣрѣ въ лицѣ ихъ представителей, въ процессіи отправляется въ эту церковь. Вослѣдствіи она была передана городскимъ прихожанамъ изъ эстовъ. Упоминаются еще церкви св. Іоанна (1370 г.) и св. Екатерины [4]). Кромѣ того намъ извѣстны въ Ревелѣ два молитвенные дома при монастыряхъ, двѣ капеллы, посвященныя св. Варварѣ и св. Лаврентію (1343 г.)—первая на кладбищѣ церкви св. Николая [5]). Затѣмъ въ 1237 году внѣ городскихъ стѣнъ мы находимъ домъ умалишенныхъ (domus leprosorum), къ которому присоединялась капелла Іоанна Крестителя и который имѣлъ вблизи города поземельную собственность [6]). Наконецъ по рѣшенію городской думы и съ согласія еп. Генриха въ 1438 г. и папы Николая въ 1454 году на пристани была сооружена капелла св. Гертруды, для которой назначался и священникъ [7]).

Перейдемъ теперь къ монастырямъ. Самымъ древнимъ монастыремъ въ Лифляндіи нужно считать цистерціанскій монастырь въ Динаминдѣ. Основаніе его по всей вѣроятности относится не къ 1202 году, когда Генрихъ упоминаетъ о его постройкѣ въ связи съ основаніемъ соборной церкви въ Ригѣ [8]),

[1]) L. c. p. 5—6.
[2]) U. B. n. n. 789. 935, 22. [3]) L. c. p. 37.
[4]) U. B. n. n. 1076. 1263.
[5]) ibid. n. n. 808. 931, 7.
[6]) ibid. n. n. 148. 400. 1095. 935, 22. 933. 928. 935. 999.
[7]) Hansen, l. c. p. 42.
[8]) Heinr. VI, 4–5.

а къ 1205 году, когда повидимому упоминается о его закладкѣ, но на самомъ дѣлѣ по всей вѣроятности въ это время произошло его основаніе, ибо съ этого времени Теодорихъ называется аббатомъ, между тѣмъ какъ до 1205 года онъ просто именуется братомъ [1]). Монастырь этотъ владѣлъ всею страною при устьѣ Двины и о. Рамесгольмомъ. На послѣднемъ монахи уже въ 1226 году построили мельницу и получили въ тоже время право построить ихъ столько, сколько имъ угодно. Здѣсь же они провели каналъ, который, проходя подлѣ ручейка, на которомъ находилась мельница, спускалъ въ Двину лишнюю воду изъ Роденпойсскаго озера. Монахи имѣли полное право распоряжаться какъ угодно своими владѣніями и только когда законъ гостепріимства требовалъ жертвовать частію своей собственности, они должны были соблюдать его. Поэтому корабли, приставшіе къ берегу и нуждавшіеся въ починкѣ, могли быть безпрепятственно починены матеріаломъ изъ монастырскаго лѣса. Равнымъ образомъ и пилигримы, прибитые къ берегу неблагопріятными вѣтрами, могли свободно кормить своихъ лошадей на монастырскомъ выгонѣ [2]). Въ виду такихъ услугъ, оказанныхъ монастыремъ купцамъ и крестоносцамъ, онъ получилъ въ сѣверной Германіи и Эстляндіи значительныя поземельныя владѣнія [3]). Аббатъ и конвентъ Динаминдскій играли великую роль въ дѣлахъ Лифляндіи [4]). Безъ нихъ едва ли принималось что-либо важное. Аббатъ и пріоръ многократно бывали посредниками между борющимися нѣмецкими партіями. Когда между епископами, меченосцами или городомъ Ригой нужно было уладить споры, или защитить права новообращенныхъ ливовъ и леттовъ, то это дѣло обыкновенно возлагалось на аббата и пріора Динаминдскаго монастыря. Туземцы-язычники хорошо понимали значеніе этого монастыря. Они знали, что здѣсь за его крѣпкими стѣнами нерѣдко находили убѣжище пилигримы и миссіонеры, что отсюда вызывались изъ Германіи новыя толпы крестоносцевъ. Послѣ многократныхъ попытокъ снести этотъ монастырь,—попытокъ, ко-

[1]) ibid. IX, 7: Post introitum Dune claustrum Cysterciensium locaverunt in Dunemunde, quibus episcopus abbatem profecit fratrem Theodoricum.

[2]) Franz Winter, Die Cistercienser d. nordöstl. Deutschlands. Gotha 1868 t. I p. 306.

[3]) U. B. n. 80.

[4]) ibidem. n. n. 161. 399,a.

торыя были отражаемы при помощи пилигримовъ или рыцарей, куроны и земигалы въ 1228 году напали на него 20 августа. Монастырь былъ взять и опустошенъ. Монахи и міряне были выведены изъ крѣпости и почти всѣ перебиты [1]). Такъ какъ онъ лежалъ на епископской территоріи и служилъ для него важнымъ пунктомъ при сношеніяхъ съ Германіей, то когда между епископомъ и орденомъ возгорѣлась борьба, послѣдній употребилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы если не овладѣть монастыремъ, такъ по крайней мѣрѣ заставитъ его перенести его на другое мѣсто. Нѣмецкій рыцарскій орденъ уже въ 1303 году велъ переворы съ цистерціанскимъ орденомъ относительно продажи Динаминдскаго монастыря. Послѣ окончательнаго формальнаго соглашенія генеральнаго капитула и аббата Моримундскаго морастыря, какъ матери всѣхъ нѣмецкихъ и другихъ восточныхъ цистерціанскихъ монастырей, продажа Динаминдскаго монастыря совершилась 21 мая 1305 г. [2]). Архіепископъ рижскій Фридрихъ въ своей аппеляціи къ папѣ 14 сент. 1305 года горько жаловался на эту продажу [3]). Несмотря на то архіаббатъ Генрихъ и генеральный капитулъ цистерціанскаго ордена въ 1313 году утвердили передачу монастыря ордену, какъ она была условлена съ аббатомъ въ Штольне при Пээнѣ въ Помераніи, котораго филіаломъ служилъ Динаминдскій монастырь [4]). Отъ Динаминдскаго монастыря получилъ свое начало Падисскій монастырь въ Эстоніи. Въ 1317 году датскій король Эрикъ Менведъ позволилъ конвенту и аббату въ Штольне выстроить въ Эстляндіи изъ камня Падисскій монастырь, стѣны котораго должны быть четыре локтя въ вышину и не менѣе въ ширину. Въ то же время онъ подарилъ монастырю имѣніе Атенбеке (Attenböcke) [5]). Послѣдніе монахи переселились изъ Динаминда въ Падисъ только въ 1321 году, и тогда же вѣроятно былъ введенъ и конвентъ, потому что въ одномъ актѣ 1314 года [6]) упоминается только о конвентѣ пріора, а не о конвентѣ аббата и самомъ аббатѣ. Притомъ папа утвердилъ продажу Динаминдскаго монастыря только 25 іюня 1319 года [7]) и въ слѣдующемъ году магистръ

[1]) Annal. Dunam. въ Mon. Germ. Hist. XIX, 709; Annal. Stad. ibid. XVI, 360; ср. Вартбергъ p. 32.

[2]) U. B. II. n. 614. Ш n. 614,a. [3]) ibid. n. 616.

[4]) U. B. n. 624. [5]) ibid. Reg. n. 761.

[6]) ibid. n 652 [7]) ibid. n. 670.

ордена Гергардъ подарилъ Падисскому монастырю двѣ деревни и продалъ другія двѣ [1]). Все это повидимому даетъ понять, что до этого времени не было конвента. Монастырь этотъ скоро расширилъ свои поземельныя владѣнія и права, выпросивъ у шведскаго короля право патронатства въ Виргоской церкви въ Финляндіи и посредствомъ покупки пріобрѣвъ здѣсь недвижимую собственность въ двухъ приходахъ [2]).

Другой цистерціанскій монастырь, назыв. Гутьянь или Римъ, находился на островѣ Готландѣ. Онъ имѣлъ обширныя владѣнія въ Эстляндіи, которыя датскіе короли неоднократно подтверждали за нимъ, но только на ленныхъ правахъ, такъ что въ случаѣ войны монастырь обязанъ былъ выставить въ поле своихъ крестьянъ; въ замѣнъ этого онъ былъ свободенъ отъ податей [3]).

Первымъ по древности монастыремъ въ Ригѣ нужно признать августинскій и премонстратенскій монастырь пр. Дѣвы Маріи. Первое извѣстіе объ этомъ монастырѣ мы находимъ у Генриха, по которому Альбертъ въ 1201 году перевелъ братьевъ монастыря (? conventus) пр. Дѣвы Маріи и епископскую каѳедру въ Ригу [4]). Тогда онъ не былъ еще монастыремъ въ собственномъ смыслѣ, но представлялъ духовную корпорацію, состоявшую изъ регулярныхъ канониковъ. Избравъ своимъ пробстомъ Энгельберта они еще въ 1209 г. жили въ границахъ перваго города при первоустроенной церкви. Послѣ того какъ городъ былъ истребленъ пожаромъ 1215 года, они начали строить себѣ вторую церковь внѣ городскихъ границъ и поселились при ней. Но уже въ 1223 году Альбертъ далъ имъ правила премонстратенскаго ордена и отвелъ мѣсто для постройки монастыря [5]). Въ 1256 году арх. Альбертъ, снисходя просьбѣ горожанъ состоявшей въ томъ, чтобы вслѣдствіе тѣсноты го-

[1]) ibid. n. 672.

[2]) Handl. af Tunl. Häfder. Utg. af Arwidson. Stockholm 1846—78. D. III n. 3 (2 апр. 1335 г.) D. II n. 21 (24 іюня 1407 г.) и D. IX n. 1 (8 мая 1408 г.).

[3]) U. B. n. 340; liberas et exemptas ab omni gravamine juri regio attinente, exceptis duobus casibus, scil. ut habitantes in dictis bonis ad consveta servitia castri Revalie obligati teneantur, et ut in expeditione, que edicta fuerit, cum ceperis profiscantur.

[4]) Heinr. VI 3—4.

[5]) U. B. n. 56: fundum ecclesiae ad claustrum faciendum et etiam agros, quos habet ecclesia in insula lapidea etc...

рода и малочисленности защитниковъ его, происходящихъ отъ того, что въ немъ основано много монастырей набожныхъ людей, ни одинъ домъ внутри городскихъ стѣнъ не былъ отчуждаемъ отъ горожанъ въ пользу монастырей, приказалъ вступающимъ въ монастыри предоставлять свои дома въ распоряженіе горожанъ, а уступать монастырю только цѣну полученную за нихъ [1]). Въ 1263 году монастырь пр. Дѣвы Маріи представляется уже существующимъ, только не было еще кладбища и относительно мѣста для него возникъ споръ между капитуломъ и горожанами; послѣдніе хотѣли присвоить себѣ намѣченное капитуломъ мѣсто, но арх. Альбертъ призналъ его за капитуломъ и постановилъ, чтобы внѣ соборной церкви не было кладбища для погребенія вѣрныхъ, но только портикъ внутри монастыря для погребенія братьевъ [2]). Одежда канониковъ первоначально состояла въ черномъ кафтанѣ и черной монашеской шапкѣ, какъ было у обыкновенныхъ членовъ августинскаго ордена. Когда въ 1223 году Альбертъ превратилъ свой капитулъ съ премонстратенскій орденъ, они стали носить бѣлое одѣяніе. Впрочемъ цвѣтъ ихъ одежды впослѣдствіи мѣнялся, ибо каноники желали возвратиться къ прежнему черному одѣянію, но часто были вынуждаемы носить бѣлое одѣяніе орденскихъ рыцарей [3]). Далѣе по древности слѣдуетъ женскій Цистерціанскій монастырь. Цистерціанцы послѣ августинцевъ были первыми монахами поселившимися въ Лифляндіи, какъ напр. аббатъ и епископъ Теодорихъ, и др. Почти одновременно съ женскими цистерціанскими монастырями, особенно въ большихъ городахъ, выступаютъ монастыри для падшихъ женщинъ, которые были посвящены Маріи Магдалинѣ. Эти монастыри стояли подъ одною пріориссою, монахини назывались кающимися, sancti monialis de ordine penitentium, также, отъ одѣянія, бѣлыми женщинами. Свои правила они получили отъ папы Григорія IX въ 1232 году. Папа предоставилъ ордену тѣ же привиллегіи, которыми пользовались и другіе цистерціанскіе монастыри и постановилъ, чтобы въ выборы пріориссы никто не вмѣшивался [4]). Одинъ изъ такихъ монастырей былъ основанъ въ Ригѣ въ 1256 году архіеп. Альбертомъ, который передалъ мо-

[1]) U. B. n. 292. [2]) ibid. n. 378.
[3]) Mittheil. B. X. p. 342.
[4]) Winter, l. c. B. II. p. 121

нахинямъ церковь св. Іакова близъ городской стѣны. Папа Александръ IV въ 1255 году утвердилъ просьбу Альберта объ основаніи этого монастыря и предписалъ монастырю держаться правилъ св. Бенедикта и постановленій цистерціанскаго ордена и подарилъ ему громадныя имѣнія въ рижскомъ и любечскомъ діоцезахъ. Кромѣ того, папа постановилъ, чтобы ни одна монахиня безъ согласія пріориссы не выходила изъ монастыря и чтобы таковой никто не осмѣлился принимать. Далѣе, епископъ или частное лицо не имѣлъ права дѣлать въ этомъ монастырѣ собраніе, ни вмѣшиваться въ правильные выборы пріориссы, ни наблюдать за выполненіемъ постановленій цистерціанскаго ордена. Мѣстный епископъ долженъ былъ даромъ освящать въ немъ церкви и совершать таинства. Запрещенія, отлученія отъ церковнаго общенія и интердикты не могли быть налагаемы на монастырь, въ противномъ случаѣ они не имѣли никакой силы. Во время всеобщаго интердикта въ монастырѣ могли свободно отправлять богослуженіе, исключая конечно тѣхъ, которые подверглись отлученію или интердикту. Наконецъ, монастырь этотъ пользовался правомъ убѣжища [1]). Вскорѣ послѣ этого аббатиссѣ и конвенту монастыря къ обширнымъ привилегіямъ были присоединены еще поземельныя владѣнія—именно, архіепископъ Альбертъ подарилъ имъ близъ Кукенойса площадь земли длиною и шириною въ одну милю, монастырь пріобрѣлъ отъ него дворъ или аллодъ Блюмендаль со всѣми хозяйственными принадлежностями, о. Динагольмъ, деревню Пебогольтъ и сверхъ того 100 гакеновъ въ Земигаліи, 50 въ Герсикѣ и столько же въ области Опемиллѣ [2]). Въ 1259 г. Альбертъ подарилъ монастырю для помѣщенія постройки при церкви св. Іакова, о. Тамагоръ, третью часть о. Штейнгольма и позволилъ монахинямъ посѣщать церковь св. Іакова до сооруженія собственной церкви [3]). Въ томъ же году папа утвердилъ за монастыремъ всѣ его привиллегіи и поземельныя владѣнія [4]).

Въ Ригѣ были еще доминиканскій и францисканскій монастыри. Монастырь первыхъ носилъ еще наименованіе монастыря братьевъ проповѣдниковъ, большихъ братьевъ, черныхъ монаховъ, св. Іоанна или просто черный. Отсюда и сами мо-

[1]) U. B. n. 283,a.
[2]) U. B. n. n. 278. 300 (въ 1256—57).
[3]) ibid. n. 336. [4]) ibid. n. 338,a

нахи иногда назывались черными братьями (Swarte broder), черными монахами (swarte monniken). У нихъ былъ пріоръ и конвентъ. Когда въ Лифляндіи впервые явились доминиканцы—трудно достовѣрно сказать. Извѣстно только, что уже въ 1243 году они прочно утвердились на Готландѣ въ Висби [1]). Можно думать, что уже въ слѣдующемъ году они появились въ Ригѣ [2]). Впервые объ ихъ существованіи здѣсь упоминается въ 1258 году [3]), и объ ихъ монастырѣ мы узнаемъ впервые только въ 1330 году, когда они покупаютъ площадь отъ города Риги, онъ находился тогда внутри города при церкви св. Іоанна, о которой впервые упоминается въ 1312 году. Монастырь этотъ существовалъ еще въ 1422 г. при церкви св. Іоанна и имѣлъ у себя библіотеку и садъ [4]).

Францисканскій монастырь назывался монастыремъ миноритовъ, меньшихъ братьевъ, сѣрыхъ монаховъ, св. Екатерины, или сѣрымъ, а монахи назывались сѣрыми братьями (grawe broder), сѣрыми монахами (grawe monniken). У нихъ былъ гардіанъ (gardianus), вицегардіанъ и конвентъ. Францисканцы появляются въ Лифляндіи повидимому около половины XIII вѣка, потому что въ 1258 году ими былъ купленъ каменный домъ отъ рижскаго соборнаго капитула [5]). Въ 1267 году они получаютъ отъ рижскаго городскаго совѣта площадь внѣ городскихъ стѣнъ для постройки келій (? cameгae) [6]), которыя однако не составляли еще монастыря, который находился внутри города. Въ 1314 году рыцарь Іоаннъ въ Ревелѣ подарилъ имъ въ Ригѣ площадь, на которой вѣроятно и былъ построенъ монастырь при церкви св. Екатерины, о которой впервые упоминается въ 1312 году. Объ ихъ монастырѣ впервые упоминается въ 1366 году. Въ 1400 году мы встрѣчаемъ францисканцевъ собирающими въ Ревелѣ пожертвованія въ пользу своего монастыря въ Ригѣ. Они имѣли въ Ревелѣ поземельное владѣніе, которое и продали въ 1407 году [7]). Одежда францисканцевъ состояла въ кафтанѣ изъ сѣрой шерстяной матеріи, характеристичны были—веревка кругомъ тѣла и узлова-

---

[1]) ibid. n. n. 174. 177. [2]) ibid. n. 200,a [3]) ibid. n. 318.
[4]) U. B. n. n. 743. 2587. 2809. 2953.
[5]) ibid. n. 318. [6]) ibid. n. 411.
[7]) ibid. n. n. 429. 570. 2745. 648. 723. 1035. 1335. 1502. 1741. Reg. 790.

тая висящая на ней плеть [1]). Такъ называемый конвентъ бегинокъ (baghinen, beginen) существовалъ въ Ригѣ уже въ XIII вѣкѣ, хотя только изрѣдка попадаются о немъ отдѣльныя замѣтки. Въ домовой книгѣ дважды приводятся отдѣльныя бегинки: одна подъ 1295 г. въ качествѣ заимодавца своего брата, другая—подъ 1309 г. какъ должница. Бунге [2]) изъ одной случайной замѣтки въ серединѣ XIV вѣка выводитъ, что бегинки занимались ухаживаніемъ за больными [3]). Въ одномъ завѣщаніи отъ 1392 г. конвенту бегинокъ обѣщана одна марка и каждой отдѣльно 6 оег. [4]). Въ 1405—14 г. по казначейской книгѣ на нужды бегинокъ въ конвентѣ выдана одна марка [5]). Бунге [6]) полагаетъ, что распоряженіе рижской городской думы, чтобы въ городѣ не было другаго женскаго конвента, кромѣ конвента при церкви ап. Петра, относится именно къ конвенту бегинокъ [7]).

Наконецъ послѣдній монастырь въ Ригѣ по времени своего возникновенія былъ монастырь сѣрыхъ сестеръ или францисканокъ. Возможно, какъ думаетъ Бунге, что онъ появился вмѣсто конвента бегинокъ, такъ какъ и ихъ монастырь находился при кладбищѣ церкви ап. Петра, и что впослѣдствіи сѣрыя сестры только по недоразумѣнію иногда называются бегинками. Сѣрыя сестры занимались образованіемъ дѣвицъ и ухаживаніемъ за больными [8]).

Въ эзеле-війкской епископіи намъ извѣстенъ женскій цистерціанскій монастырь въ Леалѣ. Онъ основанъ еп. Германомъ и представляется существующимъ уже между 1275—1285 годами [9]). Онъ имѣлъ въ Війкѣ значительные поземельныя владѣнія, полученныя отъ датскихъ королей [10]) Въ Дерптѣ доминиканскій монастырь открытъ въ 1300 году [11]), вѣроятно при церкви св. Іакова. Позднѣе становится извѣстнымъ дѣвичій монастырь и госпиталь [12]). Въ разсказѣ о путешествіи русскаго митрополита Исидора, проѣзжавшаго въ 1436 году черезъ

---

[1]) Mittheil. B. X. p. 347. [2]) Die Stadt Riga, p. 169.
[3]) U. B. n. 2863. [4]) ibid. n. 1332. [5]) ibid. n. 1954.
[6]) l. c. p. 169. Anm. 303,a. 304. [7]) U. B. n. 602.
[8]) Mittheil, B. X. p. 351—353.
[9]) U. B. n. 439,b: Herr, Hermen bischop von Ozell, ein besteder des Kloster to Leal.
[10]) ibid. u. n. 1608. Reg. 626,b. 761. 1162. 1608.
[11]) ibid. VI. n. 200,a. [12]) ibid. n. n. 2151. 2819. 2941.

Дерптъ, между прочимъ говорится: „Дерптъ имѣетъ много церквей и большіе монастыри: женскій монастырь очень великъ и красивъ, монахини никогда не выходятъ изъ него и именуются святыми дѣвами, ибо только дѣвы берутся въ монахини. Ихъ одѣяніе бѣло какъ снѣгъ, на головѣ онѣ имѣютъ черный крестъ и поперегъ бѣлый какъ снѣгъ вѣнокъ. Къ нимъ не ходитъ никто изъ мірянъ, мы же посѣтили ихъ съ митрополитомъ и съ удивленіемъ смотрѣли на ихъ образъ жизни [1]). Подъ вѣденіемъ дерптскаго епископа находился монастырь въ Фалькенау, къ сѣверу отъ Дерпта верстъ 15. Этотъ мужской цистерціанскій монастырь былъ основанъ еп. Германомъ въ 1223 году, конвентъ введенъ въ слѣдующемъ году [2]). Разсказъ Фабриція [3]), яраго католика, будто монахи жаловались папѣ на недостаточное питаніе и ссылались на то, что они съ горестію ежедневно должны ѣсть отвратительную Ias. длинную бѣлую и мягкую рыбу, черствый хлѣбъ и пить ячменное пиво, и что будто посредствомъ обмана удалось убѣдить въ этомъ папу и пріобрѣсти нѣсколько имѣній въ пользу монастыря— представляется сомнительнымъ. Но за то болѣе правдоподобно извѣстіе Руссова [4]), что Германъ въ 1245 году сложилъ съ себя должность вслѣдствіе старости и слѣпоты и свои дни дожилъ въ Фалькенаускомъ монастырѣ. Этотъ монастырь имѣлъ нѣсколько деревень въ Гервіи и зданія въ Ревелѣ. Въ 1341 году папа утвердилъ за нимъ свободу отъ повинностей и увѣщевалъ ревельскаго штадтгалтера не посягать на эту привилегію [5]).

Въ первой половинѣ XIII в. въ Ревелѣ былъ основанъ доминиканскій монастыря, посвященный въ честь св. Екатерины. Разсказъ объ основаніи его Вальдемаромъ II въ 1219 г. относится къ области басенъ, потому что тогда еще самая страна не была завоевана. Ганзенъ говоритъ, что въ 1229 году близъ канала на сѣверъ отъ маленькаго замка на Домбергѣ былъ дѣйствительно основанъ датскими монахами Доминиканскій монастырь, который

---

[1]) Новиковъ. Др. рус. виблioф. 7. 4. стр. 293.
[2]) Winter l., c. Band. I. p. 354. n. 734. B. II, p. 267.
[3]) Arndt, Th. II, p. 34.
[4]) Scr. rer. Liv. t. II, p. 15.
[5]) U. B. n. n. 265,a 450. 470. 521,a 561.a 799. 804.

вмѣстѣ съ пристройками могъ занимать почти все мѣсто нынѣшней соборной школы. Но вслѣдствіе варварства и жестокости эстовъ скоро почти всѣ монахи ушли оттуда. Въ 1246 году доминиканцы изъ Даніи снова явились въ Ревель съ цѣлію поселиться близъ замка. Впослѣдствіи они построили монастырь св. Екатерины на Менхенштрассѣ [1]). При самомъ же основаніи онъ получилъ отъ датскихъ королей въ вѣчное владѣніе луга, выгоны, пахатные земли, которыя неоднократно подтверждались за нимъ впослѣдствіи. Первоначально онъ по всей вѣроятности находился въ зависимости отъ провинціальнаго пріора доминиканскаго ордена въ Саксоніи, который въ 1397 году по требованію ревельскаго городскаго совѣта перевелъ конвентъ этого монастыря въ Саксонію и обѣщалъ прислать другихъ братьевъ, которые своимъ поведеніемъ постараются снискать къ себѣ благоволеніе горожанъ. Онъ имѣлъ еще столкновеніе относительно своихъ правъ и привиллегій съ аббатомъ Падисскаго монастыря, деканомъ Эзеле-війкской церкви и дерптскимъ епископомъ. Онъ извѣстенъ своею школьною дѣятельностію, о которой будетъ сказано далѣе [2]).

Другой былъ женскій цистерціанскій монастырь. Актъ его основанія относится къ 1093 году [3]). Не смотря на защиту подлинности этого акта нѣкоторыми, новѣйшіе ученые изслѣдователи безусловно отвергаютъ его главнымъ образомъ на томъ основаніи, что содержаніе его расходится съ достовѣрными данными объ этомъ монастырѣ въ датскихъ и лифляндскихъ источникахъ. Такъ какъ основаніе женскихъ монастырей цистерціанскаго ордена простирается только до XIII в., то, говоритъ Винтеръ, немыслимо, чтобы еще за три года до утвержденія самаго цистерціанскаго ордена могъ возникнуть монастырь этого ордена въ Эстляндіи, и притомъ женскій. Невѣрность подобныхъ извѣстій явствуетъ уже изъ того, что польскіе исторіографы относятъ основаніе этого монастыря къ 923—930 году [4]). Датскія хроники относятъ постройку его къ 1249 г. [5]). Къ этому же времени относитъ ее и Петръ Дусбургъ [6]). По всей вѣроятности этотъ монастырь основанъ

[1]) Hansen, l. c. p. 64.

[2]) U. B. n. n. Reg. 309,a, 210,b. 370. 382. 785. 794. 1494. 2662.

[3]) ibid. n. l. [4]) Winter, B I, p. 221.

[5]) Scr. rer. Dan. t. II, p. 262. 437, t. I, p. 124

[6]) Sir. rer. Prus. t. I, cap. IV, p. 35. Что касается мотивовъ основанія

королемъ Эрикомъ Плогменнингомъ около 1250 года въ честь св. Михаила [1]). Папа Александръ IV въ 1255 году подтвердилъ за монастыремъ привиллегію, по которой онъ подчинялся только аббатиссѣ собственнаго ордена и былъ независимъ отъ другихъ духовныхъ особъ [2]). Первоначально онъ находился внѣ городскихъ стѣнъ, но когда въ 1310 году городская граница расширилась, то онъ сталъ внутри города [3]). Онъ имѣлъ обширныя поземельныя владѣнія въ Эстляндіи, пріобрѣтенныя частію черезъ дареніе, частію чрезъ покупку [4]). Папа щедро надѣлилъ его привиллегіями и льготами [5]), но въ военное время онъ долженъбылъ выставлять въ поле своихъ людей [6]).

Третій и послѣдній монастырь въ Ревелѣ былъ мужскоженскій, посвященный въ честь пр. Дѣвы Маріи и державшійся правилъ св. Бригитты и бл. Августина. Онъ былъ расположенъ предъ городомъ на морскомъ берегу при Маріенталѣ (отсюда онъ называется также monasterium Vallismariae) [7]). Онъ основанъ въ началѣ XV в. великимъ магистромъ Конрадомъ Фитингофскимъ, вѣроятно по иниціативѣ изъ Ватстенскаго монастыря, основаннаго въ 1346 году [8]), и поэтому находился въ зависимости отъ послѣдняго, какъ отъ своей матери. Папа Іоаннъ XXIII утвердилъ его основаніе въ 1411 г. [9]). При самомъ началѣ основанія его возникли споры относительно

этого монастыря (т. е. явленія Богемскаго кор. Венцеслава и Христа), то они у хроникеровъ описываются различно, но съ тѣмъ общимъ сходствомъ, что у древнѣйшихъ дѣло представляется гораздо проще и естественнѣе и чѣмъ новѣе писатель, тѣмъ болѣе онъ прикрашиваетъ древній разсказъ. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что еще въ первую полов. XIV в. сага о явленіи Венцеслава Генриху была извѣстна хроникерамъ, и м. б. первымъ виновникомъ ея былъ Дусбургъ. Если сопоставить содержаніе акта n. I съ позднѣйшими извѣстіями, то его происхожденіе нужно отнести къ 14—158.

[1]) U. B. n. 383. [2]) ibid. n. 288. [3]) ibid. n. 632.

[4]) ibid. u. n. 506. 508. 514—516. 590. 623—625. 841.

[5]) ibid. n. n. 283. 484. [6]) ibid. n. n. 1976. 2510.

[7]) Впрочемъ у писателей онъ носитъ различное названіе. Въ концѣ 15 в. не всѣ писатели знали его названіе: одни просто написали, «что въ Ливоніи близъ Ревеля находится монастырь» изъ ордена Бригитты, quod... и уже другой прибавилъ: «Muriae vallis dicitur». У Ризеліуса (Monasteriologia Svio gothica, Lincöping 1740, p. 10. 89) онъ называется toMariendal, то Vallis Gratiae seu Marial.

[8]) Rhyselius, l. c. p. 84.

[9]) U. B. n. n. 2287. 2035: ср. Nettelbla, Nachr. v. Klöstern. Francof. 1766, p. 23—30.

его мѣстоположенія между ревельскимъ городскимъ совѣтомъ и монастыремъ; совѣтъ города просилъ въ 1413 г. великаго магистра ордена Конрада перевести его во внутрь страны, мотивируя свою просьбу опасностью, которую можетъ навлечь на городъ монастырь при нападеніи непріятелей, ибо послѣдніе могли въ немъ найти хорошій пунктъ для своей защиты. Монахи и монахини съ своей стороны просили оставить монастырь на прежнемъ мѣстѣ и ихъ просьба была уважена. Въ братство монастыря принимались и супруги вмѣстѣ съ дѣтьми. Монахи и монахини обязаны были проводить время въ молитвѣ, постѣ, бодрствованіи, милостынѣ, ученіи, проповѣди и т. п. Въ 1411 году папа подтвердилъ за монастыремъ его владѣнія и далъ ему всѣ права и привиллегіи, которыми пользовался монастырь пр. Дѣвы Маріи и св. Бригитты въ Ватстенѣ (Watzsteno) Линконійскаго діоцеза, принадлежавшій къ ордену бл. Августина. Въ то же время онъ позволилъ ревельскому епископу избрать изъ Ватстенскаго монастыря двухъ годныхъ лицъ и вмѣстѣ съ ними совершать здѣсь визитацію [1]).

Обратимся теперь къ школамъ, устроеннымъ въ странѣ послѣ ея завоеванія.

Папскій легатъ Вильгельмъ уже въ 1226 г. [2]) далъ орденской церкви св. Георгія въ Ригѣ право держать у себя школу и школьниковъ какъ изъ братьевъ, такъ и изъ другаго класса людей. Далѣе намъ ничего неизвѣстно объ этой школѣ; мы не можемъ даже сказать, осуществилась ли на самомъ дѣлѣ мысль высказанная Вильгельмомъ—что весьма сомнительно. О существованіи школъ въ Ригѣ мы съ достовѣрностію знаемъ только во второй половинѣ XIV вѣка. Въ 1253 году собраны были пожертвованія въ количествѣ 26 марокъ на постройку школы при церкви св. Петра [3]). Еще задолго до этого времени вѣроятно существовала школа при соборной церкви (in ambitu majoris), ибо въ 1391 году возникъ споръ относительно правъ на распоряженіе школою и школьными порядками между настоятелемъ (praepositus), деканомъ и капитуломъ соборной церкви

[1]) U. B. n. n. 1945—47. 2015. 2100. 2210. 2485. 2987; ср. Hansen, l. c. p. 96—106.

[2]) ibid. n. 82: Scolam vero et scolaris tam de fratribus quam de alienis homines tribi (?) et in ecclesia et in domibus suis sicut voluerint.

[3]) U. B. № 946.

съ одной стороны, и магистратомъ города Риги съ другой. Первые утверждали, что уже съ незапамятныхъ временъ настоятели соборной церкви пользовались исключительнымъ правомъ содержать одну школу при соборной церкви, а другую близъ кладбища приходской церкви св. Петра, какъ для молодыхъ юношей, такъ и для всякихъ учащихся, наставляемыхъ настоятелемъ грамматикѣ, логикѣ, музыкѣ и другимъ первоначальнымъ и свободнымъ искусствамъ и наукамъ (pro tam juvenibus et adultis, quam quibuscunque aliis scholaribus instruendis in grammatica, logica, musica et aliis primitivis ac liberalibus artibus et scientiis). Но власти города Риги признали за собою право назначенія ректора въ школу при кладбищѣ церкви св. Петра и распоряженіе школьными порядками; соотвѣтственно этому они назначили туда своего ректора и постановили, чтобы всѣ желающіе получить въ Ригѣ свѣденія въ искусствахъ и наукахъ не посѣщали школы при соборной церкви подъ страхомъ наказанія, а только школу при кладбищѣ церкви св. Петра. Вслѣдствіе этого споръ о правахъ перешелъ и на школьную дисциплину т. е. inhibitiones, mandata, edicta, praecepta, poenarum impositiones comminationes et spoliationes. Папа Бонифацій IX рѣшилъ спорное дѣло въ пользу духовной власти [1]).

По всей вѣроятности и на Эзелѣ при приходской церкви Пойде существовала школа для обученія орденскихъ юношей, но къ какому времени отнести её—нельзя съ точностію опредѣлить [2]). Въ первой половинѣ XIV вѣка мы находимъ школу и въ Гапсалѣ; но по части управленія его дѣла шли плохо: здѣсь учитель совершенно пренебрегалъ школою, имѣлъ дочь и жену, велъ себя дурно и все занятіе свое, по мнѣнію лучшихъ гражданъ, окончилъ позорно [3]). Въ Ревелѣ при соборной церкви можетъ быть уже со времени соборнаго капитула существовала школа, находившаяся подъ вѣденіемъ соборнаго каноника, т. н. схоластика. На ряду съ нею повидимому уже

[1]) U. B. n. 1301.

[2]) ibid. n. 2736 (13 мая 1254 г.). На полѣ этого акта сдѣлана замѣтка: Quae ecclesia (т. е. Poide) hodie adhuc miliare a castro Soneborch distans in insula Osilia parochia principalis in eo loco est ordinis Teutonici et non multo ante annos schola ubi juvenes ordinis instituebantur, ut ex ruinis patet, interiit.

[3]) ibid. n. 3078 (1384 г.).

довольно рано существовали другія свѣтскія школы, которыя подорвали соборную школу. Вѣроятно по поводу жалобы на эти школы епископа или каноника король Эрикъ Менведъ издалъ въ 1319 г. постановленіе, по которому никакой гражданинъ ревельскій, какого бы состоянія онъ ни былъ, не посылалъ своихъ дѣтей, внуковъ, пасынковъ или пансіонеровъ въ другія школы, кромѣ школы при соборной церкви, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 марокъ серебра. Въ тоже время король беретъ подъ свою защиту дѣтей и ихъ родителей и родственниковъ отъ могущихъ возникнуть противъ ихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны другихъ изъ за послѣдованія сдѣланному распоряженію [1]). Постановленіе это по всей вѣроятности не имѣло никакихъ послѣдствій, ибо мы встрѣчаемъ въ послѣдующее время въ Ревелѣ другія школы для свѣтскихъ лицъ и прежнія жалобы на нихъ со стороны завѣдывателей соборной школой. Въ 1365 году мы слышимъ опять столкновенія по поводу школъ между епископомъ и соборнымъ капитуломъ съ одной стороны, и братьями проповѣдниками съ другой. Послѣдніе держали школу для свѣтскихъ лицъ и управляли ею черезъ нихъ. По рѣшенію школа эта со всѣми привиллегіями и правами, которыя имѣли по отношенію къ ней братья проповѣдники, должна была перейти къ каѳедральной церкви [2]). Въ началѣ XV вѣка въ Ревелѣ обучалъ юношей письму и нѣмецкому чтенію и рѣчи никто Виченновъ, но капитулъ соборной церкви вѣроятно прогналъ его, отнявъ предварительно всѣ учебныя пособія. Поэтому онъ въ 1413 г. обратился изъ Любека къ папѣ съ просьбою разрѣшить ему открытіе школы въ Ревелѣ и принудить ревельскій капитулъ вознаградить понесенные имъ убытки [3]). Можетъ быть онъ самъ былъ русскій торговый человѣкъ и обучалъ нѣмецкому чтенію и рѣчи именно дѣтей русскихъ торговыхъ людей въ Ревелѣ, что конечно могло нанести ущербъ нѣкоторый торговлѣ нѣмцевъ—что хорошо сознавалъ ревельскій городской совѣтъ, не давши ему позволенія открыть школу. Споръ о правѣ другихъ кромѣ соборнаго капитула содержать школу продолжался еще въ первой половинѣ XV вѣка. Въ 1421 году

---

[1]) U. B. n. 666 (3 янв. 1319 г.).
[2]) Ibid. n. 1015. [3]) ibid. n. 1951.

ревельскій соборный капитулъ проситъ папу Мартина V утвердить своимъ апостольскимъ авторитетомъ постановленіе короля Эрика Менведа отъ 1319 г. Папа, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ, поручилъ рижскому архіепископу изслѣдовать его [1]). Въ 1423 г. схоластикъ ревельскаго соборнаго капитула жаловался на пріора и конвентъ монастыря братьевъ проповѣдниковъ, которые держали у себя особую школу для благородныхъ дѣтей [2]). Послѣ изслѣдованія дѣла аббатомъ Падисскаго монастыря (въ 1423 г.) оказалось, что существованіе на ряду съ соборною школою другихъ школъ объясняется крайне неудобнымъ положеніемъ соборной школы. Она находилась на значительномъ разстояніи отъ города и соединялась съ нимъ дурной и грязной дорогою, такъ что ученики иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не могли посѣщать ее; гора, на которой она находилась, была столь высока и крута, что взобраться на нее можно было только съ величайшею опасностью и трудностями. По разслѣдованіи дѣла оказалось далѣе, что часть учениковъ стала хромать, часть отъ паденія умерла на мѣстѣ, часть умерла дома, нѣкоторые утонули въ прудѣ, другіе умерли отъ сильнаго мороза [3]). Если мы примемъ еще въ соображеніе, что къ образованію стремились юноши, которые довольствовались по своей бѣдности пожертвованіями другихъ лицъ и исправляли иногда обязанности звонаря [4]), то намъ станетъ понятнымъ то упорство, съ какимъ частныя школы защищали свои права.

Если мы и не знаемъ о существованіи школъ въ другихъ городахъ, гдѣ были каѳедральныя церкви, то все же мы имѣемъ нѣкоторыя данныя заключать объ ихъ существованіи, такъ какъ по общему правилу при каждой каѳедральной церкви должны быть школы [5]). Мы дѣйствительно находимъ въ числѣ канониковъ конвента т. н. схоластика, на обязанности котораго лежало писать церковныя бумаги, преподавать учащимся и снабжать ихъ школьными пособіями. Схоластикъ на ряду съ другими канониками получалъ нѣсколько гакеновъ земли при

[1]) U. B. n. 2552. [2]) ibid. 2663. 2597.
[3]) ibid. n. 2664. [4]) ibid. n. 1388. 489.
[5]) ibid. n. 666: cum de juri communi apud quambibet matricem ecclesiam scholae scholarium esse debent.

Эзельской церкви и пользовался доходами съ нихъ [1]). Схоластики существовали и при другихъ каѳедральныхъ церквахъ рижской, дерптской и ревельской [2]).

Изъ сдѣланнаго обзора школъ мы должны вывести то заключеніе, что школьное дѣло стояло весьма низко, будучи задерживаемо частію спорами изъ за правъ на обученіе, происходившими между соборнымъ капитуломъ и епископомъ съ одной стороны, монастырями и горожанами—съ другой, частію нерадѣніемъ руководителей школъ. Поэтому юноши, жаждавшіе болѣе обширныхъ и глубокихъ свѣденій, должны были искать пищи для своего ума въ университетахъ западной Европы [3]).

Самую важную причину упадка школьнаго дѣла при каѳедральныхъ церквахъ составляетъ отсутствіе не только правильно организованныхъ библіотекъ, но даже книгъ. Папа Иннокентій IV издалъ въ 1246 году буллу ко всѣмъ духовнымъ лицамъ, преимущественно аббатамъ монастырей и пріорамъ церквей, въ которой увѣщевалъ ихъ въ виду недостатка книгъ содержать писцовъ на свой счетъ и удѣлять изъ своего излишества новообращеннымъ [4]). На существованіе библіотекъ мы не можемъ—собственно говоря указать; есть только одно упоминаніе о существованіи въ Ригѣ библіотеки, принадлежавшей, вѣроятно, рижскому архіепископу и соборному конвенту и находившейся внѣ церкви; во время смутъ рыцари похитили книги и перенесли оттуда въ свой замокъ [5]). Но по большей части мы не имѣемъ извѣстія о книгахъ частныхъ лицъ. Такъ въ 1248 году епископъ рижскій Николай подарилъ своему капитулу свои учебныя книги, принесенныя имъ изъ школы, стоимостью болѣе 60 марокъ серебра [6]). Въ 1286 г. магистръ ордена подарилъ монастырю въ Ригѣ нѣкоторыя книги [7]). Въ 1332 г. упоминается о книгахъ архіепископа рижскаго Фридриха, которыя онъ имѣлъ, когда былъ профессоромъ ордена младшихъ братьевъ и которыя онъ подарилъ этому ордену; затѣмъ онъ пріобрѣлъ еще много книгъ, часть которыхъ онъ послѣ смерти

[1]) U. B. n. 2731.
[2]) ibid. n. 2809. 585. 2032. 2663.
[3]) ibid. n. 1148. 1149. 2608.
[4]) ibid. n. 189a.
[5]) ibid. n. 1334 12 окт 1392 г.)
[6]) ibid. n. 198. [7]) ibid. n. 575,a

предоставилъ въ распоряженіе этого ордена, а другую часть своей соборной церкви [1]). Далѣе упоминается еще о книгахъ Эзельскаго епископа, расхищенныхъ канониками послѣ его смерти, библіи, будто бы написанной самимъ св. Іеронимомъ, подаренной князю ливовъ Каупо и хранившейся, если вѣрить словамъ архіепископа рижскаго Іоанна, въ соборной церкви въ Ригѣ и др. [2]).

Если столь запущено было школьное дѣло при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ, имѣвшихъ болѣе удобствъ и средствъ благодаря своему выгодному положенію, то мы можемъ себѣ представить, въ какомъ состояніи оно находилось при приходскихъ церквахъ, если только школы существовали гдѣ либо при нихъ—что весьма сомнительно, потому что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ извѣстій объ ихъ существованіи, а тѣмъ болѣе о такомъ или иномъ выполненіи сельскимъ духовенствомъ своихъ образовательныхъ обязанностей по отношенію къ простому народу.

ГЛАВА VI.

Туземцы и церковь.

До сихъ поръ мы разсматривали лифляндскую исторію съ объективной стороны, слѣдя за ходомъ завоеванія, раскрывая борьбу разнообразныхъ интересовъ лифляндскихъ господъ и указывая формы, которыя приняла ихъ жизнь. Въ заключеніе намъ остается разсмотрѣть субъективную, или телеологическую ея сторону указать тѣ цѣли, къ которымъ она стремилась, и результаты, которыхъ достигла. Здѣсь предметомъ нашего изслѣдованія должны быть туземцы, ради и для которыхъ разыгралась драма лифляндской исторіи, завершившаяся завоеваніемъ Лифляндіи и покореніемъ ея жителей. Выражаясь словами ученаго Гильдебранда, до сихъ поръ предъ нашими глазами предносилось „великое, часто жестокое разрушеніе и одно за другимъ рушились несовершенныя образованія, но что же представляло болѣе совершенныя организаціи, подымавшіяся на развалинахъ, какіе плоды для цивилизаціи и гуманности выро-

[1]) ibid. n. 27—28.

[2]) ibid. n. 1127. 789. 1319. Heinr. VII, 6.

сли потомъ на этой пропитанной кровію почвѣ, это по большей части узкользало отъ нашего кругозора. Если для насъ мало уяснялся христіанско-нѣмецкій государственный строй самъ по себѣ съ дѣйствующими въ немъ силами, будетъ ли это въ ихъ борьбѣ, или въ единодушномъ согласіи, то въ меньшей степени мы должны были ожидать этого въ отношеніи того значенія, которое имѣютъ эти событія въ нѣмецкомъ народѣ для тогдашняго времени въ связи съ стремленіями церкви и на какое они могутъ претендовать для будущаго [1])". Другой нѣмецкій ученый Бинеманъ не останавливается на такомъ отсутствіи, или, по крайней мѣрѣ, невыясненности въ лифляндской исторіи высокихъ общечеловѣческихъ задачъ, поставленныхъ и достигнутыхъ ею; онъ идетъ далѣе Гильдебранда, рисуя назначеніе лифляндской исторіи, или вѣрнѣе, нѣмецкой колоніи въ Лифляндіи такъ: „Нѣмецкая колонія, говоритъ онъ, сохранила себя даже послѣ трехвѣковаго чуждаго владычества, оставаясь вѣрною государствамъ, съ которыми связана, вѣрною народу, отъ котораго произошла. Нѣкоторыя стороны нѣмецкаго характера должны были выступить рѣзче у колонистовъ,— другія—сгладиться, но ни одна основная черта не потерялась у насъ. Охраненіе бассейна Остзейскаго моря для нѣмецкихъ интересовъ было національною задачею, привлеченіе далекаго востока въ область европейской культуры было всемірно-исторической задачей этого побережья и его обитателей. По этому его исторія образуетъ часть исторіи нѣмецкаго народа и простирается однако далѣе провинціальной исторіи". Въ нашу тему не входитъ разсмотрѣніе осуществленія задачъ всей лифляндской исторіи; мы должны разсмотрѣть только задачу одного эпизода изъ нея, т. е., выражаясь по Бинеману, привлеченія далекаго востока въ область Европейской культуры. Послѣднюю задачу и осуществленіе ея Бинеманъ наглядно разъясняетъ такъ: „событія первоначальной лифляндской исторіи, изображаютъ глубоко заложенное основаніе, на которомъ было сооружено зданіе нѣмецкой государственности. Въ болотистую почву туземцевъ, которые, будучи неспособны къ самостоятельному развитію, не могли жить и не умѣли умирать, были вогнаны мощныя балки нѣмецкаго народничества, разрушительныя почвенныя воды были спущены, поверхность почвы укрѣпилась, ближе

[1]) Balt. Monatsschr. B. XIX. p. 575.

примкнула къ стволамъ и послѣдніе стали прямѣе и плодоснѣе„ [1]). Повидимому, приведенные нѣмецкіе историки отказываются приписать лифляндской исторіи миссіонерскую задачу, по крайней мѣрѣ, видно, что Гильдебрандъ не находитъ возможнымъ раскрыть ее на основаніи современныхъ данныхъ лифляндской исторіи, а Бинеманъ совсѣмъ игнорируетъ ее, ставя на ея мѣсто задачу чисто экономическаго характера. Мы съ своей стороны совсѣмъ отказываемся отъ вывода изъ событій лифляндской исторіи, касающихся судьбы новообращенныхъ, или вѣрнѣе, новопокоренныхъ язычниковъ, какихъ либо задачъ, и, группируя относящіяся къ нимъ явленія, предоставляемъ самому читателю выводить изъ нихъ тѣ или другія задачи и довольствуемся только указаніемъ результатовъ, къ которымъ они повели.

При изложеніи внѣшней исторіи покоренія страны мы уже видѣли изъ-за чего собственно боролись туземцы и нѣмцы и какіе временные результаты получались отъ пораженія или побѣды; мы знаемъ также, насколько сообщаетъ Генрихъ, о тѣхъ проявленіяхъ въ новомъ законномъ порядкѣ жизни, которыя служатъ наглядным выраженіемъ достигнутыхъ жизненныхъ цѣлей. Уже заранѣе можно было предвидѣть, къ чему поведетъ упорная борьба разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ народовъ, отстоящихъ другъ отъ друга не только на значительномъ разстояніи, но и имѣющихъ свою особую культуру,—народовъ, изъ которыхъ одна часть—побѣдителей гордилась высотою своей религіи и была фанатизирована величіемъ и полезностью задачи распространенія этой религіи, насильно или—добровольно, все равно, между невѣжественными туземцами - язычниками,—а другая часть, будучи изгнана изъ отечества за разныя преступленія, или не имѣя возможности жить въ немъ по другимъ обстоятельствамъ, и поэтому едва-ли питавшая въ себѣ высшія болѣе или менѣе благородныя цѣли при завоеваніи себѣ новаго мѣстожительства, смотрѣла на туземцевъ и ихъ страну какъ на удобное средство для удовлетворенія всѣхъ своихъ прихотей, не опасаясь вновь подвергнуться остракизму или навлечь на себя другую какую либо кару за нарушеніе законовъ правильнаго человѣческаго общежитія.

Посягательства на личную свободу туземцевъ начались съ

[1]) Aus balt. Vorzeit. Leipzig. 1870, p. 6 и 33.

самыхъ первыхъ моментовъ покоренія страны, а по покоренiи ея эта свобода въ скоромъ же времени отрицалась уже самимъ закономъ. Уже папскій легатъ Вильгельмъ въ 1225 г. называлъ рыцарей „господами“ (domini), а туземцевъ „подчиненными“ (subditi) [1]); онъ признаетъ это положеніе вполнѣ законнымъ и только требуетъ отъ первыхъ нѣкотораго снисхожденія къ послѣднимъ; замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что онъ повсюду обращался къ рыцарямъ съ подобною просьбою, а это даетъ намъ право думать о всеобщности и настойчивости поползновеній и посягательствъ на личныя права туземцевъ, предписанныя самими же побѣдителями. Изъ Генриха Латышскаго мы знаемъ, что когда дѣло шло о правахъ туземцевъ и нѣмцевъ, то послѣдніе не стѣснялись ничуть на счетъ разширенія своихъ правъ, готовы были защищать свои посягновенія на права туземцевъ силою оружія, и поддавались только тогда, когда перевѣсъ оказывался на сторонѣ послѣднихъ. Не удивительно поэтому, что уже съ ранняго времени папы и императоры берутъ туземцевъ подъ свою защиту противъ насилій ихъ побѣдителей. Такъ, уже 5 мая 1227 года папа Григорій IX обнадеживаетъ ихъ въ личной свободѣ и беретъ ихъ личность (persona) подъ защиту св. престола, постановляя, чтобы они, оставаясь при своей свободѣ, принадлежали только Христу [2]). Впрочемъ, эта свобода была дарована имъ только до тѣхъ поръ, пока они не отступятъ отъ христіанства. Папскій легатъ Балдуинъ Альнскій, заключая 28 декабря 1230 года договоръ съ куронами, обѣщаетъ имъ вѣчную свободу только до тѣхъ поръ, пока они не отступятъ отъ христіанства [3]). Около 1232 года императоръ Фридрихъ II также принялъ лифляндскихъ туземцевъ подъ свое могущественное покровительство и обѣщалъ имъ болѣе, чѣмъ папа и другія лица. Опираясь на слухахъ, что многіе туземцы откладываютъ принять христіанство изъ опасенія лишиться своихъ вольностей и быть обращенными въ рабство [4]), онъ принимаетъ туземцевъ

---

[1]) Heinr XXIX, 3.

[2]) U. B. Nr. 37: Ut, in libertate vestra manentes, milli alii sitis, quam soli Christi.

[3]) ibid. 103: perpetuam enim eis indulsimus libertatem, quamdiu eos apostatare non contigerit.

[4]) ibid. Nr. 112: ob illius tantum (sicut dicitur) id facere differentes timo-

со всѣмъ ихъ имуществомъ подъ свое императорское покровительство и защиту, даруетъ имъ и ихъ наслѣдникамъ въ виду принятой вѣры вѣчную свободу и всѣ вольности (immunitates), которыми они пользовались до обращенія въ христіанство, освобождаетъ (eximimus) ихъ отъ рабства и юрисдикціи царей, вождей и князей, графовъ и прочихъ магнатовъ и ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ церкви и римской имперіи, какъ и всѣхъ другихъ свободныхъ людей своей имперіи [1]). Такія щедрыя обѣщанія безъ реальныхъ гарантій, безъ сомнѣнія, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Уже въ 1232 г. 8 сентября папа Григорій IX долженъ былъ запретить братьямъ ордена меченосцевъ расхищать насильственно имущество туземцевъ въ Лифляндіи, злоупотреблять въ судахъ и практиковать кровавую месть [2]). Тотъ же папа, щедрый на обѣщанія въ пользу туземцевъ и зорко слѣдивдившій за ихъ положеніемъ, въ 1237 г. съ горестію узналъ отъ своего легата Вильгельма, что братья тевтонскаго ордена и нѣкоторыя другія духовныя и свѣтскія лица стараются обратить туземцевъ въ рабство и не позволяютъ имъ свободно владѣть своимъ имуществомъ [3]). Не отвергая въ принципѣ рабства, папа только приказываетъ духовнымъ и свѣтскимъ господамъ (dominus) облегчить для новообращенныхъ бремя рабства и повидимому признаетъ за ними только свободу ходить на исповѣдь и въ церковь слушать богослуженіе [4]). Чтоже касается до обращенія съ туземцами, то кромѣ того, что мы узнали изъ Генриха, намъ извѣстно также, что въ 1222 г. до папы Гонорія III дошли отъ нихъ жалобы, что братья ордена, фогты (advocatus) и судьи подвергаютъ ихъ пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ за важное преступленіе, и послѣ обжога налагаютъ еще гражданскую пеню [5]). Папа конечно, запретилъ подобную

rem, nec post susceptionem fidei per principes orbis libertates eorum ad servitutis onera deducantur.

[1]) ibid: ut non nisi sacrosantae matris ecclesiae, ac Romano imperio, quemadmodo alii liberi homines imperii tineuntur.

[2]) Mauriqne, Ann. Cisterc. IV, 448: bona propria non sine atrocibus injuriis per violentiam auferendo, judicia queque secularia usurpantes, sanguinis vindictes exercent.

[3]) U. B. Nr. 157 (8 марта 1238 г.): eos sub servitate redigere moliuntur nec permittunt ipsos possidere liberi bona sua.

[4]) Nr. 158 (9 марта 1238 г.).

[5]) ibid. Nr. 54.

практику, что однако не мѣшало рыцарямъ и судѣямъ и впредь практиковать ее; ибо въ 1232 г. Григорій IX долженъ былъ буквально повторить запрещеніе Гонорія III [1]). Не смотря на это, испытаніе желѣзомъ не вывелось и мы встрѣчаемъ его почти во все время рабства туземцевъ [2]). Ранѣе всего наступило рабство въ Эстоніи, которое кромѣ того отличалось здѣсь особенною тяжестію. Большая часть Эстоніи тотчасъ по завоеваніи была раздѣлена между частными лицами, которыя пользовались силами своихъ подчиненныхъ для корыстныхъ видовъ и тѣмъ менѣе встрѣчали къ этому препятствія со стороны королевскихъ должностныхъ лицъ, что тѣ сами, управляя имѣніями своего далеко живущаго леннаго господина, преслѣдовали прежде всего собственныя выгоды. Уже по свидѣтельству Генриха [3]), эсты въ 1221 г. обязались платить датчанамъ двойную или тройную дань (duplicem censum vel triplicem), которую платили и прежде, кромѣ того послѣдніе потребовали отъ нихъ „много тяжелыхъ приплатъ“ (satisfactiones multos et graves). Жестокое обращеніе съ туземцами вело къ постояннымъ возстаніямъ и ненависти,—возстаяніямъ, которыя будучи подавляемы кровію и желѣзомъ, довершили рабство. Уже въ 1240 году отношеніе вассала къ поселившимся на его землѣ эстамъ разсматривалось какъ отношеніе „господина“ къ своимъ „рабамъ“, представлявшимъ собственность перваго [4]). Въ отношеніи къ своимъ господамъ эсты распредѣляются на нѣсколько группъ; такъ различаются крестьяне вассаловъ, короля, епископовъ, братьевъ рыцарства и проч. Обычнымъ выраженіемъ для обозначенія эста, живущаго на чьей либо землѣ, служатъ притяжательныя мѣстоименія, наприм. Estones sui [5]), homines sui [6]), mei Estones [7]), homines nostri [8]), homines eorum [9]). Въ первой по-

---

[1]) Maurique. Annal. Cisterc. IV, 448.

[2]) U. B. Nr. 439, b. (1275—85 гг.). 2482 (24 іюня 1420 г.). 2589 (5 апр. 1422) и др. [3]) Heinr. XXIV, 7.

[4]) U. B. № 165: sicut Estones dominis suis redditus eos afferunt... также и въ актѣ 1249 г. № 172.

[5]) ibid. № 475 (17 іюля 1281...) promiserunt... vassali nostri, quod Estones suos ab antiqua terra... non amoveant.

[6]) ibid. № 529 (1287) ad vassalos, qui homines suos miserunt...

[7]) ibid. — 735 (мая 1329 г.): Выраженіе рыцаря Гельмольда.

[8]) U. B. № 270 (іюня 1, 1254 г.). Выраженіе ревельскаго епископа.

[9]) ibid. 299 (27 марта, 1257 г.). О братьяхъ рыцарства въ Динаминдѣ и ихъ людяхъ.

ловинѣ XIV вѣка эсты называются прямо уже „собственностью господина“ (prout sui proprii Estones) [1]). Здѣсь слѣдовательно, отношенія представляются уже формально крѣпостническими; крестьяне уже прямо представляются прикрѣпленными къ помѣстью (glebae adscripti). Важнѣе же то обстоятельство, что самый законъ санкціонировалъ полное и даже жестокое право расправы господина съ своимъ крѣпостнымъ. Ленное право Вольдемара Эриха отдаетъ крестьянина вассалу „mit aller Ruth, mit Tegedenn, mit tynsen, mit allem rechte in halss unde in hande, in dorp, an velde, an holtte, an watter und also verne alse eines Mannes Marke werdett [2]). Впрочемъ, первоначально крестьяне имѣли еще свои участки земли и находили защиту въ королѣ, когда вассалы пытались ихъ прогнать со своей земли, чтобы устроить на ней алодіи [3]). Первоначально къ главной повинности ихъ относилась десятина, которую они должны были платить своимъ господамъ [4]). Десятина эта, по всей вѣроятности, не ограничивалась только полевыми плодами, но давалась изъ всего, что только можно было раздѣлить на десять частей (decimari); по крайней мѣрѣ о десятинѣ рыбы упоминается не разъ какъ въ Эстоніи, такъ и въ Финляндіи [5]). Когда власть королей перестала дѣйствовать на вассаловъ и Эстонія перешла къ ордену, то для туземцевъ быстро приближалось крѣпостничество со всѣми его послѣдствіями. Они скоро, уже въ началѣ XIV вѣка обязаны были отправлять барщину при постройкахъ и обработкѣ господскихъ аллодій. Такъ, напр., эсты, принадлежавшіе Падисскому монастырю, въ 1332 г. обязались пахать и обрабатывать монастырскія поля и косить сѣно, какъ водилось и прежде, и кромѣ того ежегодно во время жатвы должны были давать монахамъ десятину изъ всѣхъ плодовъ и сѣна (de omnibus fructibus et foeno) [6]). Поголовное возстаніе эстовъ въ 1343 г. имѣло своимъ послѣдствіемъ полное лишеніе всего крестьян-

[1]) ibid. № 846 (27 марта 1346 г.). Estones in bonis... residentes, dominum, cujus bond sunt propria prout sui proprii Estones in malvam et in expeditionem sequentur...

[2]) Die Quellen d. Ritter—Lehn und Landrechte. P a u c k e r.. Dorpat. 1845. p. 106.

[3]) ibid. № 475. [4]) ibid. № 165. 172 и др.

[5]) U. B. №№ 839. 249. 741, 803a 1033. 1036, 11,6. 1097, 2884, 11,6.

[6]) ibid. № 750 (9 мая 1332 г.).

скаго сословія не только частныхъ, но и королевскихъ, всѣхъ тѣхъ правъ, которыми они пользовались до этихъ поръ. Извѣстно, что въ 1288 г. по всей Гервіи эсты обязывались строить церкви, города, проводить дороги и т. п. [1]). Каково было положеніе крестьянъ въ Эстляндіи въ концѣ XIV вѣка, извѣщаетъ васъ Вальтазаръ Рюссовъ, пасторъ въ Ревелѣ при церкви св. Олая и въ тоже время проповѣдникъ при свято-духовской церкви во второй половинѣ XVI вѣка. Онъ говоритъ слѣдующее [2]): „каждый дворянинъ имѣлъ въ своемъ дворѣ собственный гофгерихтъ съ правомъ суда на животъ и смерть (tho Halse unde the buke), и если преступникъ бывалъ захваченъ въ дворянскомъ помѣстьѣ, то онъ подлежалъ суду не начальства (Auericheit), но того дворянина, въ маркѣ и границахъ котораго онъ былъ захваченъ. Для суда надъ нимъ этотъ дворянинъ призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ другихъ дворянъ съ нѣсколькими старшими крестьянами. Послѣ обвинительнаго акта дворяне, участвующіе въ судѣ, не произносили никакого приговора или сужденія, но сидѣли молча, ибо старшіе крестьяне должны были всегда по старому обычаю страны судить и произносить приговоръ. И чѣмъ щедрѣе лифляндское [3]) дворянство было одарено привиллегіями, тѣмъ скуднѣе (elendig) были снабжены и обезпечены судомъ и справедливостью бѣдные крестьяне въ этой странѣ. Ибо бѣдный крестьянинъ не имѣлъ другаго права, кромѣ того, что только пожелалъ его господинъ (Juncker) или фогтъ. И бѣдный крестьянинъ не смѣлъ жаловаться никакой высшей власти на какое бы то ни было насиліе и несправедливость. И если умиралъ крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека надъ дѣтьми учреждалась такая, что господинъ бралъ все себѣ, что оставалось послѣ родителей, а дѣти должны были расхаживать нагія и босыя у очага помѣщика, или, лишаясь всего отцовскаго имущества, нищенствовать по городамъ. И все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, при-

[1]) ibid. № 521,a: ad structuras ecclesiam, urbium et viarum juvabunt, quoties cumque et quandocumque necesse fuerit, secundum aliorum Hestorum in Hervio habitantium, consuetudinem generalem.

[2]) Chronika der Provintz Lifland, dorch Baltasar Russongen. Barth. 1584, p. 28.

[3]) Здѣсь онъ говоритъ объ Эстляндіи или собственно Гарріи и Вироніи, ибо непосредственно предъ этимъ идетъ рѣчь о привиллегіяхъ въ этихъ странахъ.

надлежало не ему, но господину (Herrschaft). И если крестьянину случалось не много провиниться, то онъ безъ всякаго милосердія и человѣческой любви былъ раздѣваемъ до гола своимъ господиномъ или ландфогтомъ, котораго здѣсь называли ландкнехтомъ, и стегали его, не обращая вниманія на возрастъ, длинными тонкими розгами. Только богатый крестьянинъ могъ всегда откупиться приличнымъ подаркомъ. Бывали нѣкоторые и такіе дворяне, которые вымѣнивали и обмѣнивали своихъ бѣдныхъ крестьянъ и подчиненныхъ на собакъ и гончихъ (winde)".

Положеніе крестьянъ въ Лифляндіи и Курляндіи было менѣе бѣдственно; здѣсь земли принадлежали по большей части духовенству и ордену, которые такъ или иначе должны были подчиняться высшей судебной инстанціи, какъ и отдѣльные члены которыхъ находились въ большей зависимости отъ своей ближайшей власти архіепископа и магистра ордена, чѣмъ частные королевскіе вассалы, ленный сюзеренъ которыхъ жилъ за тридевять земель и рѣдко заглядывалъ въ свои отдаленныя владѣнья.

Изъ Генриха мы уже знаемъ о различныхъ налогахъ на лифляндскихъ и курляндскихъ туземцевъ. Намъ извѣстно также о замѣнѣ неудобовыносимой десятины мѣрою, которая была введена въ 1211 году по просьбѣ туземцевъ и которую папа запретилъ мѣнять какъ епископу, такъ и ордену [1]). По всей вѣроятности первоначально десятина или мѣра вмѣсто нея давалась только съ полевыхъ плодовъ [2]). Однако, не смотря на опредѣленіе самихъ епископовъ и папы, практиковалась и десятина, какъ мы знаемъ уже изъ Генриха, которая была налагаема за возстаніе туземцевъ на ряду съ временною контрибуціею, состоявшею изъ денегъ, одежды и продуктовъ природы [3]). По мѣрѣ болѣе прочнаго утвержденія нѣмцевъ въ странѣ налоги и повинности стали даже перехватывать первоначально опредѣленную мѣру. Начнемъ съ куронъ.

По договорамъ съ легатомъ Балдуиномъ Альнскимъ въ 1230—31 г. [4]), куроны обязались принять священниковъ, обезпечить имъ безбѣдную жизнь, соблюдать христіанскіе обряды, принимать и почитать епископа, какъ своего отца и

[1]) U. B. № 18. [2]) ibid. № 84.
[3]) Heinr. XVI, 4. 5 и др. [4]) U. B. №№ 103. 104.

господина, и кромѣ того платить повинности, которыя платятъ туземцы на Готландѣ (ad ea vero jura, quæ persolvere tenentur indigenæ de Gottlandia), или по другому акту—повинности, платимыя вообще христіанами (ad eadem jura, ad quæ tenentur christiani). Но по договору, заключенному въ 1230 году [1]) съ орденомъ, епископомъ и гражданами Риги со всѣми куронами, они обязались уже платить ежегодно съ каждаго гакена (uncus) по полушиффунту (novale talentum) пшеницы и съ бороны (лат.: erpica vulgariter egede=äkke—эст.), также по полушиффунту ржи. А если кто работалъ одною лошадью на гакенѣ и одною бороною (in unco et erpica), тотъ платилъ только полъ шиффунта пшеницы. Кромѣ того, этимъ же договоромъ они обязались принять изъ Риги священниковъ и давать имъ необходимое для жизни.

По раздѣлу Куроніи въ 1253 г. [2]) между епископомъ и орденомъ, туземцы епископа (homines nostri) должны были платить епископу десятину, а туземцы братьевъ (homines fratrum) рыцарства своимъ господамъ; съ земли и луговъ братья получали двѣ части, а епископъ—третью. Озеро Довзаре (Dovzare), называвшееся священнымъ, осталось не раздѣленнымъ, а озеро Дорбенъ признано общимъ достояніемъ епископа, ордена и куронъ, которые доселѣ имѣли на него право (qui jus hactenus habuerunt). Равнымъ образомъ и ручьи, вытекавшіе изъ этихъ озеръ, были признаны за куронами, имѣвшими въ нихъ право доселѣ, не нарушая этимъ однако права господъ (salvo jure dominorum), черезъ землю которыхъ они протекаютъ.

По договору въ 1267 году [3]), заключенному съ магистромъ Отто фонъ-Лютербергомъ, куроны обязались давать съ каждаго гакена братьямъ рыцарства два лофа ржи, или взамѣнъ ея лофъ пшеницы и лофъ ячменя; съ каждой лошади, которою боронятъ (egget), начиная съ четырехгодовалаго возраста, должны давать упомянутую подать; четыре дня каждый долженъ работать (fröhnen) на братьевъ рыцарства въ той области, гдѣ онъ живетъ; два дня зимою и два лѣтомъ [4]); при постройкѣ

[1]) ibid. № 105. [2]) ibid. № 248.

[3]) U. B. № 405.

[4]) Разумѣть ли здѣсь эти четыре дня въ недѣлю, мѣсяцъ или годъ, трудно рѣшить.

рыцарскихъ замковъ противъ язычниковъ, отступившіе отъ христіанской вѣры должны были работать цѣлый мѣсяцъ на собственный счетъ (auf eigene kost); если же построекъ не бываетъ, то они остаются свободны отъ той и другой работы [1]). Но отъ другихъ построекъ при замкахъ (anderer Burgarbeit), равно какъ и отъ взноса десятины провіанта (Reisegut) куроны признаются навсегда свободными. Съ каждой найденной на морскомъ берегу вещи находчикъ получаетъ третью часть, а двѣ долженъ дать судьѣ на сохраненіе; если въ продолженіе года и дня собственника ея не оказалось, то она дѣлилась (unnderwinden?) между господами страны. Такъ поступали, наприм., съ якорями безъ мѣтокъ. Вещи, не брошенныя на берегъ, но плывущіе по морю, дѣлились на половину между доставшимъ ихъ и господами. Къ концу XIII вѣка курляндскій епископъ кромѣ десятины хлѣба получалъ еще различныя одежды льняныя и шерстяныя, башмаки и другія различныя принадлежности домашняго хозяйства; все это сохранялось въ амбарахъ, устроенныхъ въ селахъ въ его владѣніяхъ [2]).

О сборахъ рижскаго соборнаго капитула въ концѣ XIV вѣка мы имѣемъ любопытныя подробныя извѣстія, благодаря столкновенію, происшедшему между нимъ и курляндскимъ епископомъ Оттономъ, который во главѣ вооруженной толпы занялъ замокъ Дондангенъ и опустошилъ область Таргелу, которая принадлежала поименованному капитулу; изъ замка онъ увелъ лошадей, быковъ, овецъ и свиней. Оказывается, что рижскій капитулъ получалъ значительные доходы (составляли ли они десятую часть всего производства туземцевъ на его землѣ или нѣтъ, трудно рѣшить) рѣшительно со всѣхъ продуктовъ и производствъ крестьянина. Съ нѣсколькихъ деревень онъ получалъ ежегодно пять ластовъ меду, по 20 рижскихъ марокъ ластъ, хлѣба около девяти ластовъ, по три марки ластъ, тюленей за 25 марокъ, 20 быковъ, 30 овецъ и 16 откормленныхъ свиней, стоимостью каждый быкъ 24 солида любечскихъ динаріевъ (solidus Lubecensium dinariorum), каждая овца четыре солида (шиллинга?), каждая свинья 23 шиллинга; за на-

[1]) ibid. Wannere dat man buwet, so solen si desse kost ton, wannere dat man nicht buwet, so wille wi si tisser kost und von underen allem arbeit verdragen.

[2]) U. B. № 603.

емъ и ссуду (de conducionibus quoque et locationibus) коровъ и воловъ и за пользованіе ими также извѣстную сумму, за откупъ шерсти съ овецъ, которыхъ жители тѣхъ деревень брали въ займы отъ фогта или управляющаго или которымъ послѣдній самъ давалъ въ займы овецъ и шерсть отъ имени господъ, 15 рижскихъ марокъ; 300 куриць, которыхъ крестьяне доставляли ежегодно для названнаго замка, въ качествѣ подати (exsolvendi nomine census), считая каждую сотню за 45 шиллинговъ (любечскихъ динаріевъ); съ воска два шиффунта (navalia talenta), считая шиффунтъ 13 рижскихъ марокъ. Съ куньихъ, горностаевыхъ, вѣкшьихъ (martiriorum, hermelingorum, smerlingorum) и другихъ шкуръ, встрѣчающихся тамъ звѣрей, 2 тысячи штукъ, считая за каждую тысячу 12 марокъ; за пользованіе морскимъ берегомъ и каменноломнями, принадлежащими къ названному замку, 10 марокъ; съ косъ (victen, yscaxten—вѣроятно искажено отъ латышскаго iscopts—коса) и сѣна новообращенныхъ—6 рижскихъ марокъ [1]) и 12 шиллинговъ (любечскихъ динаріевъ); съ луговъ и сѣна—пятьсотъ возовъ, считая за возъ 18 любечскихъ динаріевъ; съ озеръ, рѣкъ и другихъ водъ капитулъ получалъ рыбъ различныхъ родовъ и видовъ стоимостью въ 15 рижскихъ марокъ; съ лѣсовъ, рощей, деревьевъ, охоты, кабаковъ и шинковъ (? propinationes et euaniæ) и другихъ источниковъ взноса (derivamines) 10 рижскихъ марокъ. Когда у крестьянъ, принадлежащихъ къ упомянутому замку, оказывалась нужда и недостатокъ въ хлѣбѣ, пшеницѣ, ячменѣ и овсѣ для засѣванія полей, то управляющій давалъ имъ зеренъ въ займы соотвѣтственно мѣрѣ и количеству полей; равнымъ образомъ крестьяне пользовались скотомъ названнаго замка. Барщина здѣсь, оказывается, была въ полной своей силѣ. Въ пользу замка на всякаго рода работы и занятія являлась толпа людей изъ окрестныхъ деревень подъ наблюденіемъ самого фогта и другихъ надзирателей. Работы эти главнымъ образомъ состояли въ пахотьбѣ и засѣваніи полей, уборкѣ хлѣбовъ, рубкѣ дровъ, скашиваніи луговъ и доставленіи всѣхъ продуктовъ поименованныхъ занятій въ назначенныя для этого мѣста.

Повинности земигаловъ были опредѣлены въ 1272 году

[1]) Рижская марка серебра ок. 13—14 в.=32—36 Schilling=4 fertones=16 lothones=32 Satin=48—55 Oer (См. Hildebrand, Das Rig. Schuldb. p. 46).

магистромъ нѣмецкаго ордена въ Ливоніи Вальтеромъ фонъ Нортеке при переговорахъ съ старшинами земигальскими [1]). По условіямъ договора земигалы должны были на мѣсто десятины давать въ пользу духовенства съ каждаго гакена лофъ ржи и лофъ ячменя по рижской мѣрѣ; на господъ они обязывались работать два дня лѣтомъ и два дня зимою, при томъ такъ, чтобы въ продолженіи этихъ четырехъ дней съ каждаго гакена служить при подводахъ на нужды помѣщика (vore don solen to vorende, wes dat wibehoven); другія лица, которыя по своему возрасту въ состояніи работать, должны служить помѣщику ручною работою при косьбѣ сѣна, рубкѣ и привозкѣ дровъ и т. п. Въ случаѣ неимѣнія хлѣба для уплаты помѣщику, онъ можетъ быть замѣненъ деньгами, именно за каждый лофъ два рижскихъ артинга (Artinck) серебра, или двѣ куньихъ (marde), или восемъ векшьихъ шкуръ (? Grauwerks). Кромѣ того они обязаны всегда быть готовыми къ постройкѣ замковъ, проведенію дорогъ и военной службѣ (Reisen).

Въ 1241 году по договору съ вицемагистромъ Андреемъ Вельвенскимъ [2]), эзельцы обязались платить слѣдующія повинности: съ каждаго гакена въ качествѣ дани (pro censu) полъ мѣры (vulgaliter punt) пшеницы, которую они должны были нагружать на судно (cogga), въ которомъ уже самъ ихъ епископъ или магистръ доставлялъ ее на мѣсто назначенія. Въ случаѣ же неимѣнія судна, послѣдніе нанимаютъ корабли и кормчихъ для вывоза дани въ Ригу или Війкъ. Затѣмъ, они обязались давать приходскому духовенству и церквамъ ругу (? præbenda), которую тѣ получали до возстанія, съ возстановленіемъ всѣхъ приношеній. Въ 1284 году) повинности эзельцевъ были значительно увеличены. Теперь они принуждены были давать уже десятину изъ всего, что по божественному праву обыкновенно дѣлилось на 10 частей (ut solvant decimas de omnibus, quæ secundum jus divinum consueverunt decimari); съ каждаго гакена двѣ съ половиною марки... (?) и одну курицу; день пахали на господъ своими волами и на свои издержки и два дня жали; съ того, который могъ косить... два воза сѣна (de eo, qui metere potest, unum de qualibet vitzkatu (?)... duas plaustratas feni); съ каждаго гакена кубиче-

[1]) U. B. № 430 (6 іюля 1272 г.).
[2]) U. B. № 169. [3]) ibid. № 490.

скую сажень дровъ; изъ варимаго ими ячменнаго пива часть шла своимъ господамъ (de vino gordii brazni facient, illudque suis dominis portabunt); десятину они обязаны были доставлять во всѣ мѣста эзельскаго діоцеза, но не могли быть принуждаемы къ вывозкѣ ея внѣ предѣловъ этого діоцеза. Кромѣ того они обязались строить церковные замки и дома своихъ господъ въ случаѣ разрушенія или сожженія ихъ непріятелями. Что же касается другихъ служебныхъ обязательствъ (servitia), или подарковъ (donum), то они предоставляются ихъ доброй волѣ, и не могутъ быть вынуждаемы кѣмъ либо.

По одному дошедшему до насъ акту [1]) мы знаемъ также о повинности шведовъ на островѣ Руно, принадлежавшихъ куронскому епископу. По шведскому праву они обязались давать со всѣхъ своихъ помѣстій десятину плодовъ, десятину изъ овецъ и козъ, съ каждаго теленка и жеребца, который остается живымъ до пятидесятницы, три фунта (markpund) масла, съ каждой коровы, дающей молоко,—также три фунта масла, съ каждаго поросенка, родившагося живымъ, одинъ любечскій пфеннингъ, съ тюленей (meerfischen), ловимыхъ островитянами для собственныхъ потребностей—десятину, и наконецъ, съ каждаго гакена „Krume“ (?) два оеге по праву господина на поземельную подать съ своей области (na wacken—egges paggast-recht).

Общій выводъ изъ исторіи наложенной первоначально на туземцевъ десятины съ плодовъ или всѣхъ продуктовъ (census et decimatas ab omni proventu) [2]) тотъ, что она, исключая временной, вынужденной замѣны ея опредѣленною мѣрою, съ теченіемъ времени все увеличивалась и увеличивалась, такъ что къ концу XIII вѣка едва ли было у туземцевъ хоть какое либо производство, изъ продуктовъ котораго они не давали бы десятой части натурою или деньгами, все равно. Но это еще не было высшею суммою всѣхъ взносовъ туземцевъ для своихъ господъ. Десятина, достигши такого объема, расширилась еще болѣе и перестала существовать какъ десятина, а перешла въ форму произвольно или по взаимному договору налагаемыхъ на крестьянъ повинностей, мѣра которыхъ уже далеко

[1]) U. B. № 805,a (28 іюня, 1341 г.).

[2]) ibid. № 83. Лег. Вильг. отъ 11 апр. 1226 г. дѣлаетъ такое постановленіе въ пользу каѳедральныхъ церквей.

превзошла мѣру десятины. Авторъ риѳмованной хроники описываетъ повинности эстовъ, или вѣрнѣе, всѣхъ туземцевъ около конца XIII вѣка, такъ:

Ouch gâben in den Ziten
die Eisten Zêeden immer mê,
in wurde woll oder wê,
von allem irem gûte.
der christenheit zû hûte,
Suln sie burge bûwen.
Ich will in woll getrûwen,
mochten sie is erlâzen sîn,
Sie envurchten nicht de helle pîn
Sie geben mildeclîch ir brôt.
Sie bûwen kirchen durch die nôt
in deme christentûme.
leider selden dar geschieht:
entwungen sie ir hêrren nicht,
Sô man die warheit sprechen sol,
Sô wêren sie is erlâren wol [1]).

(Т. е. съ того времени эсты стали давать все большую и большую десятину, волею или неволею, изъ всего своего имущества. Для защиты христіанства они должны были строить замки, но этой работѣ они скорѣе предпочли бы муки ада, только бы избѣгнуть ея. Они щедро даютъ свой хлѣбъ, они по принужденію строятъ церкви въ христіанствѣ; но къ сожалѣнію рѣдко во славу Божію, ибо, если бы ихъ къ этому не принуждали ихъ господа, то они перестали бы строить).

Вторымъ видомъ повинности туземцевъ была военная служба (expiditiones, Reisen). Изъ Генриха намъ уже извѣстно, что, покоривъ ливовъ и латышей, нѣмцы обязывали ихъ участвовать въ походахъ и набѣгахъ противъ своихъ же собратьевъ; въ случаѣ отказа они подвергались денежному штрафу въ три марки [2]). Ливы и летты по большей части исполняли это обязательство, а впослѣдствіи, когда нѣмцы успѣли ихъ фанатизировать, то они сами, безъ ихъ содѣйствія, охотно дѣлали набѣги на своихъ же собратьевъ язычниковъ и составляли, можно сказать, большую часть борцевъ противъ язычниковъ.

[1]) Reimch. v. 1396—1412. [2]) Heinr XI, 5.

И говоря правду, нѣмцы въ этомъ отношеніи успѣли весьма хорошо эксплоатировать ихъ, выставляя ихъ въ походахъ и въ битвѣ обыкновенно на флангахъ и заставляя исполнять болѣе опасныя предпріятія. Хотя легатъ Вильгельмъ освободилъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ каѳедральныхъ церквей, отъ военной службы [1]), но это постановленіе нигдѣ не осуществлялось. Уже папа Григорій IX въ 1230 году признаетъ вообще за новообращенными безъ различія ихъ принадлежности тому или другому лицу обязанность военной службы [2]). Но еще ранѣе этого въ 1230 году короны обязались сражаться вмѣстѣ съ нѣмцами противъ враговъ Христа [3]). А эзельскій епископъ въ 1251 году прямо обязалъ своихъ крестьянъ являться въ нѣмецкіе замки въ качествѣ гарнизона и отправляться въ походъ [4]). Эта повинность для нѣмцевъ была столь важна, что она повторялась неоднократно при заключеніи мира съ возставшими туземцами и поэтому въ скоромъ времени объемъ ея былъ въ точности опредѣленъ для различныхъ областей. По договору магистра Ано съ эзельцами въ 1255 году послѣдніе обязались дать клятву въ томъ, что будутъ участвовать вмѣстѣ съ рыцарями въ походахъ зимою на коняхъ, лѣтомъ на корабляхъ [5]), противъ всѣхъ враговъ ордена. Тоже самое обязались они исполнять и въ 1284 году всѣмъ нѣмцамъ въ эзельскомъ діоцезѣ [6]). Въ Куроніи въ 1253 году между епископомъ и братьями рыцарства былъ заключенъ договоръ относительно военной службы туземцевъ. Какъ куроны епископа (unsre luden), такъ и куроны рыцарей (ire luden), обязались доставлять провіантъ (? watguit) пока нужно и являться въ походы и на защиту и распространеніе христіанства между язычниками, по мѣрѣ

[1]) U. B. № 83 (11 апр. 1226 г.). Coloni quoque praedictorum agrorum a vectigalibus, exactionibus quibuslibet, nec non ab expeditionis onere sint immunes.

[2]) U. B. № 145 (24 февр. 1236 г.): nihil ab eis nisi pro expeditionibus et defensionibus terre penitus et tunc cum debito moderamine, exigatur.

[3]) ibid. № 105: proeterea iidem Curones nobiscum inpugnabunt inimicos Christi.

[4]) ibid. № 2731: et rustici tenebuntur ad defensionem castri et ad expeditionibus, sicut exteri rustici, qui episcopo sunt subjecti.

[5]) ibid. № 285 (27 авг. 1255 г.): sunt obligati nobis fide data ad expeditiones in hyeme cum equis et cum navibus in aestate, si hoc a fratribus ab eis fuerint requisitum, et castra omnes violenter ac indebite nos gravare volentes cooperatores nostri pro posse suo existente perpetuo sint parati.

[6]) ibid. № 490.

своихъ силъ, когда ихъ потребуютъ или самъ епископъ, или рыцари, или же ихъ фогты и другія должностныя лица (ammecht man). Въ случаѣ вторженія непріятелей въ страну, епископъ и его слуги могли послать за войскомъ во владѣнія братьевъ, а эти во владѣнія епископа, приглашая куронъ на малеву (malawen), или въ походъ, черезъ деревенскихъ старшинъ (biden eilsten der dorpe); въ случаѣ ихъ отказа они платили пеню (beterunge emenda) [1]). Даже монастыри и города обязывали своихъ крестьянъ къ военной службѣ. Извѣстно, что фалькенаускій монастырь, передавая нѣкоторыя свои деревни ордену, оставилъ за собою право требовать жителей этихъ деревень на войну [2]). Городъ Ревель также призналъ за собою право требовать отъ своихъ крестьянъ военной службы [3]). 25 мая 1350 года для всей Гарріи и Вироніи былъ опредѣленъ точно и подробно размѣръ военной службы [4]). Это распоряженіе было вызвано поголовнымъ возстаніемъ эстовъ въ 1343 году и поэтому въ виду возможности новаго повторенія такого же возстанія и захвата нѣмцевъ врасплохъ было постановлено, чтобы съ каждой сотни гакена, къ какому бы ордену или состоянію ни принадлежали его владѣтели, выставлялись въ поле противъ всякихъ бунтовщиковъ, когда бы, куда бы и сколько разъ не потребовали рыцари, три воина, одинъ здоровый и сильный нѣмецъ, хорошо вооруженный, и двое его земляковъ, имѣющихъ по меньшей мѣрѣ шлемъ и щитъ, на своихъ коняхъ и на свои издержки. Впрочемъ, послѣднее условіе имѣло силу только въ предѣлахъ между рѣками Нарвою и Двиною; за этими предѣлами военные издержки ложились уже на рыцарей.

Что касается судопроизводства между туземцами, то уже съ первыхъ временъ, какъ можемъ видѣть изъ внѣшней ихъ исторіи, нѣмцы вмѣшивались въ ихъ взаимные спорные вопросы, стараясь принимать на себя роль третейскаго судьи и посредника. А съ теченіемъ времени они пріобрѣли самостоятельное право назначать, такъ называемыхъ, фогтовъ въ покоренныя области. Каковъ былъ ихъ судъ и соединенные съ нимъ

[1]) U. B. № 250.

[2]) ibid. № 521,a (3 февр. 1288): homines nostri parati erunt ad expeditiones et malvas exercendas, quae vulgo reise, hereverde et malowe appellantur.

[3]) ibid. № Reg. 200 (1248 г.) [4]) ibid. № 900.

поборы свидѣтельствуетъ та жестокая расправа, которую возставшіе неоднократно учиняли съ ними. Легатъ Вильгельмъ, ставя въ Эстоніи судей и старшинъ [1]), повидимому, признавалъ независимость внутренняго управленія туземцевъ, по крайней мѣрѣ эстонцевъ. По постановленію папы Григорія IX въ 1236 году новообращенные туземцы въ Лифляндіи въ церковныхъ дѣлахъ подлежали юрисдикціи только мѣстнаго епископа, а въ гражданскихъ — свѣтскаго судьи, отъ суда котораго въ случаѣ несправедливости они могли аппеллировать къ епископу [2]). Такъ какъ суды эти были сопряжены съ большими поборами и происходили въ ущербъ интересамъ туземцевъ, то послѣдніе при всякомъ удобномъ случаѣ старались выговорить себѣ нѣкоторыя привиллегіи, ограничивавшія произволъ фогтовъ. Такъ эзельцы въ 1241 году, благодаря успѣху возстанія, по договору, заключенному съ орденомъ, выговорили себѣ условіе, по которому свѣтскій судья былъ принимаемъ только разъ въ годъ во время сбора дани и при томъ производилъ судъ только при участіи въ немъ старшинъ страны [3]). Тогда же былъ опредѣленъ размѣръ пени за нѣкоторыя частныя преступленія. Такъ, за убійство мальчика налагалось три озеринга и кромѣ того мать его должна была въ продолженіи пяти (по Бунге, девяти—по Гіэрну) воскресныхъ дней голая на кладбищѣ искупать грѣхъ (recipere disciplinas); за языческое жертвоприношеніе полагалось—полъ марки серебра, притомъ приносившій жертву долженъ былъ въ три воскресные дня подвергаться сѣченію по голому тѣлу на кладбищѣ (medus in caemetorio vapulabit); непостящійся въ четыредесятницу, 30 іюня (vigiliae apostolorum) или въ другіе посты (quatuor temporibus) платилъ полъ марки серебра. Убійство чужестранца искупалось десятью марками серебра. Въ 1255 году время свѣтскаго орденскаго судопроизводства на Эзелѣ было расширено

[1]) Heinr XXIX, 7.

[2]) U. B. № 145. Neophiti teneantur ad jura parochialia et in causis spiritualibns ecclesiasticis non nisi per locorum episcopos judicentur... In causis vero saecularibus, quae forum ecclesiasticum non requirunt, stent juri coram judice saeculari, et in quo si eos gravari contingat, poterunt ad suos episcopos appellare, iidem quoque episcopi gravari eos contra justitiam non permittant.

[3]) U. B. № 169: advocatum ad saecularia judicia semel in anno, eo scl. tempore, quo census colligatur, resipient, qui de seniorum terrae consilio judicabit, quae fuerint judicanda.

еще болѣе. Теперь оно стало продолжаться уже съ 8 ноября (b. Michaelis) до мясопуста (carniprivium), при томъ съ тою оговоркою, что, если по какой либо законной причинѣ фогтъ рыцарскій не могъ своевременно окончить разбирательства спорныхъ дѣлъ, то имѣлъ право вознаградить потерянное въ началѣ время послѣ установленнаго срока, и только тогда эзельцамъ представлялся собственный судъ [1]). Въ 1284 году для эзельцевъ было признано имѣющимъ силу вышеприведенное постановленіе Григорія IX относительно юрисдикціи надъ туземцами [2]).

Болѣе беззащитны въ этомъ отношеніи были земигалы и куроны. Относительно подробностей тамошняго судопроизводства мы не имѣемъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1272 году [3]), земигалы обязались ежегодно три раза принимать судей ордена и епископа для суда; судьямъ, впрочемъ, вмѣнено было въ обязанность не нарушать правъ и обычаевъ Летоніи и Эстоніи. Какими полномочіями снабженъ былъ фогтъ въ Куроніи, во владѣніяхъ рижскаго капитула во второй половинѣ XIV вѣка, можно заключить уже изъ того обстоятельства, что онъ одинъ въ полной независимости отъ туземцевъ имѣлъ совѣщательную и исполнительную власть, судить, рѣшать и приводить приговоръ въ исполненіе [4]). Къ такому порядку вещей склонились въ послѣдствіи повсюду судопроизводство у туземцевъ, и то, что разсказываетъ Рюссовъ о древней формѣ судопроизводства въ Эстоніи, представляло чистую формальность, такъ что на самомъ дѣлѣ все зависѣло отъ воли господина. Вообще произволъ сталъ скоро господствовать въ судахъ. Уже во второй половинѣ XIII вѣка мы имѣемъ папскія буллы, запрещавшія духовнымъ судьямъ привлекать орденскихъ людей на свой судъ за преступленія, не имѣющія церковнаго характера, и вымогать у нихъ чрезъ это большія суммы денегъ [5]).

---

[1]) U. B. № 285: ut a festo b. Michaelis usque ad carniprivium debeant nostrum judicium perdurare, ita sane, ut si noster advocatus aliqua legitima causa fuerit praepeditus, ut suum negotium ac judicium complere nequeat, inchoatum neglecti temporis spatium compleat cum potuerit, iterato quo termino impleto, osiliani jus suum in judicio obtinebunt. [2]) ibid. № 490. [3]) ibid. № 430.

[4]) U. B. 1248: habuit omni modam longam et amplum et altam atque bassam jurisdictionem, atque merum et mixtum imperium... judicandi, pro tribunale sedendi in quolibet loco solus et in solidum sententiendi, condemnandi atque absolvendi, executiones faciendi и т. д.

[5]) ibid. № 306 (22 іюня 1257 г. и Александръ IV); 346 (25 янв. 1260 г. тотъ же).

Посмотримъ теперь, какія права имѣли первоначально туземцы, когда они составляли еще силу, съ которою нужно было нѣмцамъ считаться. Самое важное право, которое успѣли отстоять за собою туземцы,—это право на поземельную собственность, могущую передаваться по наслѣдству. Впрочемъ, и предоставленіе нѣмцами туземцамъ этого права представляетъ не столько добровольное и формальное признаніе за ними его, сколько молчаливое или вынужденное согласіе съ заранѣе существовавшимъ порядкомъ вещей,—что отчасти объясняется малочисленностью нѣмецкихъ колонизаторовъ, которые вслѣдствіе этого не въ состояніи были занять всѣхъ владѣній туземцевъ; а когда наплывъ въ какую-либо область нѣмецкихъ пришельцевъ увеличивался, то вопросъ о поземельной собственности туземцевъ ставился уже ребромъ и послѣднимъ приходилось отстаивать свое вѣковое право силою оружія, или довольствоваться тою малою долею земли, которую оставлялъ имъ могущественный побѣдитель. При раздѣлѣ Ливоніи и Летоніи въ 1211 году между епископомъ и орденомъ [6]), туземцамъ, разсматриваемымъ уже какъ ихъ собственность (homines episcopi, homines ordinis, militum) предоставлены были права на поля (agri) и другое недвижимое имущество (bona), только бы они служили своимъ господамъ. При этомъ было постановлено, чтобы всякій, отнявшій у туземцевъ поля, возвратилъ ихъ. Въ этомъ же году, когда Альберту понадобилась земля внѣ города Риги, которою владѣли ливы на ряду съ нѣмцами, то онъ пріобрѣлъ ее отъ нихъ только взамѣнъ другой земли или за извѣстную цѣну [2]). Еще въ первой половинѣ XIII столѣтія около 1226 года туземцы ливы и зелоны могли свободно распоряжаться своею землею, отчуждая ее другимъ чрезъ продажу. Когда Ливонія опустѣла отъ людей, зелоны сравнительно менѣе вынесшіе воинскихъ невзгодъ, стали проникать въ Ливонію, закупая здѣсь землю у ливовъ. Въ 1226 году было положено, чтобы зелоны платили городу Ригѣ подати только съ новыхъ полей, все-равно куплены-ли послѣднія отъ ливовъ, или

---

[1]) U. B. № 18.

[2]) ibid. № 21 (26 мая 1211 г.): ubi extra murum civitatis Livones habitationes habebunt... areas autem quas ibidem Livones seu Theutonici habuerant, ecompensatione aliarum arearum seu certo pretio comparavimus ab eisdem.

нѣтъ [1]). Однако, граждане Риги не довольствовались этимъ распоряженіемъ, но стремились совсѣмъ отнять ихъ отъ зелоновъ, не смотря на то, что получали съ нихъ зимніе плоды (fruges hyemales) [2]). Куроны, при заключеніи договора съ нѣмцами въ 1230 году, получили неприкосновенное право на поземельную и другую собственность [3]). Выше мы видѣли, что при раздѣлѣ Куроніи между епископомъ и орденомъ Дорбенское озеро было признано общимъ нѣмцамъ вмѣстѣ съ куронами, имѣвшими прежде на него право, а ручьи, вытекавшіе изъ озера, были признаны за куронами, имѣвшими на нихъ прежде право, не нарушая этимъ, однако, права господъ, чрезъ землю которыхъ они протекаютъ. При этомъ было постановлено, чтобы „куроны отнюдь не лишались своего наслѣдства, состоящаго какъ въ поляхъ, такъ и въ мѣстахъ для рыбной ловли, а равно и въ несвященныхъ лѣсахъ и медоносныхъ деревьяхъ, оставляя при этомъ неприкосновеннымъ право господъ, подъ властію которыхъ вышеозначенныя имущества находятся“ [4]). Въ Земигаліи около 1272 года туземцы имѣли еще поземельную собственность (hereditates suas), которая однако была настолько перемѣшана, что, напримѣръ, причислявшіеся къ Дорбенскому замку, имѣли свои владѣнія въ предѣлахъ Спарненскаго замка, и наоборотъ, которыя отдавались на пользованіе другимъ или вслѣдствіе дальности разстоянія ихъ отъ мѣстожительства владѣтеля или по причинѣ незначительной выручки съ нихъ послѣ всякаго рода сборовъ въ пользу господъ. По постановленію освободившееся наслѣдство должно было перейти въ собственность господина, во владѣніяхъ котораго (cujus dominio) оно находилось [5]). Чѣмъ прочнѣе нѣмцы утверждались въ странѣ, тѣмъ болѣе туземцы стѣснялись въ своихъ правахъ на поземельную собственность; покорители ста-

[1]) U. B. № 87 (15 мая 1226 г.). Покупка леттами ливскихъ земель есть, кажется, главнѣйшая причина исчезновенія ливовъ и заселенія Лифляндіи леттами.

[2]) ibid. № 89.

[3]) ibid. № 105: salvis sibi possessionibus et proprietatibus agrorum ceterarumque rerum sine contradictione cujuslibet testatis.

[4]) ibid. № 248 (4 апр. 1253 г.): Universi et Curones a sua haereditate tam in agris quam in praedictis piscariis et in silvis non sanctis nullatenus excludantur salvo jure dominorum sub quorum dominio praedicta bona continentur.

[5]) U. B. № 432 (7 окт. 1272 г.).

рались ограничить право наслѣдственной передачи этой собственности. Мужественнѣе всѣхъ отстаивали это право эзельцы Въ 1255 году они выговорили себѣ у магистра ордена Анно слѣдующія права. Во первыхъ, чтобы между ними никакое наслѣдство не могло освободиться въ пользу господина земли, пока найдется кто-либо, могущій на основаніи родства пріобрѣсти его [1]). Во вторыхъ, если, кому-либо изъ-за противоестественнаго грѣха пришлось бы выселиться изъ Эзеля, то наслѣдникъ его получаетъ его наслѣдство. Въ третьихъ, ни отъ кого нѣмцы не имѣли права требовать наслѣдства, освободившагося до времени возстанія. Въ четвертыхъ, наконецъ, въ случаѣ убійства кѣмъ либо своего ближняго съ цѣлію овладѣть его наслѣдствомъ, право, которое убійца имѣлъ на эту землю, переходитъ къ господину и первый кромѣ того обязанъ заплатить послѣднему установленный за убійство штрафъ. Вообще, во владѣніяхъ Эзеле - війкскаго епископа туземцы строго ограждались въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ. Здѣсь еще въ 1254 году было постановлено, чтобы, какъ люди епископа, такъ и люди ордена, не изгонялись изъ своихъ прежнихъ владѣній [2]). Въ томъ же году за туземцами было утверждено ихъ вѣковѣчное право рыбной ловли въ морѣ близъ острова Даго (Dageyden (?)) и рубки дровъ на самомъ островѣ, и повторено предшествующее постановленіе о неприкосновенности ихъ права собственности [3]). Въ 1293 году при опредѣленіи границъ владѣній Эзеле-війкскаго епископа и рыцарей, права мѣстныхъ туземцевъ, жившихъ по берегамъ рѣки Пернавы, на поля, луга, медоносныя деревья и другія владѣнія были признаны неприкосновенными [4]). Еще въ 1279 году епископъ Германъ могъ пріобрѣсти земли отъ эстовъ, населявшихъ область нынѣшняго Гапсаля, отчасти за деньги, от-

---

[1]) ibid. № 488 (27 авг. 1255 г.): ut nulla inter eos vacare possit haereditas ad usum domini terrae, quamdiu aliquis reperitur, qui in sua parentela 9 epiam (?) et emendam homicidii noscitur persolvisse.

[2]) U. B. № 2735 (20 мая 1254 г.): quod tam homines nostri, quam fratrum a possessione, quam hactenus possederunt, nullatenus ejiciantur.

[3]) ibid. № 2736.

[4]) ibid. № 3710 (30 апр. 1223 г.): salvo jure neophitorum, qui haereditatem suam sive in agris sive in pratis, sive in arboribus melligeris aut aliis possessionibus, sive juribus quibuscunque... hactenus tenuisse pacifire dinoscuntur.

части по добровольной уступкѣ со стороны послѣднихъ [1]). По-видимому, менѣе прочно было наслѣдство въ другихъ частяхъ страны, гдѣ туземцы были болѣе ослаблены завоевателями. Намъ извѣстно только, что куронамъ въ 1267 году удалось выговорить себѣ право, по которому наслѣдство должно было переходить по преемству до четвертаго колѣна, при томъ такъ, чтобы господину не причинялось этимъ какого-либо ущерба [2]). Далѣе, поселившійся на какомъ либо свободномъ мѣстѣ, куронъ получалъ право на вѣчное наслѣдіе этого мѣста [3]). Около конца XIII вѣка мы слышимъ еще въ Ливоніи о поземельномъ наслѣдствѣ туземцевъ, но въ тоже время мы замѣчаемъ, что наслѣдственныя поземельныя владѣнія то по истеченіи срока, указаннаго въ контрактѣ, то просто по отсутствію наслѣдниковъ, мало по малу переходятъ къ господамъ, и число свободныхъ собственниковъ становится все менѣе и менѣе [4]). Въ первой половинѣ XIV вѣка мы встрѣчаемъ еще извѣстія о различнаго рода контрактахъ между туземцами и нѣмцами [5]) въ Ливоніи и о правѣ ливовъ на Кирхгольмѣ пріобрѣтать по наслѣдству медовыя деревья, хотя и съ условіемъ отдавать третью часть продуктовъ съ нихъ городу Ригѣ [6]). Во второй половинѣ XIV вѣка извѣстенъ еще фактъ, по которому эстонецъ могъ купить лошадь и передать ее по наслѣдству другому [7]). Но такъ какъ первоначальное признаніе за туземцами права поземельнаго наслѣдства объясняется не столько сознаніемъ нѣмцами его естественности и полной законности, сколько вынужденностію, то весьма понятно, что это право должно было подвергаться постояннымъ нарушеніямъ и посягательствамъ и могло существовать только до тѣхъ поръ пока туземцы имѣли силу защищать его съ оружіемъ въ рукахъ. Уже въ 1238 году папа Григорій IX получилъ свѣдѣнія, что нѣмцы стараются обращать тузем-

---

[1]) U. B. № 461. Seu quae nostra pecunia comparata, sive quae ad petitionem nostram a neophitis vicinis nostris etc...

[2]) ibid. № 405: ein jegelike erve solen si erleven in den vyrden knie, also; doch dat sin here in sine rechte en genem schade neme.

[3]) ibid. vortmeier war dat he sich nider sittet to wonen dat sol he hebben vor ein ewich erve, so die stede en gene erve nicht en hevet.

[4]) ibid. №№ 524 (сент. 1288); 529 (23 авг. 1289 г.).

[5]) ibid. № 683 (18 дек. 1322 г.)

[6]) U. B. № 894 (29 сент. 1349 г.),

[7]) ibid. №№ 1200 (14 дек. 1383 г.): 1294 (28 мая 1389).

цевъ въ рабство и не позволяютъ имъ свободно владѣть своимъ имуществомъ [1]). Въ Эстоніи уже во второй половинѣ XIII вѣка происходили систематическія изгнанія туземцевъ съ ихъ старой земли, на которой королевскіе вассалы строили свои аллодіи, не смотря на запрещеніе ревельскаго епископа Іоанна [2]) и датскаго короля Эриха Глиппинга [3]). Вообще въ XIV столѣтіи въ актахъ не встрѣчается болѣе указанія на существованіе въ странѣ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ изъ простыхъ туземцевъ. Единственными поземельными собственниками остались только нѣкоторыя лица, принадлежавшія, вѣроятно, къ туземнымъ старшинамъ или князьямъ; да и они владѣли только клочкомъ земли на ленныхъ правахъ. Такъ въ 1268 г. нѣкто Суха (Sucha) или Николай, знатный изъ Летоніи (nobilis de Lettonia provincia), крещенный въ Кокенгузенѣ, передалъ все свое имѣніе рижской церкви и получилъ его обратно въ ленъ (in feudum) отъ архіепископа Альберта [4]). Въ 1320 году нѣкто Тоутегоденъ получилъ въ Куроніи въ ленъ два гакена земли [5]). Въ 1333 онъ же получилъ въ ленъ два гакена земли въ погостѣ Сгаллѣ въ вѣчное владѣніе безъ платы подати и отбыванія барщины (absque census solutione et laboris factione) [6]). Слова: „какъ и прочіе новообращенные въ Куроніи владѣютъ своими феодальными имѣніями“ (sicut ceteri neophiti Curoniae bona sua feodalia sunt soliti possidere),—которыя слѣдуютъ за только что приведенными словами, даютъ основаніе думать, что вассаловъ изъ туземцевъ въ Куроніи было болѣе, чѣмъ сколько извѣстно изъ актовъ. Въ пользу этой мысли говоритъ еще существованіе въ Курляндіи до послѣднихъ временъ значительнаго числа такъ называемыхъ „куронскихъ королей“. На такихъ правахъ получилъ два гакена земли въ Куроніи въ Ильгенѣ въ 1352 году нѣкто Мазейке (Maseyke) со своими наслѣдниками [7]). Въ 1391 году нѣкто Кантебутенъ (Cantebuten) съ сыновьями также получилъ въ ленъ землю въ провинціи Абавѣ (Abau, Abowe) [8]). Въ томъ

[1]) ibid. № 157: nec permittunt ipsos possidere libere dona sua.

[2]) ibid. № 467 (8 дек. 1200 г.).

[3]) ibid. № 475 (17 іюля 1281 г.) promiserunt insuper dicti vasallii suo quod Estones suos ab antiqua terra verbis comminatoriis, verberibus, prece vel pretio non amoveant in ipsa terra minus juste nova allodia construendo.

[4]) U. B. № Reg. 463. [5]) ibid. № 671. [6]) ibid. № 753.

[7]) U. B. № 918,e [8]) ibid. № 1296.

же году нѣкто Имкимо Лезекензе (Imkymo Lesecenzce) получилъ въ ленъ три гакена земли въ деревнѣ Лезекензѣ, которою онъ до этого времени владѣлъ за ежегодную дань [1]) (sub annuo censu). Въ 1392 году братья Оугутенъ (Oughuten) и Куренъ (Curen) получили ленную грамоту на владѣніе половиною земли при рѣкѣ Абавѣ [2]).—Когда такимъ образомъ туземцы потеряли права собственности на недвижимыя имущества и были отягощены всякими повинностями въ пользу своихъ господъ, то до рабства оставался только одинъ шагъ. Посредствующія ступени къ рабству, прикрѣпленіе къ помѣстью, перемѣщенія на другія помѣстья и отчужденіе черезъ дареніе, закладъ и продажу были пройдены слишкомъ скоро и, можно сказать, онѣ почти одновременны захвату населенной земли рыцарями и вассалами. Уже при раздѣлѣ земель жители переходя вслѣдъ съ землею тому или другому нѣмцу, представлялись прикрѣпленными къ землѣ. Такъ, уже при раздѣлѣ Ливоніи и Летоніи въ 1211 году, напр., третья часть замка Гольма „съ людьми, полями и десятиной“ досталась братьямъ рыцарства [3]). При дѣленіи Куроніи въ 1253 году жители представляются прикрѣпленными къ той мѣстности, въ которой живутъ и переходятъ вмѣстѣ съ землею ея владѣтелю (cum omnibus pertinentis eorundem). Мало того. Они разсматриваются здѣсь уже не какъ придаточная часть къ землѣ, но какъ главный предметъ дѣлежа, къ которому грунтъ, населенный ими, является уже придаточною частью [4]). Къ концу XIII и второй половины XIV вѣка туземцы повсюду представляются какъ бы вещію, которую можно дѣлить на части и распредѣлять послѣднія различнымъ лицамъ [5]). За такимъ обращеніемъ съ туземцами вскорѣ входитъ въ практику перемѣщеніе ихъ съ одного имѣнія на другое, когда это служило къ выгодѣ господъ. Такія перемѣщенія извѣстны въ Куроніи, Эстоніи и на Эзелѣ [6]). Отчужденіе, повидимому, практиковалось еще ранѣе перемѣще-

[1]) ibid. № 1545. [2]) ibid. № 1565. [3]) ibid. № 18.

[4]) U. B. № 248: homines vero illi, qui attinebant Jakobo... pertinebunt ad Scrundum cum heriditate eorum, quorum hereditas sita est in castellaturis... quodquod vero residui fuerit super heriditatem nobiscum dividetur.

[5]) ibid. №№ 466 (30 нояб. 1280 г.) въ Курляндіи, 524 (сен. 1288) и 550 (5 февр. 1294 г.) въ Ливоніи 727,a (13 дек. 1326 г.) и 735 (1 мая 1329 г.) въ Эстоніи.

[6]) ibid. №№ 780, a (16 янв. 1337); 1248 (17 окт. 1387); 2573 (31 дек. 1421).

нія. Въ Лифляндіи отчужденіе происходило черезъ дареніе [1]) и иногда чрезъ продажу литовцамъ и схизматикамъ т. е. русскимъ на вѣчное рабство [2]); въ Курляндіи—чрезъ отдаваніе въ ленъ [3]); въ Эстляндіи—въ провинціи Гарріи, чрезъ залогъ за долги [4]). Торговля военно-плѣнными принимала въ XIV и XV вѣкахъ довольно широкіе размѣры, хотя и были попытки прекратить ее [5]). Болѣе вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что торговали и не военно-плѣнными, именно женщинами [6]). Подобныя явленія уже прямо предполагаютъ рабство. Хотя первоначально, повидимому, источникомъ рабства служила только война и рабъ былъ тождественъ съ военноплѣннымъ (proprius aut captivus) [7]); но уже въ первой половинѣ XIV вѣка встрѣчаются выраженія „servus proprius“, „servus“, „klover“, „erfman“, „eigen“, „eigene lute“ — для обозначенія наслѣдственныхъ собственныхъ крестьянъ [8]). Далѣе, встрѣчаются упоминанія о такъ называемыхъ drellen, безземельныхъ туземцахъ, сдѣлавшихся крѣпостными первоначально вѣроятно черезъ плѣнъ и куплю, а затѣмъ и чрезъ различныя совершенныя ими преступленія. Они находились въ помѣстьяхъ и городахъ въ услуженіи у господъ [9]). Самымъ вѣрнымъ показателемъ положенія туземцевъ въ Лифляндіи въ XIV и XV вѣкахъ служитъ фактъ повсемѣстнаго безвозвратнаго бѣгства ихъ въ другія сосѣднія страны. Уже въ 1323 году между Гедиминомъ и властями Эстляндіи и Лифляндіи былъ заключенъ договоръ, по которому между прочимъ собственный рабъ (servus proprius) кого либо, убѣжавшій въ другую землю, долженъ быть возвращаемъ обратно по первому востребованію, когда бы это послѣднее не совершилось [10]). Бѣгство ближайшимъ образомъ направлялось къ го-

---

[1]) ibid. № 550 (5 февр. 1294). [2]) ibid. № 710 (4 апр. 1325).

[3]) ibid. № 466 (30 нояб. 1390). [4]) ibid. № 846 (27 апр. 1346).

[5]) U. B. № 1872 (11 мар. 1411). [6]) ibid. № 1111 (окт. 1375).

[7]) ibid. № 77, 21 (1225 г.).

[8]) ibid. №№ 693 (20 окт. 1323); 1044,b, 64 (1286—1345), 1866 (окт. 1410). 2125 (26 мар. 1417), 1518, 33 (1400 г.) 3223 (16 янв. 1398 г.). 3227 (19 іюня 1415 г.).

[9]) ibid. №№ 1519. 30 (1400 г.) въ Ревелѣ, 2151 (13 іюля 1417) въ Дерптѣ нѣкоторый рыцарь дѣлаетъ такое завѣщаніе: alle drellenin mine hove, megede und knechte, de geve ik vri und quiet.

[10]) U. B. № 693 (20 окт. 1323 г.): si aliquis servus fugam dederit in terram aliam restitui debet, quando fuerit postulatus.

родамъ; такъ для курляндцевъ убѣжищемъ служилъ Мемель [1]), для материковыхъ эстовъ Ревель, куда бѣжали крестьяне изъ окрестностей Феллина и Оберпалена [2]),—для эзельскихъ эстовъ—Або и Выборгъ [3]), а изъ сосѣднихъ странъ убѣжищемъ служила Россія, Литва, Жмудія (Samogitia) и Польша [4]). Впрочемъ, иногда токъ направлялся обратно изъ Литвы въ Лифляндію, изъ Замландіи въ Курляндію [5]). Безпрерывныя бѣгства крестьянъ, грозя лишить безпечныхъ нѣмцевъ той матеріальной силы, которою только и поддерживалось ихъ благосостояніе, заставили ихъ соединиться для противодѣйствія злу; съ этою цѣлію образовалось около средины XV столѣтія множество союзовъ (Einigung) изъ всѣхъ волостей страны и были составлены особыя правила для предупрежденія бѣгства и розыскиванія и возвращенія бѣжавшихъ [6]).

Упомянутый выше фактъ стеченія туземцевъ въ города объясняется привиллегированнымъ положеніемъ городскихъ жителей. Городъ Рига въ 1225 году получилъ отъ легата Вильгельма разныя привиллегіи, по одной „изъ которыхъ каждый желающій поселиться въ городѣ, могъ сдѣлаться свободнымъ гражданиномъ [7])». Въ Ревелѣ, повидимому существовало такое же правило, ибо тамъ въ числѣ гражданъ упоминаются „famuli“ нѣкоторыхъ господъ [8]). Въ Гапсалѣ эстонецъ могъ получить права гражданства на ряду съ нѣмцевъ и шведомъ [9]). Далѣе, по общему городовому положенію для всей Эстоніи, относимому къ 1225 году, всякій убѣжавшій изъ страны въ городъ долженъ быть безусловно свободенъ; если онъ только не былъ кого либо крѣпостнымъ (proprius), или плѣннымъ, который по справедливости могъ потребовать его обратно; укрыватель-

---

[1]) ibid. №№ 1782 (19 янв. 1409 г.), 1784 (26 мар. 1409), 1812 (10 нояб. 1409 г.), 2425 (26 авг. 1420 г.).

[2]) ibid. №№ 2393 (1420 г.), 2125 (26 мар. 1417 г.), 2396 (1420 г.) 1866 (окт. 1460 г.).

[3]) Dr. E. Grönblad, Nya källort. Finl. Medell-hist. I Saml. Kopenhamn 1857, n. 5 (3 іюн. 1362 г.).

[4]) U. B. № 2637, 11 (27 сен. 1422 г.).

[5]) ibid. №№ 2137 (20 мая 1417 г.), 2596 (20 сент. 1417 г.).

[6]) См. Entwickelung. d. Standesverh. in Liv-Est und Kurland bis 1561, Dr. Bunge. Dorpat 1838 p. 103—106.

[7]) U. B. № 75. [8]) ibid. № 225 (1337—1340 гг.).

[9]) ibid. № 515 (1400 г.).

ство такого считалось за воровство [3]). Такія же привиллегіи, какъ кажется, имѣлъ городъ Мемель; комендантъ Гальдингенскаго замка справедливо писалъ великому магистру ордена въ 1409 году, что если данныя ему привиллегіи останутся во всей своей силѣ, то вся Куронія опустѣетъ отъ людей, которые поспѣшатъ поселиться въ Мемелѣ и просилъ его не позволять принимать въ городахъ данниковъ (czinsiute. czinshaftich) и должниковъ (schuldlich) рыцарей куронскихъ, а только свободныхъ (vrie lute) [2]).

Первоначальныя привиллегіи городовъ въ этомъ отношеніи въ виду сильно развившагося бѣгства крестьянъ были ограничены. Въ 1398 году Вячеславъ, римскій король, постановилъ, чтобы крѣпостные (eigener lute) нѣмецкаго ордена, поселившіеся въ какомъ либо изъ орденскихъ городовъ и жившіе въ нихъ уже годъ и день (jar und tag), не могли быть ни кѣмъ вытребованы или присвоены себѣ [3]). А съ 1315 году король Сигизмундъ издалъ постановленіе, по которому всѣ бѣглецы изъ крѣпостныхъ ордена (eigene lute) могли быть вытребуемы изъ городовъ въ продолженіи одного года (inner jars frist) [4]).

Но трудно себѣ представить, какова была жизнь этихъ бѣглецовъ въ городахъ, чѣмъ они здѣсь занимались и какъ поддерживали себя. Дѣло въ томъ что корпоративное начало было столь развито у нѣмцевъ, что туземцы не могли имѣть доступа въ ихъ корпораціи, тщательно оберегавшія интересы своихъ соотечественниковъ отъ возможности какого-либо ущерба имъ со стороны туземцевъ. По одному правилу устава корпораціи пекарей въ Ригѣ, членъ ея, взявшій себѣ жену не нѣмку, т. е. туземку, для обозначенія которыхъ служитъ терминъ „незаконнорожденная“ (unechte), долженъ былъ выйти изъ корпораціи [5]). Затѣмъ, ради удобства, какъ сказано въ уставѣ, ни одинъ туземецъ не долженъ быть принимаемъ въ корпорацію купцовъ въ Ригѣ [6]). По одному правилу общества портныхъ въ Ригѣ никто не имѣлъ права обучать не нѣмца портняж-

---

[1]) ibid. № 47, 21: quicunque de paganismo fugerit ad urbem, seu undecunque fugerit, liber sit sine contradictione, nisi cujus proprius, aut captivus fuerat. et cum sicut justum est requirat; si quis talem subtraxerit, fur civium erit.

[2]) U. B. № 1782 (19 янв. 1409 г.). [3]) ibid. № 3225.

[4]) ibid. № 3227. [5]) ibid. № 1305, 7 (1392 г.).

[6]) U. B. № 9050, 6 (1354 г.).

ничеству [1]). Въ корпорацію башмачниковъ въ Ригѣ не принимался ни одинъ нѣмецъ [2]). Въ члены великой гильдіи въ Ревелѣ могъ попасть только тотъ, который документально могъ доказать свое законное и безпорочное происхожденіе, свою свободу и непринадлежность кому-либо [3]). Вообще, по сознанію добросовѣстныхъ изслѣдователей, состояніе туземцевъ къ концу XIV столѣтія было самое печальное и невыносимое. „Они дошли черезъ всѣ ступени несчастія до самаго страшнаго состоянія и сдѣлались безправною вещію грубыхъ и безсовѣстныхъ господъ, которые своимъ произволомъ надъ подчиненными причинили тысячелѣтнее продолжительное огрубѣніе собственнаго потомства, ибо подростающее юношество, свыкаясь съ такими ужасами и будучи окружено классомъ людей, лишенныхъ всякихъ правъ, становилось также грубымъ и жестокимъ и неспособнымъ къ высшему образованію. Рабство было въ прибалтійскихъ провинціяхъ сильнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ крестьяне въ это время также по большей части были въ крѣпостномъ состояніи. Сословіе крестьянъ различаясь здѣсь по языку и національности отъ господствующихъ сословій, было разсматриваемо до нѣкоторой степени какъ другая порода людей, предназначенная къ служенію и страданію, выродившійся, вѣчно чуждый странѣ орденъ показывалъ ежедневно примѣръ крайней жестокости и безнравственности, и развращенное духовенство, погрязшее въ роскоши и лицемѣріи, было далеко отъ того, чтобы открыть бѣдственному и презрѣнному крестьянскому сословію путь къ добродѣтели и образованію. Позднѣйшіе ландшаги провели это безуспѣшное состояніе туземцевъ посредствомъ законовъ въ опредѣленныя формы развили далѣе крѣпостничество какъ неприкосновенное право господъ и этимъ сдѣлали невозможнымъ всякое свободное движеніе и всякое духовное развитіе туземцевъ вплоть до настоящаго столѣтія“ [4]). Шведскій ученый

---

[1]) ibid. № 1521, 25 (1400 г.) Ok so en sol nimant einem undudschen lerejungen upsetten scrotwerc to lerende.

[2]) ibid. № 1523, 20 (1375): men scholnene Undudesche jungen entfan, edder nene jungen, de umechte si.

[3]) ibid. № 1518, 33 (около. 1400 г.).. dass er recht, echt und untadelhaften herkommens und geburt, frei und niemands eigen sei.

[4]) Geschichte d. Ostseeprovinzen. Erster Theil .Mitau 1879, p. 184.

Грёнбладъ такъ описываетъ положеніе эстовъ по покоренiи ихъ датчанами: „съ чужеземными завоевателями, говоритъ онъ, въ Эстляндію прибыла и іерархія, которая едва-ли признавала какое либо другое средство обращенія язычниковъ къ христіанству, кромѣ огня и меча, и которая скоро достигла господства. Этимъ безповоротно былъ положенъ конецъ не только всякой возможности національнаго развитія на народныхъ основахъ, но у эстонскаго народа было похищено право собственности на землю, на которой онъ выросъ и которую долженъ былъ въ потѣ и трудахъ обработывать и, наконецъ, онъ былъ закованъ въ тяжелыя цѣпи крѣпостничества. Безъ сомнѣнія столь сильное и упорное племя было далеко отъ того, чтобы добровольно и безпрепятственно покориться такой печальной судьбѣ: его храбрая и почти отчаянная борьба съ первыми датскими завоевателями, равно какъ и его разнообразныя и многократныя попытки сбросить затѣмъ позорное иго вполнѣ свидѣтельствуетъ о противоположномъ, но всѣ его усилія сломились о столь дурно употребленное превосходство въ силѣ оружія и образованія. Когда въ срединѣ XIV вѣка господство надъ Эстоніей перешло отъ датчанъ къ нѣмецкому ордену, то положеніе страны и жителей сдѣлалось тѣмъ бѣдственнѣе и достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ рѣзче была организована и послѣдовательнѣе проведена іерархическо-феодальная общественная система, подъ которую вновь подпали Эстонскія провинціи. Вся страна была раздѣлена на множество духовныхъ владѣній и рыцарскихъ леновъ; на этотъ уже безъ того жестоко угнетенный народъ были наложены еще болѣе тяжелыя повинности и подати для обогащенія землевладѣльцевъ и доставленія имъ средствъ удовлетворенія ихъ праздности, роскоши и страсти къ удовольствіямъ, ихъ подчиненные были еще крѣпче порабощены и съ ними обращались вполнѣ согласно съ извращенными феодальными взглядами, по которымъ они признавались собственностію своихъ господъ и созданными только для ихъ нуждъ! Что духовные ленные владѣтели мало уступали, часто даже превосходили въ неестественной строгости и жестокости рыцарей, на это указываютъ къ сожалѣнію и древнѣйшія и новѣйшія свидѣтельства“ [1]).

[1] Grönblad, l. c., примѣч. къ п. 5.

Наглядной иллюстраціей положенія туземцевъ и результатовъ, достигнутыхъ нѣмцами по завоеваніи Лифляндіи и покоренія ея жителей, служитъ ихъ всеобщее возстаніе въ 1343—45 годахъ. Началось оно въ Эстляндіи (Гарріи, Вироніи и Війкѣ). По разсказу очевидца Варѳоломея Гёнеке, въ ночь на Юрьевъ день, 23—24 апрѣля 1343 года, эсты задумали отдѣлаться совсѣмъ отъ своихъ господъ и съ этою цѣлію принялись истреблять всѣхъ, въ комъ текла нѣмецкая кровь. Церкви во всей Ревельской епископіи были сожжены, той-же участи подвергся и Падисскій монастырь; 28 монаховъ безчеловѣчно были умерщвлены, и только не многіе изъ монаховъ вмѣстѣ съ аббатомъ спаслись. Жертвой пламени сдѣлались и всѣ господскіе дворы; возставшіе рыскали по странѣ; убивая всякаго попавшагося въ ихъ руки нѣмца. Что ускользнуло отъ рукъ мужей, то добивали ихъ жены. Нѣмцевъ было убито болѣе 300, остальные спаслись въ Ревель и другіе замки. Вартбергъ передаетъ, какъ слухъ, что разъяренные эсты, похитивъ изъ госпиталя предъ городомъ Ревелемъ образъ Распятія, повѣсили его на висѣлицѣ подлѣ труповъ повѣшенныхъ, и, распяли какого-то христіанскаго мальчика на подобіе Распятія Господня. Затѣмъ, они, собравшись въ большемъ количествѣ, избрали четырехъ крестьянъ въ короли, которые носили позолоченные шпоры и пестрыя мантіи, на головѣ позолоченныя дѣвичьи короны, кругомъ тѣла позолоченный поясъ; все это представляло ихъ царское великолѣпіе. Послѣ этого 10 тысячъ эстовъ во главѣ со своими королями осадили Ревель и, не разсчитывая на собственныя силы, отправили пословъ въ Або къ королевскому шведскому фогту съ извѣстіемъ, что они перебили всѣхъ нѣмцевъ за то, что они были ими мучимы, бичуемы, угнетаемы и, не смотря на свои тяжелые труды, не имѣли и черстваго хлѣба, и просили дать имъ помощь, обѣщаясь стать его подданными и передать ему Ревель. Фогтъ обѣщалъ исполнить ихъ просьбу. Въ тоже время возстаніе распространилось и на Війкъ, гдѣ эсты также перебили около 1800 нѣмцевъ и осадили замокъ Гапсаль, гдѣ укрылся мѣстный епископъ вмѣстѣ съ духовенствомъ. Датскіе вассалы вмѣстѣ съ штадтгалтеромъ въ Ревелѣ обратились за помощію къ лифляндскому орденскому магистру, и когда онъ подоспѣлъ къ нимъ на помощь, они выбрали его своимъ главою (Hauptmann) и защит-

никомъ и передали ему страну, однако съ условіемъ, чтобы по единогласному требованію рыцарства возвратить ее въ продолженіи мѣсяца послѣ того, какъ его издержки будутъ вознаграждены. Теперь нѣмцы, собравшись въ Венссенштейнѣ, пригласили къ себѣ четырехъ эстонскихъ королей, чтобы узнать отъ нихъ причины возстанія эстовъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ магистру, что эсты были столь долго мучимы и угнетаемы, что не могли болѣе терпѣть, а когда магистръ спросилъ ихъ о причинѣ умерщвленія Падисскихъ монаховъ, то онъ отвѣтилъ, что тѣ сами вполнѣ виноваты и что если еще остался хоть одинъ нѣмецъ длиною въ локоть, то и онъ долженъ также умереть. Нѣмцы потребовали отъ нихъ покорности себѣ; они готовы были покориться только датскому королю и просили отпустить ихъ къ своему войску. Но имъ не пришлось болѣе увидѣть будущихъ своихъ подданныхъ, ибо они погибли въ Венссенштейнѣ вмѣстѣ съ своею свитою. Оставшись безъ предводителей, эсты просили мира. Нѣмцы отказали имъ. 14 мая 1343 года въ происшедшемъ при Ревелѣ сраженіи эсты были разбиты на голову. До какой степени эсты питали къ нѣмцамъ ненависть, показываетъ слѣдующій фактъ. Когда послѣ окончанія битвы множество ревельскихъ горожанъ вышло изъ города посмотрѣть на поле брани, то изъ кучи убитыхъ поднялся голый, окровавленный эстонецъ, намѣреваясь убить близъ стоящаго горожанина, но подоспѣвшій рыцарь добилъ его [1]). Затѣмъ магистръ двинулся въ Війкъ на выручку Гапсаля; при его приближеніи эсты разбѣжались. Между тѣмъ со стороны финляндскихъ шведовъ къ Ревелю явилась помощь. Здѣсь, услышавъ о пораженіи эстовъ, шведы заключили (21 мая) перемиріе съ эстляндскимъ рыцарствомъ [2]). Еще позже явилась помощь со стороны псковскихъ русскихъ. Послѣднихъ увѣдомили два эста изъ Гарріи, что всѣ нѣмцы въ Гарріи вмѣстѣ съ магистромъ ордена и рыцарями разбиты и эсты избрали королей и просятъ русскихъ занять ихъ страну. На эту просьбу (26 мая) 5 тысячъ русскихъ двинулись въ дерптскую епископію къ Оденпэ и опустошили окрестныя деревни.

[1]) Die jüngere livl. Reimchr. d. B. Hocneke 1315—1348. Hrsg. v Dr. K. Höhlbaum. Leipzig. 1872. p. 20—25; Ср. Wartberge, p. 70 и Новг. I. Л. 6852.

[2]) U. B. n. 815; Reg. 967.

Спустя пять дней они повернули назадъ и сперва были побиты погнавшимися за ними нѣмцами, но вскорѣ все же удержали за собою поле сраженія [1]). 24 іюля того же года возстали эзельцы, умертвили всѣхъ нѣмцевъ, утопили священниковъ въ морѣ и подступили къ замку Пойде, куда спаслись остальные рыцари и священники. Послѣ взятія замка одни изъ защитниковъ были перебиты каменьями, другіе утоплены въ морѣ. Послѣ этого событія магистръ Бурхартъ обратился за помощію къ великому магистру въ Пруссіи. Съ другой стороны и эсты приготовлялись къ отпору, Гарріенскіе эсты устроили двѣ засѣки, а эзельцы одну, въ которыхъ укрыли своихъ женъ, дѣтей и имущество. Подоспѣвшій нѣмецкій магистръ опустошилъ зимой Гаррію и разбилъ непріятелей при засѣкѣ. Эстовъ было побито, по Генеке, 30 тысячъ, а по русской лѣтописи 14 тысячъ. Послѣ этого магистръ опустошилъ Эзель, гдѣ въ засѣкѣ погибло 9 тысячъ мужчинъ. Предводитель эзельцевъ Вессе былъ повѣшенъ. Війкскіе эсты обѣщали никогда болѣе не отпадать отъ христіанства, но, добавляетъ Генеке, они не долго держались обѣщанія, и вновь отпали. Съ сѣвера возстаніе распространилось и на югъ въ Лифляндію. Когда въ 1344 году литовскій князь Ольгердъ вторгся въ Ливонію, то при Сегевольдѣ ему встрѣтился одинъ ливскій старшина, который заявилъ, что онъ избранъ новообращенными и всѣмъ народомъ въ короли и обѣщалъ передать ему всю страну, если онъ послѣдуетъ его совѣту. Когда Ольгердъ спросилъ, что дѣлать съ магистромъ, тотъ отвѣчалъ, что его нужно выгнать изъ Лифляндіи со всѣми нѣмцами. Ольгердъ возразилъ ему на это: „крестьянинъ, ты не будешь здѣсь царемъ“ и приказалъ обезглавить его предъ замкомъ на полѣ [2]). Въ Ливоніи возстаніе, повидимому, имѣло частный характеръ, ибо въ томъ же году зимою мы видимъ всѣхъ туземцевъ южной части Лифляндіи вмѣстѣ съ магистромъ Бурхартомъ опустошающими Эзель [3]). Отголосокъ всеобщаго возстанія туземцевъ мы слышимъ еще въ 1360 году въ Дерптѣ; здѣсь горожане-крестьяне изъ эстовъ убили 30 рыцарей и разграбили ихъ имущество [4]).

[1]) Ср. Hoeneke, l. c. p. 27 и Новг. I и IV и Псков. I лѣт. 6851.
[2]) Wartberge, l. c. p. 72. [3]) Hoeneke, l. c. p. 32.
[4]) Wartberge, l. c. p. 77.

Это было самое большое возстаніе туземцевъ спустя болѣе столѣтія послѣ ихъ покоренія; возстанія въ мелкихъ размѣрахъ продолжались съ такимъ же характеромъ вплоть до новѣйшихъ временъ. Внутреннія причины оставались однѣми и тѣми же для туземцевъ; проповѣдники и служители новой религіи были столь же ненавистны, какъ и простые міряне, ибо иго тѣхъ и другихъ было для нихъ невыносимо: послѣдніе обременяли ихъ матеріально, а у первыхъ къ вещественному бремени присоединилось еще духовное, т. е. требованіе исполненія обрядовой стороны католичества. Неудивительно поэтому, что проповѣдники этой религіи первые дѣлались жертвою ненависти туземцевъ и что та ничтожная доля скудной духовной пищи, которую могли преподать туземцамъ католическіе проповѣдники, была слишкомъ горька для нихъ, дѣйствія ея парализовались тяжкимъ экономическимъ и нравственнымъ гнетомъ, съ которымъ соединялось принятіе ея. Посмотримъ, однако, какова была духовная пища, которую католическіе проповѣдники предлагали имъ.

Уже въ 1199 году папа Иннокентій III приказывалъ лифляндскимъ миссіонеромъ научить новообрещенныхъ туземцевъ читать символъ вѣры и молитву Господню [1]). Но видно, что въ Лифляндіи предпочитали познакомить туземцевъ съ христіанствомъ другимъ способомъ. Генрихъ передаетъ намъ любопытное извѣстіе объ одномъ такомъ способѣ. Зимою 1205 года въ центрѣ Риги, вѣроятно, на площади была разиграна предъ язычниками и новообращенными изъ туземцевъ мистерія (ludus prophetarum ordinatissimus) съ цѣлію научить тѣхъ и другихъ первымъ начаткамъ христіанской вѣры. Такъ какъ мистерія, по всей вѣроятности, была составлена и разыграна на латинскомъ языкѣ, то ея содержаніе было переводимо толмачемъ присутствующимъ. Въ ней, по сообщенію Генриха, были представлены войны Давида, Гедеона и Ирода; здѣсь въ лицахъ изображалось ученіе Ветхаго и Новаго Завѣта. „Но когда воины Гедеона начали сраженіе съ филистимлянами, то разсказываетъ Генрихъ, язычники, боясь быть убитыми, разбѣжались, но съ предусмотрительностію. были позваны назадъ. Это зрѣлище, заключаетъ Генрихъ, было какъ бы прологомъ и предвѣщаніе-

[1]) U. B. № 13.

емъ будущаго, ибо въ будущемъ приходилось обращать язычниковъ чрезъ многочисленныя войны, и указать имъ чрезъ ученіе Ветхаго и Новаго Завѣта, какимъ образомъ они могутъ достичь истиннаго миротворца и вѣчной жизни“ [1]). О дальнѣйшихъ способахъ обученія туземцевъ у насъ нѣтъ извѣстій, но мы знаемъ, на кого между прочимъ налагалась обязанность учить. Во время Генриха господствовалъ еще взглядъ, по которому рыцари и вассалы, получившіе отъ епископовъ въ ленъ земли, обязаны были обучать своихъ подчиненныхъ христіанской вѣрѣ; впрочемъ, сюда входило не столько обученіе вѣрѣ, сколько настойчивое наставленіе о платѣ десятины и исполненіи другихъ повинностей въ пользу нѣмцевъ [2]).—Что касается самаго духовенства, то оно едва ли ставило своею главною задачею распространеніе вѣры. Рижская долговая книга, обнимающая время отъ 1286 до 1352 года, свидѣтельствуетъ, что духовенство участвовало въ разнообразныхъ денежныхъ сдѣлкахъ и часто дѣятельно занималось торговлею на разныхъ ступеняхъ, въ ней встрѣчаются товарищества, благотворительныя учрежденія, города и корпораціи пилигриммовъ. Гильдебрандъ [3]), основываясь на данныхъ этой же долговой книги, говоритъ: „и рыцарь и вассалы, членъ капитула и священникъ, монахи и орденскія сестры; при денежной или куплевой сдѣлкѣ пользовались городскою книгой“. А если бы оно и питало искреннее желаніе служить дѣлу вѣры, то внутреннія усобицы, сословныя партіи, полагали этому непреодолимыя преграды. Такъ, напр., въ концѣ XIV вѣка распря между эзельскимъ соборнымъ капитуломъ и мѣстнымъ епископомъ, расточившимъ церковныя вотчины, завершилась наконецъ убійствомъ послѣдняго однимъ изъ членовъ капитула и жестокой расправой рижскаго архіепископа, простиравшейся не только на членовъ капитула, но и на всю эзельскую церковь [4]). Раздоры эти естественно благопріятствовали хищническимъ наклонностямъ нѣкоторыхъ вассаловъ эзельской церкви, которые грабили и жгли не только обыкновенные предметы и зданія, но и церковную утварь и самыя цер-

[1]) Heinr. IX, 14.

[2]) ibid. XXVIII, 8: ut Estones subditos suos fidem docerent christianam Estonibus quoque de decima... competenter docendo proposuit (scil. episc. Hermannus); ср. XXIX, 3—6.

[3]) Das Rigisch. Schuldb. p. XXXIII [4]) U. B. №№ 1170, 1172, 1187, 3097.

кви [1]). Не удивительно поэтому, что въ 1420 году состояніе эзеле-війкской епископіи было столь плачевно и безпорядочно, что тогдашній епископъ Каспаръ считалъ для себя невозможнымъ что-либо исправить и со слезами на глазахъ просилъ папу сжалиться надъ нимъ и перевести въ Германію на вакантную каѳедру варміенской епископіи [2]). Къ этому времени ко внутреннимъ усобицамъ въ эзеле-війкской епископіи присоединилась еще внѣшняя борьба ганзейскихъ городовъ съ датскимъ королемъ Эрикомъ, очень чувствительно отразившаяся на приморскихъ областяхъ этой епископіи на Эзелѣ и Війкѣ, гдѣ городъ Гапсаль со всѣми церквами былъ разграбленъ и наконецъ до тла сожженъ [3]). Условія для миссіонерской дѣятельности безспорно были столь же не благопріятны и въ другихъ епископіяхъ, исключая развѣ ревельской епископіи, гдѣ страна не была такъ безпокоима внутренними усобицами. Бѣгство эзеле-війкскаго епископа изъ своей епископіи не исключительное явленіе, напротивъ, напр., на рижской каѳедрѣ XIV вѣка мы замѣчаемъ то явленіе, что большинство архіепископовъ умираетъ при папскомъ престолѣ и нѣкоторые изъ нихъ даже и не видѣли Лифляндіи. Отсутствіемъ благопріятныхъ условій для миссіонерской дѣятельности въ дерптской епископіи объясняется и то явленіе, что о здѣшнихъ епископахъ XXII—XIV вѣковъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ ихъ именъ, да и тѣ иногда сомнительнаго свойства. Были и другія причины, препятствовавшія миссіонерской дѣятельности. Въ постановленіяхъ рижскаго провинціальнаго собора 1428 года [4]) (cap. III) выражается сожалѣніе между прочимъ о томъ, что лифляндскіе священники оказывались не только невѣжественными, такъ что имъ нужно было указать, какія слова произносятся при крещеніи, но и не умѣющими говорить съ туземцами на понятномъ языкѣ, вслѣдствіе чего туземцы не знаютъ и начатковъ христіанской вѣры. Другая причина, приводимая въ тѣхъ же постановленіяхъ (cap. IX) состоитъ въ томъ, что нѣкоторые господа отягощали своихъ крестьянъ чрезмѣрными

[1]) ibid. №№ 1115, 1197. [2]) U. B. № 2491.

[3]) См. актъ 1429 г. 17 февр. въ Pabst, Beitr. z. Kunde Liv. Etst. und Kurlands, p. 83—86.

[4]) Въ Gesch. d. Quellen d. Kathol. Kirchenrechts Dr. H. Jacobson. Königsberg 1837 г.

работами въ воскресные и праздничные дни, что допускается въ этихъ постановленіяхъ въ случаѣ крайней необходимости. А крестьяне, которые въ эти дни бываютъ свободны отъ барщины, обыкновенно пользуются этимъ временемъ для продажи своихъ продуктовъ въ городахъ [1]). Чтобы воспрепятствовать торговлѣ въ воскресные и праздничные дни, сторожамъ городскихъ воротъ строго приказывается запирать въ эти дни большія ворота до конца большой миссы, и священникамъ приходскихъ церквей предписывается увѣщевать прихожанъ соблюдать это постановленіе. Затѣмъ, постановленія (сар. XXXVI) указываютъ на сильное развитіе въ Лифляндіи симоніи, отталкивающей туземцевъ прихожанъ отъ требъ церковныхъ, когда съ ними соединяется плата въ той или другой формѣ. Но постановленія 1429 года, сдѣланныя съ цѣлію споспѣшествовать дѣлу вѣры, значительно подрываютъ себя, когда подъ страхомъ отлученія запрещаютъ переводить кому бы то ни было на народный языкъ богословскія, историческія и каноническія сочиненія на латинскомъ языкѣ (сар. XLVII) [2]). Постановленія эти даютъ намъ нѣкоторое понятіе и о самомъ характерѣ благочестія туземцевъ. Мы видимъ (сар. XX и XXIX), что католическое духовенство усердно воздвигало передъ городами, на общественныхъ дорогахъ и въ деревняхъ, церкви и капеллы св. Антонія [3]) и другихъ и ставило иконы и другіе священные

---

[1]) Впрочемъ, здѣсь имъ не легко было продать свой товаръ. Тѣ же постановленія (сар. XVII) свидѣтельствуютъ, что купцы нарочно оттягивали у нихъ время при куплѣ, такъ что крестьянинъ долженъ былъ возвращаться домой съ товаромъ или сбыть его за дешевую цѣну.

[2]) Повидимому, около этого времени въ Лифляндіи существовала секта изъ обоего пола людей, которая въ своихъ тайныхъ собраніяхъ пыталась ввести постановленія и обычаи, посягавшія на свободу церкви, отвергая «спасительныя и обычныя приношенія въ церковь Божію» и «опредѣляя способъ и мѣру другимъ духовнымъ службамъ» (сар. XXX).

[3]) Въ католической церкви св. Антоній эремитъ изображается въ сопровожденіи свиньи, въ рукахъ жезлъ съ двумя колокольчиками. Народъ смотрѣлъ на него какъ на патрона свинопасовъ и свиноводства. Культъ Антонія на столько повліялъ на туземцевъ, что остатки его существовали до новѣйшихъ временъ. У эстовъ ему (Tõnn) приносили различныя жертвы, 17 января было посвящено ему, его святыня — свѣча въ корзинѣ считалась особенно спасительною для домашняго скота. У ливовъ въ его (Tuni) праздникъ не ходили удить рыбу и ѣли головы свиней. Латыши западной Курляндіи посвящали одинъ или нѣсколько дней въ январѣ Tunnis'у или Tennis'у, ѣли въ эти дни свиныя головы и внутренности, вѣря, что этотъ обычай со-

предметы (? carbanas vel truncos), при которыхъ или въ которыхъ можно было полагать всякія приношенія, шедшія въ пользу священника и на постройку капеллы или церкви. Что же касается собственно до обученія, то оно ограничивалось самымъ малымъ изъ того, что туземцы могли слышать въ церкви. Намъ извѣстно, что въ началѣ XIV вѣка новообращенные на вопросъ,—вѣрятъ ли они въ Бога, отвѣчаютъ: „мы вѣримъ въ Бога, въ Пр. Дѣву Марію, въ святыхъ Божіихъ и въ то, во что вѣритъ св. римская церковь, равно какъ и признаемъ символъ вѣры подобно другимъ истиннымъ и добрымъ христіанамъ“ [1]). Намъ думается, что если признать вѣрною сущность этого отвѣта, въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться, то мы получаемъ довольно точное понятіе о предметахъ и сущности религіознаго обученія туземцевъ. Призыванію имени Бога, Пр. Дѣвы Маріи и святыхъ приписывается до сихъ поръ у туземцевъ мощная сила при различнаго рода наговорахъ и заговорахъ, у эстовъ и латышей сохранилось достаточное количество магическихъ формулъ, гдѣ на первомъ планѣ фигурируютъ имя Божіе, Христа, Богородицы, и святыхъ съ примѣсью искаженныхъ латинскихъ молитвенныхъ словъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о способѣ обученія туземцевъ христіанскимъ истинамъ мы черпаемъ уже изъ болѣе позднихъ источниковъ. Уже не разъ упомянутый Эйнгордтъ въ своей Historia Lettica сообщаетъ намъ нѣсколько о данномъ предметѣ „Что касается религіи или богопочитанія, говоритъ онъ, то нѣмцы меченосцы мало заботились о ней, и не спрашивали о томъ, какъ отучить леттовъ отъ язычества и ложнаго богопочитанія и привести ихъ къ познанію истиннаго Бога. На все это не обращалось вниманія, но папскіе священники рыскали кругомъ въ странѣ, отправляли тамъ и сямъ миссы, и весьма мало обучали ихъ христіанской вѣрѣ, да они и не могли обучать ихъ, не зная языка и не имѣя никакого средства или случая изучить его“ [2]). По его извѣщенію, рижскій архіепископъ Яспаръ Линде (1509—1524), хваставшійся тѣмъ, что онъ много упо-

---

дѣйствуетъ расположенію свиней, и не занимались тканьемъ. Антонія прозывали Seu-Toni, Seu-Töni‘ Sic-Tönn (т. е. Антоній свиней). См. Sitzungsb. d. geh. Estn. Gesell. 1881. p. 19—21; 1882 г. p. 174.

[1]) U. B. № Reg. 714 (окт. 1306 г.).

[2]) Historia Lettica. Dorpt. 1649. p. 54.

требилъ прилежанія къ искорененію въ странѣ леттовъ язычества поступалъ такъ: когда крестьяне доставляли различныя повинности (wacken), то духовный судья и ландкнехты должны были прослушивать ихъ, умѣютъ ли они молиться; кто нѣсколько умѣлъ, того онъ угощалъ, а кто неумѣлъ, того приказывалъ немилосердно сѣчь розгами [1]). Когда въ страну леттовъ проникли іезуиты, они также довольствовались тѣмъ только, что требовали отъ леттовъ, чтобы всѣ присутствовали на ихъ миссахъ, призывали святыхъ и презирали еретиковъ и ихъ ученіе. Летты дѣйствительно казались истинными христіанами католиками, съ великимъ благоговѣніемъ слушая миссы и смиренно кланяясь, но какъ только они возвращались домой, то становились язычниками и усердно призывали своихъ боговъ и отправляли языческіе обряды. Въ катихизисѣ, составленномъ для леттовъ священникомъ Іоакимомъ Малловіемъ въ Кокенгузенѣ (около 1613 года), всѣ наставленія были направлены къ тому, чтобы они научились призывать Пр. Дѣву Марію и почитать wissu auckstais Biscups eckshan Rome pils (т. е. высочайшаго епископа въ городѣ Римѣ); въ ней, по утвержденію Эйнгорна, не было ни одного правильнаго латышскаго слова, такъ что изъ десяти читателей едва одинъ могъ кое-что понять. Не удивительно поэтому, что изъ язычества и христіанства составился хаосъ, изъ котораго трудно было бы выдѣлить первоначальные элементы. Летты, видя, что призываніе Пр. Дѣвы Маріи и другихъ святыхъ сходится съ призываніемъ ихъ различныхъ женскихъ божествъ, обращались въ молитвѣ за одно къ тѣмъ и другимъ, разсчитывая этимъ придать своей молитвѣ двойную силу. Такъ наприм. они взывали: O Maringa dargа, o Lopa Matiet baggata! [2]). Попытки завести въ Леттоніи школы не удались даже въ XVI вѣкѣ. Для этой цѣли съ крестьянъ ежегодно собирались школьныя деньги, но всѣ они расходовались на другія потребности, а на школу не шло ни одного пфеннинга. Основаніемъ къ такого рода дѣйствіямъ служили опасенія, чтобы туземцы, становясь грамотными, точнѣе и подробнѣе не узнали изъ чтенія хроникъ родной страны о счастливомъ старомъ времени, исчезнувшемъ съ прибытіемъ

[1]) ibid. p. 56.

[2]) Reform. Gen. Lett. in Ducatu Curlandiae въ SS. rer. Liv. II, p. 616.

нѣмцевъ и не подняли вслѣдствіе этого возстанія противъ своихъ теперешнихъ угнетателей [1]). Такими же красками рисуетъ положеніе христіанства въ Курляндіи Соломонъ Геннингъ, писавшій во второй половинѣ XVI вѣка. Священники и вообще духовныя лица любили жить въ роскоши и эпикурейской безпечности, ничуть не заботясь о своихъ духовныхъ обязанностяхъ по отношенію къ паствѣ; вмѣшивались въ свѣтскія дѣла и участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ того времени, въ которыхъ при томъ имѣли обыкновеніе быть первыми и послѣдними [2]). Не удивительно поэтому, что туземцы по большей части оставались безъ обученія и истиннаго богопознанія, безъ крещенія и таинствъ, какъ не разумные звѣри, возросшіе въ язычествѣ, безъ всякой религіи и богослуженія, преданные идолослуженію своихъ предковъ въ кустарникахъ и лѣсахъ и всякаго рода колдовству и чародѣйству [3]). Фактъ живучести у лифляндскихъ туземцевъ язычества констатированъ уже постановленіями собора 1429 года. Здѣсь (cap. XIX и XXVII) говорится, что нѣкоторые крестьяне еще въ то время болѣе любили погребать своихъ покойниковъ въ рощахъ на мѣстахъ прежнихъ языческихъ кладбищъ, совершая по нимъ тризну, чѣмъ на христіанскихъ кладбищахъ, и что они не почитали мощей, а полагали всю свою надежду на громъ и священныя деревья, которымъ и приносили жертву. При обозрѣніи лифляндскихъ церквей въ 1613 году оказалось, что состояніе церквей было самое печальное: множество церквей лежало въ развалинахъ [4]), множество было совершенно безъ священниковъ, а тамъ, гдѣ и была церковь и при ней священникъ, послѣдній не могъ отправлять богослуженія или по причинѣ недостатка въ церковной утвари, или по лѣности [5]). Что же касается

---

[1]) Histor. Lett., p. 56. 62.

[2]) Warhafftiger und bestendiger bericht. Rostock. 1589. p. 10. 14. 46.

[3]) ibid., p. 12. 15; см. также Kurl. Kirchen Reform und Kirchen Ordnung v. G. 1560 Einhorn. Rostock. 1572.

[4]) Если вѣрить Эйнгорну (Histor. Lett. p. 277), то въ Курляндіи церкви были только въ замкахъ: Митавѣ, Баускѣ, Добленѣ, а въ Гольдингенѣ. Виндавѣ, Кандавѣ, Тукумѣ, Тальзенѣ и Цабельно не было даже деревянныхъ капеллъ.

[5]) Что такое печальное состояніе церквей зависѣло не отъ войнъ XVI в., это доказывается тѣмъ, что еще въ постановленіяхъ упомянутаго выше собора констатируется незавидное состояніе церквей во всей Лифляндіи въ 1429

народа, то много дѣтей умирало безъ крещенія, взрослые жили въ бракѣ безъ бракосочетанія, богослуженіе мало посѣщалось, а поэтому не только молодые, но и взрослые не умѣли молиться по христіански. Жители дерптской епископіи объясняли свое невѣжество въ христіанской религіи излишними работами, ибо имъ не позволяли праздновать праздничные дни и побуждали уже въ воскресенье вечеромъ идти на работы [1]). По извѣстію іезуитовъ [2]), латыши восточной Лифляндіи около Динабурга, Розитена, Рушена и Лутцена въ 1618 году были въ полномъ смыслѣ язычниками. Живя въ самыхъ густыхъ лѣсахъ, они были преданы идолопоклонству и всѣмъ языческимъ суевѣріямъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ и были крещены, но не имѣли ничего достойнаго имени христіанина; весьма рѣдко жили въ законномъ бракѣ, и по большей части ежегодно мѣняли женъ. Никто не умѣлъ дѣлать крестнаго знаменія, тѣмъ болѣе не зналъ молитву Господню и ангельскій привѣтъ, іезуитскій священникъ окрестилъ здѣсь сто человѣкъ пожилаго возраста, другихъ—возрастомъ отъ 8—34 лѣтъ. Здѣшніе латыши почитали извѣстные камни, которыхъ берегли въ кухнѣ, амбарахъ и житницахъ: на эти камни возливалась кровь убиваемыхъ животныхъ и клалась часть изъ всякой пищи. Кромѣ того, они почитали священными дубъ и липу; мужчины дубу приносили въ жертву пѣтуха, а женщины—липѣ—курицу. При всемъ томъ они почитали одного бога, называемаго Cerroklis, которому изъ всего съѣдобнаго предлагался первый кусокъ, а изъ всѣхъ напитковъ первый глотокъ. Не удивительно послѣ этого, что эти язычники питали столь закоренѣлую ненависть къ католическимъ священникамъ, что, когда послѣдніе приближались къ ихъ жилищамъ, они высылали имъ на встрѣчу злыхъ собакъ. Весьма характеренъ и тотъ фактъ, сообщаемый также іезуитами, что, когда около этого же времени католическій священникъ говорилъ похвальную рѣчь и воспѣвалъ пѣсни въ честь Пр. Дѣвы Маріи предъ собравшимся народомъ близъ

году. Оказывается (cap. XXIX), что еще въ то время крыши, окна и другія части храмовъ грозили рухнуть, и во время дождя и снѣга не только прихожане, но и священники предъ алтаремъ не были защищены отъ дождей, вѣтровъ и бурь и нерѣдко должны были жертвовать жизнію.

[1]) Archiv. t. I. p. 24—77.

[2]) Annal. Resid. Wend. Soc. Iesu въ Mittheil. B. IV, p. 495—501.

замка Кремона двое дерзкихъ юношей произнесли предъ народомъ много злословій (multa blasphemata) на нее и, снявъ съ плечъ другихъ льняные платки и надѣвъ ихъ на себя, они начали прыгать, издѣваясь надъ нею и крича: „Maria, ora pro me! Maria, ora pro me"! Изъ послѣдняго факта мы съ значительною вѣроятностію можемъ заключить о характерѣ религіознаго обученія во всей Лифляндіи не только въ началѣ XVII вѣка, но гораздо раньше этого. Эта мысль становится тѣмъ болѣе вѣроятною, что самимъ рыцарямъ, поступающимъ въ орденъ, вмѣнялось въ обязанность въ каждую субботу только прочесть семь разъ Pater noster и Ave maria [1]). Кельхъ, писавшій въ концѣ XVII вѣка, прямо свидѣтельствуетъ, что вслѣдствіе отсутствія школъ и достойныхъ священниковъ язычество продолжало еще существовать по близости къ русской границѣ въ глуши лѣсовъ и на морскомъ берегу [2]). Характеристика духовенства и вообще господствующихъ классовъ страны даетъ намъ до нѣкоторой степени, хотя и косвенно, понять положеніе туземцевъ въ послѣднее время существованія лифляндской самостоятельности. „Вырожденіе высшаго и низшаго духовенства въ Лифляндіи, по словамъ одного новѣйшаго изслѣдователя, было столь же велико и всеобще, какъ и во всѣхъ странахъ того времени. Обыкновенно, свое отечество оставляли только самые худшіе субъекты, ища своего счастія въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, гдѣ въ худшей и грубѣйшей обстановкѣ они должны были еще болѣе развратиться и одичать. Высшій богатый клиръ утопалъ въ роскоши, низшіе священники и монахи, погрязши въ невѣжествѣ и грубости, были разсматриваемы, по выраженію одного современника, какъ исчадія духовенства, съ которымъ обращались какъ съ конюхами» [3]). Тѣмъ не менѣе это духовенство съумѣло развить въ туземцахъ къ себѣ крайнее раболѣпство и низкопоклонничество, такъ что этому удивлялись и сами обозрѣватели церквей лифляндскихъ въ 1583—84 годахъ; они замѣтили, что „туземцы удивительно смиренны на вопросъ, какой они вѣры? они отвѣчаютъ: старой, и высказываютъ предъ священниками столь великое благоговѣніе, что едва не бросаются имъ въ ноги [4]).

[1]) Toll, I, n. 642 (18 окт. 1504 г.).
[2]) Liefland, Histor. Reval. 1695. p. 17.
[3]) Geschichte d. Ostseeprovinzen. I. 231. [4]) Archiv. I p. 327—328.

Съ другой стороны, и орденъ не хотѣлъ имѣть никого подлѣ себя и надъ собою, кромѣ рабовъ,. служителей его интересовъ и страстей". Естественно по этому, что „герои язычники стали рабами христіанами" [1]). Путешественникъ Мюнстеръ описываетъ жителей Лифляндіи въ XVI вѣкѣ такъ: величайшая война, которую лифляндцы (Livones) въ настоящее время ведутъ особенно въ замкахъ и господскихъ дворахъ, состоитъ въ обжорствѣ и попойкахъ. Господа выжимаютъ съ великою жестокостію отъ крестьянъ все, что такъ гибельно расточаютъ. Почти всѣ крестьяне суть рабы; если кто либо изъ нихъ убѣжитъ отъ голода, ударовъ плетьми или другаго жестокаго обращенія, то, по поимкѣ его, у него отрубается нога, чтобы онъ не могъ вторично убѣжать. Нѣтъ болѣе несчастнаго народа на землѣ, какъ тѣ рабы; они питаются столь грубою пищею, что у насъ такой не стали бы ѣсть и свиньи, они носятъ башмаки изъ лыка цѣною въ три пфеннинга. Однимъ словомъ, эти несчастные люди живутъ, какъ дикіе звѣри, и съ ними обращаются, какъ съ дикими звѣрями. Большая часть ихъ живетъ по язычески, не зная истиннаго Бога, одинъ обращается съ молитвою къ солнцу, другой—къ лунѣ, третій — къ красивому дереву, четвертый — къ камню или къ другому подобному предмету [2]). Несчастнымъ туземцамъ, не видѣвшимъ конца своему горю здѣсь на землѣ оставалось только одно утѣшеніе, одна надежда, которою они льстили себя, это — загробное господство въ томъ мірѣ надъ своими здѣшними властелинами. Поэтому, снабжая своего покойника всѣмъ нужнымъ на путь въ тотъ міръ, они произносили: „ступай, несчастный, изъ этого міра, гдѣ надъ тобой господствовали нѣмцы, въ лучшій міръ, гдѣ уже не они надъ тобою, но ты будешь господствовать надъ ними", или „иди въ другой міръ, гдѣ ты будешь господствовать надъ нѣмцами, какъ они господствовали здѣсь надъ тобою [3]). Курбскій очерчиваетъ жизнь господствующихъ классовъ болѣе общими чертами. По его словамъ, они „ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому, и невоздержанію, и ко долгому спанію, и лѣнивству, къ неправдамъ и кро-

[1]) Livland. A. Fahne. Düsseldorf. 1873 r. p. 173—74.

[2]) Cosmografei. Basel 1550. p. 787; ср. Crantz. Wand. lib. 14. cap. 31 и Olearius, Vermehrte Mosc. и Pers. Reisebeschr. 1663. p. 112—113.

[3]) Lasicus. l. c. p. 48. Münster, Sebast. l. c. p. 787.

вопролитію междоусобному [1]). Но самыми яркими красками рисуетъ старое доброе время въ Лифляндіи мѣстный писатель Рюссовъ, имѣвшій возможность точно и подробно изучить всѣ мелочи мѣстной жизни. По его изображенію, предъ нами выступаетъ въ полномъ свѣтѣ, въ самой обыденной дѣйствительности, жизнь безпечныхъ и праздныхъ завоевателей Прибалтійскихъ провинцій, и вмѣстѣ съ этимъ мы получаемъ нѣкоторое отрицательное понятіе о жизни ихъ подчиненныхъ. Послѣ того, говоритъ Рюссовъ, какъ Лифляндія была покорена и ограждена отъ нападеній внѣшнихъ множествомъ замковъ и крѣпостей, такъ что лифляндцамъ на много лѣтъ нечего было опасаться войны, „между правителями и подданными стали распространяться безпечность, праздность, тщеславіе, роскошь и хвастовство, сластолюбіе, безмѣрная расточительность и распутство, такъ что нельзя вдоволь разсказать или описать всего. Нѣкоторые орденскіе магистры ради добрыхъ праздныхъ дней впали въ такой развратъ, что стыдно о немъ и вспомнить. О ихъ наложницахъ нечего и говорить, такъ какъ у нихъ не считалось позорнымъ, если они подержали у себя наложницу нѣкоторое время, затѣмъ выдавали замужъ, а себѣ брали другую, новую. Точно также бывало у епископовъ и канониковъ [2]). Если наложница какого либо епископа состарѣлась, или болѣе не нравилась ему, то онъ выдавалъ ее замужъ за какого либо свободнаго поземельнаго собственника (Landfrye), подаривъ ему въ приданое мельницу или участокъ земли, нѣсколько разъ бралъ себѣ свѣжую дѣвку и опять выдавалъ ее замужъ. Точно также поступали каноники и аббаты. И когда одинъ ревельскій каноникъ Іоаннъ Бланкенбергъ привезъ свою законную жену изъ Германіи въ Ревель, то не осмѣлился признаться епископу и другимъ каноникамъ, что она съ нимъ обвѣнчана, а долженъ былъ говорить, что она его наложница и служанка. И когда это узналъ другой человѣкъ, то Іоаннъ Бланкенбергъ

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго. Изд. 3-е Устрялова. Спб. 1868 г. стр. 48.

[2]) То, что говоритъ о развращенности, преимущественно высшаго духовенства, Рюссовъ, нельзя считать явленіемъ слишкомъ позднимъ, напротивъ, овладѣвъ страною и прочно усѣвшись въ своихъ замкахъ, оно вскорѣ опустилось съ высоты своего званія. Постановленія собора 1429 г. (сар. XII), констатируютъ фактъ повсемѣстнаго открытаго существованія въ Лифляндіи конкубинатства между духовенствомъ.

далъ ему откормленную свинью, чтобы только тотъ не разглашалъ, что у него законная жена, такъ какъ это считалось у святыхъ католическихъ мужей большимъ позоромъ и грѣхомъ. Тоже самое дѣлали и ихъ подчиненные дворяне и не дворяне. „А когда этотъ порокъ распространился повсемѣстно, то и нѣкоторые евангелическіе священники внутри страны не стыдились, подобно другимъ, держать наложницъ или хозяекъ. Въ то время во всей странѣ не было ни одного суперинтендента, который обратилъ бы вниманіе на подобные грубые пороки. И многіе церковно-служители мало заботились о поученіяхъ и проповѣдяхъ и ничего больше не дѣлали, какъ только разъѣзжали отъ одного приходскаго помѣщика (Kerkspels Juncker) къ другому и отъ одного свободнаго поземельнаго собственника (Landfreye) къ другому, а также и къ крестьянамъ и заставляли себя хорошенько угощать. Который же священно-служитель былъ веселымъ человѣкомъ, умѣлъ шутить и задать веселую пирушку и говорить, какъ имъ нравилось слушать, тотъ былъ настоящимъ проповѣдникомъ для этого народа. Туземцы погрязли въ подобномъ же распутствѣ, ибо большая часть крестьянъ ничего не знала о брачной жизни. Что же касается до обыденной жизни и занятій орденскихъ братьевъ, канониковъ и дворянства, то, продолжаетъ Рюссовъ, въ тѣ времена вся жизнь ихъ проходила лишь въ травлѣ и охотѣ, въ игрѣ въ кости и другихъ играхъ, въ катаньѣ верхомъ и разъѣздахъ съ одного пира на другой, съ однихъ знатныхъ крестинъ на другія, изъ одного округа (Wacke) въ другой для сбора подати, съ одного храмоваго праздника (kerkemisse) на другой“. Далѣе Рюссовъ подробно описываетъ дворянскія свадьбы и крестины, на которыя созывались дворяне изъ всѣхъ областей и которыя праздновались со всевозможнымъ торжествомъ и роскошью, свойственною тому времени. Каждый округъ или вакъ долженъ былъ ежегодно устроивать для своего господина или помѣщика приличное пиршество, къ которому должны были собираться съ данію всѣ крестьяне и батраки, принадлежавшіе къ ваку. По уплатѣ дани начинался разгулъ во всю ширину. Попойкамъ не было мѣры, ибо всѣ упивались до крайности. Этотъ праздникъ ваковъ продолжался во всей странѣ съ Михайлова дня до Рождества у всѣхъ орденскихъ сановниковъ, правителей и дворянъ.

Особеннымъ разгуломъ и безобразіемъ отличался праздникъ при монастырѣ св. Бригитты. „На крещеніе св. Іоанна, по причинѣ отпущенія грѣховъ, сюда стекался народъ изъ всѣхъ окрестныхъ странъ, запасшись въ обиліи пивомъ". „Когда крестьяне, ихъ жены и служанки приносили на алтарь свои жертвы восковыми свѣчами, лошадьми, быками, телятами и овцами. сдѣланными изъ воску, чтобы чрезъ это получить благодать и здоровіе или обиліе скота, то женщины три раза вертѣли надъ головою шиллингъ или пфеннингъ и затѣмъ также бросали его на алтарь и отходили прочь". Послѣ такого мнимаго богослуженія начинался развратъ, разгулъ, побоища и убійства. Такое идолопоклонство и безбожіе, добавляетъ Рюссовъ, происходило не только въ монастырѣ св. Бригитты, но во всѣхъ монастыряхъ и часовняхъ по всей странѣ.

У бюргеровъ и купцовъ въ городахъ также были свои особыя увеселенія и празднества, отличавшіяся такимъ же характеромъ, какъ и праздники и увеселенія нѣмцевъ, жившихъ въ помѣстьяхъ.

Такое ненормальное развитіе жизни въ странѣ сознавали и нѣкоторые нѣмцы. Рюссовъ говоритъ, что нѣкоторые дворяне, ради спасенія душъ и блаженства своихъ крестьянъ, держали при своихъ дворахъ на собственныя средства и жалованье пасторовъ, знающихъ эстонскій языкъ, которые должны были обучать крестьянъ и челядинцевъ катихизису. И многія благодѣтельныя вдовы и матроны-дворянки не стыдились за неимѣніемъ пастора при церкви читать своимъ крестьянамъ и челяди въ своихъ дворахъ пять частей катихизиса на туземномъ нарѣчіи и убѣждать всѣхъ ихъ жить въ страхѣ Божіемъ. Во избѣжаніе губительнаго вліянія мѣстныхъ развращенныхъ нравовъ на своихъ дѣтей нѣкоторые дворяне отправляли ихъ въ Германію въ высшія школы и королевскіе, курфирстскіе и княжескіе дворы [1]).

Если теперь въ заключеніе всмотрѣться въ общій смыслъ *совершившагося переворота* въ судьбахъ Лифляндіи, то легко замѣтить, что обращеніе туземцевъ въ католичество носитъ вполнѣ характеръ насильственный, что оно совершилось въ полномъ смыслѣ огнемъ и мечемъ; съ другой стороны обращеніе

[1]) Russow. l. c. p. 39—45.

это представляется повидимому совершеннымъ въ сравнительно очень короткій промежутокъ времени одновременно съ завоеваніемъ страны и покореніемъ жителей, но на самомъ дѣлѣ оно продолжалось нѣсколько вѣковъ. Это однако не значитъ, что туземцы столь упорно и продолжительно отстаивали только свою религію. Напротивъ, мы имѣемъ примѣры ихъ безразличнаго отношенія къ исповѣдуемой формѣ религіи. Центръ тяжести борьбы туземцевъ долженъ слѣдовательно падать главнымъ образомъ на то положеніе, которое создавалось ихъ покореніемъ. И если къ послѣднему присоединяется еще религіозное невѣжество, то намъ легко понять отсутствіе въ Лифляндіи національнаго вѣроисповѣданія и неустойчивое равновѣсіе религіознаго сознанія, представляющее одну изъ отличительныхъ чертъ всей лифляндской исторіи. То обстоятельство, что черта эта выступала, хотя и очень рѣдко, еще въ то время, когда Лифляндія не была завоевана нѣмцами, заставляетъ перенести часть причинъ неустойчивости религіознаго сознанія, лифляндскихъ туземцевъ на ихъ прежнее религіозное и общественное развитіе. Но удивительно быстрыя и неправильныя колебанія ихъ религіознаго сознанія въ послѣдующее время подъ владычествомъ нѣмцевъ и сосѣднихъ государствъ уполномочиваютъ изслѣдователя искать причинъ этого трагическаго явленія главнымъ образомъ въ характерѣ обращенія ихъ нѣмцами.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки	Напечатано:	Нужно читать:
IV	снизу 13	Війскъ	Війкъ
XI	» 9	Шифферу	Ширрену
XIX	» 8	Реннебургскіе	Роннебургскіе
2	» 6	земли	, земля
9	» 8	Метеполе	Метсеполе
11	сверху 15	языка	языка латышскаго
14	снизу 4	Sargelc	Targelc
14	» 2	Эстонскія провинціи	Эстонскую провинцію
29	прим. 2	Novebat	Fovebat
30	снизу 12	Orive	Crive
41	» 20	Гіэрта	Гіэрна
43	сверху 7	Arussweytus	Aussweytus
43	» 11	Iweikata	Sweikata
44	» 13	которые	которую
53	снизу 13	аидпъ	augur
53	» 11	Iemmeniek	Zemmienik
54	сверху 1	wetti	welli (вообще и въ др. мѣстахъ вм. t читай l)
56	сверху 12	Zigaschonen	Ligaschonen
58	прим. 3	солазурскаго	мазурскаго
70	сверху 7	поэмахъ	пѣсняхъ
90 и др.	» 17	Свегнеръ	Шегренъ (Sjögren)
92	снизу 9	ноги	ночи
96	» 7	пріемышъ	пріемышемъ
100	сверху 9	Seuna	Senna
101	снизу 14	lónne	Iôune
109	сверху 17	Foulu	Iôulu
119	снизу 6	его	сю
120	» 13	jolg	Sôlg
126	сверху 10	на островѣ	на островѣ Эзелѣ
127	» 7	Iem jarw	Ilmjârw
127	снизу 13	все	все же
130	» 4	поютъ	пьютъ
134	» 14	высокомъ	высокомъ небѣ
142	» 10	Эриксъ	Эрикъ
142 и др.	» 7	Олафъ Скетконунгъ	Олофъ Скетконукгъ
143	сверху 11	Олафа	Олофа
144	прим. 3	примѣч. 26	примѣч. 34

148	снизу 11	(† 1076)	(† 1086)
148	прим. 1	Gozense	Gozecense
149	снизу 11	Озуры	Озуръ
150	сверху 8	(† 1192)	(† 1182)
150	прим. 2	примѣч. 147, 154	примѣч. 241
151	» 1	Стр. 273	примѣч. 87
153	снизу 17	Турну	Турку
160	прим. 1	Karelom	Aff Karelom
162	сверху 12	до XII в.	до XIII в.
164	(Примѣчаніе первое въ текстѣ опустить, а второе считать первымъ подъ текстомъ, третье—вторымъ и т. д.)		
175	сверху 7	римскихъ	рижскихъ
191	» 1	нападеній	отпаденій
192	снизу 9	въ 1196	въ 1190
199	» 9	вейнаивцы	вейнальцы
200	» 11	Терьетена	Терветена
206	сверху 9	Дегугерута	Даугерута
206	прим. 3	Аутные	Аутине
208 и др. свер.	18	торендскихъ	тореидскихъ
210	прим. 1	XV, 9	XV, 1
210	» 2	ibid.	ibid XV. 9
212	снизу 6	Метасине	Метимне
214	сверху 4	отстать	отпасть
221	прим. 4	Friderico	Theoderico
237	снизу 7	Нуренгундомъ	Нурмегундомъ
139	» 4	Амераденъ	Ашераденъ
245	» 12	Альботенъ	Амботенъ
252	сверху 2	царей	князей
252	» 5	ходимъ	ходили
255	(Примѣчаніе пятое нужно считать за примѣчаніе первое на 256 стр.)		
256	сверху 10	Rugae	Ruyae
257	прим. 4	Костнеръ	Кэстнеръ
260	сверху 15	причудскія	три чудскія
264	прим. 2	Маля	Леаля
268	сверху 7	Каруселѣ	Карусенѣ
274	» 11	Къ нему	Къ нимъ
277	прим. 2	cluderitis	duxeritis
285	снизу 1	Ашаде	Алисте
286	сверху 11	и 7 еп. Теодориха	и еп. Теодорихъ
288	» 47	vixant	vix aut
289	» 2	номинальнымъ	номинальнымъ
294	прим 1	141	141, a
297	снизу 14	Саестъ	Саастъ
298	сверху 5	Solarenn	Solavenn
299	» 19	отсюда	отсюда до
299	снизу 7	Сокентеде	Cokenmede
300	прим. 5	поступилъ	построенъ
309	» 3	поле 2	note 2
314	сверху 7	другую	всю
318	снизу 14	времени	времени второй

328	снизу 6	Dovzarc, Megawc	Dovzare, Megawe
331	прим. 4	poventuum	proventuum
333	сверху 7	XI	IX
333	прим. 2	dimidium sive	dimdium lastde sua decimae sive
336	» 6	praesendam	praebendam
336	» 9	hoc	sive
341	снизу 7	Эндорнской	Эндорнской
341	» 4	Lehtis	Zehtis
341	прим. 3	на озерѣ	при озерѣ
342	сверху 45	Зессвейнѣ	Зессвегенѣ
343 и др.	» 4 и др.	Линкопійскій	Линкопійскій
344	прим.	Сунусль	Сунцель
344	«	Зиссельскою	Зисссегальскою
345	»	Дренмьенскимъ	Дрейлевенскимъ
352	снизу 9	современемъ	современенъ
355	сверху 10	kohelkond	kihelkond
356	снизу 5	Керильской	Старой Кергельской
356	» 3	Карляльской	Кармельской
358	прим. 1	Гутлемъ	Гупелемъ
360	сверху 10	Kerkure или Leskwere	lerkwere или Keskwere
367	прим 1	Ридичи	Puduru
367	сверху 6	Alatagla	Alentackae
367	снизу 13	Kacktackylae	Kacktackylae
367	» 2	Teratevere	Terastvere
368	сверху 1	Torucstacvere	Torvestaevere
371	прим. 1	hemmestevere, hemmea kull и др.	Lemmestevere. Lemmiaküll и др.

371 (Здѣсь пропущены примѣчанія: 2) ibid n. 139, в.; 3) ibid. n. 849 и 4) ibid. n. n. 473, 475, a. а стоящія на ихъ мѣстахъ примѣчанія относятся по порядку къ концу этой и началу слѣд. страницы .

372	сверху 14	Катгольскій	Каткюльскій
372	» 17	деревни	деревню
373	» 7	при	три
373	снизу 1	находили	находимъ
375	сверху 10	которыми	которымъ

376 (Примѣчаніе первое нужно отнести къ слову «закладкѣ» въ текстѣ. примѣчаніе второе поставить на мѣсто перваго и т. д).

377	снизу 15	Штольпе	Штольпе
377	прим. 4	n. 624	n. 642
378	сверху 5	Виргоской	Воргоской
378	» 8	Гутьань	Гутвалъ
378	прим. 2	af Tunl.	af Finl.
382	сверху 4	домовой	долговой
382	» 5	заимодавца	заимодавицы
385	прим. 7	одни просто написали, «что	одинъ просто написалъ, что «
387	снизу 7	его	ею
390	» 5	мы не	мы
399	сверху 11	, какъ и	— папѣ, и

405 (пропущенъ стихъ 1407: nâch gotelichem rûme)

406	сверху 7	въ 1230	въ 1236
406	» 9	короны	куроны
414	снизу 15	Сгаллѣ	Сіаллѣ
419	сверху 2	нѣмецъ	не нѣмецъ
419	снизу 5	безуспѣшное	безутѣшное